ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАСТИКИ

АЙЗЕК АЗИМОВ

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ

Галактическая империя

Айзек Азимов

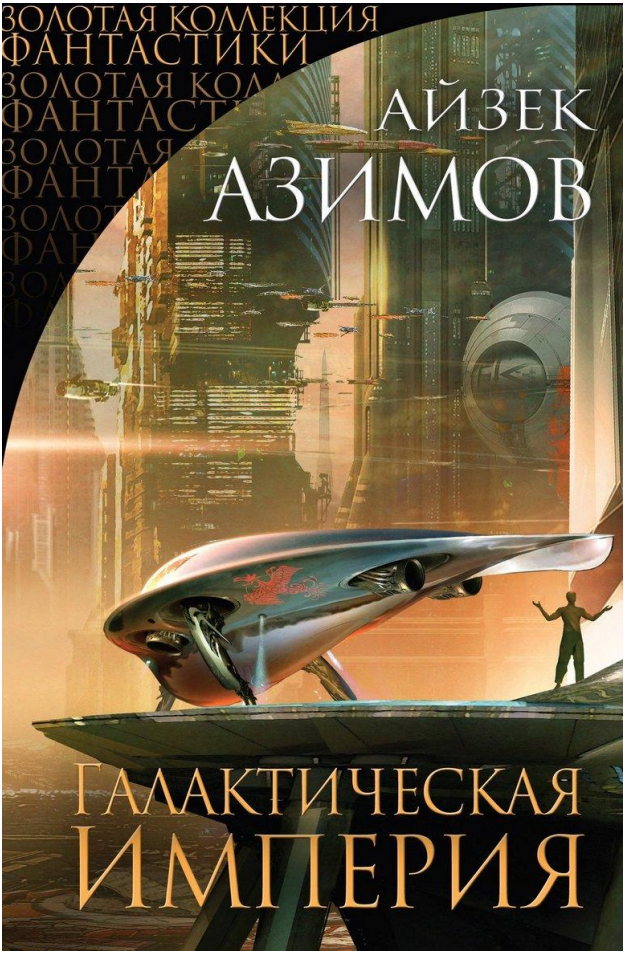
Аннотация
Айзек Азимов. Галактическая Империя
Звезды как пыль
Глава 1. Шелестящая спальня
Глава 2. Нить в пространстве
Глава 3. О часах и случайностях
Глава 4. Свободен?
Глава 5. Не самая удачная ситуация
Глава 6. Носители корон
Глава 7. Виртуоз мысли
Глава 8. Женские юбки
Глава 9. И мужские брюки
Глава 10. Возможно!
Глава 11. Или невозможно
Глава 12. Прибытие Автарха
Глава 13. Автарх решает остаться
Глава 14. Отъезд Автарха
Глава 15. Дыра в пространстве
Глава 16. Преследователи
Глава 17. И преследуемые
Глава 18. Стремиться к победе…
Глава 19. …И потерпеть поражение

Глава 20. Где?
Глава 21. Здесь?
Глава 22. Там!
Космические течения
Пролог
Глава 1. Найденыш
Глава 2. Староста
Глава 3. Библиотекарь
Глава 4. Бунтарь
Глава 5. Ученый
Глава 6. Посол
Глава 7. Патрульный
Глава 8. Леди
Глава 9. Нобиль
Глава 10. Беглец
Глава 11. Капитан
Глава 12. Детектив
Глава 13. Яхтсмен
Глава 14. Перебежчик
Глава 15. Пленник
Глава 16. Обвиняемый
Глава 17. Обвинитель
Глава 18. Победители
Эпилог
Камешек в небе
Глава 1. Между двумя шагами

Глава 2. Как использовать пришельца
Глава 3. Один или множество миров?
Глава 4. Великая дорога
Глава 5. Доброволец поневоле
Глава 6. Ночные страхи
Глава 7. Разговор с сумасшедшими
Глава 8. Встреча в Чике
Глава 9. Конфликт в Чике
Глава 10. Интерпретация событий
Глава 11. Ум, который изменился
Глава 12. Ум, который убивает
Глава 13. Паучья сеть в Вашене
Глава 14. Вторая встреча
Глава 15. Потерянное преимущество
Глава 16. Реши, на чьей ты стороне!
Глава 17. Измени решение!
Глава 18. Дуэль
Глава 19. У роковой черты
Глава 20. Роковая черта
Глава 21. За роковой чертой
Глава 22. Лучшее ждет впереди

Аннотация

С тех пор как человечество вышло в космос, прошли века. Теперь человеческая цивилизация охватывает всю галактику, все двести миллионов планет. Все эти миры объединены в Галактическую Империю. Столица империи — гигантский мегаполис, покрывающий всю поверхность планеты Трантор. Это административный и культурный центр всего человечества. Прародина, планета Земля, позабыта, ее жители влачат жалкое существование посреди радиоактивных руин. Никто не ожидает, что именно там возникнет заговор, от которого содрогнется Империя.


ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАСТИКИ
АЙЗЕК АЗИМОВ
ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ

С тех пор как человечество вышло в космос, прошли века. Теперь человеческая цивилизация охватывает всю галактику, все двести миллионов планет. Все эти миры объединены в Галактическую Империю. Столица империи — гигантский мегаполис, покрывающий всю поверхность планеты Трантор. Это административный и культурный центр всего человечества. Прародина, планета Земля, позабыта, ее жители влачат жалкое существование посреди радиоактивных руин. Никто не ожидает, что именно там возникнет заговор, от которого содрогнется Империя.

АЙЗЕК

АЗИМОВ

Галактическая Империя

Москва
2019

Isaac Asimov
TRANTORIAN EMPIRE

The Stars, Like Dust
Copyright © 1951, 1983 by the Estate of Isaac Asimov
The Currents of Space
Copyright © 1952, 1980 by the Estate of Isaac Asimov
The Pebble in the Sky
Copyright © 1950, renewed 1978 by the Estate of Isaac Asimov
Дизайн серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на обложке *Анатолия Дубовика*

Москва
2019

© И. Ткач, Г. Л. Олди, перевод на русский язык, 2019
© С. Резник, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Айзек Азимов
Галактическая Империя

Звезды как пыль
Глава 1
Шелестящая спальня

Спальня вкрадчиво шелестела. Звук был едва слышим, однако вполне отчетлив: в нем шуршала смерть.

Но не это разбудило Байрона Фаррилла и прервало его тяжелый мутный сон. Он беспокойно замотал головой из стороны в сторону, пытаясь отогнать от себя назойливое трещание, исходящее с дальнего конца стола.

Не раскрывая глаз, Байрон неуклюже поднял руку и взял трубку.

— Алло, — промямлил он.

Из трубки загремел голос. Он был резким и пронзительным, но Байрон был сейчас не в состоянии уменьшить громкость.

— Могу я поговорить с Байроном Фарриллом? — заорал голос.

Байрон раздраженно сказал:

— Говорите. Что вам нужно?

Голос настойчиво повторил:

— Могу я поговорить с Байроном Фарриллом?

Байрон открыл глаза, пытаясь вглядеться в темноту. Он одновременно ощутил неприятную сухость во рту и спертый воздух, заполнявший комнату.

— Говорите. Кто это?

Будто не слыша его, голос продолжал громко вопрошать:

— Есть здесь кто-нибудь? Мне необходимо поговорить с Байроном Фарриллом!

Байрон приподнялся, опираясь на локоть, тяжело встал и заковылял к слабо светившемуся экрану видеофона. Он нажал кнопку, и маленький экран ярко вспыхнул.

— Я здесь, — буркнул он, узнав в появившейся на экране фигуре Сандера Джоунти. — Но лучше бы ты дождался утра, Джоунти.

Рука его уже почти нащупала выключатель, когда Джоунти вновь заговорил:

— Алло! Алло! Есть здесь кто-нибудь? Это комната 526? Алло!

Внезапно Байрон понял, что датчик обратной связи не зажегся. Выругавшись, он в сердцах щелкнул выключателем, и экран погас. Силуэт Джоунти исчез, и лишь слабый лучик пробивался сквозь тьму.

Байрон вернулся в постель, натянул одеяло

на голову и зарылся в подушку. В нем закипело бешенство. Во-первых, никто не имеет права будить его среди ночи. Он бросил быстрый взгляд на циферблат стоявших у изголовья часов. Три часа пятнадцать минут. Свет в доме зажжется только через четыре часа.

Кроме того, ему не по душе просыпаться в совершенно темной комнате. За четыре года он не успел привыкнуть к земным постройкам — душным, не имеющим окон, с низкими потолками. Такова была дань тысячелетней традиции, уходящей корнями в древние времена, когда еще не изобрели защитное силовое поле, способное укрыть от взрыва примитивной атомной бомбы.

Но это все ушло в далекое прошлое. Атомное оружие нанесло Земле непоправимый ущерб. Большая часть была безнадежно заражена радиацией, и использование «грязных» территорий стало невозможным — и из-за этого на Земле царил режим строгой экономии, поддерживаемый автоматикой.

Вот почему пробуждению Байрона сопутствовала такая темень.

Байрон вновь приподнялся, опираясь на локоть. Странно. Он замер. Его насторожил отнюдь не тихий шелест спальни. Что-то неуловимое ви-

тало сейчас в заполнявшей комнату атмосфере.

В душном помещении не ощущалось ни малейшего движения воздуха. Он пытался сглотнуть слюну — и не мог. Атмосфера сгущалась с каждой секундой, и он понял причину происходящего. Вентиляционная система прекратила работать! Это ужасно расстроило Байрона. Он даже не может воспользоваться видеофоном, чтобы сообщить о случившемся!

Все же он решил предпринять попытку. Как и несколько ранее, экран засветился мягким матовым светом, отразившимся в хрустальных шариках, украшавших люстру. Видеофон принимал сигнал, но не мог передавать его. Ладно, к черту! Все равно до наступления утра никто ничего не сможет сделать.

Он зевнул, потирая кулаками опухшие веки. Что, дружище, плохо без вентиляции? До него донесся странный запах. Он шумно втянул носом воздух. Запах был знакомым, но Байрон не мог определить его природу.

Он направился в ванную, нажав при этом выключатель. Движение было чисто автоматическим: для того чтобы выпить стакан воды, свет совершенно не нужен. Выключатель щелкнул, но безрезультатно. Байрон попробовал включить

свет еще раз, затем снова — то же самое. Интересно, работает сегодня хоть бы ЧТО-НИБУДЬ?! Чертыхнувшись, он напился в темноте и почувствовал себя несколько лучше. Возвращаясь в спальню, он проверил по пути все имеющиеся в доме выключатели. Ни один из них не работал.

Байрон сел на кровать, уперся руками в колени и принялся размышлять. Случившееся могло стать вполне подходящим поводом, чтобы поставить на место распоясавшийся обслуживающий персонал. Никто не ждет от гостиничных служащих воспитания в духе пансиона благородных девиц, но все же существуют какие-то нормы поведения!.. Впрочем, плевать! Через три дня он покинет и эту комнату, и Университет Земли, и саму Землю.

Все же он мог бы сообщить о случившемся. Для этого нужно только выйти и воспользоваться телефоном, стоящим в холле. Тогда они могли бы включить аварийное освещение, а возможно, и систему кондиционирования, и он сумел бы заснуть без этих кошмарных психосоматических ощущений. Ну а если нет — пусть все катится к чертовой матери! Осталось каких-нибудь две ночи.

Слабое мерцание экрана видеофона помогло

ему найти брюки. Натянув их и прикрыв туловище футболкой, он решил, что достаточно экипирован, и двинулся к двери, громко шаркая шлепанцами. Звуконепроницаемое покрытие на полу исключало возможность разбудить соседей.

Подойдя к двери, он вдавил кнопку. Раздался характерный щелчок, после которого дверь обычно открывалась. Однако сейчас этого не произошло. Он надавил на дверь плечом, но даже его атлетическая мускулатура ничего не изменила.

Он отступил назад. Ситуация походила на фарс. Мог ли стать причиной происходящего сгоревший предохранитель? Нет, вряд ли… Электронные часы работали. Экран видеофона все еще светился.

Стоп! Это могли быть мальчишки с их дебильными шуточками. Так иногда случалось. Глупо, конечно, но он и сам в детстве принимал участие в подобных забавах. Это было несложно, и любой шалопай… Впрочем, когда он ложился спать, свет и вентиляция работали.

Значит, энергия отключилась ночью. И теперь придется ждать утра, чтобы кто-нибудь из персонала обнаружил причину, по которой старина Байрон не может даже выйти отсюда. Возможно, к обеду он все-таки сумеет покинуть это поме-

щение.

— Хо-хо, — прошептал Байрон, возвращаясь назад. Внезапно он задел ногой какой-то предмет, который с металлическим звуком ударился об пол. Байрон попытался рассмотреть его, но предмет закатился под кровать. Байрон достал его и принялся рассматривать.

Это был маленький цилиндрик с отверстием в верхней части. Он поднес находку к носу и чихнул. Так вот откуда шел странный запах! Вне сомнений, это хлороформ. Конечно, проделки мальчишек! Они рассчитывали, что он проспит всю ночь, предоставив им полную свободу действий.

Байрон мысленно попытался шаг за шагом воспроизвести происшедшее. Приоткрыть дверь было делом несложным. Потом в комнату подбросили цилиндр с хлороформом и захлопнули дверь. Препарат действовал медленно, однако через некоторое время его пары заполнили бы всю комнату. Тогда они смогли бы войти — разумеется, в масках. О боже! Даже влажный носовой платок способен в течение пятнадцати минут предохранить от действия хлороформа. Этого времени вполне хватило бы…

Теперь понятно, что произошло с вентиляцион-

ной системой. Ее отключили, чтобы хлороформ не выветрился слишком быстро. Сломанный видеофон не позволял ему попросить помощи извне; заблокированная дверь мешала выйти из помещения; отсутствие света должно было породить в его душе панику. Веселые детишки!

Байрон фыркнул. Случившееся — не более чем глупая шутка. Ему захотелось выломать дверь, и хорошо тренированные мускулы напряглись при одной мысли об этом. Но он знал, что игра не стоит свеч. Эти двери способны устоять даже при ядерном взрыве. ЧЕРТОВЫ ТРАДИЦИИ!

Но выход должен быть, и он найдет его. А для этого ему понадобится свет — настоящий свет, а не слабое свечение экрана видеофона. Последняя проблема решалась просто: в шкафу у него хранился карманный фонарик.

Нащупывая рукой замок шкафа, он на мгновение ужаснулся от мысли, что эта дверца тоже окажется заблокированной. Однако она подалась и отъехала в сторону. Байрон подмигнул сам себе. Они не догадались заблокировать дверцу шкафа! А может, им просто не хватило времени.

И вдруг, когда он уже держал фонарик и даже успел включить его, стройность его умозаключений резко поколебалась. Затаив дыхание, он

прислушался.

Лишь сейчас он уловил заполнивший спальню шелест. Он услышал приглушенный, едва уловимый шорох, напоминающий отдаленный разговор, и сразу же узнал эти звуки.

Их было невозможно не узнать. Звуки имели только одно значение: «Пришел конец света». Именно такой шелест звучал здесь тысячу лет назад.

Короче говоря, это был звук счетчика радиоактивности, определяющего уровень гамма-излучения. Прибор отсчитывал единственное, для чего был предназначен, — смерть!

Медленно, на цыпочках, Байрон двинулся назад. С расстояния шести футов он увидел белый луч, пробивающийся сквозь тьму. Там, в дальнем углу, находился счетчик, но его внешний вид ничего не говорил Байрону.

Счетчик находился здесь с самого начала. Большинство студентов, прибывших на Землю из Внешних Миров, в первую же неделю приобретали подобный счетчик. Все они знали о необходимости предохранения от царившей на Земле радиации. Правда, вскоре они благополучно забывали о приборе, но Байрон оказался не столь беспечен, за что и благодарил сейчас небо.

Он пошарил рукой по столу, ища оставленные там с вечера наручные часы. Те оказались на месте. Когда он осветил циферблат лучом фонарика, рука его слегка задрожала. Стекло часов — даже не стекло, а пластик, очень твердый и обычно прозрачный, как слеза, оказался БЕЛЫМ. Он отвел руку с часами и взглянул на циферблат под другим углом.

Тот остался БЕЛЫМ.

Байрон вспомнил инструкцию. Индикатором сильного радиационного заражения был голубой цвет, и именно он ассоциировался на Земле со смертью. Как только индикатор загорался голубым светом, владелец счетчика, по земным законам, должен был немедленно отправиться в больницу для прохождения лечения. Это правило никогда не нарушалось. Врачи с помощью фотоэлектрических приборов изучали интенсивность свечения и определяли степень заражения.

Ярко-голубой цвет нес в себе смерть. Он был необратим, как и происшедшие в человеке изменения; он не оставлял надежды. Человеку оставалось только ждать несколько дней или несколько недель. Единственное, чем теперь могли ему помочь в больнице, — тщательно подготовиться к кремации.

Но сейчас свет был белым, и у Байрона отлегло от сердца.

Уровень радиоактивности не слишком велик. Что это — обратная сторона шутки? Поразмыслив, Байрон засомневался. НИКТО не стал бы шутить таким образом. Особенно на Земле, где за незаконное хранение радиоактивных материалов заключали в тюрьму. Здесь, на Земле, весьма серьезно относятся к радиации. Для этого имеются достаточно весомые основания.

Ему пришла в голову мысль о преднамеренном убийстве. Но почему? Для этого не было никаких причин. Прожив на свете двадцать три года, он не нажил ни одного серьезного врага, который мог бы желать его смерти.

Байрон пригладил взъерошенные волосы. Мысль о врагах раздражала его, да и повода думать так не было. Он вновь вернулся к шкафу. Там должно было находиться то, что излучало радиоактивные частицы; что-то такое, чего еще четыре часа назад там не было.

Нужный предмет сразу же бросился ему в глаза. Маленькая коробочка, ни одна из граней которой не превышала шести дюймов. Байрон узнал ее, и губы его задрожали. Он слышал о подобных вещах, хотя видеть ему такие штуки до сих пор

не приходилось. Он направил счетчик на дверь спальни. Шелест слегка утих, потом и вовсе прекратился. Но как только Байрон поднес часы к коробочке, счетчик заработал вновь. Сомнений не оставалось.

В шкафу пряталась радиационная бомба.

Уровень радиации пока не являлся смертельным; это был только детонатор. Где-нибудь снаружи коробочки находилась и сама атомная бомба. Пока что содержащиеся в ней изотопы находятся в состоянии покоя, но при определенных условиях может произойти взрыв, и тогда смертоносный поток радиоактивного излучения убьет все живое в радиусе шести миль от эпицентра взрыва.

Как определить время взрыва?! Это может случиться через несколько часов или в следующую секунду. Руки Байрона беспомощно повисли вдоль туловища, фонарик упал на пол. Ужасная истина оглушила его.

Он должен был умереть.

Умирать Байрону не хотелось, но он не мог найти выход из создавшейся ситуации.

Он припомнил расположение комнаты. Она находилась в конце коридора. Напротив нее, а также сверху и снизу были другие комнаты.

Комната сверху ничем не могла оказаться ему полезной. Соседняя комната на этом же этаже граничила своей ванной с его ванной, что тоже не могло помочь.

Оставалась комната снизу.

В помещении было несколько складных стульев. Байрон взял один из них. Размахнувшись, он ударил им об пол. Стул глухо стукнул. Байрон методично стал наносить удары, с каждым разом все сильнее и сильнее. Ему было необходимо разбудить спящего соседа. Не прерывая своих усилий, Байрон обдумывал, в каких выражениях извинится перед соседом за причиненное беспокойство.

Внезапно до него донесся слабый шум, и он замер, занеся стул над головой. Шум повторился. Он исходил от входной двери.

Байрон опустил стул и вслушался в темноту, ожидая услышать шум открывающейся двери.

Кто-то из-за двери окликнул его по имени.

— Фаррилл! Фаррилл! — И потом: — Ты здесь? С тобой все в порядке?

— Не входите! — крикнул он. До его сознания вдруг дошло, что при открывании двери бомба может взорваться.

Видимо, его услышали, и тяжелые шаги зазву-

чали, удаляясь в глубь коридора.

Раздался громкий щелчок, и воздух в комнате сотрясла вибрация. За ней последовал взрыв, сорвавший дверь с петель. Вспышка яркого света осветила коридор.

Лежащий на полу Байрон раскинул руки в стороны и закричал:

— Не входите! Во имя всего святого, не входите! Это бомба!

Перед ним возникли силуэты двух мужчин. Одним из них был Джоунти. Другим — Эсбек, комендант здания, полуголый и злой.

— Бомба? — недоверчиво переспросил он.

Но Джоунти перебил его:

— Какого типа?

В руке его был бластер. Байрон ощутил нелепость ситуации.

Байрон сумел лишь пожать плечами.

— Ладно, — пробормотал Джоунти с рассеянным видом и обратился к коменданту: — Будет лучше, если вы немедленно эвакуируете всех живущих в этом крыле общежития и перекроете коридоры. Я бы не советовал вам дожидаться наступления утра.

Потом Джоунти повернулся к Байрону:

— Радиус ее действия составляет не менее двух-

сот футов. Как она сюда попала?

— Не знаю, — ответил Байрон, вытирая тыльной стороной ладони выступивший на лбу пот. — Если ты не возражаешь, я бы с удовольствием присел.

Он заметил, что его часы остались на столе, и ощутил дикое желание вернуться за ними.

В коридоре сновали разбуженные студенты. Они покидали свои комнаты.

— Идем со мной, — приказал Джоунти. — Будет лучше, если мы поскорее уберемся отсюда.

— Как ты оказался здесь? — спросил Байрон. — Только не сочти мое любопытство проявлением неблагодарности, ладно?

— Я звонил тебе. Никто не ответил, и я решил, что должен проведать тебя.

— Проведать меня? — Байрон попытался скрыть охватившую его тревогу. — Зачем?

— Чтобы предупредить о том, что твоя жизнь в опасности.

Байрон нервно засмеялся:

— Это я уже ощутил.

— Это была лишь первая попытка. Они предпримут и другую.

— Кто «они»?

— Не здесь, Фаррилл, — возразил Джоунти. —

Для этого мы должны уйти отсюда. Я хочу быть уверенным, что нас никто не слышит. Ты теперь под колпаком, и я должен заботиться о собственной безопасности.

Глава 2
Нить в пространстве

Комната отдыха была пуста; в ней царила темнота. Вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову заглянуть сюда в половине пятого утра. Но Джоунти выжидал, прислушиваясь к отдаленному шуму.

— Нет, — наконец решился он. — Мы не будем включать свет. Для того, что я хочу сказать тебе, он не нужен.

— За сегодняшнюю ночь я по горло сыт темнотой, — проворчал Байрон.

— Мы не будем закрывать дверь.

Спорить Байрону не хотелось. Он плюхнулся в ближайшее кресло, оказавшись лицом к тускло освещенному дверному проему. Теперь, когда все кончилось, на него навалилась смертельная усталость.

Джоунти тем временем занимался странным на первый взгляд делом: он подпер дверь своей

модной тростью таким образом, что ее набалдашник освещался проникающим светом.

— Не спускай с нее глаз, — велел он. — Она даст нам понять, когда посторонний человек приблизится к двери.

Байрон вяло заметил:

— Мне совершенно не хочется играть в конспираторов. Если ты намерен что-нибудь сказать мне — говори. Я знаю, что ты спас мне жизнь, и завтра буду в состоянии высказать тебе мою благодарность. Но сейчас все, что мне нужно, — это немного выпивки и много отдыха.

— Я вполне понимаю твое состояние, — сочувственно произнес Джоунти, — но если я позволю тебе сейчас терять время на отдых, то последствия этого легкомыслия трудно себе представить. Мне хотелось бы объяснить тебе, что именно я имею в виду. Тебе известно, что я знаком с твоим отцом?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Байрон чуть было не подскочил в кресле. После паузы он сказал:

— Отец никогда не рассказывал об этом.

— Я был бы удивлен, если бы он стал рассказывать. Я был известен ему под другим именем. Кстати, ты что-нибудь знаешь о своем отце?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ему угрожает большая опасность.

— ЧТО?!

Джоунти молитвенно сложил руки:

— Пожалуйста, не кричи так!

Байрон понял, что все это время они разговаривали шепотом.

Джоунти продолжал:

— Постараюсь объяснить тебе. Твой отец заключен под стражу. Ты понимаешь, что это значит?

— Пока не совсем. КТО заключил его под стражу и что ты имеешь в виду? Или ты решил, что мне мало сегодняшних волнений?!

Голос Байрона задрожал. Хлороформ и близость смерти не шли ни в какое сравнение со словами сидящего рядом с ним невозмутимого денди.

— Неужели, — продолжал тот, — тебе ничего не известно о работе, которую выполнял твой отец?

— Если ты знаешь моего отца, то знаешь и то, что он — скотовод с Вайдемоса. Это его работа.

Джоунти улыбнулся:

— Конечно, ты вовсе не обязан доверять мне, хоть я и рисковал из-за тебя своей жизнью. Но мне уже ясно, что ты скажешь. Я знаю гораздо больше. Мне, например, известно, что твой отец участвовал в заговоре против Тирании.

— Я возражаю, — раздраженно запротестовал Байрон. — Услуга, которую ты оказал мне этой ночью, не дает тебе права делать подобные умозаключения о моем отце.

— Ты глуп, дружок, и мы даром теряем время. Я знаю, что говорю. Тирания арестовала твоего отца, и он может умереть.

— В это невозможно поверить, — Байрон привстал с кресла.

— Мне это доподлинно известно.

— Давай прекратим это, Джоунти. Я уже давно не верю в сказки, и поэтому…

— Продолжай, — голос Джоунти зазвучал насмешливо. — Как ты думаешь, зачем я рассказываю тебе все это? Позволь напомнить, что только моя осведомленность, в которую ты не веришь, позволила мне предотвратить попытку убить тебя. Здравый смысл изменяет тебе, Фаррилл.

— Начни сначала и объясни мне все подробно. Я слушаю тебя, — прошептал Байрон.

— Прекрасно. Уверен, что ты считаешь меня деревенским простачком из Королевства Космической Туманности, хотя на самом деле я прибыл с Веги.

— Я предполагал это по твоему акценту. Но дан-

ный факт не казался мне достойным внимания.

— Тем не менее это важно, друг мой. Я прибыл сюда, потому что, как и твой отец, не люблю Тиранию. Более пятидесяти лет Тираны угнетают наш народ. Это продолжается слишком долго.

— Я не интересуюсь политикой.

Джоунти возвысил голос:

— Поверь, я не принадлежу к числу эмиссаров, стремящихся вовлечь тебя в неприятности. Я только хочу, чтобы ты знал правду. Год назад они поймали меня так же, как сейчас — твоего отца. Но мне удалось сбежать и добраться до Земли, где, как мне казалось, я буду в безопасности, пока не придет время вернуться. Вот то, что ты должен знать обо мне.

— Сэр, вы рассказали мне гораздо больше, чем я мог надеяться, — Байрон не смог скрыть неприязни к собеседнику. Претенциозные манеры Джоунти действовали ему на нервы.

— Понимаю. Но ты должен знать это, потому что именно благодаря всему, мною сказанному, я встретил твоего отца. Он работал со мной, или, вернее, я с ним. И при этом твой отец выступал не как знатный дворянин с планеты Нефелос. Ты понимаешь меня?

Байрон кивнул.

— Да.

— Не стоит дальше углубляться в это. У меня прекрасные источники информации, и я знаю, что он арестован. Это правда. Покушение на твою жизнь — лишь подтверждение тому.

— Это почему же?

— Могут ли Тираны, схватившие отца, оставить на свободе сына?

— Ты хочешь сказать, что Тираны поместили бомбу в мою комнату? Полный бред!

— Отнюдь не бред! Попытайся поставить себя на их место. Тираны управляют пятьюдесятью мирами. В их распоряжении имеются самые различные средства. Они опутали пространство паутиной, которую невозможно разорвать. Не удивлюсь, если та же паутина тянется и на расстоянии пятисот световых лет от Земли.

Байрон все еще переживал свой ночной кошмар. До его слуха доносился шум из коридоров. Он почти физически ощутил, как шелестит в его комнате счетчик, и возразил своему собеседнику:

— В этом нет никакого смысла. В конце недели я собираюсь возвращаться на Нефелос. Они не могут не знать этого. Почему же им понадобилось убивать меня именно здесь? Чтобы заполучить меня, Тиранам пришлось бы всего лишь немного

подождать.

Собственная логика восхитила его.

Джоунти приблизился, и его дыхание коснулось виска Байрона.

— Твой отец популярен. Его смерть — Тираны отлично понимают это — может привести к самым пагубным последствиям, вплоть до массовых беспорядков. Возможен бунт, а ты, как новый Господин Вайдемоса, можешь возглавить его. Это не входит в их планы. Но если ты умрешь в каком-нибудь удаленном мире, это вполне удовлетворит их.

— Я не верю тебе! — Байрон все еще пытался сопротивляться.

— Ты заходишь слишком далеко, Фаррилл, — Джоунти расправил плечи. — Тебе не стоило бы полностью игнорировать услышанное. Твой отец, защищая тебя от действительности, сослужил тебе дурную службу. Думаю, ты не сумеешь оправдать его надежд. Ты просто не в состоянии ненавидеть Тиранию так, как ненавидит ее он. Ты не способен бороться с нею.

Байрон хмыкнул.

Джоунти продолжил:

— И все же здесь, на Земле, ты находишься не случайно. Это тоже может служить объяснением,

почему Тираны хотят убить тебя.

— Все это ужасно напоминает дешевую мелодраму.

— Да ну? Что ж, пусть так. Если ты не хочешь посмотреть правде в глаза, то позже будешь вынужден сделать это. Будут и другие попытки покушения на твою жизнь. Причем какая-нибудь из них может оказаться удачной. С сегодняшней ночи ты — мертвец, Фаррилл.

Байрон моргнул:

— Постой! А тебе-то какое до этого дело?

— Я патриот. Я мечтаю увидеть мое Королевство свободным. Я мечтаю о временах, когда его народ сам изберет себе правительство.

— Стоп! В чем твоя ЛИЧНАЯ заинтересованность? Я не верю в абстрактный идеализм, особенно если его проповедуешь ты. Прости, если я обидел тебя.

Последние слова прозвучали с откровенной издевкой.

Джоунти вновь присел и, как бы не замечая иронии, продолжил:

— Мои земли конфискованы. Все, что оставил мне в наследство мой отец, а ему — его отец, отобрали. Как ты думаешь, это достаточно серьезная причина для того, чтобы мечтать о революции?

Лидером восстания должен был стать твой отец. И ты предашь его?!

— Я? Но мне всего двадцать три года, и я ничего об этом не знаю. Поищи лучше кого-нибудь другого.

— Найти другого несложно, но он не будет сыном твоего отца. Если твоего отца убьют, то Господином Вайдемоса станешь ты, и поэтому мне нужен именно ты, даже если бы тебе было всего двенадцать лет и ты был бы полным идиотом! Ты мне нужен по той причине, по которой Тираны стремятся избавиться от тебя. И если ты не послушаешь меня, то угодишь им в лапы. Ведь бомба в твоей комнате БЫЛА! Ее подложили, чтобы убить тебя. Кто, кроме них, мог бы желать твоей смерти?

Джоунти замолчал в ожидании ответа.

— Никто, — прошептал Байрон. — Никто из тех, кого я знаю, не мог хотеть убить меня. Значит, все, что ты сказал о моем отце, — правда!

— Правда. Рассматривай это как объявление войны.

— Ты считаешь, что так будет лучше? Думаешь, благодарные народы когда-нибудь воздвигнут мне памятник? Один против ядерной заразы, находящейся на расстоянии десятков тысяч

миль отсюда! — Его голос окреп. — Думаешь, это осчастливит меня?

Джоунти выждал, но Байрон ничего не собирался прибавлять к сказанному.

— И что же ты намерен делать? — спросил Джоунти наконец.

— Намерен отправиться домой.

— Ты так ничего и не понял!

— Повторяю, я намерен отправиться домой. Чего ты хочешь от меня? Если отец еще жив, я постараюсь освободить его. А если он умер, я… я…

— Успокойся! — резко оборвал его Джоунти. — Ты рассуждаешь как младенец. Тебе не удастся вернуться на Нефелос. Ты не понимаешь этого? С кем я разговариваю — с сопляком или с юношей, знакомым со здравым смыслом?

— И что же ты предлагаешь? — тихо спросил Байрон.

— Знаком ли ты с Правителем Родии?

— Лучшим другом Тиранов? Я знаю его. Любой житель Королевства знает его. Хенрик V, Правитель Родии.

— Встречал ли ты его когда-нибудь?

— Нет.

— Именно на этом и строится мой план. Ты не знаешь этого человека, Фаррилл. Это настоящий

дьявол. Но если Тираны конфискуют Вайдемос, как это случилось с моими владениями, им завладеет не кто иной, как Хенрик.

— Почему?

— Потому что Хенрик имеет определенное влияние на Тиранов. И это может помочь нам.

— Не вижу, как именно. Скорее он передаст меня в их руки.

— Да, это в его духе. Но у тебя есть шанс избежать подобного финала. Помни, титул, который ты носишь, важен и почетен, но он не сможет служить тебе защитой. В любом заговоре бывает вождь, который ведет за собой всех. Твое имя привлечет на твою сторону людей, но тебе понадобятся деньги, чтобы удержать их. У тебя нет времени раздумывать. Оно прошло в тот момент, когда в твоей комнате оказалась бомба. Теперь наступила пора действий. Я могу дать тебе рекомендательное письмо Хенрику с Родии.

— Ты так близко знаком с ним?

— Никогда не делай поспешных выводов. Однажды, во главе посольства, я побывал при дворе Хенрика. Он наверняка не сможет вспомнить меня, но самолюбие не позволит показать этого. Таким образом, ты будешь представлен ему. Письмо я дам тебе завтра утром. В полдень на

Родию отправится корабль. Твой билет — у меня. Я отправлюсь туда же, но другим маршрутом. Отбрось сомнения. Ты сможешь справиться с этим.

— Но защита диплома…

— Пустая формальность. Это так важно для тебя?

— Уже нет.

— У тебя есть деньги?

— Да, достаточно.

— Отлично. Это лучше, чем если бы их было слишком много. — Речь Джоунти стала торопливой. — Фаррилл!

— Что?

— Возвращайся к остальным. Никому не сообщай о своем отъезде. Пусть поступки говорят сами за себя.

Байрон задумчиво кивнул. Где-то далеко в сознании промелькнула мысль, что его миссия обречена на провал и он не сможет спасти отца от гибели. Он не подготовлен к тому, что должно случиться. Ему слишком мало известно. Он может попасть в западню.

Но теперь, когда он знал правду, или, по крайней мере, большую ее часть, об участии отца в заговоре — ему был крайне нужен один документ, хранящийся в архивах здесь, на Земле.

Однако у него не было времени, чтобы искать документ. Не было времени спасти отца. Не было даже времени жить.

— Я сделаю все, как ты сказал, Джоунти.

Сандер Джоунти взглянул на него, и в его взгляде не было восхищения. Затем он сделал несколько шагов в сторону окна. Перед ним сверкнули огни ночного города. На горизонте виделись голубые вспышки — память прошедших войн.

Несколько секунд Джоунти всматривался в небо. Прошло более пятидесяти лет с тех пор, как Тирания положила конец мирному существованию его страны, разделив ее на два лагеря. Сейчас между ними пролегла пропасть. Однако всякая сила порождает еще большую силу. Действия Тиранов вызывали сопротивление. Организовать это сопротивление было длительным и сложным делом. Что ж, он засиделся на Земле. Пришла пора возвращаться. Там, дома, остались те, кто должен сейчас связаться с ним.

Он поспешил в свою комнату.

Войдя в комнату, Сандер сразу же уловил сигнал. Этот сигнал не могли засечь никакие локаторы, поэтому он не боялся. Звук шел к нему через гиперпространство, и источник его нахо-

дился на расстоянии полутора тысяч световых лет от Земли.

Приемопередающим устройством был он сам, его нервная система, его мозг. Он уловил повторяющийся через равномерные промежутки сигнал.

— …вызов… вызов… вызов… вызов… вызов…

Передать сигнал было несколько сложнее, чем принять его. Для этого требовалось полное сосредоточение. Помощь в этом могла оказать пуговица, которую он сейчас сжимал в кулаке. Она усиливала подаваемые мысленные сигналы.

— Я здесь!

Необходимости представляться не было.

Сигнал вызова плавно перешел в связную речь.

— Приветствуем вас, сэр. Захват Вайдемоса произошел. Хотя, конечно, эта новость еще не стала достоянием общественности.

— Меня это не удивляет. Кто-нибудь еще замешан в этом?

— Нет, сэр. Господин Вайдемоса не сделал ни одного заявления. Сильный и преданный человек!

— Да. Но нужно нечто большее, чем просто сила и преданность. Немного осмотрительности никому не помешает. Ладно, неважно! Я говорил с его сыном, новым Господином, который уже

оказался лицом к лицу со смертью. Он может быть нам полезен.

— Можно узнать, каким образом, сэр?

— Время покажет. Завтра он отправится на встречу с Хенриком с Родии.

— С Хенриком?! Юноша подвергает себя большому риску! Знает ли он о случившемся?

— Я сказал ему столько, сколько мог, — перебил говорящего Джоунти. — Пока мы не можем сказать ему большего. Пока он только человек, который рискует, — как, впрочем, и любой другой. Мы только используем его. Больше не вызывай меня на связь, поскольку я покидаю Землю.

И, не попрощавшись, Джоунти оборвал сеанс связи.

Он тщательно обдумал события сегодняшнего дня и особенно ночи, мысленно взвешивая каждое из них. Губы его растянулись в усмешке. Все складывалось превосходно; комедии было положено отличное начало.

Не оставалось НИКАКОЙ возможности для случайности.

Глава 3

О часах и случайностях

Первый час после взлета космического корабля, пожалуй, наиболее прозаичен для его пассажиров. Ими властно овладело состояние невесомости, подобно тому, как стремительный горный поток увлекает за собой поваленное дерево.

Конечно, полет связан не только с неудобствами: о вашем багаже позаботятся; протолкнувшись сквозь толпу желающих подобно вам улететь этим же рейсом, вы займете предназначенный вам отсек; затем наступит тишина, какая всегда воцаряется перед взлетом. В каждом отсеке вспыхнут красными буквами надписи на табло: «Пристегнуть ремни… Пристегнуть ремни…»

По коридорам промчатся стюардессы; постучав во все двери, они с очаровательной улыбкой напомнят вам: «Прошу прощения. Пристегнитесь, пожалуйста».

Затем внезапно взревут двигатели. Вас отбросит в кресле назад, потом вперед, и так будет происходить все время, пока корабль не наберет скорость. Тот, кто переживет эти минуты, может быть уверен, что «космическая болезнь» ему не угрожает.

В первые три часа полета кают-компания была закрыта для пассажиров, что оказалось неприятным сюрпризом не только для постоянных посетителей планетария (иными словами, для тех, кто еще не бывал в космосе), но и для более опытных путешественников.

Обозрение Земли из космоса, помимо всего остального, являлось одной из обязательных «традиций» туристов.

Кают-компания представляла собой прозрачную сферу, находящуюся на носу корабля. Сейчас она была переполнена людьми. Прижатые к стеклу лица были устремлены в одну точку — они не сводили глаз с удаляющейся от них Земли.

Земля находилась как раз под ними: гигантский оранжево-бело-голубой шар. Она была ярко освещена солнцем; четко просматривались континенты, испещренные зелеными прожилками и оранжевыми пятнами пустынь. Синели моря и океаны; в месте соединения их с горизонтом они были почти черными. А вокруг Земли в действительно черном небе сияли звезды. Они манили и притягивали к себе тех, кто смотрел на них.

Внезапно ночная тень наползла на земной шар, и огромная планета скрылась во тьме.

Скрылась во мраке больная, непригодная к

жизни Земля. Сквозь тень едва виднелись радиоактивные вспышки — память о тех временах, когда взрывами ядерных бомб было уничтожено целое поколение; о временах, когда еще только создавалось защитное силовое поле. С тех пор прошло много времени; ни один мир не смог бы теперь совершить подобное самоубийство.

Никто из пассажиров корабля не сводил с Земли глаз до тех пор, пока она не стала крошечной светящейся точкой, а потом и вовсе скрылась из виду.

Среди зрителей находился и Байрон Фаррилл. Он сидел в центральном ряду, положив руки на подлокотники; взгляд его был блуждающим и задумчивым. Не так хотел он расставаться с Землей. Этот способ был плохим, неправильным. Неправильными были космический корабль и пункт назначения.

Рукой он машинально провел по щеке и обнаружил, что забыл сегодня побриться. Ничего, он сможет сделать это, вернувшись в свой отсек. Байрон колебался — стоит ли уходить к себе. Здесь все-таки были люди. В своем отсеке он будет один.

А может, именно поэтому и нужно уходить?

У него возникло неведомое ранее ощущение,

что он — дичь и на него ведется охота. Новое ощущение оказалось не из приятных.

Похоже, в этом мире у него не осталось друзей. Они исчезли в тот самый момент, когда двадцать четыре часа назад он был разбужен телефонным звонком.

Даже в общежитии он мгновенно стал чужаком. Старина Эсбек, дождавшись его после беседы с Джоунти, был как никогда сух и официален.

— Мистер Фаррилл, я хотел бы переговорить с вами. Случившееся не более чем несчастный случай. Я не могу найти этому разумного объяснения. Возможно, у вас есть какие-нибудь соображения на этот счет?

— Нет! — чуть было не закричал Байрон. — Никаких! Могу ли я вернуться в свою комнату и забрать личные вещи?

— Это будет возможно лишь утром. Сейчас в комнате устанавливают специальное оборудование. Первые замеры показали, что уровень радиоактивности не превышает допустимого предела. Вам повезло. Все могло обернуться гораздо хуже.

— Да-да, разумеется, но я, с вашего позволения, хотел бы отдохнуть.

— Вы можете до утра воспользоваться моей

комнатой, а потом мы могли бы на оставшиеся дни переселить вас. Хммм… Кстати, мистер Фаррилл, мне кажется, что причина кроется в другом.

Он принял заговорщицкий вид. Голос его понизился до шепота.

— В чем же? — осторожно спросил Байрон.

— Знаете ли вы кого-нибудь, кто хотел бы вас проучить?

— Проучить меня ТАКИМ ОБРАЗОМ? Конечно, нет.

— Каковы в таком случае ваши планы? Авторитету школы, несомненно, повредит огласка происшедшего с вами инцидента.

На слове «инцидент» он сделал ударение. Байрон раздраженно ответил:

— Я понимаю вас. Не беспокойтесь. Мне не нужен ни следователь, ни полиция. Скоро я собираюсь покинуть Землю, и мне не хотелось бы нарушать свои планы. Я никуда не буду жаловаться. Ведь главное, что я все еще жив!

Эсбек с нескрываемым облегчением вздохнул. Именно этого они и хотели! Никаких неприятностей. Инцидент был как бы забыт.

Байрон попал в свою комнату только в семь часов утра. Там было тихо. Бомба отсутствовала,

счетчик — тоже. Наверное, Эсбек забрал их и утопил в озере. Улики уничтожены. И свет, и видеофон вновь работали. Лишь дверь с выломанным замком напоминала о случившемся.

Ему предоставили другую комнату. Там, приняв меры предосторожности, Байрон вызвал по телефону воздушное такси. Он полагал, что его никто не видит. Пусть себе решают загадку, как он исчез!

В аэропорту он встретил Джоунти, и тот подал знак. Они делали вид, что не знакомы друг с другом, но Джоунти успел незаметно передать Байрону маленький черный шарик, оказавшийся персональной капсулой, и билет до Родии.

Байрон несколько мгновений рассматривал капсулу. На ней не было никакой пломбы. Позже, в комнате, он прочел послание. Это было коротенькое рекомендательное письмо, не более того.

Мысли юноши задержались на особе Сандера Джоунти. До появления того в комнате Байрона в роковую минуту они были едва знакомы. Байрон знал его имя, они обменивались кивками при встрече — вот и все. Джоунти не нравился ему, его безукоризненные манеры, холодность и вычурная одежда раздражали Фаррилла. Но это не

имело ничего общего с происходящими сейчас событиями.

Байрон почти физически ощутил присутствие Джоунти. Этот человек — мастер создавать ситуации. Он знал, что будет делать сам, знал, что будет делать Байрон, мог заставить Байрона делать все, что сочтет нужным. И вот Байрон один и чувствует себя как никогда маленьким, беспомощным и испуганным.

Он пытался переключиться на мысли об отце. Но это не помогло.

— Мистер Мэлейн!

Имя повторили два или три раза, прежде чем Байрон сообразил, что именно это имя стояло на переданном ему Джоунти билете. Его вымышленное имя. На это имя была забронирована каюта для него.

— Я Мэлейн. В чем дело?

Голос обращающегося к нему человека в форме члена экипажа был лишен каких бы то ни было эмоций.

— Должен сообщить вам, что номер вашей каюты изменен и что ваш багаж уже перенесен. Вот ваш новый ключ. Надеюсь, это не слишком расстроит вас.

— Что это значит? — Байрон так резко поднялся

с кресла, что несколько пассажиров по соседству устремили на него удивленные взгляды. — С чем это связано?

Гнев овладел им. Его чуть не убили; потом вынудили покинуть Землю, подобно преступнику; он направлялся туда-не-знаю-куда, чтобы делать там то-не-знаю-что; а теперь им еще вздумалось гонять его взад-вперед по кораблю. Это был предел.

— Мне нужен капитан, — заявил он.

— Пожалуйста, как вам угодно. — И после коротких переговоров по крошечной рации: — Вас вызовут. Ждите.

Капитан Хирм Горделл был маленьким крепышом. Он подчеркнуто уважительно принял возмущенного пассажира.

— Мистер Мэлейн, — зачастил он, — очень жаль, что пришлось побеспокоить вас.

Капитан ослепительно улыбнулся.

— Очень сожалею, — сказал Байрон, — но, насколько мне известно, если каюта забронирована, то никто, и даже вы, сэр, не имеете права выселить меня из нее.

— Простите, мистер Мэлейн! Но поймите, это совершенно вынужденная мера! В последнюю минуту на борт прибыла одна важная персона и

попросила разместить ее поближе к гравитационному центру судна. У этого человека больное сердце, и он не в силах перенести высокий гравитационный порог. У нас не было выбора.

— Но почему вы остановились на мне?

— Ну, кто-то ведь должен был… Вы путешествуете в одиночестве, вы молоды, вам не страшна гравитация. — Его глаза оценивающе скользнули по атлетической фигуре собеседника. — Более того, я уверен, что ваша новая каюта покажется вам куда более привлекательной, чем старая. Вы совершенно ничего не потеряете. Совершенно!

Капитан шагнул в сторону Байрона.

— Позвольте мне лично показать вам ваши новые апартаменты!

Спорить Байрону не хотелось. Доводы капитана выглядели убедительно.

Они вышли из капитанской рубки. По дороге капитан спросил:

— Вы не могли бы составить мне компанию за ужином завтра вечером? К этому времени мы уже совершим наш первый Прыжок.

— Благодарю. Весьма польщен, — ответил Байрон.

Странно, подумал он. Наверняка капитан хочет проследить за ним, но слишком уж рьяно он

берется за дело!

Длинный стол капитана занимал целую стену в салоне. Байрон, единственный из сидящих за столом, был без галстука; он занимал место в центре. Перед ним находилась табличка с указанием его имени. Ошибки не было — слуги капитана были отлично вышколены.

Байрон не страдал излишней скромностью. Он — сын Господина Вайдемоса, и этим все сказано. Но здесь он являлся Байроном Мэлейном, простым смертным, и должен был делать вид, что потрясен и восхищен.

Капитан оказался совершенно прав, говоря, что его новое жилище значительно лучше старого. Прежняя комната была обычной каютой второго класса, новые же апартаменты состояли из двух комнат. Здесь имелась и ванная комната, оборудованная всем на свете, вплоть до воздушного полотенца.

Теперь он находился рядом с «офицерским отсеком» и повсюду натыкался на людей в форме. Завтрак подали ему в каюту на серебряном подносе. Перед обедом внезапно появился парикмахер и предложил свои услуги. Вероятно, так и должно быть, если путешествовать в каюте «люкс», но для Байрона Мэлейна подобные излишества

были слишком шикарными.

Перед появлением парикмахера Байрон как раз вернулся с прогулки по кораблю. Он сделал для себя неожиданное открытие. Гуляя, он наткнулся на свою прежнюю каюту — 140Д — и вдруг обнаружил, что в кармане все еще лежит ключ от нее.

Он остановился, чтобы прикурить сигарету, надеясь втайне, что нынешний жилец этой каюты по какой-нибудь надобности выйдет в коридор. Подождав немного, он нажал кнопку светового звонка на двери. Никто не откликнулся.

Тогда Байрон достал из кармана ключ — на вид простую алюминиевую пластинку — и вставил его в замок. Фотоэлемент сработал, и дверь отворилась. Он шагнул внутрь.

Дверь за его спиной бесшумно закрылась. Он сразу же понял одну вещь. Его старая каюта пустовала. Не было никакой важной персоны с больным сердцем. Постель на кровати выглядела новенькой; нигде никаких следов пребывания кого бы то ни было.

Так что роскошь, в которой его поселили, была лишь предлогом, чтобы заставить его покинуть прежнюю каюту. Они не хотели, чтобы он оставался здесь. Почему? Что их интересовало:

комната или он сам?

И вот он сидел за капитанским столом, а в голове у него роились неразрешенные вопросы.

Вошел капитан; все, включая Байрона, встали ему навстречу. Капитан прошел вдоль стола и занял свое место.

ЗАЧЕМ они переселили его?

На корабле играла музыка; стена, разделяющая салон и кают-компанию, была раздвинута. Мягко светился оранжево-красный свет. Салон был полон народу.

Капитан оглядел сидящих за столом и обратился к Байрону:

— Добрый вечер, мистер Мэлейн. Как вам понравилась ваша новая каюта?

— Она прекрасна, даже слишком. Самое лучшее, что я видел в своей жизни. — Байрон произнес тираду невыразительным голосом и заметил, что капитан бросил на него пристальный взгляд.

Подали десерт, и почти одновременно погас свет. Глазам пассажиров открылась великолепная картина. Они увидели Млечный Путь — захватывающее зрелище сияющей диагональной дороги среди звезд.

Разговоры стихли. Заскрипели отодвигаемые стулья, и все головы обратились лицом к звездам.

Что-то мягко шептала музыка.

Над головами зазвучал голос:

— Леди и джентльмены! Мы готовы к нашему первому Прыжку. Большинство из вас, я думаю, знают хотя бы теоретически, что такое Прыжок. Многие здесь — кажется, больше половины — еще никогда не ощущали его. Именно к ним мне и хотелось бы обратиться.

Прыжок — это именно то, что заложено в слове, его обозначающем. В цепи «время — пространство» невозможно двигаться со скоростью, превышающей скорость света. Это простейший закон, открытый в глубокой древности великим Эйнштейном. Но даже при скорости света понадобится много лет, чтобы добраться до звезд.

Теперь давайте отвлечемся от связи «время — пространство» и перейдем к мало известному понятию «гиперпространство», где время и расстояние не имеют различий. В этом «пространстве без пространства», как его иногда называют, таятся гигантские накопления энергии, и наука научилась переносить часть ее в определенную точку обыкновенного пространства. Эта энергия такова, что дает возможность преодолевать большие расстояния в нулевой отрезок времени. Это тот самый Прыжок, который делает возможным

межзвездные путешествия.

Мы с вами совершим Прыжок через десять минут. Вас предупредят об этом. Вы ощутите не более чем секундный дискомфорт, но, надеюсь, при этом все будут сохранять спокойствие. Благодарю за внимание.

На корабле погасли все огни, и только звезды за окнами ярко сияли во тьме.

Казалось, время тянется бесконечно. Внезапно вновь зазвучал тот же голос:

— Через одну минуту мы с вами совершим Прыжок. Пятьдесят… сорок… тридцать… двадцать… десять… пять… четыре… три… два… один…

Мир на мгновение перестал существовать. Будто бомба, взорвавшись внутри каждого пассажира, разворотила их сознание и тело.

В это же самое мгновение, за долю секунды, была преодолена тысяча световых лет, и корабль, находившийся раньше на краю Солнечной системы, мчался теперь в глубинах межзвездного пространства.

Кто-то неподалеку от Байрона воскликнул:

— Взгляните на звезды!

Жизнь вернулась к обитателям большой комнаты, и за столом прошелестело:

— Звезды! Смотрите!

Вид звезд был теперь совершенно иным. Центр великой Галактики, удаленный от Земли на триста тысяч световых лет, сейчас приблизился, и звезд стало меньше. Они были разбросаны в черном пространстве, излучая при этом холодный свет.

Байрон, сам того не желая, вспомнил вдруг сентиментальное стихотворение, написанное им в восемнадцатилетнем возрасте под воздействием своего первого космического полета; он тогда направлялся на ту самую Землю, которую покинул сейчас столь поспешно. Губы его беззвучно зашевелились:

Звезды как пыль окружают меня,

В небе не сыщешь прекрасней огня…

Вновь зажегся свет, и Байрон очнулся. Он по-прежнему находился в салоне космического корабля, и сидящие с ним за одним столом люди разговаривали на самые прозаические темы.

Он взглянул на часы и долго не мог отвести от них взгляда. Эти часы он оставлял ночью в ванной; они уцелели после происшествия с бомбой, и с тех пор он неоднократно смотрел на них. Неужели он мог не заметить то, что они пытались сказать ему?

Стекло на них было БЕЛЫМ, а не голубым. ОНО БЫЛО БЕЛЫМ!

События этой ночи внезапно стали на свои места. Удивительно, как один факт способен перевернуть отношение к происходящему!

Он резко встал, бормоча себе под нос слова извинения. Покинуть стол до ухода капитана было нарушением этикета, но его это мало волновало сейчас.

Он спешил в свою комнату, перескакивая через несколько ступенек, впопыхах забыв, что можно воспользоваться лифтом. Он влетел в каюту и первым делом осмотрел ванную и встроенный туалет. Он не очень надеялся поймать кого-либо. То, что они могли сделать, они уже давно сделали.

Байрон тщательно исследовал свой багаж. Отличная работа! Не оставляя никаких следов, они похитили его документы, пачку писем от отца, даже капсулу с письмом к Хенрику с Родии.

Так вот зачем им понадобилось переселять его! Их не интересовала ни старая, ни новая комната; им был важен сам процесс перемещения. В их распоряжении оказалось около часа времени, чтобы рыться в его багаже и совершить то, что они совершили.

Байрон ничком упал на кровать и постарался сосредоточиться. Отличная поездка! Спланировано ВСЕ без исключения! Если бы не часы, он даже не смог бы догадаться о том, как прочны сети, которые сплела в космосе Тирания.

Раздался звонок в дверь.

— Войдите, — сказал Байрон.

Это был стюард, который вежливо сказал:

— Капитан хотел бы узнать, не может ли он чем-нибудь помочь вам. Вы выглядели не вполне здоровым, когда вставали из-за стола.

— У меня все в порядке, — ответил Байрон.

Какова слежка! Он понял, что ему не оставили выбора и что корабль неуклонно везет его к гибели.

Глава 4
Свободен?

Сандер Джоунти холодно встретил взгляд собеседника.

— Говоришь, что-то пропало?

Ризетт провел рукой по щеке.

— ЧТО-ТО пропало. Не знаю, что именно. Думаю, это тот документ, который нам нужен. Мы знаем о нем одно: он датируется две тысячи

пятнадцатым годом по примитивному земному календарю и он представляет опасность.

— Можем ли мы быть уверены, что пропавший документ — то, что нам нужно?

— Вполне. Он охраняется по приказу правительства Земли.

— Ерунда. Земляне охраняют любой документ, связанный с догалактическим периодом. Это одна из их идиотских традиций.

— Но этот документ — особый случай. Ведь он похищен, а они продолжают охранять пустую папку.

— Представляю их лица, когда они обнаружат пропажу своей жалкой реликвии! Хотя мне и не нравится, что документ у молодого Фаррилла. Я надеялся, что после обыска он окажется в твоих руках.

— У мальчишки документа нет, — улыбнулся его собеседник.

— Откуда тебе это известно?

— Потому что документ похищен более двадцати лет назад.

— Что?!

— Его никто не видел более двух десятилетий.

— Ложь. Повелитель узнал о нем всего шесть месяцев назад.

— Тогда девятнадцать с половиной лет назад его похитил кто-нибудь другой.

Джоунти на мгновение задумался, потом сказал:

— Ладно, это неважно.

— Почему же?

— Я давно нахожусь на Земле. И если до моего прибытия сюда я еще мог поверить, что на Земле способна храниться какая-нибудь серьезная информация, то сейчас очень в этом сомневаюсь. Ну, посуди сам: когда Земля была единственной населенной планетой Галактики, она имела лишь примитивное вооружение. Самое серьезное оружие, которым располагали земляне, — малоэффективные атомные бомбы, и они не смогли даже от них создать элементарной защиты. — Он указал рукой на горизонт, где то и дело возникали голубые радиоактивные вспышки.

Затем Джоунти продолжил:

— Все это я понял, только прибыв сюда. Странно было бы предположить, что можно научиться чему-нибудь полезному у общества с таким уровнем военного развития. Здесь загублено искусство, загублена наука, а жители Земли упорствуют в поддержании культа примитивизма, оставшегося с прежних времен.

Ризетт возразил:

— Но наш Властитель был мудрым человеком. И он особенно подчеркивал, что этот документ наиболее опасен из всех, известных ему. Вспомни, что он говорил: «Это повлечет гибель Тирании и гибель всех нас, и оно же пробудит к жизни всю Галактику».

— Властитель, как и все смертные, мог ошибаться.

— И все же, сэр, пока что даже мы не знаем содержания этого документа. Возможно, в нем содержатся чьи-то неопубликованные исследования. Или документ имеет отношение к оружию, которое земляне вовсе не считают оружием, потому что с первого взгляда оно таковым не кажется…

— Чепуха. Ты человек военный и, конечно, лучше в этом разбираешься. Но если на свете и есть какая-нибудь наука, которая постоянно прогрессирует, то это лишь военная технология. Никакое потенциальное оружие не могло быть не выявлено за десять тысяч лет. Думаю, Ризетт, что нам пора возвращаться на Лингану.

Ризетт пожал плечами. Он не был убежден в правоте собеседника. Джоунти и сам до конца не верил в то, что говорил. Плохо дело! Любой

житель Галактики мог сейчас обладать этим проклятым документом.

А если он у Тиранов?! Нет, лучше уж пусть это будет Властитель. Потому что документ мог попасть к человеку типа Аратапа! Аратап! Единственный после Властителя человек, чьи поступки невозможно предсказать; наиболее опасный из всех Тиранов.

Саймок Аратап — коротышка с круглыми маленькими глазками. Его предками были путешественники, покинувшие когда-то свои неуютные миры и отправившиеся на поиски лучшей жизни к планетам Королевства Космической Туманности.

Его отец возглавлял целую эскадру небольших космических кораблей. На своем долгом пути эти корабли ломались, возрождались и вновь попадали в крушения; иногда они терпели поражение от нападавших на них больших и мощных линкоров.

Миры Королевства Космической Туманности были устроены на старый лад, но Тираны быстро переделали их. Благодаря силе и скорости своих кораблей им удалось подавить соседние королевства одно за другим, оставшиеся просто-напросто перешли на сторону более сильных Тиранов.

Каждому хотелось сохранить хотя бы ощущение безопасности, а не дрожать в ожидании, когда наступит его очередь.

Но все это происходило пятьюдесятью годами раньше. Сейчас Королевства Космической Туманности были полностью оккупированы и превратились в вассалов. Миры не стоят ломаного гроша, думал иногда Аратап, а цена человеческой жизни еще ниже.

Он смотрел на стоящего перед ним юношу. Это был почти мальчик. Высокий, широкоплечий; привлекательное лицо, обрамленное коротко подстриженными волосами. В определенном смысле Аратапу было жаль его. Парень был явно напуган.

Сам Байрон не назвал бы обуревающее его чувство страхом. Скорее он квалифицировал бы его как напряжение. Всю свою жизнь он считал Тиранов гигантами. Его сильный и суровый отец был, по рассказам других, робким и покорным в их присутствии.

Иногда они приезжали на Вайдемос, и отец снабжал их книгами с большей части планет Нефелоса. Бывало, отец сопровождал Тиранов в поездках. Они всегда сидели во главе стола; их обслуживали первыми, когда они говорили, все

остальные разговоры вокруг стихали.

Еще ребенком Байрон удивлялся, что эти невзрачные, маленькие люди способны так твердо и властно управлять, но зато он всегда понимал, что Тираны для его отца являются тем же, чем он сам является для своего скотника. Он научился почтительно говорить с ними и называть их «Ваше Превосходительство».

Байрон усвоил это так хорошо, что уже одно то, что он стоит лицом к лицу с одним из Тиранов, рождало в нем чувство, которое он именовал «напряжением».

Судно — он считал его своей тюрьмой — в один прекрасный день стало ею официально. Они в это время приближались к Родии. В дверь его каюты постучались и вошли двое крепких мужчин. За ними проследовал капитан, который обратился к нему невыразительным голосом:

— Байрон Фаррилл, вы арестованы по моему приказу, и вам придется ответить на вопросы Представителя Великого Короля.

Представителем и был этот крошечный Тиран, сидящий сейчас перед Байроном и выглядевший скучно и неинтересно. «Великим Королем» являлся Хан Тирании, все еще живший в легендарном каменном дворце на главной планете Тирании.

Байрон оценивающе посмотрел на него. С этим коротышкой он справился бы без труда, но присутствие четырех стражников — по два с каждой стороны — делало любую попытку нападения невозможной. Пятый охранник сидел позади Представителя.

Представитель обратился к Байрону со словами:

— Как тебе должно быть известно, — голос его был тонким и визгливым, — старый Господин Вайдемоса, твой отец, казнен за измену. — Взгляд его бегающих глаз сосредоточился на Байроне.

Байрон не шелохнулся. В его положении лучше не проявлять эмоций, решил он. Конечно, можно закричать на них, но от этого отец не оживет. Он понимал, зачем ему сообщили о гибели отца, — хотят вывести из равновесия. Ну что ж, он не доставит им этого удовольствия.

Байрон лениво протянул:

— Я Байрон Мэлейн с Земли. Если необходимо удостоверить мою личность, я хотел бы связаться с Земным Консулом.

— Конечно-конечно, но, увы, мы сейчас находимся слишком далеко от Земли. Ты утверждаешь, что ты — Байрон Мэлейн с Земли. Но вот, — Аратап зашуршал лежащими перед ним

бумагами, — письма, написанные Господином Вайдемоса своему сыну. Здесь же студенческий билет и зачетная книжка на имя Байрона Фаррилла. Все это нашли в твоем багаже.

Байрон слегка опешил, но постарался не подать виду.

— В моем багаже кто-то рылся и подбросил все это.

— Мы пока не в суде, мистер Фаррилл или Мэлейн. А для суда потребуются объяснения получше.

— Еще раз повторяю: если все это найдено в моем багаже, то бумаги подброшены туда нарочно.

Байрон слегка перевел дух. Конечно, его заявление звучит глупо, и он отлично понимал это. Но Представитель перевел разговор на другую тему. В руках он держал капсулу с письмом к Правителю Родии.

— А это рекомендательное письмо? Тоже не твое?

— Нет, но принадлежит мне, — Байрон заранее решил ответить так, потому что знал — в письме не проставлено имя. — Это послание к Правителю…

Он сам оборвал себя. Любые объяснения в подобной ситуации были проявлением слабости, а

Представитель к тому же усмехался. Или это ему только показалось?

Аратап не усмехался. Быстрым движением руки он поправил контактные линзы, затем вынул их из глаз и опустил в стакан с водой, стоящий перед ним на столе. Его опухшие веки были слегка влажными. Он сказал:

— И тебе это известно? Известно на Земле, в пяти сотнях световых лет отсюда? Об этом не слыхала даже наша собственная полиция здесь, на Родии.

— Полиция на Родии. Послание было написано на Земле.

— Вижу. Кто ты — агент? Или просто хочешь предупредить Хенрика о чем-то?

— Конечно, второе.

— Да ну? И почему же ты решил это сделать?

— Потому что рассчитывал получить особое вознаграждение.

Аратап улыбнулся.

— Вот теперь в твоих словах есть намек на правду. О чем же конкретно ты собирался ему рассказывать?

— Это я скажу только Правителю.

Вспышка гнева, но только на мгновение.

— Хорошо. Тиранов не волнует местная полити-

ка. Мы устроим тебе беседу с Правителем и, таким образом, внесем свой вклад в его безопасность. Мои люди соберут твой багаж, и ты можешь быть свободен. Уведите его!

Последние слова относились к охранникам. Аратап вновь надел контактные линзы, и глаза его тут же приняли более осмысленное выражение.

Обратившись к главному охраннику, он сказал:

— Думаю, мы не должны сводить глаз с юного Фаррилла.

Офицер коротко кивнул.

— Слушаюсь! Тем более что мне его история кажется довольно бессвязной.

— Разумеется. Но это дает ему возможность выкрутиться. Юные глупцы, взявшие за образец поведение героев видеосериалов, легко попадаются. Конечно, он — сын экс-Господина.

— Вы уверены? Тогда уже одно это — серьезное преступление.

— То есть вам кажется, что я ошибаюсь? Почему же?

— А что, если он послан отвлекать наше внимание от настоящего Байрона Фаррилла?

— Нет, я уверен в обратном. И потом, у нас есть

фотографии.

— Чьи? Мальчишки?

— Сына Господина. Хочешь взглянуть?

— Конечно.

Аратап взял со стола пачку фотографий.

— Помимо этого, у меня есть нечто, что, безусловно, произведет на вас впечатление. Думаю, с подобной штукой вы еще не сталкивались. Она изобретена во внутренних мирах и внешне представляет собой обычный фотокуб, но если перевернуть его вверх ногами, автоматически происходит молекулярная реакция, и он становится полностью прозрачным. Славная вещица!

Фотокуб был обыкновенным стеклянным кубиком, ЧЕРНЫМ И ПРОЗРАЧНЫМ. Каждая грань его равнялась трем дюймам. Аратап повернул его, и стекло на мгновение помутнело, а потом, с необычной ясностью, с него вдруг улыбнулось приятное юношеское лицо.

— Раньше эта штука принадлежала экс-Господину, — заметил Аратап. — Что ты скажешь?

— Вне всяких сомнений, здесь изображен наш молодой приятель.

— Да. — Представитель Тирании задумчиво рассматривал кубик. — Знаешь, мне пришло в голову, что, используя тот же процесс, можно

поместить в куб не одну, а шесть фотографий. Шесть связанных друг с другом фотографий, — и статический феномен станет динамическим, наполнив первый новым смыслом и содержанием. Более того, это может стать новым видом искусства!

В голосе его прозвучало нескрываемое торжество.

Но его молчаливый собеседник не обратил никакого внимания на идею Аратапа, и тому пришлось прервать свои творческие фантазии.

— Так ты видишь Фаррилла? — резко спросил Представитель.

— Так точно!

— Теперь ты должен встретиться с Хенриком.

— С Хенриком?

— Конечно. Для этого я и собираюсь освободить мальчика. Мне нужно получить ответы на некоторые вопросы. Зачем Фарриллу понадобился Хенрик? Что их связывает? Смерть Господина здесь ни при чем. Между ними была — должна быть — хорошо отлаженная тайная связь, и мы еще не знаем, как именно она осуществлялась.

— Но Хенрик не может быть вовлечен в это! Даже если у него хватило бы смелости, то ума явно недостаточно.

— Согласен. Но именно из-за своего идиотизма он может служить орудием в их руках. Если так, то это станет нашей ахиллесовой пятой. Поэтому необходимо тщательно все проверить.

Он вяло махнул рукой; собеседник отдал ему честь, щелкнул каблуками и вышел.

Аратап задумчиво крутил в руке фотокуб, созерцая, как чернота сменяется изображением. Жизнь во времена его отца была значительно проще. В завоевании чужой планеты крылось жестокое величие, тогда как в манипулировании ничего не понимающим парнишкой была только жестокость.

Но это было необходимо.

Глава 5
Не самая удачная ситуация

Люди заселили Родию не слишком давно — даже по сравнению с Центурионом или Сириусом. Планеты Арктура, например, были освоены более двухсот лет назад, когда первые космические корабли пересекли границы Туманности Лошадиной Головы в поисках пригодных для жизни планет. Лишь немногие из исследованных планет удовлетворяли условиям, необходимым для

существования человеческого организма.

В Галактике насчитывается от одного до двух тысяч биллионов звезд, являющихся источниками света и тепла. Среди них есть пятьсот биллионов планет, где уровень гравитации в одних случаях составляет 120 процентов земного, а в других не достигает и шестидесяти. Некоторые из них слишком жаркие, другие — слишком холодные. Атмосфера многих ядовита, потому что состоит преимущественно или полностью из неона, метана, аммония, хлоридов, даже силиконового тетрафлуорида. На некоторых планетах нет воды, другие состоят почти сплошь из океанов, наполненных сульфатодиоксидами. На третьих нет углерода.

Поэтому ни один из этих сотен тысяч миров не может быть обитаем. Жизнь сосредоточена всего лишь в четырех миллионах миров, пригодных для существования.

О количестве заселенных миров идут постоянные споры. По данным «Галактического Альманаха», Родия была 1098-м миром, где поселились люди.

По иронии судьбы, Тирания, завоевавшая Родию, числилась 1099-й.

История повторяется. Период развития и экс-

пансии в Транстуманном регионе ничем не отличался от аналогичного периода в других точках Галактики. Планетарные республики быстро добились успеха; у каждой из них было собственное правительство. Затем в их жизнь вторглась Тирания, и планеты оказались колонизированы, а после и вовсе растворились внутри сателлита. Так появилась маленькая «Империя».

Только на Родии сохранялась некоторая стабильность, и этому способствовала правящая династия Хенриадов. Хотя Тирания за каких-нибудь десять лет сумела расширить границы своей Империи на всю территорию Транстуманности, форма правления на Родии не изменилась. Она даже укрепилась. Хенриады были чрезвычайно популярны в народе, и Тиранам нужно было лишь уметь влиять на них.

Точнее, Правитель не обязательно происходил из чистых Хенриадов. Должность эта формально являлась выборной из числа членов наиболее влиятельного семейства планеты. Семейство Хенриадов устраивало Тиранов по ряду причин, и, не без их помощи, Хенрик (пятый по счету) был избран Правителем.

С позиции Тирании это был полезный выбор.

В момент избрания Хенрик выглядел красивым

и статным мужчиной; да и сейчас он все еще производил приятное впечатление. Его волосы слегка посеребрила седина, но брови оставались густыми и такими же черными, как и глаза его дочери.

Сейчас он смотрел на свою дочь, а она была взбешена и не скрывала этого. Высокая — всего на два дюйма ниже отца, при его росте не менее шести футов, — вспыльчивая девушка, темноволосая и темноглазая, чье лицо сейчас потемнело от гнева.

Она беспрестанно повторяла:

— Я не могу этого сделать! Я НЕ БУДУ этого делать!

Хенрик отвечал ей:

— Но, Арта, Арта, это же неразумно! Что я могу поделать? Разве в моем положении можно выбирать?

— Если бы мама была жива, она сумела бы найти выход из положения!

И девушка топнула ногой. Ее полное имя — Артемида, королевское имя, которое в каждом поколении Хенриадов носила одна из женщин.

— Да-да, несомненно… Черт меня побери! У твоей матери был талант на эти вещи! Иногда мне кажется, что ты пошла только в нее и ничуть

не похожа на меня! Но серьезно, Арта, ты не оставила ему никакой надежды. Возможно, ты могла бы взглянуть на него более благосклонно?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну… — Он сделал рукой неопределенный жест, затем положил руку ей на плечо, но она резким движением сбросила ее.

— Я провела с ним вечер, — раздраженно ответила она, — и он попытался поцеловать меня. Это было омерзительно.

— Все целуются, дорогая моя. Конечно, поцелуи не значат сейчас того, что означали во времена твоей прабабки… Это лишь дань традициям. Молодая кровь, Арта, горячая кровь!..

— Молодая кровь… За последние пятнадцать лет молодая кровь в этом чудовище была разве что сразу после переливания. Он на четыре дюйма ниже меня, отец. Как я могу показаться на людях с пигмеем?

— Он — важная персона. Очень важная!

— Это не прибавляет ему в росте ни дюйма. Он кривоног, как все они, и у него дурно пахнет изо рта.

— Пахнет изо рта?

Артемида шмыгнула носом:

— Да, и не просто пахнет, а воняет. Это очень

неприятный запах, мне он не нравится, и я сказала ему об этом.

До Хенрика с трудом дошел смысл ее последних слов. Он побледнел, а голос его понизился до шепота:

— Ты сказала ему об этом? Ты считаешь, что высокопоставленная особа из Королевского Двора Тирании может иметь неприятное личное качество?

— Да! Как тебе известно, у меня есть орган, именуемый носом! И когда этот тип подошел слишком близко, я зажала нос и толкнула его. Он шмякнулся на спину, размахивая своими кривульками…

Она пальцами показала, как именно было дело, но Хенрик этого не видел, так как в этот момент закрыл лицо руками.

На миг выглянув наружу, он жалобно спросил:

— Что же теперь будет? Как ты могла так поступить?!

— Не бойся! ЗНАЕШЬ, ЧТО ОН МНЕ ОТВЕТИЛ? Его слова переполнили чашу моего терпения. Я поняла, что не могу находиться рядом с мужчиной, который всего четырех футов ростом.

— Но что же он сказал тебе?

— Он сказал, — отойди от видео, папа, — он

сказал: «Ха! Смелая девушка! После этого она мне нравится еще больше!», и двое слуг помогли ему подняться на ноги. Но больше он не пытался дышать мне в лицо!

Хенрик почесал в затылке, затем внезапно схватил Артемиду за руку:

— Ты могла бы выйти за него замуж! И не спорь! Во имя политической необходимости… Это было бы просто шуткой…

— Что значит «не спорь»? Какой такой шуткой?! Мне что, пришлось бы сложить пальцы левой руки в фигу, подписывая правой брачный контракт?!

— Нет-нет, что ты! — Хенрик был смущен. — Зачем же так? Арта, я просто удивляюсь твоему упрямству.

— Что ты имеешь в виду?

— Что имею в виду? Погоди, о чем это мы? Я не могу сосредоточиться, когда ты споришь со мной. Что я хотел сказать?

— Что-то о моем замужестве. Вспомнил?

— Ах да! Я хотел сказать, что к замужеству не стоит относиться слишком серьезно.

— Как я понимаю, ты предлагаешь мне иметь любовников.

Хенрик покраснел и гневно взглянул на нее:

— Арта! Я всегда воспитывал тебя умной и рассудительной девочкой! Такой была твоя мать. Как ты можешь говорить подобные вещи? Стыд и срам!

— Но разве ты имел в виду не это?

— Мне можно так говорить. Я мужчина, зрелый мужчина! А девушка, подобная тебе, не должна бросаться такими словами.

— Но я уже бросилась ими, папочка, и слова назад не вернешь. Я ведь не имела в виду, что действительно буду иметь любовников. Я только сказала, что в принципе могу их иметь, если выйду замуж по соображениям государственной необходимости. — Она обняла себя руками за плечи. — Чем же я буду заниматься в свободное от любовников время? Этот карлик ведь все-таки будет моим мужем, хотя подобная мысль может внушить исключительно брезгливость.

— Дорогая, он уже не молод… Тебе недолго придется жить с ним.

— Твое «недолго» может оказаться вечностью! Один час, проведенный с ним, — уже слишком долго. Постой, отец, ведь всего пять минут назад ты рассказывал мне про его молодую кровь?! Помнишь?

Хенрик развел руками:

— Арта, этот человек один из ТИРАНИЙЦЕВ, и причем самых влиятельных. При дворе Хана он на хорошем счету.

— Хан может иметь о нем свое мнение. Возможно, он и сам воняет!

От ужаса Хенрик забыл закрыть рот. Автоматически он оглянулся через плечо. Потом осторожно сказал:

— Никогда больше не говори так… Никогда.

— Если ты еще раз заведешь разговор на эту тему, я повторю все сначала! И потом, он уже трижды был женат! — Она подумала и уточнила: — Не Хан, а человек, за которого ты хочешь выдать меня замуж.

— Но ведь его жены умерли, — напомнил ей Хенрик. — Арта, их больше нет в живых! Как ты могла подумать, что я способен выдать свою дочь замуж за полигама? Мы заставим его предъявить соответствующие документы. Он женился на них последовательно, а не одновременно; сейчас все они умерли и лежат каждая в своей могиле.

— Это неудивительно. При таком муженьке…

— О боже, ну что мне с тобой делать? — Он попытался в последний раз переубедить ее. — Арта, такова цена того, чтобы быть одной из рода Хенриадов и дочерью Правителя.

— Я не просила, чтобы меня назначали Хенриадой и дочерью Правителя.

— Но судьба распорядилась именно так. Вся история Галактики, Арта, показывает, что бывают ситуации, когда интересы государства, интересы безопасности планеты, интересы народа важнее, чем…

— Чем то, что бедная девушка станет проституткой!

— Боже, как вульгарно! Когда-нибудь ты переменишь свое мнение.

— Отец, я скорее умру, чем сделаю это. Можешь мне поверить.

Правитель направился к ней. Его губы дрожали, и он не мог вымолвить ни слова. Дочь подбежала к нему, заливаясь слезами, и прижалась к его груди:

— Я не могу, папочка! Не могу! Не принуждай меня!

— Ты знаешь, что произойдет, если ты откажешься? Тиранийцы рассердятся, они сместят меня, заточат в тюрьму, а возможно, даже каз… — Он поперхнулся на последнем слове. — Случится большое несчастье, Арта. Сейчас наступили трудные времена. Господин Вайдемоса на прошлой неделе был схвачен и, я думаю, даже убит.

Помнишь его, Арта? Он гостил у нас при дворе полгода назад. Большой человек с круглым лицом и глубоко посаженными глазами. Сперва ты даже боялась его.

— Я помню.

— Ну так теперь он мертв. Чья теперь очередь? Моя? Твой бедный отец должен стать следующим? Поверь, времена сейчас очень сложные, и то, что он гостил у нас при дворе, может навлечь на нас беду.

— Почему же обязательно беду? Ты ведь не связывался с ним?

— Конечно, нет! Но если мы огорчим Хана Тирании отказом вступить в брак с одним из его любимчиков, они могут подумать именно то, о чем ты спросила.

Хенрик помахал перед глазами рукой, отгоняя от себя кошмарную воображаемую картину.

— Я пойду в свою комнату, — продолжил он. — Отдохни. Когда немного вздремнешь, начинаешь чувствовать себя лучше. Посмотрим… посмотрим… Во всяком случае нам обоим необходим отдых.

Артемида посмотрела на отца и вздохнула. Ее лицо оставалось задумчивым, а на лбу пролегли глубокие морщинки.

Внезапно раздался звук чьих-то шагов, и она резко обернулась.

— В чем дело?

Тон был более резким, чем ей хотелось бы.

Это был Хенрик, его лицо побледнело от страха.

— Звонил майор Андрос.

— Из Внешней Охраны?

Хенрик сумел только кивнуть.

Артемида вскрикнула:

— Уверена, он не… — Она на миг замолчала, не решаясь высказать свои ужасные предположения и ожидая дальнейшего рассказа отца.

— Какой-то юноша настаивает на аудиенции. Я его не знаю. Зачем он здесь? Он прибыл с Земли! — Хенрик перевел дыхание.

— Сядь, отец, — оборвала его Артемида, — и объясни мне, что случилось.

Она взяла его за руку, и Хенрик немного успокоился.

— Я в растерянности, — продолжил он, — этот юноша пришел сюда с рекомендательным письмом. Он говорит, что знает о плане покушения на мою жизнь. На МОЮ жизнь. И ОНИ велят мне выслушать его. — Он глуповато улыбнулся. — Народ любит меня. Никто не захочет убивать

меня. Верно?

Хенрик внимательно посмотрел на дочь и расслабился, когда она ответила:

— Конечно, никто не собирается убивать тебя.

Тогда он вновь заговорил:

— Ты думаешь, это могут быть ОНИ?

— Кто?

— Тиранийцы. — Он понизил голос до еле слышного шепота. — Совсем недавно здесь был Господин Вайдемоса, и вот он убит. — Хенрик внезапно закричал: — А сейчас они послали кого-то убить меня. Меня!..

Артемида встряхнула его с такой силой, что Правитель разом пришел в себя.

— Отец! Сиди тихо! Ни слова! Слушай меня! Никто не собирается убивать тебя! Слышишь? Никто тебя не убьет! Господин Вайдемоса был здесь шесть месяцев назад. Помнишь? Шесть месяцев назад! Думай!

— Так давно? — прошептал Правитель. — Да, да, кажется, именно так…

— Сейчас ты останешься здесь и отдохнешь. Ты слишком перенапрягся. Я сама взгляну на юношу и потом, если это безопасно, приведу его к тебе.

— Ты, Арта? Ты? Он не станет убивать женщину. Конечно, он не станет убивать женщину!..

Она вскочила и поцеловала отца в щеку.

— Будь осторожна, — пробормотал Хенрик, и глаза его устало закрылись.

Глава 6
Носители корон

Возле одного из строений Дворца в нетерпении ждал Байрон Фаррилл. Впервые в жизни он чувствовал себя провинциалом.

Вайдемос-Холл, где он вырос, казался ему прекраснейшим местом на свете, и сейчас память вызвала к жизни картины его варварского блеска. При мысли об этом он непроизвольно вздрогнул.

Это место было совершенно другим.

Дворец основателей Родии явился кульминационной точкой династии Хенриадов, выраженной в камне: он был стройным и светлым. Прямые линии его легко и изящно взмывали ввысь, создавая эффект шпилей; и это походило на крещендо в музыке, пиком которого был Центральный Дворец. В нем отсутствовали привычные Байрону «ложные окна», такие популярные в украшении зданий у него на родине. Дворец состоял из конструкций, создававших некую геометрическую абстракцию, устремленную прямо в небо.

…Охранник из числа тиранийцев ввел гостя во внутренние покои.

— Байрон Мэлейн? — уточнил находящийся там второй страж, и Байрон кивнул.

Перед ними остановился небольшой металлический вагончик, управляемый диамагнетическими силами. Байрону еще никогда не приходилось видеть подобного, и он на мгновение задержался.

Вагончик, в котором поместились бы пять-шесть человек, раскачивался на ветру, и в его окнах отражалось прекрасное солнце Родии. К вагончику был подведен тонкий и на первый взгляд не очень прочный рельс, и Байрону показалось, что вагончик даже не касается его. Внезапно порыв ветра ударил по рельсу, но, вопреки ожиданиям, тот не сдвинулся с места, удерживаемый какой-то неведомой юноше силой.

— Входи, — нетерпеливо скомандовал стоящий за его спиной охранник, и Байрон вошел в вагончик. Охранник последовал за ним.

Казалось, вагончик превратился в прозрачный пузырь. Он неощутимо для сидящих в нем людей двинулся вверх. Через секунду перед Байроном открылся прекрасный вид на весь комплекс зданий Дворца Основателей. Это было замеча-

тельное, величественное зрелище. Менее чем через две минуты они остановились: подъем был окончен.

Перед Байроном отворилась дверца, и он вышел. Дверца тут же закрылась вновь. В комнате, куда попал Байрон, никого не было, но это не успокоило Байрона: он не питал иллюзий относительно того, что с той самой ночи его действиями управляют другие.

Джоунти поместил его на борт космического корабля. Представитель Тирании отправил его сюда. И с каждым шагом он все больше втягивался в водоворот непонятных ему событий.

Байрон прекрасно понимал, что расчет тиранийца был весьма тонок. Конечно, избавиться от него совсем несложно. Это можно было сделать еще на корабле, и не один раз. Но Джоунти в чем-то прав: им невыгодно убивать его, чтобы не вызвать негативный резонанс. Хенрик — их марионетка, и они рассчитывали убрать Байрона руками Правителя Родии. Тогда тиранийцы остались бы только сторонними наблюдателями.

Пальцы юноши непроизвольно сжались в кулаки. Он высок и силен, но совершенно безоружен. У людей, которые придут за ним, будут бластеры и огнеметы. Незаметно для самого себя он при-

жался к стене.

Слева от него раздался звук открываемой двери. Вошел вооруженный человек в военной форме, за ним следовала девушка. Байрон немного расслабился. Всего лишь девушка! В другое время он не преминул бы рассмотреть ее подробнее, но сейчас она была для него просто девушкой.

Вошедшие приблизились к Байрону, который не сводил глаз с бластера в руках мужчины.

Девушка повернулась к стражнику:

— Сначала с ним буду говорить я, лейтенант.

Затем она строго сдвинула брови и обратилась к Байрону:

— Ты и есть тот человек, который хочет предостеречь Правителя о покушении на его жизнь?

— Я уже сказал, что буду говорить только с самим Правителем, — ответил Байрон.

— Это невозможно. Если тебе есть что сказать, то скажи это мне. Если твои сведения окажутся правдивыми и полезными, тебя вознаградят.

— Тогда разреши поинтересоваться — кто ты? Откуда мне знать, имеешь ли ты право говорить от лица Правителя?

Казалось, девушка удивилась заданному ей вопросу.

— Я его дочь. И я собираюсь задавать вопросы,

а не отвечать на них. Ты прибыл откуда-то извне Системы?

— Я с Земли, — Байрон подумал и добавил: — Ваша Светлость.

Обращение удовлетворило ее.

— Где же она находится?

— Это маленькая планета в секторе Сириуса, Ваша Светлость.

— А как зовут тебя?

— Байрон Мэлейн, Ваша Светлость.

Она задумчиво смотрела на него:

— Значит, с Земли?.. А ты умеешь управлять космическим кораблем?

Байрон едва сдержал улыбку. Она проверяет его. Ей отлично известно, что космическая навигация является запрещенной наукой в мирах, контролируемых Тиранией.

— Да, Ваша Светлость, — ответил Байрон.

Раз они позволили ему так долго оставаться в живых, он мог позволить себе признаться в этом. На Земле космическая навигация запрещена не была, а за четыре года можно научиться многому.

— Очень хорошо, — сказала она. — Ну а что ты хочешь рассказать?

Внезапно он решился. Он никогда не пошел бы

на такой шаг, будь здесь только охранник. Если эта девушка не лжет, и она действительно дочь Правителя, то может помочь ему.

— Ваша Светлость! Собственно, никакого покушения нет!

Девушка рассердилась. Она резко повернулась к своему спутнику:

— Теперь ваша очередь, лейтенант. Добейтесь от него правды!

Байрон отступил, ощутив холодное прикосновение бластера охранника, и торопливо произнес:

— Подождите, Ваша Светлость! Выслушайте меня! Это был для меня единственный способ увидеться с Правителем! Разве вы не в состоянии это понять?

Он повысил голос:

— Вы должны сообщить Его Превосходительству, что я — Байрон Фаррилл и прошу предоставить мне убежище!

Именно такие слова в давние времена произносили попавшие в беду феодалы. Слова эти были привычными, пока феодалы не утратили своей власти, но теперь, с приходом Тиранийцев, это был всего лишь архаизм, не более того.

Она удивленно вздернула брови:

— Разве ты происходишь из аристократической семьи? Мне кажется, минуту назад ты представился как Мэлейн.

И тут в разговор вмешался новый голос.

— Совершенно верно, но это всего лишь псевдоним. Ты — Байрон Фаррилл, мой дорогой юный сэр! Вне всяких сомнений, ты — Фаррилл. Ошибиться просто невозможно!..

В дверном проеме стоял маленький улыбающийся человечек. Его сияющие глаза скользили по фигуре Байрона. Человечек еще раз улыбнулся и обратился к девушке:

— А ты, Артемида, ты разве не узнала его?!

Артемида поспешила к нему; в ее голосе звучало беспокойство:

— Что ты делаешь здесь, дядя Джил?

— Забочусь о своих интересах, моя дорогая. Вспомнив, что здесь может произойти убийство, я, как ближайший из Хенриадов, намеревался бы претендовать на престол. Ладно, шутки в сторону. Отошли лейтенанта! Опасности нет.

Пропустив его слова мимо ушей, она спросила:

— Ты опять подслушивал у коммутатора?

— А как же! Разве я мог лишить себя подобного удовольствия?

— Когда-нибудь ты попадешься!

— Опасность — неотъемлемая часть любой игры, милочка. Причем самая восхитительная ее часть. Кроме того, тиранийцы уже давно, как мне кажется, знают о моем хобби. Мы мало что можем сделать, чтобы это не стало сразу же известно им. Ладно, ерунда! Ты не хочешь представить меня нашему гостю?

— Нет, не хочу, — резко ответила она. — Это не твое дело.

— Тогда я представлю ему тебя. Когда я услыхал его имя, то перестал подслушивать и вошел. — Он отвесил Байрону полушутливый поклон. — Дорогая, это Байрон Фаррилл.

— Я уже говорил это. — Все внимание Байрона было приковано к лейтенанту, все еще сжимающему в руке бластер.

— Но ты забыл добавить, что ты — сын Господина Вайдемоса.

— Я хотел, но вы прервали меня. Как бы там ни было, вам это уже известно. Я сбежал от Тиранийцев и не назвал им моего настоящего имени.

Он перевел дыхание. Если его сейчас не арестуют, то у него остается маленький шанс на спасение.

— Понимаю, — кивнула Артемида. — Это, я думаю, сможет убедить Правителя. Вы уверены,

что речь не идет о покушении?

— Вполне, Ваша Светлость.

— Хорошо. Дядя Джил, ты останешься с мистером Фарриллом? Лейтенант, следуйте за мной.

Ноги Байрона подкосились. Он мечтал об одном — о возможности присесть, и его не интересовало, какое впечатление это может произвести на Джилберта, все еще с нескрываемым интересом изучавшего пришельца.

— Сын Господина! Прелестно! Очаровательно!..

Байрон попытался сосредоточиться. Он устал постоянно думать о том, что можно и чего нельзя говорить. Поэтому он ответил:

— Да, сын Господина. Титул, получаемый при рождении. Чем могу служить?

Джилберт хранил невозмутимый вид. Только улыбка на его лице стала еще шире.

— Удовлетвори мое любопытство, юноша. Ты действительно пришел искать здесь убежища?

— Я предпочел бы обсудить этот вопрос с Правителем, сэр.

— Попытайся, дружок, попытайся! Ты поймешь, что от Правителя здесь не слишком много толку. Как ты думаешь, почему тебе только что пришлось общаться не с ним, а с его дочерью? Проникнись этой мыслью, она прелестна!

— Вам кажется прелестным все без исключения?

— А почему бы и нет? Жизнь вообще прелестная штука. Если не видеть в ней прелести, то скоро захочется сунуть голову в петлю. Задумайся об этом тоже. Кстати, я забыл представиться. Я — кузен Правителя.

— Поздравляю, — холодно ответил Байрон.

Джилберт усмехнулся:

— Ты прав. Это не впечатляет. Но пока у меня нет ни малейшей надежды изменить свой статус.

— Думаю, данный факт очень огорчает вас.

— О-о-о, у вас есть чувство юмора! Имейте в виду, что здесь никто не воспринимает меня всерьез. Для окружающих я всего лишь закоренелый циник. Ты не задумывался, что на свете нет ничего хуже Директории? Ведь Хенрик никогда не отличался большим умом, а с каждым годом он становится все более беспомощным. Совсем забыл! Ты ведь не знаком с ним! Но скоро тебе это предстоит. Я слышу его шаги. В разговоре с Правителем помни, что он правит самым большим из Транстуманных Королевств. Это самая прелестная мысль!..

Хенрик был в полусонном состоянии. Он вошел

в комнату, едва кивнул в ответ на церемонное приветствие Байрона и сразу же заявил хриплым голосом:

— Какое у вас к нам дело, сэр?

Артемида стояла рядом с отцом, и Байрон с некоторым удивлением отметил, что она весьма хороша собой.

— Ваше Превосходительство, — поклонился он, — я прибыл в интересах доброго имени моего отца. Вы не можете не знать, что его казнь была несправедлива.

— Я немного знал вашего отца, молодой человек. Он гостил у нас раз или два. — Голос Хенрика немного окреп. — Вы очень похожи на него. Очень. Но он совершил ошибку, и вам должно быть об этом известно. Во всяком случае, мне так кажется… Уверен, что при его аресте не был нарушен ни один закон. Хотя детали мне неизвестны.

— Конечно, Ваше Превосходительство! Но мне бы хотелось как раз выяснить детали. Я уверен, что мой отец не изменник.

Хенрик торопливо прервал его.

— Это понятно. Вы — его сын и должны защищать отца, но поверьте, что крайне сложно обсуждать подобные вопросы. И вдобавок несколько несвоевременно. Почему бы вам не

увидеться с Аратапом?

— Я не знаю, кто это, Ваше Превосходительство.

— Аратап! Представитель! Я имею в виду — Представитель Тирании!

— Я уже виделся с ним, и он отослал меня сюда. Конечно, вы понимаете, что я не намерен прощать Тирании…

Хенрик вскочил, зажимая рукой дрожащие губы, и его речь стала невнятной скороговоркой:

— Вы говорите, вас послал сюда Аратап?

— Я счел необходимым сказать ему…

— Не повторяйте, что вы ему говорили! Я ничем не могу помочь вам, Господин — ой! — мистер Фаррилл. Это не входит в мою юрисдикцию. Исполнительный Совет — не толкай меня, Арта, я не могу говорить о серьезных вещах, если ты мешаешь мне! — должен сказать свое слово. Джилберт! Ты побеспокоишься о том, чтобы мистеру Фарриллу был оказан хороший прием? Я подумаю, что можно будет сделать. Да, я проконсультируюсь в Исполнительном Совете! Это только юридическая формальность, но очень важная. Очень важная!..

Он повернулся, чтобы уйти, что-то бормоча себе под нос.

Артемида немного помедлила и осторожно коснулась плеча Байрона.

— Минуточку… Это правда, что ты умеешь управлять космическим кораблем?

— Естественно, правда, — Байрон улыбнулся ей, и после недолгого колебания она ответила ему улыбкой.

— Джилберт, — добавила она, — с тобой мы поговорим позднее.

И поспешно вышла. Байрон долго смотрел ей вслед. К действительности его вернул вопрос Джилберта:

— Уверен, что ты голоден или, по крайней мере, умираешь от жажды. Жизнь, как я понимаю, все еще продолжается?

— Да, благодарю вас, — Байрон не вполне понял, что имеет в виду его собеседник, но расслабился и пришел в отличное расположение духа.

ОНА хорошенькая. ОЧЕНЬ хорошенькая!

Но Хенрик никак не мог расслабиться. Его одолевали ужасные мысли. Это ловушка! Мальчишку послал Аратап, и это — ловушка!

Он сжал голову руками, погрузился в глубокое раздумье и вскоре понял, что ему нужно делать.

Глава 7
Виртуоз мысли

На все планеты рано или поздно опускается ночь. Она не может поступить иначе, хотя светлое время суток продолжается от пятнадцати до двадцати двух часов. Любой путешествовавший с планеты на планету человек может это подтвердить.

На многих планетах период сна сведен до минимума. На других периоды день — ночь примерно равны между собой. На третьих в принципе отсутствуют понятия «свет и тьма».

Но приход ночи всегда и везде имеет важное психологическое значение, связанное с эмбриональной фазой развития организма. Ночь — это пора страхов и беззащитности, и сердце до восхода солнца замирает в ожидании неизвестного.

Во дворце не было сенсоров, способных показать наступление ночи, но инстинкт безошибочно подсказал Байрону ее наступление. Он знал, что ночная тьма за пределами Дворца вовсе не кромешная и ее нарушает сияние звезд. В это время в Туманности Лошадиной Головы боль-

шинство звезд становились видимыми.

Но звездный свет не мог рассеять мрак в душе Байрона.

С момента короткой беседы с Правителем он больше не видел Артемиду, и это огорчало его. Он ждал обеда: возможно, ему удастся с ней поговорить. Но, вопреки ожиданиям, он ел в одиночестве, и только два охранника стояли на посту по обе стороны двери. Даже Джилберт покинул его, оставив наедине с самим собой.

По возвращении Джилберт сказал:

— Вначале мне хотелось бы показать мою лабораторию. Мы с Артемидой решали сейчас, что с тобой делать, — и жестом он приказал охране выйти.

— Какую лабораторию? — В голосе Байрона не звучало ни малейшей заинтересованности.

— Я строю разные приспособления, — прозвучал лаконичный ответ.

На первый взгляд помещение ничуть не напоминало лабораторию. Это скорее была библиотека, в углу которой стоял маленький столик. Байрон медленно осмотрелся по сторонам.

— Именно здесь ты и строишь свои приспособления? Что же они собой представляют?

— Они помогают мне незаметно шпионить за

шпионами Тирании. Защиты от моих приспособлений не существует. Вот почему я узнал и о тебе, как только от Аратапа поступило первое сообщение. У меня имеется множество прелестных штучек. Например, мой визисонор. Ты любишь музыку?

— Да.

— Отлично. Я создал один инструмент, только не уверен, что ты сочтешь его музыкальным. — Джил коснулся рукой книжной полки. — Это не очень хороший тайник, но, поскольку никто не воспринимает меня всерьез, его пока не обнаружили. Прелестно, не правда ли? Ах да, я совсем забыл, что ты не находишь в этом прелести.

Перед юношей возник некий предмет: самодельный, грубо сработанный и похожий на коробку. Одна сторона его была покрыта маленькими блестящими ручками. Коробочка лежала этой стороной кверху.

— Он не слишком красив, — сказал Джилберт, — но кого это волнует? Включи подсветку. Нет, нет! Не трогай ни выключателей, ни контактов! Просто медленно пожелай, чтобы подсветка зажглась. Сосредоточься на этом желании!

Внезапно на коробочке замигали огоньки. Их свет отразился в украшавшей потолок хру-

стальной люстре, и два пятна зажглись во тьме. Джилберт удовлетворенно засмеялся, видя изумление Байрона.

— Это лишь один из трюков моего визисонора. Им можно управлять с помощью мыслей. По такому же принципу действуют персональные капсулы. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Нет, не понимаю, если вам хочется услышать от меня правду.

— Тогда смотри. Электрическое поле, создаваемое твоим мозгом, индуцируется в приборе. С точки зрения математики это очень просто, но я не знаю никого, кому бы удалось поместить подобный прибор в крошечную коробочку. Для этого обычно выстраивают пятиэтажное здание размером с приличный завод. Да и принцип работы здесь другой. Я сумел замкнуть цепь непосредственно на коре головного мозга, минуя подключение глаз и ушей. Смотри!

Сперва смотреть было не на что. Потом в глазах Байрона что-то замелькало. Это «что-то» превратилось в сияющий темно-фиолетовый шар, мелькающий в воздухе. Шар преследовал Байрона при каждом движении, движениям шара сопутствовал ясный музыкальный аккомпанемент, который сам являлся частью движения.

Все это усиливалось, и Байрону стало казаться, что удивительный эффект существует внутри его самого. Ведь цвет не был в полном смысле слова цветом. Он скорее был цветным звуком, не производящим шума. Его можно было потрогать, не прикасаясь к нему.

Потоки цвета лизали его руки и ноги, не причиняя боли… Байрон испугался: он уже не видел своих рук и не чувствовал их. Он беззвучно вскрикнул — и все исчезло. Перед ним стоял Джилберт и смеялся. Комната была освещена.

— Что произошло? — растерянно спросил юноша.

— Не знаю. Я ничего не ощущал. Разве ты не понял? Твои видения — продукт твоего собственного мозга. И я не знаю, как можно объяснить подобный феномен. Все время, пока ты концентрируешься на ощущениях, твой мозг преломляет их в привычные, знакомые формы. Это всего лишь попытка соединить одновременно свет, звук и прикосновение. Кстати, а как насчет запаха? Иногда мне кажется, что пахнет какой-то дрянью. Думаю, что опыты на собаках позволили бы вызвать к жизни и самые разнообразные запахи. Мне очень хочется испробовать все это на животных. Я люблю смотреть, какое впечатление

производит мое изобретение на других.

В задумчивости он провел рукой по кнопкам на коробочке.

— Изредка я думал, что если изучить возможности этой штуки до конца, то можно создавать на ней симфонии нового типа; можно делать то, чего не сделаешь просто со звуком или просто со светом. Но боюсь, я не способен сделать это.

Байрон раздраженно прервал его:

— Я хочу задать тебе один вопрос.

— Сколько угодно.

— Почему ты не хочешь использовать свои научные дарования в целях всеобщего блага? А вместо этого…

— Играю в детские игры? Не знаю. Может быть, мои увлечения не так уж бесполезны. Но то, что они противозаконны, это факт.

— Противозаконны? Что именно?

— Визисонор. Приборы для слежки за шпионами — тоже. Если бы тиранийцы узнали о них, это явилось бы для меня смертным приговором.

— Ты, наверное, шутишь?

— Вовсе нет. Видно, что ты вырос в провинции. Молодежь не может помнить того, что было давным-давно. — Внезапно он скосил глаза в сторону Байрона. — Ты против тиранийских правил?

Говори смело! Ведь я открылся тебе и рассказал Артемиде о твоем отце.

— Да, против, — тихо сказал Байрон.

— Почему?

— Они — пришельцы, завоеватели! По какому праву они командуют на Нефелосе и Родии?!

— Ты всегда так думал?

Байрон не ответил.

Джилберт вздохнул:

— Другими словами, ты решил, что они — пришельцы и завоеватели, но только после того, как они казнили твоего отца, причем согласно закону. Нет-нет, лучше не вспыхивай, а рассуди сам! Поверь мне, я на твоей стороне… Но смотри! Твой отец был Господином. Какие права были у его скотников? Ведь в случае, если двое из них поспорили вплоть до драки, он мог посадить в тюрьму обоих. Кем был твой отец для своих подданных? ОН был их ТИРАНОМ! В своих — да и моих — глазах твой отец был патриотом. Но что из того? Для Тиранов он был всего лишь заговорщиком, и они убили его. Надеюсь, ты не против самозащиты? В свое время Хенриады пролили немало крови. Читай историю, мой юный друг! Любое правительство убивает своих подданных, и это в порядке вещей. Поэтому для своей ненави-

сти к Тирании избери повод получше. Как только это произойдет, ты станешь свободен.

Байрон сжал кулаки.

— Твоя философия чрезвычайно интересна. Но мне сложно ее понять. Интересно, что бы ты сказал, если бы казнили твоего отца?

— А ты что, ничего не знаешь? Мой отец был Правителем перед Хенриком, и его убили. Только не физически, а морально. Они убили его волю, его дух, и то же самое сделали сейчас с Хенриком. Им не хотелось, чтобы после смерти отца Правителем стал я; я был для них слишком непредсказуемым. С Хенриком дело обстоит проще. Но все же недостаточно просто. Они убивали его постепенно, превращая в послушную марионетку. Ведь ты видел его! Он изо дня в день становится все хуже. Его постоянное состояние — маниакально-депрессивный психоз. Но не поэтому я хочу разрушить Тиранийскую систему! Отнюдь!..

— Что? — спросил Байрон. — У тебя есть другие причины?

— Да, и довольно обоснованные. Тиранийцы нарушили права более чем двадцати биллионов людей, что составляет большую часть человеческой расы. Ты учился в школе. Там ты изучал

экономический цикл. Как только происходит освоение новой планеты, она сразу же сталкивается с проблемой, как накормить себя. Она становится сельскохозяйственной державой, миром скотоводства. По мере развития, когда производится достаточно много продукции, излишки экспортируются и взамен приобретаются оборудование и станки. Это уже второй шаг. Потом, с ростом населения и иностранных инвестиций, начинает строиться промышленная, индустриальная цивилизация, что является третьим шагом. Происходит автоматизация всех процессов, ввоз продуктов питания, вывоз продуктов машиностроения, участие в развитии других более примитивных миров, и так далее. Это четвертый шаг. Развитые миры всегда быстро становятся густо заселенными; они укрепляют свою военную мощь, поскольку война — это поле деятельности машин, и они всегда окружают себя сельскохозяйственными мирами. Что же произошло с нами? Мы находились на третьей ступени; у нас развивалась промышленность. А сейчас? Этот рост полностью остановлен; более того — повернут вспять. Происходит это потому, что Тирания жестко контролирует наше развитие. Чем меньше они позволяют нам действовать,

тем беспомощнее мы становимся. Кроме того, если уж мы достаточно развиты в промышленном отношении, мы можем развивать и военную промышленность. Поэтому индустриализация приостановлена; исследовательская работа заморожена. И поскольку люди быстро привыкают к реальности, они уже даже не пытаются что-либо изобретать! Поэтому ты и удивился, когда я показывал тебе действие визисонора. Конечно, когда-нибудь мы одолеем Тиранию. Это неизбежно. Они не могут править вечно и становятся вялыми и ленивыми. Со временем они утратят многие традиции, их съест коррупция. Но понадобятся столетия, потому что история не терпит спешки. А когда эти столетия пройдут, мы все еще будем сельскохозяйственной державой, не имеющей промышленных или научных достижений, в то время как наши соседи, избежавшие контроля Тирании, будут сильными и урбанизированными. Поэтому Королевства по сути навсегда останутся колониями. Они никогда не смогут выкарабкаться, и все мы будем только зрителями в великом театре человеческих свершений.

— Кое-что из того, что ты говорил, мне известно, — сказал Байрон.

— Это естественно, если учесть, что ты получил

образование не здесь, а на Земле. Земля необыкновенно развита в социальном отношении.

— Разве?

— Конечно! Вся Галактика пребывает в постоянном состоянии экспансии со времен первых известных нам межзвездных путешествий. Мы уже были развивающимся и весьма незрелым обществом. Очевидно, что человечество достигает зрелости только в одном месте и только однажды, и это случилось на Земле непосредственно перед ее катастрофой. Население Земли находилось в безопасности от географической экспансии и поэтому столкнулось с такими проблемами, как перенаселенность, истощение ресурсов и так далее; эти проблемы никогда не стояли перед другими планетами Галактики. Они форсировали изучение общественных наук. Мы упустили в этом плане многое, и нам есть о чем жалеть, потому что эти науки — прелестная штука. Хенрик в молодости был великим примитивистом. Он имел целую коллекцию земных предметов, аналогов которым не находилось нигде в Галактике. С тех пор как он стал Правителем, это увлечение отошло, как и многие другие. В некотором смысле я унаследовал его. Земная литература неподражаема. Она чрезвычайно интроспективна, чего

нет в нашей экстравертной галактической цивилизации. Это ВОСХИЩАЕТ меня больше всего.

— Ты утешил меня, — улыбнулся Байрон. — Ты так долго был серьезным, что я начал бояться, не утратил ли ты своего чувства юмора.

Джилберт пожал плечами:

— Я расслабляюсь, и это прекрасно. Кажется, это происходит со мной впервые за много месяцев. Знаешь ли ты, что такое — все время играть роль? Скрывать свою личностную сущность двадцать четыре часа в сутки? Даже с друзьями? Даже наедине с самим собой не забывать о необходимости притворяться? Выглядеть безобидным чудаком? А ведь жизнь можно спасти, только если живешь так, как живу я. Но я все равно могу бороться с ними.

Он поднял глаза, и его голос торжествующе зазвучал в маленькой лаборатории.

— Ты умеешь управлять космическим кораблем. Я этого не умею. Разве это не странно? Ты рассуждаешь о моих научных способностях, а я не умею управлять простейшим космическим одноместным кораблем. Но ты умеешь это делать, и из этого вытекает, что ты должен покинуть Родию.

Вывод был совершенно безошибочным, но Байрон не подал виду. Он холодно спросил:

— Почему?

— Как я уже говорил, мы с Артемидой беседовали о тебе и предусмотрели такую возможность. Когда выйдешь отсюда, иди прямо в ее комнату. Она ждет тебя. Я начертил план, так что тебе не придется расспрашивать, как пройти через переходы. — Он пододвинул к Байрону маленькую металлическую пластинку. — Если тебя кто-нибудь остановит, скажи, что тебя вызывают к Правителю, и проходи дальше. Не переживай, что твои слова могут показаться кому-то неубедительными…

— Постой! — Байрон не хотел влипать в детективную историю еще раз. Хватит с него Джоунти, уговорившего сесть в космический корабль, и Представителя Тирании, отгадавшего все его тайны раньше, чем он успел их рассказать. Ему надоело быть игрушкой в чужих руках. Довольно! Они могли ограничить его в действиях, но не в желаниях. Он слишком упрям для них.

— Я здесь по очень важному для меня делу, сэр. И не собираюсь покидать Родию.

— Не будь молодым идиотом! — В голосе Джилберта прозвучали гневные нотки. — Кого ты хочешь провести? Думаешь, ты сможешь покинуть Дворец, если дождешься восхода солнца?

Тиранийцы свяжутся с Хенриком, и он заточит тебя в тюрьму. Он только и делает, что ждет их приказа, потому что самая страшная работа для него — это решать самому, как поступить. Он — мой кузен, и я хорошо знаю его, поверь…

— А если даже и так, что тебе до этого? Почему ты так заботишься обо мне? — Байрон отбросил всякую вежливость. Он не будет больше марионеткой в чужих руках!

Джилберт, вставая с места, произнес:

— Я хочу, чтобы ты взял меня с собой. Я забочусь исключительно о самом себе. Я больше не могу жить под игом Тирании. Если бы Артемида или я умели управлять космическим кораблем, мы бы уже давно сбежали отсюда. У нас нет еще одной жизни в запасе, и мы не собираемся доживать свой век на Родии!

Байрон несколько поколебался в своей уверенности:

— Дочь Правителя! А она тут при чем?

— Уверен, что она наиболее отчаянная из всех нас. Для женщин существует особая смерть. Кто может сделать так, что дочь Правителя — молодая, независимая и незамужняя — станет молодой, зависимой и замужней? Кто этот счастливчик? Это старый, мерзкий тиранийский

придворный, который уже угробил трех жен и желает погасить огонь юности в груди еще одной милой девушки.

— Правитель не допустит этого!

— Правитель допустит все, что угодно, лишь бы не лишиться своего звания.

Байрон вспомнил Артемиду, их последнюю встречу. Прекрасные густые волосы, нежная чистая кожа, черные глаза, алые губы! Высокая, веселая, юная! Эти слова подошли бы к миллионам девушек в Галактике. Но ожидавшая ее участь… Ужасно!

— А здесь есть исправный космический корабль?

Лицо Джилберта озарила улыбка. Но еще до того, как он успел что-либо сказать, послышался стук в дверь. Он повторился, и Джилберт сказал:

— Лучше открой дверь.

Байрон выполнил просьбу. В комнату вошли два охранника. Один из них отдал честь Джилберту и повернулся к Байрону:

— Байрон Фаррилл, от имени Представителя Тирании и Правителя Родии я арестую тебя.

— По какому обвинению?

— По обвинению в измене.

Джилберт смотрел в сторону. Выражение его

лица изменилось.

— На этот раз Хенрик поспешил; он действовал быстрее, чем я ожидал. Восхитительная мысль!

Он вновь играл свою роль, старина Джилберт.

— Следуй за мной, — сказал охранник, а другой подтолкнул Байрона в спину нейронным хлыстом.

Глава 8
Женские юбки

В горле у Байрона пересохло. Если бы он попытался вступить в драку, вооруженные охранники легко одолели бы его. Он знал это и не стал испытывать судьбу. Не оставалось другого выхода, кроме как подчиниться.

Но Джилберт сказал:

— Позвольте ему прихватить с собой пальто, господа.

Байрон бросил удивленный взгляд на маленького человечка. Ведь у него не было пальто!

Охранник сделал жест, который можно было истолковать как разрешение, и направил на Байрона хлыст:

— Ты слышал, что сказал милорд? Быстро бери пальто и идем!

Байрон медленно, как только мог, отступил назад. Он подошел к книжной полке и стал шарить рукой по стулу в поисках несуществующего пальто. Он ждал какого-нибудь сигнала от Джилберта.

Охранникам не виден был визисонор. Поэтому они также не заметили, как Джилберт нажал одну из кнопок. Байрон мысленно умолял аппарат включиться. Когда же он наконец заработает?

Охранник насмешливо спросил:

— Твое пальто что, валяется за стулом? Встать! — Он сделал шаг вперед и остановился. Его глаза округлились, и он скосил их куда-то влево.

Началось! Байрон рывком дернул за рукоять нейронного хлыста в руке охранника, и страж, как тюфяк, повалился на пол, выпустив оружие. Второй охранник был все еще вооружен, но сейчас это не имело значения. Свободной рукой он размахивал перед своими глазами, как бы отгоняя что-то.

Джилберт рассмеялся:

— Тебя что-то беспокоит, Фаррилл?

— Ничего, кроме хлыста в моей руке.

— Отлично! Тогда пошли. Они не смогут остановить тебя. Сейчас их мозг переполнен несуще-

ствующими звуками и образами.

Тело одного из охранников сотрясалось в конвульсиях; казалось, наступает агония.

— Осторожней, — предупредил Джилберт.

Второй охранник, сделав внезапный выпад, свалил юношу на пол. Это была атака вслепую. Вряд ли он видел Байрона в этот момент. Его пустые глаза не выражали никаких эмоций. Он хрипло дышал Байрону прямо в ухо; юноша брыкался, пытаясь высвободиться, но у него ничего не получалось. Воспользоваться вновь обретенным оружием он тоже не мог. Внезапно охранник издал какое-то мычание, сквозь которое едва прослушивались слова:

— Я уничтожу вас всех!

Воздух наполнился запахом озона, издаваемым лучом хлыста. Луч коснулся ноги Байрона. Юноше показалось, что он вступил в кипяток. Или что на ногу упала гранитная плита. Или ногу отрезало пилой. На самом деле с ногой физически ничего не произошло. Хлыст подействовал на нервные окончания, и они спровоцировали болевой эффект небывалой силы. Ничего другого луч не мог сделать.

Боль сковала все мышцы Байрона. Он даже не заметил, что схватка закончилась. Когда он

смог открыть переполненные слезами глаза, то увидел, что охранник, прислонившись спиной к стене, хихикает, бормоча что-то себе под нос. Первый охранник все еще лежал на спине, но сейчас его руки и ноги были вытянуты. Он молчал, но находился в сознании. Глазами он следил в воздухе за чем-то воображаемым, и его тело слегка вздрагивало. Из уголка рта стекала струйка слюны.

Байрон усилием воли заставил себя подняться. Он с трудом дополз до стены, опираясь на рукоять хлыста. Прислонившись спиной, он направил луч на одного охранника, затем на другого. Они не оказали никакого сопротивления. Байрон оглянулся на Джилберта. Тот выключил свой визисонор и потирал рукой щеку.

— Спасибо, — прошептал юноша.

— Не теряй времени! Беги к Артемиде! Скорее!..

Байрон понял, что тот прав. Его нога нестерпимо болела, но промедление грозило гибелью. Он поправил носок, перевязал шнурки на ботинках. Один хлыст у него уже был, но он вспомнил про второй и прихватил его тоже.

Подойдя к двери, он остановился и задал Джилберту мучивший его вопрос:

— Что ты дал им увидеть?

— Не знаю. Я не могу это контролировать. Я только вложил в прибор все свои силы, а остальное добавили их внутренние комплексы. Не теряй времени на болтовню! Ты не потерял схему, как добраться до комнаты Артемиды?

Байрон отрицательно покачал головой и выскочил в коридор. Там было пусто. Он не мог передвигаться быстро, поэтому попытался изобразить, что просто вышел прогуляться.

Глянув на часы, он вспомнил, что не выставил их по местному, родийскому времени. Они все еще показывали время, которым пользовались на борту космического корабля. При таком отсчете сто минут составляли час, а тысяча — день. Сейчас на них высвечивалось 876, и это ничего не значило на Родии.

Стены всегда имеют глаза и уши, и Байрон почувствовал это почти сразу же, как только вышел в коридор. Поэтому он торопливо сверился со схемой Джилберта и повернул вправо. Остановившись у двери в конце коридора, он коснулся рукой фотоэлемента. Дверь распахнулась.

— Входите, молодой человек.

Это была Артемида. Байрон скользнул в комнату, и дверь закрылась. Он, ничего не говоря,

смотрел на девушку. Странно, подумал Байрон, но наибольшее значение для меня имеет сейчас то, что на мне несвежая и продранная у плеча рубашка, а на лице, должно быть, видна свежая ссадина.

Кроме того, ему захотелось немедленно вычистить ботинки.

Она подвела его к креслу, усадила и взволнованно спросила:

— Что случилось? Что с твоей ногой?

— Поранился, — коротко ответил он. — Ты готова бежать?

Она просияла.

— Значит, ты берешь нас с собой?

Но Байрон еще и сам не знал, как ему поступить. Его нога ужасно саднила, и он украдкой потирал голень рукой.

— Как добраться до корабля? — спросил он. — Я намерен как можно скорее покинуть эту чертову планету. Если хочешь следовать за мной, могу прихватить тебя за компанию.

Она вспыхнула:

— Ты мог бы быть и повежливее. Ты с кем-то дрался?

— Да. С охраной твоего отца, намеревавшейся арестовать меня. Они забыли о моих священных

правах.

— О! Извини.

— И ты извини меня. Ничего нет странного в том, что тиранийцы более пятидесяти лет помыкают нами. Ведь мы сами охотно помогаем им в этом. Люди, подобные твоему отцу, пойдут на все, лишь бы удержаться у власти; они даже готовы забыть кодекс чести джентльмена! Впрочем, какая разница?

— Я уже попросила прощения, Господин. — Она надменно произнесла этот титул. — Но, пожалуйста, не считай, что ты вправе осуждать моего отца. Ты слишком мало о нем знаешь.

— Я не хочу обсуждать это. Нам нужно спешить, пока не подоспела стража. Ладно, я не хотел оскорбить твои чувства. Все в порядке. — Байрон не вполне владел собой, но, черт возьми, его не каждый день секли нейронным хлыстом, и ему это решительно не понравилось. И потом, они покушались на его свободу! Разве этого мало?

Артемида разозлилась. Не на отца, конечно, а на этого глупого молодого человека. Что он возомнил о себе? Он слишком молод, почти ребенок, вряд ли старше ее, как ей показалось; и вообще…

Раздался звук коммуникатора, и она торопливо сказала:

— Пожалуйста, подождите минутку, и мы пойдем.

Это был голос Джилберта. В нем звучал страх.

— Арта! В твоем крыле все в порядке?

— Он здесь, — ответила Артемида.

— Отлично! Ничего не говори, только слушай. Не выходите из комнаты. Его ищут по всему дворцу, и он может попасться им в лапы. Я попытаюсь что-нибудь придумать, но, ради бога, не двигайтесь с места!

Он не стал ждать ответа и прервал связь.

— Значит, так, — сказал Байрон, который все слышал. — Что прикажешь делать — оставаться и, возможно, навлечь на тебя беду или испытать судьбу и попытаться выбраться отсюда?

— Ох, да замолчи же, идиот!

Они замерли, глядя в лицо друг другу. Гнев застилал Байрону глаза. Черт побери, он пытается ей помочь, а она позволяет себе так с ним разговаривать!

Она не выдержала первая и, отведя глаза в сторону, прошептала:

— Извини.

— Все в порядке, — холодно ответил он. — Ты только высказала свое мнение.

— Ты не должен был так говорить о моем отце.

Ты ведь не знаешь, что такое — быть Правителем. Он служит на благо людей, что бы ты о нем ни думал!

— Ну, конечно же! Он хочет выдать меня Тиранийцам именно на благо людей. Весь смысл именно в этом.

— В некотором роде это так. Он должен подтвердить им свою лояльность. Иначе они могут сместить его и упразднить эту форму правления на Родии. Что же лучше?

— Если дворянин забывает о чести…

— Не думай только о себе. В этом твоя ошибка.

— Мне не кажется, что я не прав, когда не хочу умирать. И я предпочитаю сопротивляться, прежде чем умру. Мой отец боролся! — Он понимал, что ситуация становится мелодраматичной, но эта девчонка словно провоцировала его.

— И чем это помогло твоему отцу? — с издевкой спросила она.

— Ничем. Он был убит.

Артемиде стало стыдно.

— Мне очень жаль. — И добавила, как бы обороняясь: — У меня ведь тоже есть проблемы, как ты знаешь.

Байрон опомнился.

— Я знаю. Ладно, ну его все ко всем чертям!

Ноге его стало несколько легче, и Байрон слабо улыбнулся.

Артемида попыталась изменить тему:

— Знаешь, а НА САМОМ ДЕЛЕ ты не урод!

Байрон глупо улыбнулся:

— Ну, если…

Внезапно Артемида рукой зажала ему рот. Они замерли, глядя в сторону двери.

Снаружи, в коридоре, раздался топот множества ног. Затем топот прекратился, и в дверь позвонили.

Джилберт работал быстро. Сперва он спрятал свой визисонор. Затем вызвал капитана охраны. Он продемонстрировал ему двух лежащих охранников и поведал о том, что арестованный сбежал.

Капитана это огорошило. Попытавшись привести своих подчиненных в чувство, он обратился к Джилберту:

— Мой господин, я не совсем понял из твоих слов, что же произошло.

— То, что ты видишь, — ответил Джилберт. — Они пришли арестовать его, а он не подчинился. И теперь он убежал, а я не знаю — куда.

— Одна деталь, мой господин, — настаивал капитан. — Дворец хорошо охраняется, и я уве-

рен, что он не сможет выскользнуть из него. Но как ему удалось справиться с охранниками?! Ведь мои люди были вооружены! Он же был безоружен.

— Он сражался, как тигр. Из моего укрытия, из-за вон того стула…

— Мне очень жаль, мой господин, что все это произошло у тебя на глазах… Но почему ты не попытался помочь им?

— Прелестная мысль, капитан! Если твои вооруженные до зубов головорезы нуждаются в помощи такого старика, как я, то, кажется, пришло время заменить тебя кем-нибудь другим.

— Отлично! Мы обыщем весь Дворец, найдем его и посмотрим, сможет ли он повторить проделанное.

— Хотелось бы сопровождать вас, капитан.

Капитан удивленно приподнял брови:

— Я бы не советовал моему господину этого делать. Это опасно.

Хенриадов не стоило бы предупреждать от этом. Но Джилберт лишь улыбнулся:

— Я знаю, но иногда даже опасность бывает восхитительна.

Солдаты приступили к поискам через пять минут. Джилберту хватило этого времени, чтобы

позвонить Артемиде.

Услышав сигнал, Байрон и Артемида похолодели. Он повторился, потом в двери постучали, и они услышали голос Джилберта:

— Давайте я попробую, капитан, — и громко, настойчиво: — Артемида!

Байрон сделал шаг вперед, но девушка жестом приказала ему молчать. Она отозвалась:

— Минутку, дядя Джил, — и нажала кнопку, утопленную в стене.

Байрон в растерянности следил за ее действиями. Одними губами девушка прошептала:

— Сюда! — И ее руки стали быстро расстегивать застежки на платье. Байрон не мог отвести глаз от нее. Застежки наконец расстегнулись, и платье скользнуло к ногам Артемиды. Она схватила другое платье, подтолкнула его рукой в гардеробную, сама выскочила оттуда и закрыла за собой дверь.

Байрон оказался в кромешной темноте. Ни одного лучика не пробивалось из-под дверного проема. В воздухе пахло духами. Он нащупал рукой стопку юбок и спрятался за ними. С помощью Джилберта он одолел двух стражников, но здесь ему оставалось только лишь прятаться под юбками. Под женскими юбками.

Ему захотелось стать сейчас невидимым и

оказаться в комнате рядом с этой девчонкой. Отчаянная дама и, что самое приятное, совершенно не похожа на своего отца.

Сейчас ему оставалось только ждать, спрятавшись за стеной; ждать звука шагов в комнате, ждать включения двери, ждать встречи с врагами. Да, теперь визисонор бессилен помочь ему!

Он ждал, сжимая по нейронному хлысту в каждой руке.

Глава 9
И мужские брюки

— В чем дело? — Удивление Артемиды было почти непритворным. Она обращалась к Джилберту, стоящему в дверях рядом с капитаном охраны. Позади них маячили полуодетые люди. Она быстро спросила:

— Что-нибудь случилось с отцом?

— Нет-нет, — успокоил ее Джилберт, — не произошло ничего, из-за чего стоило бы беспокоиться. Ты спала?

— Конечно! И вся моя прислуга тоже давно спит. Вы напугали меня до полусмерти!

Внезапно она повернулась к капитану, и в ее голосе зазвучал гнев:

— Что от меня хотят, капитан? Пожалуйста, выясните ваши проблемы поскорее! Сейчас не время для подобных вторжений.

Джилберт не дал никому раскрыть рта:

— Произошла восхитительная вещь, Артемида! Молодой человек — как там его зовут?.. Ну, ты меня поняла — сбежал, снеся две головы на своем пути. Сейчас мы как раз охотимся на него. И я, как верный пес, помогаю капитану в этом нелегком деле.

Артемида усилием воли заставила себя сдержать улыбку.

Губы капитана задрожали, и он прервал речь Джилберта:

— Позвольте заметить, мой господин, что насмешки сейчас неуместны. Госпожа, человек, именующий себя сыном экс-Господина Вайдемоса, был арестован за измену. Он сумел скрыться из-под стражи. Сейчас мы обыскиваем Дворец. Комната за комнатой…

Артемида, отступив назад, возмущенно спросила:

— Включая и мою комнату?!

— Если Госпожа не возражает…

— Госпожа возражает. Если бы в моей комнате находился посторонний мужчина, я бы знала об

этом. А подозрения, что я могла укрывать у себя подобного человека, в высшей степени бестактны. Взгляните на это с моей стороны, капитан!

Это отлично сработало. Капитан только смог выдавить из себя:

— У нас нет ни малейших подозрений в отношении вас, моя Госпожа. Приношу свои извинения за беспокойство в столь поздний час. Но это необходимо в целях вашей же безопасности. Он очень опасен.

— Надеюсь, не настолько опасен, чтобы улизнуть от вас, капитан.

В разговор вновь вмешался Джилберт:

— Капитан, хочу предложить выставить охрану у двери госпожи Артемиды, чтобы ничто не могло потревожить ее сон. И тогда, моя дорогая, — он поцеловал кончики пальцев племянницы, — вы простите нас.

— Будет достаточно, — холодно возразила Артемида, — просто запереть и заблокировать мою дверь.

— Ты не права, Артемида. Ты недооцениваешь наших доблестных стражей. У них отличная форма. Она понравится тебе, когда один из солдат останется здесь, у двери.

— Мой господин, — нетерпеливо перебил ка-

питан, — у нас мало времени. Сейчас неуместно шутить.

В ответ на его жест один из солдат козырнул Артемиде и занял порученный ему пост в коридоре. Вскоре в обоих направлениях по коридору зазвучали удаляющиеся шаги.

Артемида выждала немного, потом приоткрыла дверь на пару дюймов. Страж был здесь. Он стоял, слегка расставив ноги, откинувшись назад, с оружием в правой руке, держа левую руку на спусковой кнопке. Он был высоким и сильным. Высоким, как Байрон с Вайдемоса, но менее широким в плечах.

Ее приятно удивило вдруг, что Байрон — молодой и неразумный в своих взглядах на вещи — был более мускулистым и сильным. С ее стороны глупо сердить Байрона; вдобавок на него очень приятно смотреть.

Она прикрыла дверь и потихоньку направилась в гардеробную.

Байрон услышал шум отворяемой двери. Он затаил дыхание, а его пальцы крепче стиснули оружие.

Артемида уставилась на хлысты:

— ОСТОРОЖНЕЙ!

Он шумно выдохнул и спрятал хлысты в карма-

ны. Это было не самое удобное место, но ничего лучшего он придумать не смог.

— Это на случай, если кто-нибудь обнаружит меня, — сказал он.

— Выходи. И говори шепотом.

Она была в ночной рубашке, сквозь которую мерцала, просвечиваясь, ее прекрасная кожа. Ничего более привлекательного и совершенного, чем фигура Артемиды, Байрону видеть не приходилось. Он чувствовал, что непроизвольно краснеет.

Выждав минуту, Артемида нетерпеливо спросила:

— О чем ты думаешь?

Байрон растерянно посмотрел на нее:

— Что? Ой, прости…

Он повернулся к ней спиной и стал внимательно изучать маленькую трещинку в стене. Ему не приходило в голову задуматься, почему она не переоделась перед тем, как вошла к нему. Подобные глубины женской психологии, требовавшие глубокого анализа, были ему неведомы.

Когда он повернулся, она уже облачилась в черный костюм-«двойку», юбка которого не прикрывала колени. Это произвело на Байрона еще более сильное впечатление, чем ее ночной наряд.

Он автоматически спросил:

— Так мы идем?

Она покачала головой.

— Сперва ты должен кое-что сделать. Тебе необходимо переодеться. Стань за дверью, а я позову охранника.

— Какого охранника?

Она загадочно улыбнулась:

— Они оставили за дверью охранника. Это была идея дяди Джила.

Дверь тихонько отворилась. Охранник был все еще на месте.

— Эй, солдат! — прошептала она. — Входи, быстро!

У солдата не было никаких причин не выполнить распоряжение дочери Правителя, поэтому со словами: «К вашим услугам, моя го…» — он вошел в комнату, и тут, подавившись последним словом, упал от неожиданного удара.

Артемида быстро захлопнула дверь и со страхом, смешанным с состраданием, смотрела на упавшего охранника. Она никогда раньше не видела залитого кровью лица и в ужасе отвернулась.

Через мгновение охранник бессильно повис на руках Байрона, и тот бесшумно опустил стража

на пол.

— Он умер? — испуганно прошептала Артемида.

— Думаю, что нет. Но некоторое время он не сможет прийти в сознание. У тебя найдется чем связать его?

Она лишь беспомощно покачала головой.

Байрон подсказал ей:

— У тебя должны быть чулки. Они бы подошли. — Он уже обезоружил охранника и снял с него одежду. — И потом, мне бы хотелось умыться. Я обязательно должен это сделать.

Обстановка ванной комнаты Артемиды умиротворяюще подействовала на Фаррилла. В воздухе витал запах хорошего мыла и духов. Он вымылся под душем и высушился «воздушным полотенцем». У него не было ничего подобного ни на Вайдемосе, ни на Земле.

Форма охранника оказалась слегка маловата, и потом Байрону не нравилась форменная фуражка. Он критически рассматривал свое отражение в зеркале.

— Как я выгляжу?

— Как солдат, — ответила Артемида.

— Тебе придется взять один из этих хлыстов. Я не могу нести три.

Она двумя пальчиками взяла хлыст и сунула его в сумку, которая, как намагниченная, висела у нее сбоку, оставляя свободными руки.

— Сейчас нам лучше идти. Не говори ни слова, если мы встретим кого-нибудь, и предоставь все разговоры мне. Твой акцент легко выдаст тебя. Помни! Ты — простой солдат.

Охранник на полу слегка пошевеливался и приоткрыл глаза. Он был крепко связан.

Переступив через него, Артемида позвала Байрона:

— Сюда!

Внезапно за спиной юноши что-то прошелестело, и легкая рука коснулась его плеча. Он резко обернулся, свободной рукой выхватил из кармана оружие.

Но это был Джилберт, который сказал:

— Эй, полегче!

Байрон опустил хлыст.

— Я ждал вас, но это не значит, что ты можешь переломать мне все кости. Дай лучше рассмотреть тебя, Фаррилл. Форма сидит на тебе как влитая; и в ней ты — просто солдат, как и любой другой солдат в форме.

— Дядя Джил, — прошептала Артемида, — не говори так много! Где остальные охранники?

— Обшаривают башню. Они решили, что раз нашего друга нет на низших уровнях, следует искать его на самом верху. Система оповещения отключена, и мы беспрепятственно сможем миновать ее.

— Они не хватятся вас, сэр? — спросил Байрон.

— Меня? Ха! Капитан просто мечтал о моменте, когда я лишу его своего общества. Я уверен, они не станут искать меня.

Они говорили шепотом, но вдруг резко умолкли. Вдали показались три охранника. Они вышли из-за двери, ведущей наружу.

Джилберт окликнул их:

— Известно что-нибудь о беглеце?

— Нет, мой господин, — сказал один из них, отдавая честь.

— Ладно, держите глаза открытыми и не прозевайте его, — и наши друзья прошествовали прямиком в дверь, откуда только что вышли солдаты.

Снаружи царила ночь. Небо было чистым и звездным. Вдалеке вспыхивали огоньки. Дворец нависал над людьми черной массой, а в полумиле отсюда виднелось Дворцовое поле.

Они не прошли и пяти минут, как вдруг Джилберт остановился.

— Что-то здесь не так, — бросил он.

— Дядя Джил, — спросила Артемида, — ты не забыл подготовить корабль?

— Конечно, нет, — он гневно взглянул на нее. — Но почему летная башня вся светится? Она должна быть темной.

Он указал в сторону деревьев, за которыми белым светом сияла башня, которая использовалась для взлетов и посадок всех космических кораблей.

— Сегодня ночью ничего такого не ожидалось, — пробормотал Джилберт. — Это странно…

Они увидели ответ на свой вопрос почти сразу же. Джилберт остановился и резким движением руки задержал своих спутников.

— Все пропало, — истерически хихикнул он. — Вот оно и пришло — то, чего так боялся идиот Хенрик! Они здесь! Тиранийцы! Понятно? Это вооруженный корабль Аратапа.

Байрон тоже увидел корабль, явственно выделяющийся на фоне неосвещенных судов. Он был легче, изящнее и тоньше, чем корабли Родии.

Джилберт сказал:

— Капитан ГОВОРИЛ, что «персоны» прибудут сегодня, но я не обратил на это внимания. Теперь мы ничего не сможем сделать. Нам не одолеть

тиранийцев.

Внезапно Байрона охватило раздражение.

— Это почему же? Почему мы не одолеем их?! Они не ждут нас, а мы к тому же хорошо вооружены. Так давайте захватим собственный корабль Представителя Тирании, а его самого оставим со спущенными штанами.

Он двинулся вперед, прячась в тени деревьев. Остальные последовали за ним. Им не было необходимости прятаться, и они скоро это поняли. Выпрямившись, все трое двинулись в направлении башни; два члена королевской династии и эскортирующий их солдат.

Им предстояло сражение с Тиранийцами.

Саймок Аратап был потрясен, когда год назад увидел Центральный Дворец на Родии. Сейчас, конечно, от былого восхищения остались лишь воспоминания; и все казалось слишком древним. Двумя поколениями ранее на эти земли высадились первые поселенцы, и теперь здесь располагалось большинство родийских административных зданий. В самом сердце планеты был построен Центральный Дворец.

Раз в году в нем собирались члены Исполнительного Совета (Хан не возражал против существования таких скромных форм демо-

кратии) и утверждали все серьезные решения за последние двенадцать месяцев. Собственно говоря, Совет был постоянно действующим органом, но так уж сложилось, что большинство его членов одиннадцать месяцев в году забывали о своих обязанностях. А те, кто заседал в Совете постоянно, хорошо осознавали свою зависимость от Правителя и в еще большей степени — от Тиранийцев.

Поэтому все величие дворца на поверку оказывалось чисто внешним. Там проживала семья Правителя, большой штат прислуги и незначительное количество охраны.

Аратапу было несколько неуютно. Уже поздно, он чертовски устал, его глаза болели, потому что он долго не снимал контактные линзы, и, кроме того, он был сбит с толку.

Вполуха прислушиваясь к разговору Правителя с майором охраны, он отстраненно поинтересовался:

— Сын Вайдемоса? Любопытно! Итак, вы арестовали его? Очень верное решение.

Вайдемос был предателем, а его сын попытался встретиться с Правителем Родии. Сперва он хотел сделать это тайно, но, когда его планы провалились, он рискнул открыться. Должно же это

иметь какой-нибудь смысл?!

Но почему Хенрик мечтает немедленно избавиться от мальчишки?! Или Аратап еще не проанализировал всех фактов?

Он попытался вновь сосредоточиться на том, что говорит Правитель. Хенрик начал повторяться. Нет, он все-таки крайне несимпатичен, даже если принять во внимание его преданность Тирании. Его лояльностью движет только страх. Страх, и ничего более.

Вот Вайдемос — тот не боялся и бунтовал против тиранийских законов. А Хенрик боится, и в этом их разница.

Вслух же Аратап сказал:

— Прекрасно. Я доволен вашей службой и доложу обо всем Хану. Он будет рад услышать это.

Хенрик просиял от удовольствия.

— Доставьте же вашего «петушка» сюда, и мы послушаем, что он запоет. — Слова сопровождались громким зевком. Ему было совершенно неинтересно, что может спеть «петушок».

Хенрик собрался вызвать по телефону капитана охраны, но в этом не было необходимости, потому что капитан сам возник перед ним. Стоя в дверном проеме, он воскликнул:

— Ваше Превосходительство, заключенный

скрылся!

В душе Аратапа шевельнулся страх.

— Подробнее, капитан! — приказал он, выпрямившись на стуле.

Глотая слова, капитан объяснил, как все произошло. Закончил он словами:

— Прошу разрешить мне, Ваше Превосходительство, объявить общую тревогу. Он может улизнуть в любую минуту.

— Конечно, вне всяких сомнений, — воскликнул Хенрик, — вне всяких сомнений! Скорее, мой друг, скорее! Господин Представитель, я не мог предположить подобного поворота событий. Это недоразумение, сэр. Если вы сочтете нужным, я казню всех охранников. Всех!

Он повторял и повторял последнее слово, близкий к истерике. Но капитан не сдвинулся с места. Было очевидно, что он хочет сказать что-то еще.

— Чего вы ждете? — спросил Аратап.

— Могу ли я поговорить с Его Превосходительством наедине?

Хенрик бросил быстрый, испуганный взгляд на невозмутимого Аратапа.

— У нас, — выдавил он, — не должно быть секретов от солдат Хана, наших друзей…

— Говорите, капитан, — прервал его Аратап.

Отбросив минутные колебания, капитан произнес:

— Хочу сообщить, Ваше Превосходительство, что Госпожа Артемида и Господин Джилберт помогали арестованному бежать.

— Он попытался похитить их? — Хенрик вскочил на ноги. — И мои солдаты допустили это?

— Их никто не пытался похитить, Ваше Превосходительство. Они помогали ему добровольно.

— Откуда вам это известно? — Аратап был удивлен, но удивлен приятно. Очень неплохой поворот событий!

— При проверке постов во дворце я обнаружил, что часовой, которого я поставил у дверей Госпожи Артемиды, убит. Она обманула меня, сказав, что спит. Когда обман обнаружился, было слишком поздно. Поэтому перед тем, как объявить сигнал тревоги, я хочу получить разрешение на арест членов королевской семьи.

Хенрик отсутствующим взглядом смотрел на него, не произнося ни слова.

Аратап сказал:

— Капитан, мне кажется, ваш Правитель нездоров. Было бы лучше, если бы вы пригласили его врача.

— Общая тревога! — повторил капитан.

— Не будет никакой общей тревоги, — резко бросил Аратап. — Вы меня поняли? Никакой общей тревоги! Никаких поисков арестованного! Инцидент исчерпан! Прикажите вашим людям возвращаться в казармы, а сами исполняйте свой долг по отношению к вашему господину. Идемте, майор.

Майор заговорил только после того, когда они покинули Центральный Дворец.

— Аратап, — заявил он, — уверен, вы знаете, что делаете. Именно поэтому я предпочел ни во что не вмешиваться.

— Благодарю вас, майор, — Аратап полной грудью вдыхал ночной воздух, в котором так хорошо смешивались запахи зелени и земли. Тирания — более красивая планета, но она красива своими горами и скалами. Иногда ее пейзаж казался Аратапу суховатым.

Он продолжил:

— Хенрику это не помогло бы, майор Андрос. Он полезен, но нуждается в хорошем лечении.

— Тогда почему вы запретили объявить тревогу?

— Давайте на минутку присядем, Андрос, — Аратап остановился. — Вот как раз подходящая скамейка. Какое прекрасное местечко!.. Майор,

зачем вам нужен юноша?

— А зачем мне нужен любой заговорщик и конспиратор?!

— Но, поймав нескольких птичек, вы оставите нетронутым само осиное гнездо. Что даст вам арест мальчишки, девчонки и старого олуха?

Рядом раздался звук, как будто что-то упало в воду. Что-то маленькое, но тяжелое. Странно, подумал Аратап. Насколько ему было известно, никакой воды в той стороне не было. Может, это игра воображения?

— Если так, — тем временем отвечал майор, — то арест не даст ничего.

— Когда юноша прибыл сюда, мы связали его с Хенриком — и в этом была наша ошибка. Сейчас уже ясно, что дело вовсе не в Хенрике. Дело в его дочери и кузене.

— Почему этот болван капитан так долго не сообщал нам о случившемся?

— Потому что он глуп как пробка. Думаю, мальчишка готов убить каждого, кто приблизится к нему, а Джилберт мнит себя героем. Как ты думаешь, что они предпримут?

— Родия большая, — пожал плечами майор.

— Да, она большая для мальчишки Фаррилла, но как быть с двумя членами королевской семьи?

Им не удастся остаться неузнанными. Особенно девушке.

— Тогда они, по-видимому, должны попытаться покинуть планету.

— Каким образом? До Дворцового поля им идти не более пятнадцати минут. Там мы и должны быть сейчас. Это единственный вариант.

— НАШ КОРАБЛЬ? — спросил майор.

— Конечно. Тиранийский корабль идеально подошел бы для их целей. Фаррилл получил образование на Земле и, я уверен, сумеет управлять им.

— Я не могу поверить в это!

— И все же будет лучше, если мы сейчас уже установим контакт с судном. Вызывайте его!

Однако корабль не отвечал. Они попытались связаться со взлетной площадкой. Через мгновение им ответил тихий голос. На вопрос о корабле он растерянно пробормотал:

— Но… Я не понимаю… Это какая-то ошибка! Ваш пилот покинул планету десять минут назад!

— Видите? — рассмеялся Аратап. — Надо только подойти к факту логически, и вы все оцените правильно. Можете представить себе, каковы будут последствия?

Майор представлял. Он внезапно тоже засме-

ялся:

— Конечно!

— Они, безусловно, не могут знать, — сказал Аратап, — что уничтожат сами себя. Их ничто не спасет. Это так же верно, как то, что на мне мои собственные брюки. Скоро все разрешится, и можно будет отдохнуть!

Он почувствовал, что засыпает.

— Ну, нам повезло, и теперь можно не спешить. Вызовите центральную базу, и пусть за нами пришлют другое судно.

Глава 10
Возможно!

Познания Байрона Фаррилла в космонавигации были скорее академического характера. В университете он прослушал специальный курс, из которого половину семестра они изучали теорию действия гиператомного мотора. Лекции им читали пилоты, и Байрону было известно многое из истории космических полетов. Но ведь всем также известно, что искусством управления космическим кораблем можно овладеть только в космосе, а не на студенческой скамье.

Поэтому юноше приходилось полагаться не

на опыт, а на случай. «Беспощадность» была космическим кораблем совершенно нового типа. Байрону на Земле приходилось управлять несколькими космолетами, но все они были устарелых моделей, приспособленных исключительно для обучения студентов. Их механизмы вконец износились, а скорость прохождения сквозь слои атмосферы упала до предела.

«Беспощадность», напротив, осуществила свой взлет с немыслимой скоростью, так что Байрона вжало в кресло, а все его суставы онемели. Артемиду, Джилберта, а также захваченного нашей компанией тиранийца постигла та же участь — за исключением того, что они молча лежали у стены, а тираниец еще и непрерывно постанывал.

Поднявшись, Байрон ударом заставил пленного замолчать. И тут же был отброшен назад в кресло — ускорение не любило шутить. Они достигли верхних слоев родийской атмосферы. Небо здесь было темно-фиолетовым, а обшивка корабля накалилась настолько, что жар ощущался даже внутри.

Через пару часов Байрону удалось вывести судно на орбиту. Он никак не мог рассчитать скорость, необходимую для преодоления родий-

ского притяжения. Он пытался манипулировать кнопками, наблюдая за показаниями массометра, показывающего изменение удаленности судна от поверхности планеты. Ему повезло — массометр был настроен на массу и радиус Родии. Самому Байрону это никогда не удалось бы.

Но вот уже два часа, как показания массометра не менялись. Байрон решил, что необходимо несколько расслабиться. Спутники последовали его же примеру.

Артемида произнесла:

— Вы несколько неуклюжи, Господин Вайдемоса.

— Милая леди, — раздраженно ответил ей Байрон, — если вы считаете, что сделаете это лучше, — можете попытаться, но только после того, как я покину борт корабля.

— Спокойнее, спокойнее, — вмешался Джилберт. — Корабль — слишком неподходящий плацдарм для споров. И не стоит так официально называть друг друга. Я Джилберт, ты — Байрон, она — Артемида. Думаю, нам лучше пользоваться при обращении друг к другу именно этими именами. А что касается управления кораблем, то хочу спросить: почему бы нам не воспользоваться услугами нашего тиранийского друга?

Тираниец бросил в его сторону свирепый взгляд, и Байрон сказал:

— Нет. Ему нельзя доверять. И потом, мне кажется, я сумею управлять этим кораблем. Ведь я еще не разбил его, верно?

Его плечи все еще болели от перегрузок; и боль, как обычно, вызывала в нем глухое раздражение.

— Тогда, — продолжил Джилберт, — что же мы сделаем с ним?

— Мне бы не хотелось убивать его, — ответил Байрон, — да это и не поможет нам. Убийство будет только на руку Тирании. Насильственная смерть одного из представителей этой чертовой расы — уже, с их точки зрения, непростительный поступок.

— Но где же выбор?

— Нам придется высадить его.

— Отлично! Каким образом и где?

— На Родии.

— Что?

— Это единственное место, где они не рассчитывают нас найти. Кроме того, мы все равно скоро опустимся на планету.

— Почему?

— Посмотри, ведь это корабль Представителя, и

он используется для кратковременных полетов. Он не приспособлен для длительных космических путешествий. Кроме того, отправляясь в долгий путь, не мешало бы запастись едой и водой.

Артемида согласно закивала:

— Он прав! Молодец! Мне это даже в голову не пришло. Очень разумно, Байрон!

Байрон сделал безразличный вид, но ему были весьма приятны ее слова. Она впервые обратилась к нему по имени. Когда она хочет, то может быть очень милой…

Джилберт перебил ее похвалы:

— Но он по рации сообщит о нашем местопребывании.

— Не думаю, — ответил Байрон. — На Родии наверняка есть незаселенные места. Мы же не собираемся высадить его в центре большого города или посреди одного из тиранийских гарнизонов. Кроме того, он и сам не настолько глуп, чтобы вступать в контакт со своими соотечественниками… Скажи, болван, что у вас происходит с солдатом, который позволяет бунтовщикам использовать корабль, принадлежащий одному из Представителей Хана, против него же самого?

Заключенный ничего не ответил, но резко

побледнел, а губы его задрожали. Байрону не хотелось бы сейчас оказаться на месте этого бедняги.

Двумя днями позже они приземлились на окраине поселка Саузвока. Они выбрали это место потому, что поселок находился вдали от густонаселенных районов планеты. Тиранийскому солдату предстояло преодолеть более пятидесяти миль до ближайшего крупного города.

Посадка на пустынном берегу прошла удачно, и Байрон в качестве пилота почувствовал себя более уверенно. Пора было думать об удовлетворении своих естественных потребностей, какими были голод и жажда. Раздобыть провизию в городе означало подвергать себя страшному риску, но выбора не оставалось.

Друзья понимали, что им нужна еда вполне определенного вида. Она являлась продуктом пищевой промышленности тиранийцев и предназначалась для длительных космических перелетов. Это были стандартные пищевые концентраты, содержащие строго выверенное количество калорий и минеральных веществ. По размеру они представляли собой одну двадцатую от веса пищи животного происхождения и хранились в виде брикетов при низкой температуре.

Конечно, вкусовые качества концентрированной еды оставляли желать лучшего, но с этим приходилось мириться.

Артемида уже некоторое время пребывала в состоянии некоторой раздраженности и неустанно повторяла, что еда эта «омерзительна». Байрон понимал, что отнюдь не еда причина плохого настроения. Все дело было в нехватке пространства. Например, у них не было раздельных спален. Корабль был военным, поэтому удобства для пассажиров на нем не предусматривались. Артемиду тяготила невозможность уединиться, отсутствие умывальных принадлежностей, отсутствие зеркал, невозможность сменить наряд и так далее.

Что ж, ей придется мириться, подумал Байрон. Он и так достаточно делает для нее. Но почему она постоянно недовольна и так редко улыбается? У нее хорошая улыбка, глядя на нее, можно забыть о дурном характере девушки. Но этот характер — о, боже!..

Впрочем, стоит ли думать о ней так долго?

Ситуация с водой обстояла хуже. Тирания была безводной пустынной планетой, где вода являлась наградой и ее использовали только для утоления жажды, а не для водных процедур. Тиранийцы не создали никаких способов концен-

трировать воду, чтобы она занимала меньший объем, а содержание воды в пищевых концентратах было крайне низким.

На корабле имелись устройства по переработке жидкости, теряемой телом, но Байрон, поняв принцип их действия, решил никогда не прибегать к их услугам. Химически здесь все было несложно, но оператору требовалось специальное образование.

В свободное время он знакомился с системой управления кораблем. Нажимая на пульте различные кнопки, он пытался проанализировать их действие, тщательно записывая свои выводы.

Однажды это его занятие прервал Джилберт.

Байрон через плечо взглянул на него:

— Надеюсь, Артемида в кабине?

— На судне нет другого места, где она могла бы быть.

— Когда увидишь ее, скажи, что отныне я намерен ночевать в кабине пилота, что советую сделать и тебе. Тогда другая кабина будет в полном ее распоряжении. — Он помолчал и добавил: — Надеюсь, это утешит ее.

— Ты не должен забывать, что она всегда вела совсем другую жизнь, — мягко укорил его Джилберт.

— Отлично! Разумеется, я это прекрасно помню. Как ты думаешь, какой жизнью жил я? Я ведь тоже не родился на одном из необитаемых астероидов, как тебе известно! Между прочим, все детство я провел во Дворце Нефелоса! Так что не нужно драматизировать ситуацию. Что я могу поделать, если на корабле не предусмотрена ванная? Она дуется на меня так, будто я проектировал этот чертов корабль!

Этот взрыв предназначался не Джилберту. Просто Байрону необходим был выход эмоций.

Дверь распахнулась; на пороге стояла Артемида. Она холодно сказала:

— Будь я на вашем месте, мистер Фаррилл, я бы воздержалась от крика. Ваш голос слышен даже в самом дальнем уголке корабля.

— Это мало волнует меня, — ответил Байрон. — Если что-то на корабле не устраивает тебя, прошу помнить, что если бы твой дорогой папаша не пытался меня убить, а тебя выдать замуж, — мы никогда не оказались бы здесь.

— Не смей так дурно говорить о моем отце!

— Я буду говорить о ком угодно и что угодно.

Джилберт зажал руками уши.

— Пожалуйста! — ЗАВИЗЖАЛ он.

Это произвело мгновенный эффект.

— Зачем нам спорить? — как ни в чем не бывало продолжил Джилберт. — Ведь очевидно, что чем скорее мы выберемся отсюда, тем лучше будет для всех нас.

— Я согласен с тобой, Джил, — кивнул Байрон. — Давай уйдем куда-нибудь, где мне не придется терпеть ее капризы. Тоже мне, женщина на космическом корабле!

Слова Артемиды, как бы не услышавшей его, относились только к Джилберту:

— Почему мы не улетаем отсюда?

— Не знаю, почему не улетаешь ты, — насмешливо сказал Байрон, — а я рассчитываю вернуть себе свои владения, а также отомстить за смерть отца. Поэтому я остаюсь в Королевстве.

— Я не говорю, — уточнила Артемида, — что мы должны улететь навсегда, но не лучше ли дождаться других времен где-нибудь в более безопасном месте? Я не представляю, как ты сможешь вернуть себе то, что отняли у твоего отца, пока жива Империя Тиранов.

— Ты никогда не понимала, что и зачем я делаю.

— Можно внести предложение? — вмешался Джилберт. Он дождался тишины и добавил: — Мне кажется, Арта права. Пока сильна Империя,

ты не сможешь ничего. Следовательно, мы должны помочь ей расколоться на кусочки.

— Да? И как же ты предполагаешь это сделать?

— Мой дорогой мальчик, — улыбнулся Джилберт, — ты поражаешь меня. И не смотри на меня, как на безумца. Все-таки это я помог тебе выбраться из дворца.

— Я знаю. Именно поэтому я внимательно слушаю тебя.

— Так продолжай слушать. Я ждал этого случая двадцать лет. Если бы я был простым горожанином, я бы уже давно мог сделать это; но в силу своего рождения в королевской семье я всегда находился на виду. Впрочем, мое положение имеет и свои положительные стороны. Как один из Хенриадов, я присутствовал на коронации нынешнего Хана Тирании и теперь знаю секрет, который позволит однажды этого Хана уничтожить.

— Продолжай, — коротко приказал Байрон.

— Путешествие с Родии на Тиранию и обратно проходило на военном судне, похожем на это, но гораздо большем по размерам. Путешествие было неинтересным. Пребывание на Тирании имело свои восхитительные моменты, но, с нашей точки зрения, тоже было не слишком интересным. А

вот по дороге назад нас сбил метеор.

— Что?!

Джилберт предостерегающе поднял руку:

— Я прекрасно знаю, как невероятно это звучит. Случаи с метеорами — достаточная редкость в космосе, и шансов спастись мало.

— Знаю, — согласился Байрон. — Сейчас ведутся большие исследования по вопросу связи их массы со скоростью. Слишком большая скорость уменьшает массу, — он повторил это как заученный урок и поймал на себе насмешливый взгляд Артемиды.

Она, сидя совсем близко от него, внимательно слушала Джилберта. Их плечи почти соприкасались. Байрон отметил, что профиль девушки был прекрасен, и даже слегка растрепанные волосы не портили его. Она сняла жакет, ее белоснежная блузка имела на себе следы сорокавосьмичасового непрерывного ношения, но при этом выглядела все же достаточно свежей. И как ей это удается?

Если она будет держать себя в руках, путешествие обещает быть чудесным, думал он. Проблема лишь в том, что никто не мог обуздать ее. Этого не сумел бы и ее отец. Она слишком самоуверенна. Если бы она родилась военачальником, не хотел бы Байрон служить под ее

командованием!

Он только было начал мечтать, что случилось бы, если бы ему удалось подчинить ее своей воле, как она повернула к нему голову, и их глаза встретились. Байрон тут же отвел взгляд и сосредоточился на речи Джилберта. Он и так упустил несколько фраз.

— Я не знаю, почему не сработал экран. На это, пожалуй, не ответит никто. Метеор ударил по обшивке и вполне мог бы пробить ее насквозь; тогда нас ничто не спасло бы. Но его рикошетом отбросило в сторону. Осколок попал в каюту и разрубил на кусочки двух находившихся там придворных. Меня спасло лишь то, что в это время я был в туалете. Когда я вошел в каюту, встревоженный страшным грохотом, она была залита кровью. То, что произошло потом, я помню слабо, хотя год за годом я тщательно восстанавливал цепь событий. После осмотра корабля мне стало ясно, что в живых остался только я один. Все остальные по той или другой причине были мертвы. Как же мне вернуться? Я был полностью беспомощен. Я не мог покинуть судно, я не мог управлять им; даже не знал, как пользоваться системой пространственной связи, чтобы послать сигнал бедствия. Мне пришлось предоставить

судну лететь своим курсом.

— Но это же… — Байрон был совершенно ошеломлен рассказом. — А Прыжки через гиперпространство? Если бы ты не совершал их, ты не был бы здесь.

— Тиранийский корабль, — сказал Джилберт, — совершает такие Прыжки автоматически.

Байрон недоверчиво уставился на него. Джилберт считает его идиотом?

— Ты все это придумал!

— Вовсе нет. Это — одно из военных изобретений, которое помогло им выиграть войну. Их тактика всегда отличалась от нашей, потому что базировалась на автоматике. Автоматических Прыжках. Это увеличивало маневренность их кораблей и давало возможность поворачивать ход любого сражения в то русло, которого мы никак не могли предвидеть.

Я считаю, что это — один из наиболее охраняемых секретов их технологии. Я не понял его, пока летел на борту «Кровопийцы» — не правда ли, очаровательное название?.. Тиранийцы любят давать судам неприятные для слуха имена, — но увидел его в действии. Я видел, что корабль совершает Прыжки и ничье вмешательство для этого не нужно.

— Ты хочешь сказать, что этот корабль тоже способен на такое?

— Я не знаю. Я только предполагаю это.

Байрон повернулся к приборной доске. Там оставалось еще много кнопок, значения которых он не знал. Ладно, подождут!

Затем он вновь взглянул на Джилберта:

— И корабль доставил тебя домой?

— Нет. Сперва корабль начал тормозить, и я решил, что путешествие окончено, но потом обнаружил, что мы находимся совсем рядом с планетой. Я решил, что меня, очевидно, сумеют обнаружить с помощью радара. Корабль направился прямо к планете. И все же он мог пролететь мимо. Я не хотел допустить этого и поэтому решил воспользоваться радиосвязью. К счастью, у меня есть некоторые познания в радиотехнике.

— Итак, ты воспользовался ею? — нетерпеливо спросил Байрон.

— Да, и они пришли и спасли меня.

— Кто?

— Люди с планеты. Она была обитаема.

— Что же это была за планета?

— Я не знаю.

— Ты хочешь уверить меня, что они не сказали тебе этого?

— Восхитительно, не правда ли? Да-да, именно так! Они не сказали мне. Но эта планета находится где-то среди Королевств Космической Туманности.

— Откуда тебе это известно?

— Потому что они поняли — корабль, на котором я прибыл, тиранийского образца. Более того, они намеревались уничтожить его, когда услышали мои сигналы. Мне пришлось долго убеждать их, что на борту только я один.

Байрон сжал руками колени.

— Послушай, но разве то, что они знали, будто корабль принадлежит Тирании, не является наилучшим доказательством факта, что планета находится за пределами Королевств? Что это где-то в другом месте?

— Нет, она здесь, в Галактике, — твердо ответил Джилберт. — На территории Королевств. Они высадили меня на поверхность, — и, боже мой, что за чудо была их планета! Там были люди со всех планет Королевств, как я понял по их акцентам. И они не боялись Тирании! Мой мальчик, эта планета все еще где-то есть, и ее жители намерены уничтожить Тиранию, как уничтожили бы судно, на котором я к ним прилетел, — если бы я был там не один. Они живут под землей, но их

души полны огня и света!

Сердце Байрона было готово выскочить из груди. Ему искренне хотелось поверить в рассказ Джилберта.

Во всяком случае, это возможно. Возможно!

Глава 11
Или невозможно

Или все же невозможно?

С языка Байрона срывались вопросы, один за другим:

— Откуда тебе известно про их планету? Как долго ты там находился? Что ты видел?

Джилберт безразлично ответил:

— Дело не в том, что я видел. Они очень мало показали мне. И потом, после того, как они сняли меня с корабля, я был в крайне плохом состоянии. Я почти ничего не ел и выглядел гораздо хуже, чем обычно. Потом я немного пришел в себя. Они переправили и меня, и судно на поверхность планеты. Конечно, судно их интересовало больше, чем я. Ведь с его помощью они могли постичь тайны тиранийской инженерии. Меня же отправили в некоторое подобие госпиталя.

— Но что же ты все-таки видел, дядя? — спро-

сила Артемида.

Байрон прервал ее:

— Он рассказывал тебе об этом раньше?

— Нет, — ответила девушка.

Джилберт кивнул.

— Об этом я не рассказывал до сих пор никому. Как я уже сказал, меня отправили в госпиталь. Исследовательские лаборатории там гораздо совершеннее, чем на Родии. По дороге в госпиталь я проезжал мимо заводов, где велись какие-то металлургические работы. Тот корабль, который подобрал меня, был не похож ни на что из виденного мною до сих пор. Все это было настолько невероятно, что я растерялся и не задал ни одного вопроса. Но все эти годы я ждал. Ждал, что однажды к нам прилетит корабль, подобный тому, на котором меня доставили на эту планету. Каждый год я говорил себе: наверное, в следующем году!.. И каждый раз в душе я чуть-чуть боялся этого. Назревала великая битва, и мне не хотелось бы, чтобы она началась без меня.

Байрон спросил:

— Почему же они до сих пор не прилетели, если, как ты говоришь, это произошло более двадцати лет назад? И не подали тебе никакого знака? К тому же не было сообщений ни о каких странных

космических кораблях! И ты все еще думаешь…

Джилберт вспыхнул:

— Да, я думаю! Двадцать лет — не такой большой срок, чтобы организовать бунт против планеты, правящей пятьюдесятью системами. Я был там в момент зарождения мятежа. Все это время, я уверен, они не переставали готовиться к схватке. Они создавали новые корабли, разрабатывали более совершенное оружие, готовили людей к нападению. Только в видеотриллерах люди сразу же кидаются в бой. На самом деле оружие создают сегодня, усовершенствуют завтра, а используют только послезавтра. Для этого нужно время, Байрон, и люди из восставшего мира должны быть полностью уверены в своей готовности, перед тем как начать. У них не будет возможности пытаться дважды. И потом, что ты называешь «происшествием»? Корабли тираний-цев исчезали, и их никогда не удавалось найти. Космос велик, скажешь ты, и они могли просто теряться, но что, если все они были захвачены мятежниками? Два года назад такое произошло с «Неутомимым». Они сообщили, что к судну приближается странный предмет — и больше о корабле никто не слышал. Возможно, это был метеор… Ну а если нет? Поиски длились много

месяцев, но никто не смог найти судно. Я думаю, оно в руках мятежников. «Неутомимый» был новым кораблем, экспериментальной моделью. Это как раз то, что им нужно.

— Почему же ты, оказавшись там, не остался?

— Думаешь, я не хотел? У меня просто не было выбора. Когда они думали, что я без сознания, они говорили открыто — и я многое понял. Они в то время только начинали, и излишняя реклама лишь помешала бы им. Они знали, кто я. Знали они и то, что, если я не вернусь на Родию, меня будут тщательно искать — и, возможно, обнаружат их. Они не хотели рисковать, и поэтому было решено вернуть меня на Родию. Что они и сделали.

— Что? — вскричал Байрон. — Но ведь это было еще большим риском! Как же они это сделали?

— Не знаю. — Джилберт запустил пальцы в волосы и устало посмотрел на юношу. — Думаю, они усыпили меня. Этот период полностью стерт из моей памяти. Я только помню, что открыл глаза и обнаружил, что вновь нахожусь на борту «Кровопийцы»; я дрейфовал в космосе, приближаясь к Родии.

— А твои погибшие спутники? Они все еще были на борту?

— Да, они все еще лежали на борту.

— Оставались ли на корабле какие-нибудь признаки того, что ты побывал в мятежном мире?

— Никаких. Исключая, конечно, мою память.

— А как ты узнал, что приближаешься к Родии?

— Никак. Массометр показывал, что я нахожусь вблизи планеты. Я вновь воспользовался радио, и ко мне подлетел родийский корабль. О случившемся со мной я в тот же день рассказал тиранийскому Наместнику. Конечно, я не обмолвился ни словом о мятежном мире. Я лишь сказал, что корабль столкнулся с метеором после последнего Прыжка. Я не хотел, чтобы они поняли: мне известно, что корабль может совершать Прыжки автоматически.

— Как ты думаешь, известен ли жителям мятежного мира этот факт? Ты говорил им об этом?

— Нет, я не говорил им об этом. У меня не было такой возможности. Ведь я пробыл там очень недолго. Я имею в виду, пробыл в сознании. Но мне совершенно неизвестно, как долго я был без сознания, а также — что им удалось обнаружить самим.

Байрон размышлял. «Беспощадность» может двигаться со скоростью десять тысяч миль в час. Звезды — тяжелые, яркие и неподвижные — гип-

нотизировали Фаррилла.

Он спросил:

— Так что же нам делать? Ведь ты не знаешь, где находится этот мятежный мир.

— Не знаю. Но я предполагаю, кто может знать. Я почти уверен в этом.

— И кто же это?

— Автарх Линганы.

— Линганы? — удивился Байрон. Он когда-то слышал это название, но не помнил, в связи с чем. — Почему именно он?

— Лингана была последним Королевством, капитулировавшим перед Тиранией. Она, можно сказать, не так порабощена, как другие. Разве в этом нет скрытого смысла?

— Возможно, ты и прав, но…

— Если тебе нужен другой довод, то этим доводом станет твой отец.

— Мой отец? — На мгновение Фаррилл забыл, что его отец мертв. Он как бы увидел его своими глазами, большого и сильного, но тут же опомнился, и внутри его разлился неприятный холодок. — Какое отношение имеет к этому мой отец?

— Шесть месяцев назад он гостил при дворе. Я сделал некоторые выводы по поводу его наме-

рений. Кроме того, я подслушал некоторые его разговоры с моим кузеном Хенриком.

— Ох, дядя, — укоризненно вздохнула Артемида. — Ты не имел права подслушивать частные разговоры отца.

— Конечно, нет, но это было восхитительно и, как выяснилось, полезно.

Байрон прервал их:

— Погоди. Ты говоришь, мой отец был на Родии шесть месяцев назад?

— Да.

— Расскажи мне о нем. Интересовался ли он коллекцией примитивизма Хенрика? Когда-то ты рассказывал, что у Правителя есть большая коллекция материалов о Земле.

— Конечно. Коллекция очень знаменита, и ее посещают многие. В их числе был и твой отец. Да, я помню это очень хорошо. Он провел там почти целый день.

Именно полгода назад отец в первый раз попросил сына о помощи.

— Думаю, сам ты хорошо знаком с коллекцией, — сказал Байрон.

— Разумеется.

— Есть ли там что-то, позволяющее предположить, что на Земле существует документ

большой военной ценности?

На лице Джилберта отразилось непонимание. Байрон продолжил:

— Где-то в последних столетиях доисторической Земли должен был существовать такой документ. Могу сказать только, что мой отец считал его самой большой ценностью в Галактике — и самой смертоносной. Я должен был раздобыть его, но мне пришлось слишком неожиданно покинуть Землю, да и в любом случае, — его голос сорвался, — отец слишком быстро умер.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — взгляд Джилберта был все еще отсутствующим.

— Ты не понимаешь. Первый раз отец упомянул о документе шесть месяцев назад. Он должен был узнать о нем именно здесь, на Родии. И ты ничего не можешь мне об этом рассказать?

Но Джилберт только отрицательно покачал головой.

— Хорошо, продолжай свой рассказ, — бросил Байрон.

— Они говорили об Автархе Линганы, твой отец и мой кузен. Из их слов мне стало ясно, что Автарх возглавлял заговор. А потом сюда прибыла миссия с Линганы во главе с самим Автархом. Я рассказал ему о мятежном мире.

— Ты только что утверждал, что никому об этом не рассказывал!

— Кроме Автарха. Я ДОЛЖЕН БЫЛ знать правду.

— Что же он тебе ответил?

— Практически ничего. Но для него это явно была не новость. Возможно, он не доверял мне. Ведь я мог работать на Тиранию. Откуда ему было это знать? Но все же он не захлопнул передо мною дверь. Это наш единственный шанс.

— Да? — переспросил Байрон. — Тогда летим на Лингану. Одно место, я думаю, стоит другого.

Мысли об отце вывели его из равновесия, и по сравнению с этим все остальное не имело значения. Пусть будет Лингана.

Пусть будет Лингана! Легко сказать. Но как добраться на этом суденышке до планеты, удаленной на тридцать пять световых лет отсюда? Двести триллионов миль. Двойка с четырнадцатью нулями после нее. Если лететь со скоростью десять тысяч миль в час (максимальная скорость «Беспощадности»), то понадобится более двух миллионов лет, чтобы добраться туда.

Байрон с отчаянием листал «Справочник космического навигатора» в надежде найти хоть какую-нибудь подсказку. Там в подробностях

были описаны десятки тысяч звезд, и каждая изображалась в трех проекциях. Справочник состоял из сотен страниц этих проекций, обозначенных греческими буквами P (ро), Q (тета), Ф (фи).

P — расстояние от центра Галактики в парсеках; Q — угол по отношению к Галактической оси (линии, соединяющей центр Галактики и солнце планеты Земля); Ф — угол по отношению к линии, перпендикулярной Галактической оси. Два последних значения выражались в радианах. Совместив три схемы, можно было получить представление о положении планеты в космосе.

Все это были величины заданные. Зная положение планеты и скорость ее вращения, рассчитывались скорость и направление. Это были незначительные, но необходимые расчеты. Миллионы миль — по космическим меркам расстояния ничтожные, но для космического корабля это долгий путь.

Имело значение также положение корабля. Байрон отметил для себя две известных звезды и вычислил по расстоянию между ними и солнцем Родии их настоящие координаты.

Расчеты были сделаны наспех, но оказались достаточно точными, — в этом он был уверен.

Байрон рассчитал также, что через шесть часов полета им придется совершить Прыжок. После этого он закончил последние приготовления к полету.

Два других его спутника в это время спали. Он сказал себе, что это хорошо и что ему не хотелось бы, чтобы кто-нибудь крутился под ногами. Тут он услышал слабый звук чьих-то шагов. На пороге стояла Артемида.

— Привет, — кивнул он. — Почему ты не спишь?

— Можно мне войти? — шепотом спросила она. — Я не помешаю тебе?

— Зависит от того, что тебе нужно.

— Я постараюсь все делать правильно.

Что-то она уж слишком покладиста, подумал он.

— Я ужасно боюсь, — сказала вдруг она. — А ты?

Он хотел сказать «нет», но внезапно ему перехотелось притворяться. Он смущенно улыбнулся и ответил:

— Тоже.

Казалось, это успокоило ее. Она уселась на пол, вытянув ноги, и принялась рассматривать груду справочников на столе.

— Ты нашел все эти книги здесь?

— Да, конечно. Без них невозможно управлять космическим кораблем.

— И ты все в них понимаешь?

— Не все. Хотя надеюсь, что понимаю достаточно. Для того чтобы попасть на Лингану, нам предстоит сделать Прыжок.

— Это сложно?

— Нет, если понимать в схемах и уметь читать карту. Но для этого нужен опыт, а его-то у меня и нет. Кстати, мы могли бы совершить несколько Прыжков, но я надеюсь обойтись одним.

Он не хотел говорить ей всего: не хотел ее пугать. В то же время ему было необходимо поделиться своими опасениями с кем-нибудь.

— Есть несколько моментов, которых я не знаю, хотя их нужно знать. Я не уверен в точности моих расчетов.

— И что может произойти, если ты ошибся?

— Мы можем слишком приблизиться к солнцу Линганы.

Она задумалась и потом сказала:

— Ты не представляешь себе, насколько я чувствую себя лучше.

— После того, что я рассказал тебе?

— Конечно. Только что я чувствовала полную

нашу беспомощность. Теперь же я знаю, что мы попадем туда, куда стремимся, и что все в наших руках.

Байрон был польщен. Как она изменилась!

— Я не уверен, что все в наших руках.

Она жестом остановила его.

— Да. Я ЗНАЮ, ты сумеешь управиться с кораблем.

И Байрон почувствовал, что он тоже верит в это.

Она повернулась к нему лицом. Он заметил, что она смыла макияж, и удивился, как ей это удалось. Вероятно, с помощью носового платка и мизерного количества питьевой воды. Ее белоснежный воротничок прекрасно оттенял смоль ее волос и глаз. Глаза… Какие они теплые…

Молчание затягивалось. Он торопливо спросил:

— А ты, я думаю, не слишком много путешествовала? Кажется, ты говорила, что летала на пассажирском космическом лайнере?

— Только раз. Но и этого было много. Если бы я не летала на нем, то никогда не встретилась бы с этим противным тиранийским донжуаном… Я не хочу говорить о нем!

Она замолчала. Ее взгляд скользил по полу.

Потом она вдруг окликнула его:

— Байрон! Как ты думаешь, история дяди Джила — правда?

— Ты полагаешь, что все может оказаться лишь игрой его воображения? Ведь он мог сам придумать все это, а по прошествии лет поверить в реальность вымысла. Но все-таки не стоит спешить с выводами. В любом случае мы летим на Лингану.

Они были очень близко друг от друга. Он мог коснуться ее рукой, обнять, поцеловать…

Что он и сделал.

Казалось, ситуация не располагала к этому. Только что они говорили о Прыжке и Джилберте, а теперь она, тихая и податливая, лежала в его объятиях.

Первым его порывом было извиниться, но она не делала никаких попыток высвободиться, только положила голову ему на плечо. Глаза ее были закрыты.

Поэтому он не сказал ничего и вновь поцеловал ее, медленно и торжественно. Это было лучшее, что он мог сделать в данный момент, и он понимал это.

Наконец она мечтательно спросила:

— Ты голоден? Я принесу тебе немного концен-

тратов, только разогрею их слегка. Тебе должно понравиться. И мне бы не мешало привести себя в порядок.

Она направилась к двери, но вдруг остановилась. В ее голосе прозвучала легкая насмешка:

— После поцелуев пищевые концентраты должны показаться просто божественными!

Когда в каюту зашел Джилберт (это случилось часом позже), он не выразил никакого удивления по поводу мирно беседующих Арты и Байрона. Не прокомментировал он и тот факт, что рука юноши покоилась на талии его племянницы.

Он спросил:

— Когда мы совершим Прыжок, Байрон?

— Через полчаса.

Прошли полчаса; приборы были включены; разговоры стихли.

Во время «Зеро» Байрон набрал в легкие побольше воздуха и перевел рычаг из крайнего правого положения в крайнее левое.

Корабль тряхнуло, и Байрон на мгновение потерял сознание.

Когда через минуту он пришел в себя, звезды в смотровом окне преобразились. Байрон выровнял судно. Одна из звезд яркой белой точкой сияла перед ними. Байрон направил на нее те-

лескоп. Сверившись со справочником, он сделал вывод:

«Слишком далеко. Но все же это она, Лингана».

Это был первый совершенный им Прыжок, и он прошел успешно.

Глава 12
Прибытие Автарха

Автарха Линганы, казалось, занимает какая-то мысль.

— И вы ждали сорок восемь часов, чтобы сказать мне об этом, — сказал он.

Ризетт вяло возразил:

— Но, сэр, не было никакой необходимости сообщать вам об этом раньше. Если бы мы беспокоили вас по всякому пустяку, ваша жизнь давно превратилась бы в сущий ад. Сейчас мы сообщаем вам об этом, потому что не можем сами принять решение. Это подозрительно, а в нашем положении мы не можем допускать ничего подозрительного.

— Повторите мне все, что вам известно.

Автарх задумчиво смотрел в окно. Окна были самой большой достопримечательностью линганийской архитектуры. Они были средних

размеров, невероятно чистые и прозрачные; не столько окна, сколько линзы, отражающие во все стороны свет и открывающие перед любым взглядом великолепную панораму.

Из дворца Автарха была видна часть освещенного солнцем горизонта. Когда солнце оказалось непосредственно напротив окон, они автоматически открылись.

Теория, что архитектура планеты вполне соответствует месту планеты в Галактике, вполне оправдывала себя в отношении Линганы.

Как и окна, Лингана представляла собой весьма живописное зрелище. Это была «планета-государство», в свое время достигшая стабильного экономического и политического развития. В то время как политическая жизнь соседних планет все время менялась, Лингана веками оставалась тем, чем и была, — просто обитаемым миром. Ее стратегическое положение оказалось весьма важным. Именно поэтому она захватила в свои руки торговую монополию. Со всех концов Галактики везли сюда минералы, мясо, зерно, а также продукцию машиностроения, медикаменты, готовые продукты переработки и многое другое.

Из своих окон Лингана видела всю Галактику, хотя и стояла несколько особняком.

Не отводя взгляда от окон, Автарх сказал:

— Начнем с почтового корабля. Где он впервые встретился с гостями?

— Менее чем в ста тысячах миль от Линганы. Точные координаты не имеют значения. С тех пор мы следим за ними. Сейчас они находятся на орбите над планетой.

— Они не приземляются? Ждут чего-то?

— Да.

— Как вы считаете, долго ли они намерены ждать?

— Боюсь, что нет. Мы тщательно наблюдали, но они не посылают никаких сигналов.

— Отлично, — сказал Автарх. — Прервемся на минуту. Они остановили почтовый корабль, что, безусловно, является нарушением нашего Договора о Взаимодействии с Тиранией.

— Я сомневаюсь, что они тиранийцы. Их действия скорее похожи на действия заключенных, бежавших из тюрьмы.

— Возможно, таким образом они пытаются сбить нас с толку. В любом случае все это направлено лишь на одно: они хотят встретиться со мной.

— Да, они настаивают на встрече с Автархом.

— Больше ничего?

— Больше ничего.

— Они не входили в почтовое судно?

— Нет. Мы все время прекрасно их видим. За штурвалом находится молодой человек аристократической наружности. Он попросил передать вам одно слово: «Джилберт». Говорит это вам что-нибудь?

Автарх, как бы не слыша вопроса, продолжал смотреть в окно. На Лингане не всегда царила власть Автархов. Когда-то ею управляли различные династии мелких удельных князьков. Это были сплошь аристократические семьи. Они были чрезвычайно богаты, и их мало волновали проблемы землевладения.

Из-за этого Лингану постигла обычная в таких случаях участь. Власть переходила от одной семьи к другой. Интриги и дворцовые перевороты стали хроническими, так что если Родия была образцом политической стабильности, то Лингана могла служить образцом беспорядка и анархии. «Безалаберный, как Лингана», — говорили люди.

Соседние планеты объединялись в группы и становились могущественнее, а на Лингане гражданская война становилась неуправляемой. Поэтому соседи путем долгой цепи интриг заменили многих князьков одним сильным пра-

вителем, сосредоточив в одних руках всю власть.

При Автархии Лингана укрепилась и стабилизировалась. Даже Тирания относилась к ней с некоторым почтением. В то время как другие планеты Королевств Космической Туманности уже давно были верными вассалами Тирании, Лингана подписала с ней Договор о Взаимодействии, теоретически дающий обеим сторонам равные права.

Автарх правильно оценивал ситуацию. Он знал, какую опасность несет для грядущих поколений Тирания. И сейчас появление тиранийского корабля могло стать началом конца, началом полного краха.

Он спросил:

— На корабле есть солдаты?

— Очевидно, нет. Массометр показывает присутствие всего троих.

— И что же ты предлагаешь?

— Не знаю. Единственный известный мне Джилберт — это Джилберт из Хенриадов с Родии. Вы знакомы с ним?

— Я видел его во время моего последнего визита на Родию.

— Вы, конечно, ничего ему не рассказывали?

— Конечно.

Глаза Ризетта округлились.

— Возможно, это ловушка, и Джилберт используется в качестве приманки.

— Я думал об этом. Конечно, прибытие корабля подозрительно. Меня долго не было на Лингане, и я вернулся только на прошлой неделе, а через несколько дней опять собираюсь уезжать. Они застали меня именно тогда, когда меня МОЖНО БЫЛО застать.

— А может, это совпадение?

— Я не верю в совпадения. Но есть способ проверить наши подозрения. Я посещу это судно. Один.

— Это невозможно, сэр. — Ризетт был ошеломлен. Его лицо покраснело до такой степени, что приняло почти малиновый оттенок.

— Ты споришь со мной? — раздраженно спросил Автарх.

И именно потому, что он был Автархом, Ризетт сказал:

— Как вам будет угодно, сэр.

Пассажиры «Беспощадности» вот уже два дня болтались на орбите.

Джилберт, наблюдавший за Линганой, был твердо уверен, что за ними тоже установлено постоянное наблюдение. Байрон, бреясь, выслу-

шивал его доводы по этому поводу.

Добрившись, он осмотрел свое лицо в зеркале, и тут в дверном проеме возникла Артемида.

— Я думала, ты собираешься спать.

— Я спал, — ответил он, — а потом проснулся. — Он посмотрел на нее и улыбнулся.

Она потрогала его щеку:

— Ты выглядишь сейчас как восемнадцатилетний. Они все еще наблюдают за нами?

— Да. Неужели это тебя беспокоит?

— Я нахожу, что это глупо.

— Можешь объяснить почему, Арта?

— Почему бы нам не приземлиться на поверхность Линганы?

— Мы подумаем об этом. Пока что мы не готовы для подобного риска. Лучше все же немного подождать.

Джилберт вдруг воскликнул:

— Говорю вам, они движутся!

Байрон подскочил к экрану. Прочитав показания массометра, он обернулся к Джилберту:

— Наверное, ты прав.

Он присел к компьютеру и стал внимательно изучать его показания.

— К нам направляется маленький корабль, Джилберт. Как ты думаешь, тебе удастся нала-

дить с ним связь?

— Я попытаюсь, — ответил Джилберт.

— Запомни: не видеосвязь, а только звуковую.

Менее десяти минут понадобилось Джилберту, чтобы выполнить его задание. Теперь Байрон знал планы линганийцев.

Он повернулся к Артемиде:

— Они собираются послать к нам человека.

— А мы обязательно должны им это позволить?

— А почему бы нет? Одного человека! Мы ведь вооружены!

— Но что будет, если мы подпустим их корабль слишком близко?

— Мы на тиранийском военном корабле, Арта, и одолеем их, даже если перед нами лучшее судно Линганы. У нас есть пять крупнокалиберных бластеров.

— А ты умеешь ими пользоваться?

— К несчастью, нет. Пока еще нет. Но ведь линганийцам это, как ты понимаешь, неизвестно.

Через полчаса на экране появилось судно. Как только радар поймал его, Джилберт в восторге завопил:

— Это яхта Автарха! Его личная яхта! Я же говорил, что упоминание одного лишь моего имени

тут же привлечет его внимание!

Они установили с яхтой радиосвязь, и чей-то голос из трубки сказал:

— Готовы к принятию на борт?

— Готовы, — ответил Байрон. — Только одного человека.

— Одного человека, — был ответ.

Яхта подошла ближе, раздался металлический скрежет. Потом корабль линганийцев слегка отдалился от судна наших друзей, и между обоими кораблями возникла крепкая прозрачная галерея, напоминающая туннель. По этому туннелю мог пройти человек, и при этом ему не нужны были никакие средства защиты, которыми он пользовался бы в открытом космосе.

Байрон увидел, как из линганийского корабля вышел человек в скафандре и уверенно пошел в их сторону. Лицо было скрыто шлемом. Человек шел достаточно быстро; он был уже совсем близко. Через пять секунд гость подошел к люку, который открылся, и пришелец скрылся в его недрах, после чего люк автоматически был задраен.

Войдя в кабину, пришедший снял с себя скафандр, левой рукой отбросив со лба непослушные волосы.

— Ваше Сиятельство! — бросился к нему Джил-

берт. С нотками триумфа в голосе он воскликнул:
— Байрон, это Автарх собственной персоной!

Но Байрон, сперва потерявший, а потом лишь частично обретший дар речи, сумел сказать только одно:

— Джоунти?!

Глава 13
Автарх решает остаться

Автарх непринужденно расположился в одном из мягких кресел.

— Давно я не проделывал подобных упражнений, — сказал он. — Но это как умение плавать: научившись один раз, забыть невозможно. Привет, Фаррилл! Добрый день, милейший господин Джилберт! А это, если мне не изменяет память, дочь Правителя, леди Артемида!

Он достал длинную сигарету, бережно взял ее в рот и зажег, причем для этого ему понадобилось просто сделать легкий выдох. Воздух наполнился приятным запахом хорошего табака. Затем он сказал:

— Не ожидал так быстро вновь встретиться с тобой, Фаррилл!

— А может, не ожидал этого никогда? — грубо

поинтересовался Байрон.

— Кто знает? — согласился Автарх. — Конечно, если вспомнить, что сам Джилберт не умеет управлять космическим кораблем, если вспомнить, что я сам послал на Родию молодого человека, который УМЕЕТ управлять космическим кораблем и который вполне способен похитить тиранийское судно, если вспомнить, что, по донесениям наблюдателей, один из пассажиров корабля молод и обладает аристократической наружностью, напрашиваются очевидные выводы. Я не удивился, увидев тебя.

— А мне кажется, ты удивлен, — возразил Байрон. — Думаю, ты чертовски удивлен, увидев меня. По-твоему, я знаком с логикой слабее, чем ты?

— Я крайне высокого мнения о тебе, Фаррилл.

Автарх сохранял невозмутимость, и Байрон почувствовал себя совсем глупым мальчишкой. Он повернулся к остальным:

— Этот человек — Сандер Джоунти. Я рассказывал вам о нем. Конечно, по совместительству он может быть Автархом Линганы, или пятьюдесятью Автархами одновременно. Это безразлично. Для меня он — Сандер Джоунти.

Артемида произнесла:

— ОН — это человек, который…

Джилберт перебил ее. Он был возмущен:

— Контролируй себя, Байрон. Ты что, сошел с ума?

— Это — тот самый человек! Я НЕ сумасшедший! — выкрикнул Байрон. Он с трудом держал себя в руках. — Ладно. Думаю, нам не о чем спорить. Покинь мое судно, Джоунти. Уже достаточно было сказано. Вон с моего судна!

— Мой дорогой Фаррилл! Но почему?

Джилберт издал булькающий звук, но Байрон не повернул в его сторону головы. Он смотрел на Автарха.

— Ты совершил одну ошибку, Джоунти. Только одну. Ты не предусмотрел, что там, на Земле, я вернусь в свою комнату и возьму часы, которые всегда служили мне также индикатором. Индикатором радиации.

Автарх пускал в потолок аккуратные колечки дыма и улыбался.

— Так вот, Джоунти, они никогда не светились голубым светом. В ту ночь в моей комнате не было никакой бомбы. Это была только хлопушка! Ты не станешь этого отрицать, потому что именно ты подложил ее. Ты же организовал и остальную часть комедии! Да, той ночью ты был

великолепен!

Байрон ждал реакции, но Автарх просто с видимым интересом кивнул. Байрон разозлился. У него сложилось впечатление, что он бьет по воздуху.

— Мой отец был казнен. Я и так скоро узнал бы об этом. Тогда я мог бы вернуться на Нефелос, а мог бы и не возвращаться. Я мог бы проанализировать свое положение и найти из него правильный выход. Но ты решил отправить меня на Родию, к Хенрику. Я послушал тебя: ведь ты, казалось, спас мне жизнь; ты все знал и мог дать дельный совет. Но ты забыл предупредить меня, что капитан корабля, на который ты усадил меня, был отлично осведомлен о том, кто я и откуда. Ты забыл предупредить меня, что я окажусь в руках Тиранов еще до того, как попаду на Родию. Или ты будешь это отрицать?

Он сделал длинную паузу. Джоунти сосредоточенно дымил сигаретой.

Джилберт стиснул руки у груди:

— Байрон, ты ужасен. Автарх не может…

Джоунти посмотрел на него и спокойно возразил:

— Твой Автарх все может.

Он погасил сигарету.

— Байрон прав, и я подтверждаю каждое его слово. Бомба действительно была подложенной мною хлопушкой, и я послал тебя, Байрон, на Родию, зная, что ты будешь арестован тираний-цами.

Лицо Байрона прояснилось. Он сказал:

— Когда-нибудь я отомщу тебе, Джоунти. Сейчас ты Автарх Линганы, и за тебя готов вступить-ся целый флот. Но «Беспощадность» — это мое судно, и я его капитан. Надевай свой скафандр и убирайся вон. Твой туннель все еще на месте.

— Это не твое судно. Ты скорей пират, чем пилот.

— Я повторяю: даю тебе пять минут на облаче-ние в скафандр.

— Пожалуйста, не драматизируй ситуацию. Мы нужны друг другу, и я не намерен уходить.

— МНЕ ты не нужен. Ты не был бы мне нужен, даже если бы на нас напали тиранийцы и ты принял бы мою сторону.

— Фаррилл, — улыбнулся Джоунти, — ты го-воришь и действуешь как младенец. Я дал тебе высказаться. Дай же теперь высказаться мне.

— Нет. Я не вижу причин слушать тебя.

— А это ты видишь?

Артемида вскрикнула. В грудь Байрона уперся

бластер.

— Это — предупреждение, — продолжил Джоунти. — Прошу простить меня за вынужденную меру, но, возможно, это поможет мне заставить тебя слушать.

Оружие его было предназначено не просто причинять боль. Оно должно было убивать.

Джоунти сказал:

— Много лет назад я организовал жителей Линганы против Тирании. Знаешь ли ты, что это значит? Это было нелегко. Это было почти невозможно. Окружающие нас Королевства оказались абсолютно беспомощны. Но и в них жили люди, желающие нам помочь. Твой отец делал это наиболее активно — и был убит. Помни это! Гибель твоего отца явилась для нас ударом. Значит, тиранийцы способны добраться и до нас. Поэтому мне пришлось отправить тебя к Хенрику, чтобы сбить их с толку. Это удалось. Пойми, у меня не было выбора. А потом, есть еще одна вещь, документ…

— Какой документ? — прервал его Байрон.

— Не спеши. Я уже сказал, что твой отец работал на меня. Так что мне известно все, что знал он. Тебе стало известно о документе, и вначале нам всем было выгодно, чтобы ты поискал его. Но после смерти твоего отца это оказалось ненуж-

ным. Более того, пришлось убрать тебя с Земли, пока ты не удостоился пристального внимания тиранийцев. Мне это удалось.

— Значит, документ у тебя?

— Нет, к сожалению. Он был утерян на Земле много лет назад. Я не знаю, у кого он. Ну что, могу я опустить бластер? Он весьма тяжел.

— Убери его к черту, — пробурчал Байрон.

Автарх так и поступил. Потом он спросил:

— Что говорил о документе твой отец?

— Ничего, что было бы тебе неизвестно.

Автарх улыбнулся:

— Вот это да!

— Скажи, ты все объяснил нам? — спросил Байрон.

— Практически все.

— Тогда, — подытожил Байрон, — убирайся с корабля.

Джилберт вмешался в их диалог:

— Теперь подожди, Байрон. Это не только твое дело. Здесь есть еще и мы с Артемидой. У нас тоже найдется что сказать. Чем дальше, тем больше мне кажется, что в словах Автарха есть свой смысл. Вспомни, что на Родии я спас тебе жизнь, так что я рассчитываю на некоторую признательность с твоей стороны.

— Ну, конечно! Ты — мой спаситель! — воскликнул Байрон. — Можешь, если хочешь, уходить с ним. Уходи! Ты хотел найти Автарха. Так вот он! Я согласился доставить тебя к нему, но на этом моя миссия окончена. И не учи меня, что мне делать.

Он повернулся к Артемиде, все еще кипя от злости:

— А ты? Ты ведь тоже спасла мне жизнь! Все вокруг только и делают, что спасают мне жизнь! Ты тоже хочешь уйти с ним?

Она спокойно ответила:

— Не нужно говорить и решать за меня, Байрон. Если захочу уйти с ним, то скажу тебе об этом.

— Ты не должна чувствовать никаких обязательств передо мною. Можешь уйти в любой момент…

Она сердито взглянула на него, и он отвернулся. В душе Байрон понимал, что ведет сейчас себя по-детски. Джоунти всегда оставляет его в дураках. Он вспомнил о бомбе, о родийском лайнере, о тиранийце — и в нем поднялась волна жалости к себе.

Автарх сказал:

— Итак, Фаррилл?

Одновременно прозвучали слова Джилберта:

— Итак, Байрон?

Байрон повернулся к Артемиде:

— А что думаешь ТЫ?

Артемида медленно произнесла:

— Я думаю, что он — Автарх Линганы и в его распоряжении есть целая армия. Поэтому, мне кажется, у тебя нет выбора.

Автарх с нескрываемым восхищением посмотрел на нее:

— Вы очень умны и проницательны, моя госпожа! Как чудесно, что столь прекрасный ум заключен в столь прекрасную оправу! — Он прикрыл глаза.

— Так чего же ты хочешь? — спросил Байрон.

— Позволь мне воспользоваться вашими именами и вашими возможностями, и я отправлю вас на планету, которую мой господин Джилберт называет мятежным миром.

— Ты полагаешь, такой существует?

— Да, и он будет твоим. Я в состоянии найти его.

— Как? — изумился Байрон.

— Это не так сложно, как может показаться на первый взгляд. Мы должны верить, что где-то в нашей Галактике существует мир, готовый сразиться с Тиранией. По-моему, есть только один сектор, где может находиться такая планета.

— Где?

— А разве для тебя самого это не очевидно? Не кажется ли тебе, что этот мир может существовать только внутри самой Туманности?

— Разве возможна жизнь внутри самой Туманности?

— А почему бы и нет? Не стоит заблуждаться относительно Туманности. Это темное пятно в космосе, но оно вовсе не начинено ядовитым газом. Оно состоит из молекул воды, калия и кальция, которые адсорбируются благодаря свету звезд. Я долго изучал эту проблему в университете на Земле и пришел к выводу, что жизнь там все-таки возможна. Просто мы ее не замечаем.

— Кстати, а что ты делал на Земле? — поинтересовался Байрон. — Это не слишком важно для меня, но все же?

— В этом нет никакой тайны. Я покинул Лингану по своим делам. Шесть месяцев назад я посетил Родию. Мой агент Вайдемос — твой отец, Байрон, — был не слишком удачлив в своих переговорах с Правителем, которого мы рассчитывали привлечь на свою сторону. Прошу прощения у леди, но Хенрик оказался сделанным из неподходящего для нашего дела материала.

— Да уж знаем… — прошептал Байрон.

Автарх продолжил:

— Но я встретил Джилберта, о чем он уже говорил тебе. Потом я отбыл на Землю, потому что Земля — родной дом гуманизма. Именно с Земли послано большинство исследовательских экспедиций в Галактику. Туманность Лошадиной Головы была исследована ими весьма тщательно. Мне понадобились результаты исследований. Теперь слушайте внимательно! Тиранийский корабль, на котором летел мой господин Джилберт, столкнулся с метеором после своего первого Прыжка. Если учесть, что перелет из Тирании на Родию был самым обычным делом, можно установить совершенно точные координаты места столкновения. Потеряв управление, корабль мог пролететь более полумиллиона миль между первыми двумя Прыжками. Следовательно, примем этот промежуток за координату в космосе. Есть и другое предположение. Метеор мог изменить направление Прыжков. Это маловероятно, но возможно. Метеор мог повлиять на силу гиператомных процессов и полностью изменить направление движения. В то же время длина четырех последующих Прыжков осталась величиной неизменной. Конечное положение корабля должно было находиться где-то на по-

верхности воображаемой сферы, центр которой находится в точке пространства, где произошло столкновение, а радиус ее равен сумме векторов оставшихся Прыжков. Я попытался вычислить эту сферу и понял, что ее поверхность находится внутри Туманности Лошадиной Головы. Осталось лишь найти в Туманности ту звезду, которая нам нужна.

Как ты думаешь, дружок, сколько таких звезд может быть в Туманности?

Вспомни при этом, что Галактика состоит из ста биллионов звезд.

Байрон, почти против своего желания заинтересованный рассказом, ответил:

— Думаю, сотни.

— Пять! — торжествующе выкрикнул Автарх. — Всего пять! Не стоит заблуждаться по поводу цифры «сто биллионов». Объем Галактики равен семи триллионам кубических световых лет, из которых на каждую звезду приходится по семьдесят кубических световых лет. Жаль, что я до сих пор не знаю, какая из этих пяти планет обитаема. Нам придется это выяснить. К несчастью, ранние исследования не дали нам детальной картины. Они лишь изучили положение звезд, тип их движения и спектральную характеристику.

— Значит, в одной из этих пяти звездных систем, — спросил Байрон, — находится мятежный мир?

— Исходя из известных нам фактов, можно сделать только такой вывод.

— Видишь, моя история правдива, — вмешался Джилберт. — Я не выдумал ее.

— Я намерен, — продолжал Автарх, — исследовать лично каждый из пяти миров. Мотивы мои очевидны. Как Автарх Линганы, я могу помочь им в их усилиях.

— А с двумя из Хенриадов и Вайдемосом на твоей стороне ты также можешь завоевать ведущие позиции в новых, свободных мирах, — насмешливо подхватил Байрон.

— Твой цинизм не испугает меня, Фаррилл. Ответом будет — да. Если восстание окажется удачным, всегда лучше присоединиться к победителю.

— Более того, в награду одному из друзей восстания может быть отдана Автархия Линганы.

— Или Вайдемос. Верно.

— А если восстание обречено на провал?

— Тогда у нас будет время разобраться и решить, что делать дальше.

Байрон медленно сказал:

— Я полечу с тобой.

— Отлично! Тогда нужно переместить тебя с этого корабля на другой.

— Зачем?

— Так будет лучше для тебя. Этот корабль — всего лишь игрушка.

— Это военный корабль тиранийцев. Было бы глупо не учитывать его мощь.

— Именно потому, что это — военный корабль тиранийцев, отправляться в путешествие на нем опасно.

— Но не в Туманность. Прости, Джоунти! Я присоединяюсь к тебе, потому что тоже хочу найти мятежный мир. Но мы с тобой не друзья, и поэтому я буду поступать по собственному усмотрению.

— Байрон, — осторожно вмешалась Артемида, — но корабль слишком МАЛ для троих!

— Конечно, Арта. Но к нему можно прикрепить прицеп. Джоунти это так же хорошо известно, как и мне. Тогда в космосе у нас будет все необходимое. Кроме того, прицеп изменит внешний вид судна.

Автарх вслух размышлял:

— Если мы с тобой не друзья, Байрон, и не доверяем друг другу, я должен позаботиться о

личной безопасности. Можешь лететь на своем корабле с прицепом, но мне нужны некоторые гарантии. Поэтому госпожа Артемида должна пойти со мной.

— НЕТ! — крикнул Байрон.

Автарх удивленно поднял брови:

— Нет? Пусть говорит сама леди.

Он повернулся к Артемиде:

— Мне кажется, я сумею обеспечить вам несколько больший комфорт, моя госпожа.

— Не думаю, что мое общество может оказаться приятным для вас, мой господин. Поэтому я останусь здесь.

— Мне кажется, вы могли бы передумать, — начал было Автарх, но тут с кончика его носа скатилась капелька пота, и это испортило все впечатление.

— А мне так не кажется, — прервал его Байрон. — Госпожа Артемида сделала свой выбор.

— И тебя устраивает ее выбор, Фаррилл? — спросил Автарх, улыбаясь.

— Вполне! Все мы втроем останемся на борту «Беспощадности». Других вариантов не будет.

— Ты опрометчиво выбрал себе спутников.

— Да?

— Я в этом совершенно убежден. Ты плохо от-

носишься ко мне, потому что я обманул тебя и подверг твою жизнь опасности. Тогда тем более странно, что ты находишься в таких дружеских отношениях с дочерью человека по имени Хенрик, превзошедшего в коварстве даже меня.

— Я знаю Хенрика. Твои высказывания о нем не изменят моего мнения.

— Ты знаешь о Хенрике все?

— Я знаю достаточно.

— А знаешь ли ты, что именно он убил твоего отца? — Пальцем Автарх указал в сторону Артемиды. — Знаешь ли ты, что эта девушка, к которой ты так расположен, — дочь убийцы твоего отца?

Глава 14
Отъезд Автарха

В каюте воцарилось напряженное молчание. Автарх закурил новую сигарету. Он внешне расслабился, на лице появилось беззаботное выражение. Джилберт бессильно опустился в пилотское кресло; казалось, он сейчас заплачет.

Байрон, белый как бумага, повернулся к Артемиде; она отвела от Автарха взгляд и смотрела только на Байрона.

Тишину прерывали лишь радиосигналы.

Автарх лениво протянул:

— Боюсь, что наша беседа несколько затянулась. Я просил Ризетта прибыть за мной, если сам не вернусь через час.

На видеоэкране возник Ризетт.

Тогда Джилберт сказал Автарху:

— Он хочет поговорить с тобой, — и включил звук.

Автарх встал с кресла и подошел к зоне видеоконтакта.

— Я в полной безопасности, Ризетт.

В рубке необычайно ясно прозвучал вопрос:

— А кто же наши гости, сэр?

Внезапно Байрон встал рядом с Автархом:

— Я Господин Вайдемоса, — гордо заявил он.

Ризетт приветливо улыбнулся в ответ. Рука его поднялась вверх, отдавая честь.

— Мое почтение, сэр.

Автарх прервал его:

— Я скоро вернусь с молодой леди. Подготовь воздушный туннель. — Он оборвал видеосвязь между кораблями и повернулся к Байрону:

— Я не собирался сообщать им, что на борту корабля находишься именно ты. У меня имелись свои причины прийти сюда одному: твой

отец был исключительно популярен среди моих людей.

— И именно поэтому ты хочешь использовать мое имя.

Автарх кивнул.

Байрон продолжил:

— Но это и все, что ты сможешь использовать. Твое сообщение своему офицеру было несколько поспешным.

— То есть?

— Артемида из Хенриадов остается со мной.

— Как? После того, что я рассказал тебе?

— Ты ничего не рассказал мне, — резко возразил Байрон. — Ты высказал предположение, не подтвержденное ничем.

— Неужели ты знаешь Хенрика с такой стороны, что мое утверждение кажется тебе невероятным?

Байрон промолчал.

— Я уверена, что это не так, — вмешалась Артемида. — Какие у вас доказательства?

— Прямых доказательств, безусловно, нет. Я не присутствовал на встречах твоего отца с тиранийцами. Но я мог сопоставить несколько фактов. Во-первых, Господин Вайдемоса шесть месяцев назад посетил Хенрика. Это я уже говорил.

Вероятно, переоценив Хенрика, он несколько перестарался. Во всяком случае, он сказал больше, чем должен был говорить. Мой господин Джилберт может подтвердить это.

Джилберт жалко кивнул. Он повернулся к Артемиде, которая ответила ему гневным взглядом.

— Прости, Арта, но это правда. Я говорил тебе. Именно от Вайдемоса я услыхал об Автархе.

— Мне повезло, — добавил Автарх, — что мой господин Джилберт страдает страстью к подслушиванию. Я был предупрежден об опасности и быстро покинул планету.

— И ты не попытался спасти его? — спросил Байрон.

— В нашем деле каждый за себя. Но его предупреждали. После этого он не вступал в контакт ни с кем из нас. Некоторые из нас верили, что твой отец, Байрон, покинул сектор и бежал. Он мог сделать это. Но он не скрылся и решил рискнуть… И проиграл. Тиранийцы долго охотились за ним.

— Это ложь! — вскрикнула Артемида. — Все это ложь! В твоей истории нет ни слова правды. Если бы дело обстояло так, то за тобой тоже следили бы! Ты бы тоже был в опасности, а не сидел здесь, улыбаясь и отнимая наше время.

— Моя милая, я вовсе не напрасно сижу здесь.

Ведь за это время мне удалось полностью дискредитировать твоего отца, верно? Кроме того, имей в виду, что вряд ли тиранийцы доверяют теперь человеку, чьи дочь и кузен присоединились к предателям. А если даже и доверяют, то очень скоро я намерен скрыться во тьме Туманности, где никто не найдет меня.

Байрон перевел дыхание и подытожил:

— Наше интервью подошло к концу, Джоунти. Мы согласны присоединиться к тебе и обещаем поддержку, в которой ты так нуждаешься. Но это единственное, что я могу обещать тебе. Даже если все сказанное тобой правда, преступления Правителя Родии не имеют отношения к его дочери. Артемида из Хенриадов остается со мной, если она согласна.

— Согласна, — сказала Артемида.

— Хорошо. Думаю, это все упрощает. Кстати, хочу предупредить тебя. Ты вооружен, но и я тоже. У тебя в распоряжении есть боевые корабли, у меня — тиранийское военное судно.

— Не глупи, Фаррилл. Мои намерения вполне дружеские. Ты хочешь оставить девушку здесь? Пусть будет так. Могу я теперь покинуть вас?

Байрон кивнул.

— Мы давно этого ждем.

Корабли вновь приблизились друг к другу и между ними, как и в предыдущий раз, возник прозрачный туннель. Джилберт внимательно слушал радио.

— Через две минуты они хотят вступить с нами в контакт, — сообщил наконец он.

На видеоэкране возник Автарх. Он уже добрался до своего корабля и теперь снимал скафандр.

— Спасибо, — приятным голосом сказал он. — Сейчас к вам прибудет мой офицер. С ним вы сможете обсудить детали нашей акции.

На этом связь прервалась.

— Джил, — Байрон повернулся к Джилберту, — я прошу тебя принять офицера, когда он прибудет на борт. Сразу же после его прибытия разорви воздушный контакт. Для этого нужно просто отключить магнитное поле. Ты только нажмешь вот на эту кнопку.

Он повернулся и вышел из рубки. Ему было необходимо остаться наедине с самим собой, чтобы поразмыслить как следует.

Но тут он услышал за спиной торопливые шаги, и тихий голос окликнул его. Он остановился.

— Байрон, — прошептала Артемида. — Я хочу поговорить с тобой.

Он повернулся к ней:

— Потом, Арта, если ты не против.

Она настойчиво искала его взгляд.

— Нет, сейчас. Ты же не поверил тому, что рассказал этот ужасный человек о моем отце?

— Это неважно, — ответил Байрон.

— Байрон, — начала она, — я знаю: то, что произошло между нами, случилось потому, что мы были одни и нам угрожала опасность, но…

Она умолкла.

— Нет необходимости напоминать мне, что ты из рода Хенриадов, Арта. Я знаю это. И я не хочу, чтобы ты продолжала.

— Нет! О нет! — Она схватила его за руку и прижалась к ней щекой. — Это не так. Неважно, кто мы такие — Хенриады или Вайдемосы. Я… люблю тебя, Байрон. — Ее глаза были полны мольбы. — Я думаю, ты тоже любишь меня. Забудь, что я из Хенриадов. Ты же сам говорил Автарху, что я не могу отвечать за грехи моего отца.

Теперь ее руки обнимали его за шею. Байрон ощутил на губах тепло ее дыхания. Он медленно разжал ее руки и на шаг отступил от нее.

— Я еще не рассчитался с Хенриадами, моя госпожа.

— Но ты же говорил Автарху…

— Прости, Арта, — он смотрел в сторону. — Не

нужно повторять, что я говорил Автарху.

Ей хотелось закричать, что это неправда, что ее отец этого не делал, что в любом случае…

Но он повернулся и вошел в рубку, оставив ее, сгоравшую от гнева и стыда, стоять в коридоре.

Глава 15
Дыра в пространстве

Теодор Ризетт повернулся, когда Байрон вошел в рубку. Он был совершенно седой, но его тело дышало силой, а румяное улыбающееся лицо — здоровьем.

Он легко преодолел разделяющее их с Байроном расстояние и дружелюбно глянул в лицо юноши.

— Не нужно слов, — начал он, — чтобы сказать мне, что ты — сын своего отца. Старина Вайдемос воскрес передо мной.

— Мне бы этого очень хотелось, — смущенно ответил Байрон.

Улыбка на лице Ризетта угасла.

— Как и всем нам. Кстати, я Теодор Ризетт, полковник вооруженных сил Линганы, но в нашей маленькой игре мы не пользуемся титулами. Даже Автарху мы говорим — «сэр». Так же называют и меня. На Лингане нет ни лордов, ни леди.

Надеюсь, ты простишь меня, если когда-нибудь при обращении к тебе я забуду упомянуть твой титул.

Байрон улыбнулся.

— Разве ты сам не сказал, что в нашей маленькой игре мы обходимся без титулов. Но давай вернемся к прицепу. Я должен посоветоваться с тобой, Ризетт.

Некоторое время он мерил шагами рубку. Сидевший здесь же Джилберт внимательно прислушивался. Тихо вошла Артемида и встала за его спиной. Ее пальцы шевелились, как фотоконтакты компьютера. Тишину прервал голос Ризетта.

— Я впервые вижу тиранийский корабль изнутри. Мне было бы интересно более тщательно осмотреть его. Что же касается прицепа, не беспокойся. К подобным моделям его совсем несложно прикрепить.

— Сколько понадобится времени для этого?

— Совсем немного. Каких размеров он должен быть?

— Самого высокого класса. Размеры — соответствующие.

— Для мисс Хенриады? Конечно, он будет гораздо лучше, чем то, что вы имеете здесь... — Ризетт в растерянности замолчал, потому что Артемида,

гордо вскинув голову, медленно вышла из рубки. Байрон проводил ее взглядом.

— Наверное, — пожал плечами Ризетт, — я не должен был называть имя мисс Хенриады…

— Не обращай внимания. Что ты говорил?

— Да, насчет комнат. Их будет две, и они будут соединены между собой. Там же будут туалет и ванная комната. Все очень удобно.

— Хорошо. Кроме того, нам нужна еда и вода.

— Конечно. Воды вам доставят достаточно, чтобы хватило наполнить небольшой плавательный бассейн. И вы также получите много замороженного мяса. Ведь все это время вы питались тиранийскими пищевыми концентратами?

Байрон кивнул, и Ризетт скорчил гримасу.

— По вкусу они напоминают сушеных тараканов, правда? Что еще?

— Кое-какую одежду для леди.

Ризетт почесал в затылке.

— Да, конечно. Ну, это она выберет сама.

— Нет, сэр. Вы сами пришлете нам все необходимое: мы полностью доверяем вашему вкусу.

Ризетт коротко рассмеялся и покачал головой.

— Вайдемос, ей это не понравится. Ей не понравится ни одно платье, которое она не выберет сама. Даже если бы она выбрала то же самое, наш

выбор ее не устроит. Это не просто предположение. У меня есть опыт в таких вещах.

— Уверен, что ты прав, Ризетт, — кивнул Байрон. — Но ей придется принять все это.

— Хорошо, но я предупредил тебя. Что еще?

— Всякие мелочи. Косметика, духи — все, что нужно женщине. У нас еще будет время уточнить список. Давай пока займемся прицепом.

Теперь уже Джилберт, ни слова не говоря, вышел из рубки. Байрон смотрел ему вслед, и мышцы его напряглись. Хенриады! Они — Хенриады! И с этим ничего не поделаешь. Они — Хенриады! Джилберт — один из них, ОНА — другая.

Вслух же он сказал:

— И, конечно, нужна одежда для меня и мистера Хенриада. Но это не столь важно.

— Хорошо. Могу я воспользоваться рацией? Будет лучше, если я останусь на судне, пока не закончатся последние приготовления.

Байрон ждал, пока Ризетт отдавал приказы. Потом офицер встал со стула.

— Мне трудно поверить, Вайдемос, что здесь, со мной, ты, а не твой отец. Ты очень похож на него. Он часто рассказывал о тебе. Ты ведь учился на Земле?

— Да, и закончил бы учебу около недели назад,

если бы не некоторые события.

Ризетту явно было неловко.

— Кстати, по поводу отправки тебя на Родию… Ты не должен сердиться на нас. Мы не хотели этого. Строго между нами, кое-кому из ребят это очень не понравилось. Конечно, Автарх не советовался с нами. Некоторые из нас — я не буду называть имена — даже настаивали, чтобы мы остановили корабль и сняли тебя с его борта. Естественно, что это было наихудшим из всех возможных вариантов. Но потом ребята решили, что Автарх знает, что делает.

— Наверное, приятно пользоваться таким неограниченным доверием.

— Оно оправдано. Никто не может объяснить, почему иногда он выбирает то или другое решение. Но любое его решение в конечном итоге оказывается правильным. И он до сих пор избегал тиранийской угрозы, чего не смогли другие.

— Например, мой отец.

— Я не имел его в виду, хотя ты, конечно, прав. Даже он. Но Вайдемос был совсем другим человеком, с несколько своеобразными взглядами на жизнь. Он очень нравился всем нам. Смотри, сейчас я полковник, но отец мой был простым металлургом. Для Вайдемоса не было разницы

между полковником и металлургом. А вот Автарх… он — другой. Он не допускает к себе близко никого, кем бы тот ни был. У него совершенно отсутствует чувство юмора. Я не смог бы с ним говорить так, как говорю с тобой. С ним приходится обдумывать каждое свое слово. Автарх есть Автарх, и этим все сказано.

— Я во многом согласен с тобой, — кивнул Байрон. — Знаешь ли ты, что он знал о моем присутствии на корабле еще до того, как увидел меня?

— ЗНАЛ? Мы этого не знали. Он собирался отправиться на борт тиранийского корабля, и мы сочли это самоубийством. Нам это не понравилось. Но мы опять же решили, что он знает, что делает. Он мог бы сообщить нам о тебе хотя бы с борта корабля. Ему отлично известно, что для всех прибытие сына Вайдемоса было бы огромной радостью. Но это так похоже на него — он промолчал!

Артемида сидела в каюте на низкой скамеечке. Почти автоматически она разглаживала складки на юбке. Девушка была раздражена и очень устала. На стук в дверь она вскочила на ноги; она не хотела видеть его; она не хотела слышать его; она ненавидела его!

Но это был лишь Джилберт. Она вновь села, сказав:

— Привет, дядя Джил.

Он уселся против нее. Минуту Джил рассматривал ее лицо и вдруг улыбнулся.

— Мне кажется, Арта, провести неделю на корабле — не слишком восхитительное занятие. Ты со мной согласна?

— Дядя Джил, — холодно заметила она, — не надо практиковаться в изучении психологии на мне. Если хочешь задеть меня, то лучше оставь свои попытки, потому что тогда я скорее задену тебя.

— Если тебе станет от этого легче…

— Говорю тебе, прекрати!

— Дорогая, ты почему-то поссорилась с Байроном?

— Не смей расспрашивать меня! Оставь меня в покое!

Она помолчала и после паузы добавила:

— Он считает, что отец совершил все то, о чем говорил Автарх. Я ненавижу его за это.

— Твоего отца?

— Нет! Этого доверчивого, глупого, самонадеянного мальчишку!

— Значит, Байрона. Ладно. Ты ненавидишь его.

Но ведь любовь и ненависть всегда ходят рядом?

— Дядя Джил, — жалобно спросила она, — мог он в самом деле это совершить?

— Байрон? Совершить что?

— Нет! Отец! Мог отец совершить это? Мог он предать Вайдемоса?

Джилберт задумчиво посмотрел на нее.

— Я не знаю… Но ведь он хотел выдать Байрона тиранийцам? И сделал это.

— Потому что он знал, что это — ловушка, — гневно ответила она. — Тиранийцы знали, кто такой Байрон, и сами послали его к отцу. Отец сделал то, что он обязан был сделать. Это понятно каждому.

— А если при этом вспомнить, — Джилберт смотрел в сторону, — что он пытался убедить тебя выйти замуж по политическим соображениям? Если Хенрик мог пойти на такое…

Она прервала его:

— У отца не было другого выхода.

— Моя дорогая, если ты собираешься найти оправдание каждому поступку своего отца, объясняя это тем, что у него не было выхода, то, возможно, по этим же соображениям он выдал тиранийцам Господина Вайдемоса?

— Я уверена, что он не делал этого! Ты не зна-

ешь отца так, как знаю его я. Он ненавидит тиранийцев, и я это знаю. Он не стал бы помогать им добровольно. Просто он боится их, но сам никогда не стал бы их добровольным союзником.

— А если этого невозможно избежать?

Но она затрясла головой, потом закрыла лицо руками и разрыдалась.

Джилберт посмотрел на Артемиду, беспомощно развел руками и вышел.

Прицеп был прикреплен; его соединял с «Беспощадностью» широкий коридор. Автарх вышел на связь и поинтересовался у Байрона, не нужно ли еще чего-нибудь.

— Нет, — ответил Байрон. — Думаю, нам будет вполне удобно.

— Хорошо. Да, кстати. Ризетт сказал мне, что с Госпожой Артемидой не все в порядке, точнее, она не очень хорошо выглядит. Если ей потребуется медицинская помощь, лучше бы отправить ее на мой корабль.

— С ней все в порядке, — отрезал Байрон.

— Ну, если ты уверен… Готов ли ты стартовать через двенадцать часов?

— Если нужно, то и через два.

Проходя по коридору, Байрон столкнулся с Артемидой. Стараясь, чтобы его голос звучал как

можно безразличнее, он сказал:

— Теперь у тебя есть собственные покои. Я не буду надоедать тебе. Большую часть времени я буду проводить в рубке.

Она так же холодно ответила ему:

— Ты не беспокоишь меня, Господин Вайдемоса. И меня не интересует, где ты будешь находиться.

...И вот корабли стартовали. После первого же Прыжка они оказались на краю Туманности. Несколько часов пришлось ожидать, пока компьютер на корабле Джоунти сделает последние расчеты. Навигация внутри Туманности была непростым и малоизвестным делом.

Байрон глядел в смотровое окно. Ничего не видно! Вокруг была темнота, и ни один лучик не прорезал ее. Впервые Байрон понял, насколько приветливы звезды, как они наполняют светом космос.

— Это напоминает черную дыру в пространстве, — пробормотал он, обращаясь к Джилберту.

А потом они вновь совершили Прыжок, на этот раз в глубину Туманности.

Почти в это же время Саймок Аратап, Представитель Великого Хана Тирании, во главе десяти вооруженных военных судов, выслушал своего лоцмана и сказал:

— Это неважно. Следуйте за ними по пятам.

И тиранийские корабли пересекли границы Туманности в той точке, где совсем недавно то же самое совершила «Беспощадность».

Глава 16
Преследователи

В форме Саймок Аратап чувствовал себя несколько неудобно. Материал, из которого шили на Тирании формы, был груб. Но давней традицией планеты являлось ношение солдатами несколько неудобной одежды, что должно было, по мнению военачальников, вырабатывать в них дисциплину.

И все же Аратап, в нарушение всех традиций, не смог не заметить:

— Что за гадость этот воротничок! Он натирает мне шею!

Майор Андрос, — чей воротничок ничем не отличался и который носил всю жизнь только военную одежду, не признавая иной, — посоветовал:

— Когда вас никто не видит, воротничок вполне можно расстегнуть!

Аратап фыркнул. Из-за полувоенной миссии их

экспедиции он вынужден терпеть такие неудобства! И все это продолжается с того момента, как они покинули Родию.

Все началось прозаически.

К нему явился Андрос и сказал:

— Представитель, нам нужно десять кораблей.

— Десять кораблей, майор?

— Да, сэр. Меньшее количество нас не устроит.

— Почему же?

— Мне нужно обеспечить полную безопасность. Молодой человек куда-то собрался. При этом он соблюдает полную конспирацию. Мы должны следовать за ним.

Аратап взглянул на него, и солнечные зайчики, отраженные в его контактных линзах, заиграли на свету. Он меланхолически заметил:

— У нас есть одна проблема. Это проблема Хенрика. Я думаю, он должен сопровождать нас.

— Не вижу необходимости, — ворчливо возразил майор. — Присутствие в нашей экспедиции представителя местных органов власти может быть дурно истолковано.

Аратап задумчиво слушал его. Андрос, конечно, человек компетентный. Стоит ли спорить с ним?

— Я согласен с тобой. Но вспомни недавнюю историю! Казнь старого Господина Вайдемоса

— политическая ошибка. В этом не было необходимости! Нужна ли нам теперь смерть его сына? Тут следует пораскинуть мозгами. Народ Родии считает, что юноша похитил дочь Правителя. Девушка очень популярна среди населения. Поэтому было бы вполне логично, если бы Правитель лично попросил нашей помощи в поимке похитителя.

— Не самый лучший предлог для включения болвана Хенрика в тиранийскую военную экспедицию. Это отдает мелодрамой. Перед нами стоят задачи исключительно военного характера.

— Но я же не сказал, дорогой майор, что Хенрик будет командовать кораблем: он не способен командовать и своими слугами. Он просто будет с нами. Никого из жителей Родии больше на борту не окажется.

— Что ж, мне придется согласиться, Представитель, — нехотя сказал майор.

Тиранийский флот расположился в двух световых годах от Линганы. Теперь следовало оценить ситуацию.

Майор Андрос настаивал на немедленном захвате Линганы.

— Автарх Линганы, — говорил он, — ввел нас в заблуждение, называя себя другом Хана, но я

никогда не доверял ему. Странно, что как только он вернулся, на встречу с ним примчался молодой Вайдемос.

— Он не мог знать о путешествии Автарха, майор. И к тому же, нам неизвестно, зачем Вайдемосу понадобилось с ним встречаться. Он кружит на орбите вокруг Линганы. Почему он не приземляется?

— Стоит ли задумываться над тем, что он делает или не делает?

— Хотелось бы высказать одну интересную мысль, майор, — Аратап запустил за воротничок пальцы, чтобы хоть немного ослабить его давление. — Поскольку молодой человек ждет, мы можем предположить, что он ждет кого-то или что-то. Было бы глупо думать, что у него нет никаких намерений. Скорее всего, он ждет встречи с другом или друзьями. Тот факт, что он не приземляется на Лингане, означает, что он не вполне уверен в безопасности этого шага. Это означает, что Лингана в целом — и Автарх в частности — не слишком искушены в конспирации. Так подсказывает мне логика.

— Может быть, вы правы. Но если в течение двадцати четырех часов ничего не изменится, у меня не будет другого выхода, кроме как взять

Лингану штурмом.

Аратап взглянул на дверь, через которую только что вышел майор. Очень трудно управлять недальновидными людьми. Двадцать четыре часа. За это время что-нибудь должно случиться, иначе ему придется изобретать способ остановить Андроса.

Прозвенел звонок, и в комнате возникла высокая нескладная фигура Хенрика с Родии. За его спиной нерешительно переминался с ноги на ногу охранник. Теоретически Хенрик был совершенно свободен в своих действиях. Во всяком случае, так считал он сам. И поэтому он никогда не обращал внимания на охранника за своей спиной.

Хенрик робко улыбнулся.

— Я не слишком побеспокоил вас, мой господин?

— Вовсе нет. Присаживайтесь, Правитель.

Аратап продолжал стоять. Казалось, Хенрик этого не заметил.

— Мне бы хотелось, Представитель, обсудить с вами нечто важное.

Хенрик сделал паузу, и что-то промелькнуло в его глазах. Продолжил он несколько другим тоном:

— Какое превосходное судно, верно?

— Благодарю вас, Правитель, — Аратап улыбнулся. Девять остальных кораблей были вполне хороши, но этот, флагманский, представлял собой самую последнюю модель родианской космонавигации. Он полностью олицетворял военный дух Тирании.

— Я пришел, чтобы кое-что рассказать вам, — вновь начал Хенрик. — Сегодня я отправил на Родию обращение к своему народу. Я сообщил в нем, что со мной все в порядке и что скоро моя дочь будет в безопасности.

— Хорошо, — одобрил Аратап. Для него это не было новостью. Он сам писал это обращение, поскольку для Хенрика это оказалось непосильной задачей. Аратап почувствовал жалость к этому человеку, деградировавшему на глазах.

— Мой народ, — продолжал Хенрик, — очень обеспокоен этим похищением. Думаю, мне следует предпринять некоторые действия в этой связи. Народ должен понимать, что сила все еще в руках Хенриадов.

Последние слова он произнес торжественным тоном.

— Думаю, вы правы.

— Враг еще не скрылся от нас?

— Нет, Правитель, враг находится там, где и раньше, неподалеку от Линганы.

— До сих пор? Я помню, что хотел вам сказать. Это очень важно, Представитель. Я должен кое-что рассказать вам. На борту зреет заговор. Я раскрыл его. Мы должны быстро действовать. Заговор…

Он заговорил шепотом.

Аратапа охватило безразличие. К бедному идиоту нужно относиться снисходительно, но сколько же можно тратить на него времени?

— Никакого заговора, Правитель. Наши люди верны и преданны. Кто-то сбил вас с толку. Вы устали.

— Нет-нет. — Хенрик отбросил руку Аратапа, которую тот положил ему на плечо. — Где мы?

— Как это «где»?

— Я имею в виду корабль. На смотровом экране вокруг нас нет звезд. Мы в глубинах космоса. Вы это знаете?

— В самом деле?

— Где-то рядом Лингана. Знаете ли вы об этом?

— Да, в двух световых годах от нас.

— Ах-ах-ах! Представитель, нас никто не слышит? Вы уверены? — Он придвинулся вплотную к Аратапу. — Откуда мы можем знать, что враг

находится возле Линганы? Он слишком далеко, чтобы его можно было обнаружить. Нас дезинформируют, а это означает заговор.

Человек, конечно, может считаться сумасшедшим, но это, черт возьми, хорошая мысль! Аратап сказал:

— Это могут знать инженеры, и вовсе не обязательно знать это гражданским лицам.

— Но как Глава экспедиции я должен знать это! Ведь я ее Глава? — Он пристально взглянул на Аратапа. — Мне кажется, майор Андрос не всегда выполняет мои указания. Конечно, я редко приказываю ему. Было бы странно приказывать тиранийскому офицеру. Но я должен найти мою дочь. Ее зовут Артемида. Ее украли у меня, и я приложу все силы, чтобы вернуть дочь. Поэтому я должен все знать. В частности, я должен знать, почему мы решили, что враг находится вблизи Линганы. Ведь там должна быть и моя дочь. Вы знаете мою дочь? Ее зовут Артемида.

Он еще раз пристально взглянул на Представителя. Потом, смутившись, пробормотал:

— Прошу прощения.

У Аратапа перехватило дыхание. Трудно было поверить, что у стоявшего перед ним идиота сохранились хоть какие-нибудь отцовские чувства.

Он мягко сказал:

— Я попытаюсь объяснить. Вам известно, что есть прибор под названием «массометр», который может определить наличие в космосе кораблей.

— Да, да.

— Он имеет чувствительность к гравитационным эффектам. Вы понимаете, что я имею в виду?

— О да. Все обладает гравитацией, — руки Хенрика нервно потирали одна другую.

— Хорошо. Массометр действует только в тех случаях, когда корабль находится близко, как вам известно. Менее чем в миллионе миль. Он должен быть удален от ближайшей планеты на такое же расстояние, иначе все, что определит массометр, — это планета, которая намного больше.

— И обладает большей гравитационной силой.

— Отлично, — сказал Аратап, и Хенрик удовлетворенно взглянул на него. Аратап продолжал:

— У нас есть еще один прибор. Это трансмиттер, который просвечивает космос во всех направлениях и обнаруживает в нем предметы энергомагнетического характера. Другими словами, он обнаруживает космические корабли. С его помощью мы обнаружили корабль, на котором

прилетели наши враги. Как вам известно, он находится неподалеку от Линганы. И, помимо всего прочего, он никуда не улетает, так что мы обязательно спасем вашу дочь.

Хенрик улыбнулся:

— Отлично, я поздравляю вас, Представитель.

Увы, Хенрик понял очень мало из того, что рассказал ему Аратап. Важнее всего для него была надежда на возвращение его дочери. Что ж…

Вновь позвонили, и вошел майор Андрос. Хенрик вцепился двумя руками в кресло, а на его лице появилось затравленное выражение. Он слегка приподнялся и начал:

— Майор Андрос…

Но Андрос уже говорил, не обращая на беднягу никакого внимания.

— Представитель, — сказал майор, — «Беспощадность» изменила свой курс.

— Значит, он не высаживается на Лингане? — резко спросил Аратан.

— Нет, — прозвучал ответ. — Он совершил Прыжок в сторону, противоположную Лингане.

— Вот как? Хорошо. Вероятно, он следует за каким-нибудь другим кораблем.

— Не за одним, а за многими. Но мы, как известно, можем обнаружить только его.

— В любом случае нужно следовать за ним.

— Приказ уже отдан. Я уверен, что в результате Прыжка он оказался на краю Туманности Лошадиной Головы.

— Что?!

— В этом направлении нет ни одной планетарной системы. Но это только мои умозаключения.

Аратап облизнул пересохшие губы и быстро вышел из рубки, кивком пригласив майора с собой.

Хенрик остался стоять посреди внезапно опустевшей комнаты, задумчиво глядя на дверь. Потом, слегка пожав плечами, он вновь сел.

Лоцман сказал:

— Пространственные координаты «Беспощадности» уже определены, сэр. Они пересекаются внутри Туманности.

— Неважно, — ответил Аратап. — Повсюду следуйте за ними.

Он повернулся к майору Андросу:

— Вот видите, в чем польза ожидания! Теперь мы знаем, куда направляются наши друзья. Наблюдая за ними, мы сможем понять и то, зачем им это нужно.

И эскадра пересекла границы Туманности.

В двадцатый раз Аратап автоматически взглянул на смотровой экран. Собственно, это было

абсолютно бессмысленно, потому что за стеклом царила темнота.

Андрос сказал:

— Это уже третья остановка без приземления. Я не понимаю их. Каждая остановка длится несколько дней. Но они и никуда не высаживаются.

— Возможно, им приходится долго рассчитывать следующий Прыжок, — предположил Аратап. — Их Прыжки слишком хороши. Каждый раз они останавливаются совсем близко от звезды. Они наверняка пользуются не только массометром — им известно также расположение планет.

— Почему же они не высаживаются?

— Полагаю, они ищут обитаемую планету. Возможно, им неизвестно точное расположение конспиративного центра. — Он хитро подмигнул майору. — Нам нужно только следовать за ними.

Внезапно до его слуха донесся возглас лоцмана:

— Сэр!

— Да?

— Враг высаживается на планету.

Аратап подал знак майору.

— Андрос, — сказал он, — вы уже знаете?

— Да. Что теперь?

— Ждать. Для начала нам нужно выяснить, что это за планета. И я запрещаю вам предпринимать без моего разрешения какие бы то ни было шаги. Иначе вы вернетесь на Тиранию и вас разжалуют в рядовые.

— Разжалуют?!

— Вы поняли меня? Отлично.

Они шли на посадку, и на смотровом экране начали возникать очертания планеты.

— Поверхность кажется весьма пустынной, сэр, — заметил лоцман.

— Вы можете определить точное расположение «Беспощадности»?

— Да, сэр.

— Тогда приблизьтесь к ней, насколько это возможно.

Они пролетали сквозь атмосферу. Небо над ними было ярко-пурпурного цвета. Аратап огляделся. Их долгое путешествие практически достигло цели!

Глава 17

И преследуемые

Для тех, кто никогда не бывал в космосе, поиски обитаемой планеты могут показаться увлекательными или по меньшей мере интересными. Для космолетчика — это одно из самых утомительных заданий; долгая утомительная процедура, требующая многократных проверок, и когда они повторяются по отношению к трем различным звездам, каждый раз с отрицательным результатом, — депрессия, как следствие, оказывается вполне нормальной реакцией.

В случае с нашими героями депрессия больше всех отразилась на Джилберте. Чем дольше продолжались поиски, тем реже находил он что бы то ни было «восхитительным».

Они как раз готовились к Прыжку к четвертой в списке Автарха звезде, и Байрон заметил:

— А все же каждый раз мы оказываемся вблизи звезд. Расчеты Джоунти верны.

Джилберт возразил:

— Статистика показывает, что каждая третья звезда имеет планетарную систему.

Байрон кивнул. Это была хорошо известная статистика. Каждый ребенок знал это из курса элементарной галактографии.

Джилберт продолжал:

— А мы так и не нашли ни одной. Где-то должна быть ошибка.

— Ты смотришь на это со своей колокольни. И потом, что такое статистика? Все, что мы знали до сих пор, касалось чего угодно, только не Туманности. Может быть, здесь другие законы. Впрочем, мои познания в космогонии невелики.

Он задумался на мгновение и неожиданно спросил:

— Ты знаешь, почему ее назвали Туманностью Лошадиной Головы?

— Первым человеком, посетившим ее, был Горас Хедд. Или ты хочешь сказать мне, что это не так?

— Возможно. Но есть другое объяснение, я слышал его на Земле.

— Да?

— Говорят, что она похожа на лошадиную голову.

— Что такое лошадь?

— Это земное животное.

— Восхитительная мысль, но мне не кажется, что эта Туманность похожа на какое-нибудь животное.

— Смотря откуда смотреть, Джил. С Нефелоса

она напоминает человеческую руку с тремя пальцами, но из обсерватории на Земле она и в самом деле похожа на лошадиную голову. Возможно, именно так и возникло ее название, и никакого Гораса Хедда тут никогда не было. Кто знает?

Байрон не вдумывался в смысл собственных слов. Он говорил, просто чтобы что-то говорить.

Возникла пауза. Она затягивалась, потому что Джилберт собирался с духом, чтобы поговорить с Байроном об одном чрезвычайно интересующем его деле. Наконец он решился.

— Где Арта? — спросил он.

— Не знаю, — быстро ответил Байрон. — Я не слежу за ней.

— Зато это делает Автарх. Скоро он переедет сюда жить.

— Это было бы крайне удачно для нее.

Джилберт свел брови на переносице.

— Не будь глупцом, Байрон. Артемида — из Хенриадов. Она не может взять то, что ты дал ей.

— Оставь это, — бросил Байрон.

— Нет. Я не могу молчать. Зачем ты так ведешь себя?! Потому что Хенрик, возможно, причастен к смерти твоего отца? Хенрик — мой кузен, но по отношению ко мне ты не изменился!

— Ну, хорошо, — перебил его Байрон. — Я не

изменился по отношению к тебе. Я разговариваю с тобой как всегда. С Артемидой я тоже разговариваю как всегда.

— Как всегда?

Байрон промолчал.

Джилберт сказал:

— Ты сам подталкиваешь ее к Автарху.

— Это ее выбор.

— Нет. Это твой выбор. Слушай, Байрон, — Джилберт понизил голос, положив руку на колено юноши. — Мне не хотелось бы вмешиваться. Но она — самое хорошее, что есть в династии Хенриадов. Если хочешь знать, я люблю ее. У меня нет своих детей.

— Я не спрашивал тебя об этом.

— То, что я говорю тебе, нужно для ее блага. Останови Автарха, Байрон.

— Мне казалось, ты доверяешь ему, Джил.

— Как Автарху — да. Как антитиранийскому вождю — да. Но не как мужчине в отношениях с женщиной. В отношениях с Артемидой.

— Скажи ей об этом.

— Она не станет слушать.

— Ты думаешь, она станет слушать, если об этом скажу я?

— Да, если скажешь искренне.

Пораженный Байрон облизнул губы. Потом он отвернулся со словами:

— Я не хочу говорить об этом.

Джилберт грустно сказал:

— Ты еще пожалеешь.

Байрон не ответил. Почему Джилберт не оставит его одного? Он уже сам много раз жалел о случившемся. Но что он мог поделать? Назад пути не было. Он попытался дышать через рот, чтобы унять боль в груди.

После следующего Прыжка панорама изменилась. Байрон как раз собирался заснуть. Вдруг Джилберт потряс его за плечо.

— Байрон! Байрон!

Байрон приподнялся на локте и раздраженно спросил:

— В чем дело?

Джилберт отступил на шаг:

— Слушай внимательно. На этот раз мы имеем F-2.

— Никогда не буди меня подобным образом, Джил. F-2, ты говоришь? Думаю, теперь нам сопутствует удача!

— Мне тоже так кажется, и это восхитительно!

Здесь необходимо пояснение. Почти девяносто пять процентов обитаемых планет в Галакти-

ке окружены звездами спектрального типа F или G диаметром от 750 до 1500 тысяч миль и с температурой на поверхности от пяти до десяти тысяч градусов. Солнце над Землей имело индекс G-0, над Родией — F-8, над Линганой G-2, как и над Нефелосом. F-2 было немного теплее, но не слишком горячее.

Первые три звезды, у которых они останавливались, относились к спектральному типу K, несколько более меньшему и холодному. Поэтому на планетах в их радиусе действия не могло быть никакой жизни.

Хорошая звезда — это хорошая звезда! Фотография показала, что здесь сосредоточились пять планет, ближняя в ста, а дальняя в пятидесяти миллионах миль от них.

Теодор Ризетт явился к ним, чтобы лично сообщить новость. Он не менее часто, чем Автарх, посещал «Беспощадность», согревая судно своим душевным теплом. На этот раз он сказал:

— Я не знаю, как Автарху удается все это… Пять планет!

Джилберт уточнил:

— Вокруг этой звезды? Ты уверен?

— Безусловно. Хотя четыре из них J-типа.

— А пятая?

— С пятой, очевидно, все в порядке. Атмосфера содержит оксиген.

— А хлориды? — поинтересовался Байрон. — Насколько они просачиваются сквозь атмосферу?

Ризетт вздохнул.

— Пока мы не знаем этого. Если здесь есть хлориды, то они должны быть сконцентрированы на уровне поверхности. Посмотрим.

Джилберт с тоской смотрел на них. Автарх обхаживает Артемиду, а его правая рука стала собутыльником Байрона. «Беспощадность» все больше становилась линганским кораблем. Он подумал, что Байрон знает, что делает, а потом его мысли полностью переключились на новую планету.

Когда они проходили сквозь атмосферу, Артемида была в рубке пилота. Она слегка улыбалась. Байрон изредка поглядывал в ее сторону. Когда она вошла, он сказал:

— Добрый день, Артемида!

Она не ответила.

Потом поздоровалась с Джилбертом и спросила:

— Это правда, что мы приземляемся?

Джил потирал руки.

— Кажется, да, моя дорогая. Через несколько часов мы сможем покинуть наш корабль и отправиться на прогулку по твердой поверхности. Не правда ли, восхитительная мысль?

— Надеюсь, это та планета, которую мы ищем. Если нет, то не будет ничего восхитительного.

— Тогда мы полетим к другой звезде, — с энтузиазмом провозгласил Джилберт.

Внезапно Артемида повернулась к Байрону и холодно спросила:

— Вы что-то сказали, мистер Фаррилл?

— Нет, ничего, — удивленно ответил Байрон.

Она прошла так близко от него, что подол платья задел его колено, и он почувствовал запах ее духов. Его мышцы напряглись.

— Тогда прошу прощения. Мне показалось.

Ризетт все еще был с ними. Он сказал:

— Теперь мы можем узнать об атмосфере немного больше. Много оксигена, почти 30 процентов нитрогена и инертных газов. Это вполне нормально. Хлоридов нет.

Потом помолчал и промычал:

— Хммм…

— В чем дело? — встревоженно воскликнул Джилберт.

— Нету карбондиоксидов. Это совсем нехоро-

шо!

— Почему? — поинтересовалась Артемида, глядя на планету в смотровое стекло.

Байрон коротко ответил:

— Нет карбондиоксидов — нет растительной жизни.

— Да? — Она с дружелюбной улыбкой смотрела на него.

Байрон против желания улыбнулся ей в ответ. Когда она была рядом, он не мог держать себя в руках. Все самовнушение тут же испарялось. Ну что с этим можно поделать?

Джилберт был счастлив. Они приземлялись. Странно было только то, что до сих пор они не получили ответа ни на один радиосигнал.

— Все это мало похоже на мятежный мир, — заметил Джилберт. — Каков уровень карбондиоксидов, Ризетт?

— Около тысячи процентов.

— Я вижу фермы, — обрадованно воскликнул Джилберт. — Странно, что они никак не реагировали на наши радиосигналы. Хотя, возможно, это просто необходимая осторожность.

Байрон кивнул. Его внезапно охватила надежда, что это тот мир. Он понял, что не может больше ждать. Он немедленно должен высадить-

ся на эту планету!

Это было восхитительное чувство!

Люки открыли, и корабль заполнился атмосферой планеты. Ризетт предостерегал о возможности возникновения респираторных заболеваний вследствие отсутствия карбондиоксида, но Байрон не думал, что за столь короткое время это возможно.

Джилберт сошел с корабля вместе с ними. Они огляделись вокруг и разошлись в разные стороны.

— Скалы! — вдруг воскликнул Джилберт.

— Прекрасно. Мы попробуем послать радиосигнал с вершины самой высокой из них. Если эффекта не последует, попытаемся проделать то же самое на другой стороне планеты. Это сделаем Автарх и я, — Байрон был полон решимости.

Ризетт согласился с ним. Планета оказалась солнечной, и уровень влажности воздуха был невелик, но все же они ежились от пронизывающего холода.

Автарх, чья экипировка на этот раз была дополнена маленьким карбондиоксидным цилиндром, стоял сейчас у главного люка «Беспощадности».

Он спросил:

— Ты поможешь мне в поисках, Фаррилл?

— Конечно, — ответил Байрон. — Ты считаешь, я должен взять оружие?

— Об этом я как-то не думал.

Тон обоих был холоден, как и погода.

Байрон натянул скафандр, снабженный радиосвязью. Автарх сделал то же самое.

— Не слишком тяжелый, — заметил Байрон. Он повернулся и увидел стоящую прямо перед ним Артемиду.

Девушка молчала. Ее платье трепетало на ветру. Запястья были схвачены широкими серебряными браслетами.

На мгновение Байрону захотелось бросить все, вернуться, сжать ее в объятиях, ощутить вкус ее губ…

Но вместо этого он прощально кивнул ей и отвернулся, так что ее ответная улыбка досталась Автарху.

Через пять минут Байрон обернулся и увидел, что она все еще стоит в проеме открытого люка. Перед ними открывался пустынный горизонт, и лишь одинокая скала возвышалась вдалеке.

Байрон подумал вдруг, увидит ли он Артемиду вновь — и будет ли она переживать, если он не вернется никогда?

Глава 18
Стремиться к победе…

Артемида смотрела им вслед, пока их фигуры не стали крошечными точками. На мгновение, прежде чем они совсем скрылись из виду, один из них оглянулся. Она не могла сказать точно, кто это был, и на сердце у нее залегла печаль.

Он не сказал на прощанье ни слова. Ни единого слова. Ей стало одиноко, ужасно одиноко, как никогда в жизни.

Вернувшись в рубку, она задумчиво уселась в кресло. Она могла бы пойти с ним! Артемида мысленно поправила себя — с ними.

Отогнав от себя крамольную мысль, она спросила:

— Почему они не отвечают, дядя Джил?

— Кто?

— Жители мятежного мира.

Джилберт был чем-то обеспокоен.

— Мы сделаем все от нас зависящее, дорогая. Мы должны найти их!

Он повторил еще раз:

— Должны!

И мгновением позже:

— Но я не могу их найти.

— Кого?

— Байрона и Автарха. Их нигде не видно. Правда, я вижу корабль Автарха.

Артемида прильнула к стеклу. Да, это был корабль, и он сверкал в лучах солнца. Внезапно ей остро захотелось, чтобы можно было повернуть время вспять, чтобы они никогда не приближались к Лингане, чтобы всегда оставались в космосе втроем. Пусть им не всегда было комфортно, но как же она была счастлива тогда! А сейчас она только ненавидит его. Что-то заставляет ее ненавидеть, хотя ей бы хотелось совсем иного…

Внезапно Джилберт воскликнул:

— Что он собирается делать?!

— Кто?

— Ризетт! Я думаю, что это Ризетт. Но он не должен был идти в этом направлении.

— Увеличь изображение, — приказала Артемида.

— На таком маленьком расстоянии? — удивился Джилберт. — Ты ничего не увидишь. Я не смогу навести резкость.

— Увеличь изображение, дядя.

Теперь они ясно видели силуэт Ризетта. Артемида воскликнула:

— Он вооружен. Ты заметил?

— Нет.

— У него в руках бластер, говорю тебе!

Она, вскочив, бросилась к люку.

— Арта! Что ты делаешь?

Она была занята поисками скафандра.

— Я собираюсь выйти отсюда. Ризетт преследует их. Как ты не понимаешь? Автарх вовсе не намерен устанавливать радиосвязь. Это ловушка для Байрона!

— Прекрати! Ты говоришь чепуху!

Но она смотрела на Джилберта невидящими глазами, а ее лицо побелело. О, глупец! Кому этот мальчишка поверил?! Ризетту, который нахваливал его отца, а на самом деле готовился убить его?!

Она сказала:

— Я не знаю, как открывается люк. Открой его.

— Арта, ты не покинешь корабль. Ты же не знаешь, где они!

— Я найду их. Открой люк.

Джилберт отрицательно покачал головой.

— Открой люк! — крикнула она.

Он подчинился. Артемида выскочила наружу

и помчалась в сторону скалы. Кровь билась у нее в висках, шлем потерялся по дороге, и теперь голова ее была непокрыта. Но она спешила вперед, держа в руке нейронный хлыст.

Байрон и Автарх не сказали во время своей прогулки ни слова друг другу. Они приближались к скале.

— Какой безнадежный мир, Джоунти, — заметил вдруг Байрон.

Автарх никак не отреагировал на его слова. Он остановился, оглядывая окрестности. Наконец пробурчал себе под нос:

— Это то, что нужно. Идеальное место для наших целей.

«Идеальное место для твоих целей», — подумал Байрон. Он присел на камень, прислушиваясь и чего-то ожидая.

Потом он спокойно добавил:

— Не представляю, что ты скажешь им всем, когда вернешься на корабль, Джоунти. Или я не прав?

Автарх, занятый открыванием двух небольших чемоданчиков, на мгновение замер.

— О чем ты говоришь?

— О том, как ты объяснишь, зачем пришел сюда.

— Я пришел сюда, чтобы попытаться установить радиосвязь, и у меня нет времени на пустую болтовню, Фаррилл.

— Ты вовсе не собираешься устанавливать радиосвязь. Зачем? Ведь мы уже пытались связаться с ними из космоса — и безрезультатно. Так зачем же ты пришел сюда на самом деле, Джоунти?

Автарх сел напротив Байрона. Рука его покоилась на чемоданчике.

— Если у тебя есть сомнения, зачем ТЫ ПОШЕЛ со мной?

— Чтобы узнать правду. Твой человек, Ризетт, говорил мне, что ты собираешься совершить эту маленькую прогулку, и советовал мне пойти с тобой. Я уверен, что, приказывая ему посоветовать мне пойти с тобой, ты придумал какую-нибудь вескую причину. Я попался на эту удочку, и вот мы здесь.

— Так ты хочешь узнать правду? — насмешливо переспросил Автарх.

— Да. Я ее уже почти понял.

— Тогда поведай и мне, что же именно ты понял.

— Ты пришел, чтобы убить меня. Я здесь с тобой наедине, над нами нависает скала, и вполне может случиться так, что я полезу на нее, оступлюсь

и упаду. Тебе не понадобится даже пользоваться оружием. Потом ты приведешь людей за моим трупом и, возможно, даже похоронишь меня с почестями.

— И ты веришь в то, что говоришь?

— Да, но ты не застанешь меня врасплох. Мы оба безоружны, и я не думаю, что ты окажешься сильнее меня.

Правой рукой Байрон показал Автарху кукиш.

Джоунти рассмеялся.

— Может быть, мы все же займемся тем, зачем пришли сюда, — радиосвязью?

— Перестань дурачить меня. Я знаю, что ты хочешь убить меня.

— Я бы не советовал тебе повторять эти глупости. Щенок!

— Слушай, — голос Байрона был громким и отчетливым. — Ты говорил, что послал бы меня на верную смерть — я имею в виду Родию — только для того, чтобы навлечь подозрения на Правителя?

— Да.

— Это ложь. Твоей главной целью было, чтобы меня убили. Ты сообщил капитану родийского корабля, кто я на самом деле. Ты не думал, что я вообще попаду к Хенрику.

— Если бы я хотел убить тебя, Фаррилл, то мог бы подложить в твою комнату настоящую бомбу.

— Тогда это было бы сложнее представить как попытку тиранийцев убить меня.

— Я мог убить тебя в космосе, когда впервые попал на борт «Беспощадности».

— Мог. Ты пришел вооруженный бластером и нацелил его на меня. Но когда Ризетт узнал, кто я такой, для тебя стало невозможным убить меня. Твоя ошибка заключалась также в том, что ты не сказал сам своим людям, кто я такой. Не станешь же ты отрицать это, Джоунти?

Лицо Джоунти, без того белое от холода, побелело еще больше.

— Даже сейчас я мог бы убить тебя. И что удержало бы меня?

— Политика, Джоунти. На борту корабля находится Артемида из Хенриадов, и, мне кажется, сейчас она более важная персона, чем я. Убить меня в ее присутствии — означает проиграть так успешно начатую для тебя партию. Ты навсегда потеряешь надежду на успех в ее глазах.

Джоунти вздохнул и сказал:

— Фаррилл, здесь холодно, а становится еще холоднее. Мне кажется, солнце заходит. Ты глуп

и очень утомил меня. Все же я хотел бы знать: зачем, по-твоему, мне понадобилось убивать тебя?

— По той же причине, по которой ты убил моего отца.

— ЧТО?!

— Думаешь, я поверил, когда ты обвинил беднягу Хенрика в предательстве? Думаешь, я считаю моего отца таким глупцом, чтобы он мог чересчур довериться Хенрику? Нет, Джоунти! Мой отец должен был очень доверять своему убийце, чтобы позволить ему приблизиться к себе.

Джоунти отступил назад и поддел ногой один из чемоданчиков. Тот раскрылся, и содержимое его вывалилось на землю.

— Я вижу, у тебя разыгралась фантазия. Ты помешан на криминальных историях.

Байрон дрожал, но холод был здесь ни при чем.

— Мой отец был популярен среди твоих людей, Джоунти. Слишком популярен. Автарх не может допустить, чтобы кто-то имел больший авторитет, чем он. Ты избавился от соперника! А от меня хочешь избавиться потому, что боишься, будто я займу его место! — Его голос нарастал и постепенно перешел в крик. — Разве это неправда?

— Нет.

Джоунти нагнулся за чемоданчиком.

— Я могу доказать, что ты ошибаешься. — Он открыл его. — Радиоснаряжение. Посмотри на него. Хорошенько посмотри.

Байрон опустил взгляд на чемоданчик:

— Ну и что это доказывает?

Джоунти выпрямился.

— Ничего. А теперь внимательно взгляни на это.

В руке он держал бластер.

— Я устал от тебя, Фаррилл. Я больше не хочу разговаривать с тобой.

— Ты пронес бластер в чемоданчике с оборудованием! — Изумлению Байрона не было границ.

— А почему бы и нет? Я могу себе это позволить. Я — Автарх Линганы, и я устал от постоянной необходимости выслушивать всяких Господ Вайдемоса. — И он приказал: — Вперед! Полезай на скалу!

Байрон, неотрывно глядя в дуло бластера, отступил на шаг.

— Ты убил моего отца!

— Да, я убил его, — рассмеялся Автарх. — Я говорю тебе это только потому, что тебе недолго осталось жить.

— И ты уже не раз пытался убить меня!

— Да. Ты прав в своих допущениях. И чем сейчас это может помочь тебе? Вперед!

— Нет! — воскликнул Байрон. — Если собираешься стрелять, стреляй.

Автарх раздраженно спросил:

— Ты думаешь, я не сделаю этого?

— Я даже прошу тебя выстрелить.

— Хорошо, — Автарх прицелился в голову Байрона и спустил курок.

Глава 19
...И потерпеть поражение

Теодор Ризетт прятался за скалой. Он не хотел, чтобы его увидели раньше времени. Бластер он держал в кармане. Солнце благоприятствовало ему: если бы те, за кем он наблюдал, повернули головы в его сторону, оно светило бы им прямо в глаза и его было бы трудно заметить.

Он отлично слышал их голоса. Все же хорошо он придумал с этим встроенным микрофоном! Ризетт усмехнулся. Все идет по плану, только создатель этого плана явно не рассчитывал на присутствие здесь постороннего.

Артемида не видела бластер. Она не видела и двух фигур на скале. Пять минут назад она заме-

тила Ризетта и теперь следовала за ним. Но он шел слишком быстро. Догоняя его, она дважды упала, но даже не почувствовала этого. При втором падении она рассекла ногу, и теперь за ней оставался багровый след.

Из последних сил она сжимала нейронный хлыст.

Как привлечь к себе его внимание? Она крикнула:

— Ризетт! — И вновь: — Ризетт!

Внезапно она споткнулась. Солнце светило ярко, но мир потемнел, сознание начало покидать ее. Артемида почувствовала, что касается земли, что хлыст выскальзывает из пальцев…

Чьи-то руки подхватили ее. Она с усилием приоткрыла глаза.

— Байрон? — прозвучал еле слышный шепот.

В ответ послышались слова, но это был голос не Байрона. Это голос Ризетта, поняла она.

И тут сознание окончательно покинуло девушку.

На лице Автарха было недоумение, как у ребенка, которому дали игрушку и тут же отобрали ее. Он вновь и вновь нажимал на спуск бластера, однако выстрел так и не раздался.

Байрон сказал:

— Кажется, с твоим бластером что-то не в порядке?

Автарх переводил взгляд с Байрона на оружие. С ужасом он обнаружил, что бластер разряжен. Теперь оружие было просто бесполезной игрушкой. Автарх отбросил его в сторону.

— Око за око, — голос Байрона дрогнул.

Автарх, ничего не говоря, отступил назад.

Байрон медленно шагнул к нему.

— Существует множество способов убийства, но я не буду удовлетворен, если смерть твоя наступит сразу. Тогда ты не успеешь ощутить ее. Это будет плохо. Думаю, я должен продлить этот процесс.

Внезапно до его слуха донесся отчаянный крик:

— Ризетт! Ризетт! Не стреляй!..

В ту же минуту Автарх бросился на Байрона и повалил его на землю. Его пальцы пытались сдавить шею юноши. Байрону удалось вывернуться. Автарх отскочил в сторону, тяжело дыша и готовясь повторить попытку.

Они вновь сцепились и покатились клубком по земле. Потом вскочили, держа каждый свой карбондиоксидный цилиндр наперевес. Внезапно Автарх метнул цилиндр в сторону юноши, но не

попал, и цилиндр с грохотом покатился по скале.

Это разозлило Байрона. Подскочив к Автарху, он рывком втащил его на вершину скалы, подталкивая к самому краю. Автарх уже чуть не потерял равновесие, но противник вовремя схватил его за руку.

— Ты подошел слишком близко к краю, Джоунти. Я еще не хочу, чтобы ты умирал. Поэтому не торопись.

Джоунти застонал от бессильной злобы.

И тут прозвучал голос Ризетта:

— Подожди!

— Убей этого человека, Ризетт! Убей его! — заверещал Автарх. В нем возродилась надежда.

Ризетт медленно поднял оружие и прицелился.

— Как ты думаешь, — спросил Байрон, — почему твой бластер оказался разряженным, Джоунти?

— Что?! — Автарх растерянно заморгал.

— Твой бластер разрядил не я, Джоунти. Так кто же? Кто сейчас целится в тебя, Джоунти? Не в меня, Джоунти, в ТЕБЯ?

Повернувшись к Ризетту, Автарх процедил:

— Предатель!

— Не я, сэр, — громко возразил Ризетт. — Пре-

датель тот, кто способствовал смерти Господина Вайдемоса.

— Это не я, — закричал Автарх. — Если это сказал тебе он, то он лжет!

— Это сказал мне ты сам. Я не только разрядил твое оружие, но и снабдил тебя микрофоном, который позволял слышать каждое твое слово и мне, и остальным членам команды. Теперь все знают, кто ты есть на самом деле.

— Я твой Автарх!

— Но также и величайший из предателей.

Теперь Автарх лишь молча переводил глаза с одного на другого. К нему вернулось самообладание. Он холодно спросил:

— Если даже это и правда, что можно изменить? Ничего. Мы сейчас находимся на одной из планет Туманности. Эта планета должна быть мятежным миром, и только мне известны ее координаты.

Он все еще пытался играть роль вождя.

— Ты назовешь их нам, — сказал Байрон.

— Никогда!

Байрон обратился к Ризетту:

— Отправь его на «Беспощадность».

Ризетт тихо сказал:

— Леди Артемида…

— Так это она кричала? Где она?

— Все в порядке. Она вышла без карбондиоксидного цилиндра. Углекислый газ замедлил ее кровообращение, и тело автоматически ослабло. Она пыталась бежать, и это еще ухудшило положение.

— Зачем же она догоняла тебя? Чтобы убедиться, что ее дружок не умер?

— Да, именно для этого, — ответил Ризетт. — Только она думала, что я человек Автарха и собираюсь убить ТЕБЯ. Я отправлю на корабль эту крысу, а ты, Байрон…

— Да?

— Возвращайся как можно скорее. Он все же остается Автархом Линганы, и тебе, возможно, придется поговорить с командой. Трудно решиться оборвать жизнь своего господина… Она за той скалой. Поспеши же к ней, пока она не замерзла до смерти. Ее нельзя оставлять там.

Артемида приходила в себя, когда послышались его торопливые шаги.

— Как ты?

— Спасибо, немного лучше. Прости, что доставляю тебе столько хлопот.

Они стояли, глядя друг на друга, и между ними шел беззвучный диалог.

Потом Байрон сказал:

— Я знаю, что мы не сможем повернуть время вспять, и то, что сделано, — сделано. Но я хочу, чтобы ты меня поняла.

— Я только и делала все эти дни, что пыталась понять. Ты снова будешь говорить о моем отце?

— Нет. Я знаю, что твой отец не виновен. Автарх оклеветал его. Моего отца убил он сам, и теперь, я думаю, ты не сможешь простить меня. Я знал, что он домогается тебя, Арта! Ты являлась объектом его матримониальных устремлений. Имя Хенриады для его целей было куда важнее имени Вайдемоса! Я оказался ненужным. Он решил, что ты в его руках, и он может смело избавиться от меня. Тогда мы с Ризеттом разработали наш план.

— И ты любил меня все это время?

— Неужели ты сама не знаешь этого, Арта?

— Почему же ты тогда не поделился со мной своими планами?

— Это была не твоя борьба, а моя. Если бы Автарх убил меня, ты бы, возможно, перестала меня ненавидеть. Ты могла бы выйти за него замуж, быть счастлива…

— И теперь ты боишься, что я буду ненавидеть тебя за то, что ты победил.

— А ты могла бы ненавидеть меня?

Она тихо сказала:

— Все это время я пыталась разлюбить тебя, но у меня так ничего и не получилось.

— Тогда прости меня!

— Я уж давно простила тебя, Байрон, потому что люблю!

И вновь она была в его объятиях. Ее холодные губы касались его щеки и тихо шептали что-то. Время остановилось.

Наконец он опомнился.

— Солнце садится. Становится прохладно.

— Странно, — задумчиво прошептала она, — но мне кажется, что, напротив, потеплело.

Обнявшись, они побрели к кораблю.

Их было пятьдесят — членов команды линганийского корабля, — и все они с ожиданием смотрели сейчас на Байрона. Он выступил вперед.

— За что вы боретесь, люди? За что рискуете своими жизнями? Думаю, за свободу Галактики. Галактики, в которой каждый сможет выбрать свой собственный путь. Я прав?

В ответ раздался приглушенный ропот, который мог быть знаком одобрения, но лишенным энтузиазма.

Байрон продолжал:

— За что же боролся ваш Автарх? За себя самого. Он — Автарх Линганы. Если бы он победил, то стал бы Автархом Королевств Космической Туманности. Вы поменяли бы Хана на Автарха. Кто бы выиграл от подобной замены? И стоило ли умирать за это?

Кто-то из толпы выкрикнул:

— Все же он один из нас, а не гнусный тираниец.

Другой перебил его:

— Автарх хотел примкнуть к мятежному миру. Он думал не только о себе.

— Да, он хотел войти в мятежный мир не только со своей организацией, — голос Байрона гремел над толпой. — Он хотел соблазнить их Линганой; он предложил бы им альянс с Хенриадами. И за это, он был уверен, мятежный мир даст ему все, что он попросит. Разве это не мысли собственника и эгоиста?! И потом, не подвергал ли он неоправданному риску ваши жизни? А мой отец? Он был верным другом свободы и чести. Но он был слишком популярен, и Автарх убрал его с дороги. Автарх может переступить через любого из вас. Можно ли чувствовать себя в безопасности рядом с таким человеком?

— Верно, — веско заявил Ризетт. — Он прав, ребята.

Внезапно тот же самый голос из заднего ряда спросил:

— А мятежный мир? Автарх знал его координаты. А ты их знаешь?

— Об этом мы поговорим позже. Сейчас надо обдумать, какую дорогу мы изберем после…

— Минуточку, мой дорогой юный друг, — раздался тихий прерывистый голос, и Байрон в ужасе оглянулся.

Пятьдесят человек команды вскочили на ноги, но все они пришли на совет безоружными. Их окружил отряд тиранийских воинов, и сопротивление было бесполезным.

А за спиной Байрона и Ризетта с бластером в каждой руке стоял Саймок Аратап.

Глава 20
Где?

Аратап внимательно изучал стоящую перед ним четверку. Майора Андроса с ним больше не было, улетела и тиранийская эскадра.

Остался только флагманский корабль, его команда и сам Аратап. Лично. Линганийская

команда также отбыла.

Он медленно произнес:

— Позвольте предупредить вас, леди и джентльмены. Корабль Автарха в настоящее время под конвоем направляется в Тиранию в сопровождении майора Андроса. Вся команда, в соответствии с законом, предстанет перед судом за измену. Но вот что мне делать с вами?

— Учтите, — заговорил сидящий рядом с ним Хенрик с Родии, — что моя дочь — совсем молоденькая девушка. Она была вовлечена во все это помимо ее воли. Артемида, дитя мое, скажи им, что…

— Твоя дочь, — прервал его Аратап, — будет, несомненно, освобождена. Как мне известно, ее руки просит тиранийский придворный. Я не забыл этого.

— Я выйду за него замуж, — вмешалась Артемида, — если вы освободите остальных.

Байрон полупривстал, но Аратап жестом усадил его на место. Тиранийский Представитель усмехнулся:

— Моя милая леди! Не требуйте от меня невозможного. Я не Хан, а всего лишь один из его слуг. У меня есть только одно право — судить его по справедливости. Так что же вы предлагаете?

— Мое согласие на замужество.

— А оно никому не нужно. Ваш отец уже дал его за вас. Вы можете предложить что-нибудь еще?

Аратап ожидал взрыва негодования. Ему в глубине души была неприятна его роль. Девушка могла также разразиться слезами, что произвело бы соответствующее впечатление на молодого человека. Ведь они явно влюблены друг в друга. Он определил для себя, что девушка очень привлекательна. Жаль, что она достанется этому старцу, Похангу.

Но она вела себя странно. Она, казалось, не собиралась падать без чувств. Отлично, подумал Аратап. У нее сильная воля. Поханг еще хлебнет с ней горя.

Он обратился к Хенрику:

— Ты просишь о снисхождении также для твоего кузена?

Губы Хенрика беззвучно шевелились.

Джилберт воскликнул:

— Я не нуждаюсь ни в каком снисхождении! Я не хочу от Тирании ничего. Прикажите убить меня.

— К чему эта истерика? — удивился Аратап. — Вы отлично знаете, что я не могу расстрелять вас без суда.

— Он мой кузен, — прошептал Хенрик.

— Это тоже будет учтено. Но не следует рассчитывать на то, что ваша служба Хану влечет за собой дополнительные поблажки. Думаю, ваш родственник скоро усвоит этот урок.

Он был удовлетворен реакцией Джилберта. Этот балбес, по-видимому, и в самом деле ищет смерти. Самое страшное наказание для него — оставить его в живых.

Перейдя к Ризетту, Аратап задумался. Это был один из людей Автарха. В связи с этим он обладал некоторой неприкосновенностью. Он сказал:

— Вы — глупец, который служит предателю. Лучше перейдите на службу к нам.

Ризетт фыркнул.

Аратап продолжил:

— Если вы дорожите своей воинской честью, вы можете потерять ее. Вас будут судить публично, и все узнают, что вы глупец из глупцов. Жаль…

— Но я думаю, мы могли бы поторговаться, — сказал Ризетт.

— Поторговаться?

— У вас есть только массометр. Разве вам не хочется иметь другое современное оборудование?

Аратап отрицательно покачал головой.

— Нет. Для этого у нас есть Автарх. Он и послу-

жит источником информации. Такая торговля меня не интересует.

И он повернулся к юноше. Аратап оставил его на закуску, потому что тот был гораздо умнее остальных. Но он был молод, а молодые люди чаще всего не опасны.

Байрон решил опередить его.

— Как вам удалось найти нас? Он работал на вас?

— Автарх? Не в том смысле, в котором ты думаешь. Думаю, бедняга пытался играть за две команды сразу, и проиграл.

Хенрик с глуповатой улыбкой вмешался в их разговор:

— У тиранийцев есть изобретение, позволяющее следить за кораблями в гиперпространстве.

Аратап быстро обернулся:

— Если вы, мой господин, скажете еще хоть одно слово об изобретении, я разгневаюсь.

Хенрик умолк.

На самом деле это не имело значения. Никто из этой четверки не представлял теперь опасности, но он не должен был допустить, чтобы молодой человек узнал слишком многое.

— Итак, обратимся к фактам, — снова заговорил Байрон. — Почему нас не отправили на Тиранию

вместе с остальными? Это произошло потому, что вы еще не решили, как лучше нас убить. Двое из нас Хенриады, я — Вайдемос. Ризетт — хорошо известный офицер линганийской гвардии. Есть еще и пятый, которого вы назвали предателем, — Автарх Линганы. Вы не можете убить ни одного из нас, чтобы это не стало известно всей Галактике. Поэтому вы пытаетесь торговаться с нами — и вам ничего другого не остается.

— Ты не так уж не прав, — согласился Аратап. — И в подтверждение этого я последую твоим советам; неважно, каким образом. Пока же меня занимает только один вопрос: где этот чертов мятежный мир?

Воцарилась тишина. Аратап поочередно смотрел на каждого из них.

— Здесь нет никакого мятежного мира, — сказал Байрон.

— И вы ничего не искали здесь?

— И мы ничего не искали.

— Твои слова смешны.

— Смешон ты, если ожидаешь ответа на свой вопрос.

— Очевидно, — Аратап рассуждал вслух, — что мятежный мир находится в центре октопуса. Чтобы найти его, я должен оставить вас в живых.

Каждому из вас есть что терять. Моя леди, я могу избавить вас от ненавистного замужества. Мой господин Джилберт, мы можем создать для вас лабораторию, где вас никто не побеспокоит. Да-да, нам известно о вас больше, чем вы думаете. Полковник Ризетт, вы будете спасены от трибунала и сохраните таким образом свое доброе имя. Ты же, Байрон Фаррилл, вновь станешь Господином Вайдемоса, и мы простим тебе прегрешения твоего отца.

— И вернете его к жизни?

— И восстановим его честь.

— Его честь, — сказал Байрон, — осталась в его поступках и его гибели. Не в вашей власти разрушать или восстанавливать ее.

— Кто-нибудь из вас четверых, — Аратап будто не слышал юношу, — скажет мне, где искать мир. И этот человек получит то, что я ему пообещал. С остальными же произойдет то, что они считают для себя наихудшим, — замужество, заключение, суд, казнь. Предупреждаю: я могу, если нужно, быть весьма жестоким.

Он выждал мгновение.

— Итак, кто же? Если не скажете вы, скажет кто-то другой. Тогда вы потеряете всякие шансы, а я все-таки получу нужную мне информацию.

— Это не поможет, — улыбнулся Байрон. — Мятежного мира нет.

— Автарх считает, что есть.

— Тогда и задайте свой вопрос Автарху.

Аратап выпрямился. Молодой человек явно блефует.

— Видишь, — добавил Байрон, — наш торг не удался. Ты не можешь предложить ничего из того, что мы купили бы. Верно?

Артемида крепко прижалась к нему. Ризетт коротко кивнул, а Джилберт пробормотал:

— Верно.

— Вы сами сделали свой выбор, — процедил Аратап, нажимая кнопку.

Теперь перед ним предстал Автарх.

— Что тебе нужно? — глухо спросил он.

— Сейчас я скажу тебе это, — сказал Аратап. — Во-первых, я хотел встретиться с тобой. Посмотреть, кого же мы поймали. Кстати, в наших руках оказался также молодой человек, который, по твоему замыслу, должен был умереть, но который все еще жив и сумел разрушить все твои планы, хотя ты — Автарх, а он всего лишь заключенный.

Было бы сложно описать выражение лица Автарха при этом сообщении. Но он быстро принял

невозмутимый вид.

Не глядя на него, Аратап продолжал:

— Здесь также Джилберт из Хенриадов, который спас жизнь этого юноши и привел его к тебе. Здесь госпожа Артемида, которая, по-видимому, является возлюбленной этого молодого человека. И здесь полковник Ризетт, твое наиболее доверенное лицо, который приложил руку к твоему падению. Чего бы ты пожелал этим людям, Автарх?

— Что тебе нужно? — снова хрипло спросил Автарх.

— Информация. Дай мне ее, и ты вновь станешь Автархом. Твои сведения по заслугам оценят при дворе Хана. Иначе…

— Иначе?

— Иначе все эти люди будут освобождены, а ты казнен.

Лицо Автарха расплылось в коварной улыбке.

— Они не могут быть освобождены. Ведь только я знаю координаты мятежного мира!

— Но я ведь еще не сказал, какого рода информация мне нужна, Автарх!

— Существует только одна вещь, которую ты хотел бы знать.

Ризетт вмешался в этот разговор:

— Если ты и поверишь ему, все равно в конце концов будешь казнен!

Байрон одернул друга.

— Не глупи, — спокойно сказал он. — Ты все равно ничего не сможешь сделать.

— Меня, — произнес Автарх, — мало волнуют и Автархия, и я сам, Ризетт. — Он повернулся к Аратапу. — Они будут казнены? Ты можешь мне обещать? — Он указал пальцем на Байрона: — Особенно этот.

— Да, если такова твоя цена.

— Если я стану его палачом, то ты узнаешь все, что хочешь знать. Я дам тебе ро, тету и фи в парсеках и радианах: 7352.43, 1.7836, 5.2112. Эти три значения указывают положение мятежного мира в Галактике. Теперь ты знаешь их!

— Теперь да, — Аратап поспешно записывал цифры на клочке бумаги.

С криком «Предатель!» Ризетт вскочил на ноги.

Байрон не сумел удержать его. Ризетт боролся с охранником. Тому на помощь пришел другой охранник, но было поздно — Ризетт уже завладел бластером.

— Предатель, — в последний раз повторил он и выстрелил в Автарха. Автарх упал, тело его

несколько раз конвульсивно дернулось — и затихло.

Аратап продолжал сохранять невозмутимость. Он только приказал:

— Уберите тело!

Друзья окружили Ризетта. Он порывисто пожал Байрону руку.

— Я убил-таки этого мерзавца!

Байрон отчетливо произнес:

— Ты попал в ловушку Аратапа, Ризетт.

— В ловушку? Я просто убил одного негодяя!

— В этом и заключается ловушка. Ты доставил ему удовольствие.

Ризетт ничего не ответил, а Аратап не вмешался. Его лицо выражало удовлетворение. Да, мозги этого юноши отлично работают!

Байрон продолжил:

— Если Аратап имел в виду именно то, что говорил, теперь ему известно то, что он хотел знать. Ведь он допрашивал нас, просто чтобы испытать. Я был готов к любым связанным с этим неожиданностям. Ты — нет.

— Я думал, — голос Аратапа звучал необычайно мягко, — что вы сделаете это.

— Вот-вот, — подхватил Байрон. — Теперь тебе ясно, что он вовсе не собирался оставлять Ав-

тарха в живых? Все тиранийцы подобны змеям. Ему нужна была только информация Автарха; он не собирался платить за нее; но он не мог рисковать, убивая его собственноручно. За него это сделал ты.

— Правильно, — подтвердил Аратап, — и теперь у меня есть необходимая мне информация.

Где-то зазвенел колокольчик.

— Хорошо, — наконец прервал молчание Ризетт. — Если это доставило ему удовольствие, то же самое можно сказать и обо мне.

— Не совсем так, — прервал его Аратап, — поскольку твой юный друг не довел свои аналитические упражнения до конца. Ты совершил новое преступление. Это влечет за собой…

Внезапно он замолчал. Он услышал чьи-то шаги и скрип открываемой двери. На пороге стоял солдат.

— Что случилось?

— Общая тревога, сэр. Аккумуляторное отделение.

— Пожар?

— Еще точно не известно, сэр.

Про себя Аратап воззвал к небу и только сейчас сообразил:

— Где Джилберт?

Он и не заметил, как тот выскользнул из комнаты.

Джилберта нашли в комнате радиосвязи и немедленно доставили в каюту Аратапа.

Аратап раздраженно спросил:

— Кто позволил вам прогулку по кораблю, мой господин? Особенно сейчас, когда объявлена общая тревога.

Потом он продолжил начатую ранее мысль:

— Мне кажется, Ризетт, на сегодня достаточно. У нас есть похищенный тобой, Фаррилл, корабль; есть и мое флагманское судно. С их помощью мы найдем мятежный мир. Мы направимся в точку, которая соответствует координатам Автарха, как только навигаторы рассчитают Прыжок. Это будет одна из тех экспедиций, которая останется в памяти грядущих поколений.

Внезапно он вспомнил о своем отце, командовавшем эскадрой, покорявшей миры. Аратап был ДОВОЛЕН, что Андроса нет с ним. Это окажется только ЕГО личным завоеванием.

Пленников разделили. Артемиду поместили с отцом, а Ризетта и Байрона увели в противоположном направлении. Джилберт стонал, что не может оставаться один, и Аратапа тронули его мольбы. Дед этого человека был великим прави-

телем — так учила история. Поэтому он позволил поместить беднягу с остальными.

Джилберта поселили к Байрону. Они почти не разговаривали друг с другом. Пришла ночь, но заснуть они тоже не могли. Внезапно Джилберт прошептал:

— Байрон!

— Что?

— Байрон, я сделал это. Все в порядке, Байрон.

— Постарайся уснуть, Джил.

Но Джилберт не мог успокоиться:

— Я сделал это, Байрон! Аратап хитер, но я хитрее. Разве это не восхитительно? Можешь не беспокоиться, Байрон! Я укрепил это.

Джилберт хитро улыбнулся. Так улыбаются маленькие дети, когда совершают что-нибудь разумное.

— Что ты укрепил? — Байрон вскочил на ноги и потряс Джилберта за плечо. — Отвечай же!

— Они нашли меня в радиорубке, — Джилберт хихикнул. — Они думали, что я прячусь. Но я не прятался. Именно я включил сигнал общей тревоги, потому что мне нужно было отвлечь их на некоторое время.

— Что?!

— Это было несложно и заняло всего минуту.

Они ничего не заметили. Я сделал это осторожно. Они ничего не узнают, пока не попытаются совершить Прыжок, и тогда все — и корабль, и мы, и Аратап — все взлетит в воздух.

От неожиданности Байрон отступил назад:

— И ты это сделал?!

— Да. — В голосе Джилберта звучала гордость. — Все мы погибнем, Байрон. Я не боюсь смерти, но не хочу умирать в одиночестве. Только не в одиночестве! В момент моей смерти мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь был рядом. Это не страшно: мы все умрем быстро и легко. Это не страшно. Это…

— Идиот! Сумасшедший! — заорал Байрон. — Если бы не ты, у нас еще остался бы шанс победить!

Джилберт не слышал его. В его ушах звучал лишь собственный голос. Байрон бросился к двери.

— Охрана! — кричал он. — Охрана!

Кто знает, сколько им осталось — несколько часов или несколько минут?

Глава 21

Здесь?

По коридору загрохотали сапоги солдата.

— В чем дело?

— Я должен сейчас же увидеться с Представителем Аратапом.

— И поэтому ты поднимаешь такой шум? — У солдата было не все в порядке с логикой. — После взлета я подумаю, как это сделать.

— Дело не терпит отлагательств, — настаивал Байрон. — Это важно.

— И тем не менее это подождет. Отойди от двери, или познакомишься с моим хлыстом.

— Смотри, — указал Байрон на Джилберта, — этот человек болен. Он может умереть. Это один из Хенриадов, и если он умрет на тиранийском корабле, потому что ты не дал поговорить мне с Аратапом, тебя ожидают не самые лучшие времена.

— А что с ним?

— Не знаю. И поторопись, если тебе не надоела жизнь.

Охранник пробормотал что-то себе под нос и исчез.

Байрон повернулся к Джилберту: в глазах того жил только страх. Он не узнавал юношу.

— Кто ты?

— Я — Байрон. Как ты себя чувствуешь?

Казалось, до Джилберта смысл его слов не доходит. Он переспросил:

— Байрон? — И потом, как бы придя в себя: — Байрон! Они совершают Прыжок? Смерть близка, Байрон!

Сердиться на него было невозможно. Сознание его явно помутилось.

Почему они не дают ему поговорить с Аратапом? Почему не приходят за ним? Байрон бессильно прислонился к стене.

И вновь зазвучали шаги. Он бросился к двери, еще не видя, кто стоит перед ним. Дождался!

Это вновь был охранник. С ним — офицер.

Байрон вздрогнул. Теперь на него были направлены сразу два нейронных хлыста. Он сказал:

— Человек, пришедший с тобой, — не Аратап. Я хочу поговорить с Представителем.

Офицер одернул его:

— Если Джилберт из Хенриадов болен, тебе вовсе не нужно видеть Представителя. Нужен врач.

Только сейчас Байрон разглядел на офицере погоны лейтенанта медицинской службы.

— Хорошо. Послушай меня. Этот корабль не

должен совершать Прыжок. Но подобное решение может принять только Представитель, и поэтому я должен увидеться с ним. Можешь ты это понять? Ведь ты — офицер. Ты обязан доложить ему об этом.

Доктор искоса взглянул на юношу, потом обратился к солдату:

— Выведи этого человека отсюда.

Байрон шагнул вперед. Перед ним с отсутствующим взглядом стоял офицер. Офицер, отвернувшись, пытался нащупать пульс Джилберта. Времени на размышления не оставалось. Резкой подсечкой Байрон повалил солдата на пол, одновременно выхватывая из его рук хлыст. Он направил его на офицера:

— Бросай оружие! Живо!

Тот подчинился. Хлыст выпал из его руки.

Байрон выстрелил — раз, потом другой. Два тела, заливая коридор кровью, валялись у его ног. Он повернулся к Джилберту:

— Прости, но и ты тоже, Джил, — и хлыст щелкнул в третий раз.

На лице Джилберта навсегда застыло обиженно-недоумевающее выражение.

Байрон помчался по коридору. На разговоры с Аратапом времени не оставалось. Он ворвался в

рубку. На него испуганно смотрел из-за пульта человек в костюме инженерной службы.

— Когда следующий Прыжок? — спросил Байрон.

— Через полчаса. Кто ты?

Байрон не ответил. Хлыст выстрелил в четвертый раз, и тело свалилось со стула. Оставалось всего полчаса.

Он услышал шум. Тогда, спрятав хлыст в карман, он быстро направился в машинное отделение.

У главного компьютера сидели двое. Один из них спросил:

— Кто ты? И что здесь делаешь? Иди на свое место, — на нем были лейтенантские погоны.

— Слушай меня. Сейчас же прекратите подготовку к Прыжку. Мы все взлетим на воздух!

— Погоди, — сказал второй. — Я уже видел этого человека. Это один из пленников. Держи его, Лэнси.

Он прыжком попытался отрезать Байрону дорогу. Байрон стукнул кулаком по пульту, перевернув его.

— Верно, — сказал он. — Я один из пленников. Я Байрон с Вайдемоса. Но то, что я сказал, — правда. Исследуйте компьютер, если не верите мне.

Лейтенант не сводил глаз с нейронного хлыста. Он кротко возразил:

— Это невозможно, сэр, без приказа дежурного офицера или Представителя. Потребуются часы, чтобы изменить программу.

— Тогда зовите его. Зовите Представителя!

— Можно воспользоваться рацией?

— Быстрее!

Внезапно рубка наполнилась людьми. Казалось, вся охрана корабля примчалась сюда, привлеченная производимым ими шумом. Сопротивление было бессмысленно. Байрон отбросил в сторону хлыст.

— Не стреляйте! Я безоружен! Я пришел предостеречь вас! Где-то здесь спрятано взрывное устройство. Прыжок означает гибель для всех нас. Прошу вас только заглушить двигатели. Не теряйте время. Ведь если я прав, вы спасете свои жизни.

На лицах солдат была написана нерешительность. Они явно не знали, что им предпринять. Внезапно раздался неестественно громкий голос:

— По местам! Приготовиться к Прыжку!

Это был Аратап, обращающийся через радиотранслятор. Затем последовал следующий приказ:

— Молодого человека доставьте ко мне. — Байрона схватили. С обеих сторон были два солдата, крепко державшие его под руки. Он попытался вырваться, но они оказались сильнее.

Аратап устало смотрел на Байрона. Юноша вдруг заметил, что его собеседник носит контактные линзы.

— Ты наделал много глупостей, Фаррилл.

— Просто я должен был спасти корабль. Отошлите охрану. Я больше не представляю опасности.

— Охрана останется здесь. Во всяком случае, пока я не услышу рапорт из компьютерного отсека.

Они молча ждали, и каждая минута казалась Байрону вечностью. Внезапно на стене зажглось табло с надписью: «Компьютерный отсек».

Аратап включил рацию:

— Докладывайте!

— Представитель, юноша не солгал!

Помолчав мгновение, Аратап сказал:

— Пересчитайте время Прыжка на шесть часов позже.

Он повернулся к Байрону и холодно отметил:

— Ты был прав.

Жестом он отослал охрану. Они остались одни.

— Пожалуйста, теперь детали.

— Это сделал Джилберт из Хенриадов, когда сумел бежать из вашей каюты. Он же включил сигнал общей тревоги.

Аратап кивнул.

— С годами он не поумнел. Но ты — ты ведь на самом деле испугался не смерти?

— Дело не в моей смерти, — ответил Байрон. — Мятежного мира не существует, как я уже говорил вам и вновь могу повторить. Центр сопротивления — Лингана. Я хотел только отомстить за смерть моего отца, а также избавить леди Артемиду от ненавистного ей замужества. Ну а Джилберт — он просто сумасшедший.

— Но Автарх верил в существование этой таинственной планеты. Ведь он дал мне какие-то координаты!

— Его уверенность базировалась на мечтах сумасшедшего. Джилберт придумал все это двенадцать лет назад. Автарх вычислил по его рассказам двадцать возможных планет. Но все это чепуха!

— И все же кое-что тревожит меня, — заметил Аратап.

— Что?

— Ты слишком старательно отговариваешь меня. Конечно, я благодарен тебе за то, что ты

удержал нас от Прыжка. Теперь ты можешь рассчитывать на благосклонность Хана. Ты спас также и свою жизнь. И все же я не верю, что ты откровенен со мной. В тебе живет юношеский романтизм. В твоем возрасте все хотят стать героями. Именно поэтому мы все же совершим Прыжок.

— Не вижу причин.

— Ты глуп, — Аратап нахмурил брови. — И все же жаль, что ты не на нашей стороне. — Это прозвучало как комплимент. И тут же продолжил: — Сейчас ты вновь будешь посажен под замок. Это простая предосторожность.

Байрон кивнул.

Это были тяжелые часы для Байрона. Аратап решил устроить останкам Джилберта космические похороны и пригласил Байрона принять в них участие. Здесь же присутствовали Артемида и Хенрик. Поймут ли они? Поймет ли ОНА, что он должен был сделать то, что сделал?

Еще его беспокоило то, что корабль вскоре должен совершить Прыжок. Тогда наступят совсем плохие времена.

Он вновь и вновь пытался проанализировать, прав ли он. А что, если он ошибся? Что, если они сейчас совсем близко от мятежного мира? Тогда

информация уйдет на Тиранию, и сюда немедленно будет послана целая армада. А сам он умрет, зная, что мог спасти этот мир, но вместо этого способствовал его гибели.

Уже стемнело, а он все еще думал о документе, который не успел разыскать.

Еще Байрона удивляло, что Аратап намерен найти мятежный мир, имея в своем распоряжении только один корабль. Каковы его намерения?

Автарх сказал, что документ похищен много лет назад, но кто владеет им теперь?

Вероятно, тиранийцы. Наверное, они давно знают секрет, как с помощью одного корабля разрушить целый мир.

Если это правда, тогда неважно, существует или нет мятежный мир на самом деле.

Прошло еще немного времени, и к нему явился Аратап собственной персоной. Байрон встал, приветствуя его.

Аратап сказал:

— Мы запросили информацию. В указанном месте ДЕЙСТВИТЕЛЬНО есть звезда. Координаты, данные нам Автархом, верны.

— И?

— Но у нас нет необходимости исследовать

относящиеся к ней планеты. Как мне сказали мои астронавигаторы, звезда погасла более миллиона лет назад. Если там и были планеты, то они давно исчезли. Теперь там нет ничего.

— Тогда…

— Тогда ты прав. Мятежного мира на самом деле не существует.

Глава 22
Там!

Событие это подорвало все основы философии Аратапа. В последнее время он не был самим собой. Он был теперь своим отцом. Он, как и отец, все эти дни вел эскадру кораблей на битву с врагами Хана.

Безумные дни! Там, где он ожидал найти мятежный мир, обнаружилась только пустота. У Хана не было врагов, и не с кем было сражаться. Аратап теперь — просто Представитель, не более того.

Жаль потраченных эмоций. Это было ни к чему.

Он сказал Байрону:

— Ты был прав. Мятежного мира не существует. И теперь я хочу поговорить с тобой.

Молодой человек с сомнением смотрел на него. Аратап вдруг вспомнил, как около месяца назад они встретились впервые. Теперь мальчик повзрослел, и в нем не было страха. «Я впадаю в декадентство, — подумал Аратап. — Многие из нас начинали в свое время симпатизировать этим субъектам. А многие ли желали им добра?»

— Я собираюсь освободить Правителя и его дочь. Этот шаг политически оправдан. Думаю, я могу освободить их прямо сейчас и отправить домой на «Беспощадности». Сможешь ли ты отвезти их?

— Ты освобождаешь меня?

— Да.

— Почему?

— Ты спас мой корабль и мою жизнь.

— Надеюсь, это многому научило вас.

Аратап
беззвучно рассмеялся. Ему ОПРЕДЕЛЕННО нравился этот мальчик.

— Теперь я назову тебе и другую причину моего решения. До тех пор, пока я искал нити заговора против Хана, ты был опасен. Когда я понял, что эти нити ведут на Лингану и что ее вождь мертв, ты перестал представлять опасность. На Лингану прибудет суд, и скоро она будет под нашим

полным контролем. И все же мы оставим им надежду. Надежду на освобождение.

— Так вы освободите нас всех?

— Это не совсем освобождение, потому что никто из вас не отличается особой лояльностью. С Линганой мы поступим по своему усмотрению, и следующий Автарх вряд ли осмелится восстать против Хана. Ассоциации больше не будет. Мятежники, которых мы захватили, будут сосланы на ближайшие к Тирании планеты. Ты же не сможешь вернуться на Нефелос, и не рассчитывай на это. Ты и полковник Ризетт, вы всегда будете жить на Родии.

— Очень хорошо, — сказал сдержанно Байрон, — но как быть со свадьбой Артемиды?

— Ты хочешь, чтобы она не состоялась?

— Вы должны знать, что мы любим друг друга и хотели бы пожениться.

— Как там говорили древние? «Необходимо прощать ложь влюбленным и дипломатам».

— И все же предупредите Хана, что укрепление правящей фамилии на Родии может грозить ему новыми трудностями, как в случае с Линганой.

Все это время Аратап смеялся.

— Хочешь добрый совет? — отсмеявшись, спросил он.

— Какой?

— Поскорее женись на ней. Для Поханга мы подыщем другую невесту.

Пораженный, Байрон протянул ему руку:

— Спасибо, сэр.

Аратап пожал ее.

— Мне не особенно нравится Поханг. Да, я хочу, чтобы ты еще кое-что запомнил. Не давай амбициям одержать в тебе верх. Хотя ты и женишься на дочери Правителя, сам ты никогда не станешь Правителем. Ты не тот человек, который нам нужен.

Аратап проводил «Беспощадность» взглядом. Молодой человек свободен, а сам он уже на полпути на Тиранию. Да, майора Андроса хватил бы удар!

Он должен прибыть на Тиранию. Возможно, с ним встретится Хан, чтобы выслушать его. Взвесив все «за» и «против», Хан, безусловно, поймет, что другое решение было невозможным, и не осудит его.

Ризетт на борту «Беспощадности» также проводил взглядом тиранийский флагман.

— Итак, он отпустил нас! — заметил полковник. — Знаешь, если бы все тиранийцы были похожи на него, я бы пошел к ним на службу. Как

ты думаешь, он слышит сейчас, что мы говорим?

Байрон оторвал глаза от пульта:

— Конечно, нет. Да и вряд ли он захотел бы делать это. Вспомни, ведь он первый рассказал нам все, что знал о нас.

В рубку вошла Артемида. Она прижала палец к губам:

— Не так громко. Мне кажется, он уснул. Скоро мы уже будем на Родии, верно, Байрон?

— Чтобы добраться туда, нам хватит одного Прыжка, Арта. Аратап вычислил его для нас.

— Пойду помою руки, — Ризетт вышел из рубки.

Они проводили его взглядами, и Байрон обнял девушку. Он целовал ее глаза, губы, волосы, руки; поцелуи были нежными и легкими.

— Я очень люблю тебя! — сказала она.

— Я люблю тебя так, — ответил Байрон, — что не могу выразить словами. Как ты думаешь, он даст согласие на наш брак?

— Пока не знаю. Но я попытаюсь еще раз все объяснить ему.

Их диалог прервал вернувшийся в рубку Ризетт.

— Значит, нам предстоит прожить на Родии до самой смерти… Не думал я, что меня может

ожидать подобное. Эх, и почему этот мятежный мир — только выдумка?

— Мятежный мир существует, Теодор.

— Что?!

— Мятежный мир ЗДЕСЬ.

Ризетт резко ответил:

— Я еще не совсем свихнулся, Байрон.

— Я не лгу. Такой мир СУЩЕСТВУЕТ, и я знаю, где он находится. Я мог узнать это несколько недель назад, но только сейчас мне удалось сопоставить все факты. Вспомни слова Джоунти, когда он понял, что мы с тобой заодно. Помнишь?

— Нет.

— Он сказал, что на свете множество звезд и до любой из них нужно добираться через биллионы миль. Вот тут-то я все и понял.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Артемида.

— Подумай сама. Метеор врезался в корабль дяди Джила и сбил его с курса. Поэтому окончание Прыжка было уже не в нашей системе планет. Так думал дядя Джил. Так считал и Автарх. И оба они ошибались. А что, если при столкновении направление полета и скорость не изменились?

— Тогда…

— Да, тогда корабль приземлился там, где и

должен был, — на Родии. И как это я сразу не догадался?

Артемида сказала:

— Но ведь тогда мятежный мир должен быть у нас дома. Это невозможно!

— Почему же невозможно? Этот мир находится где-то в Родийской Системе. У нас есть два способа найти его. Давай опять обратимся к фактам. Что случилось с Джилбертом после возвращения из мятежного мира? Он вновь был на Родии. Он считал, что это — заслуга совершенного тиранийского корабля, хотя, скорее всего, жители мятежного мира, зная, что на борту этого корабля один из Хенриадов, никогда не оставили бы его в живых, если бы этот мир находился за пределами Родийской Системы. Кто, кроме родийцев, стал бы сохранять жизнь Хенриаду?

Артемида взволнованно перебила его:

— Но если то, что ты говоришь, — правда, то мой отец находится в страшной опасности.

— И находился в ней все последние двадцать лет. Но вовсе не по тем причинам, которые ты имеешь в виду. Однажды Джилберт рассказал мне, как сложно было ему прикидываться дурачком. Но твоему отцу играть свою роль было намного сложнее.

— Ты же не хочешь сказать…

— Именно это я и хочу сказать, Арта. И вот что надоумило меня. Еще когда Автарх обвинял твоего отца в предательстве, я усомнился в том, что мой отец мог оказаться таким доверчивым. Мы были уверены, что отец работал на Джоунти, и ошибались. Еще больше в моей уверенности меня укрепил Джилберт, когда рассказал о том, что отец и Правитель долго разговаривали в библиотеке. На самом деле отец служил Правителю и был просто лазутчиком в стане Джоунти. Знаешь, почему для меня было так важно спасти корабль Аратапа? Не из-за себя, конечно, и даже не из-за тебя. Я должен был спасти Правителя. Он самая важная персона среди нас. Бедняга Джилберт не понимал этого.

Ризетт простонал:

— Я просто не могу во все это поверить.

Внезапно в их разговор вмешался новый голос:

— И тем не менее — поверь. Это правда.

У двери стоял Правитель. Это был его голос и в то же время не его. Он звучал веско и уверенно.

Артемида подбежала к нему:

— Отец! Байрон говорит…

— Я все слышал. — Он ласково провел рукой по ее волосам. — И все это правда. Я даже согласен

на ваш брак.

Она изумленно всматривалась в него:

— Ты говоришь совсем не так, как раньше. Ты говоришь…

— Как если бы я не был твоим отцом, — грустно сказал он. — К сожалению, Арта, так будет недолго. Как только мы вернемся на Родию, все будет как прежде.

Байрон затаил дыхание. Хенрик жестом подозвал его к себе.

— Было время, молодой человек, когда мне хотелось принести тебя в жертву. Такое время может возникнуть вновь. И тогда я не смогу защитить тебя. Понимаешь?

Они кивнули друг другу.

— Двадцать лет назад я был не так уверен в себе, — продолжал Хенрик. — Я только вступил в эту роль и страдал нерешительностью. Мне следовало бы убить Джилберта, а я сохранил ему жизнь. Именно поэтому кое-кто теперь знает, что мятежный мир существует и что я — его вождь.

— Это знаем только мы, — возразил Байрон.

— Не считай Аратапа глупее, чем он есть, — Хенрик слегка усмехнулся. — Вам с ним были известны одни и те же факты, и если ты сумел сделать правильные выводы, значит, то же самое

может и он. Я уверен, что и на свободу он отпустил тебя с одной-единственной целью — чтобы поближе подобраться ко мне.

— Значит, мне придется покинуть Родию? — Байрон чуть не плакал.

— Нет. Это будет фатальной ошибкой. Нет никаких причин для подобного поступка, и это может насторожить кое-кого. Поэтому ты останешься с нами и будешь делать вид, что ничего не произошло.

— Но, Правитель, вы не знаете кое-чего. Существует один документ…

— Который искал твой отец?

— Да.

— Твой отец, мой мальчик, тоже знал не все. Он знал о существовании этого документа, но не знал, где документ находится. Если бы он спросил об этом меня, я бы сразу же сказал ему, что на Земле документа давно нет.

— Более того, сэр. Я уверен, что им владеют тиранийцы.

— Ну конечно же, нет! Документ у меня. Вот уже двадцать лет он у меня. Я получил его, когда еще только зрела идея мятежного мира. И я всегда знал, что нужно нам, чтобы победить.

— Это какое-нибудь оружие?

— Это самое мощное оружие во Вселенной. Оно разрушит и Тиранию, и Родию, но спасет Королевства Космической Туманности. Без него мы, конечно, можем противостоять тиранийцам, но при этом только заменим феодальный деспотизм другой формой угнетения. Мы должны стремиться совсем к иной политической модели. Придет время, как это уже было однажды на планете Земля, и появится новый, еще не виданный в Галактике тип правительства. Не Ханство, не Автархия, не Директория.

— Во имя неба, — взмолился Байрон, — так что же это будет?

— Люди.

— Люди? Но как они смогут управлять? Ведь решения должен принимать только один человек?

— Ерунда. История докажет тебе, что это возможно не только на одной маленькой планете, а и во всей Галактике.

Правитель улыбнулся:

— Подойдите, дети. Я хочу благословить вас.

Дрожащей рукой Байрон взял за руку Артемиду. Он был как никогда счастлив. И все же что-то угнетало его.

— Сэр, не сочтите это нахальством, но позволите ли вы мне заглянуть когда-нибудь в этот

документ?

Артемида весело рассмеялась:

— Если ты не сделаешь этого, отец, моя семейная жизнь не будет удачной.

Хенрик улыбнулся в ответ:

— Я знаю этот документ наизусть. Слушайте.

И глядя в смотровое стекло на родийское солнце, Хенрик начал с тех самых слов, которые были старше — гораздо старше, — чем все планеты Галактики, вместе взятые:

Мы, народ Соединенных Штатов, в целях создания совершенного союза, установления справедливости и равенства, обеспечения независимости и безопасности, одобряем и подтверждаем эту Конституцию Соединенных Штатов Америки…

Космические течения

Посвящается Дэвиду, который не торопился прийти в этот мир, но чьего появления стоило ждать

Пролог

Год назад

Человек с Земли принял решение. Оно вызревало долго и мучительно, но час пробил.

Минуло несколько недель с тех пор, как он покинул надежную палубу своего корабля, укутанного холодной чернотой космоса. Собирался по-быстрому отослать краткий рапорт в местное отделение Межзвездного Пространственно-аналитического Бюро и так же быстро вернуться в космос. Вместо этого крепко здесь застрял.

Точно в силок угодил.

Допив чай, он посмотрел на человека, сидящего напротив, и произнес:

— Долее я тут оставаться не намерен.

Этот другой принял решение. Оно вызревало

долго и мучительно, но час пробил. Ему требовалось время, гораздо больше времени. Ответа на первые письма не последовало. Они словно в черную дыру канули. Впрочем, большего — или, вернее, меньшего — он и не ждал. В любом случае это был только первый ход.

Ясно было одно: пока суд да дело, нельзя позволить человеку с Земли ускользнуть. Он сжал гладкий черный стержень, лежащий в кармане, и сказал:

— Вы не улавливаете тонкостей данной проблемы.

— Что тонкого в гибели целой планеты? — возразил землянин. — Я хочу, чтобы вы оповестили о грядущем жителей Сарка, всех до одного.

— Мы не можем. Поймите, начнется паника.

— Но вы обещали!

— Я все обдумал и решил, что это нерационально.

— Представитель МПБ так и не явился. — Землянин перешел к следующей своей претензии.

— Знаю. Они слишком заняты мерами по преодолению кризиса. Подождите еще день или два.

— День или два! Опять «день или два»! Неужели все настолько заняты, что не могут уделить мне минуту? Они даже моих расчетов не видели.

— Я предлагал вам свое посредничество. Вы не согласились.

— И не соглашусь. Или они ко мне придут, или я к ним. По-моему, вы мне не верите, — с жаром прибавил землянин. — Не верите, что Флорине грозит гибель.

— Я вам верю.

— Нет, не верите. Не верите! По глазам вижу. Вы надо мной смеетесь. Вы не пространственный аналитик и ничего не понимаете в моих расчетах. Я даже не знаю, тот ли вы, за кого себя выдаете. Кто вы такой?

— Вы перевозбуждены.

— Разумеется, что в этом удивительного? Или вы принимаете меня за психа? Думаете, небось: «Бедолага, космос свел его с ума».

— Вздор.

— Думаете, думаете. Вот почему я хочу встретиться с представителями МПБ. Уж они-то разберутся, псих я или нет. Они узнают правду.

Второй мужчина вспомнил о принятом им решении и сказал:

— По-моему, вам нехорошо. Я помогу.

— Нет, не поможете! — истерично взвизгнул землянин. — Потому что я ухожу! И немедленно. Вам меня не остановить, лучше сразу убейте.

Но вы не посмеете. А если все-таки посмеете, на вашей совести окажется смерть жителей целой планеты!

— Я не собираюсь вас убивать! — второй человек возвысил голос, пытаясь перекричать землянина. — Успокойтесь, не буду я вас убивать, в этом нет нужды.

— Значит, просто свяжете, лишь бы удержать меня здесь. Вы это замыслили? А что будете делать, когда меня хватятся в МПБ? Я должен регулярно отсылать им отчеты, так-то вот.

— В Бюро знают, что со мной вы в безопасности.

— Да ну? А им вообще известно, что я высадился на планете? Интересно, дошло ли до них мое первое сообщение?

Голова у землянина закружилась. Конечности словно одеревенели.

Второй человек поднялся. Он убедился, что решение было вполне своевременным. Неторопливо обогнув длинный стол, подошел к землянину.

— Это ради вашего же блага, — участливо сказал он, доставая из кармана черный стержень.

— Психозонд, — неразборчиво прохрипел землянин, пытаясь встать, однако ноги отказались

ему повиноваться. — Опоили… — процедил он сквозь сведенные судорогой челюсти.

— Опоил, — легко согласился второй. — А теперь послушайте меня. Я не причиню вам вреда. Просто в таком возбужденном, встревоженном состоянии вы не можете уяснить всю щепетильность вопроса. Я уберу вашу тревожность, одну только тревожность.

Говорить землянин больше не мог. Он сидел в оцепенении и думал: *«О, великий космос, меня опоили»*. Хотелось кричать, визжать, бежать без оглядки, но, увы…

Второй человек подошел вплотную и навис над ним. Землянин поднял взгляд. Глаза еще двигались.

Психозонд являлся автономным прибором. Требовалось лишь закрепить проводки на голове в определенных местах. Землянин в ужасе наблюдал за приближением стержня, пока не отказали глаза. Он не почувствовал, как тонкие острые щупы проникли под кожу и вонзились в черепные швы.

Ему оставалось только безмолвно вопить: *«Вы не понимаете! Речь о планете, населенной людьми! Нельзя рисковать жизнью сотен миллионов. Неужели до вас это не доходит?»*

Голос второго человека звучал все слабее и глуше, словно с дальнего конца длинного, продуваемого ветром туннеля:

— Больно не будет. Уже через час вам станет лучше, гораздо лучше. И мы вместе посмеемся над этим досадным недоразумением.

Землянин ощутил слабую вибрацию в черепе, затем исчезла и она.

Тьма сгустилась и придавила его. Часть ее так никогда и не рассеялась. Потребовался год, чтобы слегка приподнять черную завесу.

Глава 1
Найденыш

Рик отложил фидер и вскочил на ноги. Его так трясло, что пришлось привалиться к голой, молочно-белой стене.

— Вспомнил! — закричал он.

Все повернулись к нему. Неразборчивое бормотание жующих людей стихло. Он видел их лица — неважно вымытые и неважно выбритые, бледные, лоснящиеся в тусклом свечении стен. В глазах не было любопытства — скорее рефлекторная реакция на неожиданный раздражитель.

— Я вспомнил свою работу, — вновь закричал

Рик. — У меня была работа!

— Заглохни ты! — крикнул один.

— И сядь уже! — добавил другой.

Все отвернулись, гул возобновился. Рик растерянно опустил взгляд. Кто-то бросил: «Чокнутый Рик». Кто-то пожал плечами или покрутил пальцем у виска. Все это ничего не значило. Проходило мимо его сознания.

Он медленно сел. Схватил фидер, похожий на ложку с острым краем и небольшими зубцами, которым одинаково неудобно было зачерпывать, резать и накалывать. Для фабричных рабочих и такое сойдет… Рик перевернул фидер и невидяще уставился на номер, выбитый на обратной стороне ручки. Рику и не требовалось его видеть. Цифры он знал наизусть. Номера присваивались всем, однако у других имелись еще имена. У него же имени не было. Его прозвали Риком. На сленге рабочих кыртопрядильни это слово означало «дурень». Частенько к прозвищу добавляли эпитет «чокнутый».

Может быть, за первым воспоминанием последуют другие? Осколок прошлого вернулся к нему впервые с тех пор, как Рик попал на ткацкую фабрику. Если бы только ему удалось сосредоточиться! Как следует обо всем поразмыслить!

Есть расхотелось. От голода не осталось и следа. Он воткнул фидер в желеобразный брикет мяса с овощами, оттолкнул еду и впился глазами в собственные ладони. Потом запустил пальцы в волосы, мучительно пытаясь шаг за шагом пробиться мыслями в бездну, откуда извлек единственное воспоминание, смутное и нечеткое.

Он разрыдался, и тут прозвенел звонок, возвещая окончание обеденного перерыва.

Когда вечером он вышел с фабрики, его догнала Валона Марч. Он не сразу заметил ее присутствие. Остановился, лишь услышав шаги нога в ногу с его собственными. У Валоны были темно-русые волосы. Она заплетала их в две толстые косы, которые скрепляла магнитными заколками с зелеными камешками — дешевыми, потускневшими безделушками. На ней было простое ситцевое платье, вполне подходящее для здешнего мягкого климата. Рик тоже обходился безрукавкой и хлопчатобумажными брюками.

— Я слыхала, с тобой что-то приключилось в обед, — сказала Валона.

Говор у нее был резким, типичным для поселян. Тогда как речь самого Рика отличалась сильной гнусавостью. Местные насмехались и передразнивали его, но Валона объяснила, что это они по

невежеству.

— Ничего не приключилось, Лона, — пробормотал он.

— Мне рассказывали, ты что-то вспомнил, — не отступалась она. — Рик, это правда?

Валона тоже звала его Риком. А как же иначе? Своего настоящего имени он не помнил, хотя пытался вспомнить изо всех сил. И Лона ему помогала. Однажды даже раздобыла где-то рваный городской справочник и принялась зачитывать вслух имена, но все они звучали одинаково чуждо.

— Я должен уйти с фабрики. — Он заглянул ей в глаза.

Валона нахмурилась. На ее круглом широкоскулом лице появилось встревоженное выражение.

— Ты не можешь уйти. Это плохо.

— Я должен побольше узнать о себе.

— Вряд ли это поможет. — Она облизнула губы.

Рик опустил глаза. Он не сомневался в искренности ее беспокойства. Именно Лона помогла ему устроиться на фабрику. Опыта работы с ткацкими станками у него не было. А может, был, просто Рик ничего не помнил? В общем, Лона убедила остальных, что ручной труд ему не потянуть, и его согласились бесплатно обучить работе на

станках. В те жуткие дни, когда он не только не мог говорить, но даже не понимал, что такое еда, Лона заботилась о нем и кормила с ложечки. Она спасла ему жизнь.

— Я должен.

— Рик, у тебя опять голова болит, да?

— Нет. Я действительно кое-что вспомнил. Вспомнил, кем работал прежде. Вспомнил!

Рассказать ей или нет? Он отвернулся. Теплое солнце уже клонилось к горизонту, до заката оставалось часа два. Во все стороны от фабрики тянулись тоскливые ряды однокомнатных домиков для рабочих, но стоило подняться на вершину холма, и вокруг раскинутся багрянец и золото полей.

Эти поля понравились ему с первого взгляда. Их вид успокаивал и радовал глаз. Даже в ту пору, когда он не знал, что поля именно «золотые» и «багряные», когда само понятие цвета было ему неведомо, а восхищение он мог выразить лишь тихим клекотом. В полях его головная боль проходила быстрее. В те дни Валона каждый выходной брала напрокат диамагнитный скутер, и они покидали поселок. Антиграв мягко нес их вперед, они скользили в футе над землей, пока не оказывались за много миль от человеческого жилья. В

лицо бил ветер, напоенный ароматом цветущего кырта, и не было ничего, кроме этого ветра.

Они усаживались на меже, окруженные цветами, запахами и солнечным светом, делили пополам пищевой брикет и так проводили весь день, пока не наступало время возвращаться.

Эти воспоминания всколыхнули что-то в душе Рика.

— Лона, давай отправимся в поля.

— Уже поздно.

— Ну пожалуйста, недалеко, только за окраину поселка.

Валона порылась в тощем кошельке. Она держала его за голубым кожаным ремешком — единственным украшением, которое могла себе позволить. Рик удержал ее руку.

— Прогуляемся пешком.

Через полчаса они свернули с шоссе на извилистую песчаную тропинку. Между ними висело тяжелое молчание, и знакомый страх сжал сердце Валоны. Она не знала слов, чтобы выразить свои чувства к Рику, поэтому даже и не пыталась.

Что, если он ее бросит? Для мужчины Рик был сравнительно невысок, с нее ростом, а весил и того меньше. Во многом он оставался сущим ребенком. Однако до того, как ему отключили

мозги, он явно был из образованных. Из образованных и непростых.

Сама Валона систематического образования не получила. Закончила ремесленное училище, где ее научили читать, писать и обслуживать ткацкие станки. Однако ей хватало ума понимать, что далеко не все столь ограниченны. Взять того же старосту, чьи знания приносили поселку огромную пользу. Иногда на фабрику наезжали с проверками нобили. Лона никогда не встречала их вблизи, но как-то раз побывала в Городе и своими глазами видела несколько невероятно величественных существ. Изредка рабочим случалось слышать, как разговаривают образованные. Их речь звучала иначе: более гладко, певуче. А сколько длинных слов! И речь Рика, по мере того как к нему возвращалась память, становилась все больше похожей на их речь.

Его первые слова напугали Валону. Он произнес их совершенно неожиданно после мучительного, со слезами, приступа мигрени. Выговор у него оказался чудной, но все попытки его выправить ни к чему не привели.

Уже тогда она испугалась, что к нему вернется память и он ее бросит. Кто она такая? Всего-навсего Валона Марч, прозванная Лоной-Орясиной.

Она никогда не была замужем. Да и кто возьмет такую: здоровенная деваха с крупными ступнями и покрасневшими от работы руками. На танцульках по выходным ей приходилось подпирать стенку и с немой обидой смотреть на парней, в упор ее не замечающих. Лона была слишком внушительной, чтобы глупо хихикать и улыбаться.

Никогда ей не прижать к сердцу дитя. Девушки вокруг рожали одна за другой, ей же оставалось бросать со стороны завистливые взгляды на что-то безволосое, розовое, с зажмуренными глазками, липким ротиком и беспомощно сжатыми кулачками… «Твоя очередь, Лона». «А ты когда родишь, Лона?»

Она только отводила глаза.

А затем появился Рик, сам немногим отличавшийся от младенца. О нем тоже надо было заботиться: кормить, выводить на прогулку, баюкать, когда его мучила головная боль. Дети с хохотом бегали за ней, крича: «Лона-Орясина завела себе дружка! У Орясины дурень-дружок! Рик-женишок!»

Когда Рик смог самостоятельно выйти на улицу поселка (Лона была так горда, когда он сделал первый шаг, словно Рику и правда был один год, а не все тридцать), дети принялись бегать

вокруг него, вопить и насмехаться над взрослым мужчиной, жмурящимся от страха. Тот только ежился и скулил в ответ. Лоне не один раз пришлось выходить из дома и отгонять ребятню, грозя кулачищами.

Ее кулаков опасались даже взрослые мужики. В день, когда Рик впервые пришел с ней на фабрику, она одним мощным ударом вырубила начальника цеха, отпустившего за их спинами непристойность. Фабричный совет оштрафовал ее, удержав недельный заработок. Если бы не заступничество старосты, решившего, что Лону спровоцировали, не избежать бы ей суда.

Вот почему она не хотела, чтобы к Рику вернулась память. Лоне нечего было ему предложить, и она эгоистично рассчитывала, что он навечно останется беспомощным и пустоголовым. Просто она впервые стала для кого-то спасительным островом. И теперь боялась вновь стать островом необитаемым.

— Рик, а ты уверен, что это было воспоминание?

— Да.

Они стояли посреди полей. Солнце окрасило алым окрестности. Вскоре должен был подуть ароматный вечерний ветер, шахматная доска

ирригационных каналов уже начала багроветь.

— Моей памяти можно доверять, Лона, сама знаешь. Например, не ты научила меня говорить. Я сам вспомнил слова. Согласна?

— Да, — нехотя ответила она.

— Я помню дни, когда ты увозила меня, еще бессловесного, в поля. Я постоянно вспоминаю все новые и новые подробности. Вчера вспомнил, как ты поймала мне кыртового светлячка. Сжала ладони лодочкой и дала заглянуть между большими пальцами. Там, в темноте, сиял оранжево-пурпурный огонек. Я засмеялся и попытался просунуть туда руку. Светлячок улетел, а я расплакался. Тогда я не знал, что это за насекомое, — теперь знаю. Но ведь ты не рассказывала мне о том случае, правда?

Лона покачала головой.

— И тем не менее все было именно так? Мои воспоминания не лгут?

— Все так и было, Рик.

— А теперь я припомнил кое-что из моей прежней жизни. Должна же была быть у меня прежняя жизнь.

Должна, конечно. При одной мысли об этом на Лону наваливалась тяжесть. Его прежняя жизнь наверняка мало походила на нынешнюю. И про-

шла она на другой планете. Ведь единственным незнакомым Рику словом было слово «кырт». Лоне пришлось объяснить, что так называется растение, важнее которого нет ничего на Флорине.

— Что же ты вспомнил? — спросила она.

Рик сразу как-то увял и замялся:

— Лона, воспоминание довольно путаное. Просто вспомнил, что у меня была работа. Вспомнил, в чем она заключалась. По крайней мере, отчасти.

— В чем же?

— Я анализировал Ничто.

Лона резко повернулась к нему и пристально посмотрела в глаза. Потом приложила ладонь к его лбу, но Рик в раздражении отстранился.

— У тебя опять разболелась голова? Ты уже несколько недель не жаловался на мигрень.

— Ничего у меня не болит. Отстань.

Она сразу потупилась, и Рик прибавил:

— Я вовсе не имел в виду, что ты мне надоедаешь, Лона. Только хотел сказать, что чувствую себя хорошо и тебе не надо так беспокоиться.

Она просветлела.

— А что значит «анализировал»?

Рик знал слова, о которых Лона понятия не

имела. Она робела при одной мысли о том, каким образованным он был когда-то.

— Это означает… — Он ненадолго задумался. — Означает «разлагать на части». Представь, как мы разбираем сортировщик, чтобы выяснить, почему сбоит сканирующий луч.

— А-а. Но, Рик, неужели можно ничего не анализировать? Разве ж это работа?

— Я не сказал, что ничего не анализировал. Я сказал, что анализировал Ничто. С большой буквы «Н».

— А это не одно и то же? — спросила она, подумав про себя: «Ну, вот и все. Я стала для него дурочкой. Скоро он с отвращением меня бросит».

— Разумеется, нет. — Рик глубоко вздохнул. — Сожалею, но я вряд ли смогу хорошо объяснить. Пока это все, что я вспомнил. Однако работа наверняка была очень важной. Я это чувствую. Сомневаюсь, что я был преступником.

Валона поморщилась. Зря она тогда ему рассказала. Она убеждала себя, что предупредила Рика ради его же блага, хотя в глубине души понимала: она сделала это, чтобы еще крепче привязать его к себе.

Это случилось, когда Рик впервые заговорил. Он заговорил так внезапно, что Лона перепу-

галась. Даже не решилась посоветоваться со старостой. В следующий выходной она сняла со своих накоплений пять кредитов (все равно мужчины, который выбранил бы ее за то, что она растранжирила свое скромное приданое, на горизонте не просматривалось) и отвезла Рика в город к врачу. Имя и адрес были написаны на клочке бумаги, тем не менее ей потребовалось два часа кошмарных блужданий среди мощных колонн, возносящих к солнцу Верхний город, чтобы найти нужное здание.

Лона настояла на приеме, и врач, вооружившись странными инструментами, проделал над Риком все мыслимые и немыслимые процедуры. Затем поместил его между двумя металлическими штуковинами, сразу засиявшими, будто кыртовые светлячки в полночь. Лона вскочила и принялась хватать врача за руки, требуя немедленно прекратить. Он вызвал двоих мужчин, и те выволокли брыкающуюся Лону за дверь.

Полчаса спустя врач сам вышел к ней. Он хмурился. Лона чувствовала себя неуютно, ведь врач был из нобилей, пусть и держал кабинет в Нижнем городе и смотрел на нее мягко, даже ласково. Вытерев руки маленьким полотенцем, он швырнул его в мусорное ведро, хотя, на ее

взгляд, полотенце было совершенно чистым.

— Когда именно ты обнаружила этого человека?

Лона рассказала ему, как было дело, стараясь не сболтнуть лишнего и не упомянуть ни старосту, ни патруль.

— То есть ты ничего о нем не знаешь?

— О его прошлой жизни? Ничего. — Она помотала головой.

— Этого человека подвергли психозондированию. Ты понимаешь, что это такое?

Она хотела опять покачать головой, потом произнесла свистящим шепотом:

— Это то, что делают с сумасшедшими, да, доктор?

— И с преступниками. С помощью психозондирования им меняют образ мыслей. Ради их же блага. Оздоравливают разум или лишают того, что заставляет красть и убивать. Ты меня понимаешь?

Да, Лона понимала. Покраснев до корней волос, она сказала:

— Рик никогда ничего не крал. И он даже мухи не обидит.

Похоже, врач удивился:

— Так ты зовешь его Риком? Послушай, что

я скажу. Тебе неизвестно о том, каким он был прежде. И состояние его разума не позволяет об этом судить. Зондирование было глубоким и грубым. Не могу сказать, какая часть разума стерта навсегда, а какая пострадала от шока и может со временем возвратиться. Некая грань его натуры может вернуться так же, как вернулась речь, вот о чем я толкую. Парня следует поместить под наблюдение.

— Нет-нет, он останется со мной. Я хорошо за ним ухаживаю.

Врач вновь нахмурился, затем его голос сделался проникновеннее:

— Я ведь о тебе беспокоюсь, девочка. Кто знает, весь ли порок удалили из его головы? Этот человек может однажды причинить тебе боль.

Тут медсестра вывела Рика, бормоча ему что-то успокаивающее, как ребенку. Он же держался за голову, глядя в пустоту. Потом заметил Лону, протянул к ней руки и захныкал:

— Лона, Лона…

Она бросилась к нему, крепко прижала к груди и сказала:

— Нет, доктор, он ни за что не сделает мне больно.

— Я, конечно, должен буду доложить об этом

случае, — задумчиво произнес врач. — Ума не приложу, как он удрал из-под стражи в таком-то состоянии.

— То есть Рика у меня заберут?

— Боюсь, что да.

— Пожалуйста, доктор, не сообщайте никому! — Она выхватила носовой платок, в котором тускло блеснули пять монет, и сунула их врачу. — Возьмите, доктор! Это вам. Я сама позабочусь о Рике. Он никому не причинит зла.

— Ты работаешь на ткацкой фабрике? — спросил он, глядя на монеты в своей ладони.

Лона кивнула.

— Сколько тебе платят?

— Две восьмых кредита в неделю.

Врач слегка подбросил монетки, сжал пальцы. Металл звякнул.

— Забери их, девочка. — Он протянул деньги Лоне. — Ты ничего мне не должна.

— И вы никому не расскажете о Рике? — Лона в изумлении взяла назад кредиты.

— Увы, я должен. Таков закон.

Обратно в поселок она ехала с тяжелым сердцем, почти не видя дороги и отчаянно прижимая к себе Рика.

На следующей неделе в новостях по гипервидео

прошел сюжет о враче, погибшем из-за отказа гироскопа во время короткого замыкания на местной энергонесущей балке. Имя показалось Лоне знакомым. Вечером, вернувшись домой, она сверилась с бумажкой. Имена совпадали.

Она огорчилась, потому что доктор был хорошим человеком. Его адрес ей когда-то дала подруга. Мол, доктор хоть и из благородных, но добр к рабочим. На всякий случай Лона сохранила бумажку. И вот, когда «случай» настал, доктор по-доброму отнесся и к ней. Однако радость превосходила печаль. Судя по всему, он не успел сообщить о Рике. По крайней мере, за ним так никто и не явился.

Позже, когда Рик более или менее пришел в себя, она передала ему слова доктора, намекнув, что, оставаясь в поселке, он будет в безопасности…

Рик потряс ее за плечо, и Лона вынырнула из воспоминаний.

— Ты слышишь? — говорил он. — Я не преступник, у меня была важная работа.

— А вдруг ты совершил какую-нибудь оплошность? — нерешительно предположила она. — Ошибки совершают все, даже очень большие шишки. Даже нобили…

— Нет, я уверен. Но мне нужно все вспомнить, чтобы убедить других, понимаешь? Иного пути нет. Я должен уйти с фабрики, покинуть поселок и попытаться выяснить, кто я и откуда.

— Рик! — Ее охватил ужас. — Рик, это опасно. Зачем тебе куда-то идти? Неужели все это так важно, пусть даже ты анализировал какое-то там Ничто?

— Я вспомнил еще кое-что.

— Что же?

— Не хочу говорить, — прошептал он.

— Лучше скажи, иначе опять забудешь.

— Верно. — Он сжал ее руку. — Но ты ведь никому не расскажешь? Лона, стань моей запасной памятью.

— Хорошо, Рик.

Он огляделся. Мир был прекрасен. Валона както рассказала ему, что высоко-высоко в небе над Верхним городом светится огромная надпись, гласящая: «Флорина — прекраснейшая планета во всей галактике». И, судя по тому, что он видел вокруг, это было чистой правдой.

— То, что я вспомнил, ужасно, но ведь все прочие мои воспоминания точны. Я вспомнил это сегодня после обеда.

— Ну, и?

Он обреченно посмотрел на Лону:

— Скоро все жители Флорины погибнут. Все до единого.

Глава 2
Староста

Не успел Мирлин Тиренс задумчиво снять с полки пленку с книгой, как в дверь позвонили. Морщины на его полном лице разгладились, к нему вернулась обычная вежливая настороженность. Пригладив тонкие рыжеватые волосы, он крикнул:

— Минуточку!

Тиренс поставил пленку обратно и нажал кнопку. Панель, неотличимая от других панелей стены, вернулась на место. Сердца простых рабочих и батраков были преисполнены неясной гордости за то, что, во всяком случае, один из них по рождению обладал пленками с книгами. Этот отраженный свет словно бы разгонял сумерки в их собственных головах. Тем не менее выставлять книжные полки напоказ не стоило.

Один их вид заставил бы людей проглотить и без того не слишком резвые языки. Они могут сколько угодно хвастать наличием книг у

своего старосты, но зрелище книжной полки делает Тиренса в их глазах излишне похожим на нобиля. А если бы в дверь таки позвонил какой-нибудь нобиль (сомнительно, конечно, но чем великий космос не шутит?), ряды книг были бы неуместны. По обычаю, у старосты имелись определенные привилегии, но злоупотреблять ими не следовало.

— Входите! — пригласил он и сам двинулся к двери, застегивая магнитный шов у ворота туники.

Даже его одежда напоминала одежду нобилей. Временами Тиренс вообще забывал, что родился на Флорине.

На пороге, почтительно присев и склонив голову, стояла Валона Марч.

— Входи, Валона, — он распахнул дверь. — Присаживайся. Что же ты после комендантского часа-то? Надеюсь, патрульные тебя не видели?

— Кажется, нет, староста.

— Ну, будем надеяться. У тебя ведь уже есть нарушение, не забыла?

— Нет, староста, и я очень благодарна вам, что вы тогда за меня вступились.

— Пустяки. Садись же. Чем тебя угостить?

Она помотала головой, примостившись на кра-

ешке стула, прямая, как палка.

— Спасибо, староста. Я уже поела.

Среди поселковых жителей считалось хорошим тоном предлагать прохладительные напитки гостям, а вот принимать угощение было признаком невоспитанности. Тиренс это знал и не стал настаивать.

— Так что у тебя стряслось? Опять Рик?

Валона молча кивнула.

— У него проблемы на фабрике? — предположил Тиренс.

— Нет, староста.

— Опять мигрени?

— Нет, староста.

Тиренс ждал, колюче щуря светлые глаза.

— Значит, так, Валона, не заставляй меня гадать, хорошо? Давай рассказывай, иначе я не смогу помочь. Ведь тебе нужна моя помощь, я правильно понимаю?

— Да, староста. Просто я не знаю, с чего начать, — вырвалось у нее. — Вдруг вы решите, что я спятила?

Тиренс хотел было дружески похлопать ее по плечу, но вовремя вспомнил, как она сжимается от прикосновений. Валона сидела, спрятав, насколько возможно, свои большие руки в складках

платья. Короткие сильные пальцы медленно сплетались и расплетались.

— Так или иначе, я тебя слушаю.

— Помните, я вам говорила, что ездила в город к доктору? Помните, что он сказал?

— Да, Валона. Как и то, что я запретил тебе впредь делать подобное, не посоветовавшись со мной. Надеюсь, ты этого не забыла?

Она вытаращила глаза. Ей не требовался стимул, чтобы припомнить тот его гнев.

— Ни в жисть, староста! Больше я такого не натворю. Но вы тогда пообещали, что сделаете все, лишь бы я сохранила Рика при себе.

— Так и есть. Хочешь сказать, им интересовались патрульные?

— Нет. Ох, а вы думаете, они могут?

— Уверен, что бояться вам нечего. — Тиренс начал терять терпение. — Валона, хватит ходить вокруг да около. Выкладывай.

— Рик заявил, что бросает меня. — На глазах у нее сразу выступили слезы. — Я хочу его удержать.

— Да зачем ему тебя бросать?

— Говорит, вспомнил всякое.

Это было уже интереснее. Он подался вперед, едва удержавшись, чтобы не схватить Валону

за руку:

— Что именно?

Тиренс отлично помнил, как нашли Рика. Он заметил ребятню, собравшуюся у оросительной канавы на окраине поселка. Увидев его, они принялись вопить:

— Староста! Сюда, староста!

— Что случилось, Райси? — спросил он, подбежав к ним.

Прибыв в поселок, Тиренс специально выучил имена всех детей. Так было проще общаться с их матерями, что на первых порах существенно облегчило ему жизнь.

— Гляньте-ка сюда, староста, — сказал Райси, которого, казалось, вот-вот стошнит.

Мальчик показал пальцем на что-то белое, извивающееся в грязи. Это и был Рик. Мальчишки разом загорланили, принявшись наперебой объяснять, как играли в некую помесь догонялок и пряток. Они, похоже, намеревались поведать старосте название игры, ее правила, кто выигрывал, кто проигрывал (в этой части своей путаной саги они заспорили). Все это, впрочем, не имело значения.

Райси, двенадцатилетний черноволосый мальчик, услышал скулеж и осторожно заглянул

в канаву. Он решил, что туда угодил какой-то зверек — например, полевая крыса, на которую можно будет поохотиться, но вместо крысы увидел Рика.

Брезгливость на лицах детей боролась с жадным любопытством. Взрослый мужчина, почти голый, хныча и поскуливая, бесцельно двигал ногами и руками. По подбородку у него текла слюна. Блеклые голубые глаза метались туда-сюда, лицо заросло щетиной. На миг он встретился взглядом с Тиренсом и вроде бы немного сосредоточился. Потом медленно поднес большой палец ко рту.

— Ой, староста, смотрите, он пальчик сосет, — засмеялся один из мальчишек.

Распростертый мужчина испустил крик. Его лицо побагровело и перекосилось. Он заплакал, тоненько, как младенец, но пальца изо рта не вынул. Рука была грязной, и этот розовый, мокрый от слюны палец резко выделялся среди остальных.

Тиренс стряхнул оцепенение и сказал:

— Так, ребята, хватит носиться по полю и топтать кырт. Вот заметят рабочие, мало вам не покажется. Быстренько расходитесь и не треплите языками. А ты, Райси, сбегай за мистером Дженкасом и приведи его сюда.

Улла Дженкаса с некоторой натяжкой можно было назвать поселковым фельдшером. Какое-то время он прослужил в подмастерьях у настоящего городского врача, благодаря чему был освобожден от работы в полях или на фабрике. Получилось не так уж плохо. Улл мог измерить температуру, выписать таблетки, сделать укол, а главное — определить, когда тот или иной недуг требовал поездки в городскую больницу. Без его полупрофессиональной помощи несчастные, заболевшие спинальным менингитом или острым аппендицитом, мучились бы сильно и недолго. А бригадиры ворчали, чуть ли не вслух обвиняя Дженкаса в заговоре с симулянтами.

Дженкас помог Тиренсу погрузить мужчину в коляску скутера, и они как можно незаметнее отвезли найденыша в поселок.

Вдвоем смыли присохшие к телу нечистоты и грязь. Волосы пришлось обрить. Осмотрев, насколько это было в его силах, мужчину, Дженкас вынес вердикт:

— Вроде ничем заразным не болен. Вполне упитанный, ребра не торчат. Уж прямо и не знаю, что с ним. Как думаете, староста, откуда он тут взялся?

Судя по тону, каким был задан вопрос, Джен-

кас сомневался, что староста сможет найти ответ, к чему сам Тиренс отнесся философски. Предыдущий староста управлял поселком почти пятьдесят лет — нет ничего удивительного в том, что местным требуется время, чтобы притереться к его молодому преемнику. И дело тут вовсе не в самом Тиренсе.

— Не знаю, Улл, — ответил он.

— Опять-таки, ходить он не может. Ни шажочка. Дите дитем. Значит, его сюда приволокли, да-а. Сдается мне, память он потерял.

— Какая болезнь может вызвать потерю памяти?

— Чего не знаю, того не знаю. Такое может приключиться, ежели человек умом тронулся, но в этом я не секу. Всех скорбных головой посылаю в город. А вы этого типа никогда не видели?

— Я же здесь всего месяц. — Тиренс терпеливо улыбнулся.

— Ну да, ну да, — Дженкас со вздохом извлек носовой платок. — Прежний-то староста был мужик что надо, в строгости нас держал. Я тут, почитай, шестьдесят лет живу, однако тоже малого этого в первый раз встречаю. Видать, из другого поселка он.

Дженкас был тучен. Из тех толстяков, которые

уже рождаются пухлыми, а затем свою лепту в их вес вносит сидячий образ жизни. Поэтому фельдшер, разговаривая, постоянно отдувался и утирал красным носовым платком блестящий лоб, тут же вновь покрывающийся потом.

— Уж и не знаю, чего патрульным-то говорить, — добавил он.

А ведь верно. Беседы с патрульными было не избежать. Мальчишки разболтают все своим родителям, те примутся сплетничать друг с другом. Жизнь в поселке идет размеренно, и весть о необычном происшествии будет передаваться из уст в уста. Пока рано или поздно не дойдет до патрульных.

Патрульными называли сотрудников Флорианского патруля. Они не были ни уроженцами Флорины, ни нобилями с планеты Сарк. Патрульные являлись наемниками, следившими за порядком и получавшими за это плату. Их не связывали кровные узы с поднадзорными, поэтому они не были склонны к поблажкам и попустительству жителям Флорины.

Патрульные пришли вдвоем, в сопровождении бригадира с фабрики, явившегося во всей полноте своей весьма ограниченной власти.

Особенного интереса к найденышу патруль-

ные не проявили. Безмозглый идиот, может, и подпадал под их компетенцию, но тревоги не вызывал.

— Сколько времени тебе потребуется, чтобы его опознать? — спросил один у бригадира. — Кто этот человек?

— Я никогда его не встречал. — Бригадир помотал головой. — Он не из наших.

— При нем были какие-нибудь документы? — Патрульный повернулся к Дженкасу.

— Нет, сэр. Только тряпка на бедрах. Я спалил ее на случай инфекции.

— Что с ним?

— Рассудком повредился, так я скажу.

Тиренс ненавязчиво оттеснил патрульных к выходу. Им было скучно, и они не протестовали. Тот из двоих, который задавал вопросы, убрал блокнот и сказал:

— Ладно, наверх докладывать не о чем. Нас это не касается. Избавьтесь от него как-нибудь.

И они ушли.

Бригадир остался. Это был веснушчатый рыжеволосый мужчина с большими щетинистыми усами. Человек жестких принципов, он занимал свою должность уже пять лет; именно на нем в значительной степени лежал груз ответственно-

сти за выполнение фабрикой плана.

— Слушайте, с этим надо что-то решать, — раздраженно сказал он. — Народец только и делает, что судачит, а работать кто будет?

— Отправить парня к городским врачам — и вся недолга, — предложил Дженкас, энергично орудуя носовым платком. — Мне такая болячка не по зубам.

— В город?! — вскричал бригадир. — А кто платить будет? Платить кто будет, я тебя спрашиваю? Он — не из наших, правильно я понимаю?

— Вроде нет, — признал Дженкас.

— Ну и на кой тогда нам это? Выясните, откуда он, пусть за чокнутого платит его поселок.

— Уж и не знаю, как это выяснить. Сам-то чего можешь предложить?

Бригадир задумался. Кончик его языка машинально елозил по колючей растительности на верхней губе.

— Значит, так. От психа надо избавиться, — наконец изрек он. — Как советовал патрульный.

— Погодите-ка, — перебил его Тиренс, — вы понимаете, что говорите?

— Все равно он умрет, — сказал бригадир. — А так мы проявим милосердие.

— Нельзя взять и убить живого человека.

— Тогда скажите нам, что с ним делать.

— Что, если поручить заботу о нем кому-нибудь из поселковых?

— Это кому же? Уж не вы ли сами с ним будете нянькаться?

— У меня другие обязанности. — Тиренс проигнорировал откровенную грубость.

— И так ответит каждый. Я не могу допустить, чтобы кто-нибудь пренебрегал работой на фабрике ради заботы об этом чокнутом.

Тиренс вздохнул и спокойно сказал:

— А теперь, бригадир, давайте рассуждать здраво. Если вы не выполните квартальный план, я смогу заступиться за вас перед нобилями, объяснив, что один из рабочих заботился о бедолаге. В противном случае, если план окажется невыполненным, я отвечу, что не знаю причины.

Бригадир сердито зыркнул. В его взгляде отчетливо читалось: мол, староста — без году неделя, а уже мешает людям жить своей жизнью. Однако карту с «мастью» нобилей ему было не перебить. К тому же открыто противостоять старосте было неразумно.

— Но кому его поручить? — спросил бригадир. — Я не возьмусь, — поспешно добавил он, заподозрив неладное. — У меня у самого трое

детей и жена хворая.

— Я не имел в виду вас.

Тиренс посмотрел в окно. После ухода патруля к дому старосты стянулась гомонящая толпа. По большей части дети, слишком маленькие для работы, и батраки с окрестных полей. Впрочем, были и фабричные, чья смена еще не началась.

На краю толпы выделялась крупная девушка. Тиренс уже успел обратить на нее внимание. Сильная, умелая, работящая. За несчастным лицом скрывалась природная сметка. Родись она мужчиной, ее, несомненно, послали бы на курсы старост. Но она была женщиной. Ее родители умерли, а некрасивая внешность должна была препятствовать романтическим похождениям. Одним словом, одинокая женщина, которая, скорее всего, таковой и останется.

— Как насчет нее? — спросил староста.

— Проклятье! — взревел бригадир, выглянув в окно. — И эта не на работе!

— Ничего, ничего, — примирительно произнес Тиренс. — Так как зовут девушку?

— Валона Марч.

— Прекрасно, я запомню. Позовите ее.

С того дня Тиренс стал неофициальным опекуном пары. Выбил для Валоны дополнительный

паек, талоны на одежду и все прочее, что может понадобиться двоим людям, чтобы прожить на заработок одного, потому как второй нигде не зарегистрирован. Он же впоследствии сделал все, чтобы Рика обучили работе на ткацких станках. Вмешался в ссору Валоны с начальником цеха и помог ей избежать более сурового наказания. Гибель городского врача избавила его от необходимости что-либо предпринимать, но в принципе он был готов.

Неудивительно, что со всеми своими проблемами Валона шла к Тиренсу.

И теперь он ждал ответов на свои вопросы. Еще немного поколебавшись, она выдавила:

— Рик говорит, что все-все люди на нашей планете погибнут.

— И каким же образом? — недоуменно спросил Тиренс.

— Он пока не знает. Сказал только, что помнит это из прежней жизни, то есть из той, которая была у него до этой. А еще — про свою важную работу, хотя я и не поняла, в чем она заключалась.

— Как он ее описал?

— Сказал, будто ану… анализировал Ничто. С большой буквы «Н». Анализировать — это значит разбирать что-то на части, вроде того, как… —

принялась объяснять Валона, не дождавшись реакции Тиренса, но тот рассеянно ее перебил:

— Я знаю, что такое «анализировать».

— Значит, вы поняли, что имел в виду Рик? — встревоженно спросила Валона.

— Может быть, девочка.

— Староста, а разве можно делать что-нибудь с Ничем?

Поднявшись на ноги, Тиренс коротко улыбнулся:

— Ну, как же, Валона! Неужели ты не знаешь, что наша галактика состоит в основном из Ничто?

На ее лице не было и тени понимания, однако она нисколько не усомнилась в его словах. Староста — образованный человек. Внезапно она поняла, что Рик, ее Рик, еще более образованный, и преисполнилась гордости.

— Пойдем. — Тиренс протянул ей руку.

— Куда?

— Где сейчас Рик?

— Дома. Спит.

— Прекрасно. Я тебя провожу. Не нужно, чтобы патрульные застали тебя одну на улице.

Ночью деревня казалась вымершей. Фонари едва освещали единственную улицу, делившую

рабочий поселок надвое. Накрапывало. Теплый дождик моросил почти каждую ночь. Совсем слабенький — зонты или плащи не требовались.

Валона никогда еще не бывала на улице в столь поздний час в рабочую пору и боялась. Она старалась ступать как можно тише и прислушивалась, не доносятся ли шаги патрульных.

— Не надо идти на цыпочках, Валона, — сказал Тиренс. — Ведь с тобой я.

Его голос прозвучал так громко, что она подпрыгнула и послушно ускорила шаг.

В домике Валоны было темно, как и во всех прочих, поэтому они вошли внутрь с осторожностью. Тиренс родился и вырос в подобной лачуге, и хотя потом долго жил на Сарке, а теперь занимал трехкомнатный дом с отдельной ванной, он почувствовал некоторую ностальгию. Обстановка была простой, ничего лишнего: гладкий цементный пол, кровать, комод, два стула да шкаф в углу.

В кухне и ванной необходимости не было: ели все в фабричной столовой, а мылись в общественных душевых, чьи ряды тянулись на задах домов. Климат на Флорине мягкий, и защищать окна от мороза и дождя не требовалось. Во всех четырех стенах имелись загороженные ширмами

отверстия, которые прикрывал от ночной мороси широкий карниз.

Тиренс включил прихваченный с собой фонарик и увидел, что один угол отгорожен старенькой ширмой. Он вспомнил, как сам раздобыл ее для Валоны, когда Рик стал уже скорее мужчиной, чем ребенком.

— Разбуди его, Валона, — кивнул он на угол.

— Рик, Рик! — Она постучала по ширме. — Вставай, маленький!

Оттуда захныкали.

— Это я, Лона.

Они зашли за перегородку. Тиренс посветил сначала на их с Валоной лица, потом на Рика. Тот заслонился от яркого света:

— Что случилось?

Тиренс присел на край койки, обратив внимание, что Рик спит на нормальной кровати. Когда-то Тиренс нашел для него старую расшатанную раскладушку, но, как оказалось, Валона оставила ее себе.

— Рик, Валона сказала, что к тебе возвращается память.

— Да, староста.

С Тиренсом он всегда держал себя очень почтительно, поскольку тот был самым важным

человеком в поселке. Даже управляющий фабрики относился к старосте с должным уважением.

Рик рассказал о вернувшихся днем воспоминаниях.

— А с тех пор ты больше ничего не вспомнил?

— Ничего, староста.

— Хорошо, Рик. — Тиренс отрешенно потер руки. — Спи.

Валона проводила его до двери, крепясь изо всех сил, но то и дело вытирала глаза тыльной стороной своей широкой ладони.

— Староста, ему придется меня бросить, да?

— Ты ведь уже взрослая, Валона, — серьезно ответил Тиренс, беря ее за руку. — Я заберу его ненадолго, а потом обязательно верну.

— А что дальше?

— Я не знаю. Пойми, сейчас для нас нет ничего важнее воспоминаний Рика.

— Вы думаете, все будет так, как он сказал? Люди на Флорине умрут?

— Только никому об этом не говори, Валона. — Тиренс сжал ее пальцы. — Иначе придут патрульные и заберут Рика навсегда. Вот о чем тебе надо думать.

Он не спеша вернулся домой, в задумчивости не замечая, как дрожат руки. Сон не шел. Проворо-

чавшись час, Тиренс достал наркополе. Оно было из того немногого, что он привез с собой с Сарка, когда его назначили старостой на Флорине. Наркополе облегло голову, словно тонкая фетровая шляпа. Тиренс выставил таймер на пять часов и нажал кнопку.

Едва он успел устроиться поудобнее, как аппарат, с небольшой задержкой, отключил бодрствующие центры его головного мозга, мгновенно погрузив в сон без сновидений.

Глава 3
Библиотекарь

Они оставили скутер в боксе, на стоянке у окраины Города. Скутеры в Городе — редкость, а Тиренс не хотел привлекать лишнее внимание. Ему вспомнился Верхний город с диамагнитными наземными автомобилями и гироскопами-антигравами. Ну, так на то он и Верхний, здесь все иначе.

Рик смотрел, как Тиренс закрывает бокс, прижимая палец. Чувствуя себя немного неудобно в новом комбинезоне, он неохотно двинулся за старостой под сооружение, похожее на высокий мост, — первую опору Верхнего города.

У всех прочих городов на Флорине были имена, этот же назывался просто Городом. На планете считалось, что рабочим и поселянам, обитавшим в нем самом или в его окрестностях, несказанно повезло. В Городе и врачи лучше, и больницы, больше фабрик и винных магазинов, даже роскошь какая-никакая имелась. Сами жители относились ко всему этому с меньшим восторгом. Ведь они жили в тени Верхнего города.

Тот же полностью оправдывал свое название. Город был жестко разделен горизонтальным слоем бетоносплава площадью в пятьдесят квадратных миль, который поддерживали около двадцати тысяч опор из стальных балок. Внизу, в тени бетоносплава, обитали туземцы. Над ними, под чистым небом, жили нобили. В Верхнем городе трудно было поверить, что находишься на Флорине. Его населяли почти исключительно уроженцы Сарка с «вкраплением» патрульных-наемников. Высший класс в самом что ни на есть буквальном смысле.

Дорогу Тиренс знал. Шел быстро, стараясь не встречаться взглядом с прохожими, смотревшими на одежду старосты с неприязнью и завистью. Коротконогий Рик семенил следом, пытаясь не отстать. Свою предыдущую поездку в Город он

помнил плохо. Теперь все здесь казалось другим. Тогда было облачно, сегодня светило солнце, его лучи падали сквозь щели в плитах, и темные полосы делались еще темнее на фоне ярких. Чередование света и тени завораживало Рика, почти гипнотизировало.

На солнышке грелись старики в креслах на колесиках, медленно передвигаясь за ползущим лучом. Временами кто-то начинал клевать носом и оказывался в тени, пока его не будил скрип колес. Иногда световую полосу заполняли мамочки с колясками.

— А теперь, Рик, держи себя в руках, — предупредил Тиренс. — Мы поднимаемся.

Они остановились перед коробом, протянувшимся между четырьмя опорами до самой плиты.

— Я боюсь, — сказал Рик.

Он догадался, для чего служит это сооружение, — это лифт, ведущий на верхний уровень.

Лифты, разумеется, были необходимы. Производство располагалось внизу, а потребители жили наверху. В Нижний город отгружались химикаты и основные продукты питания, однако готовые пластмассовые изделия и изысканная пища оставались привилегией Верхнего. Наверху

требовались горничные, садовники, шоферы, строительные рабочие. Лишнее население копошилось внизу.

Тиренс не обратил внимания на испуг Рика. Его удивило собственное сердце, неожиданно екнувшее. Не от страха, нет. Скорее от предвкушения. Совсем скоро он вновь шагнет на священную поверхность и оставит на ней грязные отпечатки своих ботинок. Тиренс имел право туда подняться. Да, он был флориниацем, но вместе с тем старостой, а следовательно, ему дозволялось входить в Верхний город в любое время.

О, галактика! Как же он их ненавидел!

Тиренс глубоко вздохнул и вызвал лифт. Какой смысл пестовать ненависть? Он много лет прожил на Сарке, в самом гнездилище нобилей. Тиренс научился переносить все молча. Однако не следовало забывать и то, что он узнал вчера. И не только вчера.

Загудел, опускаясь, лифт. Стена, перед которой они стояли, ушла вниз. Лифтер глянул на них с отвращением.

— Тут что, только вы двое?

— Да, только мы двое. — Тиренс шагнул внутрь, Рик — за ним.

Лифтер не спешил поднимать заслонку.

— Сдается мне, парни, вам придется подождать до двух пополудни. Мне не след гонять эту громадину туда-сюда ради двух туземцев, — сказал он и сплюнул, постаравшись, впрочем, не попасть на пол лифта. — Где ваши трудовые книжки?

— Я — староста, — ответил Тиренс. — По одежде не видишь?

— Одежда ничего не значит. Я не хочу потерять работу из-за того, что кто-то где-то слямзил одежду. Показывай бумаги.

Тиренс молча предъявил папку с документами, которые обязаны были иметь при себе все уроженцы Флорины: регистрационный номер, служебное удостоверение, справку об уплате налогов. Папка была открыта на странице с алой лицензией старосты. Лифтер мельком глянул.

— Ну, хорошо, хорошо. Может, конечно, ты стибрил и лицензию, но это уж не моя забота. Тебя я, так и быть, пропущу, хотя, по моему простецкому разумению, староста — тот же туземец, только в профиль. А что насчет второго?

— Он — со мной. Вы нас пропустите или мне вызвать патруль, чтобы они заставили вас исполнять ваши обязанности?

Самому Тиренсу меньше всего сейчас хотелось столкнуться с патрульными, однако он произнес

эту фразу с подобающим высокомерием.

— Да ладно, не кипятись.

Стена поднялась, лифт, подрагивая, пошел вверх. Лифтер продолжал что-то недовольно бурчать под нос.

Тиренс скупо усмехнулся. Это было практически неизбежно. Люди, работавшие на нобилей, охотно отождествляли себя с хозяевами, компенсируя собственную неполноценность тем, что истово соблюдали правила сегрегации и глядели на своих собратьев свысока. Как же, ведь они были «высотниками»! К таким прочие флоринианцы испытывали особенную ненависть, лишенную взращенного в их сердцах благоговейного страха перед нобилями.

Лифт поднялся всего на тридцать футов, однако дверь открылась в совершенно иной мир. Как и другие саркские города, Верхний город представлял собой буйство красок. Отдельные здания, будь то жилые или общественные, были элементами сложной мозаики. Вблизи она казалась бессмысленной мешаниной цветов, но уже с расстояния ста ярдов превращалась в сложную палитру оттенков, плавно перетекающих один в другой и меняющихся в зависимости от угла зрения.

— Пойдем, Рик, — сказал Тиренс.

Тот застыл, разинув рот. Вокруг не было ни ростка, ни деревца! Лишь камень и краска. Рик не подозревал, что дома могут быть такими огромными. В памяти что-то шевельнулось. На миг ему померещилось, что в этих громадах нет ничего странного… Затем проблеск воспоминания потух.

Мимо проехала наземная машина.

— Это нобили? — прошептал Рик.

Тиренс успел заметить короткие стрижки, длинные расклешенные рукава из атласной однотонной ткани различных оттенков синего и фиолетового, бархатные бриджи и легкие чулки, блестевшие так, словно были сотканы из тончайшей медной проволоки. Люди в машине даже не взглянули в сторону Рика и Тиренса.

— Молодежь, — ответил Тиренс.

Он не видел нобилей вблизи с тех пор, как покинул Сарк. Нобили и там-то не вызывали у него теплых чувств, но на Сарке, по крайней мере, они были дома. Здесь же, в тридцати футах над адом, эти ангелы казались совершенно чуждыми. Тиренс вновь поморщился, подавляя бессмысленную ненависть.

С шипением приблизилась двухместная ав-

топлатформа. Новая модель со встроенным пневмоприводом. Она скользила в двух дюймах над землей, края ее блестящего плоского дна были загнуты вверх, чтобы снизить сопротивление воздуха. Тем не менее остававшегося сопротивления хватало, чтобы платформа производила характерное шипение, означавшее для всех: «Едет патруль!»

Патрульные были здоровенными детинами. Смуглыми, плосколицыми, широкоскулыми, с прямыми черными волосами. Местным они все казались на одно лицо. Глянцевитая чернота мундиров подчеркивалась сверкающими серебряными пряжками, расположенными в стратегических местах, и декоративными пуговицами и еще больше сглаживала индивидуальность лиц и усиливала их сходство.

Один патрульный остался на платформе, другой легко перепрыгнул через невысокий бортик и гаркнул:

— Документы!

Привычно пролистав папку, он сунул ее обратно Тиренсу.

— Что вам здесь надо?

— Я хотел бы посетить библиотеку, сэр, — ответил Тиренс. — Мне позволено.

— А ты кто? — патрульный посмотрел на Рика.

— Я… — начал тот.

— Он мой помощник, — быстро сказал Тиренс.

— У него нет привилегий старосты.

— Под мою личную ответственность, сэр.

— Ну, смотри. — Патрульный пожал плечами. — У вас, старост, есть привилегии, но вы — не нобили. Не забывай об этом, приятель.

— Ни в коем случае, сэр. Кстати, не подскажете, как пройти в библиотеку?

Патрульный ткнул тонким стволом игольчатого пистолета, указывая направление. С того места, где они стояли, библиотека выглядела ярким пятном, причем цвет менялся от киновари нижних этажей к кармину верхних. По мере приближения кармин словно стекал вниз.

— Страшная какая, — неприязненно произнес Рик.

Тиренс бросил на него удивленный взгляд. Он привык к подобному декору на Сарке, но даже ему пестрота Верхнего города представлялась несколько вульгарной. Ко всему прочему, Верхний город был саркским даже больше, чем сам Сарк. На Сарке далеко не все являлись аристократами. Хватало и бедноты, живущей немногим лучше среднего флориниана. Здесь же обитали

«сливки», и здание библиотеки было наглядным тому свидетельством.

Громадное, намного выше прочих, сравнимое разве что со зданиями на самом Сарке — во всяком случае, намного большего размера, чем требовалось Верхнему городу, — оно демонстрировало преимущества дешевой рабочей силы. Тиренс остановился у пологого пандуса, ведущего к главному входу. На пандусе цветом создавалась иллюзия ступеней, сбившая с толку Рика. Она придавала библиотеке дух архаики, свойственный академическим зданиям.

Просторный центральный зал был прохладен и почти пуст. Библиотекарем служила женщина. Сидя за единственным письменным столом, она казалась одинокой сморщенной горошиной в чрезмерно раздутом стручке. Увидев их, она привстала.

— Я — староста, — торопливо произнес Тиренс. — Особые привилегии. Этот туземец со мной.

Он протянул ей заранее приготовленные документы. Библиотекарша села, с суровым видом извлекла из слота металлическую пластину и подтолкнула ее Тиренсу. Староста приложил большой палец. Библиотекарша сунула пластину

в другой слот. Тускло мигнуло фиолетовым.

— Комната 242.

— Благодарю.

Кабинкам на втором этаже было присуще все то же ледяное единообразие, наводившее на мысль о звеньях бесконечной цепи. Стеклянные двери некоторых кабинок были непрозрачными, матовыми, в них находились люди. Прочие пустовали.

— Двести сорок два, — скрипуче сказал Рик.

— В чем дело, Рик?

— Не знаю. Я почему-то очень взволнован.

— Ты когда-нибудь бывал в библиотеках?

— Не знаю.

Тиренс приложил большой палец к круглому алюминиевому диску, который несколько минут назад сделался чувствительным к отпечатку пальца. Стеклянная дверь открылась, они вошли, дверь бесшумно закрылась и стала непрозрачной, словно упала штора.

Комната размером шесть на шесть футов не имела окон и украшений. С потолка лился рассеянный свет, вентиляция была искусственной. Стол — от стены до стены, мягкая скамья без спинки. На столе — три ридера. Их матовые экраны располагались под углом в тридцать градусов.

Перед каждым виднелись кнопки и верньеры.

— Тебе известно, что это такое? — Тиренс сел и положил пухлую ладонь на один из ридеров.

Рик примостился рядом.

— Книги? — нетерпеливо спросил он.

— Ну-у, — неуверенно протянул Тиренс, — это библиотека, так что твоя догадка недорогого стоит. Ты умеешь пользоваться ридером?

— Нет, староста, вряд ли.

— Уверен? Подумай немного.

Рик сосредоточился изо всех сил.

— Нет, извините, староста.

— Что же, тогда я тебе покажу. Смотри, тут у нас кнопка с надписью «Каталог» и алфавитным указателем. Нам нужна энциклопедия, поэтому мы устанавливаем риску на букву «Э» и нажимаем копку.

Тиренс проделал все это. Матовое стекло ридеров ожило, став желтым, на нем проступили черные буквы. Одновременно потускнел потолочный свет, а перед экранами, точно языки, выдвинулись три панели, причем на каждую был направлен световой луч. Тиренс щелкнул тумблером, и панели уехали в свои пазы.

— Заметки делать не будем, — прокомментировал он. — Теперь повернем вот эту ручку и

просмотрим список книг на букву «Э».

Длинный перечень авторов, названий, каталожных номеров пополз вниз, пока не дошел до столбца пронумерованных томов энциклопедии.

— Надо ввести буквы и цифры, написанные после названия книги, которую вы хотите прочитать, потом нажать вот эту кнопку, и на экране появится страница, — вдруг произнес Рик.

— Откуда знаешь? — Тиренс повернулся к нему. — Вспомнил?

— Может быть. Я не уверен, но мне показалось, что так правильно.

— Хорошо, будем пока считать это проницательностью.

Он набрал буквенно-цифровой код. Страница моргнула, появилось название: «Энциклопедия Сарка, том 54, Пос-Пул».

— Теперь гляди, Рик. Я не хочу ничего тебе подсказывать, поэтому не скажу, что у меня на уме. Просто просматривай книгу и, если что-то покажется тебе знакомым, остановись. Все понял?

— Да.

— Отлично. Приступай.

Минута шла за минутой. Внезапно Рик охнул и крутанул ручку, возвращаясь назад. Тиренс прочитал заголовок и расплылся в улыбке.

— Ты вспомнил, правда? Не догадался, а именно вспомнил?

— Воспоминание само вернулось ко мне, староста. — Рик часто закивал головой. — Само!

Статья была посвящена пространственному анализу.

— Я знаю, что тут написано, — проговорил Рик. — Сейчас, сейчас покажу.

Он тяжело дышал, да и сам Тиренс едва сдерживал возбуждение.

— Смотрите, староста, это есть всегда, во всех статьях…

Читал вслух он сбивчиво — и все же гораздо лучше, чем можно было ожидать после отрывочных уроков Валоны.

Статья гласила: «Неудивительно, что пространственные аналитики склонны к интроверсии и зачастую отличаются неуравновешенным характером. Совершенно нормальный человек не смог бы посвятить большую часть своей жизни пугающему одиночеству межзвездной пустоты. Вероятно, поэтому Институт пространственного анализа сделал своим официальным девизом ироничную и парадоксальную фразу „Мы анализируем Ничто“».

Голос Рика сорвался.

— Ты понимаешь то, что прочитал? — спросил Тиренс.

— Тут написано: «Мы анализируем Ничто». — Щуплый мужчина поднял на старосту горящие глаза. — Это то, что я вспомнил. Я был одним из них.

— Ты был пространственным аналитиком?

— Да! — выкрикнул Рик, потом добавил тише: — Голова болит.

— Потому что ты слишком напрягаешь память?

— Похоже, — нахмурился он. — Но я должен вспомнить побольше. Существует опасность, огромная опасность! Прямо не знаю, что делать.

— Библиотека к нашим услугам, Рик, — осторожно произнес Тиренс, взвешивая каждое слово. — Попробуй воспользоваться каталогом самостоятельно и прочитать что-нибудь по пространственному анализу. Посмотрим, куда это тебя заведет.

Рик порывисто склонился над ридером. Видя, что он весь дрожит, Тиренс отсел немного, давая ему место.

— Как насчет «Трактата об инструментах пространственного анализа» Врейта? — поинтересовался Рик. — Пойдет?

— Теперь командуешь ты, Рик.

Тот ввел каталожный номер, экран ярко засветился, на нем появилась надпись: «По поводу запрошенной книги, пожалуйста, обратитесь к библиотекарю».

Тиренс поспешно выключил экран.

— Пожалуй, тебе лучше поискать другую книгу.

— Но… — Рик заколебался, потом все-таки послушался и, пролистав каталог, выбрал «Структуру пространства» Иннинга.

На экране вновь появилось предложение обратиться к библиотекарю.

— Проклятье! — Тиренс выключил ридер.

— Что случилось? — спросил Рик.

— Ничего, ничего. Только без паники. Просто я не совсем понимаю…

И тут ожил небольшой динамик, размещенный за решеточкой рядом с ридерами.

— Комната 242! Есть кто в комнате 242? Отвечайте! — произнес тонкий, сухой голос библиотекарши.

Они похолодели.

— Да. Что вы хотите? — резко спросил Тиренс.

— Какая книга вам требуется?

— Никакая, спасибо. Мы просто смотрели, как

работает ридер.

На том конце замолчали, словно с чем-то сверяясь. Затем голос еще более пронзительно сказал:

— У меня записано, что вы запрашивали «Трактат об инструментах пространственного анализа» Врейта и «Структуру пространства» Иннинга. Это так?

— Мы набирали номера наугад, — ответил Тиренс.

— Могу я поинтересоваться, зачем вам эти книги? — не отступал голос.

— Говорю вам, они нам не нужны… Прекрати! — последнее слово предназначалось Рику, который начал хныкать.

Помолчав, голос из динамика произнес:

— Чтобы получить эти книги, спуститесь на первый этаж и пройдите к стойке. Доступ к ним ограничен, поэтому вам придется заполнить формуляр.

— Идем. — Тиренс потянул Рика за рукав.

— Наверное, мы нарушили правила, — заныл Рик.

— Глупости. Мы уходим.

— И не будем заполнять формуляр?

— Нет. Как-нибудь в другой раз.

Тиренс торопливо подтолкнул Рика к выходу.

Они спустились в вестибюль. Библиотекарша повернулась к ним.

— Подождите! — крикнула она, приподнимаясь. — Одну минуточку!

Они не остановились. Дорогу им заступил патрульный.

— Куда спешим, парни?

— Вы из комнаты 242? — к ним подскочила запыхавшаяся библиотекарша.

— Послушайте, в чем дело? — твердо спросил Тиренс.

— Вы хотели прочитать некие книги. Они для вас отложены.

— У нас нет времени, в другой раз. Неужели не ясно, что сейчас мне не нужны никакие книги? Я вернусь завтра.

— Наша библиотека всегда стремится удовлетворить запросы читателей, — чопорно произнесла женщина. — Книги вам принесут с минуты на минуту.

У нее на щеках забагровели пятна. Она торопливо направилась к дверце, открывшейся при ее приближении.

— Сэр, — сказал Тиренс патрульному, — если вы не возражаете, мы…

Патрульный демонстративно взялся за утяже-

ленный нейрохлыст, который с успехом можно было использовать и как дубинку, и как парализующее на расстоянии оружие.

— Значит, так. Сядьте-ка, парни, и спокойно подождите возвращения госпожи. Этого требует элементарная вежливость.

Патрульный был немолод и дороден. Судя по всему, предпенсионного возраста. Похоже, его отправили в тихое местечко дожидаться заслуженного отдыха. Однако он был вооружен, а любезность на его смуглом лице выглядела неискренней.

Тиренс взмок, на лбу выступили капли пота. Он недооценил ситуацию. Все, включая его собственный анализ происходящего, представлялось таким логичным. И вот к чему это привело. Нельзя было вести себя так безрассудно. А все его треклятое желание проникнуть в Верхний город, пройтись по библиотечным коридорам, воображая себя саркцем…

Тиренс уже готов был броситься на патрульного, но с изумлением понял, что это лишнее.

За спиной патрульного что-то промелькнуло. Тот начал поворачиваться. Слишком поздно. Возраст замедлил его реакции. Нейрохлыст выдернули у него из руки и стукнули им его по

голове прежде, чем патрульный успел закричать. Он мешком осел на пол.

Рик радостно взвизгнул.

— Валона! — воскликнул Тиренс. — Тысяча саркских чертей! Валона!

Глава 4
Бунтарь

Тиренс быстро пришел в себя.

— Скорее прочь отсюда! — крикнул он, бросаясь к двери.

Мелькнула мысль оттащить бесчувственное тело патрульного за колонны, выстроившиеся вдоль вестибюля, но времени на это не оставалось.

Они выбежали на пандус под яркое послеполуденное солнце. Цвета Верхнего города изменились, теперь преобладала оранжевая гамма.

— Бежим! — выкрикнула Валона, но Тиренс схватил ее за локоть.

— Ни в коем случае. — Староста улыбался, однако голос его был тверд. — Оба спокойно следуйте за мной. Возьми Рика за руку — нельзя, чтобы он побежал.

Начали спускаться. Тиренсу казалось, что они

движутся как сквозь клей. Сзади послышался шум. Или померещилось? Оглядываться не стал.

— Туда.

Над проезжей частью мерцала вывеска, плохо различимая в ярком свете солнца Флорины: «Скорая помощь». Они перешли дорогу и нырнули в боковую дверь, оказавшись среди невероятной белизны. Три инородные капли, упавшие на стерильное, зеркальное покрытие коридора.

Женщина в форменной одежде, стоявшая в отдалении, внимательно посмотрела на вошедших, нахмурилась и, помедлив, направилась к ним. Тиренс не стал ее дожидаться. Свернул в первое попавшееся ответвление коридора, потом в следующее. Они проходили мимо людей в униформе, и староста физически чувствовал нарастающее вокруг подозрение, вызванное их появлением. Туземцы бродят по верхним этажам больницы? Неслыханно! Что они здесь забыли?

Вскоре их наверняка должны были остановить.

Его сердце радостно забилось при виде незаметной дверцы с табличкой: «К этажам для туземцев». Лифт стоял открытым. Тиренс затолкал Рика с Валоной внутрь. Мягкий толчок, с которым лифт поехал вниз, стал самым прият-

ным ощущением за весь этот день.

В Городе было три вида зданий. Большинство назывались Нижними и располагались соответственно на нижних уровнях. Дома рабочих, высотой максимум в три этажа, фабрики, пекарни, заводы-утилизаторы. Высшими зданиями были дома нобилей, театры, библиотека, стадионы. Имелось и некоторое количество Двойных зданий, включавших нижние и верхние уровни, с раздельным входом: патрульные участки, больницы.

Беглецы вполне могли воспользоваться больницей, чтобы попасть в Нижний город, избежав поездки на медленном грузовом лифте, да еще с чрезмерно бдительными операторами. Туземцам, конечно, было запрещено ходить через двери для нобилей, но после нападения на патрульного поездка на больничном лифте, прямо скажем, — не самое серьезное преступление.

Вышли из лифта. Стены и здесь били в глаза той же стылой бесцветностью, но на всем лежал налет запустения, словно убирали тут гораздо реже. Мягких скамей, как в коридорах верхнего этажа, здесь не было. В приемном покое висел гул голосов встревоженных мужчин и испуганных женщин. Единственная дежурная медсестра

безуспешно пыталась навести порядок в этой сумятице.

Она как раз осматривала мужчину, стоявшего с задранной штаниной. Тот сгибал и разгибал колено, заискивающим тоном отвечая на вопросы, которые сыпались градом:

— На что конкретно жалуетесь?.. Как давно у вас эти боли?.. Обращались ли вы ранее в больницу?.. Так, теперь с вами. Ну, нет, незачем отвлекать врачей по таким пустякам. А вы останьтесь, доктор вас осмотрит и выпишет дополнительные лекарства. Следующий! — закричала она и пробурчала что-то себе под нос, косясь на настенные часы.

Тиренс, Валона и Рик опасливо пробирались сквозь толпу. Валона, точно присутствие других флоринианцев развязало ей язык, с жаром зашептала:

— Староста, я должна была прийти. Прямо извелась за Рика. Перепугалась, что вы не приведете его обратно, и…

— Как ты пробралась в Верхний город? — строго спросил он, распихивая плечом кротких пациентов.

— Пошла за вами, увидела, как вы сели в лифт. Когда лифт опять опустился, сказала, что отстала

от вас, и лифтер отвез меня наверх.

— Вот так просто?

— Ну, пришлось и его маленько пристукнуть.

— О, саркские бесы! — выругался Тиренс.

— Но мне пришлось, — жалобно повторила Валона. — Потом я увидела, как патрульные показывают вам дорогу. Подождала, пока они уберутся, и двинулась за вами. Только внутрь войти не посмела. Я не знала, что делать, поэтому вроде как спряталась. Затем к вам пристал патрульный, и…

— Эй, вы! — раздался резкий окрик медсестры.

Женщина поднялась, нетерпеливо постукивая металлическим стилусом по столу из бетоносплава. Окружающие притихли, слышалось только тяжелое дыхание толпы.

— Куда вы? Вернитесь немедленно. Нельзя покидать приемный покой до того, как вас осмотрят. Я не потерплю симулянтов, пытающихся улизнуть от работы. Вернитесь!

Но все трое уже выскочили в тень Нижнего города, окунувшись в шум и вонь того, что саркцы именовали Туземным кварталом. Верхний город опять был лишь крышей над их головами. Валона и Рик явно вздохнули с облегчением, оказавшись вдали от гнетущей саркской роскоши, однако

Тиренса снедала тревога. Они зашли слишком далеко. Отныне их повсюду будет подстерегать опасность.

Из круговерти мыслей его вывел голос Рика:

— Смотрите!

Душа у Тиренса ушла в пятки.

Перед их взглядами разворачивалось самое страшное зрелище, которое только могли увидеть жители Нижнего города. Из щели в «крыше» на них спикировала огромная птица. Она затмила собой солнце, превратив сумрак в зловещую темноту. Только никакая это была не птица, а военная машина патрульных.

Люди с воплями бросились врассыпную. Вряд ли у кого-то из них были причины удирать, но они все равно удирали. Лишь какой-то мужчина, оказавшийся на пути у патруля, словно нехотя посторонился, упорно продолжая идти своей дорогой. Когда тень окончательно накрыла его, он остановился и огляделся: каменное спокойствие в бурном человеческом море. Мужчина был среднего роста, с гротескно широкими плечами. Один рукав его рубахи был закатан, открывая ручищу размером с бедро взрослого человека.

Тиренс медлил, Рик и Валона сами решить ничего не могли. Сомнения старосты накали-

лись до предела. Бежать? Но куда? Остаться? Что тогда с ними будет? Имелся, правда, шанс, что патруль ищет кого-то другого, однако шанс этот был невелик, учитывая нападение на охранника библиотеки.

Широкоплечий тяжелой рысцой приблизился к ним. На секунду, будто ненароком притормозив, он, как бы между прочим, произнес:

— Пекарня Хорова, второй уровень, позади прачечной.

И повернул назад.

— За мной, — бросил Тиренс, срываясь на бег.

Пот лил с него ручьем. Сквозь гам до старосты доносился лай приказов патрульных. Он оглянулся. Из машины выпрыгнули с полдесятка черных мундиров и веером рассыпались по округе. *«Долго искать им не придется»*, — мелькнула мысль. В треклятой одежде старосты он выделялся из толпы, что та колонна, поддерживающая Верхний город.

Двое патрульных пошли в верном направлении. Заметили они его или нет? Впрочем, неважно: патрульные наткнулись на широкоплечего. Староста со спутниками не успел еще далеко отбежать, как услышал хриплый рев мужчины и громкую ругань патрульных. Он торопливо

потянул Валону и Рика за угол.

Пекарню Хорова они узнали по тусклому «червю» вывески (несколько люминесцентных пластиковых букв было разбито), а также по восхитительному аромату, лившемуся из открытой двери. Выбора не оставалось — они вошли.

Из внутреннего помещения выглянул старик, которого они не сразу заметили из-за мучной пыли, словно туман приглушавшей свет радарных печей. Не успел старик открыть рот, как Тиренс произнес:

— Широкоплечий…

Староста для наглядности развел руки, и тут снаружи раздались крики: «Патруль! Патруль!»

— Сюда, быстро! — приказал старик.

— Туда? — недоверчиво переспросил Тиренс.

— Это обманка, макет.

Рик, а за ним и Валона с Тиренсом протиснулись в дверцу печи. Что-то щелкнуло, задняя панель приоткрылась, повиснув на петлях. За ней оказалась небольшая темная каморка.

Они ждали. Вентиляция была плохой, и от запаха свежеиспеченного хлеба сосало под ложечкой. Валона с улыбкой таращилась на Рика, машинально похлопывая его по руке. Рик же смотрел на девушку невидящим взглядом, то и

дело потирая разгоряченное лицо.

— Староста… — начала было Валона, но Тиренс зашипел на нее.

— Пожалуйста, только не сейчас.

Он утер потный лоб и уставился на свою мокрую ладонь.

Новый щелчок панели показался оглушительным, настолько близко он прозвучал. Тиренс подобрался, неосознанно сжимая кулаки.

Из отверстия показалась голова широкоплечего, который с трудом протиснулся в их убежище. Весело посмотрев на старосту, он сказал:

— Ты это брось, парень. Драться мы не будем.

Тиренс опустил взгляд на свои кулаки и разжал пальцы.

Вид у широкоплечего был тот еще: рубашка на спине порвана, на щеке багровел свежий кровоподтек. Крошечные глазки смотрели из-под набрякших век.

— Облава закончилась, — продолжил широкоплечий. — Голодные? Еда у нас не бог весть какая, зато много. Ну, что скажете?

На город опустилась ночь. Огни Верхнего города освещали полнеба, Нижний тонул в промозглой темноте. Витрину пекарни закрыли плотными ставнями: зажигать свет после начала комен-

дантского часа было запрещено.

Поев горяченького, Рик почувствовал себя лучше. Мигрень отступила. Он посмотрел на синяк широкоплечего и застенчиво спросил:

— Они избили вас, да, мистер?

— Немного. Ничего, не бери в голову. Со мной это частенько случается, такая уж у меня работа. — Он хохотнул, показав крупные зубы. — В конце концов, им пришлось признать, что я ни в чем не виноват, просто оказался на пути, когда они преследовали кого-то. А чтобы убрать туземца с дороги, проще всего… — Он поднял и резко опустил руку, словно нанося удар невидимой дубинкой.

Рик невольно отшатнулся, Валона заслонилась рукой. Широкоплечий откинулся назад и цыкнул зубом, извлекая застрявшие крошки.

— Я — Мэтт Хоров, но все зовут меня Пекарем. А вы кто?

— Да как вам сказать… — Тиренс пожал плечами.

— Понимаю, — кивнул Пекарь. — То, чего я не знаю, никому не повредит. Может быть, может быть. И все же я, кажется, заслужил ваше доверие. Спас от патруля.

— Да, благодарю. — Тиренс, как ни старался,

не смог придать голосу сердечности. — Откуда вы узнали, что они гонятся за нами? Толпа была изрядной.

— Изрядной-то изрядной, да только таких физиономий, как у вас, ни у кого не было, — ухмыльнулся Пекарь. — Белые, хоть на мел пускай.

Тиренс безуспешно попытался изобразить на лице улыбку:

— Видите ли, я не совсем понимаю, почему вы рисковали своей жизнью. Спасибо вам, конечно, большое. Нет, я знаю, что простого «спасибо» тут мало, но сейчас мне нечего вам предложить.

— А мне ничего и не нужно. — Пекарь привалился к стене. — Я так всегда поступаю, когда могу. Дело не в вас. Если патрульные за кем-нибудь гонятся, я помогаю. Ненавижу патрульных.

— А вы сами в беду не попадаете? — удивилась Валона.

— Случалось и попадать. Видишь это? — Он осторожно ткнул пальцем в синяк. — Но вы, надеюсь, не думаете, что меня остановишь ударом дубинки? Вот зачем я соорудил печь-пустышку. Чтобы патрульные не сцапали, усложнив мне работу.

Глаза Валоны расширились от ужаса и восторга.

— Почему бы и нет? — продолжил Пекарь. — Знаете, сколько на Флорине нобилей? Десять тысяч. А сколько патрульных? Где-то тысяч двадцать. А нас, местных, — пятьсот миллионов. Если бы мы все разом выступили против… — Он прищелкнул пальцами.

— Против игольчатых пистолетов и бластеров? — хмыкнул Тиренс.

— В точку. Оружие нам позарез нужно. Это вы, старосты, живете с нобилями бок о бок, вот и привыкли «труса праздновать».

Валоне казалось, что мир перевернулся вверх дном. Пекарь дрался с патрульными и смело, без малейшего почтения, разговаривал со старостой! Рик подергал ее за рукав. Она мягко разжала его пальцы и предложила ему поспать. Сейчас ей было не до Рика, она хотела послушать, что еще скажет Хоров.

— Без вас, старост, нобилям не удержать Флорину даже с их бластерами, — продолжил тот.

На лице Тиренса появилось обиженное выражение, и Пекарь добавил:

— Ты на себя посмотри. Сытый, довольный, морда аж лоснится, одет с иголочки, живешь в уютном домике. Небось, и книг полно? Отдельная кормежка, никакого комендантского часа,

в Верхний город ходи не хочу. Хочешь сказать, нобили тебе это все за красивые глаза дали?

Тиренс понимал, что находится не в том положении, чтобы спорить.

— Ну, положим, — уклончиво сказал он. — Но что же нам, старостам, по-вашему, делать? Тоже кидаться с кулаками на патрульных? А смысл? Да, я слежу за порядком в своем поселке и за выполнением плана, но, со своей стороны, защищаю поселян. Стараюсь им помогать по мере возможности. Разве это ничего не значит? Однажды…

— Да-да, конечно, «однажды»… Только не все доживут до этого «однажды». Когда мы с тобой сдохнем, какая разница, кто будет управлять Флориной? Для нас, я имею в виду?

— Ну, во-первых, я ненавижу патрульных побольше вашего. Тем не менее… — Тиренс прикусил язык и покраснел.

— Продолжай, продолжай, — захохотал Пекарь. — Говори, не бойся. Я не донесу на тебя за то, что ты ненавидишь нобилей. Так почему за вами гнались патрульные?

Тиренс промолчал.

— Ладно, попробую сам смекнуть. Когда патрульные меня дубасили, я заметил, что они злющие, как черти. Словно им самим хвост при-

щемили, а не потому, что нобили приказали. Уж я-то их хорошо изучил. А это значит только одно: вы избили патрульного. Или вообще убили.

Тиренс опять промолчал.

— Осторожность, староста, штука полезная, главное — не перестараться, — все так же весело продолжил Пекарь. — Тебе требуется помощь. Они знают, кто ты такой.

— Нет, не знают, — вырвалось у Тиренса.

— В Верхнем городе у вас наверняка проверяли документы.

— С чего вы взяли, что мы были в Верхнем городе?

— Догадался. Спорю на что угодно, вы там были.

— Документы проверяли, но мельком. Сомневаюсь, что они запомнили имя.

— Довольно и того, что ты староста. Всего-то и нужно узнать, кого из старост не было на месте, и разыскать того, кто не сможет отчитаться за свою отлучку. Поди, все провода на Флорине уже докрасна раскалились от донесений. По-моему, вы в беде.

— Наверное.

— Какое уж там «наверное». Помощь нужна?

Они разговаривали шепотом. Рик давно свер-

нулся калачиком в углу и уснул. Валона же переводила взгляд со старосты на Пекаря и обратно.

— Нет, спасибо, не нужна. — Тиренс покачал головой. — Я… я как-нибудь сам выкручусь.

— Любопытно будет посмотреть, — вновь хохотнул Пекарь. — Ты ученостью-то не кичись, я другим беру. Ладно, утро вечера мудренее, может, еще и согласишься принять руку помощи.

Валона лежала в темноте с открытыми глазами. Постелью ей служило обыкновенное одеяло, брошенное на пол, но разница с ее обычной койкой была невелика. В другом углу, тоже на одеяле, крепко спал Рик. Он всегда спал крепко после изнурительных приступов головной боли.

Староста ложиться отказался, опять рассмешив Хорова (который, похоже, готов был смеяться по любому поводу). Пекарь выключил свет, сказав:

— Пусть тогда сидит в темноте, раз уж ему так хочется.

Сон к Валоне не шел. А вдруг ей вообще никогда больше не удастся заснуть? Ведь она ударила патрульного!

Ни с того ни с сего вспомнились отец и мать.

Воспоминания о них были туманны. За годы, пролегшие между жизнью с родителями и ны-

нешней, Валона почти заставила себя забыть их лица. Теперь ей припомнилось, как они, думая, что дочь спит, перешептывались ночами. А еще — люди, пришедшие из темноты.

Однажды ночью Лону разбудили патрульные и принялись задавать вопросы. Она плохо понимала, чего от нее хотят, но постаралась ответить. После этого родители исчезли. Уехали, как ей было сказано. Лону отправили на работу, хотя другие ребята ее возраста еще два года наслаждались свободой. Люди косились на нее и не позволяли своим детям с ней играть, когда она возвращалась домой. Валона научилась уходить в себя. Научилась молчать. Ее прозвали Лоной-Орясиной, насмехались, считали тупицей.

Почему этот ночной разговор навел на мысли о родителях?..

— Валона.

Шепот раздался так близко, что чужое дыхание колыхнуло ее волосы, и был так тих, что она едва его расслышала. Валону охватил страх пополам со смущением: голое тело укрывала лишь тонкая простыня.

— Молчи, — продолжил голос старосты, — и слушай. Я ухожу. Дверь не заперта. Но я обязательно вернусь, слышишь? Ты все поняла?

Она нащупала руку старосты и пожала. Похоже, такой ответ его устроил.

— Позаботься о Рике. Не спускай с него глаз. И еще, Валона… — Он помолчал. — Не слишком-то доверяй Пекарю. Я его не знаю. Поняла?

Потом что-то прошелестело, скрипнуло. Ушел. Валона приподнялась на локте. Тишину нарушало лишь сопение Рика и ее собственное дыхание.

Она крепко зажмурилась в темноте и принялась думать. Почему староста, который знает все-все на свете, так отозвался о Пекаре? Ведь тот их спас и патрульных он ненавидит? Так почему?

На ум пришло только одно: Пекарь уже был там, на улице. И когда тучи окончательно сгустились над их головами, принялся действовать. И действовал быстро. Словно все было подстроено заранее, а Пекарь только того и ждал. Странно, очень странно. Если бы не слова старосты, она бы сроду об этом не подумала.

Громкий, насмешливый окрик расколол тишину:

— Эй! Ты еще здесь?

Валона окаменела в луче света. Немного придя в себя, натянула простыню до самого подбородка. Луч метнулся в сторону. Она сразу узнала

говорившего. В полумраке темнела приземистая мощная фигура, подсвеченная опущенным фонариком.

— Надо же, я думал, ты тоже с ним уйдешь.

— С кем, сэр? — пискнула Валона.

— Со старостой. Ты же знаешь, что он смылся. Не юли.

— Сэр, он вернется.

— Это он тебе так сказал? Что ж, дурак будет, ежели вернется. Патрульные его схватят. Если он не тупой, твой староста, то сообразил, что дверь была отперта неспроста. А ты разве не собираешься бежать?

— Я подожду старосту.

— Ну-ну. Долгонько же тебе придется ждать. Ладно, уйдешь, когда захочешь.

Луч скользнул по полу, выхватив из темноты бледное и худое лицо Рика. Тот сморщился от яркого света, плотнее смыкая веки, но не проснулся.

— Сама уходи, когда заблагорассудится, а его оставь, — голос Пекаря сделался задумчивым. — Надеюсь, ты меня понимаешь? Решишь уйти — дверь открыта, но не для этого парня.

— Он просто несчастный больной… — испуганно начала Валона.

— Да? Как раз такие мне и нужны. Он останется здесь, заруби себе на носу.

Луч фонарика продолжал светить прямо в лицо спящему Рику.

Глава 5
Ученый

Профессор Селим Юнц уже целый год сгорал от нетерпения. Беда в том, что к нетерпению, сколько ни старайся, притерпеться нельзя. Скорее наоборот. Прошедший год научил его тому, что саркская бюрократия суеты не терпит. Особенно с учетом того, что государственными служащими были в основном уроженцы Флорины, подчеркнуто блюдущие свое достоинство.

Однажды Юнц поинтересовался у старины Абеля, транторского посла, прожившего на Сарке так долго, что, кажется, даже его ботинки успели пустить тут корни, почему саркцы позволяют работать в государственных учреждениях тем, кого искренне презирают.

Абель с прищуром посмотрел на него поверх бокала с молодым вином.

— Политика, Юнц, всего лишь политика. Утилитарная генетика пополам с саркской логикой.

Сарк — крошечная, никчемная планетка, которая имеет вес только до тех пор, пока контролирует Флорину, этот неисчерпаемый золотой прииск. Вот почему каждый год они носятся по тамошним полям и деревням в поисках подающей надежды молодежи и отправляют ее на Сарк для обучения. Посредственности остаются на госслужбе заполнять бланки и шлепать печатями, а по-настоящему умных возвращают на Флорину руководить поселками. То есть назначают так называемыми старостами.

Профессор Юнц был прежде всего пространственным аналитиком, и смысла в словах Абеля не углядел. О чем не преминул тут же объявить. Абель ткнул в него корявым старческим пальцем. Зеленоватый блик содержимого бокала упал на ребристый, изжелта-серый ноготь, сгладив его цвет.

— Не быть вам управленцем, Юнц, сразу видно. Так что не обращайтесь ко мне за рекомендацией — откажу. Ну, посудите сами. Цвет флорианской нации, оказывается, беззаветно предан Сарку, ведь пока они служат своим хозяевам, те холят их и лелеют. Стоит только повернуться спиной к Сарку, и их в лучшем случае ждет возвращение к существованию обычного флори-

нианца, а оно, друг мой, ой как нелегко.

Посол одним глотком осушил бокал и продолжил:

— Кроме того, ни старосты, ни флориниан цы, оставшиеся на Сарке, не могут иметь детей, если не хотят потерять свой социальный статус. Даже от флориниан ок. О браках с саркскими женщинами речь вообще не идет. Следовательно, лучшие флориниан ские гены непрерывно выводятся из обращения, так что со временем население Флорины будет состоять из дровосеков да водоносов.

— Но ведь тогда Сарк останется без чиновников, разве нет?

— Ну, это вопрос весьма отдаленного будущего.

Профессор Юнц припомнил этот разговор, сидя в приемной министерства по делам Флорины и с нетерпением ожидая, когда падут бюрократические препоны, в то время как клерки-флориниан цы носились по бесконечному канцелярскому лабиринту.

Перед ним появился пожилой чиновник, состарившийся на служебной ниве.

— Профессор Юнц?

— Да.

— Следуйте за мной.

Табло со сменяющимся номером или беспроводной флюороканал были бы столь же эффективны, но там, где рабочая сила ничего не стоит, прогресс не востребован. Рабочая сила… Занятно, но ни в одном государственном учреждении Сарка он ни разу не видел работниц. Флоринианки не имели права покидать планету, исключения делались лишь для домашней прислуги, которой также было запрещено иметь детей. А о связях флоринианцев с саркианками и речи быть не могло, как сказал Абель.

Юнца жестом пригласили сесть к столу секретаря замминистра. Должность была высвечена на столешнице. Разумеется, ни один уроженец Флорины не мог подняться выше уровня простого клерка — неважно, сколько реальных нитей управления сосредоточивалось в их белых руках. Сам министр и его заместитель были, естественно, саркцами, и хотя Юнц вполне мог повстречаться с ними на каком-нибудь светском рауте, попасть к ним на прием в министерстве не было никакой возможности.

Он сел, изнывая от нетерпения: до цели оставалось всего ничего. Клерк внимательно изучал дело, переворачивая каждый исписанный убористым почерком листок так, словно там содер-

жались все тайны вселенной. Он был довольно молод (видимо, недавний выпускник), светлокожий и светловолосый, как все флориниане.

Профессора Юнца охватил атавистический трепет. Сам он был очень смуглым уроженцем Либейра. В галактике было немного планет, подобных Флорине или Либейру, то есть населенных исключительно белокожими или чернокожими людьми. В основном преобладало нечто среднее.

Кое-кто из дерзких молодых антропологов выдвигал даже гипотезы, что население таких планет, как Либейр, принадлежит к иной, хотя и конвергентной, эволюционной ветви. Представители старой школы встречали в штыки теорию эволюции, в которой конвергенция видов приводит к возможности их скрещивания. Меж тем скрещивание происходило, следовательно, настаивали они, существовала некая планета-прародина, где люди уже делились на подгруппы с различным цветом кожи.

С точки зрения профессора Юнца, они просто сдвигали проблему в прошлое, не давая удовлетворительного ответа. Он нередко ловил себя на том, что обдумывает эту задачку. Легенды о каком-то давнишнем конфликте были почему-

то характерны именно для «темных» планет. Например, либейрские мифы гласили о войне между людьми разного цвета кожи. Сам Либейр якобы был основан темнокожими беглецами, проигравшими сражение.

Когда Юнц покинул родину и улетел учиться в Арктурианский институт пространственных технологий, а затем приступил к работе, старые сказки выветрились у него из головы. Вспомнил он о них после одного удивительного случая. Дела занесли Юнца на древнюю планету Кентаврийского сектора, история которой охватывала неисчислимые тысячелетия, а язык был настолько архаичен, что наводил на мысль о мифическом «английском». Так вот, в диалекте этой планеты имелось особенное слово для именования темнокожих.

Зачем могло потребоваться специальное слово для людей с темной кожей? Ведь никто не изобретает названия для людей с голубыми глазами, большими ушами или кудрявыми волосами? Нет никаких особенных слов и для…

— Судя по записям, вы уже обращались в наш департамент? — прервал его размышления голос клерка.

— Да, сэр, обращался, — кисло ответил Юнц.

— Довольно давно?

— Да, довольно давно.

— Вы до сих пор пытаетесь найти пространственного аналитика, исчезнувшего… — клерк пролистал страницы, — …одиннадцать месяцев и тринадцать дней назад?

— Верно.

— И за все это время, — продолжил клерк сухим, скрипучим голосом, из которого, казалось, были выжаты все соки, — не обнаружилось ни единого доказательства, что этот человек когда-либо побывал на территории Сарка.

— Последнее его сообщение пришло из окрестностей Сарка.

— Может быть, — клерк зыркнул на ученого бледно-голубыми глазками. — Однако доказательств посадки его корабля на Сарк нет.

Нет доказательств! Юнц сжал зубы. Именно так со все возрастающей неприязнью ему отвечали уже несколько месяцев в Межзвездном Пространственно-аналитическом Бюро.

«Нет доказательств, профессор Юнц». «Вы могли бы с большей пользой тратить рабочее время, профессор Юнц». «Бюро всенепременно продолжит поиски, профессор Юнц».

Что в переводе на человеческий значило: пре-

кратите нам досаждать, чертов Юнц!

Все это началось, как скрупулезно отметил клерк, одиннадцать месяцев и тринадцать дней назад по межзвездному стандартному времени (клерк, разумеется, не допустил бы небрежности, воспользовавшись местным временем в подобном вопросе). За два дня перед тем Юнц прилетел на Сарк для рутинной проверки сотрудников Бюро, которая превратилась… короче, превратилась в то, во что превратилась.

Его встретил местный представитель МПБ, субтильный юноша, запомнившийся профессору главным образом тем, что непрерывно жевал какую-то эластичную штуковину — видимо, продукт саркской химической промышленности.

Инспекция подходила к концу, когда юноша, запихав свою жвачку куда-то за коренные зубы, произнес:

— Ах да, есть еще сообщение от одного из наших полевых агентов. Скорее всего, ничего важного, вы же их знаете.

Привычно-презрительное «вы же их знаете» заставило Юнца вспыхнуть от негодования. Он уже хотел сказать, что сам пятнадцать лет назад работал полевым агентом, однако вовремя вспомнил, что его хватило всего на три месяца.

Именно эта вспышка злости заставила Юнца внимательно прочитать сообщение.

Оно гласило: «Пожалуйста, держите свободной прямую шифрованную линию связи со штаб-квартирой МПБ для детального отчета по вопросу первостепенной значимости. Дело — галактической важности. Приземляюсь по кратчайшей траектории».

Юноша, похоже, развеселился. Продолжая непрерывно жевать, он промычал:

— Нет, вы только вообразите, сэр! «Дело галактической важности»! Даже для полевого агента — это перебор. Я связался с ним, надеясь узнать подробности, но куда там! Он тупо бубнил, что Флорина в опасности. Мол, на кону — жизнь полумиллиарда людей. Форменный псих. Честно говоря, не хотелось бы мне оказаться с таким один на один. А вы что думаете, сэр?

— У вас сохранилась стенограмма разговора?

— Да, сэр.

Порывшись несколько минут, парень нашел пленку. Юнц просмотрел ее на ридере и нахмурился:

— Это копия, не так ли?

— Оригинал я отослал в саркский департамент межпланетного транспорта. Решил, что неплохо

будет выслать ему навстречу карету «Скорой помощи», когда он приземлится. Мужик, похоже, рехнулся.

Юнц уже готов был согласиться с молодым человеком. Когда одинокие аналитики космических глубин внезапно прерывают работу, они зачастую оказываются склонны к агрессии.

— Погодите, разве он еще не приземлился?

— Наверное, приземлился. — Юноша выглядел удивленным. — Но мне никто об этом не доложил.

— Свяжитесь с транспортниками и узнайте. Психопат он или нет, все должно быть отражено в документах.

Юнц пробыл на Сарке еще день. Перед тем как покинуть планету, он вновь на минутку заглянул к молодому человеку. Профессор спешил, его ждали дела на других планетах. Уже стоя в дверях, он спросил:

— Кстати, как там наш полевой агент?

— Ах да, полевой агент… Транспортники ничего о нем не знают. Я отправил им энергетическую сигнатуру его гиператомных двигателей, но они заявили, что такого корабля в околопланетном пространстве нет. Парень, наверное, передумал.

Юнц решил отложить отлет на сутки. На сле-

дующий день он лично посетил департамент межпланетного транспорта в Сарк-сити, столице Сарка. Там-то ему и пришлось в первый раз повстречаться с чиновниками-флоринианцами. Те только пожимали плечами. Да, они получали сообщение о предполагаемом приземлении аналитика МПБ. Нет, корабль не приземлялся.

Но это очень важно, настаивал Юнц. Человек, вероятно, болен. Разве они не читали запись его беседы с местным представителем МПБ? Чиновники только поднимали брови. Запись? Никаких записей никто не получал. Они весьма сожалеют о болезни его сотрудника, однако корабль МПБ на Сарке не приземлялся. На орбите Сарка вообще нет ни одного корабля МПБ.

Юнц в глубокой задумчивости вернулся в гостиницу. Дополнительные сутки, на которые он снял номер, закончились. Он позвонил администратору и договорился о переезде в другой номер, более подходящий для длительного пребывания. Затем связался с транторским послом Людиганом Абелем и условился о встрече.

Весь следующий день он читал книги по истории Сарка, и ко времени рандеву с послом в его душе медленно закипала злость. Ничего, так легко он им не сдастся.

Старый посол воспринял его визит как чисто светский: тепло пожал Юнцу руку, включил механического бармена и отказался говорить о деле, пока они не выпили по два бокала вина. Юнц, воспользовавшись возможностью поболтать, расспросил посла о флоринианцах на государственной службе. Выслушав краткую лекцию о практической генетике Сарка, он пришел в еще большее раздражение.

Юнц и теперь, словно воочию, видел Абеля: глубоко посаженные глаза, поразительно белые брови, горбатый нос, нависший над бокалом, впалые щеки, подчеркивающие худобу, и постукивающий кривой палец, словно неторопливо отсчитывающий такты неслышимой музыки. Юнц со скупой невозмутимостью изложил свою историю. Абель выслушал, не перебивая, легонько постучал кончиком пальца по губам и сказал:

— Послушайте, вы знакомы с пропавшим человеком?

— Нет.

— И никогда с ним не встречались?

— С аналитиками, работающими в поле, встретиться непросто.

— У него прежде бывали срывы?

— Согласно записям МПБ, этот — первый. Если

речь вообще идет о срыве.

— Если?.. — Посол не стал заканчивать фразу. — А зачем, собственно, вы пришли ко мне?

— За помощью.

— Ну, это понятно. Но чем конкретно я могу вам помочь?

— Позвольте объяснить. Саркский департамент межпланетного транспорта проверил околопланетное пространство и не обнаружил сигнатуры моторов нашего корабля. Вряд ли они мне соврали. Я не говорю, что саркцы выше лжи, но сейчас им просто незачем лгать. Они понимают, что я могу проверить их информацию за два-три часа.

— Верно. И что же из этого следует?

— Энерготрассировка невозможна лишь в двух случаях. Если корабля действительно нет поблизости, потому что он совершил прыжок через гиперпространство и находится в иной части галактики. Или если корабль приземлился на планете. Я не верю, что наш человек совершил прыжок. Если его идея об опасности, грозящей Флорине и всей галактике, — всего лишь нервный срыв, ничто не остановит полевого агента от высадки. Он не передумает сообщать и никуда не улетит. Поверьте, у меня пятнадцатилетний опыт в подобных делах. Если же есть хоть малейший

шанс, что агент был здоров и мыслил разумно, то тем более не улетел бы, судя по важности сообщения.

— То есть вы делаете вывод, что он на Сарке? — Старый посол поднял палец и покачал им.

— Совершенно верно. И тут у нас опять появляются два варианта. Если парень находился в состоянии психоза, он мог сесть не в космопорте, а где угодно. И теперь бродит там, ничего не соображая и страдая от амнезии. Такое случается редко, но все же случается. Подобные припадки быстро проходят, и после них жертва обычно сначала вспоминает о своей работе и лишь затем — все остальное. Что неудивительно, ведь для пространственного аналитика работа — это и есть жизнь. Зачастую несчастных обнаруживают в библиотеках, где те разыскивают книги по пространственному анализу.

— Понимаю. Хотите, чтобы я помог вам договориться с советом библиотекарей и они доложили вам о таком случае?

— Нет, с этой стороны я проблем не жду. Я сам попрошу поместить фундаментальные работы по пространственному анализу в спецхран, после чего любой, кто не докажет, что он уроженец Сарка, будет задержан для допроса. Мне не откажут,

потому что знают: это бесполезно. Ну, или знает кое-кто из начальства.

— Почему бесполезно?

— А потому, — Юнц заговорил быстро, закипая от ярости, — что наш агент, здоровый ли, спятивший ли, высадился в столичном космопорте, как и намеревался. Я в этом абсолютно убежден. После чего саркское правительство либо его убило, либо бросило в тюрьму.

— Вы шутите? — Абель отставил полупустой бокал.

— Неужели похоже? Вспомните, что вы полчаса назад рассказали мне о Сарке. Их жизнь, благосостояние и власть целиком и полностью зависят от Флорины. Это согласуется с тем, что я сам за прошедшие сутки прочел о Сарке. Кыртовые поля Флорины — главное его богатство. И вдруг появляется тип — неважно, здоровый или больной, — который объявляет о некой галактической катастрофе, грозящей гибелью населению Флорины. Ознакомьтесь со стенограммой последней беседы с ним.

Абель поймал брошенную Юнцем пленку и взял ридер. Медленно прочитал, вглядываясь блеклыми глазами в окуляр.

— Не очень-то информативно.

— Разумеется. Здесь говорится только об опасности и экстренной срочности. Это все. Однако такое сообщение ни в коем случае нельзя было отправлять саркцам. Даже если наш аналитик ошибся, разве их правительство позволило бы ему сеять безумные слухи по всей галактике? Кстати, еще вопрос, ошибся ли он… На свет выплыла бы неприглядная грязь взаимоотношений Сарка и Флорины, это не говоря о панике на планете и перебоях в производстве кыртовой нити. Причем, чтобы предотвратить все это, достаточно ликвидировать одного человека. Я же, имея на руках только стенограмму, ничего предпринять не могу, и им это известно. Неужели Сарк остановится перед убийством? Сарк, где проводят генетические эксперименты, о которых вы сами мне рассказали? Не думаю.

— Но что вы хотите от меня? Ко всему прочему, я пока ни в чем не убежден, — бесстрастно сказал Абель.

— Выясните, убили они его или нет, — мрачно попросил Юнц. — У вас же наверняка есть шпионская сеть. Только не надо делать большие глаза. Я достаточно пространствовал по галактике, чтобы утратить политическую невинность. Докопайтесь до истины, пока я отвлекаю их

своими библиотечными изысканиями. Если обнаружится, что агент был убит, Трантор должен позаботиться о том, чтобы все правительства в галактике уяснили: нельзя убить сотрудника МПБ и остаться безнаказанным.

Этим и завершилась их первая встреча.

Юнц оказался прав в одном — в том, что касается библиотек. Саркские чиновники сотрудничали охотно и даже с сочувствием.

Во всем остальном его постиг полный провал. Шли месяцы, а шпионы Абеля не находили на Сарке ни следа пропавшего аналитика, будь он жив или мертв.

Так продолжалось уже одиннадцать месяцев. Юнц чувствовал, что готов сдаться. Решил дождаться, когда пройдет полный год, и капитулировать. И тут дело сдвинулось с мертвой точки. Причем сработала не шпионская сеть Абеля, а полузабытая библиотечная ловушка. Пришел доклад из Саркской общественной библиотеки, и вот теперь Юнц сидел против чиновника Министерства по делам Флорины.

Клерк закончил обдумывать дело. Перевернув последний листок, он поднял глаза на Юнца.

— Чем я могу вам помочь?

— Вчера в шестнадцать часов двадцать две

минуты я был проинформирован, что во флоринианское отделение общественных библиотек Сарка явился мужчина, который запросил два труда по пространственному анализу, — сказал Юнц, осторожно выбирая слова. — Он не был уроженцем Сарка. С тех пор я не получил из библиотеки ни одного нового сообщения. — Юнц возвысил голос, не давая клерку себя перебить. — В новостном телевыпуске, который я смотрел вечером в пять минут шестого по общественному каналу отеля, сообщалось, что в этой же самой библиотеке был найден без сознания сотрудник флоринианского патруля. В нападении подозреваются трое туземцев Флорины, уже объявленные в розыск. Больше этот выпуск не повторялся. Я не сомневаюсь, что оба события взаимосвязаны. Как не сомневаюсь и в том, что человек, которого я разыскиваю, — в руках патрульных. Я попросил визу для полета на Флорину. Мне было отказано. Тогда я отправил туда субэфирное сообщение с просьбой переслать этого человека на Сарк. Ответа я не получил. Поэтому явился в ваше министерство и требую предпринять надлежащие меры. Либо вы отправляете меня на Флорину, либо его — на Сарк.

— Правительство Сарка не может принять уль-

тиматум от сотрудника МПБ, — безжизненным голосом произнес чиновник. — Мои вышестоящие предупредили о том, что вы, вероятно, будете пытаться давить на меня по данному вопросу, и проинструктировали относительно фактов, каковые я имею право вам сообщить. Человек, который, согласно имеющимся сведениям, запросил оговоренные книги, совместно с двумя своими сообщниками — старостой и туземной женщиной, — совершил упомянутое вами нападение и находится в розыске. Они все еще не задержаны.

— Так они сбежали? — Юнц даже не попытался скрыть горького разочарования.

— Не совсем. Их обнаружили в пекарне Мэтта Хорова.

— Они все еще там? — Юнц впился взглядом в клерка.

— Вы недавно имели беседу с его превосходительством Людиганом Абелем?

— Какое это имеет отношение к…

— Нам сообщили, что вас нередко видят в транторском посольстве.

— Я не виделся с послом с прошлой недели.

— В таком случае советую вам увидеться. Учитывая деликатность наших взаимоотношений

с Трантором, мы позволили преступникам оставаться в пекарне Хорова. В случае, если я сочту это необходимым, мне поручено сообщить, что Хоров — полагаю, вас это не удивит, — бледная физиономия клерка сделалась насмешливой, — известен нашему министерству как шпион Трантора.

Глава 6
Посол

Тиренс покинул пекарню Хорова за десять часов до встречи Юнца с чиновником министерства.

Староста шел, осторожно ведя рукой по шершавым стенам лачуг рабочих. Улицы тонули в темноте. Бледный свет, местами падавший из Верхнего города, был здесь единственным освещением, если не считать патрульных с яркими фонариками, передвигавшихся по двое, по трое.

Нижний город дремал, будто жирный ядовитый змей, свившийся кольцами под нависшим покровом Верхнего. Вероятно, где-то теплилась призрачная жизнь: что-то производили и перевозили на склады, готовясь к наступающему дню. Только не в этих трущобах.

Тиренс свернул в пыльный проулок (ночные

дожди Флорины не могли проникнуть под «зонтик» бетоносплава), когда до него донесся топот. Ярдах в ста загорелся и погас свет.

Патрульные ходили по городу ночь напролет. Этого было достаточно. Они нагоняли такой страх, что для поддержания порядка почти не требовалось применять силу. Конечно, во мраке мог кто-нибудь таиться, но этой угрозой можно было пренебречь, даже если сбросить со счетов патрульных. Мастерские и продуктовые магазины хорошо охранялись, сокровища Верхнего города оставались недоступными, а воровать друг у друга, паразитируя на соседской нищете, — бессмысленно.

То, что считалось преступлениями на иных планетах, здесь практически отсутствовало. Бедняки — под рукой, да взять с них нечего. Богатых же — не достать.

Тиренс перебежал освещенный участок под щелью в бетоносплаве, не смог удержаться и взглянул вверх. На его лицо упал свет.

Не достать!

Но так ли это? Сколько раз менялось его собственное отношение к нобилям? Он был обычным ребенком, в детстве патрульные казались ему чудищами в черном и серебряном, от которых

надо убегать, — неважно, нашкодил ты или нет. Нобили же представлялись таинственными и милостивыми небожителями, обитающими в раю под названием «Сарк», денно и нощно размышляющими о благополучии глупых флориниан цев.

Каждый день маленький Тиренс повторял в школе: «Да хранит Дух галактики нобилей, как хранят нас они».

«Вот именно! — подумалось теперь Тиренсу. — *Пусть Дух галактики отнесется к ним так же, как они к нам. Не больше и не меньше»*. — Он до боли сжал в темноте кулаки.

В десять лет Тиренс написал школьное сочинение на тему «Как я представляю жизнь на Сарке». Он дал волю фантазии, вместе с тем стараясь показать отменные чистописание и стиль. Он мало что помнил из своей детской работы. Всего один абзац, где описывались нобили: каждое утро они собирались в огромном зале, раскрашенном в оттенки цветущего кырта, и во всем блеске своего двадцатифутового великолепия со скорбью рассуждали о прегрешениях флориниан цев, дискутируя, как вернуть заблудших на путь добродетели.

Учитель остался очень доволен. В конце учебного года Тиренса перевели в особый класс, где он

начал изучать математику, историю Сарка и галактографию, в то время как прочие мальчики и девочки продолжили свои краткие уроки чтения, письма и морали. В шестнадцать лет Тиренса послали на Сарк.

Он до сих пор с трепетом вспоминал тот великолепный день. Ему стало стыдно.

До окраины города было уже недалеко. Порыв ветра донес сладковатый ночной запах цветущего кырта. Несколько минут — и Тиренс окажется в относительно безопасных полях. Там почти не бывает патрулей, и сквозь прорехи в облаках он вновь увидит звезды. В том числе — ярко-желтое пятнышко солнца Сарка.

Полжизни оно было и его солнцем. Когда Тиренс впервые увидел эту звезду в иллюминатор, она показалась ему не звездой, а ослепительно-ярким стеклянным шариком. Ему захотелось пасть на колени. Предвкушение скорого рая избавило его даже от страха перед первым полетом в космос.

На Сарке к Тиренсу приставили пожилого флоринианца, который проследил, чтобы мальчик искупался и подобающе оделся. Затем они вдвоем отправились в большое здание. По пути старик низко поклонился какому-то прохожему и заши-

пел на Тиренса:

— Кланяйся!

Тиренс поклонился и удивленно поинтересовался:

— Кто это был?

— Нобиль, деревенщина ты эдакая.

— Нобиль?!

Тиренс застыл, точно вкопанный. Старику пришлось подтолкнуть мальчика. Вот так он впервые увидел нобиля. Никаких двадцати футов роста в нем не было, человек как человек. Наверное, другие юные флориниане оправились от разочарования, но только не Тиренс. Что-то надломилось в нем, изменилось навсегда.

Ни разу за все время обучения, в котором он, кстати, преуспевал, Тиренс не забывал, что нобили — это просто люди.

Учение длилось десять лет. Время, остававшееся от уроков, еды и сна, он должен был посвящать услужению. Тиренс передавал сообщения, опустошал корзины для бумаг, низко кланялся нобилям и почтительно отворачивался лицом к стене, встретив саркскую женщину.

Пять лет он проработал на государственной службе. Юношу перебрасывали с места на место, чтобы как можно лучше раскрыть его способно-

сти и проверить в различных условиях.

Как-то раз Тиренса навестил пухлый флоринианец. Гость дружески улыбнулся и, ласково похлопав по плечу, поинтересовался, что он думает о нобилях. Тиренс едва подавил желание убежать со всех ног. Испугался, что его мысли неким таинственным образом проявятся в гримасе. Склонив голову, он пробормотал несколько банальностей о доброте нобилей.

Однако толстяк поджал губы и произнес:

— Ты вовсе не то хотел сказать. Приходи вечером вот по этому адресу.

И дал Тиренсу карточку, которая через несколько минут рассыпалась в пыль.

Тиренс пошел. Ему было страшно и в то же время любопытно. Там он встретил друзей. На встрече они смотрели на него таинственно, а позже, на работе, — безразлично. Там вслух произносилось то, что он считал своими, и только своими, сокровенными мыслями.

Оказалось, что кое-кто из флоринианцев тоже полагает нобилей негодяями, высасывающими из Флорины все соки ради собственных праздных прихотей, оставляя трудолюбивых туземцев погрязать в невежестве и нищете. Он узнал, что однажды на Флорине поднимется восстание и

все богатства планеты перейдут к их законным владельцам.

«Как?» — снова и снова спрашивал Тиренс. Ведь у нобилей — патрульные и оружие.

Тогда ему поведали о Транторе, огромной империи, за несколько столетий поглотившей половину обитаемых планет галактики. Трантор, отвечали ему, уничтожит Сарк, а флоринианцы помогут.

«Если Трантор столь велик, а Флорина столь мала, не получится ли так, что нам на шею сядет более сильный и жестокий хозяин? — спрашивал Тиренс сначала самого себя, потом товарищей. — Не разумнее ли оставить все как есть? Лучше хозяин, которого ты уже знаешь, чем неизвестный».

Над Тиренсом посмеялись и прогнали, пригрозив, что убьют, если он кому-нибудь проговорится. А через какое-то время он заметил, что заговорщики начали один за другим пропадать, пока не остался только толстяк.

Иногда Тиренс замечал, как тот нашептывает на ухо очередному новичку, но предупреждать наивных юношей о том, что их искушают и проверяют, было небезопасно. Каждый должен был пройти этот путь самостоятельно, как прошел

его Тиренс.

Он прослужил некоторое время даже в Министерстве госбезопасности, куда допускались лишь немногие флориниане. Прослужил совсем недолго. Власть сотрудников министерства была столь велика, что люди там не задерживались.

В министерстве Тиренс с изумлением обнаружил, что существуют настоящие заговоры, против которых нужно бороться. Каким-то образом мужчины и женщины Флорины умудрялись создавать тайные общества. Обычно их исподтишка спонсировал Трантор. Изредка флориниане действовали самостоятельно.

Тиренс много об этом размышлял. Он был скуп на слова, вел себя подчеркнуто корректно, но строй его мыслей остался неизменным. Нобилей он по-прежнему ненавидел. Отчасти потому, что в них не оказалось двадцати футов роста, отчасти потому, что ему запрещалось смотреть на их женщин, отчасти потому, что, прослужив нескольким начальникам, он сделал вывод: при всем своем высокомерии большинство нобилей умом не блещут.

Однако какая альтернатива у Флорины? Сменить глупых саркцев на глупых транторцев? А

смысл? Ждать, что флоринианские поселяне сами со всем разберутся? Фантастическая наивность. Выхода не существовало.

Он обдумывал проблему годами. Студентом, мелким чиновником, потом старостой…

И вдруг особенные обстоятельства вручили ему невообразимый ответ в лице жалкого человечка, бывшего когда-то пространственным аналитиком, а теперь лепечущего о некой угрозе самому существованию Флорины.

Вокруг Тиренса раскинулись поля. Ночная морось заканчивалась, между тучами влажно поблескивали звезды. Тиренс глубоко вдохнул запах кырта — сокровища и проклятия Флорины.

Иллюзий он не испытывал. Он больше не староста, даже не свободный поселянин. Он — преступник в бегах, дичь, которой следует прятаться.

В голове билась одна и та же мысль: последние сутки в его руках находилось величайшее оружие против Сарка, оружие, о котором можно было только мечтать. На сей счет сомневаться не приходилось.

Тиренс знал, что воспоминания Рика истинны. Тот действительно был пространственным аналитиком. Его подвергли психозондированию,

едва не превратив в «овощ», но он все равно вспомнил нечто чрезвычайно ужасное и важное.

Да, Тиренс в этом не сомневался.

Однако сейчас Рик находился в руках транторского шпиона, прикидывающегося патриотом Флорины.

Тиренсу сделалось горько. Разумеется, Пекарь — агент Трантора. Тиренс сразу его раскусил. У кого еще в Нижнем городе найдутся лишние деньги на сооружение печки-обманки?

Рика нельзя отдавать Трантору, нельзя позволить им наложить на него лапу. Ради Рика Тиренс готов был пойти на любой риск. Впрочем, какие там еще риски? Он уже обрек себя на смертную казнь.

Над горизонтом просветлело. Надо было дождаться рассвета. У патрульных, разумеется, уже есть описание преступника. Чтобы засечь Тиренса, им понадобится несколько минут.

Однако в течение этих нескольких минут он останется старостой. И сможет сделать то, о чем даже сейчас не осмеливался подумать.

Через десять часов после разговора с сотрудником министерства Юнц вновь посетил Людигана Абеля.

Посол приветствовал его со своеобычной сер-

дечностью, к которой примешивались некоторые угрызения совести. Во время первой встречи с профессором, состоявшейся почти год назад по стандартному времени, он не принял его историю близко к сердцу. Посла интересовало одно: пойдет ли случившееся на пользу Трантору?

Трантор всегда занимал его мысли, и все же Абель не был глупцом, слепо поклоняющимся звездному скоплению или желтой эмблеме с изображением солнца и космического корабля, которую носили военнослужащие Трантора. Абель не был патриотом в примитивном понимании этого слова. Сам по себе Трантор ничего для него не значил.

Абель поклонялся миру. И чем дольше он жил, тем истовее поклонялся. Старея, он все больше ценил бокал вина и послеобеденную дрему, пропитывался духом негромкой музыки, дорогого одеколона и тишиной угасания в предчувствии смерти. Ему казалось, что схожие эмоции должны испытывать все люди. Те же продолжали затевать бесконечные войны. Насмерть замерзали в космическом вакууме, испарялись в атомных взрывах, гибли на осажденных и бомбардируемых планетах.

Как же принудить их к миру? Ни увещевания,

ни, тем более, образование тут не помогут. Если человек, сравнивая войну и мир, сознательно выбирает первое, разве смогут его убедить какие-то дополнительные доводы? Что способно обвинить войну красноречивее, чем сама война? Какая изощренная диалектика обладает хотя бы десятой долей убедительности одного-единственного разбитого корабля, несущего страшный груз?

Следовал вывод: положить конец злоупотреблению силой можно только силой.

В кабинете Абеля висела карта Трантора, на которой отмечались случаи применения этой силы. Карта представляла собой прозрачное «яйцо» — наглядное трехмерное изображение галактики. Алмазная пыль звезд, темные и светлые пятна туманностей, а в самой сердцевине находились несколько красных искорок Транторской республики.

Вернее, не «находились», а «когда-то были». Пятьсот лет назад в Трантор входили всего-навсего пяток планет.

Карта была ретроспективной. Если указатель круговой шкалы стоял на отметке «ноль», в «яйце» светилось пять красных точек. Поворот верньера на одно деление соответствовал смещению на пятьдесят лет вперед, и в окрестностях

Трантора вспыхивал целый сноп алых искр.

Еще десять делений — и прошло полтысячелетия, за которое кровавая лужа растеклась на половину галактики.

Красный цвет весьма причудливым образом стал кровавым. Сначала Транторская республика превратилась в Транторское содружество, а затем — в Транторскую империю. Путь этот был усеян выпотрошенными трупами, выпотрошенными кораблями и выпотрошенными планетами. Трантор делался все сильнее; внутри алого пятна царил мир.

Теперь Трантор стоял на пороге нового превращения: из Транторской империи он готовился стать империей галактической. Красный цвет скоро поглотит все звезды, и мир станет воистину всеобщим миром, *Pax Trantorica*.

Вот чего хотел Абель. Живи он пятьсот лет назад, четыреста или даже двести, — не задумываясь выступил бы против Трантора как гнездилища отвратительных, бесконечно жадных и агрессивных материалистов, безразличных к правам других, — далеких от идеальной демократии дома, хотя и зорко подмечающих «бревна» в чужих глазах. Но все это осталось в прошлом.

Абель служил не Трантору. Он служил всеобъ-

емлющей цели, которую Трантор олицетворял. Поэтому вопрос «Пойдет ли случившееся на пользу галактическому миру?» естественным образом трансформировался в вопрос «Пойдет ли случившееся на пользу Трантору?».

К сожалению, в данном конкретном случае Абель не был ни в чем уверен, тогда как профессору Юнцу решение представлялось простым и очевидным: Трантор должен поддержать МПБ и наказать Сарк.

Может быть, это будет полезно, особенно если удастся доказать вину Сарка. А может быть, нет — если вина Сарка не будет доказана. В любом случае Трантору не следовало бросаться в атаку очертя голову. Всем было известно, что Трантор стоит в одном шаге от подчинения себе галактики, тем не менее существовала такая возможность, что независимые планеты объединятся и выступят против империи. Трантор мог выиграть даже такую войну, но, вероятно, заплатив столь высокую цену, что победа стала бы лишь иносказательным названием для поражения.

Игра вошла в завершающую стадию. Трантору ни в коем случае нельзя поступать опрометчиво, и Абелю надлежит действовать с оглядкой,

осторожно дергая за ниточки паутины, которой он опутал саркские государственные службы и нобилитет. С улыбкой прощупывать, исподволь расспрашивать… И не выпускать из виду Юнца, чтобы экспансивный либейрианец в мгновение ока не сломал то, что Абелю потребуется чинить целый год.

Абеля вообще удивлял неукротимый гнев либейрианца.

— Почему вас так заботит один-единственный агент? — спросил он как-то профессора.

В глубине души он ожидал, что тот разразится спичем о безупречной порядочности МПБ, о долге всех и каждого поддерживать Бюро, которое служит человечеству, а не той или иной планете. Но ничего этого он не услышал.

Нахмурившись, Юнц произнес:

— Потому что в основе этой истории лежат лживые взаимоотношения Сарка и Флорины. Я хочу вывести их на чистую воду, хочу сокрушить.

Абелю стало тошно. Всегда и везде людей заботит лишь отдельно взятый мирок, вновь и вновь мешая лучшим умам сосредоточиться на решении проблем галактики в целом. Да, то там, то сям встречается социальная несправедливость. Да, иногда она берет тебя за душу. Но разве не

ясно, что задачу можно решить только на уровне всей галактики? Сначала положить конец войнам и межнациональному соперничеству, а уже затем обратиться к внутренним проблемам, причины которых коренятся в проблемах внешних. Сам Юнц — не флоринианец, следовательно, его политическую близорукость нельзя списать на эмоции.

— Что вам до Флорины? — прямо спросил Абель.

— Я чувствую некое родство с жителями, — помявшись, ответил Юнц.

— Но вы — либейрианец. По крайней мере, так мне показалось.

— Верно. И все же между нами есть некое сходство. Мы — два полюса галактики.

— Два полюса? Не понимаю.

— Я о цвете кожи. Флоринианцы — молочно-белые. Мы же — черные, как ночь. В этом что-то есть. Некая связь, общность. Сдается мне, наши и их предки накопили немалый опыт того, как быть другими, этаким исключением из социальной массы. Мы, черные, и они, белые, — братья по несхожести.

Перехватив изумленный взгляд Абеля, Юнц стушевался и умолк. Больше они этот вопрос не

поднимали.

И вот, через год после начала этой истории, когда стало казаться, что вся тягомотина вот-вот заглохнет, и даже пыл Юнца вроде бы поугас, дело неожиданно сдвинулось с мертвой точки. Да еще как сдвинулось!

Юнц тоже сильно изменился. Посол видел перед собой человека, чей гнев изливался не только на Сарк, но и на него, Абеля.

— Меня приводит в негодование не то, что вы послали по моим следам своих шпионов, — говорил либейрианец. — Понимаю, вы обязаны действовать осмотрительно и никому не доверять. Не мне вас судить. Но почему, почему вы не проинформировали меня о том, что мой сотрудник обнаружен?

— Это непростой вопрос, — ответил Абель, рассеянно поглаживая мягкий подлокотник кресла. — Впрочем, как все вопросы. Я устроил так, чтобы любые сообщения о попытке неавторизованного доступа к литературе по пространственному анализу отправлялись не только вам, но и кое-кому из моих агентов. Я, кстати, полагал, что вам тоже может потребоваться защита. Но на Флорине…

— Вот именно! — с горечью в голосе перебил его

Юнц. — С нашей стороны было глупо упускать это из виду. Мы целый год искали его на Сарке, а он все это время находился на Флорине. Слепцы! Как бы там ни было, мы его нашли. Вернее, вы. Надеюсь, мне позволено будет с ним встретиться?

— Вы говорите, они вам сказали, что Хоров — транторский агент, — уклончиво ответил Абель.

— А разве нет? Зачем им мне лгать? Или они сами дезинформированы?

— Нет, они не лгут и не дезинформированы. Хоров действительно был нашим агентом в течение десяти лет, и я обеспокоен тем, что они о нем знали. Это заставляет меня задаться вопросом, что еще им о нас известно и насколько шатка наша структура в целом. Вас не удивила их откровенность? Зачем они без утайки рассказали вам о нашем человеке?

— Затем, что это правда, полагаю. А заодно — чтобы раз и навсегда избавиться от меня и моих требований, которые ставят их в неловкое положение и могут спровоцировать разногласия между Сарком и Трантором.

— Правда — сомнительный товар на дипломатическом рынке. Что могло причинить им больший вред, чем признание в степени их информированности? Какой смысл давать нам

возможность вовремя вытянуть порванную сеть, починить ее и закинуть обратно?

— Ну, тогда ответьте сами на свой вопрос.

— И отвечу. Они рассказали вам, кто такой Хоров, чтобы похвастаться своей осведомленностью. Они знали, что это не сможет ни помочь нам, ни повредить им. Ведь я уже двенадцать часов в курсе, что Хоров провалился.

— Но откуда?

— По наивернейшему признаку. А именно: двенадцать часов назад шпион Трантора Мэтт Хоров был убит флоринианским патрульным. Двое местных жителей, мужчина и женщина, находившиеся в его пекарне, исчезли. Полагаю, теперь они в руках нобилей. Мужчина, скорее всего, ваш потерявшийся сотрудник.

Юнц вскрикнул и подскочил в кресле. Абель пригубил вино и добавил:

— По официальным каналам я сделать ничего не могу. Убитый был флориниансцем. Как и беглецы, невзирая на все наши подозрения. В общем, саркцы нас переиграли, а теперь вдобавок и насмехаются.

Глава 7
Патрульный

Рик видел, как убили Пекаря. Не издав ни звука, тот повалился на землю, а в его груди, пробитой бесшумным выстрелом бластера, появилась дымящаяся дыра. Зрелище затмило все, когда-либо виденное Риком, и почти все, что последовало за ним.

Осталось смутное воспоминание о приближении патрульного, о спокойном и неотвратимом жесте, с которым тот доставал оружие. Пекарь поднял глаза; его губы шевельнулись, но так и не успели произнести последнее слово. Все уже свершилось. В ушах Рика застучала кровь, этот стук смешивался с криками мечущейся толпы, которая затопила все, точно вышедшая из берегов река.

Одно мгновение свело на нет умственный прогресс, которого удалось добиться за несколько часов сна. Патрульный бросился к Рику, распихивая визжащих мужчин и женщин, словно пробирался через вязкий поток грязи. Рика и Лону подхватило этим потоком и понесло вперед.

Тут были водовороты и донные течения, крутившиеся и вскипающие, когда их накрывало тенью патрульных машин. Лона упорно тянула Рика за собой, пробиваясь к окраине города. На какое-то время взрослый мужчина вновь превратился в перепуганного ребенка, каким был еще вчера.

Он проснулся на заре, которой, впрочем, все равно не мог видеть в комнате без окон. Несколько долгих минут лежал, вслушиваясь в самого себя. Что-то важное восстановилось в нем этой ночью, сплелось воедино. Оно начало прорастать в нем два дня назад, когда вернулись первые воспоминания. Вчера прогресс закрепился. Поездка в Верхний город, библиотека, облава патрульных, встреча с Пекарем. Все это стало катализатором для его разума. Усохшие, давно уснувшие волокна мозга ожили и натянулись, подстегнутые к действию. После сна в голове что-то слабо пульсировало.

Рик думал о космосе и звездах, о бесконечном, бездонном, одиноком пространстве и великом молчании.

Потом он повернул голову и позвал:

— Лона!

Она мгновенно проснулась, приподнялась на локте и пристально посмотрела в угол.

— Рик?

— Я здесь, Лона.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да. — Он не мог скрыть восторга. — Лона, я чувствую себя замечательно! Послушай, я вспомнил! Вспомнил свой корабль и теперь точно знаю…

Но Лона его не слушала. Повернувшись к нему спиной, она натянула платье, застегнула магнитную застежку, торопливо надела ремешок. Затем на цыпочках подошла к Рику.

— Рик, я случайно уснула. Хотела не засыпать и уснула.

— Что-то не так?

Ее нервозность передалась и ему.

— Тс-с, тише, все в порядке.

— Где староста?

— Ушел. Ему… пришлось. Может, еще немного поспишь?

Он оттолкнул ее ласковую руку.

— Я в порядке и спать больше не хочу. Хочу рассказать старосте о своем корабле.

Однако старосты не было, а Валона слушать Рика не желала. Он притих, впервые по-настоящему рассердившись на Лону. Она обращалась с ним, как с малышом, он же чувствовал себя

почти взрослым.

В комнату хлынул свет, и появилась мощная фигура Пекаря. Рик зажмурился, всполошившись, теперь он совсем не возражал против ладони Валоны, легшей ему на плечо.

— Рано же вы проснулись. — Пекарь растянул в ухмылке мясистые губы.

И, не дождавшись ответа, продолжил:

— Оно и к лучшему. Надо вам отсюда выбираться.

— Вы не сдадите нас патрульным? — Во рту у Валоны мигом пересохло.

Она вспомнила, каким взглядом Пекарь смотрел на Рика после ухода старосты. Он и сейчас таращился только на него.

— Нет, конечно. Я оповестил нужных людей. У них вы будете в безопасности.

Он вышел и тут же вернулся с едой, одеждой и двумя тазиками воды. Одежда была новой и очень-очень странной.

— Я дам вам новые имена и новые биографии, — сказал Пекарь, пока они завтракали. — Слушайте внимательно, чтобы ничего не забыть. Вы больше не флоринианцы, ясно? Вы — брат и сестра с планеты Вотекс. Вы посетили Флорину…

И он подробно все им рассказал, выслушал их

вопросы, кое о чем спросил сам.

Рик был рад продемонстрировать работу своей памяти и то, с какой легкостью он учится новому, но Валона вся извелась от беспокойства. Это не ускользнуло от Пекаря.

— Будешь мне досаждать, я отправлю его одного, а тебя брошу.

— Я не доставлю вам никаких хлопот! — Валона судорожно сжала свои сильные руки.

Было уже позднее утро, когда Пекарь поднялся; он положил каждому из них в нагрудный карман по небольшому квадратику из мягкой искусственной кожи и сказал:

— Идемте.

Выйдя наружу, Рик с удивлением себя оглядел. Он и не знал, что одежда может быть так сложно устроена. Одеться ему помог Пекарь, но кто поможет все это снять? Валона тоже не походила теперь на поселковую девчонку. Даже ее ноги были прикрыты какой-то тонкой тканью, а у туфелек имелись каблуки. Лоне приходилось идти осторожно, чтобы не оступиться.

Прохожие таращились на них с Риком, показывали пальцами. По большей части дети, рыночные торговки или болтающиеся без дела оборванцы. Пекарь не обращал на них внимания.

Он опирался на тяжелую палку, которая иногда, словно бы ненароком, оказывалась под ногами у тех, кто подходил слишком близко.

Они отошли от пекарни на какие-то сто ярдов и успели свернуть за угол, когда толпа вокруг взволновалась и Рик увидел серебряно-черный мундир патрульного.

Тут-то все и случилось. Оружие, выстрел, бегство. Наступит ли в его жизни день, когда он перестанет бояться тени патрульного за спиной?

Их занесло в какие-то трущобы на окраине Города. Лона запыхалась, ее платье было мокрым от пота.

— Больше не могу, — проговорил Рик.

— Надо.

— Нет, послушай меня. — Он вырвал руку из ее хватки. — Послушай же!

Панический страх отступал.

— Лона, я считаю, надо сделать то, чего от нас хотел Пекарь.

— Откуда ты знаешь, чего он хотел? — Девушка нервничала, ей не терпелось бежать дальше.

— Мы должны делать вид, что прибыли с другой планеты. Он ведь дал нам это. — Рик порывисто вытащил из кармана небольшой прямоугольник.

Решив, что это книжка, он осмотрел ее и попытался открыть. Не тут-то было. Тогда он ощупал края. Пальцы сжали уголок, и Рик почувствовал, как что-то поддалось. Лицевая сторона сделалась молочно-белой, на ней проявились какие-то буквы. Точный смысл слов ускользал, хотя Рик смог прочитать их по складам.

— Это паспорт, — сказал он наконец.

— Что такое «паспорт»?

— То, что позволит нам убраться отсюда, — уверенно ответил Рик.

Слово «паспорт» само внезапно всплыло в его голове.

— Ты еще не поняла? Пекарь хотел, чтобы мы покинули Флорину. На корабле. Давай так и сделаем.

— Нет! Нас арестуют! Убьют! Мы не можем, Рик, не можем.

Рику же не терпелось.

— Но это — наилучший выход, никто не ждет от нас такого поступка, — зачастил он. — И мы не пойдем на корабль, на котором собирался отправить нас Пекарь: за ним будут следить. Мы выберем другой корабль. Любой другой.

Корабль. Любой корабль. Слова звучали для него музыкой. Неважно, хорошей была эта идея

или плохой. Он хотел на корабль. Хотел в космос.

— Пожалуйста, Лона!

— Ну, ладно. Если уж тебе так неймется. Я знаю, где космопорт. Когда я была маленькой, мы иногда ходили по выходным смотреть, как взлетают корабли.

И они вновь отправились в путь. На задворках памяти Рика опять что-то тревожно заворочалось. Какое-то воспоминание, совсем недавнее, нечто, что он должен был вспомнить и не мог. Ну же, еще немного… Нет.

Он переключился на мысли о ждущем их корабле.

Флориниянец у турникета в тот день был взволнован, хотя события не касались его лично. Болтали о вчерашнем нападении на патрульного, об облаве и побеге. К утру слухи умножились — шептались даже об убитом патрульном.

Оставить рабочее место он не осмеливался и только вытягивал шею, наблюдая за пролетающими машинами и мрачными патрульными, покидающими космопорт. Вскоре охраны почти не осталось.

Да-а, похоже, Город наводнили патрули. Мысль одновременно пугала и пьянила. С чего это он

так обрадовался смерти патрульного? Ему самому проблем они не доставляли, работа у него хорошая. В космопорте служить — это вам не кырт полоть.

И все же он был счастлив.

Он едва обратил внимание на парочку в неудобных и пропотевших диковинных нарядах. Явные инопланетяне. Женщина просунула в прорезь паспорт. Мельком сравнив ее лицо с фотографией, он так же мельком сверился со списком забронированных мест и нажал на кнопку. Из прорези выползли две прозрачные ленты.

— Забирайте, — нетерпеливо сказал он. — Закрепите на запястьях и проходите.

— А где находится наш корабль? — вежливо пролепетала женщина.

Ему это понравилось. Чужаки были нечастыми гостями в космопорте Флорины, а в последние годы встречались и того реже. Зато они не были ни нобилями, ни патрульными. Они не знали, что ты — всего-навсего флориниан ец, и разговаривали любезно.

— Вы найдете свой корабль в семнадцатом терминале, госпожа, — приосанился он и торжественно-галантно добавил: — Желаю вам приятного пути на Вотекс.

После чего вернулся к своим занятиям: исподтишка обзванивать приятелей, чтобы выведать о беспорядках и с особенной осторожностью пытаться прослушивать частные линии Верхнего города.

Прошло несколько часов, прежде чем он обнаружил, что совершил непоправимую ошибку.

— Лона, вот этот! — прошептал Рик, сжав ее локоть.

Валона с сомнением смерила корабль взглядом. Он был куда меньше того, что находился у семнадцатого терминала, и казался каким-то отполированным. Четыре основных шлюза стояли открытыми, как и главный вход, откуда, словно язык, протянулся посадочный трап.

— Они проветривают корабль, — объяснил Рик. — Пассажирские корабли всегда продувают перед новым полетом, чтобы избавиться от вонючего воздуха, использованного множество раз.

— А ты откуда знаешь? — Валона уставилась на него.

— Знаю, и все. — Он почувствовал в душе зародыш тщеславия. — Дело в том, что сейчас корабль пуст. Там теперь сильный сквозняк, и находиться внутри неприятно. — Рик беспокойно огляделся. — Странно, что пассажиров мало. У

вас всегда так?

Валоне тоже казалось, что, когда она посещала космопорт в детстве, народу было больше. Впрочем, она почти ничего не помнила.

На дрожащих ногах они пошли по трапу. Вокруг не было заметно ни одного патрульного. Только в отдалении занимались своими делами несколько рабочих.

Внутри на них обрушился поток воздуха, взметнув платье Валоны. Ей пришлось придержать подол руками.

— Здесь всегда так дует? — спросила она.

Валона впервые в жизни поднялась на борт космического корабля, о чем прежде даже не мечтала. Ее губы побелели, сердце колотилось.

— Нет, только во время проветривания.

Рик с удовольствием шел по твердым металлитовым мостикам, нетерпеливо заглядывая в пустые каюты.

— Сюда!

Это была бортовая кухня.

— Еда — не главное, — торопливо сказал Рик. — Без еды можно обходиться довольно долго. Главное — вода.

Порывшись в аккуратно расставленной посуде, он достал большой контейнер с крышкой. Огля-

нулся в поисках крана, бормоча под нос, что, мол, надеется, они не забыли наполнить водой баки, и с облегчением вздохнул, когда послышался звук заработавшего насоса, а в контейнер полилась вода.

— Возьми несколько консервных банок. Не слишком много. Нельзя, чтобы пропажу заметили. — Рик задумался, как понадежнее спрятаться на корабле.

И опять что-то шевельнулось в памяти. Время от времени он все еще сталкивался с лакунами в воспоминаниях, но трусливо избегал их, не желая признавать существование пробелов.

Он привел Лону в небольшую каюту, где хранилось противопожарное и сварочное оборудование, средства оказания первой помощи и хирургические принадлежности.

— Сюда зайдут только в чрезвычайной ситуации, — неуверенно сказал он. — Боишься, Лона?

— С тобой я ничего не боюсь, — застенчиво ответила она.

Два дня назад… Да что там дни! Всего двенадцать часов назад все было совершенно иначе. Но на борту космического корабля они каким-то образом поменялись ролями, и Лона не сомневалась: Рик стал взрослым, а она — ребенком.

— Нам нельзя будет зажигать свет, иначе они заметят увеличение расхода энергии. Туалетом придется пользоваться после отбоя и стараться не попасться на глаза кому-нибудь из ночной смены.

Сквозняк внезапно прекратился. Холодный воздух перестал обдувать их лица, слабый непрерывный гул стих, на корабль опустилась тишина.

— Скоро начнется посадка, — сказал Рик, — и мы с тобой полетим в космос.

Валона никогда прежде не видела Рика таким счастливым. Он напоминал влюбленного, спешащего на встречу с любимой. Если утром он проснулся взрослым мужчиной, то сейчас, пожалуй, стал великаном, готовым обнять всю галактику. Звезды стали его стеклянными бусами, а туманности — паутиной, которую было легко смахнуть.

Наконец-то он был на корабле! Старые воспоминания хлынули непрерывным потоком, вытесняя недавние. Кыртовые поля, ткацкая фабрика, колыбельные Валоны стремительно забывались, превращаясь в крохотные узелки на полотне, в то время как разорванные концы нитей медленно сплетались воедино.

Это все благодаря кораблю!

Если бы его сразу отвели на корабль, ему не пришлось бы так долго ждать, когда восстановятся перегоревшие клетки мозга.

— Теперь не волнуйся, — тихо сказал он в темноте Валоне. — Сейчас ты почувствуешь вибрацию и услышишь шум. Это двигатели. Потом на тебя навалится тяжесть, но это всего лишь ускорение.

У флориниан цев не было подходящего слова, и Рик использовал другое, которое вспомнилось само. Однако Валона все равно ничего не поняла.

— Это больно?

— Скорее неудобно, поскольку у нас с тобой нет специальной экипировки, которая компенсировала бы перегрузки. Но все закончится быстро. Встань у стены, а когда почувствуешь, что тебя к ней придавило, расслабься. Готова? Сейчас начнется.

Рик встал у правой стены. Рокот маршевых гиператомных двигателей нарастал, вектор гравитации изменился, и вертикаль стены начала превращаться в диагональ.

Валона всхлипнула, потом замолчала, тяжело задышав. Оба они хватали ртом воздух. Их легкие в сдавленных грудных клетках, не защищенных

ремнями и гидравлическими амортизаторами, с трудом старались сделать вдох. Рику удалось произнести несколько слов, не вдумываясь в их смысл, лишь бы унять страх Валоны перед неведомым. Этот страх должен был ее переполнять. Корабль — это всего только чудесный корабль, но она никогда прежде не бывала на кораблях.

— Еще, конечно, остается прыжок, во время которого мы пройдем через гиперпространство и мгновенно преодолеем расстояние от звезды до звезды. Но ты не волнуйся, мы ничего не почувствуем, — сущая чепуха по сравнению с ускорением, просто в животе чуточку дернется, и все, — бормотал он, по буквам выдавливая слова.

Это продолжалось довольно долго.

Постепенно давление на грудь уменьшилось, невидимые узы в последний раз натянулись и лопнули. Рик с Валоной, задыхаясь, повалились на пол.

— Рик, тебе плохо? — спросила она через какое-то время.

— Мне? Плохо? — Он слабо засмеялся.

Он еще толком не перевел дух, но не мог не смеяться при мысли, что ему может стать плохо на корабле.

— Лона, я долгие годы прожил в космосе. Мне

случалось по нескольку месяцев не приземляться на планеты.

— Почему? — Она подползла поближе и погладила рукой его щеку, словно убеждаясь, что он никуда не делся.

Рик обнял ее за плечи, и Лона прижалась к нему, охотно принимая это изменение в их отношениях.

— Почему? — повторила она.

Он не помнил. Так было, и все. По каким-то причинам он ненавидел высаживаться на планеты. Он должен был оставаться в космосе. Почему? Еще один провал. Ладно, пока замнем.

— Такова была моя работа.

— Да, я помню. Ты анализировал Ничто.

— Верно, — с удовольствием согласился он. — Именно этим я и занимался. Знаешь, что это означает?

Рик не ждал, что Лона его поймет, но ему хотелось выговориться. Он упивался воспоминаниями, радовался, как пьяный, тому, что может вызвать их по щелчку ментального «пальца».

— Дело в том, что Вселенная состоит из сотен различных субстанций. Мы называем их химическими элементами. Железо, медь и многое другое.

— Я думала, это металлы.

— Да, металлы, но в то же время — элементы. Еще есть кислород, азот, углерод, палладий… Самые главные — водород и гелий, они наиболее простые и распространенные.

— Никогда о таких не слыхала, — задумчиво протянула Валона.

— Вселенная на девяносто пять процентов состоит из водорода, почти все остальное — это гелий. Космического пространства это тоже касается.

— Нам говорили, что космос — это вакуум, а вакуум значит, что там вообще ничего нет. Так это неправда?

— Не совсем. Там почти ничего нет. Но, как ты знаешь, я был пространственным аналитиком, то есть путешествовал по космосу, собирал микроскопические количества элементов и анализировал их, чтобы понять, сколько в них водорода, сколько гелия и всего прочего.

— Зачем?

— Сложно объяснить. Видишь ли, комбинации элементов в космосе везде разные. Где-то гелия больше нормы, где-то — натрия и так далее. Области с особенным составом текут в космосе, подобно рекам. Мы так их и называем:

космические течения. Для того чтобы понять, как возникла и развивалась Вселенная, нужно разобраться в устройстве этих течений.

— И как это поможет?

— Ну, точно пока никто не знает, — замялся Рик.

Он испугался, что гигантский запас познаний, в котором теперь утопал его мозг, может внезапно закончиться, сменившись клеймом «неизвестно» из-за вопроса, заданного… Внезапно он понял, что Валона — всего-навсего деревенская девчонка с Флорины.

— Короче, — торопливо продолжил он, — мы определяем плотность… как бы тебе объяснить… ну, пусть будет — густоту космического газа в различных областях галактики. Она тоже везде разная, и нам нужно ее знать, чтобы корабли могли точно рассчитать прыжок через гиперпространство. Это похоже на… — Он умолк.

Валона напряженно ждала, но Рик молчал.

— Рик, что случилось? — хрипло прошептала она в темноте.

Он не ответил. Валона схватила его за плечи и потрясла:

— Рик! Рик!

— Лона, мы поступили глупо.

Голос принадлежал тому, старому, Рику, слабому и испуганному. Вся радость и уверенность исчезли бесследно.

— Ты о чем? Почему глупо?

В его голове отчетливо встала сцена убийства Пекаря, словно вынесенная на поверхность прочими нахлынувшими воспоминаниями.

— Нам не надо было убегать. И на корабль забираться не стоило.

Рика трясло, Валоне то и дело приходилось вытирать ладонью его покрытый испариной лоб.

— Но почему, Рик, почему?

— Потому что, если Пекарь решился среди бела дня вывести нас в город, следовательно, он не ждал проблем от патрульных. Ты помнишь патрульного? Того, который застрелил Пекаря?

— Да.

— И лицо его помнишь?

— Я лица не разглядела.

— А я разглядел. Оно показалось мне тогда странным, но обдумывать было некогда. Лона, это был не патрульный! Это был староста. Староста в мундире патрульного.

Глава 8
Леди

Сэмия Файф была всего пяти футов ростом, и все эти шестьдесят дюймов кипели от раздражения. На дюйм роста приходилось полтора фунта веса — и каждый из ее девяноста фунтов был шестнадцатью унциями чистого гнева.

Она металась из угла в угол. Темные волосы собраны в высокую прическу, каблуки увеличивали рост. Узкий, с ямочкой подбородок дрожал.

— Нет, — бормотала она, — он не должен, не может так со мной поступить. Капитан!

Голос прозвучал резко и властно.

— Госпожа. — Капитан Рейсити поклонился, предчувствуя бурю.

Для флоринианцев он, разумеется, был нобилем (для них любой уроженец Сарка — нобиль). Вот только в действительности нобиль нобилю рознь, и капитан нобилем только назывался, а Сэмия Файф — была на самом деле. Точнее, нобилем в юбке, что, впрочем, одно и то же.

— Госпожа?

— Я не потерплю, чтобы мне приказывали.

Я уже не в том возрасте. Я сама себе хозяйка и желаю остаться здесь.

— Прошу вас, госпожа, поймите, я тут ни при чем, — осторожно сказал капитан. — Моего мнения никто не спрашивал. Мне приказали, прямо и недвусмысленно.

Он робко вертел в руках копию приказа. Капитан уже дважды пытался всучить документ Сэмии Файф, но та решительно отказывалась на него взглянуть, словно таким образом могла с чистой совестью сделать вид: она не знает, в чем состоит долг Рейсити.

— Меня не интересует, что вам там приказали, — в очередной раз повторила она, развернулась и, цокая каблучками, зашагала прочь.

Капитан последовал за ней, бубня:

— В приказе говорится, что, если вы откажетесь добровольно подняться на корабль, я, прошу прощения, должен буду отнести вас туда на руках.

— Вы не посмеете! — вскинулась она.

— Если учесть, кто отдал мне данный приказ, то, наверное, посмею.

— Послушайте, капитан, ведь на самом деле никакой угрозы нет, правда? — попыталась умаслить его Сэмия. — Это же просто смешно. Форменное сумасшествие. В Городе все спокойно.

Подумаешь, одного патрульного стукнули по голове. Тоже мне, происшествие!

— А второго этим утром убили. И вновь — во время нападения флоринианцев.

Она явно была потрясена известием, но глаза упрямо сверкнули, а на смуглых щеках проступил румянец:

— Какое отношение это имеет ко мне? Я не служу в патруле.

— Госпожа, корабль готовят к старту, скоро он взлетит, и вы должны быть на борту.

— А моя работа? Мои исследования? Вы хоть понимаете… Нет, куда вам!

Капитан промолчал, и она отвернулась. Отливающее медью платье из кырта, отделанное молочными нитями серебра, подчеркивало необычайную гладкость и теплоту ее плеч и рук. Во взгляде капитана сквозило нечто большее, нежели пустая учтивость и почтительная сдержанность, с которыми простым саркцам следует смотреть на высокородную даму. Его удивляло, для чего столь соблазнительной пташке, пусть и росточком с птенца, посвящать свою жизнь ученым штудиям, строя из себя профессоршу.

Сэмия прекрасно осознавала, что научное рвение превратило ее в объект насмешек тех, кто

полагал, будто удел аристократки — блистать в свете и, возможно, стать ходячим инкубатором для двух новых нобилей (не меньше, но и не больше). Сэмии было все это неинтересно.

К ней частенько подходили и с улыбочкой спрашивали: «Вы правда пишете книжку? Ой, а можно посмотреть?»

Так в основном поступали женщины. Мужчины, с их добродушной снисходительностью, были и того хуже: полностью уверены в том, что стоит им на нее взглянуть или обнять за талию, как вся «чепуха» тут же выветрится у Сэмии из головы.

Сэмия страстно увлекалась кыртом сколько себя помнила, хотя все прочие принимали его как должное. Кырт! Король, император, бог всех тканей! Любая метафора кажется слишком бесцветной.

По химическому составу кырт являлся разновидностью целлюлозы. По крайней мере, сами химики в этом клялись. Однако никакие их приборы и теории не могли объяснить, почему на Флорине — и только на Флорине — целлюлоза становится кыртом. «Вопрос молекулярной структуры» — вот и все, что они могли ответить. Но спроси их, чем молекулярная структура кырта отличается от структуры обыкновенной целлю-

лозы, — лишь пожмут плечами.

Впервые Сэмия услышала об этой загадке от няни.

— Почему мое платьице так блестит, нянюшка?

— Потому что это кырт, Мия, деточка.

— А почему другие платьица не блестят, нянюшка?

— Потому что они не из кырта, Мия, деточка.

Вот и весь сказ.

Тогда Мия старательно прочитала недавно вышедшую двухтомную монографию, посвященную кырту. С таким же успехом она могла ограничиться нянькиным объяснением: кырт — это кырт, потому что он — кырт. А то, что не кырт, — не кырт, потому что оно — не кырт.

Сам по себе кырт не блестел. Но если правильно спрясть нить, она сияла на солнце, металлически отливая различными оттенками, а то и всеми цветами радуги сразу. Специальная пропитка придавала нити алмазный блеск. Без особых усилий ткань можно было сделать жаростойкой (до шестисот градусов по Цельсию) и инертной почти ко всем реактивам. Кыртовые волокна легко было спрясть тоньше любой синтетики, но при натяжении они оставались прочнее самого

прочного бетоносплава.

Ни одно известное вещество не могло соперничать с кыртом по универсальности применения. Если бы не цена, кырт давно бы заменил стекло, металл и пластмассу. Это был единственный материал, который использовали в качестве визирных нитей в оптических приборах. Из него делали формы для отливки гидрохронов гиператомных двигателей и легкие, долговечные тросы там, где металл оказывался чересчур хрупок, или слишком тяжел, или то и другое сразу.

Однако все это можно было, как говорится, по пальцам пересчитать, поскольку кырта катастрофически не хватало. Почти весь урожай, собранный на Флорине, шел на изготовление тканей для пошива самой изысканной одежды в галактике. Флорина одевала аристократию миллиона планет, кырт же рос на одной-единственной, и его урожай распределялся по крупицам. Двадцать женщин планеты могли позволить себе полный наряд из кырта; еще две тысячи — праздничное платье или пару перчаток. Двадцати миллионам оставалось смотреть и глотать слюнки.

Во всей галактике распространена была пословица, характеризующая сноба. Единственная идиома, которую одинаково понимали везде и

всюду: «Можно подумать, он сморкается в кыртовый носовой платок!»

Однажды Сэмия пришла к отцу и спросила:

— Папа, что такое кырт?

— Это твой хлеб с маслом, Мия.

— Мой?

— Ну, не только твой, конечно. Это хлеб с маслом для всего Сарка.

И она быстро разобралась почему. В галактике не было ни одной планеты, которая не попыталась бы вырастить у себя кырт. Когда-то Сарк казнил любого, кто пытался контрабандой вывезти семена кырта с Флорины. Тем не менее некоторым удавалось проскользнуть непойманными. Шли столетия, правда выплыла наружу, и закон о смертной казни был отменен. Отныне любой желающий мог свободно купить семена по цене готового кыртового полотна в пересчете на вес.

Оказалось, что кырт рос кыртом только на Флорине. На всех прочих планетах вы получали обычную целлюлозу. Белую, тусклую, непрочную — и бесполезную. Даже старый добрый хлопок и то лучше.

Может быть, дело в почве Флорины? Или в излучении ее солнца? Или в штаммах местных

бактерий? Были проверены все гипотезы. Взяты образцы почвы, искусственно воссоздан спектр звезды, разведены флоринианские бактерии… А семена давали все такую же белую, тусклую, непрочную и бесполезную целлюлозу.

Сколько же всего можно было рассказать о кырте! Того, чего не найдешь ни в научных статьях, ни в технических отчетах, ни даже в туристических справочниках. Уже пять лет Сэмия мечтала написать истинную историю кырта — о землях, на которых он рос, и людях, которые его растили.

Над ее мечтой смеялись, но Сэмия не отступала. Она настояла на том, чтобы полететь на Флорину. Собиралась провести один сезон в полях и несколько месяцев на прядильнях. Собиралась… Какое это теперь имеет значение? Ей приказали вернуться.

Она приняла решение с характерной для нее импульсивностью. Ничего — прилетит на Сарк и уж там добьется своего. Не позже чем через неделю она снова будет на Флорине, с мрачной решимостью пообещала себе Сэмия.

— Когда старт, капитан? — холодно поинтересовалась она.

Сэмия оставалась у смотрового люка до тех пор,

пока Флорина не исчезла из виду. Зеленая, цветущая планета, с куда более приятным климатом, нежели Сарк. Сэмия вспомнила, с каким нетерпением хотела начать изучение жизни туземцев. Флориниан цы, жившие на Сарке, ей никогда не нравились. Серые людишки, не осмеливавшиеся поднять на нее глаза, но послушно отворачивающиеся, как того требует закон. Однако у себя дома, по общему мнению, туземцы жили счастливо и беззаботно. Бестолковые, сущие дети, но со своим особенным очарованием.

Ее размышления прервал голос капитана Рейсити:

— Госпожа, не угодно ли вам проследовать в вашу каюту?

— У вас новые приказы? — Она подняла на него глаза, между бровями пролегла морщинка. — Я под арестом?

— Нет, что вы! Простая предосторожность. Космопорт был на редкость безлюден перед нашим стартом. Говорят, флориниан цы убили еще одного патрульного, и космопорт остался без охраны. Все силы были брошены в Город.

— Я-то тут при чем?

— Видите ли, я, конечно, не снимаю с себя ответственности, однако только в таких об-

стоятельствах на корабль могли проникнуть посторонние.

— Зачем?

— Не могу сказать. Но вряд ли для того, чтобы нас развлечь.

— Капитан, вы бредите.

— Увы, нет, госпожа. Наша энергометрия была бесполезна вблизи солнца Флорины, а теперь я совершенно точно могу сказать, что наблюдается избыточное тепловое излучение из аварийного склада.

— Вы это серьезно?

— Излучение эквивалентно теплу, которое производят два человеческих тела. — Худое невыразительное лицо капитана на краткий миг сделалось надменным.

— Или одному обогревателю, который забыли выключить.

— На наших аварийных складах нет обогревателей, госпожа. Мы собираемся провести расследование, но сначала я прошу вас вернуться в каюту.

Сэмия кивнула и ушла. Две минуты спустя голос по интеркому произнес:

— Проникновение на аварийный склад.

Если бы Мирлин Тиренс хоть ненамного осла-

бил самоконтроль, то впал бы в истерику. Может быть, так было бы даже лучше. Возвращаясь в пекарню, он опоздал. Они уже вышли. Тиренсу несказанно повезло, что он заметил их на улице. Дальше за Тиренса действовал кто-то другой. Миг — и Пекарь замертво свалился у его ног.

Толпа забурлила, и Рик с Валоной буквально растворились в ней. Потом, словно стервятники, налетели аэрокары патрульных, настоящих патрульных, и что было делать Тиренсу?

Первым порывом было броситься вслед за Риком, но Тиренс его подавил. Так действовать не годилось. Он ни за что не нашел бы их в толпе, а вот шанс самому попасться в лапы патрульных был бы велик. И Тиренс побежал назад к пекарне.

Оставалось надеяться, что долгие годы спокойной жизни расхолодили патрульных. Уже около двух столетий на Флорине не случалось ни одного восстания. Институт старост творил чудеса. Тиренс криво усмехнулся. На долю патрульных доставались лишь дежурные полицейские функции. Их организации теперь не хватало навыка слаженной командной работы, который развивается при более суровых обстоятельствах.

На рассвете Тиренс зашел в участок, где, несо-

мненно, на него уже имелась ориентировка, однако ей, очевидно, никто не придал значения. Одинокий дежурный с мрачно-скучающим видом поинтересовался, какое дело привело к нему старосту. Дело меж тем было простым: пластмассовый брусок, который Тиренс выломал из стены лачуги на окраине города.

Он стукнул патрульного по голове, переоделся в его мундир и забрал оружие. Список преступлений был велик, и Тиренс даже не ужаснулся, обнаружив, что патрульный не оглушен, а убит.

Тем не менее он все еще был на свободе, заржавевшая машина патрульного сыска пока тарахтела впустую.

Он подошел к пекарне. Старик — помощник Хорова — торчал в дверях, пытаясь разобраться в причине переполоха. Увидев серебряно-черный мундир, он тоненько пискнул и юркнул внутрь. Староста последовал за ним. Пухлой рукой поймал старика за воротник и встряхнул.

— Куда ушел Пекарь?

Старик беззвучно открывал и закрывал рот.

— Я только что убил человека. И тебя убью, если придется.

— Прошу вас, сэр, не надо! Я ничего не знаю.

— Значит, умрешь за то, что не знаешь.

— Хоров ничего мне не сказал. Кажется, он где-то что-то бронировал.

— Ага, ты все-таки подслушивал! Что еще ты услышал?

— Он обмолвился о Вотексе. Думаю, бронировал места на космическом корабле.

Тиренс отшвырнул старика.

Надо было переждать. Пересидеть суматоху. Рискнуть тем, что в пекарню ввалится настоящий патруль. Но и медлить было нельзя. Что предпримут его бывшие товарищи? Рик, конечно, непредсказуем, но Валона — девица разумная. Судя по тому, как удирали, они приняли его за патрульного. Валона, как пить дать, решит, что единственное спасение — это космический полет, который для них подготовил Пекарь. И места он бронировал явно для них. Следовательно, корабль будет ждать, а они отправятся в космопорт.

Тиренс должен добраться туда первым.

Положение было отчаянным. Все остальное утратило значение. Если он потеряет Рика, то потеряет и оружие против тирании Сарка, а его собственная жизнь… Что же, невелика потеря.

Без малейшего колебания Тиренс покинул пекарню. Средь бела дня. Хотя патрульные уже

наверняка искали человека, одетого в их форму, а неподалеку кружили два аэрокара.

Староста знал, с какого космопорта должен был взлететь корабль. Подходящий на планете был только один. Имелись несколько небольших космодромов в Верхнем городе, с которых взлетали частные яхты, и сотни других, разбросанных по всей планете, откуда стартовали лишь неповоротливые грузовые суда, увозящие на Сарк рулоны кырта и возвращающиеся со станками и кое-какими товарами.

Для простых путешественников вроде небогатых саркцев, флориниансκой прислуги или получивших визу туристов годился лишь один.

Флориниανец на турникете с живым интересом наблюдал за приближением Тиренса. Окружающий вакуум безлюдия действовал на нервы.

— Приветствую вас, сэр, — сказал служащий. — Переполох-то какой в Городе, а?

В его тоне прозвучала нотка жадного злорадства. Ну да, ведь убиты патрульные. Тиренс на провокацию не поддался. Надвинул пониже козырек фуражки, застегнул верхнюю пуговицу кителя и гаркнул:

— Проходили на территорию космопорта двое, мужчина и женщина, направляющиеся на Во-

текс?

Служащий вытаращил глаза и едва не поперхнулся.

— Да, сэр, — его голос сделался униженным, краска бросилась ему в лицо. — Около получаса назад, даже меньше. Неужели они замешаны в том, что случилось с вашим… Сэр, документы у них были в полном порядке, иначе бы я ни за что их не пропустил.

Тиренс проигнорировал его лепет. Документы, видите ли, в порядке! Пекарь обстряпал все за одну ночь. О, галактика! Насколько же глубоко Трантор внедрил своих шпионов в администрацию Сарка?

— Их имена?

— Гарет и Ханса Барн.

— Корабль уже взлетел? Отвечай, быстро!

— Н-нет, сэр.

— Терминал?

— Семнадцатый.

Тиренс удержался от того, чтобы не сорваться на бег, хотя его быстрая походка от бега отличалась лишь немногим. Будь поблизости настоящий патрульный, эта недостойная трусца стала бы последней прогулкой Тиренса на свободе.

У главного шлюза корабля стоял космонавт в

офицерской форме.

— Поднимались ли на борт Гарет и Ханса Барн? — спросил запыхавшийся Тиренс.

— Нет, не поднимались, — флегматично ответил офицер. — Хотите передать им сообщение?

Он был саркцем, и мундир патрульного не произвел на него впечатления.

— Но вы сказали, что на борту их нет! — теряя терпение, воскликнул Тиренс.

— Ну, сказал. Кстати, ждать их мы не собираемся. Уйдем по расписанию — с ними или без них.

Тиренс бросился обратно к турникету.

— Они выходили?

— Выходили? Кто, сэр? — удивился служащий.

— Эти Барны с Вотекса. На борту их нет. Они ушли?

— Нет, сэр, насколько мне известно.

— Здесь есть другой выход?

— Нет, сэр. Этот — единственный.

— Ищи их, тупой болван!

Служащий схватился за трубку интеркома. Еще ни один патрульный не орал на него с такой злобой. Душа ушла в пятки. Две минуты спустя он положил трубку.

— Никто не покидал территорию космопорта, сэр.

Тиренс тяжело посмотрел на служащего. Голова под черной фуражкой вспотела, светлые волосы слиплись, на лице выступила испарина.

— Улетал ли какой-нибудь корабль после того, как эти двое вошли?

Служащий сверился с расписанием:

— Да, сэр. Лайнер «Стремительный». Спецрейс, сэр. «Стремительный» должен доставить с Флорины на Сарк госпожу Сэмию Файф, — прибавил он, надеясь умилостивить рассерженного патрульного, хотя не стал говорить, каким образом ему удалось подслушать конфиденциальную информацию.

Но Тиренсу было уже все равно. Он медленно побрел прочь. Отбросьте невозможное, и то, что останется, будет правдой, какой бы невероятной она ни казалась. Рик с Валоной вошли в космопорт. Они не могут просто бродить по зданию, их бы уже арестовали, и служащий знал бы об этом. Они не поднялись на борт корабля, на который им купили билеты. Они не покидали космопорт. Единственный улетевший корабль — это лайнер «Стремительный». Следовательно, на нем и находятся Рик с Валоной — может быть, в качестве пленников, может, безбилетников. Впрочем, это одно и то же.

Если они проникли на корабль без билетов, то очень скоро станут пленниками. Только флоринианская девчонка-ткачиха и полубезумный тип могли вообразить, что смогут спрятаться на современном корабле.

Ко всему прочему, из всех кораблей они умудрились выбрать лайнер, на котором летит дочь нобиля Файфа.

Нобиля Файфа!

Глава 9
Нобиль

Файф был самым высокопоставленным человеком на Сарке и не желал, чтобы кто-нибудь видел его в полный рост. Дело в том, что Файф, как и его дочь, был невысок. Однако ему недоставало ее пропорциональности: ноги были чересчур коротки. Торс — отменно мускулист, голова — определенно величава, вот только ноги подвели.

Поэтому он сидел за столом, и никто, кроме дочери, личных слуг и жены, когда та была еще жива, не видел Файфа в каком-либо ином положении.

За столом он выглядел тем, кем являлся в действительности. Лицо с широким, тонкогу-

бым ртом, крупным носом и выступающим раздвоенным подбородком могло принять как милостивое, так и суровое выражение. Длинные вопреки моде до плеч иссиня-черные волосы зачесаны назад. Их еще не тронула седина. Щеки синели пробивающейся щетиной, с которой его флориниански брадобрей самоотверженно боролся два раза в день.

Файф был позером — и прекрасно это знал.

Вот и сейчас он придал своему лицу тщательно отрепетированное выражение. Сильные, короткопалые руки покоились на столе. Гладкая полированная столешница была совершенно пустой. Ни бумаг, ни коммуникатора, ни украшений. Простота подчеркивала величие самого Файфа.

Со своим бледным, точно вареная рыба, секретарем он разговаривал особенно безжизненным тоном, который приберегал для роботов и флориниански служащих:

— Я полагаю, все согласились?

В ответе он практически не сомневался.

— Господин де Борт заявил, — в тон ему сказал секретарь, — что обязательства по предыдущим деловым встречам не позволяют ему прибыть раньше трех.

— А что ты?

— Я ответил, что характер данной встречи делает любую задержку недопустимой.

— И?

— Он прибудет, сэр. Остальные согласились безоговорочно.

Файф улыбнулся. Полчаса туда или сюда ничего бы не изменили. Но пора было задействовать новый принцип взаимоотношений. Великие нобили трепетно воспринимали свою независимость, с этим нужно было покончить.

Теперь оставалось ждать. Просторный кабинет был подготовлен для встречи. Громадный хронометр, чья крошечная, но мощная радиоактивная искра не подводила уже тысячу лет, показывал два часа двадцать одну минуту.

Ну и суматошные же деньки выдались! Такие разве что старый хронометр упомнит.

А повидать ему за тысячелетие довелось немало. Когда он только начал отсчитывать свои первые минуты, Сарк был новооткрытой планеткой, где города строились из подручных материалов и контакты со старыми мирами еще толком не наладились. Хронометр тогда находился в стене старого здания, чьи кирпичи давно превратились в пыль. Пока он исправно отсчи-

тывал часы и минуты, на планете сменилось три недолговечные «империи», в эпоху которых недисциплинированные солдаты с переменным успехом овладевали полудесятком окрестных планет. Радиоактивные атомы внутри часового механизма расщеплялись, согласно строгому статистическому закону, в те два периода, когда уже космофлоты соседних миров диктовали условия самому Сарку.

Пятьсот лет назад часы отсчитывали спокойные времена, а Сарк обнаружил на землях ближайшей к нему планеты, Флорины, настоящее сокровище. Потом они пережили две победоносные войны и торжественно «пробили» наступление мира: Сарк завоевал Флорину. Саркцы отринули имперское прошлое и впились всеми зубами и когтями в эту планету. Их могущество не снилось даже Трантору.

Трантор и прочие сильные мира сего мечтали отобрать Флорину. Жадные руки тянулись к ней со всей галактики. Но Сарк впился в планету мертвой хваткой, которую не разжал бы даже ценой галактической войны.

Трантор это прекрасно знал. Знал!

Хронометр работал беззвучно, но в голове Файфа звучало: «Тик-так, тик-так».

Два двадцать три.

Около года назад состоялась встреча пяти знатнейших нобилей Сарка. Тогда, как и в этот раз, она проходила в кабинете Файфа. Как и в тот раз, каждый из пятерки оставался на своем континенте, а встреча должна была пройти в форме «тримерсионального воплощения».

Грубо говоря, это было трехмерное цветное телевидение, изображение в натуральную величину со звуком. Подобные дубликаторы имелись во всех состоятельных домах Сарка. Отличие кабинета Файфа было в видимом отсутствии приемника. Если не считать хозяина, гости могли присутствовать всеми возможными способами (кроме собственных тел, разумеется). Они не были прозрачными, не гудели, но ваша рука проходила сквозь них, не встречая сопротивления.

Настоящее тело господина Руна оставалось на противоположном континенте, где теперь была ночь. Изображение Руна окружал куб холодного искусственного света, несколько потускневшего в лучах солнца из окна кабинета Файфа.

Здесь сейчас собрался, будь то в физическом облике или в виртуальном, сам Сарк. Странная и не слишком впечатляющая персонификация. Рун был лысым, розовым толстяком. Балль — седым,

высохшим и морщинистым. Стин — напудренным и нарумяненным; его вымученная улыбка была улыбкой человека, стремящегося выказать давно утраченную жизненную силу. Борт до того безразлично относился к этикету, что противно было смотреть на его двухдневную щетину и грязь под ногтями.

И все же эти пятеро были великими нобилями Сарка. Третьей — и высшей — ступенью его правящих сил.

На самой низшей, разумеется, находилась флоринианская государственная служба, которую никак не затрагивали взлеты и падения отдельных домов саркского нобилитета. Именно выходцы с Флорины смазывали оси и вращали колеса правительства. Бюрократической мелочью управляли министры и главы департаментов, назначаемые потомственным (и безвластным) главой государства. Их подписи, как и подпись главы, требовались для придания документам юридической силы. И это, по сути, было единственной обязанностью чиновников.

На высшей же ступени власти расположились эти пятеро. Каждому из них, по взаимному молчаливому согласию, принадлежало по континенту. Они были главами родов, владевших

большей частью торговли кыртом и доходами от нее. Власть — а в конечном счете и политику — Сарка определяли деньги, и деньги были в их руках. Самым же богатым и влиятельным среди пятерых был Файф.

Год назад, собрав хозяев второй по богатству планеты галактики (второй после Трантора, который «доил» около полумиллиона планет), Файф объявил:

— Я получил прелюбопытное известие.

Нобили не ответили. Они ждали.

Файф передал секретарю лист металлитовой пленки. Тот по очереди обошел всех четверых и, не выпуская листа из рук, позволил им прочитать. Сейчас из всех пятерых в кабинете только он был живым человеком. Остальные, включая самого Файфа, — тенями. Как и металлитовый лист. Они могли лишь наблюдать, в то время как оптические потоки, фокусировавшиеся на континентах Файфа, де Балля, Борта, Стина и острове-материке Руна, мгновенно преодолевали огромные расстояния. И слова, которые они читали, были тенью теней.

Борт, слишком непосредственный и не изощренный в общении, забывшись, потянулся к листу. Рука, попытавшаяся дотронуться до пря-

моугольника графического детектора, исчезла. Теперь она заканчивалась ровной культей. Файф усмехнулся, представив, как сидящий у себя на континенте Борт попытался схватить ничто. Ухмыльнулись и остальные. Стин даже хохотнул. Борт побагровел и отдернул руку. Ладонь вернулась на место.

— Что же, — продолжил Файф, — вот и вы с этим ознакомились. Если не возражаете, теперь я прочту сообщение вслух, чтобы вы в полной мере оценили его важность.

Он шевельнул рукой. Секретарь подскочил к нему и поднес пленку так, чтобы Файф мог читать, не касаясь листа.

Файф декламировал с выражением, словно сам был автором этого сообщения, и чтение вслух явно доставляло ему удовольствие:

— «Вы — великий нобиль Сарка, никто не сравнится с вами в силе и богатстве. И все же ваша власть зиждется на хлипком основании. Вам представляется, что промышленное выращивание кырта на Флорине „хлипким основанием“ отнюдь не назовешь, но спросите себя: сколько еще просуществует Флорина? Думаете, вечно? Нет! Флорина может погибнуть уже завтра, а может просуществовать еще тысячу лет. И пер-

вое — более вероятно. Не от моих рук, конечно, но таким образом, каким вы и представить себе не способны. Подумайте об этом. А заодно об исчезновении вашей власти и богатства. Я требую передать бóльшую их часть мне. Думайте, Файф, но не слишком долго. Если вы затянете с ответом, я сообщу всей галактике — и, в частности, жителям Флорины — о грядущей катастрофе. После этого не видать вам больше ни кырта, ни денег, ни власти. Мне, естественно, тоже, но я-то привык быть никем, а вы — нет. Вам, родившемуся в кыртовой рубашке, придется худо. Передайте бóльшую часть вашего состояния мне в том порядке и тем способом, которые я укажу в ближайшее время, и можете быть спокойны насчет остального. Остаток, по вашим нынешним запросам, наверное, покажется небольшим, но в противном случае вы останетесь вообще ни с чем. Не пренебрегайте этой малостью. Флорина может просуществовать до конца ваших дней, и вы будете жить если не роскошно, то вполне комфортабельно».

Закончив читать, Файф свернул пленку и осторожно вложил в прозрачный серебристый цилиндрик. Печатные буквы слились в красноватое пятно.

— Забавное письмецо, — сказал он как ни в чем не бывало. — Подписи нет, тон — напыщен и неестествен. Заметили? Что вы об этом думаете, господа?

— Писал сумасшедший, это очевидно. — На румяном лице Руна появилась гримаса досады. — Будто из исторического романчика передрал. Честно говоря, Файф, я не понимаю, зачем ради такой чуши надо было нарушать традиции уединения и вызывать нас всех к себе. Да еще вести разговоры в присутствии секретаря.

— Секретаря? Вам не нравится, что он флоринианец? Беспокоитесь, как бы не возбудился из-за содержания письма? Напрасно, — тон Файфа сменился с небрежного на властный: — Повернись к господину Руну.

Секретарь повиновался. Глаза его были опущены, на гладком белом лице отсутствовало всякое выражение. Кажется, что отсутствовала сама жизнь.

— Этот флориниан ец, — продолжил Файф, не обращая внимания на секретаря, — мой личный слуга. Он практически не расстается со мной и никогда не общается с соплеменниками. Но дело даже не в этом. Посмотрите на него внимательно. Загляните ему в глаза. Неужели не видите, что

он под действием психозонда? Он физически не способен меня предать. Если уж на то пошло, ему я доверяю куда больше, нежели вам. Без обид, господа.

— Какие уж там обиды, — усмехнулся Борт. — Нам действительно далеко до преданности психозондированного слуги.

Стин вновь хохотнул и заерзал в кресле, словно оно нагрелось под ним.

Никто больше не высказался по поводу того, что Файф применил психозонд к слуге. Сделай они это, Файф бы сильно удивился. Использовать психозонды было запрещено всем, включая великих нобилей. Его разрешалось применять лишь в отношении сумасшедших и преступников.

Тем не менее Файф использовал зонд всегда, когда считал полезным, особенно если речь шла о флоринианцах. Применение психозонда к саркцам было более щекотливым вопросом. Поговаривали, что Стин, чье ерзание при упоминании психозонда не ускользнуло от Файфа, использует зондированных флоринианцев обоих полов далеко не в качестве секретарей.

— Теперь к делу. — Файф сцепил короткие пальцы. — Я созвал вас не для того, чтобы развлекать чтением вслух писем чокнутых. Напротив, я по-

лагаю, у нас действительно возникла серьезная проблема. Первым делом я задался вопросом, коснулось ли это меня одного. Да, я — самый богатый из нас, но в моих руках — только треть торговли кыртом. Целиком ее контролируем мы впятером. Сделать пять целлокопий письма не труднее, чем одну.

— Сколько слов! — пробормотал Борт. — Что конкретно вы хотите?

— Он хочет выведать, лорд Борт, — сухие бесцветные губы на сером лице Балля едва шевелились, — не получали ли и мы подобных писем.

— Вот пусть и скажет об этом прямо.

— Я именно так и поступил, — ровным голосом отозвался Файф. — Ну и?

Нобили переглянулись, кто-то — с сомнением, кто-то — с вызовом, в зависимости от характера.

Первым решился заговорить Рун. Его розовое лицо покрывала испарина, он вытащил кыртовый платок и протер складки жира под подбородком.

— Я ничего не знаю, Файф. Спрошу у своих секретарей. Они, между прочим, саркцы. В конце концов, если подобное письмо и приходило, его наверняка сочли… как бы поточнее выразиться… чепухой, написанной психом. Передавать такое

мне никто бы не стал, будьте покойны. Ваш же стиль делопроизводства, как я вижу, не в состоянии оградить вас от мусора.

Он довольно оглядел собравшихся и улыбнулся. Влажно блеснули десны и зубные импланты из хромированной стали. Каждый искусственный зуб, вживленный в челюсть, был много прочнее настоящего. Улыбка Руна пугала сильнее, чем его сердитый взгляд.

— Полагаю, Рун озвучил наши общие мысли, — пожал плечами Балль.

— А я вообще никогда не читаю почту, — хихикнул Стин. — Правда-правда. Это скучно, да и времени нет при моих-то нагрузках.

Он с самым честным видом оглядел собеседников, как будто надеялся убедить их в серьезности своих слов.

— Слюнтяи, — бросил Борт. — Что с вами такое? Испугались Файфа? Вот что я вам скажу, Файф. Я не держу секретарей, потому что никто не должен стоять между мной и моим бизнесом. Да, я получил подобное письмо и абсолютно уверен, что эти трое — тоже. Хотите знать, что я с ним сделал? Выкинул в мусоропровод. И вам советую поступить аналогично. Все, с меня довольно, я устал.

Он протянул руку к тумблеру, собираясь оборвать связь и исчезнуть из кабинета Файфа.

— Подождите, Борт! — резко сказал тот. — Я еще не закончил. Вы же не хотите, чтобы решение было принято без вас? Или хотите?

— Давайте уж задержимся, Борт, — миролюбиво предложил Рун, хотя его крошечные, заплывшие жиром глазки смотрели жестко. — Я хочу понять, с чего это наш Файф так всполошился.

— Возможно, он считает, — от скрипучего голоса Балля сводило зубы, — что у таинственного отправителя имеется информация о нападении Трантора на Флорину.

— Пф-ф! — фыркнул Файф. — Откуда, хотел бы я знать? Уверяю, наша разведка достаточно компетентна. Да и как бы сумел этот человек, кем бы он ни был, остановить нападение, получив в качестве взятки наши богатства? Нет-нет, он пишет о гибели Флорины так, словно речь идет о физическом уничтожении, а не о политике.

— Тем более. Явный сумасшедший, — сказал Стин.

— Вы так считаете? — поднял бровь Файф. — То есть вы не придали особенного значения событиям последних двух недель?

— Каким еще событиям? — поинтересовался

Борт.

— Исчезновению пространственного аналитика. Уверен, вы об этом слышали.

— Да, Абель мне говорил. — Борт выглядел раздраженным и не желал успокаиваться. — Ну, пропал и пропал. Лично я знать ничего не знаю о пространственных аналитиках.

— Но вы, я надеюсь, читали его последнее сообщение на базу Сарка?

— Абель показывал. Говорю же, я не придал этому значения.

— А вы, господа? — Файф по очереди пристально посмотрел каждому в глаза. — Неужели вашей памяти не хватает даже на неделю?

— Ну, я читал, — сказал Рун. — Ах да, действительно! Там тоже говорилось о катастрофе! Вы к этому клоните?

— Послушайте, — пронзительно взвизгнул Стин, — в рапорте были лишь туманные намеки, смысла — ноль. Право слово, к чему нам все это обсуждать? Я едва избавился от Абеля, и тоже как раз перед ужином. Ужасно утомительно. Ужасно.

— Ничего не поделаешь, Стин. — Файф начал терять терпение: со Стином любой бы его потерял. — Мы должны все обсудить. Пространственный аналитик заявляет о гибели Флорины.

Потом он исчезает, а мы получаем письма с угрозами. Совпадение? Вряд ли.

— Полагаете, нас шантажирует пропавший аналитик? — ахнул Балль.

— Очень сомневаюсь. Зачем сначала отправлять сообщение под своим именем, а затем писать анонимки?

— Ну, сообщение-то он отправил на их базу, а не нам, — заметил Балль.

— Пусть так. Но шантажист постарается не связываться ни с кем, кроме жертвы.

— И что это значит?

— Аналитик исчез. Предположим, он честный человек. И одновременно — обладатель опасной информации. Он попадает в руки других людей, нечестных, и они начинают нас шантажировать.

— Каких еще «других людей»?

— Вы это серьезно? — процедил Файф, с мрачным видом откидываясь на спинку кресла. — Трантора, разумеется.

— Трантора! — высокий голос Стина дрогнул, нобиля передернуло.

— Кого же еще? Это самый простой способ завладеть Флориной. А ведь именно в этом и состоит главная цель их политики, и если удастся обстряпать все дельце без крови, тем лучше.

Посудите сами. Мы соглашаемся на абсурдный ультиматум — и Флорина, по существу, их. Они оставляют нам самую малость, — он свел большой и указательный пальцы, — но как долго мы сможем ее удержать? С другой стороны, предположим, мы проигнорируем письма (иначе быть не может). Что в этом случае сделает Трантор? Наверное, примется сеять слухи о грядущем конце света среди флоринианских туземцев. Те впадут в панику. Что за этим последует? Катастрофа. Разве можно заставить работать человека, знающего, что завтра его ждет смерть? Урожай сгниет на корню, склады опустеют.

Стин, глядя в зеркало, которое не попадало в зону действия куба-приемника, подправил пальцем румяна и сказал:

— В целом, это может пойти нам на пользу. Если запасы кырта уменьшатся, его цена лишь возрастет, разве нет? Затем, когда выяснится, что с Флориной ничего не случилось, туземцы вернутся к работе. Кроме того, мы всегда можем пригрозить, что ограничим экспорт. Как долго цивилизованный мир продержится без кырта? Не знаю, не знаю… В общем, ничего с «Королем Кыртом» не случится. А все эти письма — пустые хлопоты.

Он состроил скучающую мину, изящно подперев пальцем щеку.

Старый Балль, выслушавший его с закрытыми глазами, произнес:

— Цену больше поднимать нельзя. Она достигла своего потолка.

— Верно, — согласился Файф. — В любом случае серьезных проблем не предвидится. Трантор ждет начала смуты на Флорине. Если им удастся доказать галактическому сообществу, что Сарк сорвет поставки кырта, самым логичным для них будет двинуться на поддержание так называемого порядка во имя гарантированного снабжения. Как ни неприятно, остальные планеты галактики скорее всего поддержат Трантор. Особенно если имперцы пообещают ликвидировать монополию, увеличить производство и снизить цены. Выполнят ли они свои обещания — уже другая история, но сначала они получат поддержку. Только так Трантор сумеет завладеть Флориной. Если они просто попытаются захватить ее силой, планеты, не входящие в их союз, присоединятся к нам, ведь с нашей стороны это будет чистая самозащита.

— А какое касательство ко всему этому имеет пропавший аналитик? — спросил Рун. — В вашу

теорию он не вписывается.

— Вписывается, вписывается. Все аналитики — на редкость неуравновешенны. Вот и этот что-то там нафантазировал… — Файф пошевелил пальцами, словно возводя невидимый замок. — Причем даже не важно — что. Трантор все равно не осмелится предать огласке эту фантазию, иначе Бюро поднимет его на смех. Однако если они схватили аналитика, то имели возможность вызнать какие-нибудь подробности, могущие произвести впечатление на профанов. И тогда их история зазвучит убедительно. Бюро — транторская марионетка; никакие научные опровержения не смогут победить ложь, если она распространится в форме научных слухов.

— Чересчур замысловато, на мой вкус, — сказал Борт. — Дичь какая-то. Они не могут предать историю огласке, но в то же время должны это сделать.

— Они не могут допустить, чтобы она прозвучала как серьезное научное открытие, — терпеливо пояснил Файф. — Зато в виде слухов — почему нет? Неужели не понимаете?

— Почему тогда Абель упорно разыскивает пропавшего аналитика?

— А вы ждете, что он во всеуслышание объявит:

мол, этот тип сидит у меня? Настоящая деятельность Абеля и его дела напоказ — это совершенно разные вещи.

— Предположим, вы правы, — сказал Рун. — Нам-то как быть?

— Мы узнали об опасности, и это главное. Попробуем, если получится, разыскать пропавшего аналитика. Поместим под колпак всех известных нам шпионов Трантора — только ненавязчиво. Будем следить за ними и держать руку на пульсе. Нельзя допустить распространения на Флорине слухов о гибели планеты. Надо подавить в зародыше первый же самый слабый слушок. Главное — мы должны действовать заодно. Выступить единым фронтом. Вот в чем, с моей точки зрения, цель нашего собрания. Да, континентальная автономия священна, и никто не ратует за ее сохранение больше, чем я, — в том случае, когда речь идет об обычной ситуации. Нынешнюю обычной не назовешь. Надеюсь, вы это понимаете?

Они понимали. Кто более охотно, кто менее. Автономия — это не то, с чем просто расстаться.

— Итак, будем ждать их второго хода, — заключил Файф.

Этот разговор состоялся год назад. Они рас-

стались, а затем нобиля Файфа постигло самое странное и полное фиаско за всю его долгую и весьма удачную карьеру.

Второго хода не последовало. Никто из пятерых не получал новых писем. Пространственного аналитика так и не нашли, хотя Трантор продолжал бессмысленный поиск. Никаких апокалиптических слухов на Флорине не распространялось, сбор урожая кырта и его обработка шли своим чередом.

Рун взял за обыкновение звонить Файфу раз в неделю и интересоваться: «Ну, есть что-нибудь новенькое, Файф?»

При этом его жирные телеса так и тряслись от смеха.

Файф с мрачной бесстрастностью переносил эти звонки. А что еще ему было делать? Он вновь и вновь прокручивал в голове факты. Бессмыслица какая-то. Он явно что-то упустил, некий ключевой фактор.

Когда бомба взорвалась, Файф нашел ответ. Хотя и совершенно не тот, которого ожидал.

Пришлось вновь созвать совещание. Хронометр показывал два часа двадцать девять минут.

Нобили начали появляться один за другим. Первым — Борт: губы сжаты, палец с заусенцами

скребет грубую щетину. Вторым — Стин: свежеумытое, лишенное косметики лицо бледно и нездорово. Третьим — Балль: равнодушный, усталый, с ввалившимися щеками, в мягком кресле, рядом — стакан теплого молока. Последним, опоздав на две минуты, явился Рун: мокрогубый, угрюмый, опять поднятый среди ночи. Свет на сей раз он притушил, и фигура Руна казалась туманной глыбой в сумрачной дымке куба, которую не под силу было разогнать солнцу Сарка, светившему на полушарии Файфа.

— Господа, — начал Файф, — год назад я объявил вам об отдаленной и невнятной опасности. Я ошибался, господа. Опасность реальна и недалека. Она близко, она совсем рядом. Одному из вас уже известно, о чем я говорю. Другие сейчас узнают.

— На что это вы намекаете? — рявкнул Борт.

— На измену, — коротко ответил Файф.

Глава 10
Беглец

Мирлин Тиренс не был человеком действия. Именно это твердил он себе в качестве оправдания, покидая космопорт. Его разум словно

парализовало.

Он вынужден был идти спокойным шагом. Не слишком медленно, чтобы не приняли за слоняющегося без дела, но и не слишком быстро, чтобы не вызвать подозрений. Идти целенаправленно, как шагал бы патрульный по своим делам — скажем, к машине за углом.

Если бы только он действительно мог сесть в машину! Увы, вождению автомобилей флорианцев не обучали, даже старост.

Думать на ходу не получалось. Тиренсу требовались отдых и тишина. Он и ноги-то переставлял с трудом. Да, он не был человеком действия, однако за последние полтора дня ему пришлось действовать — и делать это быстро. Похоже, он израсходовал запас нервной энергии до донышка.

Однако остановиться и передохнуть Тиренс не решался. Будь теперь ночь, он, возможно, нашел бы, где пересидеть несколько часов. К сожалению, только перевалило за полдень. Умей он водить, быстро уехал бы из города и спокойно обдумал, что ему делать. Но в его распоряжении имелись только ноги.

Ах, если бы Тиренс смог все обдумать… Вот она — главная проблема. Если бы он мог остановиться… Остановить мгновение, заморозить время и

хорошенько все обмозговать… Должен же иметься какой-нибудь выход?

Тиренс с удовольствием погрузился в тень Нижнего города. Шел твердо, как настоящий патрульный, помахивая дубинкой-парализатором. Улицы пустовали. Народ попрятался по домам. Оно и к лучшему.

Тиренс придирчиво выбирал убежище. Логично было бы остановиться на каком-нибудь доме побогаче, из разноцветных пластмассовых панелей и с поляризованными стеклами в окнах. Законы бедности суровы, беднякам нечего терять. А вот тот, кому есть, из кожи вон вылезет, чтобы помочь «патрульному».

Тиренс свернул на дорожку к подходящему дому, стоявшему в стороне от проезжей части — тоже один из признаков зажиточности. Он сразу понял, что не придется ни барабанить в дверь, ни выламывать ее: за окном кто-то мелькнул (сколько же поколений потребовалось, чтобы флоринианцы приучились нюхом чуять приближение патрульного?). Дверь ему отопрут.

Так оно и оказалось.

Дверь открыла девушка, глаза — два больших круга в белой оправе. Совсем подросток, нескладная в своем платье с оборочками, свиде-

тельствовавшем об усилиях, которые прилагали родители, стремясь показать, что они не какое-то там «флоринианское отребье». Девочка, взволнованно дыша, отступила, пропуская Тиренса.

— Твой отец дома? — спросил он, захлопывая за собой дверь.

— Па! — закричала она. Потом добавила, уже тише: — Да, сэр.

Из соседней комнаты медленно появился сконфуженный «па». Он, несомненно, знал о приближении патрульного. Просто отправить открывать дверь дочку было безопаснее. Девочка меньше рискует огрести дубинкой, если патрульный окажется в скверном настроении.

— Имя? — гаркнул Тиренс.

— Джейкоф, к вашим услугам.

В одном из карманов мундира нашелся тонкий блокнот. Староста открыл его, сделал вид, что сверяется с чем-то, поставил жирную галочку и сказал:

— Да, верно, Джейкоф. Я хочу увидеть всех членов твоей семьи. Быстро!

Если бы не эмоциональный упадок, оставивший на его долю лишь безнадежную опустошенность, Тиренс мог бы даже получить удовольствие. Оказалось, власть действительно

вводит в искушение.

В комнату вошла взволнованная женщина, на руках у нее хныкал ребенок лет двух. За ней — встретившая Тиренса девочка и мальчик помладше.

— Все собрались?

— Все, сэр, — почтительно ответил Джейкоф.

— Можно я уложу малышку? — нервно спросила женщина. — Ей пора спать.

Она прижала к себе ребенка, словно вид невинного создания мог растопить сердце патрульного. Тиренс даже не взглянул в ее сторону. Патрульный так бы и поступил, а он — патрульный.

— Уложи и сунь ей соску, чтобы не визжала. Так, теперь с тобой, Джейкоф.

— Слушаю, сэр.

— Ты ведь ответственный малый, я прав?

Туземец, сколько бы лет ему ни было, всегда «малый».

— Да, сэр. — Джейкоф приосанился, сверкнув глазами. — Я — служащий предприятия общественного питания. Изучал математику. Умею делить на многочлен, даже логарифмы «брать».

«Ага, — подумал староста, — *показали тебе, как пользоваться логарифмической линейкой, и научили выговаривать умное слово»*.

Он знавал таких типов. Этот гордился своими «логарифмами», как иной нобиль — космояхтой. Еще бы! Поляроид в окнах добыт логарифмами, а цветные пластиковые панели кричат об умении делить столбиком. Его презрение к туземным неучам могло сравниться лишь с презрением нобилей ко всем флоринианцам разом, а его ненависть была даже сильнее, ведь ему приходилось жить среди тех, с кем его равняли другие, более удачливые.

— И ты веришь в торжество закона и доброту нобилей. Так, парень? — Староста вновь многозначительно сверился с блокнотом.

— Мой муж — хороший человек, — неуверенно встряла женщина. — У нас никогда не было проблем с законом. И детей ровно столько, сколько положено. Мы всегда…

— Да-да, — отмахнулся Тиренс. — А теперь, парень, послушай меня. Я хочу, чтобы ты составил список всех своих знакомых из этого квартала. Имена, адреса, занятия, нравы. Особенно нравы. Если кто-то склонен к бузе, я хочу это знать. Мы собираемся все тут хорошенько вычистить, ясно?

— Так точно, сэр. Во-первых, Хастинг, что живет чуть дальше нас по улице. Он…

— Нет-нет, возьми лист бумаги, сядь вон туда и все запиши. Все, что знаешь. И не торопись, я ваши туземные каракули с лупой разбирать не намерен.

— У меня хороший почерк, сэр.

— Вот сейчас и проверим.

Джейкоф уселся корпеть над листком, медленно выводя буквы. Жена заглядывала ему через плечо.

— А ты, — приказал Тиренс девочке, — встань у окна и, если появятся другие патрульные, дай знать. Хочу кое с кем из них потолковать. Сама их не зови, сразу скажи мне.

Наконец-то он мог расслабиться. На краткое время ему удалось отыскать укромную норку в море опасности. В доме было тихо, только громко чмокала малышка в люльке. А если приблизится враг, Тиренса предупредят, и он успеет сбежать.

Теперь он мог сосредоточиться и подумать.

Во-первых, с личиной патрульного пора было кончать. На всех выездах из Города уже наверняка стоят кордоны. И они знают, что он не сможет воспользоваться ничем сложнее диамагнитного скутера. Совсем скоро до заскорузлых мозгов патрульных дойдет: найти беглеца они могут, лишь обойдя квартал за кварталом и обыскав

все дома.

А едва до них это дойдет, начнут они, естественно, с окраин к центру. Дом Джейкофа обыщут одним из первых, так что рассиживаться Тиренсу тут некогда.

До сих пор патрульная форма была полезна. Местные не задавали вопросов, даже не вглядывались в бледное флориниансское лицо. Взгляд им застил серебряно-черный мундир.

Вскоре идущие по его следу ищейки сообразят и это. Тогда местным жителям будет отдан приказ сообщать обо всех патрульных, которые не смогут предъявить надлежащие документы. В особенности — о светлокожих блондинах. Всем настоящим патрульным выдадут временные идентификационные карточки. За Тиренса назначат награду. Даже если лишь одному из ста флориниансцев достанет смелости потребовать документы у сомнительного патрульного, этого будет достаточно.

Маску патрульного придется снять.

Так, с этим ясно. Теперь следующее. Отныне нигде на планете Тиренс не будет чувствовать себя в безопасности. Убийство патрульного карается смертью. За ним будут гоняться и через пятьдесят лет — если, конечно, ему удастся протянуть

столько. Значит, с Флорины пора убираться.

Как?

Положим, один день он еще протянет: если судьба расщедрится, патрульные проявят максимум тупости, а самому Тиренсу очень повезет. С другой стороны, это — его преимущество: двадцатью четырьмя часами жизни вполне можно рискнуть. Следовательно, Тиренс способен пойти на такое, что не придет в голову ни одному здравомыслящему человеку.

Он встал.

— Я еще не закончил, сэр. — Джейкоф поднял голову. — Я пишу очень аккуратно.

— Давай сюда, чего ты там понаписал. — Тиренс взглянул на поданный листок. — Ладно, достаточно. Если к тебе зайдут другие патрульные, не вздумай докучать им и говорить, что уже подал нужные сведения. Они спешат и могут дать тебе другие задания. Кстати, никто из них сюда не идет?

— Нет, сэр, — откликнулась девочка у окна. — Выйти на улицу посмотреть?

— Не надо. Скажи-ка лучше, где здесь ближайший лифт?

— В четверти мили налево от нашего дома, сэр. Вы можете…

— Да-да, открой дверь.

Патруль вывернул из-за угла как раз в тот миг, когда за Тиренсом закрылась дверь лифта. Сердце бешено колотилось. Облава, похоже, началась. Ищейки висели у него на хвосте.

Минуту спустя он, со все еще бьющимся сердцем, вышел из лифта в Верхнем городе. Здесь укрытий не будет. Ни тебе толстых опор, ни надежной крыши над головой.

Тиренс чувствовал себя черной точкой, двигающейся среди разноцветья зданий. Он был у всех на виду. Казалось, на него указывает огромная черная стрелка.

Патрулей не было. Нобили смотрели сквозь него. Если для флориниана патрульный — это ходячий ужас, для нобилей он — никто. Что может сейчас спасти ему жизнь.

Представление о Верхнем городе у Тиренса было смутным. Где-то здесь находился городской парк. Самым логичным было бы спросить дорогу. Или подняться на какое-нибудь высокое здание и оглядеться. Первое исключалось: патрульные не нуждались в путеводителях. Второе было рискованным: внутри помещения его форма будет слишком бросаться в глаза.

Он просто двинулся вперед, руководствуясь

туманными воспоминаниями о мельком увиденной когда-то карте Верхнего города. И не ошибся. Через пять минут показался парк. Это был искусственный оазис зелени площадью около сотни акров. На Сарке парк имел довольно скандальную репутацию — он славился не только буколической[1] идиллией, но и ночным разгулом. Коренные флориниане, каким-то чудом прознавшие о парке, представляли его раз в десять больше по размеру, чем он был на самом деле, и в тысячу раз роскошнее.

В реальности это был просто приятный уголок. В мягком климате Флорины он зеленел и цвел круглый год. Лужайки, деревья, каменные гроты. Небольшой пруд с рыбками и пруд побольше, где могли плескаться дети. По вечерам, пока не начинался дождь, зажигалась иллюминация. Именно в это время парк был особенно оживлен. Танцы, тримерсиональные шоу, парочки, бродящие по извилистым тропинкам.

Тиренс никогда прежде здесь не был. Парк показался ему инородной опухолью на теле планеты. Почва, камни под ногами, вода и деревья покоились на мертвом слое бетоносплава. Это

[1] Примечания: 1

Отсылка к жанру поэзии (*древнегреч.* bukolos, что означает «пастух») — сельский, безмятежный (*Прим. ред.*).

раздражало Тиренса. Он подумал о бескрайних кыртовых полях, о южных горных хребтах — и почувствовал презрение к чужакам, построившим себе эту безделку посреди подлинного великолепия.

Где-то с полчаса он бесцельно шагал по дорожке. То, что он задумал, можно было совершить только в парке. Хотя даже здесь это было чрезвычайно трудно. В других же местах попросту невозможно.

Никто Тиренса не видел, не обращал на него внимания. Он был в этом уверен. Спросите какого-нибудь нобиля, не встречал ли он вчера в парке патрульного. Тот только недоуменно вытаращится на вас. С таким же успехом можно поинтересоваться, видел ли он пролетевшую мимо муху.

Однако парк был чересчур обихоженным. Отчаяние в душе Тиренса нарастало. Он поднялся по лесенке между валунами и начал спускаться в чашеобразную впадину, окруженную пещерками, которые специально создали для уединения парочек, застигнутых ночным дождем (всегда оказывалось парочек больше, чем можно было ожидать).

И тут Тиренс увидел того, кого искал.

Мужчину! Вернее — нобиля. Парень прохаживался туда-сюда. Быстрыми затяжками докурил сигарету, кинул окурок в пепельницу. Тот, полежав несколько секунд, со вспышкой исчез. Мужчина бросил быстрый взгляд на часы-кулон.

Больше в котловине никого не было. Народ стекался сюда ближе к вечеру.

Нобиль явно кого-то ждал. Тиренс оглянулся. Лестница тоже пустовала. Сюда наверняка должны были вести и другие лестницы. Неважно. Второго шанса может и не подвернуться.

Тиренс направился к нобилю. Тот, естественно, не замечал его до тех пор, пока староста не сказал:

— Прошу прощения…

Фраза была вполне почтительной, однако нобили не привыкли, чтобы патрульные, пусть даже с уважением, хватали их за локоть.

— Ты что себе позволяешь?!

Тиренс, все так же вежливо *(«Смотри на меня! Не отводи глаз!»),* но уже более настойчиво продолжил:

— Сюда, сэр, пожалуйста. Это связано с облавой на туземца-убийцу.

— Что ты несешь?

— Всего на минутку, сэр.

Староста незаметно достал нейрохлыст. Нобиль так ничего и не понял. Хлыст негромко зажужжал, мужчина окаменел и упал.

Тиренс еще ни разу в жизни не поднимал руку на нобиля. И удивился, почувствовав тошнотворную вину.

Вокруг было по-прежнему пусто. Он оттащил одеревеневшее тело в ближайшую пещеру, в самый дальний угол. Застывшие глаза нобиля смотрели в пустоту.

Тиренс раздел его, с трудом стягивая одежду с окостеневших конечностей. Снял с себя пыльную, пропотевшую форму и надел белье нобиля. Впервые он ощутил прикосновение кыртовой ткани всем телом, а не только пальцами.

Настал черед остальной одежды и колпака. Последний был совершенно необходим. Среди молодежи такие уже вышли из моды. К счастью, этот нобиль его носил. Тиренсу же колпак требовался, чтобы скрыть предательски светлые волосы. Он натянул его до самых ушей.

Потом сделал то, что нужно было сделать. Внезапно Тиренс осознал, что убийство патрульного будет не главным его преступлением. Он настроил бластер на максимальное рассеяние и направил ствол на потерявшего сознание нобиля.

Через десять секунд перед ним лежала обугленная масса. Это затруднит опознание и собьет с толку преследователей.

Спалив заодно форму, он выбрал из кучки пепла почерневшие серебряные пряжки и пуговицы. Это тоже усложнит поиски. Возможно, всего лишь на час, но хоть так.

Теперь нужно было уходить. Тиренс замер у входа, принюхался. Бластер сработал чисто. Запах горелого мяса ощущался слабо, скоро он развеется.

Тиренс как раз спускался по ступенькам, когда навстречу ему прошла девушка. На миг он по привычке опустил глаза. Она была знатной госпожой. Подняв взгляд, он успел заметить, что девушка хороша собой и спешит.

Староста сжал зубы. В котловине она никого не найдет. Впрочем, нобиль посматривал на часы — следовательно, девица опоздала. Она может решить, что приятель ее не дождался. Тиренс прибавил шагу. Не хотелось, чтобы девушка догнала его и принялась расспрашивать, не видел ли он здесь молодого мужчину.

Покинув парк, он еще с полчаса побродил по Верхнему городу. Что дальше? Тиренс больше не патрульный, он нобиль, но дальше-то что?

Он остановился на небольшой площади с фонтаном в центре газона. В воду было добавлено какое-то моющее средство, чтобы та пенилась и радужно пузырилась. Безвкусица. Тиренс облокотился о парапет и, глядя на западное солнце, исподтишка, одну за другой, выбросил в фонтан пуговицы и пряжки.

Опять вспомнилась девушка из парка. Она была такой юной. Потом он подумал о Нижнем городе, и раскаяние его отпустило.

Серебро покоилось на дне фонтана. Руки опустели. Тиренс медленно, стараясь вести себя как ни в чем не бывало, пошарил по карманам. Те оказались набиты всякой бесполезной ерундой. Набор ленточных ключей, несколько монеток, идентификационная карта. О, Сарк! Даже у нобилей они, оказывается, есть! Правда, нобилям не приходится предъявлять их всем проходящим мимо патрульным.

Тиренса теперь звали Альстар Даэмон. Оставалось надеяться, что ему не потребуется пользоваться этим именем. В Верхнем городе жило всего десять тысяч человек. Шанс, что ему встретятся знакомые Альстара, был не особенно велик, но и не так уж мал.

Двадцать девять лет… Тиренс подумал о том,

что осталось в пещере, и едва подавил приступ тошноты. Нобили есть нобили. Сколько двадцатидевятилетних флориниан цев было убито их руками или по их приказам? А сколько девятилетних?

На карточке имелся адрес, но он ничего не говорил Тиренсу, чье знание топографии Верхнего города было ничтожным… Вот так!

Псевдотриме нсионный портрет маленького мальчика лет трех. Тиренс вытащил портрет из рамки, повертел. Мелькнули и медленно потухли яркие краски. Сын? Племянник? Если сын, то кто тогда та девушка в парке? Или Альстар женат, а встреча в парке — тайная? Но зачем тайно встречаться днем? Хотя почему бы и нет?

Тиренс надеялся, что так оно и есть. Если девушка была любовницей, она может решить, что мужчине просто не удалось ускользнуть от жены, и не станет заявлять о его пропаже. Это даст Тиренсу дополнительное время.

Нет, не даст. Его охватило бессилие. Какие-нибудь дети, играющие в прятки, скоро обнаружат останки и поднимут тревогу. И произойдет это в ближайшие сутки. Он вновь обшарил карманы. Копия прав на вождение космояхты. Все богатые саркцы владели яхтами и умели ими управлять

— мода текущего столетия. Ладно, что еще? А вот это уже интереснее: несколько саркских чеков. Могут пригодиться на первое время. Внезапно Тиренс понял, что последний раз ел прошлой ночью в пекарне, и почувствовал сильный голод.

И тут только сообразил: космояхта! Он вновь достал права. Настоящий владелец яхты мертв, теперь она принадлежит Тиренсу. Яхта стояла в ангаре номер 26 девятого космопорта. Отлично. Где у нас девятый космопорт? У старосты не было об этом ни малейшего представления.

Он прижался лбом к холодному парапету фонтана. «Что делать? Что же делать?»

— Добрый день. Вам плохо?

Тиренс вздрогнул и оглянулся. Рядом стоял пожилой нобиль и курил длинную ароматизированную сигарету. С золотого браслета свисал зеленый камень. На лице мужчины было выражение благожелательного интереса, которое в первую секунду удивило Тиренса. Потом до него дошло, что он теперь тоже нобиль. Он среди своих. Друг с другом нобили вполне могут общаться как порядочные люди.

— Нет, просто отдыхаю, — сказал Тиренс. — Решил прогуляться и потерял счет времени. Ох, я, кажется, уже опаздываю на встречу! — Он всплес-

нул руками.

Сымитировать саркский акцент несложно, главное — не пересолить. Утрирование скорее обратит на себя внимание.

— Остались без «москита», я угадал? — Пожилой понимающе усмехнулся: мол, эх, молодежь!

— Увы.

— Можете воспользоваться моим, — тут же предложил собеседник. — Он у меня вон там стоит. Потом просто включите автопилот и отправите обратно. В ближайший час машина мне не понадобится.

Идея выглядела привлекательно. «Москиты» были маневренными и быстрыми, как молнии, они с легкостью обгоняли наземные машины патрульных. Одна проблема: летать на «моските» Тиренс умел не больше, чем парить, размахивая руками.

— Отсюда и до Сарка, — сказал Тиренс, припомнив фразочку из сленга нобилей, означавшую безмерную благодарность. — Но я лучше пешком пройдусь: до девятого космопорта недалеко.

— Верно, недалеко, — кивнул нобиль.

Не слишком-то точное указание. Тиренс решил зайти с другого бока.

— Однако я уже жалею, что сюда забрел. Про-

гулка по всему Кыртовому проспекту — то еще удовольствие.

— По Кыртовому проспекту? А он здесь при чем?

Не мелькнул ли в глазах нобиля подозрительный огонек? Старосте начало уже казаться, что и одежда ему не впору.

— Ну, надо же! — затараторил Тиренс. — Похоже, я загулялся и куда-то не туда свернул. Где же это мы? — Он с рассеянным видом огляделся вокруг.

— Мы на Рекит-роуд. Вам надо пройти до Трифис, свернуть налево, а там до космопорта рукой подать. — Старик машинально указал направление.

— Вы правы. Мне надо прекратить мечтать на ходу и хоть изредка включать мозги. Отсюда и до Сарка, сэр.

— Может, все-таки воспользуетесь моим «москитом»?

— Вы очень любезны, но…

Тиренс махнул на прощание и двинулся прочь несколько быстрее, чем следовало, чувствуя на себе взгляд нобиля. Наверняка завтра, когда в пещере обнаружат труп и начнутся поиски, этот тип вспомнит их встречу и скажет: «Этот парень

был каким-то странным, ну, вы меня понимаете. Говорил необычно, не знал, где находится. Могу поклясться, он никогда прежде не слышал о Триффис-авеню».

Однако все это будет завтра.

Сейчас Тиренс шагал в направлении, указанном нобилем. Подошел к сияющему указателю «Триффис-авеню», почти потерявшемуся на фоне переливчато-оранжевого здания. Свернул налево.

Девятый космопорт был полон молодежи в яхтенных костюмах, основными особенностями которых были фуражки с поднятыми козырьками и бриджи с буфами. Тиренсу мерещилось, что он всем бросается в глаза, но на самом деле на него никто не обращал внимания. Люди вокруг гомонили, их разговоры были пересыпаны словечками, которых он не понимал.

Он нашел двадцать шестой ангар и подождал несколько минут, прежде чем подойти. Не хотелось, чтобы поблизости оказался какой-нибудь нобиль, знающий Альстара Даэмона в лицо, и заинтересовался: что этот незнакомец делает в чужом ангаре?

Наконец, соседние ангары опустели, и он вошел внутрь. Нос яхты смотрел на открытое взлетное

поле, со всех сторон окруженное ангарами. Тиренс осторожно выглянул. И что теперь?

За последние двенадцать часов он убил трех человек. Из флоринианца-старосты превратился в патрульного, а из патрульного — в нобиля. Пробрался из Нижнего города в Верхний, нашел космопорт. Завладел яхтой, которая могла отнести его в безопасное место, на любую планету галактики.

Оставалась одна загвоздка. Тиренс не умел водить космический корабль.

Он до смерти устал и проголодался. Зашел так далеко — и вот, оказался в тупике. Стоял на самом пороге космоса и не мог туда попасть.

К этому часу патрульные уже должны были понять, что в Нижнем городе его нет. Как только до их закосневших мозгов дойдет, на что мог отважиться туземец, они начнут обыскивать Верхний город. Обнаружат в пещере труп, и расследование обретет новое направление: начнут разыскивать *л*женобиля.

А он — вот он. Уткнулся лбом в непреодолимую стену. И ему остается только ждать, когда звуки погони раздадутся за спиной.

Тридцать шесть часов назад в его руках была уникальная возможность. Он ее упустил, а скоро

потеряет и жизнь.

Глава 11
Капитан

Впервые на его памяти капитану Рейсити не удавалось навязать свою волю пассажиру. Даже если бы он вез кого-нибудь из великих нобилей, можно было бы рассчитывать на сотрудничество. Великие нобили владеют целыми континентами, но у себя на корабле он, Рейсити, — царь и бог.

С пассажирками все иначе. С любыми пассажирками. А если она к тому же дочь великого нобиля — пиши пропало.

— Госпожа, как я могу позволить вам остаться с ними с глазу на глаз?

— Как? Да очень просто. Разве они вооружены, капитан? — сверкнула глазами Сэмия Файф.

— Разумеется, нет. Но дело не в этом.

— Они — просто пара перепуганных до полусмерти бедолаг.

— Испуганные люди опасны, госпожа, поскольку могут решиться на безрассудные поступки.

— Тогда з-зачем вы их з-запугиваете? — сердясь, госпожа Сэмия начинала слегка заикаться. — Три громадных матроса стоят над ними с бластерами

на изготовку. Капитан, я этого так не оставлю!

Рейсити не сомневался. Он чувствовал, что придется сдаться.

— Не могла бы госпожа объяснить, чего именно она желает?

— Я уже объясняла. Хочу с ними побеседовать. Говорите, они флориниане? Значит, я смогу получить бесценные сведения для своей книги. Но вряд ли что-нибудь выйдет, если эти люди от страха утратят дар речи. Поэтому я хочу остаться с ними одна. Одна, капитан! Вы понимаете это слово? Од-на!

— А что скажет ваш отец, когда узнает, что я оставил его дочь наедине с двумя отчаянными головорезами?

— Отчаянные головорезы! О, святой космос! Двое глупцов, которые, чтобы удрать с Флорины, не нашли ничего лучше, чем забраться на корабль, летящий на Сарк. Кстати, а откуда мой отец об этом узнает?

— Узнает, если они на вас нападут.

— Зачем им на меня нападать? — Она вложила в голос всю свою силу до последнего атома и потрясла маленьким кулачком. — Отвечайте, капитан, я требую.

— Давайте поступим следующим образом, гос-

пожа. С вами останусь я, а матросов с бластерами мы отошлем. Один я, и никаких бластеров. В противном случае, — теперь уже он постарался, чтобы в голосе прозвучал металл, — я вынужден буду отказать.

— Ну, хорошо, — фыркнула она. — Хорошо. Но если они начнут таращиться на вас и молчать, я лично прослежу за тем, чтобы вас разжаловали в младшие матросы.

Едва Сэмия вошла в камеру, Валона быстро прикрыла глаза Рика ладонью.

— В чем дело? — резко прикрикнула госпожа Файф и только потом вспомнила, что собиралась быть милой.

— Он нездоров, госпожа, — пролепетала Валона. — Он может не понять, что вы — высокородная дама, и случайно посмотреть на вас. Случайно, госпожа, не нарочно.

— О, великий космос! Да пусть себе смотрит. Капитан, им обязательно сидеть в этой конуре?

— А вы бы предпочли, чтобы я разместил их в собственной каюте?

— Каюту не каюту, но ведь можно найти что-нибудь менее убогое.

— Это для вас все здесь убого. А для них, я уверен, — предел мечтаний. Здесь даже кран с водой

есть. Спросите у них, есть ли в их лачугах водопровод.

— Прикажите своим людям уйти.

Капитан сделал знак, и матросы торопливо вышли. Рейсити поставил складной алюминиевый стул, Сэмия села.

— Встать, — приказал капитан Валоне и Рику.

— Нет-нет, — возразила Сэмия, — пусть сидят. Не вмешивайтесь, капитан. Итак, — обратилась она к Валоне, — вы с Флорины?

— Мы с Вотекса. — Валона замотала головой.

— Не надо меня бояться, деточка. Никто не причинит вам вреда, даже если вы флоринианцы.

— Мы с Вотекса.

— Деточка, ты только что сама подтвердила свое происхождение. Не поняла? Ты закрыла глаза мужчине.

— Ему нельзя смотреть на благородных дам.

— Даже если он с Вотекса?

Валона молчала.

Ничего, пусть подумает. Сэмия попыталась дружелюбно улыбнуться:

— Только флоринианцам запрещено смотреть на саркских женщин. Так что ты сама подтвердила нашу догадку.

— Он не флоринианец! — выкрикнула Валона.

— А ты?

— Я? Я — да, он — нет. Не обижайте его, он, правда, не флоринианец. Мы его в поле нашли. Не знаю, откуда он, но только не с Флорины.

Сэмию удивила неожиданная говорливость девушки.

— Хорошо, я сама с ним побеседую. Как тебя зовут, парень?

Рик таращился на нее. Так вот как выглядят благородные саркские женщины… Такие маленькие и добрые. И пахнут приятно. Он был счастлив, что ему позволили посмотреть.

— Так как твое имя? — повторила Сэмия.

Рик очнулся и вдруг обнаружил, что не может заставить себя произнести коротенькое слово.

— Рик, — наконец выдавил он, а про себя подумал: *«Нет, это не мое имя»*. — Кажется, Рик, — добавил он.

— То есть ты не знаешь?

Помрачневшая Валона попыталась что-то вставить, но Сэмия остановила ее взмахом руки.

— Не знаю, — покачал головой Рик.

— Ты с Флорины?

— Нет, — уверенно ответил он. — Я был на корабле. Я откуда-то прилетел.

Рик не мог отвести глаз от Сэмии, однако те-

перь ее лицо накладывалось на образ корабля. Маленького, очень уютного кораблика.

— Я прилетел на Флорину на корабле. А до этого жил на планете.

— На какой?

Ему казалось, что мысль пытается протиснуться по слишком узким ментальным каналам.

— Я с Земли! — радостно воскликнул он, наслаждаясь звучанием давно потерянного слова. — Я прибыл с Земли.

— С Земли?

Рик закивал.

— Капитан, где находится планета Земля?

— Никогда о такой не слышал. — Рейсити сухо улыбнулся. — Не принимайте его слова всерьез, госпожа. Туземцы врут, как дышат. Такова уж их натура. Вот и этот болтает все, что взбредет в голову.

— Он утверждает, что не местный. Рик, где находится Земля?

— Земля… — Он потер лоб дрожащей рукой. — В секторе Сириуса, — неуверенно пробормотал он.

— Но сектор Сириуса ведь существует, не правда ли, капитан?

— Да, существует. Удивительно, откуда узнал он? Впрочем, его Земля от этого более реальной

не становится.

— Нет, она настоящая! Я вспомнил, — с жаром сказал Рик. — Как же давно я о ней не вспоминал. Я не могу ошибиться, не могу. — Он схватил Валону за рукав. — Лона, скажи им, что я с Земли! Скажи, пожалуйста!

— Мы нашли его в поле, госпожа. — Глаза Валоны расширились от ужаса. — Он ничего не помнил, не мог ни говорить, ни ходить, ни одеться самостоятельно. Прямо как младенец. А потом начал понемножку вспоминать. И все, что вспоминал, оказывалось правдой. — Она бросила затравленный взгляд на скучающее лицо капитана. — Может, он и в самом деле с Земли. Я не хотела вам перечить, госпожа.

Последняя фраза традиционно произносилась, когда вышестоящему могло показаться, что вы с ним спорите.

— С таким же успехом он мог прибыть прямиком из сердца Сарка, — хмыкнул Рейсити.

— И все же в их истории есть что-то таинственное, — произнесла Сэмия, успевшая настроиться на свойственный женщинам романтичный лад. — Я уверена… А почему он был столь беспомощен, девочка? Его ранили?

Валона ответила не сразу. Она растерянно пе-

реводила взгляд со вцепившегося себе в волосы Рика на капитана, улыбавшегося одними губами, потом на Сэмию.

— Отвечай, девочка.

Валоне было трудно решиться, но здесь и сейчас никакая убедительная ложь не могла заменить правду.

— Однажды я возила его к доктору, и тот сказал, что м-мой Рик — психозондирован.

— Психозондирован?! — Сэмия почувствовала легкое отвращение и отодвинулась, металлические ножки стула скрипнули по полу. — Имеешь в виду, он — психопат?

— Я не знаю, что такое «психопат», — робко сказала Валона.

— Не в том смысле, какой вы вкладываете в это слово, госпожа, — пояснил капитан. — Туземцы не бывают психопатами. Их нужды и желания примитивны. Ни разу в жизни не слышал о туземце-психопате.

— Как же тогда…

— Все просто, госпожа. Если россказни этой девицы правда, следовательно, парень — преступник. Вот что следует понимать под словом «психопат». В этом случае его лечил кто-то из косоруких фельдшеров, практикующих среди ту-

земцев. Видимо, едва не убил и выкинул в полях, чтобы избежать наказания.

— Но ведь речь идет о психозонде, — не отступала Сэмия. — Неужели вы думаете, что туземец сможет пользоваться таким сложным инструментом?

— Да, вероятно, вы правы. Но образованный врач вряд ли допустит ошибку. Тут имеется противоречие, доказывающее, что вся их история — ложь от начала до конца. Послушайте моего совета, госпожа, оставьте этих существ на наше попечение. Вы же убедились — ничего путного от них не дождешься.

— Похоже на то.

Немного поколебавшись, Сэмия поднялась и с сомнением посмотрела на Рика. Капитан подхватил ее стул и со щелчком сложил.

— Погодите! — Рик вскочил на ноги.

— Прошу вас, госпожа. — Рейсити открыл Сэмии дверь. — Мои люди его успокоят.

— Но они же не будут его бить? — Сэмия остановилась на пороге.

— Сомневаюсь, что до этого дойдет. Мы с ним легко справимся.

— Госпожа! Госпожа! — закричал Рик. — Я на самом деле с Земли! Я докажу!

Сэмия помедлила:

— Я хочу послушать, что он скажет.

— Как вам угодно, госпожа.

Сэмия встала в дверях. Рик покраснел. С трудом изобразив на губах подобие улыбки, он начал:

— Я помню Землю. Там все было радиоактивно. Помню запретные территории и синее сияние над ночным горизонтом. Это светилась сама почва, ставшая бесплодной. На Земле почти не осталось мест, пригодных для жизни. Вот почему я стал пространственным аналитиком и предпочитал оставаться в космосе. Мой мир умер.

— Пойдемте, капитан, — Сэмия пожала плечами. — Несчастный бредит.

Однако на сей раз уже капитан застыл с открытым ртом.

— Радиоактивная планета, — пробормотал он.

— Хотите сказать, такая существует?

— Да, — он изумленно посмотрел на нее. — Только откуда он мог о ней узнать?

— Разве может планета быть радиоактивной и одновременно обитаемой?

— Есть одна такая. И как раз в секторе Сириуса. Я не помню ее названия. Может, и Земля.

— Это Земля, — гордо и уверенно сказал Рик. — Самая старая обитаемая планета галактики.

Прародина человечества.

— Именно, — тихо произнес капитан.

— То есть человеческая раса появилась на Земле? — Голова у Сэмии шла кругом.

— Нет-нет, — рассеянно возразил капитан, — это суеверие. А вот о радиоактивной планете, жители которой утверждают, будто их Земля — колыбель человека, я слыхал.

— Не знала, что у человечества есть некая колыбель.

— Полагаю, откуда-то мы должны были взять начало, госпожа, но сомневаюсь, что кому-нибудь точно известно, где это место. — Он решительно подошел к Рику. — Что еще ты помнишь?

При этом он едва удержался, чтобы не добавить «малый».

— По большей части — корабль. И пространственный анализ.

Сэмия встала рядом с капитаном напротив Рика, чувствуя, как возвращается азарт.

— Получается, их история правдива? Тогда кто его психозондировал?

— Психозондирование… — задумчиво повторил капитан. — Давайте-ка спросим его самого. Эй, туземец, или кто ты там! Кто тебя психозондировал?

— Вы все мне об этом твердите, даже Лона, — с сомнением ответил Рик, — но я не понимаю этого слова.

— На чем обрываются твои воспоминания?

— Не могу сказать, — в его голосе прозвучало отчаяние. — Я был на корабле…

— Мы это поняли. Продолжай!

— Прекратите на него рычать, Рейсити, — одернула капитана Сэмия. — Иначе он у вас последнее забудет.

Рик сосредоточился, полностью погрузившись в темноту своего разума. На эмоции сил не оставалось.

— Я не боюсь его, госпожа, — произнес он, к собственному изумлению. — Я пытаюсь вспомнить. Была некая опасность, я ручаюсь. Огромная опасность для Флорины, но подробностей я не помню.

— Опасность, грозящая целой планете? — Сэмия покосилась на капитана.

— Да. Связанная с течениями.

— С какими еще течениями? — спросил Рейсити.

— С космическими.

— Он — безумец. — Капитан развел руками.

— Нет, пусть продолжает. — Сэмия чувствовала,

что начинает верить этому странному человеку. — Что такое космические течения?

Ее губы приоткрылись, темные глаза заблестели, из-за ямочек на щеках и на подбородке казалось, что девушка улыбается.

— Различные химические элементы, — неопределенно ответил Рик.

Он уже как-то раз это объяснял, и ему не хотелось повторяться.

Разбуженные воспоминания разом нахлынули на него, и он заговорил торопливо, почти в трансе:

— Я отправил сообщение в наше отделение на Сарке. Помню это совершенно отчетливо. Я должен был принять решение. На Флорину надвигалась опасность, да. И не только на Флорину. На весь Млечный Путь. Я должен был действовать осмотрительно.

Он совершенно забыл о собеседниках, уйдя в мир прошлого, прежде скрытый от него. Валона успокаивающе похлопала его по плечу, шепча: «Не надо, Рик», — но он ничего не замечал.

— Мое сообщение перехватил саркский чиновник, — еле слышно произнес он. — Явная ошибка. Ума не приложу, как это случилось. — Он нахмурился. — Клянусь, я отправлял сообщение на

местную базу Бюро по зарезервированной для нас волне. Неужели можно прослушивать субэфир?

Рик даже не удивился тому, с какой легкостью сорвалось с его губ слово «субэфир». Не дожидаясь ответа на вопрос, он продолжил, глядя в пустоту:

— В общем, когда я приземлился на Сарке, меня уже ждали.

Повисла новая пауза, еще более продолжительная. Капитан не стал ее прерывать. Похоже, он сам о чем-то крепко задумался.

— Кто тебя ждал? Кто? — спросила Сэмия.

— Н-не знаю, не помню, это было какое-то учреждение и чиновник с Сарка. Я помню, что разговаривал с ним. Мы сидели за столом друг против друга. Говорили долго. По-моему, я не сообщил ему деталей. Да, я в этом уверен. Сначала мне нужно было доложить об этом на базу. А потом он…

— А потом? — подбодрила его Сэмия.

— Он что-то сделал. Он… Нет, ничего больше не помню. Ничего!

Рик выкрикнул последнее слово, и наступила тишина, которую тривиальнейшим образом нарушило монотонное гудение коммуникатора на запястье капитана.

— В чем дело? — спросил Рейсити.

— Сообщение с Сарка, сэр, — почтительно откликнулся голос. — Конфиденциальное.

— Хорошо, сейчас перейду на субэфир. Госпожа, — он повернулся к Сэмии, — позволю себе напомнить, что уже время обеда.

Девушка начала было протестовать, утверждая, что не голодна, предложила идти и не беспокоиться за нее.

— Но этих людей тоже пора накормить, — дипломатично прервал ее капитан. — Они наверняка устали и голодны.

С этим она спорить не стала, лишь сказала:

— Я должна буду вновь поговорить с ними, капитан.

Тот молча поклонился. Поклон можно было трактовать как согласие. А можно — как отказ.

Сэмия Файф была крайне заинтригована случившимся. Изучение Флорины удовлетворяло ее интеллектуальным запросам, однако Дело о Загадочном Психозондированном Землянине (Сэмия даже думала о нем заглавными буквами) взывало к чему-то первобытному и куда более настойчивому в ее душе. Оно возбуждало в ней животное любопытство.

Настоящая тайна!

Ее живо интересовали три вопроса. Среди них,

правда, не было вполне разумного (в сложившихся обстоятельствах) вопроса о том, заблуждается ли этот человек, просто врет или говорит правду. Если списать все на вранье, никакой тайны не останется, а Сэмии хотелось именно тайны.

Сэмию интересовали следующие вопросы: во-первых, что именно угрожает Флорине или, вернее, всей галактике; во-вторых, кто психозондировал землянина; в-третьих, зачем он это сделал.

И она горела решимостью найти ответы и удовлетворить свое любопытство. Кто из нас самоуверенно не считает себя вполне компетентным сыщиком-любителем? А Сэмии самоуверенности было не занимать.

Наскоро пообедав, она, как только позволила вежливость, вышла из-за стола и поспешила к камере.

— Откройте дверь, — приказала она охраннику.

Матрос остался неподвижным, как столб, тупо и почтительно глядя перед собой.

— Со всем уважением, госпожа, но дверь останется запертой.

— Вы отдаете себе отчет, с кем говорите? Немедленно откройте — или я пожалуюсь капитану.

— Со всем уважением, госпожа, дверь останется запертой. Приказ капитана.

Она бегом бросилась к каюте Рейсити, ворвавшись туда, словно торнадо, спрессованный до шестидесяти дюймов.

— Капитан!

— Слушаю вас, госпожа.

— Это вы отдали приказ не пускать меня к землянину и туземке?

— Я полагал, мы договорились, что вы будете встречаться с ними только в моем присутствии.

— Да, я помню. Но вы же сами видели, насколько они безобидны.

— Я видел, что они кажутся безобидными.

— В таком случае — я приказываю вам сопровождать меня прямо сейчас, — вскипела Сэмия.

— Не могу, госпожа. Ситуация изменилась.

— В каком смысле?

— Их желают допросить власти Сарка. Думаю, пленников следует оставить одних.

Челюсть у Сэмии отвисла от удивления, но девушка тут же постаралась вернуть лицу достойное выражение.

— Вы же не собираетесь сдать их Министерству по делам Флорины?

— Вообще-то, — замялся капитан, — именно

так я и намеревался поступить. Они покинули свой поселок без разрешения. Не говоря уже о том, что они покинули без разрешения планету и тайком проникли на саркский корабль.

— В последнем случае они просто ошиблись кораблем.

— Да ну?

— Так или иначе, их преступления были вам известны и до нашей беседы.

— Однако по ходу ее так называемый землянин рассказал много любопытного.

— Так называемый? Вы же сами подтвердили, что планета Земля существует.

— Я сказал: «Возможно, существует». Госпожа, могу я поинтересоваться, что бы вы хотели сделать с этими людьми?

— По-моему, историю землянина надо тщательно изучить. Он утверждает, что Флорине угрожает опасность, а некий саркский чиновник преднамеренно попытался скрыть информацию от властей. Думаю, это заинтересует моего отца. Да, я бы хотела отвезти землянина к моему отцу, когда наступит подходящее время.

— Какая проницательность!

— Это сарказм, капитан?

— Прошу прощения, госпожа, — Рейсити по-

краснел, — я имел в виду наших заключенных. Не соблаговолите ли выслушать кое-какие мои развернутые рассуждения?

— Не знаю, что вы имеете в виду под «развернутыми рассуждениями», — сердито сказала она, — но можете начинать.

— Спасибо. Во-первых, госпожа, я надеюсь, вы не приуменьшаете важность беспорядков на Флорине?

— Каких беспорядков?

— Вы забыли о происшествии в библиотеке?

— Убитого патрульного, что ли? В самом деле, капитан!

— Утром был убит второй. И один туземец. Не в привычках туземцев убивать патрульных, а тут сразу два убийства, причем преступник до сих пор не найден. Действовал он в одиночку? Или это случайность? А может быть — часть заговора?

— Вы, судя по всему, убеждены в последнем.

— Совершенно верно. У убийцы было два сообщника. Их описание совпадает с приметами наших пленников.

— Быть того не может!

— Я не хотел пугать вас, госпожа. Однако я неоднократно говорил, что они могут быть опасны.

— Прекрасно. И что же из всего этого следует?

— Возможно, убийства на Флорине — отвлекающий маневр ради того, чтобы выманить патрульных из космопорта и позволить нашей парочке проникнуть на борт.

— Звучит довольно глупо.

— Разве? Почему они сбежали с Флорины? Мы их не спрашивали. Давайте предположим, что они бегут от патруля, — поскольку это наиболее логичная гипотеза. Побегут ли они на Сарк? Да еще на корабле, везущем вас, госпожа? Ко всему прочему, этот тип утверждает, что он — пространственный аналитик.

— А это тут с какого боку? — Сэмия нахмурилась.

— Год назад один пространственный аналитик пропал. История не предавалась огласке. Я в курсе, потому что был одним из тех, кто искал его корабль в ближнем космосе. Кто бы ни стоял за назревающими беспорядками на Флорине, он знает о пропаже аналитика, а уже один этот факт говорит о том, насколько серьезна и неожиданно эффективна их организация.

— Может быть, землянин не имеет отношения к исчезнувшему аналитику?

— Настоящего отношения, разумеется, нет,

госпожа. Но утверждать, что между этими фактами вообще нет связи, значило бы излишне полагаться на совпадения. Мы явно имеем дело с самозванцем. Вот почему он напирает на психозондирование.

— В каком смысле?

— Как мы можем доказать, что он не аналитик? Он не помнит подробностей жизни на Земле, кроме того, что планета радиоактивна. Он не может водить корабль. Он, очевидно, не знает азов пространственного анализа. И все это прикрывается психозондированием. Неужели вы не понимаете, госпожа?

Прямого ответа у Сэмии не было, оставалось только спросить:

— С какой же целью он этим занимается?

— Чтобы вы сделали именно то, что намеревались сделать, госпожа.

— Провела расследование?

— Нет, госпожа. Отвезли этого человека к вашему отцу.

— Зачем ему это?

— Тут имеется несколько вариантов. В лучшем случае этот тип начнет шпионить за вашим отцом для Флорины, или, что вероятнее, для Трантора. Старина Абель непременно опознает

в нем землянина и примется настаивать на расследовании обстоятельств психозондирования, чтобы уесть Сарк. А в худшем — этот Рик может убить вашего отца.

— Капитан!

— Госпожа?

— Это просто смешно!

— Может быть, госпожа. Даже если так, Министерство госбезопасности смеяться не собирается. Вы помните, что перед обедом я получил сообщение с Сарка?

— Да.

— Вот оно.

Сэмия взяла тонкую, полупрозрачную пленку с красным текстом. В сообщении говорилось: «У нас есть сведения, что на ваш корабль скрытно и незаконно проникли двое флоринианских туземцев. Арестуйте их немедленно. Один из них может заявить, что он — пространственный аналитик и не является туземцем Флорины. Не предпринимайте в этой связи никаких действий. Вы головой отвечаете за сохранность беглецов. Необходимо доставить их в госбезопасность. Совершенно секретно. Чрезвычайно срочно».

— Госбезопасность, — пробормотала ошеломленная Сэмия. — Министерство государственной

безопасности.

— Не забудьте о приписке «Совершенно секретно», — добавил капитан. — Я вышел за пределы дозволенного, показав вам этот документ, но вы не оставили мне выбора.

— Что с ними будет? — спросила Сэмия.

— Не могу точно сказать. Хотя уверен, что человек, которого подозревают в шпионаже и подготовке убийства, легко не отделается. Вероятно, его байки воплотятся в реальность, и он на собственной шкуре испытает, что такое психозондирование.

Глава 12
Детектив

Четверо великих нобилей уставились на Файфа. Каждый — по-своему: Борт — со злобой, Рун — с изумлением, Балль — недовольно, а Стин — испуганно.

Первым заговорил Рун:

— Измена? Вы пытаетесь устрашить нас этим словом? На что вы намекаете? Кто-то предал вас? Борта? Меня? Кто и каким образом? Ради Сарка, Файф, эти совещания нарушают мой режим, мне пора спать.

— Последствия случившегося могут нарушить не только ваш режим. Говоря об измене, я имел в виду не нас с вами, Рун, а Сарк.

— Сарк? Что такое Сарк, если не мы? — заметил Борт.

— Хорошо, назовем его мифом, в который верят простые саркцы.

— Ничего не понимаю, — простонал Стин. — Вам бы только поддевать друг друга, господа. Право слово, пора с этим кончать.

— Поддерживаю, — сказал Балль, и Стин благодарно на него посмотрел.

— Я готов немедленно все объяснить, — сказал Файф. — Полагаю, вы уже слышали о недавних беспорядках на Флорине?

— Люди из госбезопасности докладывали мне о нескольких убитых патрульных. Вы об этом?

— Ради Сарка! — нетерпеливо перебил Борт. — Раз уж мы созвали совещание, давайте поговорим и об этом. Патрульных убили? Туда им и дорога! Говорите, кому-то проломили голову? Как можно позволить, чтобы туземец проломил тебе голову палкой? Почему не выстрелить прежде, чем дикарь приблизится на двадцать шагов? Я бы перетряхнул весь патруль от капитана до последнего рекрута и отправил всех тупиц дра-

ить палубы на кораблях. От беззаботной жизни на планете патруль обрюзг и заплыл жиром. Я предлагаю каждые пять лет вводить там военное положение и выжигать каленым железом всех бузотеров. Это присмирит туземцев и будет держать в тонусе патрульных.

— Вы закончили? — спросил Файф.

— Пока да. Но я еще подниму этот вопрос. Вам известно, как велики мои инвестиции во Флорину? Может, с вашей точки зрения, Файф, это и крохи, но для меня потеря таких сумм крайне болезненна.

Файф пожал плечами и повернулся к Стину:

— А вы слышали о беспорядках?

— Слышал, — тот вздрогнул. — В смысле только что услышал от вас…

— Разве вы не читали сводок госбезопасности?

— Ах, оставьте! — Стин вдруг очень заинтересовался своими длинными, заостренными ногтями, покрытыми изысканным медным лаком. — У меня нет времени читать все подряд. Вот уж не предполагал, что от меня это требуется. Нет, право слово, — он набрался смелости взглянуть Файфу в лицо, — я не рассчитывал, что вы будете диктовать мне условия. Не рассчитывал, да!

— Я ничего вам и не диктовал, — сказал Файф. —

Но раз вы не знакомы с подробностями, позвольте кратко ввести вас в курс дела. Остальным, думаю, тоже не повредит.

Казалось, невозможно было подобрать достаточно емких слов, чтобы подвести краткий итог событиям последних двух суток. Сначала — неожиданный запрос на книги по пространственному анализу. Затем — престарелый патрульный получает палкой по голове и через два часа умирает от черепно-мозговой травмы. Начинается расследование, которое приводит прямиком в логово неприкасаемого шпиона Трантора. На рассвете убивают еще одного патрульного, убийца переодевается в его форму, а несколько часов спустя погибает и шпион.

— Если вам нужны самые последние новости, — подвел итог Файф, — добавьте к перечню еще одну мелочь: несколько часов назад в городском парке Флорины было обнаружено тело — вернее, его останки.

— Чье тело? — спросил Рун.

— Потерпите секундочку, я не закончил. Рядом с телом лежала кучка пепла, наводившая на мысль о сожженной одежде. Оттуда были тщательно выбраны все металлические детали, однако анализ показал, что пепел остался от фор-

мы патрульного.

— Наш лжепатрульный? — предположил Балль.

— Вряд ли. Зачем его убивать и прятать?

— Самоубийство, — злобно произнес Борт. — Ублюдок понял, что не сможет долго ускользать из наших рук. Вот и предпочел покончить с собой. Что до меня, то я бы выяснил, кто из патрульных ответственен за самоубийство подозреваемого, и вручил бы виновным по бластеру с одним зарядом.

— Самоубийство, говорите? Маловероятно, — возразил Файф. — Если человек покончил с жизнью, кто снял с него одежду, спалил ее и выбросил все пряжки с пуговицами? Или вы думаете, что он сначала разделся, потом сжег одежду, избавился от железяк и голышом — ну, или в одном белье — потопал обратно в пещеру, чтобы там умереть?

— То есть тело находилось в пещере? — уточнил Борт.

— Да, в одной из декоративных пещер парка.

— Тогда времени для уединения ему было не занимать, — воинственно сказал Борт, не любивший признавать свои ошибки. — Он мог содрать все пряжки, а уже…

— Вы когда-нибудь пытались оторвать пряжку от мундира патрульного? — насмешливо поинтересовался Файф. — Даже если предположить, что это труп лжепатрульного, каков мотив самоубийства? В любом случае у меня имеются результаты вскрытия. Скелет не принадлежит ни патрульному, ни флориниану. Это скелет саркца.

— Не может быть! — вскричал Стин.

Балль распахнул глаза, Рун — рот, и его блестящие металлические зубы на минуту добавили искры жизни в мутный куб, в котором он сидел. Даже Борта, похоже, проняло.

— Вы следите за моей мыслью? — спросил Файф. — Понятно теперь, почему серебряные детали были тщательно выбраны из пепла? Тот, кто убил саркца, хотел, чтобы золу приняли за одежду убитого, которую тот снял и сжег. Хотел, чтобы мы посчитали это либо самоубийством, либо убийством, но не связанным с лжепатрульным. Однако он не учел, что анализ золы позволит узнать, что именно сожгли, кырт или целлулит, из которого шьют униформу патрульных, — убирай пуговицы или нет. Сопоставив труп саркца и пепел от униформы, можно с уверенностью предположить, что по Верхнему городу бродит староста в одежде саркца. Наш туземец, поболтав-

шись в наряде патрульного, решил, что хватит с него опасностей, пора делать карьеру и становиться нобилем. А раздобыть одежду он мог только одним способом.

— Его поймали? — хрипло спросил Борт.

— Пока нет.

— Почему? О, Сарк, но почему?

— Его схватят, — равнодушно сказал Файф. — У нас же есть проблемы и поважнее. По сравнению с ними последнее злодеяние — сущая чепуха.

— Тогда к делу! — рявкнул Рун.

— Терпение. Прежде всего я хочу спросить, помните ли вы о пропавшем год назад пространственном аналитике?

Стин хихикнул, а Борт с величайшим презрением процедил:

— Опять вы о нем?

— При чем здесь аналитик? — спросил Стин. — Вы о том шантаже? Ну, нет, с меня довольно, право слово.

— Беспорядки на Флорине начались с запроса книг по пространственному анализу. — Файф даже не пошевелился. — По-моему, связь очевидна. Давайте посмотрим, не смогу ли я убедить в этом и вас. Я опишу вам трех человек, замешанных в преступлении в библиотеке. Пожалуйста, не

перебивайте меня. Первый — староста. Самый опасный из троицы. На Сарке у него была отменная репутация умного и верного подданного. Увы, он повернул свои способности против нас. Несомненно, именно он повинен в четырех убийствах. Парень идет на рекорд. Примечательно для туземца, учитывая, что на его совести два патрульных и уроженец Сарка. Он до сих пор не пойман. Соучастница — туземная женщина. Необразованна и малозначаща. Однако за последние сорок восемь часов мы тщательно изучили все аспекты данного дела, в том числе и биографию туземки. Ее родители были членами «Души Кырта». Помните тот смехотворный крестьянский заговор, легко ликвидированный двадцать лет назад? И, наконец, третий, наиболее любопытный персонаж. На первый взгляд — деревенский дурачок с ткацкой фабрики.

Борт непроизвольно ахнул, Стин вновь пронзительно хихикнул. Глаза Балля остались закрытыми, а Рун неподвижно сидел в темноте.

— Слово «дурачок» я использовал отнюдь не в переносном смысле, — продолжил Файф. — Безопасники землю носом роют, но его история прослеживается лишь за последние десять с половиной месяцев. Безумца обнаружили в деревне

неподалеку от города. Он не умел ни ходить, ни говорить. Даже есть самостоятельно не мог. Обратите внимание, что его первое появление произошло через несколько недель после исчезновения пространственного аналитика, а также на то, что за какие-нибудь месяцы дурачок научился говорить и даже работать на кыртопрядильне. Какой идиот смог бы так быстро всему обучиться?

— Вообще-то, — встрял Стин, — если глубоко психозондировать человека, все можно устроить так, что… — Он осекся и замолчал.

— Сложно найти кого-то более сведущего в данном вопросе, — сардонически усмехнулся Файф, — однако я и без экспертного мнения Стина пришел к аналогичному заключению. Это — единственное объяснение. Психозондирование могли провести либо на Сарке, либо в Верхнем городе на Флорине. Мы скрупулезно проверили все клиники Верхнего города и не нашли ни одной улики незаконной операции. Тогда один из агентов решил просмотреть записи врачей, умерших после обнаружения дурачка. Я собираюсь лично проследить, чтобы этот агент получил повышение за свою идею. Мы обнаружили запись о нашем идиоте. Полгода назад его привезла

на обследование крестьянка, та самая, вторая из нашего трио. Привезла, по-видимому, втайне, поскольку отпросилась с работы под совершенно иным предлогом. Врач осмотрел дурака и сразу обнаружил признаки психозондирования.

Файф обвел глазами собеседников и продолжил:

— И тут мы подходим к интересному моменту. Врач держал кабинет как в Нижнем городе, так и в Верхнем. Был из тех идеалистов, что считают, будто туземцы тоже заслуживают первоклассного медицинского обслуживания. Человек педантичный, он оставлял истории болезней и наверху, и внизу, чтобы не ездить лишний раз туда-сюда на лифте. Из того же идеализма, полагаю, он не делил своих пациентов на саркцев и флориниан цев. Тем не менее запись о нашем идиоте не была продублирована. Единственная из всех. Почему? Если по какой-то причине он решил не делать копию, то почему история болезни сохранилась в Верхнем городе? Почему не в Нижнем? В конце концов, пациент был флориниан цем и привезен на прием флориниан ской женщиной. Врач осматривал его в Нижнем городе. Все это содержится в истории болезни. Может быть только один ответ на загадку. Изначально запись

имелась и там, и там, но в Нижнем городе она была уничтожена кем-то, кто не знал о наличии ее копии в кабинете Верхнего. Перейдем к следующему вопросу. В протоколе осмотра идиота имеется пункт, что сведения об этом случае будут включены в очередной доклад для Министерства госбезопасности. И совершенно правильно. Любой случай психозондирования может оказаться связан с преступлением или даже с подрывной деятельностью. Доклад так и не был сделан. Через неделю доктор погиб в дорожно-транспортном происшествии. Не многовато ли совпадений, как считаете, господа?

Балль приоткрыл глаза и произнес:

— Ваш рассказ смахивает на детективный триллер.

— В точку! — довольно воскликнул Файф. — Настоящий детективный триллер, а я — хитроумный детектив.

— А обвиняемый кто? — свистящим шепотом спросил Балль.

— Пока никто. Позвольте мне еще немного поиграть в детектива.

Несмотря на то что Файф полагал происходящее опаснейшим кризисом, с которым когда-либо сталкивался Сарк, он обнаружил, что ему чрезвы-

чайно нравится эта игра.

— Давайте попробуем подойти к истории с другого конца, — предложил он. — Забудем ненадолго о деревенском дурачке и вспомним о пространственном аналитике. Впервые он появился в этой истории, когда прислал нашим транспортникам запрос на посадку своего корабля. Ранее он отправил сообщение в МПБ. Корабль аналитика так и не приземлился. В ближайшем космосе его нет. Кроме того, исчезает сообщение, адресованное транспортникам. МПБ обвиняет Сарк в намеренном сокрытии. Безопасники предполагают, что сообщение было фальшивкой, состряпанной в пропагандистских целях. Теперь я думаю, что обе гипотезы ошибочны. Сообщение приходило, но скрыто оно не властями Сарка. Давайте представим, что некто, назовем его Икс, получает доступ к записям транспортников, узнает об аналитике и его сообщении. Икс умен и быстр. Он отправляет аналитику секретную субэфирограмму, после чего сажает его корабль на каком-нибудь небольшом частном космодроме, где и встречает ученого. Сообщение аналитика о конце света Икс захватывает с собой. Для этого у него могут быть две причины. Во-первых, он уничтожает улику, чтобы запутать возможное

расследование; во-вторых, завоевывает доверие свихнувшегося аналитика. Если аналитик считал, что может откровенно говорить лишь со своим начальством, он вполне мог довериться Иксу, поскольку тот уже знал суть истории. Несомненно, аналитик заговорил. Какими бы бессвязными, безумными и даже невероятными ни были его речи, Икс углядел в них превосходный рычаг для давления. Он отправляет подметные письма великим нобилям, то есть нам. Вероятно, в то время планы Икса были аналогичны тем, которые я приписывал Трантору: если мы с ним не приходим к соглашению, он распускает слухи о катастрофе и мешает производству кырта, чтобы заставить нас сдаться. И тут он допустил первый просчет. Его что-то напугало. Но об этом позже.

Файф перевел дух, после чего продолжил:

— Во всяком случае Икс решил подождать. Однако ожидание было чревато одним осложнением. Икс не поверил аналитику, однако сам аналитик был, разумеется, искренен в своем безумии. Икс должен был организовать дело так, чтобы тот спокойно дожидался обещанного «конца света». Сам ученый, конечно, сидеть сложа руки не стал бы. Нужно было как-то вывести сумасшедшего из строя. Икс мог бы убить

аналитика, но я уверен, что тот нужен был ему для получения дополнительной информации. В конце концов, сам он ничего не понимает в пространственном анализе, а строить убедительный шантаж на полном блефе затруднительно. Может быть, в случае полного провала Икс намеревался использовать аналитика в качестве заложника. В общем, он выбрал психозонд. После зондирования у Икса на руках оказался уже не пространственный аналитик, а бесполезный идиот, который некоторое время не представлял угрозы, хотя рано или поздно его мозг должен был восстановиться. Что же дальше? Икс не хотел, чтобы в ближайший год аналитика кто-нибудь обнаружил, чтобы тот попался на глаза серьезным людям даже в качестве идиота. Икс действует просто и изящно. Он отвозит того на Флорину, где пространственный аналитик почти год работает на кыртопрядильне, а окружающие считают его полубезумным туземцем. Полагаю, в течение этого года Икс или кто-то из его доверенных посещал поселок, куда был подброшен аналитик. Надо же было убедиться, что парень жив и более-менее здоров. В один из таких визитов Икс узнает, что несчастного возили к доктору, который с первого взгляда опознал признаки

психозондирования. Врач погибает, а история болезни исчезает — правда, лишь из кабинета в Нижнем городе. Это стало первой ошибкой Икса. Ему и в голову не приходила мысль о наличии копии в Верхнем городе. И тут он допускает второй просчет. Идиот начал слишком быстро приходить в себя, и поселковый староста оказался достаточно сообразительным, чтобы разглядеть нечто значительное за бессмысленным бредом. Вероятно, девушка, заботившаяся о дурачке, поделилась со старостой выводами врача насчет психозондирования, но это уже чистая дедукция. Все, конец истории.

Файф сцепил сильные руки и стал ждать.

Первым отреагировал Рун. Несколько секунд назад в его кубе зажегся свет, и теперь нобиль сидел, щурясь и улыбаясь.

— Ну и скучный же детектив вы нам поведали, Файф. Не включись у меня свет, я бы уснул.

— Насколько я могу судить, — медленно проговорил Балль, — вы, Файф, состряпали историю столь же фантастическую, что и прошлогодняя. Она на девять десятых состоит из домыслов.

— Сплошной вздор! — рявкнул Борт.

— А кто же Икс? — спросил Стин. — Если вы не знаете, кто он, все это, право слово, не имеет ни-

какого смысла. — Он деликатно зевнул, прикрыв указательным пальцем мелкие белые зубки.

— Что же, хоть один из вас вник в суть дела, — сказал Файф. — Идентификация Икса — ключевой вопрос. Какими чертами характера должен обладать Икс, если моя теория верна? Прежде всего у него должны иметься контакты с госбезопасностью. Он имеет право использовать психозонд. Он считает себя способным на крупномасштабный шантаж. Может легко похитить пространственного аналитика с Сарка и увезти его на Флорину. Организовать там смерть врача. Непростой человек, да-а, очень непростой. Пожалуй, такое под силу только великому нобилю. Вам не кажется, господа?

Борт вскочил. Его голова исчезла, затем он вновь опустился в кресло. Стин разразился лающим, истерическим хохотом. Утонувшие в толстых щеках глаза Руна яростно блеснули. Балль задумчиво покачал головой.

— Ради святого космоса! — возопил Борт. — Кого конкретно вы обвиняете?

— Пока никого. — Файф остался невозмутим. — Однако посудите сами. Здесь только мы пятеро. Никому другому на Сарке не под силу сделать то, что сделал Икс. Никому, кроме нас. Это можно

принять за аксиому. Остается вопрос: кто из нас Икс? Сразу заявляю, что это не я.

— И мы должны поверить вам на слово, да? — усмехнулся Рун.

— Нет, не должны, — парировал Файф. — Но я единственный, у кого нет мотива. Икс стремится взять под контроль производство кырта, а мне и так принадлежит основная его доля. Я владею третью плантаций Флорины. Моих ткацких фабрик и грузовых космических кораблей вполне хватит, чтобы при желании вытеснить любого из вас с рынка безо всякого изощренного шантажа.

Остальные четверо разом загомонили, и Файфу пришлось повысить голос:

— Послушайте же! У каждого из вас есть мотив. Рун — владелец самого маленького материка и самого скромного холдинга. И вам это не по нраву, Рун, не притворяйтесь, я знаю, что прав. У Балля — древняя родословная, во время о́но его семья управляла всем Сарком. Вероятно, Балль об этом не забыл. Борт недоволен, что на совещаниях вечно остается в меньшинстве и не может на своих территориях вести политику «кнута и бластера», как ему мечтается. У Стина большие запросы, а финансы, скажем так, поют романсы. Нужда в средствах — жестокая пытка. Вот как

обстоят дела. Побудительные мотивы: зависть, тщеславие, жажда власти, жажда денег. Так кто же из вас, господа, этот Икс?

— То есть вы не знаете? — в глазах Балля мелькнул злобный огонек.

— Знаю не знаю — это не важно. Не забудьте, я сказал, что нечто испугало Икса (я пока буду называть его Иксом). Знаете, что это было? Наше первое совещание, на котором я предложил выступить единым фронтом. Икс находился среди нас. Он понимал, что, объединись мы, его постигнет фиаско. Он рассчитывал победить, надеясь, что непоколебимые традиции континентальной автономии помешают нам сплотиться. Увидев, что ошибся, Икс решил переждать, пока буря не уляжется, а потом попытаться вновь. Однако он не прав. Мы будем действовать сообща. Это единственный способ одержать верх, принимая во внимание, что Икс — один из нас. Итак, с континентальной автономией покончено. Теперь это непозволительная роскошь, иначе авантюра Икса нас разорит или окончится вмешательством Трантора. Лично я могу доверять лишь самому себе, поэтому именно я отныне возглавляю единый Сарк. Вы со мной?

Все вскочили. Борт потрясал кулаками, в угол-

ках его губ выступила пена. Физически они ничем не могли ему повредить. Файф усмехнулся. Их разделяли целые континенты. Он мог спокойно сидеть за столом и наблюдать их ярость.

— У вас нет выбора, — сказал он. — За год, прошедший с того нашего совещания, я предпринял кое-какие шаги. Пока вы тут меня слушали, тараща глаза, верные мне офицеры захватили командование флотом.

— Измена! — взвыли они в один голос.

— Измена континентальной автономии, — парировал Файф, — и верность Сарку.

Стин нервно сплетал и расплетал пальцы, медные ногти были единственным живым пятном на фоне его кожи:

— Но этот Икс… Даже если он один из нас, остальные трое невиновны. Я — не Икс. — Он ядовитым взглядом обвел присутствующих. — Это кто-то из них.

— Невиновные, если пожелают, войдут в мое правительство. Терять им нечего.

— Вы не собираетесь раскрывать нам имя изменника! — завопил Борт. — Историей с Иксом вы собираетесь держать нас за… держать нас… — Он задохнулся от возмущения.

— Вовсе нет. Я узнаю, кто такой Икс, ровно через

двадцать четыре часа. Узнаю и скажу вам. Пространственный аналитик, о котором мы столько говорили, находится в моих руках.

Все разом замолчали и принялись подозрительно переглядываться.

— Вы задаетесь вопросом, кто же из вас Икс, — усмехнулся Файф. — Не сомневайтесь, одному это точно известно. Через сутки узнаем и мы. И не забудьте, господа, теперь вы тоже у меня в руках. Военные корабли подчиняются мне. Доброго вам дня.

Он махнул рукой, отсылая их прочь.

Один за другим они исчезли из его кабинета, словно звезды, стертые с визира остовом разбитого космического корабля. Стин был последним.

— Файф… — произнес он дрожащим голосом.

— Да? — Файф поднял глаза. — Хотите во всем признаться наедине? Икс — это вы?

— Нет-нет. — Лицо Стина в ужасе перекосилось. — Право слово! Я просто хотел спросить. Вы это все серьезно? Ну, насчет автономии и прочего? Вы не шутили?

— Доброго вам дня, Стин, — сказал Файф, взглянув на старый хронометр.

Стин всхлипнул, щелкнул тумблером и исчез вслед за остальными.

Файф остался сидеть, неподвижный, как камень. Совещание закончилось, напряжение отступало, и наваливалось опустошение. Его безгубый рот выглядел раной на широком лице.

Все расчеты строились на том, что пространственный аналитик сошел с ума и никакого конца света не будет. Но вокруг этого психа слишком много возни. Неужели Юнц из МПБ потратил бы целый год на поиски ненормального? Неужели он с таким упорством гонялся бы за сказками?

Своими сомнениями Файф ни с кем не делился. Он не решался даже обдумать их как следует. Что, если пространственный аналитик вовсе не был психом и над кыртом нависла угроза?

Перед Файфом возник секретарь-флоринианец и прошелестел:

— Сэр…

— В чем дело?

— Приземлился корабль вашей дочери.

— Пространственный аналитик и туземка не пострадали?

— Нет, сэр.

— Никто не должен разговаривать с ними в мое отсутствие. Держите их в изоляции, пока я не прибуду… Кстати, есть новости с Флорины?

— Да, сэр. Староста схвачен и скоро будет до-

ставлен на Сарк.

Глава 13
Яхтсмен

Сумерки густели, но над космопортом ровным светом горели огни. Городская иллюминация не отличалась от той, которую можно было наблюдать каждый вечер. Тогда как во всех яхтенных космопортах Верхнего города всегда было светло, как днем. Разве что в полдень яркость огней возрастала еще больше.

Маркис Дженро мог заметить смену времени суток только по оставленным позади разноцветным ночным огням Города. Те полыхали на фоне чернеющего неба, однако затмить солнце никогда не пытались.

Дженро задержался на входе. На него не произвели впечатление пять стартовых шахт и гигантская подкова из трех десятков ангаров. Это было неотъемлемой частью его самого, его жизни опытного яхтсмена.

Дженро вытащил тонкую фиолетовую сигарету с гильзой из тончайшего серебристого кырта и небрежно сунул в рот. Прикрыл ладонями кончик, наблюдая, как с каждой затяжкой тот

разгорается зеленоватым светом. Сигарета медленно истлевала, не оставляя пепла. Изумрудный дымок щекотал ноздри.

— Идем в штатном режиме, — пробормотал Дженро.

К нему торопливо, но пытаясь изображать вальяжность, двинулся член яхтенного комитета. В яхтенном костюме, разумеется. На единственной пуговице туники — изящная буковка, долженствующая свидетельствовать о принадлежности владельца к комитету яхтенного клуба.

— Привет, Дженро! А почему что-то должно идти не в штатном режиме?

— Привет, Дотти. Я опасался, что из-за всего этого тарарама какому-нибудь умнику взбредет в голову закрыть космопорт. Слава Сарку, этого не случилось.

— Но, знаешь ли, к этому все идет. — Дотти посуровел. — Слышал самые последние новости?

— А как ты отличаешь самые последние от просто последних? — засмеялся Дженро.

— Короче, ты уже слышал о том туземце-убийце?

— Хочешь сказать, его взяли? Нет, об этом я еще не слыхал.

— Никого они не взяли. Зато выяснили, что в

Нижнем городе его нет.

— Нет? И где же он?

— Здесь! В Верхнем!

— Брось! — Дженро вытаращил было глаза, но тут же недоверчиво прищурился.

— Это чистая правда, — сказал Дотти немного обиженно. — Я своими глазами видел, как патрульные, высунув языки, носятся туда-сюда по Кыртовому проспекту. Парк окружен, а штаб у них на Центральном стадионе. Это чистая правда, говорю тебе.

— Ну, может быть. — Дженро рассеянно скользнул взглядом по рядам яхт в ангарах. — Я не был в «9» уже месяца два. Не появились новые корабли?

— Нет. То есть да, есть же «Огненная стрела» Хьердесса.

— Эту я видел. — Дженро покачал головой. — Хромированное корыто. Чем дальше, тем больше я склоняюсь к мысли, что придется проектировать корабль самому.

— Хочешь продать «Комету-V»?

— Продать, подарить, выбросить на свалку… Ненавижу современные модели. Сплошная автоматика. Автоматические реле и компьютерная трассировка убивают спорт.

— Да, многие так говорят, — кивнул Дотти. — Знаешь что? Если услышу, что кто-нибудь продает старую яхту в хорошем состоянии, я тебе маякну.

— Спасибо. Не возражаешь, если я прошвырнусь по ангарам?

— Нет, конечно. Ходи сколько влезет. — Дотти махнул рукой и зарысил прочь.

Дженро медленно двинулся по кругу, останавливаясь у каждого занятого ангара и придирчиво оценивая яхты. Полупогасшая сигарета свисала из уголка рта. Подойдя к ангару номер 26, он резко остановился, перегнулся через невысокий барьер и позвал:

— Сэр!

Позвал достаточно вежливо, однако, подождав немного, вынужден был повторить вновь, уже более требовательно и менее любезно.

Нобиль, вышедший на его зов, выглядел довольно помятым. Без яхтенного костюма, на физиономии — щетина, отталкивающего вида колпак уродливо натянут на самые уши, прикрывая чуть ли не пол-лица. Во всей позе — какая-то нетипичная подозрительная осторожность.

— Я — Маркис Дженро. Это ваше судно, сэр?

— Да, мое, — напряженным голосом ответил

странный нобиль.

Дженро уже не обращал на него внимания, пристально разглядывая обводы яхты. Он вытащил окурок изо рта и подбросил высоко в воздух. Тот вспыхнул и исчез, не достигнув высшей точки дуги.

— Вы позволите? — спросил Дженро.

Хозяин опять замялся, потом отошел в сторону, пропуская его в ангар.

— Какие движки у вашей яхты, сэр?

— Почему вы спрашиваете?

Дженро был высоким, на полголовы выше собеседника, темнокожим, кареглазым, с жесткими, коротко стриженными волосами. Он улыбнулся, показав белые, редкие зубы:

— Если начистоту, я подыскиваю себе новый корабль.

— И хотите купить этот?

— Не знаю. Что-нибудь наподобие, если сойдусь с хозяином в цене. Вы не против, если я осмотрю систему управления и двигатели?

Нобиль промолчал.

— Ну, как вам угодно, сэр, — холодно произнес Дженро и двинулся к выходу.

— Пожалуй, я могу вам ее продать, — вдруг сказал нобиль и принялся рыться по карманам. —

Вот мои водительские права!

Дженро опытным взглядом пробежался по карточке и вернул хозяину.

— Вы Даэмон?

— Да, — кивнул нобиль. — Можете осмотреть яхту, если хотите.

Дженро глянул на большой портовый хронометр, светящиеся стрелки которого выделялись даже на фоне яркой иллюминации. Пошел второй час после заката.

— Благодарю. Вы меня проводите?

Нобиль опять порылся в карманах, извлек набор ленточных ключей и протянул их Дженро:

— После вас, сэр.

Дженро перебрал ключи, ища код, соответствующий «клейму» корабля. Нобиль не делал ни малейшей попытки ему помочь.

— Этот, да? — наконец спросил Дженро, поднялся по короткому трапу к шлюзу и оглядел правую часть, ища щель замка. — Я не вижу… А, вот она. — Дженро шагнул влево.

Шлюз медленно и бесшумно раскрылся, Дженро шагнул в темноту. Автоматически вспыхнул красный свет, дверь за ними закрылась. Открылась внутренняя дверь. Они вошли, и загорелся нормальный белый свет.

У Мирлина Тиренса не было выбора. Он уже забыл, что существует такая вещь, как выбор. Три невыносимо долгих часа бывший староста беспомощно проторчал около яхты Даэмона, не зная, что делать дальше. Он зашел в тупик, оставалось лишь ждать, когда его схватят.

И тут является парень, желающий осмотреть яхту. Разговаривать с ним было полным безумием. Вблизи Тиренс никого не мог обмануть. Однако и оставаться в ангаре тоже было нельзя. В корабле, по крайней мере, могла найтись еда. Странно, что это не пришло ему в голову раньше.

Еда действительно была.

— Время идет к ужину, — сказал Тиренс. — Не желаете перекусить?

— Благодарю, может быть, позже. — Яхтсмен едва взглянул на него через плечо.

Тиренс не стал настаивать. Он позволил парню сколько угодно осматривать корабль, а сам набросился на мясные консервы и нетерпеливо, хищно разрывая целлулитовые упаковки, жадно напился. В конце коридора, неподалеку от камбуза, обнаружился душ. Тиренс выкупался. Каким наслаждением было хоть ненадолго стянуть с головы тесный колпак. Нашелся даже одежный

шкафчик, так что Тиренс смог переодеться.

Когда Дженро вернулся, староста чувствовал себя гораздо увереннее.

— Послушайте, вы не возражаете, если я попробую прокатиться на вашей яхте?

— Совершенно не возражаю. А вы умеете водить эту модель? — беспечным тоном поинтересовался Тиренс.

— Думаю, да. — Парень скупо улыбнулся. — Льщу себе надеждой, что умею летать на всех стандартных моделях. Я позволил себе связаться с диспетчером, у них есть свободная стартовая шахта. Вот мои права, убедитесь, что они в порядке.

Тиренс бросил на карточку такой же беглый взгляд, как и Дженро на его собственную.

— Штурвал ваш, — просто сказал он.

Корабль неторопливо, словно крылатый кит, выкатился из ангара. Его диамагнитный корпус пробороздил гладкую глинистую почву поля на три дюйма.

Тиренс внимательно следил за тем, как Дженро отточенными движениями управляет яхтой. Она будто ожила от его прикосновений. При малейшем воздействии картинка на экране визира менялась.

Корабль остановился точно против взлетной шахты. Сила диамагнитного поля плавно возросла, и нос яхты приподнялся. Кабина пилота повернулась на универсальном шарнире в соответствии с меняющимся вектором гравитации, о чем Тиренс, к счастью для него, даже не подозревал. Кормовые фланцы легко вошли в соответствующие пазы шахты. Величественный корабль встал прямо, словно стрела, указывающая в небо.

Дюралитовая крышка стартовой шахты уехала в выемку. Обнажилось нейтрализованное покрытие трубы, уходящей вниз на сто ярдов, которое должно было принять на себя первую энергетическую атаку гиператомных двигателей.

Дженро обменялся с диспетчерской какими-то непонятными Тиренсу словами, потом сказал:

— Десять секунд до взлета.

Красная нить поползла по кварцевой трубке, отсчитывая секунды. Когда она добралась до верхней отметки, первый импульс энергии ударил с кормы.

Тиренс отяжелел, его вдавило в кресло. Он почувствовал подступающую панику.

— Ну, и как она в управлении? — прохрипел он.

Дженро, похоже, немного уменьшил ускорение и сказал:

— Неплоха.

При этом тембр его голоса почти не изменился.

Тиренс откинулся на спинку кресла, постаравшись расслабиться и глядя, как звезды на экране визира приближаются, становятся ярче и четче, а атмосфера редеет. Его кыртовая рубашка сделалась холодной и влажной от пота.

Они были в космосе. Дженро испытывал яхту в работе. Тиренс догадался об этом по тому, как мелькают звезды на экране, а длинные, тонкие пальцы яхтсмена пробегают по кнопкам системы управления, словно по клавишам музыкального инструмента. И вот экран почти заполнила оранжевая «долька» планеты.

— Действительно, совсем неплохо, — повторил Дженро. — Даэмон, вы поддерживаете яхту в отличном состоянии. Кораблик, конечно, небольшой, но свои плюсы у него есть.

— Полагаю, вы захотите проверить его скорость и прыгучесть, — осторожно предположил Тиренс. — С моей стороны возражений не будет.

— Прекрасно, — кивнул Дженро. — Куда бы нам только отправиться? Может… — он на секунду

задумался, — на Сарк?

Тиренс задышал чаще. Он ждал этого предложения. Еще чуть-чуть — и он поверит, что попал в мир волшебства. События сами вели вперед, безо всякого усилия с его стороны. Или это не события, а судьба? В детстве он верил, что нобили пестуют глупых туземцев, а детские суеверия трудно перерасти. На Сарке находился Рик, к которому возвращаются его воспоминания. Возможно, игра еще не закончена.

— Почему бы и нет? — охотно поддержал Тиренс.

— Да будет Сарк!

Со все возрастающей скоростью Флорина начала удаляться, и на экран вернулись звезды.

— Каков ваш личный рекорд на трассе Флорина — Сарк? — поинтересовался Дженро.

— Ничего выдающегося. Я — середнячок.

— Но ведь не больше шести часов?

— При удачных обстоятельствах.

— Спорим, я покрою эту дистанцию за пять?

— Вперед!

Им потребовалось немало времени, чтобы удалиться от искажающей ткань пространства звездной массы и совершить прыжок.

Глаза у Тиренса слипались. Он не спал уже

третью ночь подряд. На недосып накладывалось напряжение последних дней.

— Почему бы вам не поспать? — Дженро искоса посмотрел на него.

— Ничего, я в порядке. — Тиренс с трудом придал своему лицу бодрое выражение.

Потом широко зевнул и смущенно улыбнулся. Яхтсмен вернулся к управлению, а глаза Тиренса вновь остекленели.

Кресло было преудобнейшим, ведь оно должно было смягчить последствия ускорения. Даже не слишком уставший человек мог задремать, уютно устроившись здесь, и Тиренс, способный сейчас уснуть даже на битом стекле, сам не заметил, как провалился в сон.

Впервые в жизни он спал так глубоко, долго и без сновидений.

Он даже не шевельнулся и продолжал ровно дышать, когда с него стянули колпак.

Просыпался он медленно и мучительно. Несколько долгих минут не мог сообразить, где находится. Померещилось, что у себя дома. Постепенно воспоминания о событиях последних дней вернулись, он улыбнулся Дженро, сидевшему в кресле пилота, и пробормотал:

— Кажется, я задремал.

— Было дело. А вот и Сарк. — Дженро кивнул на экран, где виднелась восходящая белая планета.

— Когда приземлимся?

— Примерно через час.

Он уже окончательно проснулся и заметил легкое изменение в голосе яхтсмена. Тиренса бросило в жар, когда Дженро направил на него серо-стальной ствол игольчатого пистолета.

— Ради святого космоса… — начал он, поднимаясь на ноги.

— Сидеть, — спокойно приказал Дженро, сжимая в другой руке колпак.

Тиренс машинально схватился за свои светлые волосы.

— Да, — кивнул Дженро, — это очевидно. Ты — туземец.

Тиренс молча смотрел на пилота.

— Я понял, кто ты такой, еще до того, как взошел на корабль бедняги Даэмона.

Во рту у Тиренса пересохло, в глаза словно сыпанули песку. Он не мог отвести взгляда от тонкого ствола, ожидая внезапной бесшумной вспышки. Продвинуться так далеко — и все-таки проиграть…

Дженро, похоже, никуда не торопился. Твердо держа пистолет, он ровным и жестким тоном

произнес:

— Твоя главная ошибка, староста, в том, что ты решил, будто можешь вечно бегать от полиции. Но даже и в этом случае не следовало убивать несчастного Даэмона. Крайне неудачный выбор.

— Я его не выбирал, — прохрипел Тиренс.

— Что же, тогда назовем это везеньем. Двенадцать часов назад Альстар Даэмон собирался встретиться в парке со своей женой. Место было назначено из чисто сентиментальных побуждений. Именно там они в свое время познакомились — и посещали парк каждую годовщину свадьбы. На первый взгляд ничего такого, своего рода ритуал, принятый среди молодоженов, однако ритуал — крайне важный для них самих. Разумеется, Даэмон не подозревал, что именно относительная малолюдность местечка превратила его в потенциальную жертву убийцы. Кто бы подумал, что такое возможно в Верхнем городе? При иных обстоятельствах труп мог пролежать в пещере несколько дней. Однако жена Даэмона появилась на месте преступления почти сразу и, не обнаружив мужа, очень удивилась. Не в его привычках было рассердиться и уйти. Она частенько опаздывала, и он более или менее притерпелся к непунктуальности жены. Тогда она решила, что

он зашел в «их» грот. Даэмон, естественно, ждал жену напротив памятной обоим пещеры. Она же оказалась ближайшей к месту преступления: туда его и затащил убийца. Жена, в свою очередь, вошла в пещеру и… Ну, ты и сам знаешь, что она там обнаружила. Несмотря на шок и истерику, женщина сумела добраться до местного отделения госбезопасности, и те передали сведения патрульным. Староста, что ты почувствовал, хладнокровно убив человека и бросив труп там, где его обнаружила жена, пришедшая в полное приятных воспоминаний местечко?

Тиренс поперхнулся. Глаза ему застилал кровавый туман ярости и отчаяния:

— Вы, саркцы, убили миллионы флориниан-цев! Женщин, детей… Вы наживаетесь на нас. Эта яхта… — Он задохнулся от гнева.

— Даэмон в этом не был виноват, мироустройство сложилось еще до его рождения. Хочешь сказать, что, если бы родился саркцем, раздал бы свое состояние и отправился работать на кыртовые поля?

— Тогда стреляй, — выкрикнул Тиренс, и его лицо перекосилось. — Чего ты ждешь?

— Не будем спешить. У меня еще есть время рассказать тебе всю историю. Мы не могли с

точностью идентифицировать труп и убийцу, однако шансы, что убитый является Даэмоном, а убийца — ты, были велики. Обнаружив рядом с телом золу от формы патрульного, мы поняли, что ты переоделся нобилем. Напрашивался вывод, что ты попытаешься завладеть яхтой Даэмона. Не преувеличивай нашу тупость, староста. Дело по-прежнему оставалось мутным, ты же находился в отчаянном положении. Недостаточно было просто напасть на твой след. Ты был вооружен и, загони мы тебя в угол, несомненно, покончил бы с собой. А твое самоубийство не входило в наши планы. Ты нужен властям Сарка живым. Крайне деликатное дело. Я смог убедить товарищей, что справлюсь с тобой в одиночку и тихо-мирно доставлю на Сарк. Ты должен признать, что мне это удалось. Честно говоря, сначала я даже усомнился, тот ли передо мной человек, который нам нужен. Ты расхаживал по ангару яхтклуба в обычном деловом костюме, а это — дикая безвкусица. Никто, включая меня, не представляет, чтобы яхтсмен явился на взлетное поле без подобающего наряда. Я даже заподозрил, что тебя отправили в космопорт в качестве приманки. Что ты дашь себя арестовать, позволив истинному убийце скрыться. Тогда я решил тебя

испытать. Сначала сделал вид, что ищу замочную скважину справа. Запомни, на всех до единого кораблях замочная скважина располагается слева, и только слева, от шлюза. Ты не отреагировал на мою «ошибку». И это не все. Когда я спросил, преодолевал ли ты расстояние от Флорины до Сарка меньше чем за шесть часов, ты ответил, что случалось при благоприятных обстоятельствах. Невероятно! Рекорд трассы — свыше девяти часов. Я сделал вывод, что никакая ты не приманка. Твое невежество говорило само за себя. Я больше не сомневался: передо мной тот, кто нужен. Оставалось только подождать, пока ты уснешь (по твоей физиономии было видно, что ты отчаянно нуждаешься в сне), обезоружить и вооружиться самому. Колпак с твоей головы я снял скорее из любопытства. Хотел полюбоваться, как саркская одежда сочетается с твоей соломенной башкой.

Тиренс не сводил глаз с нейрохлыста. Вероятно, Дженро заметил, как сжались его челюсти, или просто догадался, о чем тот думает.

— Если ты на меня нападешь, я не стану тебя убивать. Не имею права даже в целях самозащиты. Но не рассчитывай извлечь из этого пользу. Только дернись, и я прострелю тебе ногу.

Силы покинули Тиренса. Обхватив руками

голову, он рухнул в кресло.

— Знаешь, зачем я все это тебе говорю? — тихо продолжил Дженро.

Тиренс промолчал.

— Прежде всего мне нравится смотреть, как ты страдаешь. Я терпеть не могу убийц вообще, а туземцев, убивающих саркцев, — в особенности. Мне приказали доставить тебя живым, но это не значит, что путешествие должно тебе понравиться. А во-вторых, ты должен ознакомиться с ситуацией, потому что, когда мы приземлимся на Сарке, дальше дело будет за тобой.

— Что? — Тиренс поднял взгляд.

— Безопасники знают, что мы скоро прилетим. Даже не сомневайся, их региональный отдел отправил сообщение на Сарк, едва наш корабль покинул атмосферу Флорины. Но, как я уже сказал, для меня было жизненно важно убедить органы, что я справлюсь с делом в одиночку. И поскольку у меня получилось, это все меняет.

— Ничего не понимаю, — тоскливо пробормотал Тиренс.

— Я сказал, что тебя желают видеть на Сарке, — холодно ответил Дженро. — Однако в данном случае речь не о госбезопасности, а о Транторе.

Глава 14
Перебежчик

Селим Юнц никогда не был флегматиком[2], и год бесплодных поисков его нрав не улучшил. Он не мог спокойно сидеть и потягивать вино, когда в его душе все клокотало. Одним словом, он отнюдь не был Людиганом Абелем.

Выслушав вопли Юнца насчет того, что Сарку ни в коем случае нельзя спускать похищение и арест сотрудника МПБ, сколько бы шпионов Трантора ни было замешано в деле, Абель невозмутимо сказал:

— Думаю, вам лучше переночевать здесь, профессор.

— Я сам решу, что для меня лучше, — ледяным тоном возразил Юнц.

— Не сомневаюсь, дружище, не сомневаюсь. Тем не менее, если Сарк настолько осмелел, что поднимает бластеры на моих людей, существует немалая вероятность и вам попасть в переделку.

---

[2] Примечания: 2

Ф л е г м а т и к — медлительный, уравновешенный, невозмутимый — согласно классификации темперамента по Гиппократу и Галену (*Прим. ред.*).

Давайте переждем эту ночь у меня, а там посмотрим, что нам приготовил грядущий день.

Сколько Юнц ни горячился, призывая к немедленным действиям, это ни к чему не привело. Абель оставался таким же бесстрастным, почти безразличным, вдобавок его внезапно одолела тугоухость. С твердой учтивостью Юнца препроводили в отведенные ему покои.

Лежа на кровати, профессор таращился в слегка светящийся потолок, украшенный фреской (средненькая копия «Битвы у арктурианских лун» Ленгадена), зная, что не заснет. Затем его нос уловил слабый запах газа. *«Сомнин!»* — успел подумать Юнц и тут же провалился в сон. За те пять минут, что вытяжка очищала воздух от паров, профессор надышался достаточно, чтобы получить восемь часов здорового сна.

Юнц проснулся в холодном рассветном сумраке. Перед ним стоял Абель.

— Сколько времени?

— Шесть.

— Великий космос! — Профессор огляделся и выпростал мосластые ноги из-под простыни. — Вы — ранняя пташка.

— Я вовсе не спал.

— Не спали?

— И скоро об этом пожалею. Увы, мой организм реагирует на антисомнин уже не так, как в юности.

— Минуточку, с вашего позволения, — пробормотал Юнц.

Его сборы если и заняли больше «минуточки», то ненамного. Профессор вернулся в комнату, затягивая пояс на тунике и поправляя магнитный шов.

— Ну? — нетерпеливо спросил Юнц. — Сомневаюсь, что вы бодрствовали всю ночь и разбудили меня в такую рань просто так.

— Верно, верно. — Абель присел на край кровати и, запрокинув голову, рассмеялся.

Смех у посла оказался высоким, но сдержанным. Крепкие, слегка желтоватые пластиковые зубы контрастировали с дряблыми деснами.

— Ох, прошу прощения, Юнц, — отсмеявшись, сказал Абель, — я сегодня немного не в себе. Голова кружится после вынужденного бодрствования. Всерьез подумываю, не подать ли в отставку. Пора Трантору сменить меня на кого-нибудь помоложе.

— Неужели выяснилось, что нашего аналитика у саркцев нет? — спросил Юнц саркастическим тоном, хотя и не без затаенной надежды.

— Как ни жаль, аналитик у них. Мое веселье вызвал тот факт, что наша сеть все-таки сработала.

У Юнца готово было сорваться с губ: «В гробу я видал вашу сеть!» — но он сдержался.

— Несомненно, — продолжил Абель, — они знали, что Хоров — мой агент. Могут знать и о других на Флорине, но те — мелкие сошки. Поэтому саркцы их не трогают, только держат под наблюдением.

— Одного они убили, — заметил Юнц.

— Не они, — возразил Абель. — Его убил товарищ вашего аналитика, завладевший формой и бластером патрульного.

— Ничего не понимаю, — уставился на посла Юнц.

— Запутанная история. Кстати, не позавтракаете со мной? Я очень проголодался.

За кофе Абель рассказал Юнцу, что произошло в последние тридцать шесть часов. Профессор в ошеломлении отставил в сторону недопитую чашку и больше к кофе не притронулся.

— Даже если допустить, что они выбрали для побега именно этот корабль, их могут и не обнаружить, — сказал он. — Выслав навстречу кораблю своих людей, вы…

— Вздор. Сами знаете, что на современном

корабле быстро обнаружат избыточное тепло, выделяемое человеческими телами.

— Всегда можно что-нибудь упустить. Техника безупречна, люди — нет.

— Выдаете желаемое за действительное. Послушайте, Юнц. В то время как корабль с аналитиком приближается к Сарку, мне пришло донесение из надежнейшего источника, что Файф собрал великих нобилей на совещание. Их межконтинентальные встречи столь же редки, сколь столкновение звезд в галактике. Совпадение?

— Совещаются по поводу пространственного аналитика?

— Сам по себе этот человек ничего не значит. Важным его сделали мы с вами. Ведь МПБ упорно разыскивало его почти год.

— Не МПБ, — буркнул Юнц, — а я. Я работал практически неофициально.

— Нобили об этом не знают, и даже скажи вы им — не поверят. Да и Трантор проявлял к нему интерес.

— По моей просьбе.

— Опять же — не знают и не поверят.

Юнц поднялся, его кресло автоматически отъехало назад. Сцепив руки за спиной, профессор принялся ходить туда-сюда по ковру.

Вперед-назад, вперед-назад… Иногда он сердито посматривал на Абеля. Тот спокойно налил себе вторую чашку кофе.

— Откуда вам все это известно? — спросил, наконец, Юнц.

— Что «все»?

— Ну, все. Как и когда был похищен аналитик. Каким образом староста избегал ареста. Или вы нарочно решили сбить меня с толку?

— Юнц, дорогой мой…

— Вы признались, что ваши люди втайне от меня следили за аналитиком. Позаботились о том, чтобы вчера вечером аккуратненько устранить меня с пути. Вы ничего не оставляете на волю случая. — Юнц внезапно припомнил запах сомнина.

— Профессор, я всю ночь провел в переговорах со своими агентами. Мои дела и полученные мною сведения относятся, скажем так, к секретным материалам. Я должен был не только убрать вас с пути, но и сберечь вам жизнь. Все, о чем я рассказал, я узнал от своих агентов.

— Чтобы узнать такие подробности, вам требуются агенты в самом правительстве Сарка.

— Естественно.

— Шутите? — Юнц резко повернулся к Абелю.

— Удивлены? Да, стабильность правительства Сарка и верность их подданных вошли в поговорку. Все просто: беднейший уроженец Сарка — аристократ по сравнению с флоринианцем и причисляет себя, зачастую ошибочно, к правящему классу. А ведь Сарк — отнюдь не планета миллиардеров, как мнится многим. Вы наверняка убедились в этом, прожив здесь почти год. Уровень жизни восьмидесяти процентов населения сопоставим со среднегалактическим и ненамного превышает уровень жизни на Флорине. Всегда найдутся люди, недовольные тем, что основной кусок пирога достается крошечной части народа, купающейся в роскоши. Такие-то недовольные и подходят для моих целей. Главная слабость саркского правительства в том, что они веками связывали повстанческие настроения лишь с Флориной и забывали оглядываться вокруг.

— Но эти саркцы, пусть даже они существуют, — бесполезная мелочовка.

— Каждый по отдельности — да. Взятые же в совокупности, они становятся прекрасным инструментом в умелых руках. Среди них имеются даже члены истинного правящего класса, хорошо выучившие уроки последних двух столетий. Они убеждены, что рано или поздно Трантор будет

править галактикой, и с ними трудно не согласиться. Они полагают, что владычество Трантора установится еще при их жизни, и стремятся заранее встать на сторону победителя.

— Судя по вашим словам, межзвездная политика — грязная игра, — поморщился Юнц.

— Так и есть. Но как ни криви нос при виде грязи, она от этого не исчезнет. К тому же далеко не все грани политики — откровенная грязь. Вспомните об идеалистах. О тех немногих из правительства Сарка, кто служит Трантору не за деньги или обещания власти, но за искреннюю веру в то, что объединенное галактическое правительство лучше соответствует устремлениям человечества и что лишь Трантор может его создать. Есть у меня один такой агент. Самый лучший. Работает в Министерстве госбезопасности Сарка и сейчас везет сюда старосту.

— Вы же сказали, староста схвачен.

— Да, схвачен. Моим человеком из госбезопасности. — Абель на миг нахмурился, превратившись во вздорного старика. — В дальнейшем его полезность резко уменьшится. После того как он «упустит» старосту, ему будет грозить тюрьма, а то и смертная казнь. Ну да ладно.

— И что теперь?

— Если б знать. Для начала дождемся нашего старосты. Я знаю только то, что он скоро прибудет в космопорт. А вот что произойдет потом… — Посол пожал плечами, и его желтоватая старческая кожа натянулась на скулах, как пергамент. — Нобили тоже поджидают старосту. Они уверены, что он в их руках. До тех пор пока флоринианец не попадет либо к нам, либо к ним, дело с мертвой точки не сдвинется.

Однако Абель ошибался.

Строго говоря, все иностранные посольства в галактике сохраняли право на экстерриториальность. На практике же это было не более чем благим пожеланием — разве что мощь планеты принуждала хозяев к сдержанности. По сути же, один лишь Трантор сохранял независимость своих послов.

Территория его посольства занимала почти квадратную милю, границы охранял вооруженный транторский патруль. Ни один гражданин Сарка не мог войти туда без приглашения, а уж вооруженный — и вовсе ни при каких обстоятельствах. Справедливости ради людей и оружия у посольства хватило бы, чтобы отражать атаку саркского бронетанкового полка не более двух-трех часов, но затем на Сарк обрушилась

бы карающая длань миллиона объединенных миров.

Так что граница посольства оставалась нерушимой.

Посольство имело возможность поддерживать прямую транспортную связь с Трантором, не используя космопорты Сарка. Скажем, из трюма транторского корабля-матки за стомильной границей, отмечающей раздел между «пространством планеты» и «свободным космосом», могли посыпаться небольшие гиропланы, оборудованные «вертушками» для полета в атмосфере с минимальным расходом энергии. Наполовину планируя, они устремлялись к скромному космопорту на территории посольства.

Впрочем, гироплан, который сейчас появился над посольским портом, не являлся ни рейсовым, ни транторским. Все «москиты» посольства были немедленно приведены в боевую готовность. Вздернула свое гофрированное рыло иглопушка. Включились силовые экраны. По радиоэфиру понеслись сообщения: вверх — бдительные, вниз — взволнованные.

Лейтенант Камрум оторвался от видоискателя и сказал:

— Ну, не знаю. Он утверждает, что, если я не

дам ему посадку, его через минуту собьют. Просит убежища.

— Ага, как же, — произнес только что вошедший капитан Элиат. — Мы даем убежище, Сарк заявляет, что Трантор вмешивается в его внутренние дела, и нас с тобой делают крайними. Кто он вообще такой?

— Понятия не имею, — в голосе лейтенанта прозвучала нешуточная тревога. — Утверждает, что должен поговорить с послом. Решение за вами, капитан.

Коротковолновой приемник ожил и разразился отчаянной тирадой:

— Вы меня слышите? Я спускаюсь, спускаюсь, и все! Я не шучу! Говорю вам, у меня нет времени ждать!

Взвизгнув на высокой ноте, радио умолкло.

— Великий космос, — пробормотал капитан, — я узнал его. Сажай корабль, лейтенант! Под мою ответственность!

Зазвучали команды. Гироплан камнем пошел вниз — куда быстрее, чем следовало, потому что им управляли неумелые, трясущиеся руки. Иглопушка неотрывно держала его на прицеле.

Капитан связался с Абелем, все посольство было приведено в боевую готовность. Саркские

корабли, появившиеся в небе минут через десять после приземления гироплана, покружили еще два часа и убрались восвояси.

Обедали втроем: Абель, Юнц и новоприбывший. Посол, державшийся с завидным хладнокровием, несмотря на обстоятельства, вел себя как радушный хозяин и не расспрашивал великого нобиля, для чего ему понадобилось политическое убежище.

Юнц оказался менее терпеливым.

— Великий космос, — шипел он Абелю, — что вы собираетесь с ним делать?

— Ничего, — улыбнулся тот. — По крайней мере, пока не выясню, есть ли у меня староста или нет. Прежде чем бросить фишки на стол, предпочитаю точно знать, какие козыри у меня на руках. Нобиль явился к нам по доброй воле, и ожидание нервирует его куда больше нашего.

Он был прав. Уже дважды нобиль пытался начать свой монолог — и дважды Абель обрывал его, говоря:

— Мой дорогой, ну кто же ведет серьезные разговоры на пустой желудок?

Продолжая улыбаться, Абель приказал подавать обед.

Когда разлили вино, нобиль попытался вновь:

— Вам, вероятно, интересно, почему я покинул Стин, свой материк?

— Да, признаться, мне нелегко представить причину, по которой нобилю Стину потребовалось удирать от саркского флота.

Стин настороженно смотрел на посла. Вся его тощая фигура и бледное, худое лицо обнаруживали расчетливую осмотрительность. Длинные волосы были собраны в аккуратные косицы. Когда нобиль поворачивал голову, крошечные заколки задевали друг друга, издавая шелестящий звук, словно подчеркивая тем самым пренебрежение Стина к современной саркской моде, предписывавшей короткие стрижки. От нобиля тонко пахло духами.

Абель заметил поджатые губы Юнца и то, как профессор пригладил свои короткие курчавые волосы. Ему стало любопытно, какова была бы реакция Юнца, выгляди Стин более типично для нобиля — то есть имел бы пухлые нарумяненные щечки и выкрашенные медным лаком ногти.

— Сегодня состоялось межконтинентальное совещание, — продолжил Стин.

— Неужели? — На лице Абеля не дрогнул ни один мускул.

Рассказав, что случилось на совещании, Стин с

негодованием добавил:

— У нас есть всего двадцать четыре часа! Вернее, теперь уже шестнадцать! Вот так!

— А вы — тот самый Икс! — воскликнул Юнц, пришедший к концу рассказа в крайнее возбуждение. — И явились сюда, потому что Файф поймал вас на горячем. Прекрасно! Абель, вот человек, который сможет подтвердить идентификацию пространственного аналитика. При его помощи мы заставим их отпустить моего сотрудника.

— Не все так просто, — писклявый голос Стина не мог пробиться сквозь густой баритон Юнца. — Я сказал, не все так просто! Вы что, ненормальный? Да послушайте же, право слово! Я говорю… Ваше превосходительство, как имя этого человека?

— Профессор Селим Юнц.

— Отлично. Профессор Юнц! Я никогда не встречал ни вашего пространственного аналитика, ни идиота, или кем он там еще является. Право слово, в жизни не слышал большей чепухи. Я вовсе не Икс. И был бы вам очень благодарен, если бы вы прекратили использовать это глупое прозвище. Неужели вы поверили театральной постановке Файфа? Нет, право слово!

— Почему же тогда вы сбежали? — рявкнул Юнц.

— Святой Сарк, неужели вам не ясно? Нет, прямо дух перехватывает! Право слово! Послушайте, разве вы не поняли, что задумал Файф?

— Может быть, вы нам объясните это, сэр? — спокойно предложил Абель. — Обещаю, мы не будем вас перебивать.

— Да, благодарю вас. Прочие нобили, — начал Стин с видом оскорбленного достоинства, — не слишком-то меня жалуют, поскольку я не вижу смысла возиться с документацией, статистикой и прочей рутиной. В самом деле, для чего тогда нужна госслужба, я вас спрашиваю, если великий нобиль не может просто быть великим нобилем? Однако из этого не следует, что я — простофиля. Я ценю свой комфорт. Да-да-да! Может, другие и слепы, но я-то вижу, что Файфу и дела нет до пространственного аналитика. Право слово, существует ли он вообще? Год назад Файф придумал всю эту историю и с тех пор манипулирует нами. Держит нас за дураков и идиотов! Право слово! Впрочем, все остальные ими и являются. Действительно, безмозглые идиоты! Вся история Файфа вертится вокруг идиотизма и пространственного анализа. Не удивлюсь, если

окажется, что пресловутый туземец, дюжинами убивающий патрульных, не кто иной, как агент Файфа в рыжем парике. А если он настоящий туземец, значит, Файф его нанял. Лично я этого не исключаю, да! Файф вполне способен использовать туземцев против собственного народа, вот как низко он пал. Совершенно очевидно, что вся его история — просто повод разорить нас и сделаться полновластным диктатором Сарка. Разве вы не понимаете? Нет никакого Икса, зато завтра Файф, если его не остановить, выступит по субэфиру со своей теорией заговора, объявит чрезвычайное положение и провозгласит себя главой Сарка. На Сарке уже пятьсот лет не было единоличного главы, но Файфа это не остановит. А как же конституция, спросите вы? Она ему не указ, право слово! Нужно его остановить. Вот почему я бежал. Останься я на Стине, сидел бы уже под домашним арестом. Едва совещание закончилось, я связался с собственным космопортом, но тот оказался захвачен людьми Файфа. Это наглое нарушение континентальной автономии. Низкая подлость, право слово. Впрочем, каким бы негодяем ни был Файф, ему явно недостает прозорливости. Он вообразил, что мы первым делом попытаемся покинуть планету, и перекрыл

космопорты, но… — Стин гаденько ухмыльнулся и даже хихикнул, — но он забыл о гиропортах. Вероятно, посчитал, что на планете нам не найти убежища. Я же сразу подумал о посольстве Трантора. Остальные, разумеется, не сообразили. Все они меня утомляют. Особенно Борт. Вы знаете Борта? Неотесанный мужлан. Ужасный грязнуля. Смотрит на меня так, будто в чистом и приятно пахнущем человеке есть нечто неправильное.

Стин поднес кончики пальцев к носу и вдохнул.

Юнц беспокойно заерзал, но Абель, положив руку ему на плечо, сказал:

— А как же ваша семья? Они могут стать для Файфа оружием против вас.

— Ну не мог же я их всех погрузить на гироплан? — Стин слегка покраснел. — Файф не посмеет тронуть моих родных. Кроме того, я планирую вернуться завтра на материк.

— Каким образом? — спросил Абель.

Стин удивленно уставился на посла, его тонкие губы приоткрылись.

— Ваше превосходительство, я же предлагаю вам альянс. Только не надо делать вид, что Трантор не заинтересован в Сарке. Уверен, за любую попытку изменить конституцию вы пригрозите

Файфу вмешательством Трантора.

— Ума не приложу, как это сделать, даже если мое правительство меня поддержит, — ответил Абель.

— Но вы не можете оставаться в стороне! — возмегодовал Стин. — Если Файф приберет к рукам все производство кырта, он тут же поднимет цену и примется требовать выплат за быструю доставку и прочее в подобном роде.

— Хм-м, а разве сейчас вы пятеро не поступаете именно так?

— Ну, право слово! — Стин опустился в кресло. — Я, может, не в курсе всех деталей. Теперь, разумеется, вы приметесь изводить меня цифрами и суммами. Великий космос, да вы еще хуже Борта. — Он хихикнул, с трудом справляясь с эмоциями. — Не принимайте близко к сердцу, я шучу. Тем не менее, если убрать Файфа с дороги, Трантор вполне способен договориться с оставшимися четырьмя. Вы нам — помощь, мы вам — приоритетное обслуживание, а то и процентик от торговли, м-м?

— А как быть с галактической войной, которая вспыхнет после нашего вмешательства в суверенитет Сарка?

— О, право слово! Все же ясно как день. Вы

не будете агрессорами, понимаете? Вы просто предотвратите гражданскую войну и срыв поставок кырта. Я всегда могу подтвердить, что сам умолял вас о помощи. Это удержит другие планеты от нападения. Напротив, вся галактика встанет на вашу сторону. Ну, а если Трантор кое-что получит в результате, то это никого не касается. Вот именно, не касается!

— Поверить не могу, что вы действительно хотите объединиться с Трантором. — Абель сцепил артритные пальцы и принялся их разглядывать.

Улыбающееся лицо Стина на миг исказила гримаса ненависти.

— Или Трантор, или Файф, — сказал он.

— Я не люблю действовать силой и угрозами, — заметил Абель. — Не лучше ли выждать, посмотреть, как будут развиваться события, а уже затем…

— Нет-нет! — вскричал Стин. — Нельзя терять ни минуты! Право слово, если вы сейчас не проявите твердость, завтра будет слишком поздно. Файф пересек черту, теперь он не может повернуть назад, не потеряв лицо. Если вы протянете мне руку помощи, нас поддержит весь мой материк и остальные великие нобили. А если промедлите, пропаганда Файфа сделает свое

грязное дело. Меня объявят подлым перебежчиком, да-да-да! Меня! Меня, Стина! Файф будет апеллировать к антитранторским настроениям, а они, только без обид, имеют место.

— Что, если мы попросим у него разрешения побеседовать с пространственным аналитиком?

— А толку? Его двойной игре это только на пользу. Нам он объявит, что флоринианский идиот и есть пространственный аналитик, а вам — что пространственный аналитик всего лишь флоринианский идиот. О, вы не знаете этого человека! Он — подлец!

Абель задумался, тихонько напевая что-то себе под нос и отсчитывая ритм указательным пальцем. Наконец он произнес:

— Знаете, у нас ведь есть староста.

— Староста?

— Тот человек, который убил патрульных и жителя Верхнего города.

— Ах, этот! Право слово, вы что, всерьез полагаете, будто Файфа остановишь какими-то старостами, если на весах — владычество над всем Сарком?

— Думаю, да. Понимаете, дело не в самом старосте, а в обстоятельствах, при которых он был схвачен. Файф выслушает меня — и выслушает

со смирением.

Впервые за все время знакомства с послом Юнц почувствовал, что холодность в голосе старика слегка подтаяла, уступая место удовольствию, если не торжеству.

Глава 15
Пленник

Прежде госпоже Сэмии Файф было незнакомо чувство бессилия. Немыслимо, просто невероятно, что теперь она ощущала себя бессильной уже несколько часов подряд.

Начальник космопорта оказался ничем не лучше капитана Рейсити. Вежливый до подобострастия, он всячески сокрушался и клялся, что всецело — к услугам госпожи, но при этом наотрез отказывался исполнить ее желание, выраженное предельно ясно.

В конце концов Сэмия, словно простолюдинка, была вынуждена перейти от изъявления желаний к требованию соблюдать ее гражданские права.

— Полагаю, у меня есть право встретить любой прибывающий корабль, какой захочу, — ядовито заметила она.

В горле у начальника космопорта внезапно запершило, а тоскливое выражение на лице проявилось еще отчетливее.

— Госпожа, мы вовсе не хотим чинить вам препятствий, но дело, видите ли, в том, что ваш отец прямо и недвусмысленно запретил нам допускать вас к этому кораблю.

— Намекаете, что я должна покинуть космопорт? — ледяным тоном осведомилась Сэмия.

— Нет-нет, госпожа! — Начальник, похоже, ухватился за наметившийся компромисс. — Нам не приказывали выдворять вас за территорию порта. Можете оставаться здесь сколько угодно. Однако если вы попытаетесь выйти на взлетное поле, мы, при всем уважении, вынуждены будем вас остановить.

Он ушел. Сэмия осталась сидеть в своем роскошном наземном автомобиле в ста футах от выхода из космопорта. Значит, ее ждали и за ней следили. Вероятно, следят до сих пор. И если она попытается проехать на поле, машину просто-напросто обесточат.

Сэмия негодующе сжала зубы. Это нечестно со стороны отца! Вечно он так. С ней всегда обращались как с несмышленышем. Хотя Сэмия думала, что уж отец-то ее понимает.

…Когда она вошла в кабинет, отец поднялся ей навстречу, чего не делал ни для кого другого после смерти жены, и крепко обнял. Ради дочери он отложил все дела, даже отослал прочь секретаря-туземца, зная, насколько ей неприятно это белое, застывшее лицо. Все как прежде, когда жив был дедушка, а отец еще не стал великим нобилем.

— Мия, дитя мое, еле тебя дождался. Никогда не думал, что Флорина так далеко. Узнав, что на корабль, который отправил специально за тобой, проникли туземцы, я едва не сошел с ума.

— Папочка, ну что ты! Было бы о чем волноваться.

— А как же? Я уже подумывал, не послать ли военно-морской флот, чтобы тебя забрали и вернули мне живой и невредимой.

Оба рассмеялись, представив эту картину. Прошло несколько минут, прежде чем Сэмия решилась направить беседу в нужное ей русло.

— Кстати, пап, а что ты собираешься делать с нашими безбилетниками? — как бы между прочим поинтересовалась она.

— Почему ты спрашиваешь?

— Но ты же не думаешь на самом деле, что они собирались тебя убить?

— Откуда столь мрачные мысли, Мия? — улыб-

нулся Файф.

— То есть ты так не думаешь?

— Разумеется, нет.

— Прекрасно! Папа, я обязана с ними побеседовать. Что бы ни говорил капитан Рейсити, они — безвредные бедолаги, я в этом уверена.

— Не слишком ли много законов нарушили твои «безвредные бедолаги»?

— Папа, с ними нельзя обращаться как с обычными преступниками. — Сэмия повысила голос.

— Кто же они тогда?

— Мужчина вообще не туземец. Он с планеты Земля. Его подвергли психозондированию, и теперь он не совсем здоров.

— Ничего, безопасники во всем разберутся. Если, конечно, ты им позволишь.

— Нет! Это чересчур важная история, чтобы отдавать ее им на откуп. Они ничего не поймут. Никто ничего не понимает, кроме меня!

— Никто, кроме тебя, в целом мире? — снисходительно спросил отец и убрал прядку волос, упавшую ей на глаза.

— Да! Только я! — с напором произнесла Сэмия. — Остальные считают его сумасшедшим, но он не такой. Он говорит, что Флорине и всей галактике грозит опасность. Он — простран-

ственный аналитик. Ты же знаешь, папа, они специализируются на космогонии. Он не может ошибаться!

— Мия, с чего ты взяла, что он — пространственный аналитик?

— Он сам мне сказал.

— А в чем именно заключается опасность?

— Он этого не помнит. Его же психозондировали. Тебе не кажется, что лучшего доказательства и представить нельзя? Кто-то явно хочет все скрыть. Слушай, пап, — Сэмия невольно понизила голос до шепота и едва удержалась, чтобы не оглянуться через плечо, — если он не прав, зачем кому-то понадобилось его психозондировать?

— Проще было бы убить, да? — спросил Файф и тут же пожалел: не стоило дразнить девочку.

Немного подумав, Сэмия предложила:

— Прикажи безопасникам пропустить меня к нему, и я все выясню. Он мне доверяет, я знаю, и расскажет больше, чем им. Ну, пожалуйста, папа, ну, прикажи! Это очень важно.

— Не сейчас, Мия. — Он с улыбкой взял ее маленькие кулачки в свои широкие ладони. — Не сейчас. Через несколько часов у нас будет третий человек. Может быть, тогда…

— Третий? Тот туземец-убийца?

— Именно. Корабль с ним на борту приземлится в течение часа.

— А до тех пор ты ничего не сделаешь с девушкой-туземкой и аналитиком?

— Ничего.

— Отлично! Тогда еду встречать корабль, — Сэмия вскочила.

— Куда ты, Мия?

— В космопорт. Мне надо о многом расспросить этого туземца. — Она радостно засмеялась. — Я тебе докажу, что твоя дочь — настоящая сыщица.

Однако Файф не поддержал веселья:

— Не стоит, Мия.

— Почему?

— Не хочу привлекать к прибытию туземца излишнего внимания. А твое присутствие в космопорте бросится всем в глаза.

— И что с того?

— Мия, речь идет о высшей государственной политике.

— Политика? Фи! — Сэмия склонилась к отцу, чмокнула его в лоб и ушла…

И вот теперь она беспомощно сидела в машине у выхода из космопорта и наблюдала за точкой, темнеющей на фоне безоблачного послеполуденного неба. Точка стремительно увеличивалась

в размерах.

Сэмия нажала кнопку, открыла бардачок и вытащила очки для поло. Обычно она пользовалась ими, чтобы следить за выкрутасами гонщиков, выступающих в состязаниях по стратосферному поло, но очки могли пригодиться и в более серьезных делах. Сэмия надела их, и падающая звездочка превратилась в кораблик, чьи кормовые моторы окружало красноватое сияние.

По крайней мере, она сможет разглядеть вышедших из него людей и постарается вычислить все, что можно, по их внешнему виду. А уж потом как-нибудь добьется беседы с ними.

Сарк заполнил собой весь экран визира. Под ними простерлись материк и пол-океана, слегка припорошенные пушистыми белыми облачками.

Речь Дженро стала несколько сбивчивой, поскольку основную часть его внимания поглощало управление кораблем:

— Полагаю, космопорт особенно тщательно охранять не будут. Я им намекнул, что любое избыточное внимание к прилетевшей яхте может заинтересовать Трантор. Сказал, что успех операции зависит от того, удастся ли отводить глаза Трантору до тех пор, пока не станет слишком

поздно. Ладно, неважно.

— А мне-то какая разница? — угрюмо буркнул Тиренс, пожимая плечами.

— Тебе? Вообще-то немалая. Я приземлюсь в шахте рядом с Восточным выходом. Как только я сяду, ты покинешь яхту через аварийный люк на корме. Иди быстро, но не беги. Я дам тебе документы, которые могут помочь пройти паспортный контроль, а могут и не помочь. Действуй по обстоятельствам. Судя по предыстории, ты у нас сообразительный. У выхода будет ждать машина. Она отвезет тебя в посольство. Все ясно?

— А как же ты?

Сарк постепенно превращался из огромной безликой сферы, испещренной коричневыми, зелеными, голубыми и белыми пятнами, в нечто более живое: в поверхность планеты, изрезанной бороздами рек и морщинами гор.

— Лучше о себе думай, — холодно и невесело усмехнулся Дженро. — Когда они узнают, что ты смылся, меня, вернее всего, расстреляют как предателя. Если же увидят, что я оказался в безвыходной ситуации и был не в состоянии тебе помешать, могут просто разжаловать, мол, что с дурака взять. Второе — предпочтительнее. Поэтому, прежде чем уйти, тебе придется оглушить

меня нейрохлыстом.

— Ты знаешь, на что похож удар нейрохлыста?

— Вполне, — на висках Дженро выступила испарина.

— А что, если я тебя убью? Я же убийца нобилей, не забыл?

— Не забыл. Но убивать меня тебе резона нет. Только время зря потеряешь. Мне случалось ввязываться и в более рискованную игру.

Поверхность Сарка приближалась. Она как будто растягивалась: края уходили за границы визира, центр же рос, постепенно создавая новые края. Появилось радужное сияние саркского города.

— Надеюсь, — добавил Дженро, — тебе не стукнет в голову бежать? На Сарке ты укрытия не найдешь. Или Трантор, или нобили — помни об этом.

Город внизу уже невозможно было ни с чем спутать. Бурый участок на его окраине оказался приближающимся космопортом.

— Если Трантор не заполучит тебя в течение следующего часа, — продолжил Дженро, — то еще до вечера ты будешь в руках нобилей. Я не знаю, что сделает с тобой Трантор, но за то, чем грозит тебе плен у саркцев, могу поручиться.

Тиренс работал в Министерстве госбезопасности и знал, как поступают с убийцами нобилей.

Изображение космопорта застыло на экране, однако Дженро на него больше не смотрел. Он полностью сосредоточился на управлении, готовясь к посадке по импульсному лучу. На высоте мили яхта перевернулась хвостом вниз.

Когда до шахты оставалось сто ярдов, движки взвыли на высокой ноте. Тиренс, несмотря на гидравлические рессоры, чувствовал их вибрацию. Голова у него закружилась.

— Возьми хлыст, — приказал Дженро. — Быстро! Важна каждая секунда. Аварийный люк сам закроется за тобой. Пять минут они будут удивляться, почему я не выхожу, пять минут ломать замок, еще пять — искать тебя. Итого в твоем распоряжении пятнадцать минут. За это время ты должен покинуть космопорт и сесть в машину.

Вибрация прекратилась, наступила мертвая тишина — Тиренс понял, что они приземлились. Включилось диамагнитное поле, яхта наклонилась и медленно легла набок.

— Давай! — скомандовал Дженро, чья форма промокла от пота.

Голова у Тиренса гудела, глаза ни в какую не хотели фокусироваться, но он сумел поднять

нейрохлыст.

Вокруг пахло саркской осенью. Хотя Тиренс несколько лет провел в этом суровом климате, воспоминания о нем быстро выветрились в вечном июне Флорины. Теперь он снова почувствовал себя чиновником госслужбы, словно никуда и не улетал.

Вот только сейчас он был беглецом, на котором стояло клеймо «убийца нобиля».

Он шагал в унисон с ритмом биения своего сердца. Позади остались корабль и застывший в муках Дженро. Люк мягко закрылся за Тиренсом, впереди лежала широкая мощеная дорожка. Вдалеке сновали рабочие и механики. Каждый занимался своими делами и чужими не интересовался. Никто даже не посмотрел на Тиренса. Да и к чему?

Видел ли хоть кто-нибудь, как он покинул яхту? Тиренс уговаривал себя, что никто, иначе за ним бы уже гнались. Он машинально потрогал свой колпак, по-прежнему натянутый по самые уши. На шее висел медальон. Его дал ему Дженро, объяснив, что это для идентификации. Люди с Трантора, сказал он, будут высматривать этот медальон. Гладкая безделушка сверкала на солнце.

Тиренс мог снять его и удрать. Как-нибудь про-

никнуть на другой корабль, как-нибудь убраться с Сарка… Как-нибудь убежать…

Слишком много этих «как-нибудь»! В глубине души он знал, что игра окончена и его ждет либо Трантор, либо Сарк. Первых он боялся и ненавидел, но в лапы саркцев ему нельзя было попадать ни в коем случае.

— Вы! Эй, вы!

Тиренс остановился как вкопанный и оглянулся. До выхода оставалось шагов сто; если побежать… Но бегущий человек мгновенно привлечет к себе внимание. Нельзя, нельзя теперь срываться на бег.

Из открытого окна машины смотрела молодая женщина. Таких машин Тиренс не видал за все пятнадцать лет службы на Сарке: металлически-блестящая, она искрилась прозрачным геммитом.

— Идите сюда! — позвала женщина.

Тиренс на непослушных ногах двинулся к машине. Дженро сказал, что автомобиль Трантора будет ждать его за территорией космопорта. Или нет? Доверят ли такое поручение женщине? Даже не женщине, девушке. Незнакомка была смугла и красива.

— Вы прибыли на яхте, которая только что

приземлилась, да?

Тиренс промолчал.

— Не отпирайтесь, я видела, как вы покидали корабль! — нетерпеливо продолжила девушка и постучала ноготком по своим очкам для поло, Тиренсу случалось видеть такие.

— Ну, да, — пробормотал он.

— Тогда садитесь. — Она открыла дверцу.

Внутри машина оказалась еще более роскошной, чем снаружи. Мягкие сиденья, все пахнет изысканной новизной, а сама девушка — прекрасна.

— Вы член экипажа? — спросила она.

«Проверяет», — подумал Тиренс и сказал, показывая на медальон:

— Вы сами знаете, кто я.

Машина беззвучно развернулась и поехала. Когда они проезжали Восточный выход, Тиренс как можно глубже вжался в прохладное, покрытое чехлом из кырта сиденье, однако это оказалось ни к чему. Девушка лишь бросила повелительным тоном: «Я — Сэмия Файф, этот человек со мной», — и они поехали дальше.

Измотанному Тиренсу потребовалось несколько секунд, чтобы осознать услышанное. Он в смятении подался вперед, но машина уже нес-

лась по скоростной эстакаде, выдавая около ста миль в час.

Болтавшийся за воротами рабочий, заметив машину, что-то кратко буркнул в отворот куртки, затем вошел в здание и вернулся к своим делам. Бригадир сделал себе зарубку на память: побеседовать с Тепом насчет перекуров, длящихся по полчаса.

В стоявшей у космопорта машине сидели двое. Один раздраженно спросил второго:

— Сел в машину к девушке? В какую машину? К какой еще девушке?

Несмотря на саркскую одежду, говорил он с акцентом жителей планет арктурианского сектора Транторской империи. Его товарищ был саркцем и до́кой в новостных видеокастах. Едва сияющая машина выехала за ворота и, набирая скорость, свернула к скоростной эстакаде, он подпрыгнул и завопил:

— Это лимузин госпожи Сэмии Файф! Такого больше ни у кого нет! О, галактика, что же нам делать?!

— Следуем за ней, — коротко ответил первый.

— Но госпожа Сэмия…

— Для меня она никто. Да и для вас должна быть никем. Иначе что вы здесь делаете?

Их машина развернулась и въехала на эстакаду, где разрешалось быстрое движение наземного транспорта.

— Нам ее ни за что не догнать, — простонал саркец. — Стоит ей нас заметить, и она сорвется с цепи. Эта машина способна выдавать двести пятьдесят миль в час.

— Пока она держит сотню, — заметил арктурианин. — Притом направляется не в Министерство госбезопасности, — сказал он через некоторое время. — Это точно. И не во дворец Файфа, — добавил он несколько минут спустя. — Куда ее несет, чтоб ей в черную дыру провалиться? — вопросил он еще минут через пять. — Она покидает город!

— Откуда нам знать, что с ней именно убийца нобиля? — поинтересовался саркец. — По-моему, это какой-то трюк, чтобы убрать нас с дороги. Она даже не пытается стряхнуть нас с хвоста. А машина? Зачем она взяла лимузин, который знают все и каждый? Такую и за несколько миль не потеряешь.

— Верно. Но Файф не стал бы использовать дочь для отвлекающего маневра. Отряд патрульных справился бы с задачей куда лучше.

— Может быть, за рулем вообще не госпожа Сэмия?

— Скоро узнаем, приятель. Она тормозит. Проезжай мимо и остановись на повороте.

— Я хочу с вами поговорить, — сказала девушка.

Тиренс решил, что это не обычная ловушка, как ему показалось сначала. Девушка была Сэмией Файф и никем иным. Похоже, ей даже в голову не приходило, что кто-то может ее ослушаться.

За все время поездки она ни разу не посмотрела, не едет ли кто-нибудь за ними. Между тем Тиренс заметил машину, упорно державшуюся позади, не сокращая дистанции. Вряд ли это случайные попутчики. Скорее всего — машина Трантора. Впрочем, может быть, и госбезопасности Сарка, в этом случае девица станет прекрасным заложником.

— Я готов, — ответил Тиренс.

— Вы прилетели на корабле, который вез туземца с Флорины? Того самого убийцу, объявленного в розыск?

— Да.

— Отлично! Я привезла вас сюда, чтобы нам никто не помешал. Во время полета туземца допрашивали?

«Такая наивность не может быть наигранной», — подумал Тиренс. Видимо, девушка

действительно не подозревала, кто перед ней.

— Допрашивали, — осторожно ответил он.

— И вы присутствовали на допросе?

— Да.

— Здорово, я так и думала. Кстати, почему вы покинули яхту?

Этот вопрос ей следовало задать первым, мелькнула у старосты мысль.

— Я должен был доставить особый рапорт… — Он замялся.

— Моему отцу, да? — нетерпеливо закончила она за него. — На этот счет не беспокойтесь, вы под моей защитой. Я скажу, что вы просто выполняли мои приказы.

— Хорошо, госпожа.

При слове «госпожа» его сердце болезненно сжалось. Да, она была госпожой (величайшей на свете!), а он — флоринианцем. Однако убийца патрульных легко научился убивать и нобилей. Зато теперь ничто не мешало ему взглянуть девушке прямо в лицо.

Тиренс поднял голову и посмотрел на нее твердым, испытующим взглядом. Взглянул ей в глаза.

Сэмия Файф была прекрасна. Будучи самой высокородной женщиной на планете, она не

обратила на его взгляд никакого внимания.

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне все, что услышали на допросе. Все, что сказал туземец. Это очень важно.

— Могу я спросить, госпожа, чем вас так заинтересовал этот туземец?

— Нет, не можете, — отрезала она.

— Как будет угодно госпоже.

Тиренс не знал, что говорить дальше. С одной стороны, он ждал, что преследователи вот-вот их догонят. С другой — он все больше ощущал, что рядом сидит прекрасная девушка.

Флориниан на госслужбе, как и старосты, теоретически оставались девственниками. На практике большинство из них обходило это ограничение — кто как мог. Тиренс в этой области тоже пошел на то, на что осмелился и что считал целесообразным. В лучшем случае его опыт можно было назвать недостаточным.

Главное, он никогда прежде не находился в роскошной машине наедине с прекрасной девушкой.

Сэмия ждала. Ее темные (о, какие же они темные!) глаза горели любопытством, полные алые губы приоткрылись, замечательную фигуру подчеркивал наряд из великолепного кырта. Госпоже

Файф и в голову не приходило, что кто-то может себе позволить нескромные мысли на ее счет.

Та часть разума Тиренса, которая опасалась преследователей, куда-то исчезла. Внезапно староста осознал, что убийство нобиля — это еще не самое страшное преступление.

Он не заметил, как руки пришли в движение. Понял только, что ее маленькое тело оказалось в его объятиях. Сэмия окаменела, потом закричала, а затем он накрыл ее губы своими…

Ее ладони покоились на его плечах. Вдруг в спину ударил холодный воздух из распахнутой дверцы. Тиренс схватился за оружие. Слишком поздно. Хлыст вырвали у него из руки.

Сэмия беззвучно ахнула.

— Вы видели, что он делал? — в ужасе пробормотал саркец.

— Неважно, — ответил арктурианин, опуская в карман небольшой черный предмет и приглаживая магнитный шов. — Взять его.

Саркец в ярости вытащил Тиренса из машины.

— А она ему позволила, — бубнил он, — позволила этому…

— Кто вы? — гневно закричала Сэмия. — Вас послал мой отец?

— Пожалуйста, никаких вопросов, — сказал

арктурианин.

— Вы — инопланетянин, — сердито заметила Сэмия.

— О, Сарк, я просто обязан ему вмазать. — Второй агент поднял кулак.

— Не сметь! — рявкнул первый и крепко схватил коллегу за запястье.

— Он перешел все границы! — рычал саркец. — Убийство нобиля я еще могу стерпеть, сам прикончил нескольких, но стоять и наблюдать, как туземец… делает такое, выше моих сил.

— Туземец?! — пискнула Сэмия.

Второй агент сорвал с Тиренса колпак. Староста побледнел, однако не пошевелился. Он не сводил глаз с девушки, его светлые волосы теребил ветер.

Сэмия бессильно откинулась на сиденье машины, сжалась в комочек и закрыла лицо руками. Кожа побелела под прижатыми пальцами.

— А с ней что будем делать? — спросил саркец.

— Ничего.

— Она же нас видела. Не успеем отъехать на милю, как за нами погонится целая планета.

— То есть вы предлагаете убить госпожу Файф? — саркастически поинтересовался арктурианин.

— Нет, конечно. Можно испортить ее машину. Пока она доберется до радиофона, мы будем уже далеко.

— Не стоит. — Арктурианин склонился к ветровому стеклу. — Послушайте, госпожа Файф…

Сэмия оставалась неподвижной.

— Госпожа, вам лучше меня выслушать. Простите за то, что помешали вам в такой интимный момент, тем не менее я успел извлечь из него максимум пользы. Записал происходившее на трехмерную камеру. Я не блефую. Через несколько минут я передам негатив в надежное место. Если вы попытаетесь нам помешать, мне придется поступить очень дурно. Думаю, вы меня понимаете. — Он отвернулся. — Она ничего никому не скажет. Ни словечка. Следуйте за мной, староста.

Тиренс послушно пошел за ним. Он не смог заставить себя оглянуться на бледное, измученное лицо девушки, брошенной в машине.

Что бы ни случилось с ним в будущем, он уже совершил невозможное. Поцеловал знатную госпожу. Тиренс до сих пор ощущал прикосновение ее нежных, мягких губ.

Глава 16
Обвиняемый

У дипломатии свой язык и свои методы. Отношения между представителями суверенных государств, если они ведутся строго в соответствии с протоколом, условны и бессмысленны. Фраза «неприятные последствия» становится синонимом войны, а «адекватное урегулирование» — капитуляции.

В жизни Абель предпочитал общаться без дипломатических экивоков. Если бы кто-нибудь услышал, как посол по выделенному лучу разговаривает с Файфом, решил бы, что это просто пожилой джентльмен, дружески беседующий с другим таким же за бокалом вина.

— Вас непросто найти, Файф, — сказал он.

— Денек выдался на редкость суматошным, Абель. — Файф беззаботно улыбнулся.

— Да, я наслышан.

— От Стина? — небрежно спросил нобиль.

— И от него тоже. Стин гостит у нас вот уже семь часов.

— Знаю. Мой промах. Вы собираетесь выдать

его нам?

— Увы.

— Но он преступник.

Абель хмыкнул и повернул бокал в руке, наблюдая за лениво всплывающими пузырьками.

— Полагаю, нам придется дать ему статус политического беженца. На территории Трантора он находится под защитой галактического законодательства.

— И ваше правительство вас поддержит?

— Думаю, да, Файф. Не знай я, что Трантор поддержит, а что — нет, не продержался бы тридцать семь лет на дипслужбе.

— Я могу потребовать у правительства Сарка вашей высылки.

— А смысл? Я — миролюбивый человек, с которым вы хорошо знакомы. Мой преемник может оказаться кем угодно.

Повисла пауза. Львиная физиономия Файфа сморщилась:

— По-моему, вы хотите мне что-то предложить?

— Да. У вас находится мой человек.

— Ваш человек?

— Пространственный аналитик. Уроженец планеты Земля, которая, между прочим, является

территорией Трантора.

— Это Стин вам сказал?

— В частности.

— А сам он видел вашего землянина?

— Этого он не говорил.

— То есть не видел. В сложившихся обстоятельствах сомневаюсь, что вы можете верить ему на слово.

— Тем не менее землянин существует. — Абель отставил бокал и сложил руки на коленях. — Говорю вам, Файф, мы должны достичь согласия по данному вопросу. У меня — Стин, у вас — землянин. В некотором смысле мы квиты. Прежде чем вы продолжите воплощать в жизнь свои планы и прежде чем истечет ваш ультиматум и вы совершите государственный переворот, почему бы нам в общих чертах не обсудить торговлю кыртом?

— Не вижу необходимости. То, что происходит сейчас на Сарке, целиком и полностью — внутреннее дело Сарка. Я готов лично гарантировать, что политические события никак не скажутся на поставках кырта. Думаю, именно этим и исчерпываются законные интересы Трантора.

Абель словно бы в задумчивости пригубил вино, потом произнес:

— Вышло так, что у нас появился еще один

политический беженец. Курьезный персонаж. Флоринианец, между прочим. Староста. Представился Мирлином Тиренсом.

— Мы это подозревали. — Глаза Файфа сверкнули. — Ради Сарка, Абель, должны же быть какие-то рамки вмешательства Трантора в дела этой планеты? Человек, которого вы похитили, — убийца. Вы не можете предоставить ему политическое убежище.

— Так вы хотите получить этого человека?

— Предлагаете сделку? А что взамен?

— Встреча, о которой я говорил.

— За одного флоринианца-убийцу? И речи быть не может.

— Способ, каким старосте удалось уйти от вас, весьма любопытен. Вас бы он заинтересовал…

Юнц ходил из угла в угол, покачивая головой. Давно наступила ночь. Неплохо было бы лечь спать, но профессор знал, что без сомнина не уснет.

— Я мог пригрозить ему вторжением, как советовал Стин, — рассказывал Абель, — но это было бы опасно: риск огромен, а результаты ненадежны. До тех пор, пока староста не оказался у нас, я не видел альтернативы политике невмешательства.

— Нет! Нельзя было сидеть сложа руки. — Юнц яростно затряс головой. — Хотя это все-таки шантаж чистой воды.

— Шантаж. И что с того? Как бы вы поступили на моем месте?

— Точно так же. Я не ханжа, Абель. Вернее, пытаюсь его в себе изжить. Я не осуждаю ваши методы — учитывая, что собираюсь воспользоваться их результатами. И все же эта девушка…

— Не пострадает, если Файф выполнит свою часть сделки.

— Мне ее жаль. Я презираю саркскую аристократию за то, как она поступает с Флориной, и все же мне жалко девочку.

— По-человечески? И мне жалко. Однако ответственность за случившееся целиком лежит на Сарке. Послушайте, дружище, вы когда-нибудь целовались с девчонкой в наземной машине?

— Еще бы, — губы Юнца тронула улыбка.

— Я тоже. Пусть и намного, намного раньше вашего. Моя старшая дочь, вероятно, сейчас как раз обретает подобный опыт. По крайней мере, я бы не удивился. Что такое украденный в машине поцелуй, если не выражение самых естественных эмоций в галактике? Послушайте меня, Юнц. Возьмем любую девушку из высшего общества,

которая по ошибке оказывается в одной машине с молодым человеком, пусть даже преступником. Он пользуется ситуацией и целует ее. Поддается порыву и не спрашивает согласия девицы. Что должны чувствовать она и ее отец? Огорчение? Может быть. Раздражение? Разумеется. Злость? Обиду? Унижение? Да, да и еще раз да. Но бесчестие? Вздор! Во всяком случае, не настолько, чтобы ставить под угрозу важные государственные дела, стремясь избежать огласки. Ситуация, подобная нашей, могла произойти только на Сарке. Госпожа Сэмия не виновна ни в чем, кроме своенравия и некоторой наивности. Уверен, ей уже случалось целоваться. Сколько бы поцелуев она ни раздала, никто не посмотрит на нее косо. Если, конечно, она не целуется с флоринианцем. Однако именно это с Сэмией и произошло. Неважно, что она не знала, кого целует. Неважно, что он действовал силой. Если мы опубликуем фотографии госпожи Сэмии в объятиях флоринианца, это разрушит ее жизнь и жизнь ее отца. Я видел лицо Файфа, когда он смотрел на снимки. Доказать, что в машине был флоринианец, невозможно. Какой-то парень в саркской одежде. Светлокожий — да, ну и что? Тем не менее Файф понимает, что слухам с удовольствием поверят

любители «жареного», фотографии станут для них неопровержимой уликой, а политические враги Файфа постараются извлечь из скандала максимум прибыли. Вы назовете это шантажом, Юнц, и будете правы, но подобный шантаж не сработал бы ни на какой другой планете во всей галактике. Уязвимость саркской социальной системы дала нам оружие, и я не жалею, что им воспользовался.

— До чего вы хоть договорились? — вздохнул Юнц.

— Мы встречаемся завтра в полдень.

— А ультиматум?

— Отложен на неопределенный срок. Я лично отправлюсь к Файфу.

— Стоит ли рисковать?

— Не так уж я и рискую. Будут свидетели. К тому же мне не терпится побывать во плоти в обществе вашего сотрудника, которого вы так долго искали.

— А как же я? — вскинулся Юнц. — Мне можно с вами?

— Разумеется. Мы еще пригласим старосту, который поможет опознать пространственного аналитика. Ну, и Стин, конечно, тоже будет с нами. Однако вы все воспользуетесь трименсио-

нальной персонификацией.

— Спасибо.

Транторский посол подавил зевок и посмотрел на Юнца слезящимися глазами.

— А теперь, с вашего позволения, мне пора спать. Еще одной дозы антисомнина мое дряхлое тело не выдержит, я не сплю уже вторые сутки.

Благодаря достижениям трименсиональной персонификации важные встречи редко проводились лицом к лицу. В физическом присутствии старого посла Файф находил нечто непристойное. Нельзя было сказать, потемнел ли смуглый нобиль лицом, однако морщины выдавали молчаливый гнев.

Файфу приходилось молчать. Говорить было нечего. Оставалось лишь мрачно сверлить взглядом людей, оказавшихся перед ним.

Абель. Плюгавый старикашка, маразматик, за спиной которого — миллион планет.

Юнц. Чернокожий упрямец с буйной шевелюрой, источник всех нынешних бед.

Стин. Предатель! Даже в глаза Файфу боится взглянуть.

Староста. Смотреть на флориниан ца было труднее всего. Туземец, обесчестивший его дочь своим прикосновением, оставался под защитой

стен посольства. Будь Файф теперь один, он бы изо всех сил грохнул кулаком по столу. Однако его лицо должно было оставаться бесстрастным, хотя внутри все бурлило от гнева.

Если бы Сэмия не… Ладно, что уж теперь об этом. Он сам потакал ее своеволию, винить теперь надо лишь себя самого. Дочь не стала ни извиняться, ни оправдываться. Честно рассказала, как пыталась поиграть в галактическую шпионку и чем все закончилось. Без утайки поведала о своем горьком позоре, надеясь на отцовское понимание. И она его получит. Получит, пусть даже ему придется разрушить все то, что он с таким трудом создавал.

— К этой встрече меня принудили. Не вижу надобности что-нибудь говорить. Я здесь, чтобы слушать, — произнес Файф.

— Кажется, Стин хочет вам что-то сказать, — ответил Абель.

Взгляд Файфа налился презрением. Заметив это, Стин взвился как ужаленный:

— Вы сами заставили меня переметнуться к Трантору, Файф! Нарушили принципы автономии. Право слово, неужели вы рассчитывали, что я это стерплю?

Файф промолчал. Абель, не без толики презре-

ния, оборвал Стина:

— К делу, Стин. Вы утверждали, вам есть что сказать? Вот и говорите.

— И скажу! — На желтоватых щеках Стина выступил нездоровый румянец. — Я не претендую на лавры великого детектива, каким себя воображает Файф, но мозги у меня на месте. Да, на месте. И думать я умею. Вчера Файф рассказал нам байку о таинственном предателе, которого он именовал Иксом. Однако я ни на минуту ему не поверил. Вся эта история понадобилась для того, чтобы объявить чрезвычайное положение. Меня не одурачишь.

— То есть никакого Икса нет? — спокойно спросил Файф. — Зачем же тогда вы удрали? Беглец сам расписывается в своей вине.

— Да ну? Право слово! — вскричал Стин. — Я бежал из горящего здания, пусть даже огонь зажег кто-то другой.

— Не тяните, Стин, — сказал Абель.

Стин облизнул губы и какое-то время созерцал свои ногти. Потом, потирая пальцами, продолжил:

— И тогда я подумал: зачем Файфу изобретать такую запутанную и мутную историю? Не его стиль, право слово. Не похоже на Файфа. Уж я-то

его знаю. Мы все его знаем. Ваше превосходительство, у него воображения — ноль. Грубый мужлан, почти как Борт.

— Абель, он собирается говорить что-нибудь по существу? — Файф поморщился. — Или так и будет переливать из пустого в порожнее?

— Продолжайте, Стин, — поторопил нобиля посол.

— Я продолжу, если меня не будут то и дело перебивать! О, великий космос! На чьей вы стороне, Абель? В общем, я спросил себя (сразу после ужина): зачем такому, как Файф, измышлять подобную историю? Ответ напрашивался сам собой. Выдумать ее он не мог — по крайней мере самостоятельно. Следовательно, история правдива, и патрульных убили, хотя это Файф как раз вполне мог организовать.

Файф только пожал плечами.

— Но кто же тогда Икс? — продолжил Стин. — Это не я — право слово, кому и знать, как не мне. Тем не менее Файф прав, такое под силу лишь великому нобилю. А какой великий нобиль в курсе всего случившегося? Кто из великих нобилей уже год пугает остальных байкой о пространственном аналитике и тем, что он называет «объединенными усилиями», а я зову «диктатурой Файфа»? Я

вам скажу, кто у нас Икс.

Стин встал. Его макушка вышла за пределы куба-приемника и исчезла.

— Икс — это сам Файф! — И Стин ткнул в него дрожащим пальцем. — Больше некому. Он нашел аналитика, убрал его с дороги, когда увидел, что никто из нас не проникся глупыми намеками, а потом, подготовив военный переворот, вновь вытащил того на свет.

— Он закончил? — Файф устало посмотрел на Абеля. — Если да, то удалите его. Своим присутствием он оскорбляет порядочных людей.

— Не желаете прокомментировать слова Стина?

— Разумеется, нет. Что тут можно комментировать? Человек в отчаянном положении скажет все что угодно.

— Вы не можете просто так отмахнуться, Файф, — сказал Стин.

Он затравленно оглянулся на остальных. Его глаза сузились, кожа у носа побелела от напряжения. Он так и остался стоять.

— Послушайте, Файф заявил, что его детективы нашли в кабинете врача истории болезней. Доктор якобы погиб в случайной аварии, после того как обследовал аналитика и поставил ему

диагноз «психозондирован». Еще Файф утверждает, что авария — дело рук Икса, испугавшегося, что ученого опознают. Именно так он и говорил. Спросите его, спросите!

— Ну, говорил, и что с того? — поинтересовался Файф.

— А вы спросите, как к нему попали записи врача, погибшего несколько месяцев назад. Право слово, да они просто уже были у него.

— Глупости, — ответил Файф. — Господа, мы теряем бесценное время. Другой врач принял практику умершего, вот и все. Или вы думаете, что истории болезней уничтожают после смерти медика?

— Нет, мы так не думаем, — сказал Абель.

Стин открыл рот, потом закрыл и сел на место.

— Ну? Что дальше? — тихо спросил Файф, в его голосе звучала горечь. — Новые обвинения? Хоть что-нибудь определенное?

— Стин высказался, и ладно. У нас с Юнцем к вам другое дело. Мы хотим видеть пространственного аналитика.

Файф, чьи руки до этого лежали неподвижно, вцепился в край столешницы. Густые черные брови сошлись на переносице.

— У нас действительно сидит под арестом ум-

ственно неполноценный мужчина, именующий себя пространственным аналитиком. Я прикажу доставить его сюда.

Валоне Марч и не снилось, что на свете существуют подобные чудеса. Со вчерашнего дня, когда корабль приземлился на Сарке, она только и делала, что удивлялась. Даже тюремные камеры, куда их с Риком поместили, были чудом из чудес. Стоило нажать кнопку, и из крана текла вода. Стены были теплыми, хотя снаружи стоял холод, какого Валона и представить себе не могла. С ней разговаривали прекрасно одетые люди.

Она побывала в комнатах, где было полным-полно невиданных вещей. Сейчас же Валону привели в огромное, но почти пустое помещение. Впрочем, в комнате находились люди. За столом сидел сурового вида мужчина. Были еще морщинистый старик в кресле и трое других.

Один из них оказался старостой! Валона даже подпрыгнула и бросилась к нему:

— Староста! Староста!

Но его уже там почему-то не было. Староста поднялся с кресла и замахал на Валону руками:

— Стой, Валона! Стой спокойно!

Валона с разбегу проскочила прямо сквозь него. Она хотела взять старосту за рукав — и почему-то

не смогла. Тогда она попыталась уцепиться за его плечо, споткнулась и вновь прошла насквозь. У нее захватило дух. Староста повернулся к ней, но Валона смотрела только на свои ноги. Они словно бы вырастали из массивного подлокотника кресла, в котором сидел староста. Валона видела кресло отчетливо, оно было ярким и совершенно настоящим. Ее ноги торчали прямо оттуда, хотя она ничего не чувствовала. Протянула трясущуюся ладонь, пальцы на дюйм погрузились в обивку, и… опять ничего. Только пальцы.

Валона взвизгнула и упала. Последним, что она увидела, были руки старосты: он машинально попытался ее поддержать, но она провалилась в кольцо его рук, как сквозь воздух телесного цвета.

Очнулась она в кресле, ее ладонь крепко сжимал Рик.

— Не пугайся, девочка, — сказал склонившийся над ней морщинистый старик. — Это просто картинка. Как фотография, понимаешь?

Валона осмотрелась. Староста продолжал сидеть, где сидел, даже не глядел на нее.

— А вон там разве не он? — Валона показала пальцем.

Неожиданно ответил ей Рик:

— Это трименсиональная персонификация, Лона. Староста находится в другом месте, но мы можем его видеть.

Валона замотала головой. Раз так говорит Рик, значит, это правда. Она потупилась. Не могла себя заставить смотреть на людей, которые одновременно тут и не тут.

— Вы знаете, что такое трименсиональная персонификация, молодой человек? — спросил Абель у Рика.

— Да, сэр.

Последние сутки потрясли и Рика. Но если Валона все сильнее впадала в ступор, то Рику с каждой минутой окружающее становилось все более знакомым и понятным.

— Где вы об этом узнали?

— Не помню. Я знал это до того… до того, как все забыл.

За время всей сцены Файф даже не пошевелился, лишь произнес:

— Извините, что побеспокоил собравшихся, приведя в кабинет туземку-истеричку, но так называемый пространственный аналитик требовал ее присутствия.

— Ничего страшного, — ответил Абель. — Однако выясняется, что ваш умственно неполноцен-

ный флоринианец знает, что такое трименсио-нальная персонификация.

— Полагаю, туземца хорошенько выдрессировали.

— Его допрашивали после прибытия на Сарк?

— Естественно.

— И каковы результаты?

— Ничего нового.

— Как ваше имя? — спросил Абель у Рика.

— Рик — это единственное имя, которое я помню, — спокойно ответил тот.

— Вы узнаете кого-нибудь из присутствующих в этой комнате?

Рик внимательно оглядел собравшихся.

— Только старосту. Ну, и Лону, конечно.

— Это, — Абель кивнул на Файфа, — самый великий нобиль из когда-либо живших. Он теперь владеет целой планетой. Что вы о нем думаете?

— Я — землянин, — смело ответил Рик, — и ему не подчиняюсь.

— Сомневаюсь, что кого-то из коренных флоринианцев можно научить такому неповиновению, — сказал Абель, обращаясь к Файфу.

— Даже с помощью психозонда? — презрительно скривился нобиль.

— А этого джентльмена вы узнаете? — вновь

поинтересовался Абель у Рика.

— Нет, сэр.

— Это профессор Селим Юнц, важный сотрудник Межзвездного Пространственно-аналитического Бюро.

— Следовательно, — Рик вгляделся в лицо Юнца, — он один из моих руководителей. К сожалению, я его не знаю. Или знал, но забыл.

— Мы с ним никогда не встречались, Абель, — грустно покачал головой Юнц.

— Примем это к сведению, — пробормотал Файф.

— Рик, — продолжил Абель, — я хочу рассказать вам одну историю. Слушайте меня внимательно и думайте. Думайте хорошенько! Поняли?

Рик кивнул.

Несколько долгих минут в кабинете звучал только неторопливый голос Абеля. Рик крепко зажмурился. Закусив губу, он прижал кулаки к груди и низко склонил голову. Казалось, этот человек испытывает сильные мучения.

Абель пересказал ход событий в том виде, как они были представлены Файфом. Поведал о перехваченном тревожном сообщении и его интерпретации, о встрече между Риком и Иксом, о психозонде и о том, как Рика переправили на

Флорину, о докторе, поставившем ему диагноз и погибшем затем в аварии, о возвращении памяти. Наконец, он произнес:

— Вот такая история, Рик. Я рассказал вам все, что знаю. Она вам ни о чем не напомнила?

— Я помню только последнюю ее часть, — с болью в голосе отозвался Рик. — Последние несколько дней. Еще мне вспоминается что-то из совсем далекого прошлого. Кажется, когда я впервые заговорил, мы отправились к доктору. Все очень смутно… Нет, ничего больше не помню.

— Кое-что вы все-таки вспомнили. Вы помните о грозящей Флорине опасности?

— Да, да. Это стало первым моим воспоминанием.

— Но вы не помните, что последовало за этим? Вы высадились на Сарке и встретились с мужчиной.

— Не могу вспомнить! — простонал Рик. — Не могу!

— Попытайтесь!

Рик поднял лицо, на лбу выступили капли пота.

— Я вспомнил слово.

— Какое слово, Рик?

— Оно не имеет смысла.

— Тем не менее скажите его нам.

— Воспоминание о нем ассоциируется у меня со столом. Это было давно, очень давно, все как в тумане. Я сижу. Кажется, напротив сидит кто-то еще. Потом он стоит и смотрит на меня сверху вниз. А потом это слово.

— Какое? — терпеливо спросил Абель.

Рик сжал кулаки и прошептал:

— Файф.

Все, кроме Файфа, вскочили на ноги.

— Я же вам говорил! — завизжал Стин и зашелся визгливым, булькающим смехом.

Глава 17
Обвинитель

— Давайте покончим с этим балаганом, — сказал Файф, старательно сдерживая свой гнев.

Ему пришлось подождать, наблюдая с суровым и бесстрастным видом, как остальные успокаиваются и рассаживаются по местам. Рик наклонил голову и, до боли зажмурившись, начал «прощупывать» свою память. Это доставляло мучительную боль. Валона крепко притянула его к себе и принялась тихонько баюкать, поглаживая по щеке.

— Почему же «балаган»? — дребезжащим голосом спросил Абель.

— А разве нет? — возразил Файф. — Вы добились этой встречи шантажом. Однако знай я, что меня ждет судилище, на котором в качестве прокуроров и присяжных будут выступать перебежчики и убийцы, отказался бы, несмотря на вашу угрозу.

— Это не суд, сэр, — с холодной официальностью ответил Абель. — Профессор Юнц здесь для того, чтобы спасти сотрудника МПБ, как велит ему честь и долг. Я защищаю интересы Трантора в столь непростое время. Совершенно очевидно, что Рик и есть пропавший пространственный аналитик. Мы можем немедленно покончить с этой проблемой, если вы согласитесь передать Рика профессору Юнцу для дальнейшего освидетельствования и опознания. Разумеется, нам потребуется ваша помощь в поиске преступника, ответственного за психозондирование. Кроме того, нам нужны гарантии, что подобное впредь не повторится в отношении работников службы, стоящей превыше региональной политики.

— Сколько громких слов! Абель, шила в мешке не утаишь, ваши планы мне совершенно ясны. Что произойдет после того, как я отдам вам это-

го человека? Склоняюсь к мысли, МПБ найдет именно то, что хочет найти. Бюро может сколько угодно заявлять о своей независимости, однако не секрет, что их годовой бюджет на две трети спонсируется Трантором. Сомневаюсь, что хоть один мало-мальски разумный наблюдатель сочтет Бюро по-настоящему нейтральной организацией. Выводы, которые они сделают в отношении этого человека, пойдут на руку имперским поползновениям Трантора. Какие именно выводы — спросите вы. Тоже очевидно. К этому человеку начнет «возвращаться память». День за днем МПБ будет публиковать бюллетени о состоянии его здоровья. Он припомнит все новые и новые подробности. Сначала мое имя. Затем мое появление. Потом мои слова. Меня торжественно признают виновным. Последуют требования возместить убытки, Трантор окажется «просто вынужденным» временно оккупировать Сарк, однако нет ничего более постоянного, чем временное. Есть пределы, за которыми любой шантаж теряет силу, и вы, господин посол, таковых достигли. Если хотите получить этого человека, высылайте за ним военный флот.

— О применении силы речь пока не идет, — возразил Абель. — Тем не менее я заметил, что

вы избегаете открыто опровергать подспудное обвинение, прозвучавшее в последних словах аналитика.

— Потому что не услышал обвинения, которое требовалось бы опровергать. Он вспомнил некое слово — вернее, он так утверждает. И что дальше?

— Считаете, это слово ничего не значит?

— Абсолютно. «Файф» — знаменитейшее имя на Сарке. Даже если допустить, что так называемый пространственный аналитик искренен, за целый год на Флорине он мог услышать его от кого угодно. Не говоря уже о том, что он прибыл на Сарк на корабле вместе с моей дочерью. Ничего странного, что мое имя возникло в его памяти. Между тем он может и врать. Тогда все его «воспоминания» — просто хорошо отрепетированный фарс.

Абелю нечего было возразить. Он поглядел на остальных. Насупленный Юнц молча потирал подбородок. Стин глупо ухмылялся, бормоча что-то себе под нос. Флоринианский староста тупо созерцал свои коленки.

Заговорил Рик.

— Послушайте. — Он вырвался из объятий Валоны и встал.

Его лицо побледнело, во взгляде сквозила боль.

— Грядет еще одно откровение? — хмыкнул Файф.

— Послушайте, — продолжил Рик, — мы сидели за столом. В моем чае был какой-то наркотик. Мы ссорились — не помню, из-за чего. Потом я оцепенел и мог только сидеть и думать: «О, великий космос, меня опоили». Хотелось закричать, закричать и убежать, но тело не слушалось. Ко мне подошел тот, другой. Файф. Сначала он орал на меня, затем замолчал. Обогнул стол и навис надо мной. Я не мог ни говорить, ни шевелиться. Только глаза еще слушались.

Рик умолк.

— Второй человек был Файфом? — спросил Юнц.

— Так я запомнил.

— То есть это тот человек, который сейчас сидит за столом?

— Я не помню, как он выглядел. — Рик даже не повернулся, чтобы посмотреть на Файфа.

— Вы уверены?

— Я пытался вспомнить. Вы и представить себе не можете, до чего это тяжело! И больно! — выкрикнул он. — Словно в мозг вонзается раскаленная игла. Все глубже, глубже! — Рик обхватил голову руками.

— Знаю, вам тяжело, но вспомнить надо, — мягко сказал Юнц. — Неужели вы не понимаете? Посмотрите еще раз на этого человека! Взгляните ему в лицо!

Рик оглянулся на Файфа, минуту-другую смотрел на него, потом отвернулся.

— Ну? Вспомнили? — спросил Юнц.

— Нет!

— Ваш актер забыл свою роль? — сухо усмехнулся Файф. — Или вы надеетесь, что история станет более правдоподобной, если он «вспомнит» мое лицо в следующий раз?

— Я никогда прежде не встречался и не говорил с этим человеком! — вспылил Юнц. — Никаких заговоров за вашей спиной мы не плели, меня утомили ваши обвинения на сей счет. Я ищу только правду.

— В таком случае могу ли и я задать ему несколько вопросов?

— Валяйте.

— Благодарю за любезность. Рик, или как там тебя… — голос Файфа изменился: великий нобиль обращался к флориниану.

— Да, сэр. — Рик поднял взгляд.

— Говоришь, человек обошел стол и навис над тобой, пока ты сидел беспомощный и одурма-

ненный?

— Да, сэр.

— И последнее, что ты помнишь, это то, как он склонился к тебе?

— Да, сэр.

— Ты же смотрел на него снизу вверх?

— Да, сэр.

— Сядь.

Рик подчинился.

Несколько секунд Файф сидел неподвижно. Его безгубый рот превратился в едва заметную щель, под щеками, синеватыми от пробивающейся щетины, перекатывались желваки, подбородок выдался вперед. А потом великий нобиль соскользнул с кресла.

Именно соскользнул! На миг всем показалось, что он опустился на колени.

Затем Файф вышел из-за стола, и стало ясно, что он стоит на ногах.

У Юнца даже голова закружилась. Человек, казавшийся, когда сидел, статным и внушительным, внезапно превратился в жалкого карлика.

Уродливые ножки великого нобиля едва не подгибались под тяжестью мощного торса. Лицо Файфа побагровело, но взгляд хранил прежнее высокомерие.

Рик, глаза в глаза, следил за приближением Файфа.

— Так это я тогда подошел к тебе?

— Я же говорил, сэр, что не помню лица.

— Кто тебя спрашивает о лице? — Файф развел руки в стороны, обводя свое тело. — Можно ли забыть такое? Мою фигуру? Походку?

— Наверное, нет, сэр, — смущенно пробормотал Рик, — но я не уверен.

— Но ты же сидел и смотрел на него снизу вверх, а он стоял.

— Да, сэр.

— Он стоял над тобой, даже «возвышался», как ты выразился?

— Да, сэр.

— Это ты помнишь точно?

— Да, сэр.

Лица сидящего Рика и стоящего Файфа находились друг против друга.

— Я смотрю на тебя сверху вниз?

— Нет, сэр.

— Может быть, ты смотришь на меня снизу вверх?

— Нет, сэр.

— Могу я быть тем мужчиной?

— Нет, сэр.

— Однако ты продолжаешь утверждать, что вспомнил имя «Файф».

— Да, вспомнил, — не отступал Рик.

— Получается, тот человек воспользовался моим именем для маскировки?

— Н-ну, вероятно.

Файф развернулся, с неторопливым достоинством проковылял к креслу, вскарабкался на него и произнес:

— Став взрослым, я никому не позволял видеть себя в полный рост. Есть ли у вас еще какие-нибудь причины настаивать на продолжении этой встречи?

Абель был одновременно смущен и раздражен. Разговор шел совершенно не так, как он планировал. На любой их довод у Файфа был готов ответ. В итоге нобиль представал чуть ли не оболганным мучеником: его шантажом принудили к встрече, оклеветали, а он с успехом отмел все обвинения.

Файф сделает все, чтобы именно его версия происходящего распространилась по галактике и стала превосходной антитранторской пропагандой. Ему даже врать особенно не придется.

Посол должен был во что бы то ни стало сократить негативные последствия. Психозондированный аналитик теперь бесполезен. Все,

что он «вспомнит», будет вызывать только смех — неважно, насколько правдивы воспоминания. Его назовут инструментом транторского империализма, к тому же — сломанным.

Пока Абель размышлял, заговорил Юнц:

— У меня есть веская причина для продолжения встречи. Мы до сих пор не установили, кто виновен в психозондировании. Вы киваете на Стина, Стин — на вас. Предположим, вы оба ошибаетесь и оба невиновны, но факт остается фактом: вы считаете, что это сделал кто-то из великих нобилей. Кто же?

— А это имеет значение? — ответил Файф. — Что касается вас — насколько я понимаю, нет. Если бы не вмешательство Трантора и МПБ, вопрос уже был бы решен. Со временем я найду предателя. Не забудьте, он пытался монополизировать торговлю кыртом, и я этого так не оставлю. Когда виновный будет уличен, ваш сотрудник вернется к вам целым и невредимым. Это единственный разумный выход из ситуации, который я могу предложить.

— А что насчет преступника?

— Его судьба вас не касается.

— Нет, касается! — горячо возразил Юнц. — Дело не только в конкретном сотруднике. Речь о

куда более важной проблеме. Странно, что вы о ней даже не упомянули. Рика психозондировали не потому, что он пространственный аналитик.

Абель не знал, к чему ведет Юнц, однако решил его поддержать.

— Полагаю, — сказал он, — профессор Юнц намекает на сообщение об опасности, посланное его сотрудником.

— Насколько мне известно, — пожал плечами Файф, — никого, включая профессора Юнца, за весь прошедший год оно не озаботило. Впрочем, ваш человек перед вами. Спросите его сами, если хотите.

— Он же не сможет ответить, — сердито буркнул Юнц. — Психозондирование сказывается прежде всего на абстрактно-логических цепочках умозаключений, высшей форме интеллекта. Этот человек может так никогда и не восстановить профессиональную базу данных — дело всей своей жизни.

— О чем тогда мы говорим? — спросил Файф. — Ничего не поделаешь.

— Нет, поделать как раз можно. Есть некто, кто все знает. Тот, кто психозондировал аналитика. Сам он, скорее всего, ничего в пространственном анализе не смыслит и в деталях не разобрался,

но он разговаривал с Риком, когда тот еще был в своем уме. Он знает достаточно, чтобы направить нас по верному следу. Иначе преступник не решился бы уничтожить единственный источник информации. Тем не менее еще раз, просто для проформы — вы что-нибудь помните, Рик?

— Только то, что имеется опасность, связанная с космическими течениями, — пробормотал тот.

— Даже если вы что-нибудь выясните, дальше что? Насколько достоверны поразительные теории, которые вечно выдумывают свихнувшиеся пространственные аналитики? Они полагают, им открыты все тайны Вселенной, тогда как их помутившийся разум не в состоянии даже считать показания приборов.

— Может, и так. Вы боитесь, что я докопаюсь до правды?

— Я не желаю, чтобы поползли слухи, влияющие на торговлю кыртом, — неважно, правдивы они или нет. Вы не согласны, Абель?

Посол внутренне поморщился. Файф обстряпал все таким образом, что в любых перебоях в поставках кырта, вызванных государственным переворотом, обвинят Трантор. Однако Абель и сам был прекрасным игроком и, не моргнув глазом, поднял ставки.

— Нет, не согласен. Я советую вам всерьез прислушаться к профессору Юнцу.

— Спасибо, — ответил тот. — Итак, Файф, вы заявили, что преступнику пришлось убить врача, осматривавшего Рика. Следовательно, он приглядывал за аналитиком на Флорине.

— То есть?

— Должны остаться улики.

— Имеете в виду, что туземцы могли заметить наблюдателя?

— А почему нет?

— Вы не с Сарка, поэтому ваша ошибка простительна. Уверяю, туземцы знают свое место. Они не приближаются к нобилям, а если вынуждены приблизиться, то опускают глаза. Они ничего не заметили бы.

Юнца передернуло. Нобили так закоснели в своем деспотизме, что уже не стеснялись говорить о нем в открытую.

— Обычные, может, и не заметили бы, — ответил он. — Но у нас имеется не совсем обычный флориниан ец. Думаю, он уже доказал, что является кем угодно, только не забитым туземцем. Он пока не участвовал в дискуссии, и самое время задать ему несколько вопросов.

— Слова этого типа ничего не стоят, — возразил

Файф. — Раз уж вы о нем заговорили, я вновь требую выдать его судебным органам Сарка.

— Позвольте я сначала с ним побеседую.

— Я тоже считаю, что задать ему кое-какие вопросы не повредит, Файф, — кротко добавил Абель. — Если он окажется несговорчивым или ненадежным свидетелем, мы рассмотрим вашу просьбу о выдаче.

Тиренс прекратил разглядывать свои руки и быстро поднял голову.

— Рик жил в вашем поселке с того самого дня, как вы его нашли? — спросил Юнц.

— Да.

— И все это время вы находились в поселке? В длительные командировки не отлучались?

— У старост не бывает командировок. Их работа — в поселке.

— Хорошо. Успокойтесь и не нервничайте. Я правильно понимаю, что в ваши обязанности входило знать обо всех посещающих поселок нобилях?

— Конечно.

— И часто они вас посещали?

— Раз или два, — пожал плечами Тиренс. — Рутинные проверки. Нобили не пачкают руки на кыртовых полях.

— Эй, побольше уважения! — рявкнул Файф.

— А ты меня заставь. — Тиренс взглянул прямо в глаза великому нобилю.

— Пусть Юнц с ним беседует, — мягко остановил Файфа Абель. — Мы же останемся зрителями.

У Юнца потеплело на душе от смелости старосты, но он тем не менее сказал:

— Пожалуйста, отвечайте только на мои вопросы, без комментариев. Кто именно из нобилей посещал ваш поселок за последний год?

— Мне-то откуда знать? — раздраженно буркнул Тиренс. — Я не могу ответить на ваш вопрос. Нобили — это нобили, а туземцы — это туземцы. Я, конечно, староста, но для них все равно туземец и не ходил к воротам спрашивать их имена. Мне просто передавали письмо, на котором значилось «Старосте». В нем говорилось, что в такой-то и такой-то день прибудет инспекция и я обязан принять надлежащие меры. Проследить, чтобы жители надели самые красивые одежды, чтобы на фабрике было чисто и отсутствовали поломки, чтобы запасы кырта радовали глаз, а люди выглядели довольными и счастливыми. Дома следовало привести в порядок, улицы патрулировать, а под рукой держать несколько человек на случай, если нобилю захочется посмотреть

какой-нибудь экзотический туземный танец, и парочку симпатичных де…

— Это неважно, староста, — перебил его Юнц.

— Для вас — неважно, для меня — важно.

После встреч с флориниански чиновниками из госслужбы Юнц обнаружил, что беседа со старостой — настоящий глоток свежего воздуха. Он решил обязательно воспользоваться влиянием МПБ, чтобы не допустить выдачи Сарку этого человека.

— Как бы там ни было, такова была моя роль, — продолжил Тиренс, немного успокоившись. — Когда приезжала инспекция, я стоял в шеренге вместе с другими. Я не знаю, кем были те нобили, я с ними не разговаривал.

— Не приходила ли подобная инспекция в течение недели до убийства врача? Полагаю, вы помните, когда его убили?

— Слышал в новостях. Нет, никакой инспекции в это время не припоминаю. Хотя и поклясться не могу.

— Кому принадлежат ваши земли?

— Файфу. — Рот Тиренса скривился.

— Нет, право слово! — вскричал вдруг Стин. — Юнц, своими вопросами вы играете на руку Файфу. Неужели не видите, что это ни к чему не

приведет? Или вы думаете, что, если бы Файф хотел проследить за этим несчастным, он взял бы на себя труд лично лететь на Флорину? А на что тогда патрульные? Ну, право же слово!

— В случае, когда от разума одного человека зависит галактическая экономика и, вероятно, физическое существование целой планеты, я бы на месте преступника не полагался на патрульных, — несколько сконфуженно парировал Юнц.

— Даже если этот разум фактически уничтожен? — заметил Файф.

Абель оттопырил нижнюю губу и нахмурился. Похоже, нобиль перехватывал инициативу в игре.

— Может быть, в поселке вертелся какой-нибудь конкретный патрульный? — нерешительно продолжил Юнц.

— Понятия не имею. В своих мундирах они все на одно лицо.

Профессор внезапно повернулся к Валоне. За секунду до этого она вдруг дернулась и побледнела, ее зрачки испуганно расширились, что не ускользнуло от внимания Юнца.

— А как насчет тебя, девочка?

Валона молча помотала головой.

«Ну, вот и все, — мрачно подумал Абель, — *игра*

окончена».

Однако Валона, дрожа, уже поднималась на ноги.

— Я хочу кой-чего сказать, — еле слышно выдавила она.

— Говори, дитя, — подбодрил ее Юнц. — Что ты хочешь нам сказать?

— Я простая девчонка с ткацкой фабрики, — сдавленно проговорила Валона, ломая пальцы, на ее лице застыл страх. — Прошу вас, не сердитесь на меня. Я вот чего подумала. Мой Рик, он очень важный, да? Важный-преважный?

— Он был очень, очень важен для нас, — ласково ответил Юнц. — И, надеюсь, таковым остается.

— Значит, все, как вы сказали. Значит, тот, кто отправил его на Флорину, глаз бы с него не спустил ни на минуточку. А как же иначе? Ведь Рика и бригадир на фабрике мог избить, и дети камнями забросать. Или он заболел бы и умер. И в поля его отправлять было нельзя, станет ему плохо — и все, никто его не найдет, пока он не умрет. Злодеи не стали бы полагаться на удачу. — Валона осмелела и говорила довольно связно.

— Продолжай, девочка. — Юнц не сводил с нее глаз.

— Есть только один человек, который пригля-

дывал за Риком с самого начала. Он нашел его в поле, проследил, чтобы я о нем позаботилась, охранял и справлялся о нем каждый день. Он и про доктора знал, ведь я сама ему и рассказала. Это он! Это был он! — закричала она, указывая пальцем на Мирлина Тиренса.

На сей раз даже Файфу изменила его каменная выдержка. Руки уперлись в стол, приподнимая массивное тело. Он в упор уставился на старосту.

Глава 18
Победители

Все словно онемели. Даже Рик только и мог, что недоверчиво переводить взгляд с Валоны на Тиренса и обратно.

Потом Стин визгливо захохотал, и оцепенение спало:

— Верю! Право слово, верю! Я вам давно твержу, что Файф платит кому-то из туземцев. Убедились, каков фрукт? Он платил туземцу, чтобы тот…

— Это чудовищная ложь.

Слова принадлежали не Файфу, а старосте, с горящими глазами вскочившему с места.

— Что именно? — поинтересовался Абель, выглядевший здесь самым спокойным.

Тиренс непонимающе посмотрел на него, потом, запинаясь, произнес:

— То, что сказал нобиль. Я не брал саркских денег.

— А то, что сказала девушка?

— Это правда, — Тиренс облизал пересохшие губы. — Я применил к аналитику психозондирование. Только не надо на меня так смотреть, Лона, — торопливо добавил он. — Я не хотел ему навредить, не хотел, чтобы все так обернулось. — Староста рухнул в кресло.

— Ваша затея, Абель? — подал голос Файф. — Не знаю, что вы задумали, но последнее преступление никак не может входить в репертуар данного преступника. Лишь великие нобили обладают соответствующими знаниями и возможностями. Или этим самооговором старосты вы пытаетесь выгородить Стина?

— Я и с Трантора денег не брал, — сказал Тиренс, сжав кулаки и подавшись вперед.

Файф не обратил на него внимания.

Последним пришел в себя Юнц. Он с трудом смирился с мыслью, что старосты нет с ними, что он где-то в другой комнате посольства, а Юнц видит лишь его образ, не более реальный, чем образ Файфа, находившегося в двадцати милях. Про-

фессору же так хотелось ободряюще похлопать старосту по плечу, поговорить с ним наедине… Вместо этого он сказал:

— Прежде чем пускаться в споры, давайте выслушаем старосту и узнаем подробности дела. Если он и есть тот, кто психозондировал аналитика, нам потребуются все обстоятельства. Если же не он, то детали его выдадут.

— Хотите знать, как все было? — закричал Тиренс. — Хорошо, я расскажу. Что толку теперь скрывать? Меня ждет либо Сарк, либо Трантор. Космос с ними, зато, облегчив душу, я, может быть, кое-что предам огласке.

Староста с презрением показал на Файфа.

— Перед вами — великий нобиль. «Лишь великие нобили, — говорит нам великий нобиль, — обладают соответствующими знаниями и возможностями». И он в это верит. Но что такого он знает? Что вообще знает любой из саркцев? Они не управляют своим государством. Это делают флориниане. Флориниане госслужба! Мы пишем бумаги, изучаем бумаги, оформляем бумаги. А именно бумаги управляют Сарком. Да, многие из нас чересчур забиты, даже не пискнем, но знаете ли вы, что бы мы сделали под самым носом у треклятых нобилей, если бы захотели? Вы

в этом только что убедились. Год назад, в рамках программы своего обучения, я служил временным диспетчером космопорта. Это отражено в документах. Правда, вам придется хорошенько в них порыться, поскольку официально на этом месте работал саркец. Должность принадлежала ему, а работал за него я. Мое имя вы найдете в списке, озаглавленном «Туземный персонал». Хотя ни один саркец, разумеется, туда не заглядывал, дабы не марать свой взор. Когда местное отделение МПБ переслало нам сообщение пространственного аналитика вместе с советом отправить в космопорт карету «Скорой помощи», сообщение принял я. И передал его дальше по инстанции, за исключением той части, в которой говорилось о гибели Флорины. Я встретил пространственного аналитика в небольшом пригородном космопорте. Это было несложно. Все нити управления сосредоточились в моих руках. Не забывайте, я работал на госслужбе. Великому нобилю, решившему проделать то, что проделал я, пришлось бы отдавать приказы какому-нибудь флориниану, чтобы тот сделал все за него. Мне же ничья помощь не требовалась. Хватило и знаний, и возможностей. Встретив аналитика, я спрятал его от МПБ и от Сарка. Вытянул из него

столько информации, сколько смог, надеясь использовать сведения против Сарка и во благо Флорины.

— Так это ты отправил нам те письма? — не сдержался Файф.

— Да, это был я, «о, великий нобиль», — спокойно ответил Тиренс. — Я надеялся захватить контроль над большей частью кыртовых полей, чтобы на своих условиях заключить сделку с Трантором и изгнать вас с планеты.

— Да ты с ума сошел!

— Может быть. В любом случае это не сработало. Пространственному аналитику я представился нобилем Файфом. Он знал, что Файф — самая крупная «шишка» на Сарке, и говорил охотно. Мне хотелось смеяться, ведь он считал, будто Файфа беспокоит судьба жителей Флорины. К сожалению, он оказался менее терпелив, чем я. Настаивал, что промедление смерти подобно, тогда как осуществление моих планов требовало времени. Поняв, что не смогу больше его удерживать, я решил воспользоваться психозондом и раздобыл один прибор. Я видел, как им пользуются в больницах, и кое-что знал. Увы, недостаточно. Я настроил зонд так, чтобы стереть тревожность с поверхностных слоев разума, это

простая операция. До сих пор не понимаю, почему все пошло наперекосяк. Наверное, тревожность слишком глубоко въелась в его мозги, и зонд проникал все глубже, уничтожая заодно и большую часть сознания. В итоге у меня на руках оказался бессмысленный «овощ». Прости меня, Рик.

— Вам не следовало так поступать со мной, староста, — грустно сказал Рик, слушавший его, не пропуская ни единого слова. — Хотя я догадываюсь, что вы чувствовали.

— Конечно, — кивнул Тиренс, — ведь ты прожил на Флорине целый год. Знаешь о патрульных и нобилях, о разнице между Нижним городом и Верхним. Итак, мой аналитик сделался совершенно беспомощным. Нельзя было допустить, чтобы ученого обнаружили те, кто мог его опознать. Убить его я тоже не мог. Я был уверен, что память к нему вернется. Я нуждался в дополнительных сведениях, не говоря о том, что убить пространственного аналитика означало настроить против себя Трантор и МПБ, которые мне, в конце концов, должны были понадобиться. Кроме того, в то время я еще не мог поднять руку на человека. Я устроил все так, чтобы меня назначили старостой на Флорину, и захватил аналитика с собой, раздобыв ему поддельные документы. Когда в поле

«нашли» Рика, приставил к нему Валону. Опасность подстерегла меня лишь однажды, когда она отвезла Рика к врачу. Пришлось вмешаться в работу энергостанции Верхнего города. Ничего невозможного, кстати. Инженерами там саркцы, зато вахтерами — флоринианцы. На Сарке я узнал достаточно об энергетике, чтобы понять, как закоротить линию энергопередачи. Потребовалось три дня, чтобы выбрать подходящее время и устроить аварию. Жаль, что я не подозревал о копиях историй болезни, хранившихся в Верхнем городе. — Тиренс бросил взгляд на хронометр Файфа. — Сто часов назад — хотя мне кажется, прошло сто лет — к Рику вновь начали возвращаться воспоминания. И теперь вы знаете все.

— Нет, не все, — запротестовал Юнц. — Мне нужны подробности сообщения о гибели планеты.

— Полагаете, я мог вникнуть в детали того, что говорил аналитик? К тому же, без обид, Рик, все это было каким-то бредом.

— Нет, не было, — вскипел Рик. — Не могло им быть.

— Где корабль моего сотрудника? — спросил Юнц.

— На свалке, — просто ответил Тиренс. — Я сам

написал приказ, а мой начальник не глядя его подмахнул. Саркцы никогда не читают то, что подписывают. Так что вопросов не возникло.

— А как же бумаги Рика? Он ведь показывал вам свои расчеты!

— Отдайте старосту нам, — сказал Файф, — и мы вытрясем из него все, что требуется.

— Нет, — возразил Юнц. — Первое преступление он совершил против МПБ, когда похитил нашего сотрудника и повредил его мозг. Он наш.

— Юнц прав, — кивнул Абель.

— А теперь послушайте меня, — произнес Тиренс. — Если вы не гарантируете мне защиту, больше я не скажу ни слова. Я один знаю, где бумаги Рика. Они там, где их не найдет ни Трантор, ни Сарк. Хотите получить их? Дайте мне статус политического беженца. Все, что я делал, я делал из патриотизма, во имя своей планеты. Граждане Сарка и Трантора считают себя патриотами, почему бы и флориниану им не быть?

— Господин посол, — сказал Юнц, — уже пообещал отдать вас МПБ. Заверяю, что вы никогда не вернетесь на Сарк. За ваше преступление против нашего сотрудника вас будут судить. Я не поручусь за исход, однако если вы не откажетесь сотрудничать со следствием, это зачтется в вашу

пользу.

Тиренс пытливо посмотрел на Юнца, затем сказал:

— Хорошо, положусь на вас, профессор… Согласно расчетам пространственного аналитика, солнце Флорины находится на стадии превращения в новую звезду.

— Что?! — хором вскричали все, кроме Валоны.

— Собирается взорваться, — сардонически хмыкнул Тиренс. — Ба-бах! И когда это случится, Флорина испарится, как облачко сигаретного дыма.

— Я, конечно, не пространственный аналитик, — начал Абель, — но слышал, что предсказать взрыв звезды невозможно.

— Верно. По крайней мере, так считается, — кивнул Юнц. — Рик что-нибудь говорил о том, как сделал свой вывод?

— Думаю, это имеется в его бумагах. Я помню, он все твердил об углеродном течении.

— О чем?

— Ну, он повторял: «Углеродное космическое течение», «углеродное течение». И добавлял что-то вроде «каталитический эффект». Это все.

Стин хихикнул, Файф нахмурился. Какое-то

время Юнц молча смотрел перед собой, потом очнулся и, пробормотав «Извините, я сейчас», вышел за пределы куба.

Вернувшись через пятнадцать минут, он с удивлением оглядел кабинет, в котором находились только Абель и Файф.

— А где… — начал он, но Абель его перебил:

— Ждали лишь вас, профессор. Аналитик и девушка уже на пути в посольство. Встреча закончилась.

— Закончилась?! О, великий космос, мы же едва начали! Я должен объяснить, как возникает новая звезда.

— Нет нужды, профессор. — Абель беспокойно заерзал в кресле.

— Напротив, это совершенно необходимо! Дайте мне пять минут.

— Пусть говорит, — с улыбкой предложил Файф.

— Тогда начнем с азов. В самых ранних научных трудах галактической цивилизации уже отмечалось, что звезды черпают свою энергию из внутренних ядерных процессов. Учитывая то, что мы знали о недрах звезд, были известны два, и только два, типа ядерных реакций, способных дать необходимую энергию. Оба типа связаны с

превращением водорода в гелий. Первая реакция — непосредственная: два ядра водорода и два дейтрона сливаются, превращаясь в ядро гелия. Вторая реакция — опосредованная, она проходит в несколько этапов, последний из которых также завершается образованием гелия из водорода, однако в ее промежуточных стадиях задействованы ядра углерода. Сам углерод не используется, но образуется по мере течения реакций. Ничтожного количества углерода достаточно для преобразования огромных масс водорода в гелий. Иными словами, углерод выступает в качестве катализатора. Все это известно еще с доисторических времен, когда человечество ютилось на одной-единственной планетке, — если легенды не врут.

— Если это всем известно, — прервал его Файф, — то, по-моему, вы впустую тратите наше время.

— Но больше нам ничего не известно. Мы до сих пор не знаем, происходит ли в звездах первая реакция, вторая или обе сразу. Мнения на этот счет разнятся. В целом ученые склоняются в пользу более простого непосредственного превращения водорода в гелий. Теперь — что касается теории Рика. Непосредственное водород-

но-гелиевое превращение — есть нормальный источник звездной энергии, однако в некоторых условиях углеродный катализ ускоряет процесс и разогревает звезду — так сказать, подбрасывает в «топку» звезды слишком много «угля». В космосе имеются течения, вы, надеюсь, об этом слышали. Некоторые из них — углеродные. Звезды, проходя сквозь эти потоки, захватывают множество атомов. Общая масса захваченных атомов невообразимо мала по сравнению с массой звезды и влияния не оказывает. Если бы только речь не шла об углероде! Звезда, прошедшая сквозь углеродный поток, становится нестабильной. Я не знаю, сколько сотен или миллионов лет требуется, чтобы атомы углерода диффундировали в недра звезды. Вероятно, немало. Это означает, что опасное углеродное течение должно быть широким, а звезда должна пересекать его под острым углом. Как только количество углерода, проникшего внутрь звезды, достигает критического уровня, ее излучение резко возрастает. Поверхность звезды взрывается, и мы получаем *нову*. Я понятно объяснил?

Юнц замолчал, ожидая ответа.

— И все это вы сообразили за несколько минут, услышав невнятные слова старосты, которые тот,

в свою очередь, услышал год назад от аналитика? — наконец спросил Файф.

— Да-да, а что тут удивительного? Пространственный анализ готов к такой теории. Если бы это не открыл Рик, то очень скоро сделал бы кто-нибудь другой. Подобные гипотезы уже выдвигались, хотя и не принимались всерьез. В те времена еще не были разработаны методы и технические средства пространственного анализа, никто не мог объяснить, откуда в звезде берется избыточный углерод. Однако теперь мы знаем о существовании углеродных течений. Можем проложить их курсы, посмотреть, какие звезды за последние десять тысяч лет их пересекали, сравнить с предыдущими образованиями новых звезд и изменениями излучения. Думаю, это и проделал Рик. Должно быть, он пытался показать старосте свои расчеты и наблюдения. Но все мои рассуждения сейчас к делу не относятся. Надо немедленно начинать эвакуацию населения Флорины.

— Я подозревал, что вы об этом заговорите, — сдержанно произнес Файф.

— Простите меня, Юнц, — сказал Абель, — но это невозможно.

— Почему?

— Когда взорвется солнце Флорины?

— Не знаю. Судя по тому, как год назад нервничал Рик, довольно скоро.

— То есть точной даты вы назвать не можете?

— Разумеется, нет.

— А когда сможете?

— Сложно сказать. Даже если мы вернем записи Рика, потребуется еще все перепроверить.

— Можете ли вы сейчас гарантировать, что теория окажется верной?

— Лично я в этом абсолютно убежден, — Юнц нахмурился, — но ни один ученый не может навскидку гарантировать истинность какой-либо теории.

— Следовательно, вы требуете эвакуации Флорины, основываясь лишь на умозрительных заключениях?

— Думаю, население целой планеты — это не то, чем можно рисковать.

— Если бы Флорина была обыкновенной планетой, я бы с вами согласился. Но она обеспечивает кыртом всю галактику. Эвакуация невозможна.

— Вы что, сговорились с Файфом, пока меня не было? — сердито спросил Юнц.

— Давайте теперь я попробую кое-что вам объяснить, профессор, — сказал нобиль. — Пра-

вительство Сарка никогда не согласится на эвакуацию Флорины, даже если у МПБ будут железные доказательства истинности теории. И Трантор нас не заставит. Галактика может вступить в войну с Сарком, если ее цель — не допустить срывов поставок кырта, но никто не станет воевать за прекращение его производства.

— Все так, — кивнул Абель. — Нас в такой войне не поддержат.

Юнц почувствовал нарастающее в душе отвращение. Потребности экономики перевешивали ценность населения целой планеты!

— Послушайте, что я вам скажу. Это касается не одной Флорины, а всей галактики. Сейчас в галактике каждый год вспыхивают двадцать новых звезд. Кроме того, из сотни миллиардов звезд около двух тысяч меняют свой радиационный фон, что делает жизнь на их планетах невозможной. Человечество заселило примерно один миллион звездных систем. Это означает, что раз в пятьдесят лет какая-нибудь планета становится слишком горячей, чтобы там можно было жить. Такие случаи известны. И каждые пятьдесят тысяч лет одна из обитаемых планет имеет пятидесятипроцентную вероятность испариться при взрыве новой. Если Трантор самоустранится,

если он позволит людям Флорины погибнуть, это послужит предупреждением всем остальным: пусть не ждут помощи, когда придет их черед, ведь ради этого придется поступиться интересами нескольких «денежных мешков». Вы готовы пойти на такой риск, Абель? И напротив. Если поможете Флорине, покажете всем, что Трантор ценит людские жизни превыше прав собственности. Сделав доброе дело, вы добьетесь того, чего никогда бы не добились силой.

Абель склонил голову, потом устало пожал плечами:

— Нет, Юнц. Ваши слова трогают мое сердце, но все это нерационально. Я не могу полагаться на эмоции, тогда как политические последствия прекращения торговли кыртом очевидны. На мой вкус, разумнее всего было бы положить теорию Рика под сукно. Правда принесет чересчур много вреда.

— Но что, если теория верна?

— Мы должны исходить из предположения, что она ошибочна. Вы ведь связывались с МПБ, когда выходили?

— Да.

— Ладно, неважно. Трантор достаточно влиятелен, чтобы прекратить ваши исследования.

— Сомневаюсь. Только не такие исследования. Господа, вскоре секрет кырта будет раскрыт. Он станет дешев, и монополии Сарка придет конец, неважно, взорвется новая звезда или нет.

— Что вы имеете в виду?

— Мы подошли к важному моменту, Файф. Кырт растет кыртом только на Флорине. Сколько ни сей на всех прочих обитаемых планетах, получается обыкновенная целлюлоза. Флорина при этом — единственная обитаемая планета, солнце которой находится в стадии, предшествующей превращению в новую, вероятно, с тех самых пор как вошла в углеродное течение. Может быть, это длится уже тысячи лет, если угол пересечения мал. Очевидно, кырт и состояние солнца взаимосвязаны.

— Чушь! — рявкнул Файф.

— Да неужели? Должна же быть причина, по которой кырт растет кыртом лишь на Флорине, а на всех остальных дает целлюлозу. Ученые испробовали множество способов искусственного выращивания кырта, но они действовали вслепую и поэтому потерпели неудачу. Теперь они узнают, что все обусловлено факторами, порожденными предвзрывным состоянием звездной системы.

— Они же пытались воспроизвести спектр солнечного излучения, — скривился Файф.

— Да — с помощью дуговых ламп, которые дают только видимый и ультрафиолетовый спектр. А как же инфракрасное излучение? Не говоря уже о прочем: магнитных полях, электронной эмиссии, влиянии космических лучей? Я не физик-биохимик, так что могут существовать факторы, о которых я понятия не имею. Ничего, настоящие физики-биохимики со всей галактики их найдут. Уверяю вас, через год задача будет решена. Экономика встанет на сторону человечества. Галактика жаждет дешевого кырта. Как только люди узнают или хотя бы поверят, что вскоре он появится, они тут же захотят спасти жителей Флорины. Не только из сострадания, но и из желания отыграться за века саркской кыртовой монополии.

— Блеф! — зарычал Файф.

— Абель, вы тоже считаете, я блефую? — требовательно спросил Юнц. — Если Трантор встанет на сторону нобилей, он будет выглядеть не спасителем торговли кыртом, а спасителем монополии кырта. Рискнете?

— А может ли Трантор пойти на риск развязывания войны? — вскричал Файф.

— Войны? Чепуха! Взорвется солнце или нет,

через год ваши холдинги на Флорине разорятся. Продавайте их, Файф. Продавайте все, продавайте Флорину — Трантор купит.

— Купит целую планету? — не поверил своим ушам Абель.

— Почему бы и нет? Денежки у вас имеются, а благожелательное отношение людей всей галактики тысячекратно окупит вложение. Если спасение миллионов жизней покажется им недостаточным, скажите, что принесете миру дешевый кырт. Это поможет.

— Я подумаю, — сказал Абель и посмотрел на Файфа.

Нобиль опустил взгляд. После долгого молчания он произнес:

— Я тоже подумаю.

— Поторопитесь. — Юнц хрипло засмеялся. — Вся эта история с кыртом скоро получит огласку, вам ее не замолчать. После чего вы утратите свободу действий. Пока же у вас сохраняется возможность на более выгодную сделку.

Тиренс выглядел совершенно оглушенным.

— Это правда? — повторял он. — Неужели это правда? Неужели Флорина погибнет?

— Правда, — ответил Юнц.

Тиренс развел руками и бессильно их уронил.

— Насчет бумаг Рика. Я спрятал их среди бумаг по демографической статистике у себя дома. Засунул в архивы столетней давности. Там никому бы не пришло в голову искать.

— Послушайте, — сказал Юнц, — я уверен, мы сможем заключить договор с МПБ. Нам понадобится человек, хорошо знающий местное население, который поможет все им растолковать, организовать эвакуацию, подобрать новые планеты для расселения беженцев. Хотите помочь?

— И переиграть всех, вы это имеете в виду? Уйти от наказания за убийство? Почему бы и нет? — В глазах старосты стояли слезы. — Но я все равно останусь в проигрыше. У меня не будет родины, не будет дома. Мы все — проигравшие. Флориниане потеряют планету, Сарк — свое богатство, Трантор — шанс этим богатством завладеть. Победителей не будет.

— Если не считать победителями население обновленной галактики, — мягко возразил Юнц. — Галактики, свободной от угрозы звездной нестабильности, галактики, где кырт станет доступен всем, а мы вплотную приблизимся к

политическому единству. Целый квадриллион[3] победителей. Люди всей галактики — вот кто победит.

Эпилог

Год спустя

— Рик! Рик! — Селим Юнц, раскинув объятия, торопливо шагал к приземлившемуся кораблю. — И Лона тут! Ни за что бы не узнал вас обоих. Ну, как вы? Как дела?

— Лучше и пожелать нельзя. Вижу, до вас дошло наше письмо, — сказал Рик.

— Еще бы. Ну, что вы обо всем этом думаете?

Втроем они направились в офис Юнца.

— Этим утром мы побывали в нашем старом поселке, — грустно ответила Валона. — Поля совсем опустели.

Она теперь одевалась как жительница империи, а не крестьянка с Флорины.

— Понимаю, безрадостное зрелище для того, кто там жил. Оно навевает тоску даже на меня, но я все-таки останусь здесь до последнего. Ре-

---

[3] Примечания: 3

К в а д р и л л и о н — единица с пятнадцатью нулями (*Прим. ред.*).

гистрация излучения флоринианского солнца представляет огромный научный интерес.

— За год удалось переправить столько людей! Организация просто великолепна!

— Стараемся, как можем, Рик. Ох, извини, наверное, лучше бы звать тебя твоим настоящим именем?

— Пожалуйста, не надо. Я сам им никогда не пользуюсь. Я — Рик. Это все еще единственное имя, которое я помню.

— Вы уже решили, возвращаетесь в пространственный анализ или нет?

— Решил. Мой ответ — нет. — Рик покачал головой. — Я никогда не восстановлю в памяти все, что нужно. Эта часть моей жизни ушла навсегда. Давайте не будем об этом. Я вернусь на Землю… Кстати, я очень надеялся повидать старосту.

— Не получится. Он сегодня уехал. Думаю, ему как раз очень не хотелось с вами встречаться. Он подавлен чувством вины. Вы не держите на него зла?

— Нет. Он ведь хотел как лучше. К тому же моя жизнь действительно изменилась в положительную сторону. Например, я встретил Лону. — Рик обнял девушку за плечи, и та посмотрела на него с улыбкой. — Кроме того, он в каком-то смысле

меня излечил. Я вспомнил, почему стал пространственным аналитиком. И почему треть аналитиков — уроженцы Земли. Если ты родился на радиоактивной планете, то растешь в страхе и неуверенности. Любая ошибка может оказаться смертельной, а сама поверхность планеты — твой главный враг. В нас глубоко укореняется некая тревожность, Юнц, мы боимся планет и счастливы только в космосе. Лишь там мы чувствуем себя в безопасности.

— А теперь тревожность прошла, да, Рик?

— Абсолютно. Не помню, чтобы когда-нибудь чувствовал себя настолько спокойно. Вот так-то. Староста настроил психозонд, чтобы убрать тревожность, но не потрудился отрегулировать интенсивность. Ведь он полагал, что имеет дело с простой, поверхностной проблемой. Вместо этого зонд обнаружил глубинный, застарелый комплекс и избавил меня от него. В каком-то смысле оно того стоило, хотя вместе с тревогой потеряно многое другое. Больше мне не нужно оставаться в космосе. Я могу вернуться на Землю и работать там. Земле нужны люди — и всегда будут нужны.

— Рик, а почему бы нам не сделать для населения Земли то, что мы делаем для Флорины? —

спросил Юнц. — Зачем землянам жить в страхе и неуверенности? Галактика велика.

— Нет! — с напором воскликнул Рик. — Здесь иной случай. У Земли есть прошлое, Юнц. Мало кто верит, но мы-то знаем, что Земля — это колыбель человечества.

— Ну, может быть. Так это или нет — лично я настаивать не берусь.

— Это так. Нашу планету нельзя покидать ни в коем случае. Когда-нибудь мы изменим ее, вернем ей истинный вид. А до тех пор… До тех пор мы останемся.

— Я теперь тоже землянка, — тихо сказала Валона.

Рик посмотрел вдаль. Верхний город светился как всегда, вот только больше там никто не жил.

— Сколько человек уже покинуло Флорину? — спросил он.

— Около двадцати миллионов. Чем дальше, тем медленнее продвигается работа. Эвакуация должна проходить сбалансированно, а люди должны как-то поддерживать хозяйство — пусть даже осталось всего несколько месяцев. Переселенцы пока в основном находятся во временных лагерях на других планетах. Это — неизбежные трудности.

— Когда Флорину покинет последний человек?

— Никогда.

— То есть?

— Староста в неофициальном порядке попросил разрешения остаться. И ему разрешили. Тоже неофициально. Огласке это предавать не будут.

— Хочет остаться? — изумленно спросил Рик. — О, великий космос, но зачем?

— Я не знаю, — ответил Юнц. — Думаю, что его объяснения будут сродни вашим. Он чувствует то же, что земляне. Говорит, ему невыносима сама мысль, что Флорина умрет в одиночестве.

Камешек в небе
Глава 1
Между двумя шагами

За две минуты до своего внезапного исчезновения Джозеф Шварц прогуливался по приятным ему улицам пригородного Чикаго, цитируя про себя Браунинга.

В некотором смысле это было странно, поскольку Шварц едва ли производил впечатление человека, увлекающегося поэзией. Он выглядел именно тем, кем был: портной на пенсии, которому серьезно не хватало того, что сегодняшние умники называют «общим образованием». Благодаря своему стремлению к знаниям он много читал. И хотя его чтение носило бессистемный характер, Шварц знал много «отовсюду понемножку»: память у него была великолепная.

Например, Браунинга он в молодости читал дважды и, конечно же, помнил прекрасно. Большая часть была ему непонятна, но эти три строчки стали особенно дороги в последние годы. И он вновь повторил их про себя в этот яркий солнечный день 1949 года:

Со мною к радости иди!
Все лучшее ждет впереди,
Жизни конец, если ты упустил начало…

Теперь Шварц полностью ощущал их смысл. После юношеской борьбы за жизнь в Европе и позднее, в Соединенных Штатах, безмятежная обеспеченная старость была особенно приятной. У него были хорошая жена, две удачно вышедшие замуж дочери и внук — для утехи в эти последние лучшие годы. О чем еще можно было беспокоиться?

Правда, существовали еще атомные бомбы и все эти разговоры о третьей мировой войне, но Шварц верил в лучшие черты людей и в то, что они не допустят еще одной войны и того, чтобы Земля когда-либо увидела ад разъяренного атома. Поэтому он снисходительно улыбался детям, мимо которых проходил, и мысленно желал им быстрого и не слишком трудного пути через юность к тому лучшему, что впереди.

Он поднял ногу, чтобы переступить через куклу, лежащую посреди тротуара. Спокойно опустить эту ногу ему было не дано…

В другой части Чикаго находился институт

ядерной физики, и работавшие в нем люди также имели свои теории относительно моральных качеств человека, но понимали и то, что инструмент для измерения этих качеств до сих пор не создан. Размышления на эту тему зачастую ограничивались упованием на некие высшие силы, которые помогут предотвратить попытки людей превратить изобретения человечества в смертоносное оружие.

Удивительно, что человек, проявляя необузданное любопытство в исследовании атома, способного погубить в считаные секунды половину человечества, обладает столь же удивительной способностью рисковать собственной жизнью ради спасения другого человека.

Как-то доктор Смит, проходя мимо полуоткрытой двери одной из лабораторий, вдруг заметил в ней странное голубое свечение. Химик, бодрый молодой человек, насвистывая, наклонял мензурку, почти до краев наполненную жидкостью, в которой медленно оседал, постепенно растворяясь, белый порошок. Собственно, почти ничего не происходило, но Смит инстинктивно почувствовал тревогу.

Вбежав в комнату, он схватил линейку и сбросил ею на пол стоявший на печи тигель.

Послышалось шипение расплавленного металла. Смит почувствовал, как на лице у него выступили капли пота.

Химик ошеломленно уставился на бетонный пол, на котором уже застыли брызги серебристого металла.

— Что случилось? — с трудом выговорил он.

Смит пожал плечами. Он сам еще ничего не понимал.

— Не знаю. Скажите… Чем вы занимались?

— Ничем, — пробормотал химик. — Это всего лишь необработанный уран. Я производил электролиз меди… Понятия не имею, что могло случиться.

— И все же что-то случилось, молодой человек, я видел свечение вокруг этого тигля. А это значит, возникла жесткая радиация. Так, говорите, уран?

— Да, но необработанный уран, это ведь безопасно. Я имею в виду, что чистота — один из наиболее важных критериев расщепления, не правда ли? Вы думаете, произошло расщепление? Это же не плутоний, и его не облучали.

— К тому же, — задумчиво сказал Смит, — масса была ниже критической. Или по крайней мере ниже той критической массы, которую мы знаем. Мы не столь хорошо знаем атом, чтобы быть в

нем уверенными. Когда металл остынет, я бы советовал вам собрать его и тщательно изучить.

Он задумчиво оглянулся вокруг, затем подошел к противоположной стене и остановился у точки на уровне плеча.

— Что это? — обратился он к химику. — Это всегда здесь было?

— Что именно? — Молодой человек быстро подошел и взглянул на указанную Смитом точку. Тонкое отверстие, которое могло быть проделано гвоздем, было сквозным.

Химик покачал головой.

— Раньше я этого не видел, правда, я особо и не приглядывался.

Смит молчал. Он отошел назад и приблизился к термостату — прямоугольной коробочке с тонкими металлическими стенками.

— Ну а это что такое?! — Смит мягко коснулся пальцем стенки термостата. В металле тоже было маленькое аккуратное отверстие.

Глаза химика расширились.

— Раньше этого точно не было.

— Хм. А с вашей стороны есть отверстие?

— Черт побери! Да!

— Хорошо. А теперь взгляните в отверстие.

Он приложил палец к дырке в стене.

— Что вы видите?

— Ваш палец. Вы отметили им отверстие?

Смит говорил спокойно, но видно было, что это давалось ему с трудом.

— Посмотрите в противоположном направлении… Что вы видите теперь?

— Ничего.

— Но это место, где стоял тигель с ураном? Вы смотрите прямо на него, не так ли?

— Я думаю, да, — неуверенно сказал химик.

Быстро взглянув на именную табличку на все еще открытой двери, Смит тихо сказал:

— Все это должно оставаться в строжайшем секрете, мистер Дженингс. Вы меня понимаете?

— Конечно.

— Тогда выйдем отсюда. Лабораторию необходимо проверить на радиацию, а нам придется обратиться к врачу.

— Вы думаете, возможно облучение? — Химик побледнел.

— Увидим.

Однако серьезных следов облучения ни у одного из них не нашли. Кровяные тельца были в норме, ничего не показало и исследование корней волос.

Никто в институте так и не смог объяснить,

почему тигель с ураном при массе гораздо ниже критической, не подвергавшийся бомбардировке нейронами, неожиданно стал источником жесткой радиации.

В составленном отчете доктор Смит не сообщил всей правды. Он не упомянул об отверстиях в лаборатории и о том, что ближайшее к тиглю отверстие было едва заметно, следующее, на другой стороне термостата, было чуть больше, отверстие же в стене, удаленное на расстояние в три раза большее, имело диаметр крупного гвоздя.

Луч, движущийся по прямой линии, может пройти несколько миль, прежде чем кривизна Земли сделает невозможным его дальнейшее движение, а значит, и разрушение, и достигнет к тому времени десяти футов в диаметре, после чего направится в космос, расширяясь и слабея.

Никогда и ни с кем он не делился этой мыслью.

Никому не рассказывал он и о том, как на следующий день просматривал утренние газеты, поставив перед собой весьма определенную цель.

В гигантской метрополии каждый день исчезает столько людей, но никто еще не приходил в полицию с рассказом об исчезновении человека,

причем прямо на виду у всех.

И доктор Смит постарался об этом больше не думать...

Для Джозефа Шварца это произошло прежде, чем он успел шагнуть. Подняв правую ногу, чтобы переступить через куклу, он на мгновение почувствовал головокружение — как будто на долю секунды вихрь поднял и перевернул его. Когда он наконец опустил ногу, дыхание у него перехватило, он ощутил неожиданную слабость в коленях и стал медленно опускаться на траву.

Долгое время он не решался открыть глаза, но наконец заставил себя сделать это.

Это была правда! Он сидел на траве, хотя ясно помнил, что шел по асфальту.

Дома исчезли! Белые дома, каждый со своим садом, стоявшие здесь один за другим, все исчезли!

И сидел он на газоне, трава была буйной, неподстриженной, вокруг стояли деревья, множество деревьев и еще больше на горизонте.

Когда шок прошел, он заметил, что листья на деревьях желтые и опадают, словно наступила осень.

Осень! Когда он поднял ногу, стоял июльский день и все вокруг было зелено.

Подумав об этом, он автоматически посмотрел

на свои ноги и вскрикнул от испуга… Маленькая кукла, через которую он переступил, — маленький фрагмент реальности… Она была здесь!

Дрожащими руками он перевернул куклу и увидел, что перед ним — лишь ее часть. Кукла была не сломана, а скорее разрезана. А как ровно был срезан носок ее туфли! Ни один нож не дал бы такого ровного среза!

Единственным утешением в этом сумасшедшем мире остался его собственный голос, и Шварц заговорил сам с собою.

— Во-первых, я в своем уме. Я ощущаю себя так же, как всегда… Конечно, возможно, что если бы я сошел с ума, то не заметил бы этого…

Он почувствовал панику.

— Что же со мной? Должно быть какое-то другое объяснение. Может быть, сон? Как определить, сплю я или нет?

Он ущипнул себя и почувствовал боль, но тут же покачал головой.

— То, что я чувствую боль, могло мне и присниться. Это не доказательство.

Он с отчаянием оглянулся вокруг. Может ли сон быть столь отчетливым, столь реальным? Где-то он читал, что сон длится не более пяти секунд, а кажущаяся его продолжительность — всего лишь

иллюзия.

Слабое утешение. Он взглянул на часы. Секундная стрелка без устали двигалась по кругу. Если это сон, то пять секунд тянутся безумно долго.

Он оторвал взгляд от часов и вытер выступивший на лбу холодный пот.

— Может быть, амнезия?

Никто не ответил на этот вопрос. Шварц закрыл лицо руками. Что, если он поднял ногу, и в это время его сознание соскользнуло куда-то… Что, если три месяца спустя, осенью, или год и три месяца спустя, или десять лет и три месяца спустя, он опустил ногу здесь, и в это время его сознание вернулось… Но тогда где он был и что делал все это время?

— Нет! — У него вырвался громкий крик. — Этого не может быть! — Шварц посмотрел на свою рубашку. Ведь именно ее он надел сегодня утром. А маленькая кукла, откуда взялась она?

Он почувствовал, что теряет контроль над собой, и решил, что это должен быть сон, или он действительно сошел с ума.

Неожиданно Шварц заметил, что изменилось и время дня. Приближался вечер, по крайней мере на это указывали удлинившиеся тени. Он вдруг остро почувствовал свое одиночество. Шварц

встал. Конечно же, нужно найти людей, любых людей. А для этого лучше всего выйти на дорогу. И он отправился в ту сторону, где деревья росли более редко.

В воздухе уже ощущалась вечерняя прохлада, и начинало темнеть, когда он вышел к прямой и безликой полосе бетона и направился вдоль нее, с радостью ощущая под ногами твердое покрытие.

Однако дорога была пуста, и он вновь ощутил страх. Он надеялся встретить машину. Что может быть легче, чем остановить ее и сказать:

«Вы едете не в Чикаго?» — И он произнес это вслух.

А что, если он далеко от Чикаго? Что же, тогда любой город, любое место, где есть телефон. У него в кармане всего пять долларов и двадцать семь центов, но ведь существует полиция…

Он продолжал идти посередине дороги, время от времени оглядываясь назад, не обращая внимания на то, что солнце скрылось за горизонтом и на небе появились звезды.

Стало уже совсем темно, а ни машин, ни домов не было.

Джозеф испугался повторного головокружения, когда увидел, что горизонт слева светится. Холодное голубое сияние было отчетливо видно

сквозь просветы между деревьями. И это было не зарево лесного пожара — а легкая мерцающая голубизна. И тут он заметил, что так же светится и бетон у него под ногами. Шварц наклонился и дотронулся до него рукой — обыкновенный бетон. И все же глаза улавливали едва заметное сияние.

Шварц с трудом сохранял самообладание. Он был голоден и действительно напуган, когда вдруг справа увидел свет.

Без сомнения, это был дом! Он закричал, но голос его одиноко замер в пустоте. Да, это был дом, проблеск реальности, излучающий свет сквозь ужасную пустоту. Он свернул с дороги и через заросли, между деревьями, через ручей направился на свет.

Странная вещь! Даже ручей слегка фосфоресцировал. Однако Шварц отметил это лишь краем сознания.

И вот он уже возле дома, руками касается белых его стен, про себя отмечая, что он сделан не из кирпича, камня или дерева, а как будто из фосфора. Но Шварц не придал этому особого значения — он искал дверь. Когда он наткнулся на нее и увидел, что звонка нет, то забарабанил по ней и закричал, как демон. Услышав звуки

шагов внутри, он благословил очарование человеческого голоса.

— Откройте! — закричал он вновь.

Послышался слабый звук, и дверь открылась.

В глазах вышедшей женщины был заметен испуг. Она была высока и худощава, а чуть поодаль стоял такой же худощавый мужчина в рабочей одежде… Нет, не в рабочей одежде. Собственно говоря, ничего подобного Шварц никогда прежде не видел, но что-то неопределенное говорило, что эта одежда предназначена для работы.

Однако Шварцу было не до размышлений. Для него эти люди и их одежда были прекрасны, прекрасны так, как только может быть прекрасен вид друга для одинокого человека.

Женщина заговорила. Голос ее звучал мягко, но властно. Шварц схватился за дверь, чтобы устоять на ногах.

Он никогда не слышал языка, на котором говорила эта женщина…

Глава 2
Как использовать пришельца

В тот вечер Ло Марен и ее флегматичный супруг играли в карты, как вдруг ее отец, сидящий

в инвалидной коляске, раздраженно отложил свою газету и позвал:

— Арбин!

Арбин Марен ответил не сразу. Он осторожно перебирал карты, обдумывая следующий ход, и, приняв решение, рассеянно отозвался:

— Что вам, Гро?

Седой Гро раздраженно взглянул на зятя и принялся шелестеть газетой. Его успокаивал этот звук. Когда человек еще полон сил, но прикован к инвалидному креслу, ему хочется чем-нибудь выразить свое отношение к происходящему. Гро пользовался своей газетой. Он шелестел ею, жестикулировал, бросал при необходимости.

Гро знал, что на других планетах есть устройства, выпускающие микрофильмы, которые содержат все последние известия. Он подобных вещей не признавал и по-прежнему отдавал предпочтение газете.

— Ты читал об археологической экспедиции, которую они посылают на Землю? — спросил Гро.

— Нет, — спокойно ответил Арбин.

Гро знал, что получит такой ответ, так как, кроме него, газету еще никто не читал, а от видеоэкрана семья в прошлом году отказалась.

Однако он привык начинать разговор подобными вопросами.

— Так вот, они ее отправили, — сказал он. — И к тому же на государственные средства. Как тебе это нравится?

Он прочитал вслух:

«Бел Авардан, Глава исследовательского отдела Археологического института, в интервью с надеждой отозвался об ожидаемых ценных результатах археологических исследований, которые будут проведены на планете Земля, расположенной на границе сектора Сириуса (см. карту). „Земля, — сказал он, — с ее архаичной цивилизацией и уникальной природой представляет образец необычной культуры, на которую ученые долго не обращали внимания. У меня есть все основания уже в ближайшее время ожидать революционных перемен в некоторых из основных концепций социальной эволюции и истории человечества“». И так далее, — с усмешкой проговорил Гро.

Арбин Марен, слушавший все это краем уха, пробормотал:

— Что он подразумевает под «необычной культурой»?

Ло Марен, не слушавшая совсем, просто ска-

зала:

— Твой ход, Арбин.

— Ну а тебе не кажется странным, что «Трибуна» напечатала все это? — продолжал Гро. — Ты же знаешь, что они не перепечатают сообщение галактической прессы и за миллион имперских кредов без особой на то причины.

Не дождавшись ответа, он добавил:

— Потому что они могут сделать из этого передовую статью. Этот парень собирается сюда, и они вылезут из шкуры, чтобы не допустить этого. Ты только посмотри! Взгляни! Почему бы тебе не прочитать это?

Ло Марен отложила карты и плотно сжала свои тонкие губы.

— Отец, — проговорила она. — У нас был трудный день. Давай отложим политику на потом. Пожалуйста.

— «Пожалуйста! Пожалуйста!» — нахмурившись, передразнил ее Гро. — Вы, я вижу, очень устали от старика, раз уже даже не хотите ответить мне. Я все понимаю: сидит здесь в углу и заставляет вас, двоих, работать за троих… Но в чем моя вина? У меня есть силы. Я хочу работать. Вы же знаете, что мои ноги можно было бы вылечить. Но я не могу лечиться, потому что слишком

стар и затраты на мое лечение не окупятся. Разве это не «странная культура»? Как еще можно назвать мир, где работоспособному человеку не дают работать? Я думаю…

Он взмахнул руками, и лицо его покраснело от ярости.

Арбин встал и положил руку на плечо старика.

— Стоит ли так переживать, Гро, — сказал он. — Я сейчас прочитаю эту статью.

— Ладно, зачем это нужно, ты ведь все равно согласишься с ними. Все вы, молодые, просто воск в руках Старейших.

— Хватит, папа. Не будем начинать этот спор, — резко сказала Ло.

Арбин не любил, когда упоминали Совет Старейших. Говорить так, как Гро, высмеивать древнейшую культуру Земли было просто опасно.

Конечно, когда Гро был молод, много говорили об отказе от старых путей, но тогда были другие времена. Гро, по-видимому, понимал это, но трудно требовать рассудительности от человека, прикованного к инвалидному креслу, для которого не остается ничего другого, как считать дни до следующей Проверки.

Гро почувствовал себя обиженным и замолчал, а вскоре уснул, так и не успев прокомментиро-

вать спортивные события. Газета, прошелестев, выскользнула из его рук.

— Может быть, мы слишком грубы с ним, — озабоченно прошептала Ло. — Ведь ему нелегко. Такое существование все равно что смерть, по сравнению с тем, каким он был раньше.

— Ничего нельзя приравнивать к смерти, Ло. У него есть газеты и книги. Чуть-чуть волнения только придает ему бодрости. Сейчас он спокоен и счастлив.

Арбин вновь взялся за карты, и в это время за дверью раздался дикий нечеловеческий крик.

Арбин замер. Ло со страхом взглянула на мужа.

— Вывези отсюда Гро. Быстро! — скомандовал Арбин. Ло взялась за кресло. Губы ее беззвучно шевелились. Как только кресло двинулось, Гро мгновенно проснулся. Он выпрямился и автоматически потянулся за газетой.

— В чем дело? — раздраженно спросил он.

— Тсс. Все в порядке, — неуверенно пробормотала Ло, увозя кресло в соседнюю комнату. Закрыв дверь, она вопросительно посмотрела на мужа. Снова раздался стук в дверь.

Открыв дверь, они стали рядом, враждебно глядя на низкого полного мужчину, на лице которого скользила неуверенная улыбка.

— Чем мы можем вам помочь? — проговорила Ло с официальной вежливостью и отшатнулась назад, когда мужчина покачнулся и схватился за дверь, чтобы устоять на ногах.

— Он что, болен? — изумленно спросил Арбин. — Помоги мне внести его в дом.

Прошло несколько часов. В тишине спальни Ло и Арбин медленно готовились ко сну.

— Арбин, — проговорила Ло, — а это не опасно?

— Что?

— То, что мы взяли в дом этого человека. Кто он такой?

— Откуда я знаю, — раздраженно ответил он. — Но в конце концов, не можем же мы отказать в крове больному человеку. Если мы не узнаем, кто он такой, то завтра сообщим в региональную службу безопасности, и на этом все закончится.

Он отвернулся, явно не желая продолжать разговор. Однако Ло вновь прервала молчание. Ее тонкий голос звучал еще настойчивее:

— А ты думаешь, он может служить Совету Старейших? Ты же знаешь, как обстоит дело с Гро.

— Ты имеешь в виду его сегодняшние слова? Это абсолютно нереально. Не о чем и говорить.

— Я говорю о другом, и ты знаешь это. Я имею в

виду, что мы уже два года нелегально содержим Гро и тем самым нарушаем один из основных законов.

— Мы не навредили никому, — пробормотал Арбин. — Ведь мы вносим свою долю, рассчитанную на трех работоспособных. И как они могли что-то заподозрить? Мы ведь не разрешали ему покидать дом.

— Они могли узнать про инвалидное кресло. Ты покупал мотор и приспособления.

— Не будем снова начинать этот разговор, Ло. Я много раз объяснял, что купил всего лишь стандартный кухонный набор. Кроме того, вообще глупо подозревать, что он — агент Братства. Думаешь, они стали бы проделывать такой трюк из-за какого-то старика в инвалидном кресле? Что, они не могут прийти днем с официальным ордером на обыск? Подумай сама.

— Хорошо, но тогда, — ее глаза неожиданно загорелись, — если ты действительно так думаешь, а я надеюсь, что это правда, он, наверное, чужак. Он не похож на землянина.

— Не может быть! Что ты хочешь этим сказать? Это же просто нелепо! С какой стати кто-то из Империи явится на Землю, именно сюда, к нам?

— Откуда я знаю? Хотя, возможно, это — какой-

нибудь преступник.

Эта мысль немедленно увлекла ее.

— Почему бы и нет. Вполне логично. Земля — довольно подходящее место для укрытия. Кто догадается искать его здесь?

— Если только он — чужак. Какие у тебя доказательства?

— Он не знает языка, не так ли? Ты сам убедился в этом. Значит, он явно прибыл с какой-то окраины Галактики, где говорят на каком-то странном диалекте. Я слышала, что жителям Фомальгаута приходится практически заново учить язык, чтобы быть понятыми в имперсуде на Транторе… Понимаешь, что все это может значить? Если он не землянин, то не зарегистрирован в Департаменте Контроля и будет рад избежать этого. Мы сможем использовать его вместо отца на ферме, и нас опять будет трое, чтобы выполнять в следующем сезоне работу для троих… Даже сейчас он сможет помочь убрать урожай.

Она вопросительно посмотрела на лицо мужа, выражавшее нерешительность.

— Давай спать, Ло, — сказал он после долгого раздумья. — Обсудим это завтра.

На следующее утро пришла очередь Гро высказать свое мнение. Арбин, который полагался

на тестя больше, чем на самого себя, с надеждой изложил ему суть дела.

— Твои трудности, Арбин, — сказал Гро, — явно происходят из-за того, что я зарегистрирован как работоспособный, так что вы должны вносить долю за троих. Я не хочу доставлять вам неприятности. Уже второй год я живу сверх положенного. Хватит.

Арбин смутился:

— Я говорю совсем не об этом. Я и не думаю намекать, что вы нам в тягость.

— Хорошо, но какая разница в конце концов? Через два года будет Проверка, и мне все равно придется уйти.

— По крайней мере, у вас будет два года для книг и отдыха. Зачем вам отказываться от этого?

— Потому что есть еще и Ло. Когда они придут за мною, они заберут и вас. Что я буду за человек, если проживу несколько паршивых лет ценою…

— Перестаньте, Гро. Не нужно драматизма. Мы же много раз говорили вам, что сделаем. Мы сообщим о вас за неделю до Проверки.

— И обманете врача?

— Мы его подкупим.

— Хм… а этот пришелец, он же удвоит вашу вину. Вы будете отвечать и за то, что прятали его.

— Он уйдет. Черт побери, стоит ли сейчас думать о нем?! У нас еще два года. Но что делать с ним теперь?

— Пришелец, — задумчиво произнес Гро. — Пришел и постучал в дверь. Пришел ниоткуда. Разговаривает на непонятном языке… Не знаю, что и посоветовать.

— Он не агрессивен и, кажется, до смерти напуган, — сказал Арбин. — Он не может причинить нам зла.

— Напуган, говоришь? А что, если он помешанный? Что, если его слова — не чужой диалект, а просто лепет безумца?

— Вряд ли. — Однако Арбин был явно обеспокоен.

— Ты уверяешь себя в этом, потому что можешь использовать его. Хорошо, я скажу тебе, что делать. Отвези его в город.

— В Чику? — ужаснулся Арбин. — Зачем?

Гро спокойно сказал:

— Твоя беда в том, что ты не читаешь газет. К счастью для семьи, этим занимаюсь я. Так вот, в Институте атомной физики изобрели прибор для облегчения обучения людей. Об этом была большая статья в воскресном приложении. И им нужны добровольцы. Отвези этого человека.

Пусть он будет добровольцем.

Арбин упрямо покачал головой.

— Вы сошли с ума. Я не могу сделать этого. Они в первую очередь спросят регистрационный номер. Начнется расследование, и они узнают все о вас.

— Нет, это им не удастся. Дело в том, что ты абсолютно не прав, Арбин. Институту нужны добровольцы потому, что аппарат еще не испытан. У них, видимо, уже погибло несколько человек, так что, я уверен, они не будут задавать вопросы. А если пришелец погибнет, он будет, по-видимому, не в худшем положении, чем сейчас. А теперь дай мне книжный проектор. И принеси заодно газету, хорошо?

Когда Шварц открыл глаза, была уже вторая половина дня. Он почувствовал тупую, заставляющую замирать сердце боль, которая возникала сама по себе, боль из-за того, что он не видит больше жены, а знакомый ему мир утерян…

Он встрепенулся, когда над дверью загорелся свет и послышался голос, явно принадлежащий хозяину дома, видимо, фермеру. Затем дверь открылась и ему подали завтрак: неизвестную ему мучнистую кашу, напоминавшую кукурузную, и молоко.

Он сказал «спасибо» и энергично кивнул головой.

Фермер что-то ответил и взял в руки висевшую на спинке стула рубашку Шварца. Он внимательно осмотрел ее со всех сторон, особое внимание уделяя пуговицам.

Затем, повесив ее на место, он отодвинул скользящую дверь ванной, и тут Шварц впервые обратил внимание на мягкий молочно-белый цвет стен.

— Пластик, — тихо пробормотал он, используя это всеобъемлющее слово с уверенностью, типичной для профана. Он заметил также, что в комнате не было ни стыков, ни углов, все ее плоскости плавно переходили одна в другую. Тем временем его хозяин делал знаки, смысл которых был ясен: Шварца просили умыться и одеться.

Сопровождаемый одобрительными жестами, он направился в ванную. Единственным неудобством было отсутствие прибора для бритья, однако на все знаки Шварца в ответ было лишь невнятное бурчание. Шварц провел рукой по подбородку и слегка вздохнул.

Знаками же его пригласили занять место в небольшом автомобиле. Машина рванулась вперед, и через некоторое время впереди показались

белые дома.

— Чикаго? — быстро проговорил Шварц, указывая на них, вкладывая в эти слова последнюю иррациональную надежду, потому что эти дома меньше всего напоминали город.

Ответа не было, и последняя надежда исчезла.

Глава 3
Один или множество миров?

Бел Авардан, все еще возбужденный после интервью, данного им прессе, ощущал в себе чувство дружелюбия ко всей сотне миллионов звездных систем, входящих во всеобъемлющую Галактическую Империю. Сейчас ему было безразлично, знают ли его в том или ином секторе. Если его теории относительно Земли будут доказаны, его имя будут повторять на всех обитаемых планетах Млечного Пути, на каждой планете, на которую ступила нога человека за тысячелетия его экспансии космоса.

Рано пришедшая к нему известность принесла и некоторые трудности. Ему было всего тридцать пять, и карьера его была полна противоречий. Она началась с потрясшего всех известия о получении им первой ученой степени в университете

Арктура. Этот случай был беспрецедентным для человека в возрасте двадцати трех лет. Его диссертация, опубликованная в журнале археологического общества, вызвала что-то наподобие взрыва в научной среде. И это было впервые в истории университета.

Для человека, несведущего в археологии, причины, по которым небольшая статья, озаглавленная «О возрасте артефактов сектора Сириуса и рассмотрении возможной их связи с положениями гипотезы о родине человека», вызвала такой гнев, могли показаться загадочными. Дело в том, что Авардан брал в качестве исходной теорию некой группы мистиков, которых связывали скорее с метафизикой, чем с археологией, о том, что человечество зародилось на одной планете, а затем постепенно расселилось по Галактике. Теория, с энтузиазмом подхваченная писателями-фантастами, не принималась всерьез ни одним из авторитетных археологов Империи.

Однако Авардан стал силой, с которой приходилось считаться даже наиболее уважаемым из них. Всего за десять лет он заслужил авторитет специалиста по памятникам доимперской культуры, сохранившимся в различных уголках Империи.

Им, например, была написана монография о ци-

вилизации сектора Ригеля, где благодаря успехам в развитии робототехники возникла самостоятельная культура, просуществовавшая несколько веков, пока совершенство механических рабов не уменьшило человеческую самостоятельность настолько, что флот Империи без труда одержал победу. Основой классической археологии было положение об одновременной эволюции людей на различных планетах, происходящей независимо друг от друга, как это было на Ригеле. Как доказательства приводились расовые различия людей, все еще не исчезнувшие окончательно, несмотря на долгое кровосмешение. Авардан эффективно противостоял этой концепции, доказывая, что культура Ригеля представляла собой лишь естественный продукт экономических и социальных условий того времени.

Существовали, кроме того, древние записи, в том числе слова Опихуса, которые сторонники классической теории использовали как образец свидетельств человека, цивилизация которого не знала еще межзвездных полетов. Всеми учебниками эти слова использовались как лучшее доказательство теории Мергера, что человечество представляет собой естественную вершину эволюции любого мира, а основой развития слу-

жат вода и кислород при определенных уровнях температуры и гравитации, и что возможны браки между представителями независимых видов человечества, которые и имеют место после начала межзвездных путешествий.

Авардан, однако, открыл следы цивилизаций, существовавших за тысячи лет до Опихуса, и доказал, что уже в самых ранних записях есть упоминание о межзвездных полетах. Последней его победой стало доказательство того, что человек появился в исследуемых районах, уже обладая высоким уровнем развития.

И вот теперь развитие этой теории привело Авардана на одну из наименее значительных планет Империи, планету по имени Земля.

Авардан прибыл в единственное место Земли, напоминавшее другие планеты Империи, высокогорное плато, затерявшееся среди пустынных вершин на севере Гималаев. Здесь, где никогда не было радиоактивности, высился дворец, архитектура которого явно говорила о его внеземном происхождении. Собственно, это была копия правительственных дворцов, существовавших в более удачных местах. Каменная поверхность плато была покрыта слоем чернозема, на котором, погруженные в искусственную атмосферу и

климат, на пять квадратных миль вокруг раскинулись сады и цветники.

Стоимость всего этого по земным масштабам была немыслимо высока, но Империя не скупилась на субсидии. (По статистике, в 827 году галактической эры ежедневно в среднем пятьдесят новых планет получали статус провинции, так как численность их населения достигала миллиона.)

Во дворце жил Наместник Земли, которому в окружении искусственного комфорта иногда удавалось забыть, что он являлся наместником столь низкого мира. Но он всегда помнил, что является аристократом высокого звания и ветвью древнего рода.

Его жена менее поддавалась подобным иллюзиям, особенно когда с вершины покрытого травой холма видела перед собой линию, отделяющую их от дикой пустоты Земли.

Авардан был принят Наместником гораздо теплее, чем предусматривали официальные требования, потому что он принес с собой атмосферу величественной и безграничной Империи.

Авардан, в свою очередь, нашел много причин для восхищения.

— Это сделано прекрасно и со вкусом, — похва-

лил он жилище Наместника. — Удивительно, что влияние центральной культуры ощущается и в самых отдаленных частях Империи, господин Энус.

Энус улыбнулся.

— Боюсь, что здесь, на Земле, дворец Наместника гораздо приятнее посещать, чем в нем жить, — это всего лишь красивая оболочка, пустая внутри. Семья, служащие, имперский гарнизон и редкие посетители, такие, как вы, — вот и все, что есть у нас от центральной культуры.

Конечно, даже положение Наместника не позволяло проявлять любопытство относительно планов гостя, однако подобные ограничения теряли силу для человека, оторванного от Империи.

— Вы собираетесь пробыть здесь некоторое время, доктор Авардан? — спросил Энус.

— Трудно сказать. Я прибыл раньше остальной части экспедиции, чтобы ознакомиться с земной культурой и получить необходимые разрешения властей. Например, мне нужно ваше разрешение на посещение определенных мест Земли.

— О, конечно, конечно! Но когда вы начинаете раскопки? И что вы хотите найти в этой куче мусора?

— Если все будет в порядке, я надеюсь разбить лагерь через пару месяцев. А что касается этого мира, то он — что угодно, но не куча мусора. Он совершенно уникален во всей Галактике.

— Уникален? — резко проговорил Наместник. — Ничего подобного. Это самый обыкновенный мир. В большей или меньшей степени — это дыра, помойная яма, к нему подойдет любой эпитет подобного рода, и все же, несмотря на всю его тошнотворность, он не может быть назван уникальным даже по жестокости и остается обычным грубым аграрным миром.

— Однако, — сказал Авардан, несколько озадаченный энергией, с которой это было сказано, — этот мир радиоактивен.

— Ну и что? В Галактике тысячи радиоактивных планет, причем некоторые заражены в гораздо большей степени, чем Земля.

— Это правда, — согласился Авардан, — радиоактивных планет тысячи, но лишь одна из них обитаема. Эта.

— Хорошо, — Наместник неопределенно кивнул, — возможно, в этом смысле планета уникальна. Однако это незавидное отличие.

— Дело не только в статистической уникальности. Биологи утверждают, что на планете, где

радиация превышает определенный уровень, жизнь зародиться не может. Радиоактивность Земли значительно выше этого предела.

— Интересно. Я этого не знал. По-моему, это действительно доказывает фундаментальное отличие земных организмов от всех остальных… Это должно заинтересовать вас, ведь вы с Сириуса.

Он иронически усмехнулся и продолжал доверительным тоном:

— Знаете, наибольшая трудность в управлении этой планетой состоит в том, чтобы справиться с антиземными настроениями в Империи, особенно сильными в секторе Сириуса, которые, кстати, вызывают у этих землян довольно интересную реакцию, аналогичную, конечно. Я не утверждаю, что антиземных настроений нет в других областях Галактики, но нигде они так не сильны, как на Сириусе.

— Я не могу согласиться с этим, — порывисто ответил Авардан. — Во мне, например, столько же терпимости, как и в любом другом человеке. Я верю в равенство людей, и земляне для меня не исключение. Живые организмы все одинаковы, все они основаны на веществе, которое мы называем протоплазмой, и все они могут быть

облучены радиацией. Как вы и я.

— Но как же тогда могла развиться жизнь на Земле?

— Видите, и вы начинаете удивляться. Однако ответ, по-моему, прост. Дело в том, что уровень радиоактивности на Земле все же недостаточен, чтобы уничтожить уже существующую жизнь.

— Не понимаю, к чему вы ведете, — сказал Энус.

— Разве это не очевидно? Жизнь на Земле зародилась до того, как планета стала радиоактивной.

Энус с удивлением посмотрел на него.

— Но ведь этого не может быть!

— Почему?

— Но как может планета стать радиоактивной? Продолжительность существования радиоактивных элементов составляет миллионы лет. По крайней мере, так меня учили еще в университете. Они должны были существовать еще в необозримом прошлом.

— Однако существует еще искусственная радиоактивность. Возможны тысячи ядерных реакций, в результате которых можно получить какие угодно радиоактивные изотопы. И можно предположить, что когда-то люди использовали

некоторые из этих реакций в промышленности без надежного контроля или даже в военных целях. В результате атомной войны на одной планете большая часть верхнего слоя почвы могла стать радиоактивной. Что вы на это скажете?

— Мне все это непонятно, — ответил Энус. — Я, например, не могу представить, как можно использовать ядерные реакции в военных целях, или каким образом они могут выйти из-под контроля.

— Конечно, вы склонны недооценивать ядерные реакции, потому что живете сейчас, когда их контролируют столь просто. Но что, если кто-то, какая-то армия применяла это оружие до того, как была разработана защита? Это все равно что использовать зажигательные бомбы до того, как огонь догадались тушить водой или песком.

— Хм, — пробормотал Энус, — вы говорите, как Шект.

— Кто этот Шект? — Авардан удивленно взглянул на него.

— Землянин. Один из немногих землян, с которым может разговаривать культурный человек. Он физик и как-то говорил мне, что Земля не всегда была радиоактивной.

— А... Ну что же, ничего странного в этом нет,

ведь теория придумана не мною. Это составная часть «Книги древних», содержащей основанную на преданиях историю доисторической Земли.

— «Книга древних»? — Энус, казалось, был удивлен и несколько расстроен. — Где вам удалось ее найти?

— В разных местах. Это было непросто, и мне удалось достать лишь отдельные ее части. Все эти предания, пусть даже лишенные научной основы, довольно важны для моего проекта… А почему вы спрашиваете?

— Потому что это — священная книга радикальной секты землян. Чужакам запрещается ее читать! Неземлян, или чужаков, как они нас называют, линчевали и за меньшее.

— По вашим словам можно подумать, что силы Империи здесь недостаточно для поддержания порядка.

— В случаях святотатства — да. Советую прислушаться к моим словам, доктор!

Прозвучал мелодичный звон колокольчика, гармонирующий с шорохом окружающих их деревьев. Энус встал.

— Кажется, время обедать. Приглашаю вас присоединиться ко мне и насладиться гостеприимством в той степени, в какой его может

предоставить этот кусочек Империи на Земле.

После обеда окруженный гостями Авардан еще раз повторил им большую часть своей беседы с Энусом, не вызвав своим рассказом никакого сочувствия.

Румяный мужчина в форме полковника с явно выраженным снисхождением ученого к школяру обратился к нему:

— Если я правильно вас понял, доктор, вы пытаетесь доказать, что эти земные скоты представляют собой древнюю расу, которая, возможно, дала начало всему человечеству?

— Не могу утверждать наверняка, полковник, но, вероятно, именно так и есть. Надеюсь, что через год смогу ответить вам вполне определенно.

— Если вы найдете, что это действительно так, в чем я, доктор, сильно сомневаюсь, то бесконечно меня удивите. Я уже четыре года на Земле, так что опыт у меня немалый. И я знаю, что эти земляне — мошенники и негодяи, причем все подряд. Они ленивы, суеверны, скупы, у них нет и намека на благородство души. Покажите мне землянина, который хотя бы в чем-нибудь может сравниться с полноценным человеком, со мной или с вами, например, и только тогда я поверю, что он может представлять расу наших предков.

Но до тех пор увольте меня, пожалуйста, от подобных предположений.

— Землянин хорош, когда он мертв, но и тогда он дурно пахнет, — неожиданно добавил полный мужчина, сидевший у стола.

Авардан нахмурился и, не глядя на него, ответил:

— Я не собираюсь спорить о расовых различиях, тем более что в данном случае это не имеет значения, ведь я говорю о доисторических землянах. Их сегодняшние потомки долго находились в изоляции в довольно необычной окружающей среде, и все же я не стал бы говорить о них столь категорично.

Он повернулся к Энусу.

— Сегодня вы упоминали одного землянина.

— Я? Не помню.

— Физик. Шект.

— А, да. Да.

— Случайно не Афрет Шект?

— Да. Вы о нем слышали?

— Кажется, да. Я все время пытался вспомнить, и, кажется, мне это удалось. Он работает в Институте ядерной физики, в… Как же называется это место? В Чике?

— Да, это именно он. И что вы о нем слышали?

— Только то, что в «Физическом обозрении» была его статья. Я заметил ее потому, что просматривал все, относящееся к Земле, а статьи землян в галактической периодике довольно редки… Короче говоря, суть в том, что он изобрел нечто, названное им Синапсайфер, который должен улучшать умственные способности млекопитающих.

— Действительно? — несколько резко проговорил Энус. — Об этом я не слышал.

— Я могу найти для вас эту заметку. Это довольно интересная статья, хотя я, конечно, не претендую на понимание ее математического обоснования. Аппарат был испытан на каких-то земных животных, кажется, их называют крысами, которых затем учили находить правильный путь к пище через лабиринт. У контрольных обычных крыс на эту задачу уходило втрое больше времени. Вы понимаете, что все это значит, полковник?

— Нет, доктор, не понимаю, — безразлично ответил военный.

— Тогда я должен объяснить. Я твердо уверен, что любой ученый, способный проделать эту работу, пусть даже он землянин, ничуть не ниже меня по умственному развитию.

— Извините, доктор, — вмешался Энус. — Я хотел бы вернуться к Синапсайферу. Доктор Шект проводил эксперименты на людях?

— Вряд ли, — улыбнулся Авардан, — в экспериментах девять десятых крыс погибало. Вряд ли он решился экспериментировать с людьми до получения лучших результатов.

Нахмурившись, Энус откинулся в своем кресле и больше не отзывался.

Еще до наступления полуночи Наместник, предупредив жену, на личном глайдере отбыл в Чику в плохом расположении духа и с чувством гнетущего беспокойства.

Тем же вечером Арбин Марен привез Джозефа Шварца в Чику как добровольца для Синапсайфера Шекта. Сам Шект тем временем уже в течение часа разговаривал с Наместником Земли.

Глава 4
Великая дорога

Арбин чувствовал себя в Чике беспокойно, как человек, попавший в ловушку. Где-то здесь, в Чике, одном из самых больших городов Земли (в нем проживало около пятидесяти тысяч жителей), находилось представительство великой

Империи.

Арбин никогда не видел людей, прилетевших с других планет, и все же здесь, в Чике, он то и дело оглядывался в страхе, что подобный случай может представиться. Вряд ли он смог бы объяснить и то, как он собирался отличить землянина от чужака, даже если бы тот и попался ему на глаза, однако всем своим существом он чувствовал, что какое-то отличие несомненно должно быть.

Входя в институт, он еще раз оглянулся. Его автомобиль был припаркован на свободном месте, с талоном, обеспечивающим шестичасовую стоянку. Сейчас Арбина пугало буквально все. Воздух, казалось, был полон глаз и ушей.

Только бы этот странный человек не выкинул чего-либо. Хотя он энергично кивнул в знак согласия, но понял ли он? И как он только дал Гро уговорить себя на это безумие? — мучил себя Арбин вопросами.

В это время дверь перед ним открылась, раздавшийся голос вывел его из задумчивости.

— Что вам нужно? — В голосе чувствовалось нетерпение, возможно, что этот вопрос ему пришлось повторить несколько раз.

— Мне нужен человек, с которым можно поговорить относительно Синапсайфера, — хрипло

сказал Арбин.

Швейцар изучающе посмотрел на него и сказал:

— Распишитесь здесь.

Арбин убрал руки за спину и поспешно повторил:

— С кем я могу поговорить относительно Синапсайфера?

Гро называл ему имя, но оно вылетело у него из головы.

— Я не могу ничего для вас сделать, пока вы не распишетесь в книге посетителей, — сказал швейцар, в голосе которого слышались железные нотки. — Таковы правила.

Не говоря ни слова, Арбин повернулся и направился прочь. В это время в дверях появилась девушка в белом рабочем халате.

— Доброволец на Синапсайфер, мисс Шект, — обратился к ней швейцар. — Он не хочет называть своего имени.

— Это правда? — обратилась она к Арбину.

— Я хотел бы поговорить с вашим начальником, — сухо ответил он.

— Хорошо, — она, казалось, вовсе не была обескуражена его ответом. — Пойдемте.

С замирающим сердцем он последовал за ней в

небольшую приемную.

— Через полчаса доктор Шект примет вас, — мягко проговорила она. — Сейчас он занят…

Она вышла, и Арбин остался один, словно запертый в четырех стенах. Была ли это ловушка? Попал ли он в руки Старейших?

Никогда еще в жизни Арбина ожидание не было столь долгим.

Его светлость Энус, Наместник Земли, встретился с доктором Шектом без особого расположения к беседе с ним, испытывая при этом заметное возбуждение. Для него, четвертый год пребывающего в качестве Наместника на Земле, посещение Чики все еще оставалось событием. Как представитель далекого Императора, официально он занимал положение, равное положению управляющего гигантскими, насчитывающими сотни кубических парсеков, секторами Галактики. В действительности же его жизнь немногим отличалась от ссылки.

Для человека, заключенного в стерильную пустоту Гималаев, окруженного населением, ненавидящим как его, так и Империю, которую он представлял, бегством становилось даже путешествие в Чику.

Однако и эти путешествия были краткосроч-

ными, поскольку здесь, в Чике, он был вынужден постоянно, даже не снимая на ночь, носить пропитанную свинцом одежду, хуже того — постоянно принимать метаболин.

Он горько жаловался на это Шекту.

— Метаболин, — говорил он, разглядывая таблетку, которую держал в руках, — наверно, это настоящий символ всего, что ваша планета означает для меня. Он должен усиливать все обменные процессы, пока я сижу здесь, в этом радиоактивном облаке, которое вы даже не замечаете.

Доктор Шект слушал его с легкой усмешкой. Он производил впечатление близорукого, и не потому, что носил очки, просто у него давно выработалась привычка рассматривать вещи вблизи, взвешивать осторожно все факты, прежде чем сказать что-нибудь. Это был высокий пожилой мужчина, худощавый и несколько сутулый.

Широкая начитанность по вопросам галактической культуры делала его относительно свободным от той абсолютной враждебности и подозрительности, которую средний землянин испытывал даже к такому космополиту, как Энус.

— Я абсолютно уверен, вы не нуждаетесь в таб-

летках, — сказал Шект. — Метаболин — это один из ваших предрассудков, и вы прекрасно знаете это. Если бы вы не принимали его, то чувствовали бы себя ничуть не хуже.

— Но не будете же вы отрицать, что ваш метаболизм выше моего?

— Нет, конечно, ну и что из этого? Я знаю этот имперский предрассудок, что мы, земляне, отличны от других людей, но в сущности это не так. Уж не приходите ли вы сюда как посланник антиземлян?

— Я говорю серьезно, Шект. Какая еще планета со столь яростным мазохизмом держится за свои бессмысленные традиции? Не проходит и дня, чтобы ко мне не явилась делегация от какого-нибудь из ваших правителей с требованием смертной казни для несчастного, единственное преступление которого в том, что он побывал в запретной зоне, спрятался от Шестидесяти или просто съел больше, чем ему положено.

— Да, но вы всегда с готовностью подписываете эти приговоры. Ваше идеалистическое отвращение, как видно, имеет слабую сопротивляемость.

— Клянусь звездами, я пытаюсь бороться. Но что могу сделать я один? Император требует, чтобы все части Империи жили по своим мест-

ным законам. Это мудро и правильно, поскольку лишает поддержки глупцов, готовых восстать при первом подходящем случае.

Стоит мне только возразить, когда ваши Советы, Сенаты и Палаты требуют смерти, что за крики, что за дикий вой поднимается в ту же минуту, какие обвинения сыплются в адрес Империи! Лучше я двадцать лет проведу среди полчищ дьявола, чем на десять минут попаду на подобную Землю.

Вздохнув, Шект почесал затылок:

— Для остальной части Галактики, если только там подозревают о нашем существовании, Земля — это галька в небе. Для нас же это — дом, единственный дом, который у нас есть. И все же мы ничем не отличаемся от вас, просто мы менее удачливы. Мы заключены здесь, на мертвой планете, отрезанные стеной радиации от окружающей нас огромной Галактики, которая от нас отказалась. Вот вы, Наместник, разрешили бы эмигрировать тем людям, которые захотели бы покинуть Землю?

Энус пожал плечами.

— От меня ли это зависит? Люди, живущие на других планетах, не желают стать жертвами земных болезней.

— Земных болезней! — Шект нахмурился. — Подобным представлениям пора положить конец. Мы вовсе не носители смерти. Разве вы умерли, побывав среди нас?

— Честно говоря, — улыбнулся Энус, — я делал все возможное, чтобы избежать лишних контактов.

— Все благодаря вашей пропаганде, основанной исключительно на глупости.

— Так вы, Шект, хотите сказать, что теория о том, что сами земляне радиоактивны, не имеет никакой научной основы?

— Да, конечно, как могут они быть не радиоактивными? Так же, как и вы. Так же, как и любой человек на каждой из сотен миллионов планет Империи. Мы радиоактивны чуть больше, но не настолько, чтобы причинить кому-либо вред.

— Однако жители Галактики верят в обратное. И кроме того…

— И кроме того, вы хотите сказать, что мы не такие, как все. Мы не люди, потому что из-за радиации подвержены мутациям и поэтому изменились во многих отношениях… Тоже не доказано.

— Но в это верят.

— И пока в это будут верить, пока нас, землян,

будут считать париями, вы будете находить в нас все то, что вызывает ваше возмущение. Вы невыносимо давите на нас, и разве странно, что мы отвечаем вам тем же? Можете ли вы жаловаться на ненависть, которой мы лишь отвечаем на вашу ненависть? Нет, нет, мы больше защищаемся, чем нападаем.

Энус был огорчен тем, что его слова вызвали такой гнев.

«Даже лучшим из этих землян, — подумал он, — присуще все то же слепое чувство противопоставления Земли всей Вселенной».

— Извините мою бестактность, Шект, — мягко сказал он. — Пусть усталость будет мне оправданием. По существу, мы оба узники Земли. Дайте руку, и будем друзьями.

Шект улыбнулся.

— Слова извинения, произнесенные тоном дипломата Империи. Вы плохой актер, Наместник.

— Тогда будьте хорошим учителем и расскажите мне о вашем Синапсайфере.

Шект вздохнул и нахмурился.

— Вы слышали о приборе? Значит, вы не только администратор, но и физик?

— Положение обязывает. Но, серьезно, я хотел бы узнать что-нибудь о вашем изобретении.

Глаза Шекта заблестели.

— Ну что же, говоря попросту, это прибор, предназначенный для улучшения способностей человека к обучению.

— Человека? В самом деле? И он действует?

— Хотел бы я знать. Необходимы дальнейшие работы. Я опишу вам проблему вкратце, и судите сами. Нервная система человека и животного состоит из нейропротеинового вещества, которое, в свою очередь, складывается из гигантских молекул, находящихся в состоянии очень шаткого электрического равновесия. Молекулу можно вывести из равновесия легчайшим толчком, это выведет из равновесия следующую, и так далее. Процесс будет повторяться, пока не достигнет мозга. Сам мозг представляет собой гигантскую комбинацию подобных молекул, всевозможными способами соединенных друг с другом. Поскольку в наличии имеется примерно десять в двадцатой степени молекул, то число возможных комбинаций исчисляется факториалом десяти в двадцатой степени. Это число столь велико, что если бы все электроны и протоны во Вселенной сами стали бы Вселенными, и все электроны и протоны в этих вновь возникших Вселенных тоже бы стали Вселенными, то и тогда

все электроны и протоны во всех получившихся Вселенных были бы ничем в сравнении с… Вы меня понимаете?

— Слава звездам, ни слова.

— Хм… Хорошо, короче говоря, то, что мы называем нервным импульсом, это просто возрастающий электронный дисбаланс, идущий от нервов к мозгу, а затем назад к нервам. Это вам ясно?

— Да.

— Ну что ж, восславим вашу гениальность. Пока импульс передается по нервам клеткам, он передвигается с большой скоростью, поскольку нейропротеины практически находятся в контакте друг с другом. Однако нервные клетки ограничены в размере и не имеют контакта друг с другом, так как разделены тонким слоем соединительной ткани.

— Ясно, — сказал Энус, — и нервный импульс должен преодолевать барьер.

— Вот именно! Эти слои ослабляют импульс и замедляют его передачу. То же самое справедливо и для мозга. А теперь вообразите, что удалось снизить диэлектрическую постоянную слоев, разделяющих клетки. Человек сможет быстрее думать и лучше воспринимать новое.

— Хорошо, а теперь я вернусь к своему первому вопросу. Прибор действует?

— Я проводил эксперименты на животных.

— И каковы результаты?

— Большинство вскоре умерло от разрушения протеинов мозга, иначе говоря, от их свертывания, словно у яйца, сваренного вкрутую.

Энус вздрогнул.

— Есть что-то невыразимо жестокое в хладнокровии науки. А тем, которые не умерли?

— Ничего определенного, ведь это не люди. Результаты обнадеживающие… Но мне нужны люди. Видите ли, это вопрос природных электронных качеств каждого мозга. Но у меня нет людей для экспериментов. Я приглашал добровольцев, но…

Он развел руками.

— А когда работы будут закончены, что вы собираетесь делать с прибором? — спросил Энус.

Физик пожал плечами.

— Не мне это решать. Вопрос будет рассмотрен на Высшем Совете.

— Вы не думали о том, чтобы сделать изобретение доступным для Империи?

— Я? Ничего не имею против. Но только Высший Совет имеет право…

— Ох, — с нетерпением проговорил Энус, — к черту ваш Высший Совет. Я уже имел с ним дело. Вы согласны говорить с ними, когда это потребуется?

— Но как я могу повлиять на них?

— Вы скажите, что если Земля изготовит безопасный для человека Синапсайфер и сделает его доступным для Галактики, то земляне получат возможность эмигрировать на другие планеты.

— В таком случае, — иронически проговорил Шект, — у вас возникнет опасность заражения нашими болезнями.

— Вы, земляне, — спокойно сказал Энус, — могли бы даже все вместе быть переселены на другую планету. Подумайте об этом.

В это время дверь открылась, и в кабинет вошла девушка, сразу наполнившая мрачную атмосферу кабинета дыханием весны.

— Заходи, Пола, — сказал Шект. — Ваша светлость, — обратился он к Энусу, — разрешите представить вам мою дочь. Пола, это его светлость господин Энус, Наместник Земли.

Наместник быстро встал и обратился к ней с непринужденной вежливостью, не дав ей закончить неуклюжую попытку сделать реверанс.

— Дорогая мисс Шект, — сказал он, — трудно

поверить, что на Земле можно встретить столь прелестное существо. Вы явились бы украшением любого из существующих миров.

Он взял Полу за руку, поспешно и несколько смущенно протянутую в ответ на его жест. На мгновение он сделал движение, как будто собрался поцеловать ее, следуя галантному обычаю предков, но намерение, если таковое и было, осуществлено не было. Полуподнятая рука была высвобождена, возможно, несколько поспешно.

— Я поражена вашей добротой к простой девушке с Земли, — сказала Пола, слегка нахмурившись. — Вы вежливы настолько, что не побоялись даже заразиться…

— Моя дочь, — вмешался Шект, — заканчивает обучение в университете Чики, а сейчас две недели работает у меня в лаборатории в качестве лаборанта. С гордостью могу сказать вам, что когда-нибудь она займет мое место.

— Отец, — мягко сказала Пола, — у меня важное известие для тебя.

В голосе ее послышалось колебание.

— Мне уйти? — спокойно спросил Энус.

— Нет-нет, — сказал Шект. — В чем дело, Пола?

— Есть доброволец, отец.

— На Синапсайфер? — пораженно спросил

Шект.

— Так он говорит.

— Ну что ж, — сказал Энус, — как видно, я приношу вам удачу.

— Похоже, — Шект повернулся к дочери. — Отведи его в комнату «С», я сейчас приду.

Когда Пола вышла, он обратился к Энусу:

— Извините, Наместник…

— Конечно. Как долго продлится операция?

— Думаю, что несколько часов. Вы хотите присутствовать?

— Не могу представить себе ничего отвратительнее, дорогой Шект. Я останусь в посольстве до завтра. Вы сообщите мне результаты?

— Да, конечно. — Шект, казалось, был обрадован.

— Хорошо… И подумайте над тем, что я говорил о Синапсайфере.

Энус вернулся к себе еще более обеспокоенный, чем до визита к Шекту.

Глава 5
Доброволец поневоле

Оставшись один, доктор Шект мягко нажал кнопку вызова, и в кабинет быстро вошел моло-

дой лаборант.

— Пола вам сказала…

— Да, доктор Шект. Я наблюдал за ним на экране. Он определенно не подослан.

— Должен я сообщить Совету, как вы думаете?

— Не знаю, что и посоветовать. Совет не одобряет обычную связь, так как существует возможность перехвата информации.

Он поспешно добавил:

— Может быть, он нам не подойдет? Ведь нам нужны добровольцы до тридцати лет. Он значительно старше.

— Мне нужно посмотреть на него, — сказал Шект.

До сих пор ему удавалось решать все возникающие вопросы вполне официально. Он сообщил достаточное количество информации, чтобы создалось впечатление откровенности, не более того. И вот теперь настоящий доброволец, и сразу же после визита Энуса. Была ли здесь связь? Шект имел неопределенное представление о гигантских скрытых силах, находящихся в противоборстве на изувеченном лице Земли. Однако он знал достаточно, чтобы чувствовать себя полностью в их руках. Но знал он значительно больше, чем подозревали Старейшие.

И все же, что он мог сделать, когда его жизни угрожала двойная опасность?

Через десять минут он был в комнате, где ожидал его доброволец. Мужчина, похожий на фермера, чувствовал себя неуверенно. Его руки беспокойно вздрагивали.

— Итак, сэр, — мягко сказал Шект, — я слышал, что вы не хотите назвать свое имя.

— Мне сказали, что, если вы получите добровольца, вопросы задаваться не будут, — твердым голосом проговорил Арбин.

— Хм… Хорошо, но что-нибудь вы хотите сказать? Или вы хотите начать эксперимент немедленно?

— Я? Здесь? Сейчас? — В голосе фермера послышался испуг. — Доброволец — вовсе не я.

— Нет? Вы хотите сказать, что доброволец кто-то другой?

— Вот именно. Я хотел бы…

— Понимаю. Он с вами?

— Можно сказать, да, — осторожно ответил Арбин.

— Хорошо. Теперь говорите ваши условия. Все, что вы скажете, останется между нами. Договорились?

Фермер кивнул.

— Благодарю вас. Я согласен, сэр. У нас есть человек на ферме, дальний… родственник. Он помогает, понимаете…

Арбин запнулся, и Шект серьезно кивнул.

— Он очень хороший работник, очень хороший, но, понимаете, у него не совсем в порядке голова. Он не болен, ничего, из-за чего его следовало бы убрать. Он просто медленно соображает и не разговаривает.

— Он не умеет разговаривать? — Шект, казалось, был поражен.

— Ох нет, умеет. Просто не любит и говорит плохо.

Физик с сомнением посмотрел на него.

— И вы хотите с помощью Синапсайфера улучшить его умственные способности?

Арбин медленно кивнул.

— Он может погибнуть. Вы это понимаете? Мне нужно его согласие.

Фермер покачал головой медленно и упрямо.

— Он не поймет.

Затем настойчиво, почти задыхаясь, добавил:

— Поймите меня, сэр. Этот человек стареет. Это не вопрос Шестидесяти, но что, если на следующей Проверке они решат, что он полоумный, и заберут его? Мы не хотели бы его потерять, и

поэтому я привел его сюда.

— Я понимаю. Ведите сюда вашего родственника.

Он дружески похлопал фермера по плечу. Арбин судорожно улыбнулся, чувствуя невыразимое облегчение.

Шект взглянул на тучного человека, лежащего на кушетке. Мужчина спал и дышал при этом ровно и глубоко. Шект нагнулся к нему и не нашел в его лице никаких признаков слабоумия.

Старик! Хм…

Он искоса взглянул на Арбина, который внимательно следил за происходящим.

— Вы не будете возражать против анализа кости?

— Нет, — крикнул Арбин и затем более спокойно добавил: — Я не хочу ничего, что могло бы послужить идентификации.

— Это может оказать нам помощь, если мы будем знать его возраст, — сказал Шект.

— Ему пятьдесят, — отрезал Арбин.

Физик пожал плечами и вновь посмотрел на спящего. Когда его привели, он был, или по крайней мере казался, одиноким и потерянным. Даже гипнотические таблетки, по-видимому, не вызвали у него никаких подозрений, быстрая

судорожная улыбка — и он проглотил их.

Лаборант возился уже с последней из нескольких неуклюжих установок, которые вместе составляли Синапсайфер. Нажатие кнопки, и молекулы в поляризованных окнах операционной поменяли свое расположение, сделав их непрозрачными. И теперь лишь искусственный свет озарял своим холодным сиянием пациента, удерживаемого мощным диамагнетическим полем в нескольких дюймах над операционным столом.

Здесь же в темноте сидел Арбин, ничего не понимающий, но тем не менее решительно настроенный самим фактом своего присутствия предотвратить возможные грязные трюки, на которые, по его разумению, способны такого рода ученые.

Физики не обращали на него внимания, занятые подгонкой электродов к голове. Это была долгая и трудная работа, требующая большой точности. Шект болезненно улыбнулся. Конечно, морщины на человеческом лице не всегда давали точное представление о возрасте, но в данном случае их было достаточно. Этот человек был старше пятидесяти.

И тут улыбка исчезла с его лица. Он нахмурился. С морщинами что-то было не так. Они

выглядели странно, не совсем…

На мгновение он был готов поклясться, что его череп имеет примитивную форму, словно анахронизм, но…

В конце концов, этот человек психически ненормален, так почему бы и нет? И тут он неожиданно, пораженный, воскликнул:

— Как я не заметил? У этого человека на лице растут волосы!

Он повернулся к Арбину.

— У него всегда была борода?

— Борода?

— Волосы на лице! Идите сюда! Видите?

— Да, сэр. — Арбин лихорадочно соображал. Утром он заметил это, но потом забыл. — Это у него от рождения, — сказал он и добавил: — По-моему.

— Ладно, удалим это. Вы же не хотите, чтобы он выглядел как дикое животное, не так ли?

— Нет, сэр.

— У него волосы и на груди, — сказал лаборант, удалявший волосы с лица.

— Великая Галактика, — сказал Шект, — дайте мне взглянуть! Да это же настоящий ковер! Ладно, оставьте это. В рубашке этого не видно, да и пора заняться электродами. Присоединяйте

здесь, здесь и здесь.

Дюжина микроэлектродов, которые должны были уловить тончайшее эхо микротоков, передаваемых от одной клетки мозга к другой, были введены в кожу.

Дольше всего заняла настройка Синапсайфера. Записывались показания приборов, вновь и вновь проверялись инструменты, и опять продолжалась настройка.

Наконец Шект улыбнулся Арбину и сказал:

— Скоро все кончится.

Масса аппаратуры нависла над спящим, как медлительное и прожорливое чудовище. Четыре длинных провода тянулись к рукам и ногам пациента, серая прокладка из чего-то, напоминающего резину, была аккуратно подложена под шею и зажимами крепко закреплена на плечах. Наконец два электрода были закреплены на висках.

Шект не сводил глаз с хронометра, его правая рука лежала на выключателе. Большой палец руки сдвинулся, ничего заметного не произошло. Прошли, казалось, часы, в действительности же всего около трех минут, и палец двинулся вновь.

Помощник Шекта склонился над все еще спящим Шварцем и радостно произнес:

— Он жив.

Прошло еще несколько часов, в течение которых было произведено множество измерений. В комнате царила атмосфера почти дикого восторга. Была уже почти полночь, когда глаза добровольца открылись.

Шект отошел измученный, но счастливый.

— С ним все в порядке, — сказал он, коснувшись ладонью лба пациента. — Несколько дней ему придется побыть здесь, — твердо проговорил он, повернувшись к Арбину.

В глазах Арбина немедленно появилось беспокойство.

— Но… но…

— Можете положиться на меня, он будет в безопасности. Кроме того, он может умереть, если вы заберете его сейчас. Что вам это даст?.. А если он умрет, вам придется объяснять Старейшим, откуда взялся труп.

Последние слова сделали свое дело.

— Но как я буду знать, когда прийти за ним? Я не хочу называть его имени, — проговорил Арбин.

Это было согласие.

— Приходите через неделю, — сказал Шект, — я буду ждать вас. Вы должны верить мне и ничего не бояться.

Было уже далеко за полночь, когда Шект на-

конец подумал об отдыхе, и то лишь благодаря настойчивости Полы. Но уснуть он не мог. Встав с кровати, он сел у окна, глядя на город, погруженный во тьму ночи. На горизонте, по другую сторону озера, светилось голубое сияние смерти, царившее почти над всей Землей.

События изнурительного дня в бешеном темпе промелькнули в его сознании. После того как напуганный фермер ушел, первым делом Шект связался с посольством. Энус, должно быть, ждал его, потому что ответил сам.

— А, Шект, добрый вечер. Ваш эксперимент окончен?

— И почти то же самое с моим добровольцем. Бедняга.

— Значит, я был прав, когда решил не оставаться. По-моему, вы, ученые, тоже способны на убийство.

— Он еще жив, Наместник, и, может, нам удастся спасти его, но… — он пожал плечами.

— Да, крысы в этом деле предпочтительнее, Шект… Однако где вы могли привыкнуть ко всему этому?

— Старею, ваша светлость, — просто ответил Шект.

— Опасное занятие у вас, — послышался сухой

ответ. — Идите спать, Шект.

И вот Шект сидит здесь, глядя на темный город умирающего мира.

Два года шли испытания Синапсайфера, и два года он был рабом Совета Старейших, или Братства, как они себя называли.

Он написал несколько статей, которые можно было бы опубликовать в Сирианском Журнале Нейрофизиологии и которые могли принести ему столь желанную известность во всей Галактике. Статьи лежали у него в столе. Но они не были опубликованы.

Вместо этого появилась туманная и специально искаженная статья в «Физическом Обозрении». Такова была воля Братства.

И все же Энус был заинтересован. Почему?

Имело ли это связь с другими секретами, о которых он узнал? Подозревала ли Империя то же, что и он?

За двести лет Земля восставала три раза. Под знаменем провозглашаемого древнего величия Земля выступала против гарнизонов Империи, и Галактический Совет не был особенно обрадован тем безвыходным положением, в которое попала Земля, кровью вычеркивая себя из списка населенных планет.

Однако на этот раз все могло быть иначе…

Но действительно ли это так? Насколько он может доверять словам умирающего сумасшедшего, словам, которые на три четверти не имели смысла?

Какая разница? В любом случае он не посмел бы ничего предпринять. Только ждать, хотя он стареет и скоро ему шестьдесят.

Но даже на этом ничтожном, обугленном шарике, Земле, он хотел жить.

Он снова лег и, уже засыпая, подумал о том, не мог ли его разговор с Энусом быть перехвачен Старейшими? Он еще не знал, что Старейшие имели другие источники информации.

Рано утром один из помощников Шекта, молодой лаборант, обдумывал случившееся.

Он восхищался Шектом, однако прекрасно знал, что секретный эксперимент на неизвестном властям добровольце был нарушением приказа Братства, которому был придан статус Закона, что делало неподчинение серьезным проступком.

Кем был этот доброволец? Кто же прислал этого человека? Совет Старейших, втайне от всех, с целью проверить преданность Шекта? А может, Шект — предатель? Вчера днем он говорил с кем-то наедине, с кем-то в нелепой одежде, ко-

торую носят чужаки, опасаясь радиоактивного заражения.

В любом случае Шект обречен на гибель, но почему и он должен следовать за ним? Он, такой еще молодой, с почти четырьмя десятилетиями жизни впереди.

Кроме того, это означало бы продвижение… А Шект так стар, что в любом случае доживет лишь до следующей Проверки, так что для него в этом будет не много вреда. Практически никакого.

Лаборант решился. Он на коммутаторе набрал комбинацию из цифр и связался с премьер-министром, который, после Императора и Наместника, был властен над жизнью и смертью любого человека на Земле.

Наступил вечер следующего дня. Туманные впечатления в голове Шварца стали проясняться. Он вспомнил поездку, низкие беспорядочно стоявшие на берегу озера строения, долгое ожидание.

И потом — что? Что? Ах да, они пришли за ним. Потом была комната с инструментами и приборами, две таблетки… Они дали ему таблетки, и он с готовностью их проглотил. Что он терял?

А потом — пустота.

Стоп. Проблески сознания были… Люди, скло-

нившиеся над ним… Девушка, приносившая ему еду…

Проходили дни, и Шварц начал ориентироваться. Мужчину, который приходил к нему, звали доктор Шект. Девушка была его дочь, Пола. Шварц обнаружил, что он больше не нуждался в бритье. Волосы на лице не росли. Это напугало его. А росли ли они когда-нибудь?

Силы быстро возвращались к нему. Ему разрешили одеваться и ходить.

Страдал ли он амнезией? Была ли это причина, по которой они подвергли его операции? Был ли этот мир естествен и нормален, в то время как все, что он помнил, было фантазией его больного рассудка?

Ему не разрешалось выходить из комнаты даже в коридор. Означало ли это, что он узник? Может быть, он совершил преступление?

Никто не потерян так, как человек, заблудившийся в запутанных коридорах собственного одинокого ума. Никто не беспомощен так, как человек, лишенный памяти!

Пола обучала его новому для него языку. Это ее развлекало. Шварц не был особенно удивлен той легкостью, с которой улавливал и запоминал слова. Он помнил, что в прошлом у него была хо-

рошая память. За два дня он научился понимать отдельные фразы. Через три начал говорить.

На третий день, однако, ему пришлось удивиться. Шект научил его цифрам и решал с ним задачи. Шварц должен был давать ответы, а Шект про себя отмечал, сколько времени у него на это уходит. Затем Шект объяснил ему значение термина «логарифм» и спросил, чему будет равен логарифм двух.

Шварц осторожно подбирал слова. Когда слов не хватало, он дополнял ответ жестами:

— Я — не — сказать. Ответ — не — число.

Шект возбужденно кивнул головой и проговорил:

— Не число. Не это, не то, часть этого, часть того.

Шварц прекрасно понял, что Шект своими словами подтверждает, что ответ — не целое число, а дробь, и поэтому сказал:

— Ноль целых, три, ноль, один, ноль, три — и дальше — цифры.

— Достаточно!

Пришло время удивиться и Шварцу. Как он узнал ответ? Шварц был уверен, что никогда прежде не слышал о логарифмах, и все же у него в голове сразу же появился ответ. Он не имел

ни малейшего представления о процессе его вычисления. Он чувствовал, что его ум начал представлять собой нечто самостоятельное.

А может, он был математиком до того, как его поразила амнезия?

Жить в неизвестности ему было трудно. В Шварце нарастало желание вырваться на волю; где-то там должны быть ответы на все вопросы, которые ему никогда не узнать, если он будет заточен в этой комнате, где он чувствовал себя подопытным кроликом.

Такая возможность представилась на шестой день. Шварцу начали доверять. Утром его посетил Шект, затем он ушел.

Шварц подождал, пока не убедился, что Шект не вернется, после чего медленно закрыл рукой небольшую светящуюся точку на двери; так делали люди, обслуживающие его. Дверь плавно и беззвучно отошла в сторону… Коридор был пуст.

Так Шварц сбежал.

Мог ли он знать, что все шесть дней его пребывания здесь агенты Совета Старейших следили за институтом, его комнатой и им самим?

Глава 6
Ночные страхи

Ночью дворец Наместника выглядел не менее сказочно, чем днем. Гирлянды вьющихся вечерних цветов (завезенных на Землю) раскрыли белые бутоны, наполняя весь дворец тонким ароматом. В поляризованном свете луны искусственные самоцветы, умело впаянные в орнамент на стенах здания, давали легкое фиолетовое мерцание на фоне металлического блеска.

Энус смотрел на звезды и любовался ими как частью того мира, к которому он принадлежал. Над Землей было обычное небо, которое не имело той непередаваемой красоты небес центральных миров, где звезды были так густы, что темнота ночи почти отсутствовала в их сиянии. Не было у него и своеобразного великолепия пограничных миров, где непроницаемая темнота лишь изредка освещалась тусклым светом одинокой планеты и где одинокие звезды были неотличимы от алмазной пыли Млечного Пути.

На небосклоне Земли сразу были видны две тысячи звезд. Среди них — Сириус, вокруг которого

вращалась одна из десяти наиболее населенных планет Империи, Арктур — столица сектора, в котором родился Энус. Свет Трантора, столицы Империи, тоже затерялся где-то в Млечном Пути.

Энус почувствовал прикосновение к плечу нежной руки и накрыл ее своей.

— Флора! — прошептал он.

— Все устроится, — послышался голос жены. — Уже почти утро, а ты так и не ложился спать после возвращения из Чики. Может, ты позавтракаешь? Мне заказать еду сюда?

— Почему бы и нет?

— Что тебя беспокоит? — мягко спросила она.

— Не знаю, — проговорил Энус, покачав головой. — Я устал от накопившихся проблем… Этот Шект и его Синапсайфер, и этот археолог Авардан с его теориями. И многое другое. Эти земляне! — сквозь зубы продолжал Энус. — Многое указывает на то, что они вновь готовят восстание.

Он посмотрел на жену.

— Ты знаешь, что доктрина Совета Старейших состоит в том, что некогда Земля была единственным домом человечества?

— Но ведь именно об этом говорил Авардан, не так ли?

— Да, именно так, — мрачно произнес Энус, —

но он говорил только о прошлом. Совет Старейших говорит и о будущем. Земля, утверждают они, вновь станет столицей расы. Они провозглашают даже приближение мифического второго царствия Земли, предупреждают, что Империя погибнет, а Земля приобретет свое первозданное величие. Трижды подобная чушь вызывала восстания, которые заканчивались массой разрушений на Земле, но это не поколебало их веру.

— Они всего лишь несчастные существа, эти земляне, — сказала Флора. — Что у них есть, кроме веры? Они лишены абсолютно всего: нормального мира, нормальной жизни. Они лишены даже достоинства, которое равняло бы их с другими людьми Галактики. Поэтому они живут в мечтах. Можно ли осуждать их за это?

— Да, можно, — возбужденно воскликнул Энус. — Пусть оставят свои мечты и борются за признание. Они не отрицают своего отличия. Они просто хотят заменить «хуже» на «лучше», и трудно ожидать, что остальная Галактика согласится с ними. Пусть забудут свою помешанность, свои устаревшие и унизительные «законы». Пусть будут людьми, и на них будут смотреть как на людей… Но не будем об этом. Что, например, происходит с Синапсайфером? Здесь есть кое-что,

что не дает мне уснуть. — Энус нахмурился.

— Синапсайфер?.. Это не тот прибор, о котором за обедом говорил доктор Авардан? Ты ведь из-за него ездил в Чику?

Энус кивнул.

— И что ты там узнал?

— Собственно говоря, ничего. Я знаю Шекта. И знаю неплохо. Я уверен, что этот человек умирал от страха все время, пока я с ним говорил. Здесь какая-то грустная тайна, Флора.

— Но машина работает?

— Разве я нейрофизиолог? Шект говорил, что нет. Доброволец, который был подвергнут обработке, как он утверждает, почти мертв. Но я этому не верю. Я чувствовал его возбуждение. Более того. Он торжествовал! Его доброволец жив, и эксперимент завершился благополучно, или я в жизни не видел счастливого человека?! Тогда почему он лгал мне? Ты представляешь, что такое Синапсайфер в действии? Ты понимаешь, что Шект может создать расу гениев?

— Но зачем тогда держать это в секрете?

— Ах! Зачем? Тебе это не ясно. Восстания землян потерпели неудачу? Так увеличьте уровень интеллекта среднего землянина. Удвойте его. Утройте.

— Ох, Энус.

— Мы можем оказаться в положении обезьян, атакованных людьми.

— Ты сгущаешь краски. Бюро внешних провинций всегда может выслать нескольких психологов для выборочной проверки уровня интеллекта землян. Любое отклонение будет обнаружено.

— Да, конечно… Но возможно и что-нибудь другое. Я не уверен ни в чем, кроме того, что восстание готовится.

— Ну а мы готовы к нему?

— Готовы? — Энус с горечью рассмеялся. — Я — да. Гарнизон в готовности. Все, что можно было сделать имеющимися средствами, я сделал. Но, Флора, я не хочу восстания. Я не хочу, чтобы мое наместничество вошло в историю как наместничество восстания. Я не хочу, чтобы мое имя связывали с насилием и смертью. Меня наградили бы за это, но в историю я вошел бы как кровавый тиран. Я предпочел бы известность человека, который предотвратил восстание и спас бесценные жизни двадцати миллионов дураков, — довольно безнадежно закончил он.

— И ты можешь это сделать?

— Как я могу? Все против меня. Само бюро поддерживает этих фанатиков, присылая сюда

Авардана.

— Но я не понимаю, чем может навредить нам этот археолог?

— Разве это не ясно? Он хочет, чтобы ему дали доказать, что Земля — родина человечества, то есть научно подтвердить домыслы этих фанатиков.

— Так останови его.

— Не могу. У него есть разрешение из Бюро Внешних провинций, одобренное Императором. Это абсолютно лишает меня власти над ним. Но и это не худшее, Флора. Знаешь, как он собирается доказывать свою теорию? Попробуй догадаться.

Флора мягко улыбнулась.

— Ты смеешься надо мной. Я же не археолог. Наверное, попробует раскопать какие-нибудь статуи или кости и датировать их по радиоактивности или что-нибудь в этом роде.

— Если бы это было так. Дело в том, что он собирается проникнуть в радиоактивные зоны Земли. Там он намеревается найти артефакты и доказать, что они существовали до того, как почва Земли стала радиоактивной, поскольку он утверждает, что радиоактивность искусственная, и соответственно определить ее возраст.

— Но это почти то же, что сказала я.

— А ты знаешь, что означает проникнуть в радиоактивную зону? Это запрещено одним из основных Законов самих землян.

— Но тогда все отлично. Земляне сами остановят Авардана.

— Прекрасно. Его остановит сам премьер-министр! А как я смогу потом убедить его, что это не правительственный проект, что святотатство исходит не от Империи?

— Премьер-министр не может быть столь обидчивым.

— Не может? — Энус откинулся назад и посмотрел на жену. — Ты в высшей степени наивна. Знаешь, что произошло около пятидесяти лет назад? Я расскажу, и ты сможешь судить сама.

На Земле, видишь ли, нет статуса ее принадлежности к Империи, поскольку эти сумасшедшие земляне считают, что Земля по праву должна править Галактикой. Однако случилось так, что молодой Станнел Второй (помнишь Императора, который был не совсем в своем уме, так что от власти его почти сразу отстранили) приказал, чтобы инсигния Императора была поднята в столице Земли Вашене, в их Зале Совета. Сам по себе приказ был резонным, поскольку инсигния имеется в любом Зале Совета, на каждой планете

Галактики как символ единства Империи. И вот что произошло.

В день, когда инсигния была поднята, город превратился в скопление бунтовщиков. В Вашене фанатики сорвали инсигнию и напали на гарнизон. У Станнела Второго хватило безумия требовать выполнения приказа, даже если бы это потребовало уничтожения всех землян, но он был отстранен от власти, и Эдар, его преемник, отменил приказ. И вновь воцарился мир.

— Ты хочешь сказать, — с недоверием проговорила Флора, — что инсигнию так и не подняли вновь?

— Именно так. И Земля — единственная из миллионов планет Империи, не имеющая инсигнии в Зале Совета. Планета, на которой мы сейчас находимся, самая ничтожная. Но они вновь будут драться до последнего человека, повтори мы сейчас эту попытку. А ты спрашиваешь, чувствительны ли они? Да они просто сумасшедшие.

Наступившую тишину вновь нарушил слабый голос Флоры:

— Энус?

— Да.

— Восстание беспокоит тебя не только потому, что оно может повлиять на твою карьеру. Мне

кажется, ты ждешь действительно опасного для Империи… Не скрывай от меня. Ты боишься, что эти земляне победят?

— Флора, я не могу говорить об этом. Это даже не догадка… Может быть, четыре года в этом мире — это слишком много для нормального человека. Но почему эти земляне так уверены в себе?

— Откуда ты это знаешь?

— О, я знаю. У меня есть источники информации. В конце концов, их сокрушали трижды. У них не должно остаться иллюзий. Им противостоят двести миллионов миров, каждый из которых сильнее их, и все же они уверены в себе. Они столь тверды в своей вере в какую-то судьбу или сверхъестественную силу, во что-то известное только им. Может быть… может быть…

— Может быть что, Энус?

— Может быть, у них есть свое оружие?

— Оружие, с помощью которого один мир сможет победить двести миллионов? Ты паникуешь. Такого оружия нет.

— Я уже упоминал Синапсайфер.

— Но его действие можно обнаружить. Может быть, тебе известно другое оружие, которое они могут использовать?

— Нет, — неохотно ответил Энус.

— В этом-то все и дело. Такое оружие и невозможно. А почему бы тебе не связаться с премьер-министром и из лучших побуждений предупредить его о планах Авардана? Это отведет все подозрения по поводу участия Империи в этом глупом нарушении их обычаев. И в то же время ты, не вмешиваясь, остановишь Авардана… А теперь, почему бы тебе не поспать? Прямо здесь. Можно опустить кресло, а когда ты проснешься, я пришлю завтрак. При солнце все видится по-другому.

Так Энус после бессонной ночи заснул за пять минут до рассвета.

А спустя восемь часов премьер-министр узнал от него об Авардане и его миссии.

Глава 7
Разговор с сумасшедшими

Что касается Авардана, то его интересовало только то, как заполнить свое свободное время. Его корабль «Опихус», на котором прибудут остальные члены экспедиции, можно ожидать не раньше чем через месяц, поэтому в течение месяца он будет полностью предоставлен самому себе.

На шестой день по прибытии на Землю Бел Авардан воспользовался услугами Земной Компании воздушных перевозок и сел на стартоплан между Эверестом и столицей.

Он сознательно отказался от скоростного глайдера, предложенного Энусом, поскольку, как человек здесь чужой и как археолог, хотел увидеть жизнь людей, населяющих Землю.

Была и другая причина.

Авардан жил в секторе Сириуса, пресловутом первом секторе Галактики, где антиземные настроения были особенно сильны. И все же он предпочитал считать, что у него не было подобных предрассудков. Конечно, у него сложилась привычка думать о землянах как о неких нелепых существах, даже само слово «землянин» казалось ему нелепым. Но он действительно был лишен предрассудков.

Так, по крайней мере, он думал. Например, если бы землянин, обладающий необходимыми знаниями и способностями, выразил желание присоединиться к его экспедиции, он бы согласился… Только если другие участники экспедиции не будут возражать.

Он задумался. Конечно, он смог бы есть вместе с землянином или даже спать на одной кровати

в случае необходимости, но при условии, что землянин будет достаточно чист и здоров.

Собственно говоря, он смог бы во всех отношениях рассматривать его как любого другого человека. И все же нельзя отрицать, что он никогда не сможет забыть, что землянин — это землянин.

И вот ему представился случай проверить себя. Он летел в самолете в окружении землян и чувствовал себя вполне естественно.

Авардан оглянулся на обычные и ничем не примечательные лица пассажиров. Отличил бы он этих землян в толпе от других людей? Вряд ли.

От этих мыслей его отвлек смех. Объектом внимания пассажиров были пожилые мужчина и женщина.

Авардан повернулся к соседу.

— Что там происходит?

— Сорок лет они были женаты и сейчас совершают поездку вокруг Земли.

Пожилой мужчина, раскрасневшийся от удовольствия, многословно рассказывал историю своей жизни. Жена время от времени вмешивалась, педантично исправляя малозначительные подробности. Все это выслушивалось окружающими с величайшим вниманием, и земляне

показались Авардану такими же теплыми и человечными, как любые другие люди в Галактике.

И тут кто-то спросил:

— А когда ваши Шестьдесят?

— Через месяц, — с готовностью ответил мужчина, — шестого ноября.

— Ну что ж, — сказал спрашивающий, — надеюсь, вам повезет с погодой в этот день. Помню, когда было Шестьдесят моего отца, лил проливной дождь. Я пошел с ним, знаете, в такой день человек нуждается в компании, и он все время жаловался на дождь. Слушай, сказал я, что ты жалуешься, отец? Ведь возвращаться-то придется мне.

Раздался общий взрыв смеха, к которому не замедлила присоединиться и пожилая чета. Авардан, однако, почувствовал приступ ужаса, вызванного ясным и невыносимым подозрением.

— Эти Шестьдесят, — обратился он к сидящему рядом мужчине, — о которых они говорят, имеется в виду, что человека, достигшего шестидесяти, убивают?

В голосе Авардана было что-то, заставившее соседа с подозрением посмотреть на него. Наконец он сказал:

— Ну а вы что думали?

Авардан сделал рукой неопределенный жест и довольно глупо улыбнулся. Ему был известен этот обычай, но лишь по книгам, по обсуждению в научных статьях. Но теперь его окружали люди, которые по закону могли жить только до шестидесяти.

Мужчина все еще смотрел на него.

— Слушай, парень, откуда ты? У вас что, не знают о Шестидесяти?

— Мы называем это «время», — с трудом выговорил Авардан. — Я оттуда. — Он неопределенно показал большим пальцем назад и после минутного колебания собеседника отвел от него свой жесткий изучающий взгляд.

Тем временем пожилой мужчина заговорил вновь.

— Она идет со мной, — сказал он, кивая на свою добродушную жену. — У нее еще остается три месяца, но она предпочитает уйти со мной.

Вскоре, казалось, все пассажиры погрузились в вычисления времени, оставшегося каждому из них.

Низкий мужчина в облегающей одежде, с решительным выражением лица, твердо произнес:

— У меня осталось двенадцать лет, три месяца

и четыре дня, и никуда от этого не деться.

— Они могут вычислить это с точностью до дня, — проговорил стройный молодой человек. — А есть люди, живущие дольше своего времени.

— Точно, — сказал другой, вызвав общее согласие и возмущение.

— Я, — продолжал молодой человек, — не вижу ничего странного в том, что человек желает продлить свою жизнь, особенно если у него есть дела, требующие завершения. Но эти паразиты, пытающиеся протянуть до следующей Проверки, пожирают еду следующего поколения…

— Но разве возраст всех не зарегистрирован? — мягко вмешался Авардан. — Они не смогут долго скрываться, не так ли?

Все замолчали, немало смущенные выражением столь глупого идеализма.

Наконец кто-то, как будто пытаясь перевести разговор на другую тему, дипломатично произнес:

— Не думаю, чтобы жизнь после шестидесяти имела какой-то смысл.

— Для фермера никакого, — согласился с ним другой. — Нужно быть сумасшедшим, чтобы после полувековой работы на полях не радоваться ее окончанию. Но что вы скажете относительно

чиновников и администраторов?

Наконец пожилой мужчина, сорокалетие свадьбы которого вызвало этот разговор, осмелился высказать свое мнение, ободренный, вероятно, тем, что ему, как очередной жертве Шестидесяти, терять было нечего.

— Разное бывает, знаете ли, — подмигнул он с лукавым намеком. — Я знал человека, которому исполнилось шестьдесят во время Проверки восемьсот десятого года, а он продолжал жить до восемьсот двадцатого. До шестидесяти девяти лет! Представляете!

— Как же ему это удалось?

— У него были какие-то деньги, а брат его был членом Совета Старейших. Для такой комбинации нет ничего невозможного.

Замечание вызвало общее согласие.

— Слушайте, — сказал все тот же молодой человек. — У меня был дядя, который прожил лишний год, всего год. Это был один из тех себялюбцев, которые, знаете, не особенно желают уходить. Какое ему было дело до остальных… Случилось так, что я не знал об этом, иначе я, конечно же, сообщил бы о нем, уверяю вас, потому что каждый должен уйти в свое время. Так или иначе, обман обнаружился. Братство вызвало меня и брата и

пожелало узнать, почему мы не сообщили о нем. Я ответил, что ничего не знал и никто в семье не знал об этом. Я сказал им, что мы не виделись десять лет. И все равно пришлось заплатить кругленькую сумму в пять сотен кредитов.

Выражение беспокойства на лице Авардана усилилось. Уж не сумасшедшие ли эти люди, которые воспринимают смерть как должное и отказываются от своих друзей и родственников, которые пытаются избежать смерти? Не попал ли он, случайно, на самолет, перевозящий сумасшедших? Или это были просто земляне?

А его сосед вновь хмуро посмотрел на него. Голос его прервал размышления Авардана.

— Эй, парень, где это «оттуда»?

— Извините?

— Я спрашивал, откуда ты. Ты сказал «оттуда». Что это за «оттуда»? А?

Авардан почувствовал, что окружающие подозрительно смотрят на него. Не приняли ли его за члена их Совета Старейших? А может, его считают провокатором?

И он ответил им вспышкой откровенности.

— Я не с Земли. Меня зовут Бел Авардан, и я из сектора Сириуса. А ваше имя? — И он протянул руку.

Его ответ прозвучал как брошенная в салон самолета атомная капсула.

Возникший испуг землян быстро перешел в яростную, злобную враждебность, направленную на него. Мужчина, сидевший рядом с ним, поднялся и пересел на другое место.

Все отвернулись. Плечи плотно сомкнулись вокруг него. На мгновение в Авардане вспыхнуло негодование. Земляне смеют так обращаться с ним! Земляне! Он протянул им руку дружбы. Он снизошел до них, и вот чем они ему ответили.

Преодолев усилие, он расслабился. Ясно, что предубеждение не могло быть односторонним, ненависть порождала ненависть.

Остальную часть путешествия он провел в молчаливом одиночестве, не обращая внимания на разговоры за спиной и бросаемые на него время от времени взгляды.

Приземление в Чике было воспринято им с радостью, хотя Авардан мысленно усмехнулся, взглянув из самолета на «лучший город» Земли.

Его багаж был перенесен в автомобиль. Здесь он, по крайней мере, был единственным пассажиром, так что вряд ли можно было ожидать каких-либо неприятностей.

— В посольство, — сказал он шоферу, и машина

тронулась с места.

Так Авардан впервые оказался в Чике, и произошло это в тот день, когда Шварц сбежал из Института Ядерной Физики.

Глава 8
Встреча в Чике

Доктор Шект в двадцатый раз посмотрел свои записи и поднял глаза на Полу, входящую в его кабинет. Нахмурившись, она сняла свой рабочий халат.

— Итак, отец, ты до сих пор не ел?

— А? Конечно, я ел… Что это?

— Это обед. По крайней мере, это было обедом. То, что ты ешь, скорее напоминает завтрак. Какой смысл в том, что я приношу обед сюда, если ты его не ешь?

— Не нервничай. Я съем. Ты же знаешь, что я не могу прерывать важный эксперимент ради приема пищи.

Он вновь взглянул на заметки.

— Ты не представляешь, что за человек этот Шварц. Я рассказывал тебе о его черепе?

— Он имеет примитивную форму. Ты говорил.

— Но это не все. У него тридцать два зуба, в том

числе один, должно быть, вставленный искусственно, да еще так странно. По крайней мере, я еще не видел зуба, который бы крепили к соседним, вместо того, чтобы вживлять в челюстную кость. Ты когда-нибудь видела человека с тридцатью двумя зубами?

— Я не занимаюсь подсчетом чьих-либо зубов, отец. Сколько их должно быть, двадцать восемь?

— Именно. Но я еще не закончил. Вчера мы провели внутренний анализ. Как ты думаешь, что мы нашли?.. Угадай!

— Кишки?

— Пола, ты стремишься меня разозлить, но это тебе не удастся. Можешь не гадать, я тебе скажу. Шварц имеет открытый аппендикс три с половиной дюйма длиной. Великая Галактика, это совершенно беспрецедентный случай. Я консультировался у медиков, — со всеми предосторожностями, конечно, — аппендикс не бывает длиннее, чем половина дюйма, и никогда не открыт.

— Ну и что это значит?

— То, что этот человек — настоящее живое ископаемое. — Он поднялся с кресла. — Слушай, Пола, я думаю, мы не должны отдавать Шварца. Он представляет собой слишком ценный образец.

— Нет, нет, отец, — быстро проговорила Пола, — ты не можешь этого сделать. Ведь ты обещал фермеру вернуть Шварца, и ты должен это сделать. Это необходимо самому Шварцу. Мне кажется, он несчастен.

— Несчастен! И это когда мы обращаемся с ним как с богатым чужаком.

— Какое это имеет значение? Бедняга привык к своей семье, к своей ферме. Там он прожил всю свою жизнь. И вот теперь ему пришлось пережить страх и страдания, и рассудок его стал работать иначе. Трудно ожидать, чтобы он все понял. Мы должны вспомнить о его человеческих правах и вернуть его семье.

— Но, Пола, интересы науки…

— Чепуха! Как ты думаешь, что скажет Братство, когда услышит об экспериментах, проведенных без их разрешения? Думаешь, их беспокоят интересы науки? Позаботься о себе, если не хочешь заботиться о Шварце. Чем дольше ты его продержишь здесь, тем больше шансов, что об этом узнают. Ты отправишь его домой завтра ночью, так, как это планировалось, слышишь?.. Я пойду посмотрю, не нужно ли Шварцу чего-нибудь.

Не прошло и пяти минут, как она вернулась с растерянным лицом.

— Отец, он сбежал!

— Кто? — пораженно спросил он.

— Шварц! — воскликнула она, чуть не плача. — Ты, наверное, забыл закрыть дверь, когда вышел от него.

Шект вскочил на ноги.

— Когда?

— Не знаю. Но, должно быть, недавно. Когда ты был у него?

— Самое большее пятнадцать минут назад.

— Хорошо, — с неожиданной решительностью проговорила она. — Я побегу за ним. Ты останешься здесь. Если его найдет кто-нибудь другой, то легче мне его забрать, чтобы отвести подозрения от тебя. Понимаешь?

Шект лишь кивнул.

Джозеф Шварц не чувствовал никакой радости, поменяв неволю института на просторы улицы. Он не питал никаких иллюзий относительно своей свободы, и у него не было какого-либо плана действий.

Если им и руководил какой-то рациональный импульс (вроде слепого желания сменить бездействие на любую деятельность), то это была надежда натолкнуться на что-нибудь, что помогло бы ему обрести исчезнувшую память. Сейчас

он был полностью убежден в том, что страдает амнезией.

Однако встреча с городом погасила его энтузиазм. Стояла поздняя осень. И Чика, освещенная солнцем, была молочно-белой. Здания, как и дом фермера, казалось, были сделаны из фарфора. Какое-то неопределенное чувство подсказывало ему, что города должны быть коричневыми и красными и гораздо более грязными. В последнем он был уверен.

Он шел медленно, каким-то образом чувствуя, что официальных поисков не будет. Собственно говоря, в последние дни он чувствовал в себе возросшую чувствительность к окружающей его «атмосфере». Это была часть перемен в его мышлении, начинавшихся…

Он мысленно вернулся назад.

В любом случае атмосфера госпиталя носила отпечаток скрытности, связанной со страхом, как ему казалось. Так что они не могут преследовать его в открытую. Но откуда? Была ли эта странная активность его мышления связана с амнезией?

Он миновал еще один перекресток. Автомобилей было относительно мало. Одежда пешеходов выглядела довольно нелепо, без швов, без пуговиц, разных цветов. Но такая же одежда была и

на нем. Он попытался вспомнить, куда исчезла его старая одежда, потом усомнился, была ли у него вообще одежда. Трудно быть уверенным в чем-либо, когда человек вообще сомневается в своей памяти.

Но он так ясно помнил свою жену, детей. Они были реальны. Он остановился на середине тротуара и с трудом взял себя в руки. Возможно, они были искаженными версиями реальных людей этой нереально выглядевшей жизни, к которой должен был принадлежать и он.

Неожиданно он почувствовал голод. Он оглянулся вокруг. Ничего поблизости не напоминало ресторана. Хотя откуда он знает? Ведь он же не знает этого слова на новом для него языке.

Он внимательно смотрел на дома, мимо которых проходил, и вскоре увидел внутри одного из них небольшие столы, за которыми ели люди. По крайней мере, хоть это не изменилось. Люди, которые ели, жевали и глотали.

Шварц вошел внутрь и замер в замешательстве. Никто не подавал пищу, никто ее не готовил, не было заметно никаких признаков кухни. Он собрался предложить вымыть тарелки в обмен на еду, но к кому обращаться с этим предложением?

Он неуверенно приблизился к сидящим за одним из столов, старательно выговаривая слова:

— Еда. Где? Пожалуйста.

Они удивленно посмотрели на него. Один быстро и совершенно непонятно заговорил, похлопывая по небольшому устройству на краю стола. Второй раздраженно присоединился к нему.

Шварц с отчаянием повернулся, собираясь уходить, и тут он почувствовал руку, остановившую его…

Гранц заметил полное грустное лицо Шварца еще через окно.

— Что ему надо? — проговорил он.

Месстер, сидевший за тем же столом, спиной к окну, оглянулся и ничего не ответил.

— Он вошел, — сказал Гранц, и Месстер ответил:

— Ну и что?

— Ничего.

Однако вскоре вошедший беспомощно оглянулся вокруг, приблизился к ним и произнес со странным акцентом:

— Еда. Где? Пожалуйста.

Гранц взглянул на него.

— Еда здесь, приятель. Сядь к любому столику

и воспользуйся пищематом… Пищематом! Ты не знаешь, что это такое?.. Посмотри на беднягу, Месстер. Он смотрит на меня так, как будто не понял ни слова из того, что я сказал. Эй, парень, смотри — вот эта штука. Брось в нее монету… Эй, подожди. — Он поймал за рукав Шварца, когда тот уже собирался уходить.

— Деньги, друг, деньги.

Он достал из кармана блестящую монету в полкредита.

— У тебя есть? — спросил он.

Шварц медленно покачал головой.

— Ну что же, тогда держи! — Он положил полкредита в карман и достал более мелкую монету.

Шварц нерешительно принял ее.

— Правильно. Только не стой здесь. Брось ее в пищемат. Вот в эту штуку.

Неожиданно Шварц почувствовал, что понимает его. Пищемат имел ряд отверстий для монет различного достоинства и ряд кнопок под светлыми прямоугольниками, надписи над которыми он прочитать не мог. Шварц указал на стоявшую на столе еду и, проведя пальцем по кнопкам, вопросительно поднял глаза.

— Сандвич недостаточно хорош для него, — раздраженно сказал Месстер. — Не выбрасывай

деньги, Гранц.

— Ничего, завтра получка… Смотри, — обратился он к Шварцу и, опустив в пищемат свою монетку, достал широкий металлический контейнер из углубления в его стене. — Теперь возьми это на другой стол…

Шварц осторожно перенес контейнер на соседний стол. Сбоку контейнера была прикреплена ложка, покрытая прозрачной пленкой, разорвавшейся при первом же прикосновении. Как только пленка была порвана, контейнер разошелся по шву.

Еда была холодной, но для него это не имело значения. Через минуту он заметил, что она нагревается, и замер в замешательстве… Вскоре подливка закипела, затем вновь остыла, и Шварц принялся за еду.

Гранц и Месстер все еще сидели на своих местах, когда он вышел. За необычным посетителем следил еще один человек, на которого Шварц не обратил внимания.

Не заметил Шварц и того, что от самого института за ним, не отставая, следил худой маленький человек.

Бел Авардан, выкупавшись и сменив одежду, упрямо решил выполнить свой первоначальный

замысел наблюдения за существами, населяющими Землю, в их естественной среде обитания. Стояла приятная погода, дул легкий освежающий ветерок, сама деревня, то есть город, была светлой, спокойной и чистой. Не так уж и плохо.

В полдень, обедая, он стал свидетелем небольшой сценки, в которой участвовали двое землян, вошедших вскоре после него, и пришедший после них пожилой мужчина. Авардан мельком следил за ними, просто противопоставляя этот случай неприятному инциденту в самолете. Двое мужчин за столом явно были водителями аэротакси: людьми небогатыми, но поступившими милосердно.

Нищий вышел, а минуты две спустя и Авардан.

Людей на улице значительно прибавилось, приближался конец рабочего дня.

Он поспешно отошел в сторону, чтобы не столкнуться с бегущей молодой девушкой.

— Извините меня, — сказал он.

Девушка была одета в стереотипную белую униформу. Казалось, она была чем-то озабочена. Он слегка прикоснулся к ее плечу.

— Не могу ли я вам помочь? У вас неприятности?

Девушка остановилась и испуганно посмотрела на него.

У нее были каштановые волосы, темные глаза, тонкая талия. Ей было от девятнадцати до двадцати одного года.

Она ответила, чуть не плача:

— Ох, это бесполезно. Не обращайте на меня внимания. Трудно рассчитывать найти кого-то, не имея никакого представления, где искать.

На глазах ее появились слезы. Она тяжело вздохнула.

— Вы не видели пожилого мужчину лет пятидесяти в белом с зеленым костюме, без шапки, несколько лысоватого?

Авардан удивленно взглянул на нее.

— Что? Зеленый с белым?.. Трудно поверить… Слушайте, этот человек — он говорит с трудом?

— Да, да. Значит, вы его видели?

— Минут пять назад он обедал с двумя мужчинами… Вон они… Эй, вы, — он приблизился к ним.

Гранц быстро встал.

— Такси, сэр?

— Нет, но если вы расскажете о человеке, который ел с вами, то получите плату. Куда он пошел?

Гранц выглядел огорченно.

— Хотел бы вам помочь, но я видел его первый раз в жизни.

Авардан повернулся к девушке.

— Если бы он пошел навстречу вам, то вы бы его увидели. И он не мог уйти далеко. Значит, нужно идти в противоположную сторону. Я узнаю его, если увижу.

Он предложил помощь под влиянием импульса. Неожиданно он почувствовал, что улыбается ей.

— А что он сделал? — неожиданно вмешался Гранц. — Может быть, он нарушил какой-нибудь закон?

— Нет, нет, — поспешно ответила она. — Он лишь немного нездоров, вот и все.

После того, как они отошли, Месстер посмотрел им вслед.

— Немного нездоров? Как тебе это понравилось, Гранц? Немного нездоров.

Он вопросительно посмотрел на товарища.

— Что на тебя нашло? — с беспокойством спросил Гранц.

— Ничего, что заставляет меня чувствовать себя не совсем здоровым. Этот парень явно сбежал из госпиталя. Его ищет медсестра, и к тому

же очень обеспокоенная медсестра. Стала бы она беспокоиться, если бы он был всего лишь немного нездоров? Ты заметил, что он почти не разговаривает и почти ничего не понимает?

В глазах Гранца неожиданно появился страх.

— Не думаешь же ты, что это горячка?

— Я как раз думаю, что это был случай радиационной горячки, причем зашедшей далеко. А он стоял в футе от нас. Ничего хорошего это не…

Рядом с ними оказался маленький худой человек с вкрадчивым голосом, появившийся ниоткуда.

— В чем дело, господа? У кого здесь радиационная горячка?

— Кто вы такой? — с неприязнью спросил Месстер.

— Хо, — сказал маленький человек, — вы хотите знать, кто я такой? Дело в том, что я посланник Братства, представьте себе.

Он блеснул маленьким светящимся значком на отвороте куртки.

— А теперь, именем Совета Старейших, что значат все эти разговоры о радиационной горячке?

— Я ничего не знаю, — сказал Месстер испуганно и глухо. — Медсестра искала здесь какого-то больного, и я подумал: не радиационная ли го-

рячка у него? Ведь мы не нарушали законов, не так ли?

— Хо! Это вы-то будете учить меня законам? Занимайтесь лучше своим делом и предоставьте мне беспокоиться о законах.

Маленький человек потер руку об руку, быстро оглянулся вокруг и быстро пошел вслед за Полой и Аварданом.

— Вот он! — Пола лихорадочно сжала руку своего спутника. Все произошло быстро, легко и случайно. Шварц неожиданно появился в главном ходе большого магазина самообслуживания.

— Я его вижу, — прошептал Авардан. — Стойте здесь, а я пойду за ним. Если он увидит вас и затеряется в толпе, нам его не найти.

Они вошли в магазин. Авардан не спеша приблизился к Шварцу, и его сильная рука крепко сжала плечо беглеца.

Шварц вздрогнул и испуганно рванулся прочь. Однако из хватки Авардана не могли вырваться люди и посильнее Шварца. Авардан улыбнулся и спокойно, так, чтобы это могли слышать случайные свидетели, проговорил:

— Привет, старина, давно не виделись. Как поживаешь?

К ним присоединилась Пола.

— Шварц, — прошептала она, — пойдемте с нами.

На мгновение Шварц напрягся, сопротивляясь, затем сдался.

— Я — иду — с — вами, — устало произнес он, но неожиданно грохот громкоговорителя заглушил его слова.

— Внимание! Внимание! Внимание! Администрация приказывает всем, соблюдая порядок, покинуть магазин через выход на пятую линию. В дверях предъявлять регистрационные карточки. Выполнять быстро. Внимание! Внимание! Внимание!

Объявление повторяли трижды, последний раз под топот ног толпы, выстраивающейся в линию у выхода.

— Что случилось? В чем дело? — слышалось со всех сторон.

— Пойдемте, — сказал Авардан, пожав плечами.

Однако Пола покачала головой.

— Мы не можем…

— Почему? — Археолог нахмурился.

Не ответив, девушка отошла в сторону. Могла ли она сказать, что у Шварца нет регистрационной карточки? Кем был этот человек? Почему он

помогал ей? Она была в отчаянии.

— Вам лучше уйти, иначе у вас могут быть неприятности, — тихо проговорила она.

Верхние этажи магазина уже опустели. Авардан, Пола и Шварц образовали небольшой неподвижный островок в потоке людей.

Позднее, вспоминая, Авардан понял, что в этот момент он мог бы и покинуть девушку. Покинуть и никогда больше не увидеть! И все было бы иначе.

Но он ее не оставил. Едва ли она была привлекательна, охваченная страхом и отчаянием. Но ее беспомощность вызывала у него сочувствие.

Он шагнул, чтобы уйти, и остановился.

— Вы так и будете здесь стоять?

Она кивнула.

— Но почему?

— Потому что, — Пола больше не могла сдерживать слезы, — я просто не знаю, что делать.

Это просто маленькая испуганная девочка, хотя и землянка.

— Если вы объясните мне, в чем дело, я постараюсь помочь, — мягко сказал Авардан.

Ответа не было.

И тут к ним приблизился маленький человек.

Глава 9
Конфликт в Чике

Лейтенант расположенного в Чике гарнизона Марк Клавдий лениво зевнул, с непередаваемой скукой глядя в пустоту. Заканчивался второй год его службы на Земле, и он с нетерпением ждал смену.

Нигде в Галактике проблема поддержания дисциплины в гарнизоне не была столь сложной, как в этом кошмарном мире. На других планетах существовала определенная дружба между военными и гражданским населением, особенно его женской частью. Там существовала свобода.

Здесь же гарнизон был тюрьмой. В казармы поступал отфильтрованный воздух, свободный от радиоактивной пыли. Здесь надевали пропитанную свинцом одежду, холодную и тяжелую, без которой солдаты подвергались серьезному риску заражения.

Что же оставалось, кроме ворчания, сна и медленного сумасшествия?

Лейтенант Клавдий покачал головой, тщетно пытаясь забыться, еще раз зевнул, сел и начал

натягивать туфли.

В следующую минуту он вскочил на ноги, успев надеть лишь одну туфлю, и отдал честь.

Полковник неодобрительно оглядел его и сухо приказал:

— Лейтенант, поступили сообщения о беспорядках в деловом районе. Вы с подразделением дезактивации отправитесь в магазин Дунхама и восстановите порядок. Позаботьтесь, чтобы ваши люди были надежно защищены от заражения радиационной горячкой.

— Радиационная горячка! — воскликнул лейтенант. — Извините, сэр, но…

— Будьте готовы отбыть через пятнадцать минут, — холодно сказал полковник.

Авардан заметил маленького человека первым и замер, когда тот сделал едва заметный приветственный жест.

— Привет, парень. Скажи леди, что вовсе ни к чему увлажнять помещение.

Пола резко подняла голову и затаила дыхание.

— Чего вы хотите? — резко проговорил Авардан.

Маленький человек с пронзительным взглядом уверенно отошел от прилавка, заваленного какими-то пакетами. Тон его был одновременно

и заискивающим, и дерзким.

— Есть возможность выйти отсюда, — сказал он, — но вам, мисс, не стоит утруждать себя. Я сам отведу вашего человека назад в институт.

— В какой институт? — со страхом спросила Пола.

— Ну, не стоит, — сказал маленький человек. — Я Наттер, тот парень, который торгует фруктами напротив института. Я видел вас там много раз.

— Слушайте, — неожиданно вмешался Авардан, — в чем дело?

Наттер весело пожал щуплыми плечами.

— Они думают, что у этого парня радиационная горячка…

— Радиационная горячка? — одновременно воскликнули Пола и Авардан.

Наттер кивнул.

— Именно. С ним ели двое, и это их слова. Знаете, такие новости быстро расходятся.

— Так они просто ищут кого-то с горячкой? — спросила Пола.

— Именно.

— А вы почему не боитесь горячки? — спросил вдруг Авардан.

— А чего мне бояться? У этого парня нет горячки. Посмотрите на него. Румянца нет, глаза в

порядке. Я знаю, как выглядят больные лихорадкой. Согласитесь, мисс, и мы выйдем отсюда.

Однако Полой вновь овладел страх.

— Нет, нет. Это невозможно. Он… он…

— Я могу вывести его. Никаких вопросов, никаких регистрационных карточек.

Пола с трудом сдержала восклицание.

— Вы столь важная персона? — с нескрываемой неприязнью спросил Авардан.

Наттер хрипло рассмеялся и показал свой значок.

— Посланник Совета Старейших. Никто не задает мне вопросов.

— И почему вы заинтересованы в этом?

— Деньги. Вы нуждаетесь в помощи, и я могу оказать ее. Все совершенно честно. Вы и я оцениваем эту услугу в сто кредитов. Пятьдесят сейчас, пятьдесят потом.

— Вы отведете его к Старейшим? — с ужасом прошептала Пола.

— Зачем? Им он ни к чему, а для меня стоит сотню кредитов. Если вы дождетесь чужаков, то они пристрелят его, не разбираясь, есть ли у него горячка. Вы же знаете чужаков, убить землянина — для них пустяк. Это даже доставит им удовольствие.

— Возьмите леди с собой, — сказал Авардан.

Маленькие глаза Наттера смотрели на него лукаво и пронзительно.

— О нет. Это было бы неоправданным риском. Я могу провести одного человека, но не двух. И если я беру только одного, то того, кто стоит больше.

— А что, если я пристукну тебя, — проговорил Авардан, хватая его за руку, — и сделаю из тебя калеку? Что тогда?

Наттер вздрогнул, однако быстро взял себя в руки и улыбнулся.

— Что ж, тогда вам крышка. Вас все равно схватят, а к преступлениям прибавится еще одно. Так что лучше попридержите свои руки.

— Пожалуйста, — Пола удержала руку Авардана, — мы должны использовать этот шанс. Пусть будет так, как он предлагает… Вы не обманете нас, не так ли?

Наттер усмехнулся.

— Ваш друг вывихнул мне руку. А я не люблю, когда со мной поступают подобным образом. За это я возьму дополнительные сто кредитов. Итого двести.

— Отец вам заплатит…

— Сотня задатка, — упрямо ответил он.

— Но у меня нет ста кредитов. — Пола запла-

кала.

— Не беспокойтесь, мисс, — глухо проговорил Авардан, — у меня есть деньги.

Он вынул кошелек, достал несколько банкнот и бросил их Наттеру.

— Действуйте!

— Идите с ним, Шварц, — прошептала Пола.

Ни о чем не думая и ни о чем не беспокоясь, Шварц подчинился. В этот момент он пошел бы даже в ад, не испытывая никаких эмоций.

Они остались одни, глядя друг на друга. Возможно, впервые Пола по-настоящему посмотрела на Авардана и с удивлением заметила, что он привлекателен. Держался он уверенно и спокойно.

Они не знали даже имени друг друга.

— Меня зовут Пола Шект, — с улыбкой сказала она.

Авардану ее улыбка напоминала теплое сияние, которое пробуждало у него чувство… Однако он прогнал прочь эти мысли. Землянка!

Ответил он не так приветливо, как намеревался:

— Я — Бел Авардан.

— Я должна поблагодарить вас за помощь, — сказала девушка.

Авардан сделал протестующий жест.

— Я думаю, что теперь ваш друг в безопасности и вы можете идти.

— Да, конечно.

В это время вдали послышались шум и пронзительные крики. В глазах девушки появился страх.

— В чем дело? — спросил Авардан.

— Это солдаты Империи.

— Вы их боитесь? — В Авардане заговорил самоуверенный неземлянин — археолог с Сириуса, для которого солдаты Империи ассоциировались с разумом и гуманностью.

— Не бойтесь чужаков, — сказал он, снисходя даже до использования местного термина для неземлян, — я беру их на себя.

— Нет, нет, даже не пытайтесь, — с неожиданным беспокойством проговорила она. — Не заговаривайте с ними, просто делайте то, что скажут.

Авардан улыбнулся.

Охранники заметили их, когда до выхода им осталось пройти еще немного, и поспешно отошли назад. В это время появилась группа солдат в круглых стеклянных шлемах, перед которыми толпа в ужасе раздвинулась в стороны.

Лейтенант Клавдий, шедший впереди, прибли-

зился к охранникам-землянам у главного входа.

— Эй, у кого здесь горячка?

Его лицо слегка искажало защитное стекло шлема, содержащего чистый воздух. Радио, через которое он говорил, придало голосу металлический оттенок.

Охранник склонил голову с выражением глубокого почтения.

— С вашего разрешения, ваша честь, мы изолировали его в магазине. Двое, бывшие с ним, сейчас стоят перед вами.

— Вот эти? Отлично. Пусть остаются здесь. Теперь я хочу в первую очередь избавиться от этой толпы. Сержант! Очистите площадь!

Последовала зловещая процедура. Сгущающиеся сумерки нависли над Чикой, и вскоре толпа растворилась в темноте. На улицах загорелось мягкое искусственное освещение.

Лейтенант Клавдий постучал концом своей нейроплети по тяжелым ботинкам.

— Вы уверены, что больной в магазине?

— Он не выходил, ваша честь. Значит, должен быть там.

— Хорошо, предположим, что это так, и не будем терять времени. Сержант! Дезактивировать здание!

Группа солдат, изолированная герметическими костюмами, направилась в здание.

Прошло четверть часа.

Авардан внимательно наблюдал за происходящим.

Когда последние солдаты вышли на улицу, была уже глубокая ночь.

— Опечатать двери!

Теперь лейтенант подошел к Поле и Авардану.

— Как его звали? — спросил он голосом, полным безразличия, и добавил: — Больной должен быть убит.

Ответа он не получил. Пола опустила глаза, а Авардан с любопытством наблюдал за ним. Офицер Империи, не сводя с них глаз, сделал полшага вперед.

— Проверьте их на инфекцию, — дал он команду солдатам.

Приблизившийся к ним офицер со значком имперской медицинской службы не был особенно вежлив при обследовании.

— Инфекции нет, лейтенант. Если бы они заразились сегодня днем, это было бы заметно уже сейчас.

— Ухм… — Лейтенант снял шлем и хрипло спросил у Полы: — Твое имя, скво?

Обращение само по себе было оскорблением, тон же, которым оно было произнесено, усиливал его вдвойне, однако Пола не проявила никаких признаков негодования.

— Пола Шект, — шепотом ответила она.

— Документы!

Пола достала розовую книжицу из небольшого кармана своей белой куртки.

Лейтенант при свете карманного фонаря просмотрел ее и бросил на землю. Пола нагнулась, быстро подняла ее.

Авардан нахмурился и решил, что настало время вмешаться.

— А теперь посмотрите сюда, — сказал он.

Лейтенант с яростью в глазах повернулся к нему.

— Что ты сказал?

В ту же минуту Пола оказалась между ними.

— С вашего разрешения, сэр, этот человек не имеет к происшедшему никакого отношения. Я вижу его впервые…

Лейтенант оттолкнул ее в сторону.

— Я спрашиваю, что ты сказал?

Авардан ответил ему холодным взглядом.

— Я сказал — а теперь посмотрите сюда. И я хочу добавить, что мне не нравится, как вы обра-

щаетесь с женщиной. Я советую вам улучшить свои манеры.

Лейтенант Клавдий невесело улыбнулся.

— Откуда это ты взялся? Ты не знаешь, что следует добавлять «сэр», обращаясь ко мне? Ты что, забыл свое место? Ну что ж, вспомню, какое удовольствие я испытывал, обучая землян.

И его ладонь с быстротой броска змеи дважды прошлась по лицу Авардана. Авардан пораженно отступил назад, чувствуя шум в ушах. Затем он мгновенно перехватил направленную на него руку, успел заметить удивление, появившееся на лице его противника…

Он слегка напрягся…

Лейтенант с глухим стуком свалился на землю, разбив свой шлем.

Авардан мстительно улыбнулся.

— Может быть, еще какой-нибудь подонок попытается проделать то же самое с моим лицом?

Однако сержант уже поднял свой нейрохлыст. Щелкнул спуск, и появилась слабая фиолетовая вспышка. Тело Авардана застыло от невыносимой боли. Он медленно стал опускаться на колени, а затем, потеряв сознание, упал.

Когда туман в его сознании рассеялся, Авардан почувствовал приятную прохладу на лбу. Он

попробовал открыть глаза. Веки, казалось, были подвешены на ржавых шарнирах. Отказавшись от попытки, он бесконечно медленно (движения каждой мышцы вызывали острую боль) поднял руку к лицу.

Маленькая рука держала мягкое влажное полотенце…

Он с трудом открыл один глаз. Все перед ним было словно в пелене.

— Пола, — проговорил он.

Ответом было тихое радостное восклицание.

— Да. Как вы себя чувствуете?

— Как после смерти, — с трудом выговорил он. — За исключением боли… Что произошло?

— Нас привезли на военную базу. Здесь был полковник. Они обыскали вас… я не знаю, что они собираются делать, но… Ох, не нужно было вам бить лейтенанта. Мне кажется, вы сломали ему руку.

Авардан с трудом улыбнулся.

— Отлично. Жаль, что не шею.

— Но сопротивление офицеру Империи — серьезное преступление. — В ее голосе слышался испуг.

— В самом деле? Это мы еще посмотрим.

— Тсс… Они возвращаются.

В комнату вошел полковник.

Авардан закрыл глаза и расслабился. Восклицание Полы дошло до него слабым эхом, и, почувствовав прикосновение иглы шприца, он не смог даже пошевельнуться.

А затем наступило изумительное спокойствие, боль испарилась. Напряжение, сковывающее мышцы рук и ног, исчезло. Он быстро открыл глаза и одним движением сел.

Полковник задумчиво посмотрел на него.

— Итак, доктор Авардан, — сказал он, — прошлым вечером произошел неприятный инцидент.

Авардан коротко рассмеялся.

— Неприятный, говорите? Мне кажется, это несколько неподходящее определение.

— Вы сломали руку офицеру Империи, выполнявшему свои обязанности.

— Офицер первым ударил меня. В его обязанности не входит оскорбление меня как словесно, так и физически. Как свободный гражданин Империи я имел право защищаться.

Полковник смутился, видимо, не находя слов. Пола смотрела на обоих широко открытыми от удивления глазами.

— Я полагаю, — наконец мягко произнес

он, — что все происшедшее следует считать несчастным случаем. Думаю, что лучше будет забыть обо всем.

— Забыть? Не думаю. Я гостил во дворце Наместника, и его может заинтересовать то, как его гарнизон поддерживает порядок на Земле.

— Я заверяю, что вы получите публичное извинение.

— К черту. Что вы собираетесь делать с мисс Шект?

— Что вы предлагаете?

— Вы освободите ее, вернете документы и извинитесь — немедленно.

— Конечно, — покраснев, с усилием выговорил полковник. — Он повернулся к Поле: — Соблаговолите, леди, принять мои глубочайшие извинения…

Темные стены казарм остались позади. За десять минут аэротакси доставило их на территорию города, и теперь они стояли возле института, погруженного в безмолвную темноту. Было уже за полночь.

— Не понимаю, — сказала Пола. — Должно быть, вы — очень важная персона. Странно, что я не слышала вашего имени. Я и не представляла, что чужаки могут так относиться к землянину.

Авардану не очень-то хотелось признаваться, но все же он решился покончить с недоговорками.

— Я не землянин, Пола, я — археолог из сектора Сириуса.

Пола быстро повернулась к нему, лицо ее, залитое лунным светом, было бледно.

— Значит, вы сопротивлялись солдатам потому, что вам ничего не угрожало, и вы знали это. А я думала…

В ее словах звучала резкая горечь.

— Я должна была догадаться. Покорнейше прошу простить меня, сэр, если сегодня я в своем неведении позволила себе быть неуважительной по отношению к вам…

— Пола, — воскликнул он, — в чем дело? Ну и что, если я не землянин? Разве это делает меня иным, чем пять минут назад?

— Вам нужно было предупредить меня, сэр.

— Я не просил называть меня «сэр». Не будь такой, как они все, слышишь?

— Как кто, сэр? Как отвратительные звери, населяющие Землю?.. Я должна вам сто кредитов.

— Забудьте, — неприязненно сказал Авардан.

— Я не могу выполнить этот приказ. Если вы оставите мне свой адрес, завтра я вышлю деньги.

Авардан неожиданно почувствовал ожесточение.

— Вы должны мне гораздо больше, чем сто кредитов.

Пола закусила губу и проговорила покорным тоном:

— Я могу возвратить лишь эту часть своего огромного долга. Итак, ваш адрес?

— Посольство, — бросил он через плечо, растворяясь во тьме.

Проводив его взглядом, больше не в силах сдерживаться, Пола заплакала.

Шект встретил Полу в дверях своего кабинета.

— Он вернулся, — сказал он. — Его привел маленький худой человек.

— Хорошо, — с трудом выговорила Пола.

— Он потребовал двести кредитов, и я заплатил.

— Он должен был получить сто, но это пустяки. — Она прошла в кабинет.

— Я страшно беспокоился, — проговорил Шект. — Эти беспорядки по соседству… Я не смел никого расспрашивать, чтобы не подвергать тебя опасности.

— Все в порядке. Ничего не случилось… Разреши переночевать здесь, отец.

Однако, несмотря на усталость, уснуть она не смогла, потому что думала об Авардане. Да, что-то с ней произошло! Она встретила человека, и он был чужаком.

Но у нее есть его адрес.

Глава 10
Интерпретация событий

Эти два землянина имели прямое отношение к власти. Только один из них обладал реальной властью, а второй — ее видимостью.

Они были противоположны друг другу, эти двое землян.

Так, премьер-министр был наиболее значительным человеком Земли, признанным правителем планеты, подчиняющимся непосредственно Императору или его представителю — Наместнику. Его же секретарь, казалось, был никем. Просто — член Совета Старейших, занимающийся незначительными делами, порученными ему премьер-министром, который при желании всегда мог его уволить.

Премьер-министр, известный всей Земле, рассматривался как верховный арбитр в делах, касающихся законов. Именно он объявлял осво-

бождение от Шестидесяти, судил нарушителей обычаев, тех, кто не был согласен с долей производства и потребления, нарушителей запретных территорий и так далее.

В то же время секретарь не был известен широкому кругу лиц, за исключением Совета Старейших.

Премьер-министр хорошо владел языком и часто выступал с высоко эмоциональными речами с налетом сентиментальности. Он был светловолосым, с аристократическими чертами лица.

Курносый же секретарь с непропорциональным лицом предпочитал краткость велеречивости, ворчание — словам, а безмолвие — ворчанию.

Именно премьер-министр обладал видимостью власти, а на самом деле она принадлежала секретарю. Оставаясь наедине в кабинете премьер-министра, оба эти человека осознавали это со всей очевидностью.

На этот раз премьер-министр был раздражен и озадачен, а секретарь — холодно равнодушен.

— Чего я не могу понять, — говорил премьер-министр, — так это связи между двумя сообщениями, которые вы доставили мне. Сообщения, сообщения…

Он поднял руку над головой и яростно ударил по воображаемой кипе бумаги.

— У меня нет для них времени.

— Вот именно, — холодно произнес секретарь. — Поэтому вы и наняли меня. Я читаю их, обдумываю, принимаю по ним решения.

— Хорошо, друг мой Балкис, стало быть, это ваше дело. С этими пустяками следует разобраться быстро.

— Пустяками? Когда-нибудь ваше сиятельство может постичь большая неудача, если вы не научитесь яснее судить о вещах… Давайте посмотрим, что означают эти доклады, а потом я вас спрошу, считаете ли вы их по-прежнему пустяками. Во-первых, у нас имеется сообщение от сотрудника Шекта, и это первое, что навело меня на след.

Балкис язвительно улыбнулся.

— Ваша светлость, разрешите мне напомнить вам о некоторых важных исследованиях, вот уже несколько лет ведущихся на Земле.

— Тсс! — Премьер-министр неожиданно утратил внешнее величие и растерянно посмотрел на секретаря.

— Ваша светлость, только уверенность принесет нам победу… Вы знаете, конечно, что успех

определенных замыслов зависит от правильного использования маленькой игрушки Шекта — Синапсайфера. И вот, без предупреждения, Шект подвергает обработке неизвестного человека, тем самым полностью нарушая наши указания.

— Здесь, — заметил премьер-министр, — все просто. Приструните Шекта, заключите неизвестного под стражу, и делу конец.

— Нет, нет. Вы слишком прямолинейны, ваше сиятельство. Вы не уловили самой сути. Важно не то, что сделал Шект, а то, почему он это сделал. Заметьте, совпадения, существующие в этом деле, — целая цепь многозначительных признаков. В тот же день Шекта посетил Наместник Земли, и сам Шект с выражением преданности сообщил нам обо всем происшедшем между ними. Энус хотел получить Синапсайфер для Империи. Кажется, он обещал помощь участием самого Императора.

— Хмм… — произнес премьер-министр.

— Вы заинтригованы? Подобное предложение выглядит привлекательно в сравнении с опасностями, исходящими от взятого нами направления… Вы помните, нам обещали пищу во время голода пять лет назад. Купить мы ничего не могли, потому что не имели имперских кредитов,

а производимые у нас товары, как зараженные радиацией, они принимать не желали. Получили ли мы пищу безвозмездно, как это было обещано? Дали ли нам хотя бы заем? Сотни тысяч людей умерли от голода. Не стоит верить обещаниям чужаков.

Но не в этом дело. Что дала Шекту его демонстрация лояльности? Конечно же, то, что мы перестанем в нем сомневаться. И наверняка не будем подозревать его в измене.

— Вы подразумеваете самовольный эксперимент?

— Да, ваше сиятельство. Кем был человек, подвергнутый обработке? У нас есть его фотография и благодаря помощи лаборанта Шекта другие сведения о нем. Проверка в отделе планетарной регистрации не дала результатов. Отсюда вывод — он не землянин, то есть чужак. Далее, Шект должен был знать об этом, так как регистрационную карточку подделать невозможно. Так, неоспоримые факты подводят нас к мысли, что Шект сознательно подверг обработке на Синапсайфере чужака. Но почему?

Ответ на это может быть болезненно прост. Шект не является идеальным инструментом для наших целей. В молодости он был ассимиляцио-

нистом, даже выступал за выборы на платформе партии, ратующей за сотрудничество с Империей.

— Этого я не знал. Почему мне не сообщили? Шект опасен для нас.

Балкис мягко и снисходительно улыбнулся.

— Шект изобрел Синапсайфер и по-прежнему остается единственным человеком, по-настоящему понимающим его действие. За ним всегда наблюдали, а теперь будут наблюдать еще пристальнее. Не забывайте, что предатель в наших рядах, которого мы знаем, может нанести неприятелю больше вреда, чем преданный человек принесет нам пользы.

Итак, пойдем дальше. Шект подверг обработке на Синапсайфере чужака. Зачем? Прибор можно использовать лишь для одной цели — улучшения мышления. Зачем им это понадобилось? А затем, что только так можно превзойти наших ученых, мышление которых уже улучшено Синапсайфером. Что скажете? Это означает, что у Империи есть, по крайней мере, отдаленные подозрения относительно того, что готовится на Земле. Пустяки ли это, ваше сиятельство?

На лбу премьер-министра выступили капли пота.

— Вы уверены в этом?

— Факты складываются в головоломку, которую можно решить только таким образом. Чужак, подвергнутый обработке, обладает неординарной, можно сказать, даже отталкивающей внешностью. Неплохой ход, потому что и лысоватый полный человек может быть лучшим агентом разведки Империи. О да, да. Кому еще можно поручить подобную миссию?.. Однако мы следим за этим пришельцем, чье имя, между прочим, насколько нам известно, Шварц. Проанализируем теперь оставшиеся сообщения.

Премьер-министр быстро взглянул на них.

— Те, которые касаются Бела Авардана?

— Доктора Бела Авардана, — уточнил Балкис. — Известного археолога из прекрасного сектора Сириуса — этого края смелых и благородных болванов.

Итак, мы имеем, так сказать, отражение Шварца в кривом зеркале, поэтический контраст. Вместо неизвестного — знаменитая личность. Он является не тайно, нет, его приезд вполне официален. О нем сообщает не какой-то неизвестный лаборант, а сам Наместник Земли.

— Вы думаете, здесь есть связь?

— Вполне можно допустить, что один предна-

значен для отвлечения внимания от другого. Или же, учитывая, что правящие классы Империи достаточно профессиональны в плетении интриг, перед нами могут быть образцы двух методов маскировки. В случае со Шварцем свет погашен. В случае с Аварданом он слепит нам глаза. Ни в одном, ни в другом случае мы не должны увидеть ничего… Вспомните, о чем предупреждал нас Энус, говоря об Авардане.

Премьер-министр задумчиво потер нос.

— Он говорил, что Авардан возглавляет археологическую экспедицию и намеревается с научной целью проникнуть в запретные зоны. Он заявил, что не желает нарушения наших обычаев и что если мы сумеем вежливо остановить Авардана, то он постарается оправдать наши действия перед Имперским Советом. Что-то в этом роде.

— И мы начали пристально наблюдать за Аварданом. С какой целью? Чтобы предотвратить самовольное проникновение в запретные зоны. Перед нами Глава археологической экспедиции без людей, корабля и оборудования. Перед нами чужак, который не остается среди своих в Гималаях, а отправляется путешествовать по Земле, причем первым делом едет в Чику. И как наше внимание отвлекают от всех этих странных и по-

дозрительных обстоятельств? Просто предлагают нам наблюдать за чем-то, не имеющим никакого значения.

Заметьте также, что Шварца шесть дней скрывали в институте. И вдруг он убегает. Не странно ли это? Дверь неожиданно оказалась незапертой. И так же неожиданно никого не оказалось в коридоре. А в какой день он сбежал? Именно в тот, когда Авардан прибыл в Чику. Еще одно странное совпадение.

— Значит, вы думаете... — растянуто произнес премьер-министр.

— Я думаю, что Шварц — агент чужаков на Земле, Шект — их связной с представителями среди нас, а Авардан поддерживает их связь с Империей.

Обратите внимание на профессионализм, с которым была организована встреча Шварца и Авардана. Шварцу позволяют сбежать, а спустя определенное время за ним направляется дочь Шекта. Прекрасная страховка на случай какого-либо сбоя в их рассчитанной комбинации — она неожиданно находит его, и для окружающих он становится бедным больным пациентом.

Теперь следите внимательно. При первой встрече Шварц и Авардан, казалось бы, не заме-

чают друг друга. Это предварительная встреча, которая просто должна подтвердить, что все в порядке и можно переходить к следующему этапу… По крайней мере в том, что они недооценивают наши возможности, их обвинить нельзя.

Авардан встречает дочь Шекта. Разыграв небольшую сценку, они направляются в магазин, где к ним присоединяется Шварц. Для встречи выбрано идеальное место. Ни одна пещера в горах не обеспечит большей безопасности. Все слишком открыто, чтобы вызвать какие-либо подозрения. Изумительно, нужно отдать должное нашим противникам.

Премьер-министр скорчился в своем кресле.

— Противник, у которого слишком много достоинств, может одержать победу.

— Это невозможно. Он уже потерпел поражение. И здесь нужно вспомнить неоценимого Наттера.

— Кто это такой?

— Всего лишь незначительный агент, действовавший по собственной инициативе. Его заданием было наблюдение за Шектом. С этой целью он держал лоток с фруктами напротив института. На последней неделе ему было поручено следить за Шварцем.

Он видел, как человек, известный ему по фотографиям, сбежал, и, оставаясь незамеченным, следил за каждым его шагом. Это в его докладе описаны вчерашние события. С невероятной интуицией он догадался, что действительной целью «бегства» была встреча с Аварданом. В одиночку он не мог следить за этой встречей и поэтому решил не допустить ее. Он сообщает местным властям о больном радиационной горячкой, и, к счастью, они оказались достаточно сообразительными, чтобы действовать быстро. Магазин был очищен от людей, и тем самым маскировка, на которую они рассчитывали, исчезла. Они остаются одни в магазине, в весьма подозрительном положении. И тут к ним подходит Наттер и предлагает отвести Шварца в институт. Они соглашаются, потому что другого выхода у них нет. И таким образом в этот день Авардан и Шварц не сказали друг другу ни слова. К счастью, он не сделал глупости, арестовывая Шварца. Таким образом, наши противники по-прежнему не знают о провале, что позволяет нам вести еще более крупную игру.

Но Наттер на этом не остановился. Он уведомил имперский гарнизон, и это был великолепный шаг, поскольку он создал ситуацию, на которую

Авардан явно не рассчитывал. Ему оставалось либо раскрыть себя как чужака, отказавшись тем самым от дальнейших действий, успех которых, по-видимому, зависел от его маскировки под землянина, либо продолжать скрывать свое происхождение со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями. Он выбирает вторую, более героическую возможность и даже ломает руку офицеру Империи, чтобы это выглядело достоверно. Это, по крайней мере, нужно зачесть в его пользу. Его действия весьма знаменательны. Зачем чужаку подставлять себя под нейрохлыст из-за какой-то землянки, если речь не шла о деле первостепенной важности?

Черты лица премьер-министра исказил страх.

— Хорошо вам, Балкис, из подобных мелких деталей плести свою сеть. Вы делаете это умело, и я чувствую, что дела обстоят именно так, как вы говорите. Логика не оставляет другой возможности… Но это значит, что они совсем близко, Балкис. Совсем близко… И на этот раз они будут безжалостны.

Балкис пожал плечами.

— Они не могут быть совсем близко, иначе, учитывая потенциальную опасность для всей Империи, удар был бы нанесен немедленно. А

их время ограничено. Чтобы чего-либо достичь, Авардан должен встретиться со Шварцем, так что я могу предсказать вам будущие события. Шварца необходимо сейчас же отослать и подождать, пока спадет накал событий.

— Но куда его послать?

— И на это есть ответ. Шварца привез в институт мужчина, по-видимому, фермер. Его описание дают как лаборант Шекта, так и Наттер. Мы просмотрели личные дела всех фермеров, живущих в пределах шестидесяти миль от Чики, и Наттер опознал мужчину. Его зовут Арбин Марен. Независимо от него это подтвердил и лаборант.

Мы незаметно навели о нем справки, и похоже на то, что он содержит своего тестя-инвалида, скрывая его от Шестидесяти.

Премьер-министр ударил по столу.

— Подобные случаи стали слишком часты, Балкис. Необходимо усилить наказания…

— Тут дело не в том, ваше сиятельство. Важно другое: поскольку фермер нарушает законы, его можно шантажировать.

Шект и его друзья-чужаки нуждаются в подручном, у которого Шварц мог бы безопасно скрываться дольше, чем в институте. Этот, по-видимому, ничего не подозревающий и беззащит-

ный фермер идеально подходит для данной цели. Что же, за ним будут следить. Мы не выпустим Шварца из поля зрения… Чтобы организовать ему встречу с Аварданом, нужно время, и на этот раз мы будем к ней готовы. Теперь вам все ясно?

— Да.

— Хвала Земле. Тогда я покину вас. — И, иронически улыбнувшись, он добавил: — С вашего разрешения, конечно.

Премьер-министр, не замечая иронии, кивнул.

Секретарь направился в свой небольшой кабинет. Временами, когда он оставался один, мысли выходили из-под жесткого контроля и обращались к потайным уголкам его сознания.

Не много места занимали в них Шект, Шварц, Авардан и еще меньше — премьер-министр.

Перед Балкисом представал вид планеты Трантора, откуда осуществлялось управление гигантскими метрополиями планет всей Галактики. Управление велось из дворца, шпили и изогнутые арки которого он, да и никакой другой землянин, никогда не видел. Он думал о невидимых лучах великолепия и могущества, протянувшихся от солнца к солнцу и сходящихся здесь, в центральном дворце, в руках этой абстракции — Императора, который в конце

концов был всего лишь человеком.

Его ум упрямо держался за мысль о собственном могуществе, дающем возможность чувствовать себя богом при жизни. Он сосредоточенно думал о том, кто был всего лишь человеком…

Всего лишь человеком! Как и он!

И он может быть…

Глава 11
Ум, который изменился

Перемены в сознании Джозефа Шварца происходили незаметно. Неоднократно в тишине ночи он пытался проследить ход этих перемен и найти переломный момент.

Сначала был день страха, когда он оказался один в этом странном мире. Воспоминания об этом дне были так же туманны, как и память о самом Чикаго. Потом — путешествие в Чику, так непонятно закончившееся. Он часто об этом думал.

Какая-то машина, проглоченные таблетки. Дни выздоровления, затем бегство, блуждание по городу, необъяснимые события в магазине. И как ясно он все помнит сейчас, два месяца спустя, насколько точна его память!

Уже тогда все начало казаться странным. Он стал чувствовать обстановку. Доктор и его дочь были неспокойны, даже напуганы. Знал ли он это тогда? Или же это было лишь беглое впечатление, усиленное затем его догадками?

Но и затем, в магазине, за мгновение до того, как мужчина схватил его, всего за мгновение, он почувствовал его приближение. Предостережение пришло слишком поздно, чтобы спасти его, но это был определенный признак перемен.

И кроме того — головокружение. Нет, не совсем головокружение. Скорее пульсация, как будто в его голове начинала работать скрытая динамо-машина. Ничего подобного в Чикаго не было, если, конечно, предположить, что его воспоминания о Чикаго имели какой-то смысл. Не было этого и в первые дни его пребывания здесь.

Сделали ли с ним что-то в Чике? Машина? Таблетки, предназначенные для обезболивания? Операция? И его мысли вновь, уже в сотый раз, остановились на этом рубеже.

Он покинул Чику на следующий день после неудачного побега, и с этого момента время пошло быстрее.

Гро в своем кресле повторял слова, указывая на предметы или делая движения, так же как до

него это делала Пола. И однажды Гро прекратил издавать бессмысленные звуки и заговорил по-английски. Или нет, это он, Джозеф Шварц, прекратил говорить по-английски и стал издавать звуки, которые больше не были бессмысленны.

Все было так просто. За четыре дня он научился читать, удивившись сам. Когда-то в Чикаго у него была, или ему казалось, что была, отличная память. Но на подобное он способен не был. Неизвестно откуда взявшиеся способности Шварца совершенно не вызывали удивления у Гро.

Шварц махнул на все рукой.

Позднее, когда осень по-настоящему окрасила все в желтый цвет, его взяли на полевые работы. Он с легкостью управлялся со сложнейшими машинами после первого же объяснения.

Шварц ждал привычных холодов зимы, но их не было. Зиму он провел, разрыхляя и удобряя землю, всячески подготавливая ее к весеннему севу.

Разговаривая с Гро, он пытался объяснить, что такое снег, но тот лишь удивленно посмотрел на него и ответил:

— Замерзшая вода, падающая как дождь, а? Так это называется снег. Я знаю, что такое бывает на других планетах, но не на Земле.

Позднее Шварц следил за температурой и обнаружил, что она почти не меняется изо дня в день, и все же дни становились короче. Впервые к нему пришла мысль, что он не на Земле.

Он пробовал читать некоторые книги Гро, но вскоре отказался от этого занятия. Изложенные исторические факты, социологические аспекты жизни этих людей ставили его в затруднительное положение.

Загадки продолжались. Все дожди были однообразно теплы. Шварцу строго запрещалось приближаться к определенным местам, однако голубое сияние горизонта все сильнее манило к себе.

После ужина он незаметно покинул дом, но не успел пройти и мили, как послышался шум двигателя автомобиля и свирепый окрик Арбина. Шварцу пришлось остановиться и вернуться назад.

— Вы должны держаться подальше от всего, что светится ночью, — раздраженно проговорил фермер.

— Почему? — покорно спросил Шварц.

— Потому, что это запрещено, — последовал резкий ответ, потом длинная пауза, и Арбин добавил: — Вы действительно не знаете, что это

такое, Шварц?

Шварц развел руками.

— Откуда вы явились? Вы чужак?

— Что такое чужак?

Арбин пожал плечами и ушел.

Однако эта ночь имела огромное значение для Шварца, потому что за время его короткого путешествия странные ощущения в сознании он сам для себя определил как Мысленный Контакт.

Он еще раз прокрутил в своем сознании то, что произошло. Он был один в багряной темноте. Его шаги по пружинящему покрытию дороги были почти беззвучны. Он не слышал и не видел никого вокруг. Он не чувствовал ничего.

Не совсем... Казалось, кто-то прикоснулся к нему, но не к его телу. Это было не совсем прикосновение, скорее присутствие, что-то напоминающее едва заметную щекотку.

Их было два — два разных контакта издалека. Второй (как он различал их?) усиливался (хотя нет, это было неподходящее слово), он становился отчетливым, более явным.

Он знал, что это был именно Арбин. Он знал это, по крайней мере, за пять минут до того, как услышал шум автомобиля, за десять минут до того, как увидел Арбина.

Затем эти мысленные контакты повторялись все чаще и чаще.

Теперь он всегда знал, когда Арбин, Ло или Гро находились в пределах сотни футов от него, даже если у него не было никаких оснований предполагать, что они там. В подобное трудно поверить, и все же он начал воспринимать это как нечто естественное.

Шварц проэкспериментировал и выяснил, что может с точностью указать, где находится один из них, он мог различать их, поскольку каждый имел свой, отличный от других, мысленный контакт. Рассказывать об этом кому-либо так и не отважился.

Иногда он задумывался, что означает первый мысленный контакт, который он ощутил, направляясь к сиянию на горизонте. Это был не Арбин, не Ло и не Гро. Хотя имело ли это какое-нибудь значение?

Как выяснилось позже — имело. Однажды он вновь почувствовал этот контакт. Тогда он спросил у Арбина:

— Что это за леса за южными холмами?

— Ничего особенного, — грубовато ответил тот. — Это министерская земля.

— Что это значит?

Арбин, казалось, был раздражен.

— Какое вам до этого дело? Ее называют министерской землей, потому что она принадлежит премьер-министру.

— Так на ней ничего не выращивают?

— Она не предназначена для этого. — В голосе Арбина чувствовалось возмущение. — Это был огромный центр. В древности. Это священное место, которое никто не имеет права посещать. Слушайте, Шварц, если вы хотите жить спокойно, умерьте любопытство и делайте свою работу.

— Значит, никто не может там жить?

— Вот именно. Вы правы.

— Вы уверены?

— Уверен… И не пытайтесь ходить туда. Иначе вам конец.

— Не буду.

Шварц, задумавшись, отошел, чувствуя странное беспокойство. Именно из этого леса пришел мысленный сигнал, и на этот раз к ощущению добавилась нечто новое. Это был враждебный, угрожающий сигнал.

И все же он не смел ни о чем рассказывать никому из членов фермерского семейства. Они бы не только не поверили ему, но положение его стало бы еще хуже. Он знал это. Собственно

говоря, он знал слишком много.

Кроме того, он помолодел, похудел и стал шире в плечах. Его мышцы стали сильнее и выносливее, пищеварение улучшилось. Все это было результатом работы на свежем воздухе. Но было кое-что еще, что в большей степени привлекало его внимание. Это были изменения в его мышлении.

Старики обычно забывают, как они умели думать в юности, забывают быстроту своих мысленных решений, смелость юношеской интуиции, живость воображения. Они привыкают больше задумываться над разнообразными причинами, и поскольку это в конечном итоге дает опыт, считают себя мудрее молодых.

С огромным удовольствием почувствовал Шварц, что понимает все мгновенно, что продвигается от понимания объяснений Арбина к предвидению их, к мысленному опережению собеседника. Это давало ему более реальное ощущение молодости, чем отличное физическое самочувствие.

И вот однажды, спустя два месяца от начала жизни у фермера, Шварц, играя с Гро в шахматы, невольно обнаружил свои новые качества.

Шахматы были те же, только изменились

названия фигур. Они были такими, как он их помнил, — это всегда утешало его. По крайней мере в этом отношении память его не обманывала.

Гро рассказал ему о существующих разновидностях шахмат. Среди них были шахматы, в которые играли вчетвером, причем каждый игрок имел свою доску, углами соприкасающуюся с другими, пятая доска, как нейтральная территория, занимала пространство в центре. Существовали объемные шахматы, с расположенными друг над другом восемью досками, в которых каждая фигура двигалась в трех измерениях, так же, как они обычно двигались в двух, с удвоенным количеством фигур. Победа засчитывалась при мате, поставленном одновременно обоим королям противника. Довольно популярны были шахматы, в которых первоначальное положение фигур определялось бросками костей, или же такие, в которых возможности фигуры зависели от места ее расположения на доске.

Шварц и Гро сыграли уже около полусотни партий.

Сначала Шварц весьма слабо ориентировался в шахматах и в первых партиях постоянно проигрывал. Однако со временем поражения становились все реже. Постепенно Гро стал чаще

проигрывать, и каждое поражение сопровождалось его ворчанием.

Гро играл белыми, и его пешка уже прошла на поле противника.

Шварц со скучающим выражением лица следил за игрой, она становилась ему неинтересной, так как он предчувствовал каждый ход, который намеревался сделать Гро. Все это происходило так, будто Гро имел туманное окно в голове. То, что Шварц почти инстинктивно предугадывал следующий ход противника, было лишь частью окружающих его загадок.

Они играли на «ночной» доске со Шварцем светящимися в темноте голубыми и оранжевыми квадратами. Фигуры, обычно нелепые статуэтки из красноватого пластика, ночью преображались. Половина из них излучала кремовую белизну, придававшую им вид холодного блестящего фарфора, вторая половина светилась слабым красным светом.

Светящиеся фигуры словно скользили по доске по своей воле, тогда как движущая их рука полностью терялась в темноте.

Шварц боялся. Он рисковал узнать о своем безумии, но ему необходимо было знать правду.

— Где я? — неожиданно проговорил он.

Гро, прервав осторожное продвижение своей фигуры, посмотрел на него.

— Что?

Шварц не знал слов, означающих «страна» или «народ».

— Что это за мир? — спросил он, делая ход.

— Земля, — последовал короткий ответ, и Гро с энтузиазмом снял с доски фигуру противника.

Это был совершенно неудовлетворительный ответ. Слово, которое использовал Гро, Шварц мысленно перевел как «Земля». Но что такое «Земля»? Любая планета — «земля» для живущих на ней. Он передвинул на две клетки королевскую пешку, заставив ладью Гро отступить.

— Какой сейчас год? — спросил Шварц со всем спокойствием и обыденностью, на которые был способен.

Гро замер. Возможно, он был даже напуган.

— Что это на тебя нашло сегодня? Не хочешь играть. Если это доставит тебе удовольствие, сейчас 827 год. Г.Э. — добавил он иронически и, нахмурившись, стал обдумывать очередной ход. Шварц мягко спросил:

— Что такое Г.Э.?

— Что? — недовольно переспросил Гро. — А, ты все еще интересуешься, какой сейчас год?

Что же, я забыл, что ты научился говорить всего месяц назад. Но ты хорошо соображаешь. Ты действительно не знаешь? Это значит 827 год галактической эры. Галактическая эра — Г.Э., ясно? 827 год со времени основания Галактической Империи, со дня коронования Франкена Первого. А теперь твой ход, пожалуйста.

Однако Шварц задержал его руку, готовую сделать ход. Им овладело отчаяние.

— Минутку, — сказал он, ставя фигуру на место. — Вы знаете эти названия: Америка, Азия, Соединенные Штаты, Россия, Европа?..

Возможно, Гро слегка покачал головой, но Шварцу не нужно было этого видеть. Он почувствовал отрицание так же ясно, как если бы оно было высказано.

— Вы не знаете, где можно найти карту? — сделал он еще одну попытку.

— Никаких карт, — проворчал Гро, — если ты не хочешь рискнуть своей головой в Чике. Я не географ.

— Рискнуть головой? Почему? — взволновался Шварц. Может быть, он совершил преступление и Гро знает об этом?

— У Солнца девять планет, не так ли? — спросил он с сомнением.

— Десять, — последовал уверенный ответ.

Шварц колебался. Конечно, они могли открыть еще одну планету, о которой он не слышал. Но тогда откуда Гро знает о ней? Он подсчитал на пальцах.

— Шестая планета, у нее есть кольца?

Гро медленно продвинул вперед королевскую пешку, и Шварц мгновенно сделал то же самое.

— Ты имеешь в виду Сатурн? — спросил Гро. — Конечно, у него есть кольца. — Он раздумывал, взять ли пешку короля или пешку ладьи. Последствия и того и другого хода были неясны.

— А между Марсом и Юпитером находится пояс астероидов — маленьких планет? Я имею в виду, между четвертой и пятой планетами?

— Да, — пробормотал Гро. Он вынул изо рта трубку и напряженно размышлял.

Шварц уловил его невнимание и был раздражен. Теперь, когда он удостоверился, что находится на Земле, игра не значила для него абсолютно ничего.

— А ваши книги, они реальны? Существуют другие планеты? На них живут люди?

На этот раз Гро оторвал глаза от доски, вглядываясь в темноту.

— Ты спрашиваешь серьезно?

— Существуют?

— Клянусь Галактикой! По-моему, ты действительно не знаешь!

Шварц почувствовал себя униженным собственным невежеством.

— Пожалуйста…

— Конечно, существуют планеты. Миллионы планет! Почти каждая звезда, которую ты видишь, имеет планеты, их имеют и большинство тех звезд, которые не видны. Все это часть Империи.

В сознании Шварц ощущал слабое эхо его слов, идущее непосредственно от одного ума к другому. Он чувствовал, что с каждым днем мысленный контакт становится все сильнее. Возможно, вскоре он будет слышать эти тихие слова, когда собеседник думает, не произнося их вслух.

И тут впервые он наконец подумал о возможной альтернативе безумия. Прошел ли он каким-то образом сквозь время? Может быть, проспал?

— Как давно это все произошло, Гро? — хрипло проговорил он. — Сколько времени прошло с того момента, когда была только одна планета?

— Что ты хочешь этим сказать? — Гро неожиданно стал осторожен. — Ты как-нибудь связан со Старейшими?

— С кем? Я не связан ни с кем, но разве не была Земля единственной планетой?.. Не была?

— Старейшие говорят, что была, — мрачно сказал Гро, — но кто знает? Планеты существовали в течение известной истории.

— Сколько это времени?

— Я думаю — тысячи лет. Пятьдесят тысяч, сто тысяч — не знаю.

Тысячи лет! Шварц почувствовал прорывающийся хрип в горле и, охваченный паникой, сдержал его. И все это между двумя шагами? Мгновение — и он миновал тысячи лет? Он вновь вернулся к амнезии. Его идентификация Солнечной системы должна быть результатом пробивающейся сквозь туман болезни искаженной памяти.

Тем временем Гро делал очередной ход, и почти автоматически Шварц мысленно отметил ошибку. Он задержался, прежде чем приступить к конечной атаке.

— Земля — ее Глава, не так ли? — сказал он.

— Глава чего?

— Имп…

Гро расхохотался так, что фигуры на доске задрожали.

— Слушай, я устал от твоих расспросов. Ты что,

круглый дурак? Похожа ли Земля на главу чего-либо? — Послышалось тихое жужжание, и кресло Гро объехало стол. Шварц почувствовал пальцы, сжавшие его руку.

— Смотри! Смотри сюда! — Голос Гро перешел в отрывистый шепот. — Видишь горизонт? Сияние?

— Да.

— Это Земля — вся Земля такая.

— Я не понимаю.

— Почва Земли радиоактивна. Она светится, светилась и будет светиться всегда. Ничего не растет. Никто не может жить… Неужели ты действительно не знал этого? Как ты думаешь, почему у нас установлено Шестьдесят?

Инвалид успокоился и вновь объехал стол.

— Твой ход.

Шестьдесят! Опять мысленный контакт с неуловимой атмосферой угрозы. Шварц автоматически передвигал фигуры, с замирающим сердцем обдумывая услышанное.

Спустя некоторое время он заговорил вновь.

— Что такое Шестьдесят?

— Почему ты спрашиваешь об этом? — с резким недружелюбием проговорил Гро. — Что тебе нужно?

— Пожалуйста, — покорно произнес Шварц. — Я совершенно безвредный человек. Я не знаю ни кто я, ни что со мной случилось. Возможно, у меня амнезия.

— Весьма вероятно. Ты сбежал от Шестидесяти? Говори правду?

— Но я же сказал, что не знаю, что такое Шестьдесят!

По-видимому, Гро поверил в его искренность. Долгое время он молчал. Шварц отчетливо чувствовал его мысленный контакт, но не мог разобрать слов.

— Шестьдесят — это твое шестидесятилетие, — медленно сказал Гро. — Земля может содержать двадцать миллионов человек, не больше. Чтобы жить, человек должен работать. Кто не может работать, тот не может жить. После шестидесяти ты не можешь работать…

— И тогда… — Шварц замер с открытым ртом.

— Человека устраняют. Это не больно.

— Его убивают?

— Это не убийство, — жестко проговорил Гро. — Так должно быть. Другие планеты не желают принимать нас, а мы должны как-то освободить место для детей. Это долг старшего поколения перед младшим.

— А что, если кто-то скроет, что ему шестьдесят?

— Зачем? Жизнь после шестидесяти невесела. И каждые десять лет проводится Проверка, и всех, кто достаточно глуп, чтобы пытаться жить, так или иначе обнаружат. Кроме того, у них зарегистрирован возраст каждого.

— Но не мой. — Слова сами вырвались у него. — Кроме того, мне всего пятьдесят — исполнится.

— Это не имеет значения. Они могут проверить возраст, проведя анализ костей. Ты не знал этого? Подобные вещи невозможно скрыть. На этот раз они заберут меня… Твой ход.

Шварц проигнорировал напоминание.

— Вы имеете в виду, что они…

— Именно. Мне всего пятьдесят пять, но посмотри на мои ноги. Могу ли я работать? В нашей семье зарегистрировано трое, и соответственно на троих рассчитана наша доля. Нужно было сообщить, когда меня разбил паралич, и долю бы уменьшили, но тогда я получил бы предварительные Шестьдесят, а Арбин с Ло не пожелали этого. Они повели себя как дураки, потому что это означало тяжелую работу для них, пока не появился ты. И все равно в следующем году меня заберут… твой ход.

— В следующем году Проверка?

— Точно… Твой ход.

— Подождите! — нетерпеливо воскликнул Шварц. — Но кто-нибудь живет после шестидесяти? Есть исключения?

— Не для таких, как мы с тобой. Премьер-министр и члены Совета Старейших живут полную жизнь, некоторые ученые, имеющие особые заслуги. Таких немного. Может быть, дюжина… Твой ход!

— Кто это решает?

— Премьер-министр, конечно. Ты будешь ходить?

Однако Шварц встал.

— Это не имеет смысла. Я ставлю мат в пять ходов. — И он быстро назвал свои действия. — Хорошая партия, — автоматически добавил он.

Гро посмотрел на доску, после чего с криком сбросил ее со стола. Светящиеся фигуры рассыпались по земле.

— Вы… со своей проклятой болтовней… — закричал он.

Однако Шварц был поглощен мыслью спасения от Шестидесяти. Потому что, хотя Браунинг и сказал:

Со мною к старости иди!

Все лучшее ждет впереди... —

Сказано это было на Земле, на которой жили миллиарды людей, и на всех хватало пищи. Лучшее, которое ждет впереди, теперь означало шестьдесят и смерть.

Шварцу было шестьдесят два года.

Шестьдесят два...

Глава 12
Ум, который убивает

Все было очень тщательно обдумано Шварцем. Раз он не хотел умирать, необходимо покинуть ферму. Если он останется здесь, то будет Проверка, а вместе с ней смерть. Итак, надо покинуть ферму. Но куда идти?

Он вспомнил, что это было, — госпиталь? — в Чике. Там о нем заботились. Но почему? Потому, что он был для них объектом научного опыта. Но разве не остался он им и теперь? Он может разговаривать, может описать им симптомы, чего прежде сделать не мог. Он может даже рассказать им о мысленном контакте.

А что, если мысленным контактом обладали все люди? Может ли он знать, так это или нет?..

Ни у Арбина, ни у Ло, ни у Гро его не было. Это он знал. Не слыша и не видя его, они не знали, где он находится. Да и не выигрывал бы он у Гро в шахматы, если бы тот мог…

Стоп, ведь шахматы — популярная игра. А если бы люди обладали мысленным контактом, играть в эту игру было бы невозможно.

Эти размышления привели Шварца к мысли, что он обладает особым психологическим складом ума. Возможно, роль подопытного предполагала не особенно приятную жизнь.

А если предположить, что верна новая пришедшая ему в голову гипотеза? Что, если он не болен амнезией, а прибыл из прошлого? Значит, он представляет ценность для историков, археологов. При очередной Проверке можно все рассказать, и, значит, ему не грозит смерть.

Если ему поверят, конечно.

Вот доктор должен ему поверить. Он был небрит в то утро, когда Арбин отвез его в Чику. Он прекрасно помнит это. Позже волосы на лице расти перестали, значит, они что-то сделали с ним. Тогда доктор должен помнить, что он — Шварц — имел на лице волосы. Разве этого мало? Гро и Арбин никогда не брились. Как-то Гро сказал ему, что волосы на лице имеют только звери.

Итак, нужно найти доктора.

Как его звали? Шект?.. Да, Шект.

Но он так плохо знал этот ужасный мир! Если он уйдет ночью, ему трудно будет ориентироваться в пути, он может попасть в радиоактивные ловушки, о которых ничего не знает. Поэтому с отчаянием человека, не имеющего выбора, рано утром он вышел на шоссе.

До ужина его ждать не будут, а за это время он успеет уйти далеко.

Первые полчаса у него было приподнятое настроение, впервые с того времени, как все это началось. Наконец он что-то делает, пытается бороться с окружающим его миром. И на этот раз перед ним стояла цель! Это был не просто бессмысленный побег, как тот раз в Чике.

Для старика он — в неплохой форме. Он им еще покажет!

И тут Шварц замер. Он остановился посередине шоссе потому, что вдруг напомнило о себе что-то, о чем он забыл.

Это был тот странный сигнал, неизвестный мысленный сигнал, который он почувствовал, когда пытался достичь светящегося горизонта, но был задержан Арбином, сигнал с министерской земли.

Сейчас он почувствовал, что этот кто-то — сзади и следит за ним.

Он внимательно прислушался или, по крайней мере, сделал то, что было эквивалентом этого действия по отношению к мысленному контакту.

Он не приближался, но усиливался. Он содержал осторожность и враждебность, но не отчаяние.

Стало ясно и другое. Целью преследователя было не выпускать его из виду, к тому же он был вооружен.

Осторожно, почти бессознательно, Шварц повернулся, пристально вглядываясь в горизонт. И сигнал, полученный им, мгновенно изменился. Он стал осторожным, неуверенным в собственной безопасности и в успехе своих планов, в чем бы они ни состояли. Еще яснее стал факт наличия у преследователя оружия, как будто тот размышлял о возможности его применения в случае необходимости.

Шварц понимал, что сам он был безоружен и беззащитен. Он знал, что преследователь скорее убьет его, чем позволит скрыться, убьет при первом же подозрительном движении… Этот невидимый преследователь…

И Шварц продолжал идти, зная, что пресле-

дователь где-то достаточно близко и готов при случае убить его. Его спина застыла от ожидания неизвестности. Как выглядит смерть?

Шварц держался за мысленный сигнал преследователя, как за спасение. Он должен уловить миг усиления интенсивности, означающий, что оружие направлено на него, спуск нажат и смерть близка. В этот момент он упадет на землю, убежит…

Но зачем? Раз существовали Шестьдесят, не лучше ли встретить смерть сразу?

Теория прыжка во времени вновь ускользнула из его сознания, скорее это все-таки амнезия. Возможно, он опасный преступник, за которым нужно следить. Возможно, его подсознание защищается амнезией от признания какой-то огромной вины.

Так он шел по пустому шоссе навстречу неизвестной судьбе, преследуемый смертью.

Было темно, и дул пронизывающий ветер. По подсчетам Шварца, был декабрь, что подтверждало и время восхода солнца, однако в прохладе ветра не чувствовалось холода зимы.

Шварц давно решил, что источником постоянного тепла этой планеты (Земли?) было не только Солнце. Радиоактивная почва сама излучала

энергию, незаметную на квадратном футе, но гигантскую в масштабе миллионов квадратных миль.

Мысленный контакт невидимого в темноте преследователя приблизился. По-прежнему пристальный и настороженный. Следить в темноте было трудно. Возможно, он не хотел рисковать?

— Эй! Эй, послушайте! — раздался тонкий и гнусавый голос. Шварц замер и медленно повернулся.

Маленькая фигура, с трудом различимая в темноте, не спеша приближалась к нему.

— Эй! Хорошо, что я вас встретил. Не очень весело идти одному. Не возражаете, если я пойду с вами?

— Здравствуйте, — вяло ответил Шварц. Это была материализация того самого мысленного контакта преследователя. И лицо мужчины было ему знакомо. Оно относилось к его туманным воспоминаниям о Чике.

И тут преследователь проявил все признаки распознания.

— Слушайте, я вас знаю. Точно!.. А вы меня помните?

Поверил бы он в искренность говорившего в другое время и при других условиях, Шварц не

знал. Однако сейчас он не мог не заметить, что этот тонкий слой деланого распознания не мог скрыть мысленного сигнала, который говорил, кричал ему, что этот маленький человек с пронзительными глазами знал его с самого начала. Знал и готов был в случае необходимости использовать против него оружие.

Шварц покачал головой.

— Ну как же, — настаивал маленький человек. — Помните магазин? Я забрал вас тогда из толпы. — Он делано рассмеялся. — Они еще думали, что у вас радиационная горячка. Вы должны помнить.

Шварц действительно помнил, смутно и неопределенно. Человек, похожий на этого, и толпа, которая сначала закрыла им дорогу, а затем расступилась перед ними.

— Да, — сказал он. — Рад вас встретить. — Ответ не был особенно остроумным, но Шварц на лучшее способен не был, и маленький человек, по-видимому, не имел ничего против.

— Меня зовут Наттер, — проговорил он, протягивая маленькую руку. — В тот раз я не имел возможности с вами поговорить, но я рад, что представился еще один случай… Давайте познакомимся.

— Шварц, — и он обменялся с маленьким человеком кратким рукопожатием.

— Как вы здесь оказались? — спросил Наттер. — Идете куда-нибудь?

Шварц пожал плечами.

— Просто гуляю.

— Любите ходить пешком? Я тоже. Свежий воздух и так далее. Но всегда приятно иметь спутника. Куда вы идете?

Второй раз Наттер задал этот вопрос, и мысленный сигнал явно говорил, сколь важно для него это. Шварц засомневался, что ему удастся избежать этой темы. Он чувствовал беспокойство в уме преследователя. Никакая ложь не могла ему помочь. И Шварц не знал этот новый мир настолько, чтобы лгать.

— Я иду в больницу, — сказал он.

— Больницу? Какую больницу?

— Ту, в которой я был в Чике.

— Вы имеете в виду институт. Не так ли? Тот, в который я отвел вас тогда из магазина.

Беспокойство и растущая напряженность.

— К доктору Шекту, — сказал Шварц. — Вы его знаете?

— Я о нем слышал. Большой человек. Вы больны?

— Нет, но я должен время от времени навещать его.

Звучит ли это убедительно?

— Пешком? — проговорил Наттер. — Разве он не присылает за вами машину? — По-видимому, его слова прозвучали неубедительно.

Шварц промолчал. Наступила натянутая тишина.

Однако Наттер был общителен.

— Слушайте, скоро будет стоп-пункт. Я закажу такси из города. Оно встретит нас на дороге.

— Стоп-пункт?

— Конечно. Они разбросаны вдоль всего шоссе. Видите, вот и он.

Он шагнул в сторону от Шварца, и тот вдруг понял, что кричит:

— Стойте! Ни с места!

Наттер остановился. Когда он повернулся, на его лице не было прежней любезности.

— Что с вами?

Шварц почувствовал, что его знания языка едва хватает для той скорости, с которой у него вырвались слова.

— Я устал от этого притворства. Я знаю вас и знаю, что вы собираетесь делать. Вы хотите сообщить кому-то, что я иду к доктору Шекту. Они

будут ждать меня в городе и пришлют за мной машину. А если я попытаюсь убежать, вы меня убьете.

На лице Наттера появились морщины.

— Ты чертовски прав насчет последнего, — пробормотал он. Это не было предназначено для ушей Шварца и не достигло их, но слова мягко появились на самом краю мысленного сигнала.

Вслух он сказал:

— Господи, вы меня удивляете. — В то же время его рука двигалась по направлению к бедру.

И Шварц утратил контроль над собой. В диком бешенстве он замахал руками.

— Оставьте меня в покое, слышите, вы! Что я вам сделал? Убирайтесь!

Его голос перешел в хриплый крик, лоб напрягся от ненависти и страха перед существом, стоящим перед ним, ум которого источал такую враждебность. Его собственные эмоции сконцентрировались в давлении на мысленный контакт, пытаясь избежать его навязчивости, освободиться от него…

И все исчезло. Исчезло неожиданно и сразу. На мгновение он почувствовал невыносимую боль, не в себе, а в противнике, и потом — пустота. Мысленного контакта больше не было.

Наттер медленно осел на землю и повалился лицом вниз.

Шварц нагнулся над ним. Наттер был маленьким человеком, и повернуть его не составляло особого труда. На его лице застыло выражение непередаваемого страдания. Шварц приложил руку к его груди. Сердце не билось.

Он выпрямился, чувствуя наполнявший его ужас перед самим собой.

Он убил человека!

Затем пришло изумление.

Не дотронувшись до него! Он убил этого человека одной ненавистью, ударяя каким-то образом по мысленному контакту.

Какими силами он обладал еще?

Шварц быстро принял решение. Обыскав карманы Наттера, он нашел деньги. Отлично! Это ему пригодится. Покончив с этим, он оттащил труп в поле, где его скрыла высокая трава.

Он шел еще два часа. Другие мысленные контакты не появлялись. Вскоре он достиг границ Чики.

Чика для Шварца была всего лишь деревней, и по сравнению с Чикаго, каким он его помнил, численность населения была абсолютно ничтожной. И все же в первое время мысленных

контактов было невыносимо много. Они изумляли и смущали его.

Так много! Одни неопределенные и рассеянные, другие ясные и отчетливые. Его миновали люди, ум которых, казалось, обладал взрывной интенсивностью, и другие, мысли которых не содержали ничего, кроме ленивого пережевывания только что съеденного завтрака.

Сначала Шварц воспринимал каждый контакт как персональное обращение, однако менее чем за час научился не обращать на это внимания.

Теперь он слышал слова, даже когда их не произносили вслух. Это было нечто новое, и он почувствовал, что прислушивается к ним. Это были тихие, возникающие непонятно откуда словосочетания, как далекий, далекий шорох ветра… А с ними появились живые, трепещущие эмоции и другие тонкие, неуловимые ощущения, которые невозможно было описать — так, что весь мир был лишь панорамой кипящей жизни внутри его.

Проходя мимо зданий, он почувствовал, что может проникнуть внутрь их, просто направляя туда свое сознание, как вещь, которую он держит на привязи и которая способна проникать сквозь невидимые для глаза отверстия.

Он остановился перед большим зданием с белокаменным фасадом и задумался. Они (кем бы они ни были) искали его. Он убил преследователя, но должны были быть другие, те, с которыми он хотел связаться. Лучшим выходом для него было бы скрыться на несколько дней, но как это сделать?.. Может быть, работа?..

Он мысленно проник в стоящий перед ним дом. Где-то в его глубине он почувствовал мысленный контакт, который мог означать работу для него. Здесь нужны были текстильные рабочие, а он когда-то был портным.

Шварц вошел внутрь, однако никто не обращал на него внимания. Он тронул чье-то плечо.

— Извините, где я могу узнать насчет работы?

— В эту дверь! — Донесшийся до него мысленный контакт был полон раздражения и подозрительности.

За узкой дверью худой мужчина с острым подбородком быстро задал ему несколько вопросов и указал на классификационную машину, на которой нужно было набрать ответы.

С одинаковой неуверенностью Шварц отвечал правду и неправду.

Наконец мужчина с явной незаинтересованностью обратился к нему. Вопросы следовали

один за другим. Возраст?.. Пятьдесят два? Хм. Состояние здоровья?.. Квалификация?.. Работали с текстилем? С каким сортом?.. Термопластик?.. Эластомерик?.. У кого работали последний раз?.. Его имя… Вы не из Чики?.. Где ваши документы?.. Вы должны были взять их с собой, раз собирались устраиваться на работу… Ваш регистрационный номер?..

Такого поворота дел Шварц не предвидел. И мысленный контакт сидящего перед ним человека начал меняться, становясь подозрительным и осторожным.

— Мне кажется, — нервно проговорил Шварц, — что я не подойду для этой работы.

— Нет, нет, подождите, — мужчина кивнул ему. — У нас есть кое-что для вас. Минутку. — Он улыбнулся, но мысленный контакт стал отчетливее и еще враждебнее.

Он нажал кнопку вызова на столе…

Охваченный неожиданным страхом, Шварц бросился к двери.

— Держите его! — тут же закричал мужчина, выскакивая из-за стола.

Шварц ударил по мысленному контакту, яростно атакуя его своей волей, и услышал стон позади. Он быстро оглянулся. Мужчина сидел на полу,

сжав лицо руками. Какой-то человек нагнулся над ним, а затем направился к Шварцу. Шварц не ждал ни минуты.

Он выбежал на улицу, полностью сознавая, что теперь его начнут искать, имея его полное описание, и что по крайней мере этот мужчина его узнает.

Он наугад бежал по улицам, привлекая к себе внимание все большего числа людей. Подозрение, подозрение отовсюду, подозрение потому, что он не мог понять, где настоящие враги, те, которые излучали не только подозрение, но и уверенность, и поэтому неожиданный удар нейрохлыста он предугадать не смог.

Шварц почувствовал неожиданно возникшую невыносимую боль, как от удара плети, боль, сжавшую его в стальных объятиях. Затем он провалился в темноту.

Глава 13
Паучья сеть в Вашене

Отличительной чертой парка при здании Собрания Старейших в Вашене было царящее здесь спокойствие. Суровый аскетизм, так можно было бы определить ту неподдельную степенность, с

которой группы новичков совершали свою прогулку среди деревьев Квадрата, где не имел права появляться никто, кроме Старейших. Время от времени мимо проходил кто-нибудь из высокопоставленных Старейших, одетый в зеленую мантию, величественно принимая приветствия.

Изредка здесь появлялся премьер-министр.

И вот сегодня премьер-министр почти бежал, не обращая внимания на почтительные жесты рук, чувствуя за спиной осторожные взгляды, непонимающие переглядывания и слегка поднятые в удивлении брови.

Он ворвался в Зал Собраний через служебный вход и побежал по пустому коридору, затем забарабанил в дверь, открывшуюся при нажатии ноги сидящего в комнате, и вошел.

Секретарь искоса взглянул на него из-за своего маленького стола, на котором был установлен миниатюрный телевизор с экранируемым приемом, и продолжал внимательно слушать сообщения.

Премьер-министр резко стукнул по столу.

— Что это такое? Что происходит?

Секретарь холодно посмотрел на него и отодвинул телевизор в сторону.

— Мое почтение, ваша светлость.

— Не нужно церемоний! — нетерпеливо про-

кричал премьер-министр. — Я хочу знать, что происходит.

— Если в двух словах, то наш подопечный сбежал.

— Вы хотите сказать, что человек, которого Шект подверг обработке Синапсайфером — чужак-шпион, — тот, который был на ферме…

Неизвестно, как много определений произнес бы еще обеспокоенный премьер-министр, если бы секретарь не прервал его безразлично:

— Именно.

— И почему мне не сообщили? Почему мне ничего не сообщили?

— Необходимо было действовать немедленно, а вы были заняты. Поэтому я надеялся на свои силы.

— Да, вас очень беспокоит моя занятость, когда вы хотите обойтись без меня. Но я не позволю обходить меня стороной. Я не…

— Мы зря теряем время, — невозмутимо произнес секретарь, и премьер-министр запнулся посреди начатой фразы. Он закашлялся, не зная, что сказать, и мягко проговорил:

— Расскажите подробности, Балкис.

— Подробностей почти нет. После двух месяцев терпеливого ожидания этот Шварц покидает

ферму, за ним следят, но он уходит от слежки.

— Как уходит?

— Точно мы не знаем, но факты следующие. Наш агент, Наттер, прошлой ночью пропустил три сеанса связи. По шоссе, по направлению к Чике, был послан его напарник, который и нашел его у обочины шоссе мертвого.

Премьер-министр побледнел.

— Его убил чужак?

— Вероятно, хотя мы не можем утверждать наверняка. Не было обнаружено никаких признаков насилия, кроме выражения боли на его лице. Конечно, будет произведено вскрытие. Он мог умереть и от инфаркта в самый неподходящий момент.

— Это было бы невероятным совпадением.

— Я тоже так думаю, — холодно ответил секретарь. — Однако если его убил Шварц, то события становятся еще более загадочными. Видите ли, из того, о чем мы говорили раньше, вполне определенно следует, что Шварц должен был отправиться в Чику, чтобы встретиться с Шектом, да и Наттер был найден на дороге между фермой Марена и Чикой. Поэтому три часа назад мы объявили в городе розыск, и человек был схвачен.

— Шварц? — недоверчиво спросил премьер-

министр.

— Именно он.

— Почему вы этого не сказали сразу?

Балкис пожал плечами.

— Ваша светлость, у нас есть более важные дела. Я сказал, что Шварц в наших руках. Но он был схвачен легко и быстро, и мне трудно соотнести это со смертью Наттера. Как может быть он одновременно столь умным, чтобы обнаружить и убить Наттера, одного из наших людей, и столь глупым, чтобы открыто искать работу?

— Он искал работу?

— Да… Это дает возможность выдвинуть две версии. Или он уже передал имеющиеся у него сведения Шекту или Авардану, или же он позволил себя схватить с целью отвлечь внимание; не исключено, что действуют и другие агенты, которых мы не обнаружили и которых он прикрывает. В любом случае мы не должны быть чересчур спокойными.

— Не знаю, — беспомощно сказал премьер-министр, красивое лицо которого выражало беспокойство. — Все это слишком сложно для меня.

Балкис усмехнулся с почти нескрываемым презрением и объявил:

— Через четыре часа у вас назначена встреча с профессором Белом Аварданом.

— У меня? Зачем? Что мне ему говорить? Я не хочу его видеть.

— Успокойтесь. Вы должны видеть его, ваше сиятельство. Это кажется мне необходимым, потому что близится время начала этой фиктивной экспедиции, и он должен сыграть свою роль, спрашивая вашего разрешения на исследование запретных зон. Об этом предупредил нас Энус, а уж он должен знать подробности этой комедии. Вы должны воздать ему тем же и сделать вид, что принимаете все всерьез.

— Хорошо, я попробую, — кивнул премьер-министр.

Бел Авардан прибыл вовремя и имел возможность оглядеться вокруг. Для человека, хорошо знакомого с лучшими произведениями архитектуры Галактики, здание Собрания Старейших выглядело не более чем примитивная коробочка из гранита и стали, выполненная в архаическом стиле. Для того, кто был к тому же археологом, оно своим мрачным, почти диким аскетизмом могло олицетворять жилище, соответствующее мрачному, почти дикому образу жизни. Эта примитивность у него ассоциировалась с далеким

прошлым.

Мысленно Авардан вновь вернулся назад. Его двухмесячное путешествие по западному континенту оказалось не совсем приятным. Все испортил тот первый день. Воспоминание о событиях того дня мгновенно его разозлило. Эта девушка была груба, неблагодарна, настоящая землянка. Почему он должен чувствовать себя виноватым? И все же…

Учитывал ли он, каким потрясением для нее было узнать, что он чужак? Он вспомнил и оскорбившего ее офицера, которому он отплатил сломанной рукой за высокомерие и жестокость. Да и мог ли он знать, сколько ей уже довелось претерпеть от чужаков. Неужели он оказался для нее одним из них?

Если бы он был более терпеливым… Он даже не помнил точно ее имени. Пола, а дальше? Странно. Обычно он не жаловался на память. Была ли это подсознательная попытка все забыть?

Что же, это совсем неглупо. Забыть! Собственно говоря, о чем ему помнить? Землянка. Обыкновенная землянка.

К радости Авардана, появился премьер-министр. Это означало конец воспоминаниям о том дне в Чике. Однако он чувствовал, что они еще

вернутся. И эти мысли возвращались к нему все время.

Что касается премьер-министра, то он был облачен в новую блестящую мантию. Его лицо было спокойно и невозмутимо.

Разговор между ними прошел по-дружески. Авардану пришлось передать добрые пожелания людям Земли от некоторых высокопоставленных политиков Империи. Затем речь зашла о важности археологии для граждан Империи, о вкладе, который она вносит в великое положение, о том, что люди всех планет — братья. Премьер-министр заметил, что земляне с этим согласны и надеются, что вскоре наступит время, когда остальная часть Галактики перейдет в этом отношении от теории к практике.

— Именно с этой целью, — слегка усмехнувшись, сказал Авардан, — я пришел к вам, ваше превосходительство. Различия между Землей и некоторыми находящимися по соседству провинциями Империи, возможно, в большей степени обусловлены несходством образа мыслей проживающих людей. И все же множество разногласий можно было бы устранить, доказав, что земляне не отличаются в расовом отношении от других граждан Галактики.

— И как вы намереваетесь это сделать?

— Трудно объяснить это словами. Возможно, вам известны два основных направления в археологии, называемых теорией Мергера и теорией расселения.

— Я знаком с ними в общих чертах.

— Великолепно. Так вот, теория Мергера утверждает, что различные части человечества, развивающиеся независимо друг от друга, на определенном этапе смешались в результате межвидовых браков. Подобная концепция основывается на сегодняшней схожести людей.

— Да, — сухо ответил премьер-министр, — и кроме того, из этой концепции следует, что существует несколько сотен или тысяч самостоятельно развившихся существ человеческого типа, обладающих столь близким химическим и биологическим родством, что возможны взаимные браки между ними.

— Действительно, — с удивлением проговорил Авардан. — Вы коснулись самого слабого ее места. И все же большинство археологов не обращают на это внимания, упорно придерживаясь теории, что в изолированных частях Галактики могут существовать подвиды человечества, не смешавшиеся с остальными и сохранившие свои

отличия.

— Вы имеете в виду Землю, — заметил премьер-министр.

— Земля берется как пример. С другой стороны, теория расселения…

— Считает всех нас потомками одной планетарной группы людей.

— Именно.

— Мой народ, — сказал премьер-министр, — основываясь на доказательствах из нашей истории и определенных источниках, которые священны и потому не могут быть показаны чужаку, верит, что Земля является первоначальной родиной человечества.

— В это же верю и я и прошу вас помочь мне доказать это всей Галактике.

— И на чем основан ваш оптимизм?

— На моем убеждении, что многие примитивные артефакты и архитектурные памятники могут быть расположены в тех зонах вашей планеты, которые, к несчастью, радиоактивны. Их возраст может быть точно определен.

Однако премьер-министр, не дослушав, отрицательно покачал головой.

— Об этом не может быть и речи.

— Почему? — удивился Авардан.

— Прежде всего, — произнес премьер-министр, — чего вы надеетесь добиться? Если вы докажете свою правоту, даже если на всех планетах согласятся с вами, что изменит тот факт, что миллион лет назад все мы были землянами? В конце концов, миллион лет назад все мы были обезьянами, и все же никто не называет их своими родственниками.

— Вы приводите доказательства в пользу своих противников, — неохотно произнес Авардан, закусив нижнюю губу.

— Потому что я спрашиваю себя, что скажут по этому поводу мои противники. Таким образом, вы не достигнете ничего, за исключением, быть может, дальнейшего обострения ненависти к нам.

— Но существуют еще интересы чистой науки, расширения наших знаний…

Премьер-министр кивнул.

— Я искренне огорчен, что мне приходится этому препятствовать. Я бы с радостью помог вам, но земляне — упрямый и гордый народ, которому столетиями приходилось проявлять смирение из-за… отношения к ним в определенных частях Галактики, достойного сожаления. У них есть определенные табу, определенные обычаи, кото-

рые даже я не посмею нарушить.

— И радиоактивные зоны…

— Да, они являются одним из наиболее серьезных запретов. Даже если бы я дал вам свое разрешение, а я сделал бы это с величайшим удовольствием, это вызвало бы лишь беспорядки, которые не только подвергнут опасности вас и членов вашей экспедиции, но и спровоцируют враждебные действия против Земли со стороны Империи. Допустив это, я потеряю доверие моего народа.

— Но я собираюсь принять все возможные предосторожности. Если вы хотите, можете послать со мной наблюдателей… Или же я могу дать обещание не публиковать никаких полученных результатов без предварительной консультации с вами.

— Вы искушаете меня. Ваш замысел очень интересен. Но вы переоцениваете мои возможности, даже если мы оставим в стороне вопрос о чувствах моего народа. Я не обладаю абсолютной властью. Собственно говоря, моя власть весьма ограничена, и все вопросы должны передаваться на рассмотрение Совета Старейших, прежде чем по ним будет принято окончательное решение.

Авардан покачал головой.

— Очень жаль. Наместник предупреждал меня о трудностях, но я все же надеялся… Когда вы проконсультируетесь со своим Советом?

— Президиум Совета соберется через три дня. Не в моих силах изменить повестку дня, так что, возможно, пройдет несколько дней, прежде чем будет обсужден ваш вопрос. Скажем, неделя.

Авардан рассеянно кивнул.

— Хорошо. Между прочим, ваше превосходительство…

— Да?

— Я хотел бы встретиться с одним ученым, живущим на вашей планете. Доктор Шект из Чики. Поскольку я уверен, что он человек занятой, не могу ли я попросить у вас сопроводительное письмо?

Премьер-министр заметно сосредоточился и некоторое время молчал.

— Могу ли я спросить, с какой целью вы желаете его видеть? — проговорил он наконец.

— Конечно. Я читал об изобретенном им приборе, который он, кажется, назвал Синапсайфером. Дело касается нейрохимии мозга и может оказаться весьма интересным для одного моего замысла. Я занимался работой по разбиению человечества на энцефалогические группы, знаете,

по различным типам мозговых токов.

— Ухм… Я кое-что слышал об этом изобретении. Кажется, ему не удалось добиться успеха.

— Что же, возможно, вы правы, но он специалист в этой области и может быть мне очень полезен.

— Понимаю. В таком случае письмо для вас будет приготовлено. Конечно, вы не должны упоминать о своих намерениях в связи с запретными зонами.

— Разумеется, ваше превосходительство. — Авардан встал. — Благодарю вас за любезность и могу лишь выразить надежду, что Совет Старейших будет благосклонен к моим замыслам.

Секретарь появился сразу после ухода Авардана. На его губах застыла свойственная ему холодная злобная улыбка.

— Отлично, — проговорил он. — Вы держались отлично, ваша светлость.

Премьер-министр мрачно посмотрел на него.

— Зачем он хочет встретиться с Шектом?

— Вы удивлены? Не стоит. Все прекрасно согласуется. Вы заметили его холодность, когда вы отказали в его просьбе? Была ли это реакция ученого, переживающего, что нечто без всякой причины ускользает из его рук? Или же это была

реакция человека, сыгравшего свою роль и довольного, что дело уже сделано? И снова странное совпадение. Шварц убегает и пробирается в Чику. На следующий день здесь появляется Авардан и после равнодушной болтовни о своей экспедиции между прочим упоминает, что направляется в Чику, чтобы встретиться с Шектом.

— Но почему он сказал об этом, Балкис? Это выглядит безрассудно.

— Потому что вы прямолинейны. Представьте себя на его месте. Он считает, что мы ничего не подозреваем. В подобных случаях победу приносит искренность. Он отправляется на встречу с Шектом. Отлично! Он откровенно говорит об этом. Он даже просит письмо. Что может быть лучшей гарантией его честных и откровенных намерений? И это поднимает другой вопрос. Шварц мог обнаружить, что за ним следят. Но у него не было времени предупредить сообщников, иначе перед нами не разыгралась бы эта комедия.

Секретарь прищурил глаза, закончив плести свою словесную сеть.

— Трудно сказать, сколько времени пройдет, прежде чем отсутствие Шварца покажется им подозрительным, но, по крайней мере, Авардан за это время успеет встретиться с Шектом. Мы

схватим их вместе, и они не смогут выкрутиться.

— Сколько у нас есть времени? — спросил премьер-министр.

Балкис задумчиво посмотрел на него.

— Пока точно ответить нельзя, а с тех пор, как стало известно об измене Шекта, мы утроили скорость приготовлений, и все идет хорошо. Мы ждем лишь математические расчеты необходимых орбит. Несовершенство наших компьютеров задержит нас. Что же... Теперь это вопрос всего нескольких дней.

— Дней?! — Это было сказано тоном, в котором странно смешались торжество и ужас.

— Дней! — повторил секретарь. — Но помните, что всего одной бомбы за две секунды до нулевого времени будет достаточно, чтобы остановить нас. И даже после этого будет период от одного до шести месяцев, в течение которого возможен ответный удар. Так что мы еще не в полной безопасности.

Несколько дней! И начнется небывалая в истории Галактики битва, и Земля атакует всю Империю.

Руки премьер-министра слегка дрожали.

Глава 14
Вторая встреча

За два месяца, прошедшие со дня, когда Синапсайфер Шекта был испытан на Шварце, физик неузнаваемо изменился.

Он похудел, стал больше сутулиться, изменилось его поведение — он стал рассеянным, напуганным. Он замкнулся в себе, начал избегать даже ближайших сотрудников, которых сторонился столь явно, что это было заметно всем.

Лишь с дочерью Шект был откровенен, возможно, потому, что и она как-то ушла в себя. Старалась быть незаметной на работе.

— Они следят за мной, — говорил он. — Я это чувствую. Я ни на минуту не могу оставаться один. Всегда кто-нибудь рядом. Они не хотят даже, чтобы я писал отчеты.

И Пола это чувствовала, но, чтобы подбодрить отца, вновь и вновь повторяла:

— Но в чем они могут обвинить тебя? Даже если ты и провел эксперимент на Шварце, не такое уж страшное это преступление. Они бы просто вызвали тебя «на ковер» за это.

Однако он бормотал с бледным лицом:

— Они не разрешат мне жить. Приближаются мои Шестьдесят, и они не разрешат мне жить.

— После всего, что ты сделал? Чепуха!

— Я слишком много знаю, Пола, и они мне не верят.

— Слишком много знаешь о чем?

Он слишком устал и не мог больше нести эту тяжесть. И он рассказал ей. Сначала она не поверила ему, но потом, когда поняла, что все это правда, застыла, охваченная ужасом.

На следующий день Пола с другого конца города позвонила в посольство. Говоря через платок, она спросила доктора Бела Авардана.

Его не было. Они думали, что он может быть в Бонере, шесть тысяч миль отсюда, но не были уверены. Да, но он скоро должен вернуться в Чику, но когда — они сказать не могут. Может быть, она назовет свое имя? Они попытаются с ним связаться.

Тут Пола прервала связь и прижалась щекой к стеклянной стенке кабины, с радостью ощущая ее прохладу. Глаза ее были полны слез.

Дура, дура!

Он помог ей, а она так себя вела. Он подставил себя под нейрохлыст, чтобы защитить от чужака

достоинство маленькой землянки, и чем она ему отплатила?!

Сто кредитов, отправленные ею на следующее после происшествия утро, вернулись назад. Она хотела использовать их, чтобы прийти и извиниться перед ним, но не решалась. И как бы она проникла в посольство, куда могли входить лишь чужаки?

Только он мог помочь ей теперь. Он, чужак, который мог разговаривать с землянином как с равным. Она никогда бы не догадалась, что он — чужак, не скажи он об этом. Он был такой сильный и уверенный в себе. Он должен знать, что делать. Он должен помочь, ибо на гибель обречена вся Галактика. У Полы промелькнула злорадная мысль о том, что чужаки заслужили такую участь своим пренебрежительным отношением к землянам. Но касалось ли это их всех? Женщин и детей, больных и стариков? Таких, как Авардан? Тех, которые никогда не слышали о Земле? И в конце концов, все они были людьми. Столь страшная месть топила в море крови ту справедливость, которой служила Земля.

И вдруг, совершенно неожиданно, — звонок от Авардана. Шект покачал головой.

— Я не могу ему этого сказать.

— Ты должен, — жестко сказала Пола.

— Здесь? Это невозможно, это погубит нас обоих.

— Тогда прогони его. Я позабочусь обо всем. — Ее сердце бешено стучало. Конечно, причиной была лишь эта потребность спасти бесчисленные миллиарды человеческих жизней.

Бел Авардан поможет что-нибудь предпринять!

Авардан был в полном неведении относительно происходящего. Поведение Шекта он воспринял так, как оно выглядело (как ничем не спровоцированную грубость, что так свойственна землянам).

Авардан тщательно подбирал слова:

— Мне не хотелось бы обременять вас своим посещением, доктор, не будь я профессионально заинтересован в вашем Синапсайфере. И мне говорили, что в отличие от многих землян вы не настроены враждебно к людям с других планет.

По-видимому, он сказал что-то не то, потому что доктора Шекта буквально передернуло от его слов.

— Кем бы ни был ваш информатор, он весьма ошибается, приписывая мне особое дружелюбие к подобным гостям. У меня нет симпатий и анти-

патий. Я — землянин…

Авардан стиснул зубы.

— Поймите, доктор Авардан, — послышался поспешный шепот, — мне очень жаль, что я выгляжу невежливым, но я действительно не могу…

— Я все понимаю, — холодно прервал археолог, хотя он не понимал абсолютно ничего. — Прощайте, сэр.

Шект слабо усмехнулся.

— Моя занятость…

— Я тоже очень занят, доктор Шект.

Он повернулся к двери, проклиная всех землян и невольно вспоминая некоторые пословицы, столь часто повторяемые его согражданами. Например, такие: «Вежливость на Земле подобна сухости в океане» или «Землянин дает тебе что угодно, пока это не стоит ему ничего или меньше того».

Его рука уже пересекла фотоэлектрический луч, открывающий входную дверь, когда он услышал сзади чьи-то быстрые шаги и предостерегающий шепот. В его руке оказался лист бумаги. Повернувшись, он успел заметить лишь промелькнувшую фигуру в красном.

Только сев в нанятый им наземный автомо-

биль, Авардан развернул бумагу и прочитал:

«Сегодня в восемь часов вечера будьте у дома игр. Убедитесь, что за вами не следят».

Авардан нахмурился, раз пять перечитал записку и даже просмотрел ее на свет, как будто ожидая увидеть невидимые слова. Невольно он оглянулся. Улица была пуста. Он сделал движение, чтобы выбросить бумагу в окно, но, поколебавшись, сунул ее в карман.

Несомненно, что, если бы он вечером не сделал того, к чему призывала записка, все было бы кончено, и, возможно, нескольким триллионам людей не удалось бы избежать смерти. Но этого не случилось.

По дороге он раздумывал, была ли отправителем записки…

К восьми часам вечера его машина скользила среди длинного потока машин по извивающейся дороге, ведущей к дому игр. Лишь раз он спросил путь, и прохожий, с подозрением оглядев его (очевидно, ни один землянин никогда не был свободен от этой всеобъемлющей подозрительности), коротко ответил:

— Вам нужно просто следовать за другими машинами.

Похоже, действительно все машины направля-

лись в дом игр, потому что он увидел, что все они, одна за другой, исчезают в отверстии въезда на подземную стоянку. Вырвавшись из потока, он объехал дом игр и стал ждать, сам не зная чего.

Стройная девушка отделилась от толпы прохожих и нагнулась к окну его автомобиля. Он удивленно посмотрел на нее, но она одним движением открыла дверь и оказалась внутри салона.

— Извините, — проговорил он, — но…

— Тсс! — Девушка пригнулась к сиденью. — За вами следили?

— А должны были?

— Не смейтесь. Поезжайте прямо вперед. Свернете, когда я скажу… Чего вы ждете?

Он узнал голос. Капюшон соскользнул на плечи, открыв каштановые волосы. Темные глаза пристально смотрели на него.

— Будет лучше, если вы поедете, — мягко сказала она.

Он подчинился, и за следующие пятнадцать минут она не сказала ему ничего, если не считать тихих указаний относительно направления движения.

Авардан украдкой взглянул на нее и с неожиданным удовольствием подумал, что она еще

красивее, чем он ее помнил. Странно, что на этот раз он не чувствовал никакого негодования.

Они остановились в безлюдном районе. После небольшой паузы Пола, посмотрев на него, сказала:

— Доктор Авардан, я сожалею, что мне пришлось проделать все это, чтобы поговорить с вами с глазу на глаз. Я знаю, что мне нечего терять в ваших глазах…

— Не думайте так, — проговорил он.

— Я не могу так не думать. Я хочу, чтобы вы знали, что я полностью понимаю, как низко и неблагодарно я вела себя той ночью.

— Не надо, пожалуйста, — он посмотрел в сторону. — Я мог бы быть более дипломатичным.

— Что же… — Пола на минуту замолчала, чтобы немного прийти в себя. — Но не для этого мы приехали сюда. Вы — единственный чужак, которого я встретила, способный быть вежливым и благородным, и я нуждаюсь в вашей помощи.

Авардан подумал недовольно: «Неужели только это было причиной?» И он спросил холодно:

— Да?

— Нет, — закричала она в ответ. — Нет, не я, доктор Авардан, вся Галактика. Мне не надо ничего. Ничего!

— В чем дело?

— Во-первых… Я не думаю, чтобы кто-нибудь следил за нами, но если вы услышите какой-нибудь шум, то вы… то вы, — она замерла, — обнимите меня, и… и… вы знаете.

Он кивнул и сухо произнес:

— Я думаю, что это я смогу сымпровизировать легко. Стоит ли ждать шума?

Пола покраснела.

— Пожалуйста, не шутите и поймите правильно мои намерения. Это лишь для того, чтобы отвести подозрения от нас. Это единственное, что будет выглядеть убедительно.

— Все настолько серьезно? — мягко проговорил Авардан.

Он с любопытством посмотрел на нее. Она казалась такой юной и беззащитной. Всю свою жизнь он руководствовался здравым смыслом. И гордился этим. Он был человеком сильных страстей, но умел их усмирять. И вот только потому, что девушка выглядела слабой, он испытывал иррациональную потребность защищать ее.

— Да, это серьезно, — сказала она. — Я кое-что вам расскажу, но знаю, что сначала вы мне не поверите. Но я попытаюсь убедить вас. Я хочу, чтобы вы поняли, что я откровенна с вами. Но в

первую очередь вы должны решить, останетесь ли вы с нами после того, как я вам все расскажу и вы обдумаете услышанное. Я даю вам пятнадцать минут, и, если я не внушаю вам доверия, я уйду, и на этом все закончится.

— Пятнадцать минут? — Он невольно усмехнулся, затем снял свои часы и положил их перед собой. — Хорошо.

Она сжала руками колени, глядя через стекло вперед.

Авардан почувствовал, что она искоса посмотрела на него, и поспешно отвел взгляд.

— В чем дело? — спросил он.

Пола повернулась к нему и закусила нижнюю губу.

— Я смотрела на вас.

— Да, я это заметил. У меня пятно на носу?

— Нет, — она слегка улыбнулась, первый раз после того, как села в машину. — Просто я все время удивляюсь, почему вы не носите свинцовую одежду, если вы чужак. Именно это обмануло меня в тот раз. Чужаки обычно напоминают мешок с картошкой.

— А я не напоминаю?

— О нет, — в ее голосе неожиданно появился оттенок восхищения, — вы напоминаете… вы

очень похожи на древнюю мраморную статую, за исключением того, что вы живой и теплый… Извините. Я веду себя дерзко.

— Вы говорите обо мне так, будто я считаю вас землянкой, которая забыла свое место. Вам придется прекратить думать обо мне подобным образом, или мы не сможем быть друзьями… Я не верю в предрассудки радиоактивности. Я измерил радиоактивность атмосферы Земли, провел опыты на животных в лаборатории и вполне убежден, что эта радиация не может мне повредить. Я здесь уже два месяца и не ощущаю никаких болезненных симптомов. Хотя, признаюсь, небольшие предосторожности я все же принял. Однако пропитанной свинцом одежды я не ношу.

Все это было сказано серьезным тоном, и она вновь улыбнулась.

— По-моему, вы немного сумасшедший.

— Вы так думаете? Вы удивились бы, если бы знали, как много умных и знаменитых археологов говорили то же самое, причем в длинных речах.

— Так вы будете меня слушать? — неожиданно спросила она. — Пятнадцать минут прошло.

— А вы как думаете?

— Я думаю, что это вполне возможно. В противном случае вы не сидели бы здесь. Особенно после всего, что я сделала.

— Разве у вас создалось впечатление, что я заставляю себя сидеть рядом с вами? — мягко проговорил он. — Если да, то вы ошибаетесь. Знаете, Пола, я никогда не видел девушки такой красивой, как вы.

Она со страхом посмотрела на него.

— Пожалуйста, не надо. Я стремлюсь вовсе не к этому. Вы мне верите?

— Конечно, Пола. Расскажите мне свою историю. Я поверю и помогу. — Он безоговорочно верил в то, о чем говорил. В этот момент Авардан с готовностью взялся бы даже свергнуть Императора. Он не бывал прежде влюблен, и на этом он мысленно заставил себя остановиться.

Любовь? К землянке?

— Вы встречались с моим отцом, доктор Авардан?

— Доктор Шект — ваш отец? Зовите меня, пожалуйста, Белом. Я буду звать вас Полой.

— Если вы этого хотите, я постараюсь. Я думаю, вы очень злы на него.

— Он не был особенно вежлив.

— Он не мог иначе. За ним следят. Собственно

говоря, мы договорились с ним заранее, что он отправит вас ни с чем, после чего с вами встречусь я. Видите, это наш дом… Дело в том, — ее голос перешел в быстрый шепот, — на Земле готовится восстание.

Авардан не смог сдержать удивления.

— Не может быть! — проговорил он, широко открыв глаза. — В самом деле?

Однако Пола тут же разозлилась.

— Не смейтесь. Вы обещали выслушать и поверить мне. На Земле готовится восстание, и это серьезно, потому что Земля может уничтожить всю Империю.

— Земля в силах сделать это? — Авардан подавил желание рассмеяться. — Пола, насколько хорошо вы знаете галактографию? — мягко спросил он.

— Не хуже любого другого, учитель, но какое это имеет отношение к тому, о чем я говорю?

— Прямое. Объем Галактики — несколько миллионов кубических световых лет. Это включает двести миллионов населенных планет и приблизительно пятьсот квадриллионов человек населения. Правильно?

— Думаю, что да, раз вы так говорите.

— Это именно так, поверьте мне. Земля же — од-

на планета с населением в двадцать миллионов, лишенная всех материальных ресурсов. Другими словами, на каждого землянина приходится двадцать пять биллионов граждан Галактики. Что может сделать Земля при соотношении сил двадцать пять биллионов к одному?

Пола преодолела сомнение, на мгновение овладевшее ею.

— Бел, — твердо ответила она, — я не знаю, но мой отец может ответить на этот вопрос. Он не посвятил меня в детали, потому что боится подвергать опасности мою жизнь. Однако если вы пойдете со мной, то все узнаете. Он сказал, что Земля может уничтожить всю жизнь в Галактике, и он знает это наверняка. Он никогда не ошибался.

Ее щеки порозовели от нетерпения, и Авардан почувствовал страстное желание прикоснуться к ним. (Как мог он раньше чувствовать ужас от прикосновения к ней?)

— Уже есть десять часов? — спросила Пола.

— Да, — ответил он.

— Тогда он должен ждать нас наверху, если они его не арестовали. — Она невольно вздрогнула. — Мы поднимемся в дом, и если вы пойдете со мной…

Она положила руку на кнопку, контролирующую двери, и неожиданно замерла. Затем хрипло прошептала:

— Кто-то идет… Ох, быстрее…

Остальное прошло гладко. Авардан без труда вспомнил ее первоначальные наставления. Его руки легким движением обняли ее, и он почувствовал, как их губы встретились…

Прошло немало времени, прежде чем он заговорил.

— Должно быть, это был уличный шум.

— Нет, — прошептала она, — я не слышала никакого шума.

Он удивленно посмотрел на нее, но она не отвела глаз.

— Серьезно? Ты — само коварство.

Глаза Полы вспыхнули.

— Я хотела, чтобы ты поцеловал меня, и не жалею об этом.

— Думаешь, я жалею? Поцелуй меня еще раз, только теперь потому, что этого хочу я.

Еще одна длинная пауза, потом она отстранилась от него, поправляя волосы и разглаживая воротник платья.

— Я думаю, сейчас нам лучше будет подняться в дом. Выключи свет. У меня есть фонарь.

Авардан вышел за ней из машины.

— Возьми меня за руку, — сказала она. — Здесь ступеньки.

— Я люблю тебя, Пола, — прошептал он за ее спиной. Это получилось так просто и звучало так правдиво. — Я люблю тебя, Пола, — повторил он.

— Ты почти не знаешь меня, — мягко проговорила она.

— Нет. Клянусь, я знаю тебя всю жизнь. Всю мою жизнь, Пола, два месяца я мечтал о тебе.

— Я всего лишь землянка, сэр.

— Тогда и я буду землянином. Испытай меня.

Он остановил ее и мягко поднял ее руку, пока свет фонарика не осветил ей лицо.

— Почему ты плачешь?

— Потому что, когда отец расскажет то, что он знает, вы поймете, что не можете любить землянку.

— Испытай меня и в этом.

Глава 15
Потерянное преимущество

Авардан встретился с Шектом в задней комнате на втором этаже дома, окна которой были тщательно поляризованы до полной непрони-

цаемости. Пола осталась внизу, настороженно ожидая в кресле и следя за погруженной в темноту улицей.

Сутулая фигура Шекта производила несколько иное впечатление, чем несколько часов назад.

Лицо физика, по-прежнему изможденное и усталое, теперь, вместо прежнего колебания, выражало почти отчаянную решимость.

— Доктор Авардан, — сказал он, и голос его был тверд, — я должен извиниться за мое сегодняшнее поведение. Я надеюсь, что вы поймете…

— Признаюсь, что мне это не удавалось, но думаю, теперь все будет иначе.

Шект сел за стол и кивнул на бутылку с вином. Авардан сделал отрицательный жест.

— Если вы не возражаете, я попробую фрукты… Что это? В жизни не видел ничего подобного.

— Это один из сортов апельсинов, — ответил Шект, — которые растут только на Земле. Кожура легко снимается. — Он показал, и Авардан с любопытством надкусил сочный плод.

— Это изумительно, — воскликнул он. — Земля никогда не пробовала экспортировать их?

— Старейшие, — мрачно проговорил физик, — не особенно склонны к торговле с внешним миром. Да и наши соседи не стремятся торговать

с нами. Это всего лишь один из аспектов наших трудностей.

Авардан неожиданно почувствовал приступ раздражения.

— Ничего не может быть глупее. Уверяю вас, иногда меня охватывает отчаяние, когда я вижу, что может существовать в сознании людей.

Шект пожал плечами со снисходительностью человека с жизненным опытом.

— Боюсь, что это часть антиземной политики, которую разрешить невозможно.

— Но эту проблему делает неразрешимой именно то, что никто по-настоящему не желает ее решения, — воскликнул археолог. — Сколько землян способствуют этому, ненавидя подряд всех жителей Галактики. Действительно ли ваш народ стремится к равенству, взаимному уважению? Нет! Большинство из них желает лишь, в свою очередь, занять место наверху.

— Возможно, в том, что вы сказали, немало правды, — грустно проговорил Шект. — Этого я не отрицаю. Но это не вся правда. Дайте нам только возможность, и новое поколение землян достигнет зрелости без самовыделения, всем сердцем веря в единство всех людей. Ассимиляционисты с их терпимостью и верой в возможность компро-

мисса не раз имели сильные позиции на Земле. Я — один из них. Или, по крайней мере, я им был. Однако Землей сейчас правят Зелоты. Это крайние националисты, верящие в прошлое и будущее величие Земли. Это от них должна быть защищена Империя.

Авардан нахмурился.

— Вы имеете в виду восстание, о котором говорила Пола?

— Доктор Авардан, — мрачно проговорил Шект, — нелегко убедить кого-либо в столь нелегкой перспективе, как покорение Землей всей Галактики, но это правда. Я не обладаю особой храбростью и ужасно хочу жить. Поэтому вы можете представить, сколь опасным должен быть кризис, заставивший меня пойти на предательство в то время, когда местные власти не спускают с меня глаз.

— Что же, — сказал Авардан, — если это так серьезно, то я должен сразу предупредить вас. Я помогу вам всем, сделаю все, что в моих силах, но только как гражданин Империи. Я не обладаю здесь никаким официальным статусом и не имею особого влияния ни на Совет, ни на Наместника. Я именно тот, за кого себя выдаю, — археолог, прибывший сюда только с научными целями.

Поскольку вы готовы на все, не лучше ли вам встретиться с Наместником? Он действительно сможет что-то предпринять.

— Именно этого я и не могу сделать, доктор Авардан. За мной поэтому и следят, чтобы не допустить этого. Когда вы пришли сегодня утром, я подумал даже, что, возможно, вас прислал Энус. Я считал, что он что-то подозревает.

— Возможно, он и подозревает, этого нельзя отрицать. Если вы пожелаете, я смогу все ему передать.

— Благодарю. Именно этого я и хочу. Используйте свои возможности, доктор, чтобы отвести от Земли слишком суровое возмездие.

— Конечно. — Авардан чувствовал беспокойство. Он был убежден, что имеет дело со стариком, возможно, безвредным, но явно ненормальным. Однако единственное, что он мог, — это дослушать и попытаться успокоить его — ради Полы.

— Из сказанного вами сегодня утром я понял, что вы слышали о Синапсайфере, — проговорил Шект.

— Да, действительно. Я читал вашу статью в «Физическом обозрении». Я говорил о вашем изобретении с Наместником и премьер-министром.

— С премьер-министром?

— Да. Когда просил у него письмо, которое вы, боюсь, так и не прочитали.

— Сожалею. Но лучше бы вы не говорили… Что вы знаете о Синапсайфере?

— Это довольно интересная неудача. Он предназначен для улучшения способностей к обучению. Он был до некоторой степени удачно испытан на крысах, но оказался непригоден для людей.

— Да, из этой статьи вы большего узнать и не могли, — кивнул Шект. — Эксперимент был представлен неудавшимся, а наиболее интересные результаты намеренно не опубликованы.

— Хм. Несколько необычное трактование научной этики, доктор Шект.

— Согласен с вами. Но мне пятьдесят пять, а если вы знакомы с законами Земли, то знаете, что мне осталось недолго жить.

— Шестьдесят. Да, я слышал об этом даже больше, чем мне того хотелось бы. — И он с горечью вспомнил свое первое путешествие. — Насколько я знаю, для выдающихся ученых делают исключения.

— Вы правы. Но это решает премьер-министр и Совет Старейших, и их решение не изменит даже Император. Мне поставили условие: держать в

секрете все, что касается Синапсайфера, в обмен на мою жизнь. — Он беспомощно развел руками. — Мог ли я тогда знать о последствиях, о том, как машина будет использована?

— И как же ее использовали? — достав сигареты, Авардан предложил Шекту, но тот отказался.

— Я подхожу к этому… Одного за другим, после того, как мои эксперименты показали безопасность использования Синапсайфера на человеке, обработке подвергли некоторых биологов Земли. Все они остались живы, кстати, все эти люди, как я знал, симпатизировали Зелотам. Однако через некоторое время стали проявляться побочные эффекты, и один из них был подвергнут вторичной обработке. Я не смог спасти его. Но из его предсмертного бреда я узнал обо всем.

Время приближалось к полуночи. День был длинным и полным событий. Однако что-то не давало покоя Авардану.

— Давайте перейдем к сути, — сказал он.

— Немного терпения. Я должен объяснить все подробности, чтобы вы мне поверили. Вы, конечно, знаете о радиоактивности Земли…

— Да, я хорошо знаком с этим вопросом.

— И о том, как она влияет на жизнь землян?

— Да.

— Тогда я не буду об этом говорить. Хочу только сказать, что процент мутаций на Земле больше, чем в любой другой части Галактики. Поэтому утверждения наших противников, что земляне отличны от других людей, имеют долю правды. Собственно говоря, число мутаций очень мало, и большинство из них не обладает жизненной стойкостью. Если в землянах и произошли какие-то устойчивые изменения, то это те изменения химического состава их тел, которые дали им большую сопротивляемость окружающей среде. Так, они обладают большим сопротивлением к воздействию радиации…

— Доктор Шект, это мне знакомо.

— Тогда приходило ли вам когда-нибудь в голову, что процессы мутаций происходят и у других живущих на Земле существ?

После короткой паузы Авардан ответил:

— Нет, но, конечно же, это неизбежно.

— Так оно и есть. У нас гораздо больше разновидностей домашних животных, чем на любой другой обитаемой планете. Апельсин, который вы ели, — продукт мутации. Между прочим, это — одна из причин, делающих их экспорт невозможным. Чужаки не доверяют нашим продуктам, как и нам. И конечно, то, что относится

к растениям и животным, применимо также к микромиру.

И тут Авардан действительно почувствовал страх.

— Вы имеете в виду бактерии? — спросил он.

— Я имею в виду все формы примитивной жизни. Микробы, бактерии и самовоспроизводящиеся протеины, которые называют вирусами.

— И к чему вы ведете?

— Я думаю, что вы догадываетесь. Неожиданно вы проявили интерес. Видите ли, среди ваших сограждан существует мнение, что земляне — носители смерти, что земляне приносят неудачи…

— Все это я знаю. Обыкновенные предрассудки.

— Не совсем. Это-то самое страшное. В предрассудке есть доля истины. Видите ли, иногда землянин носит в себе некоторые мутированные формы микроскопических паразитов, подобных которым нет ни на какой другой планете. А чужаки не обладают особой сопротивляемостью к их действию. Последствия — вопрос простой биологии, доктор Авардан.

Авардан молчал.

— Конечно, иногда они атакуют и нас, — продолжал Шект. — Но у нас поколениями выраба-

тывается иммунитет против новых вирусов и микробов. Чужаки же его не имеют.

— Вы хотите сказать, — проговорил Авардан со странным чувством, — что контакт с вами сейчас…

Он отодвинул свой стул назад, думая о вечерних поцелуях.

Шект покачал головой.

— Конечно же, нет. Мы не распространяем болезнь, мы просто носим ее в себе, если она есть, что, кстати, случается редко. Если бы я жил на вашей планете, то носил бы в себе не больше микробов, чем вы. У меня нет особой предрасположенности к этому. Даже здесь существует лишь один из квадриллиона квадриллионов, представляющий действительную опасность. Вероятность того, что вы заразитесь сейчас, не больше, чем то, что метеорит пробьет крышу этого дома и попадет в вас. Если же, конечно, упомянутые микробы специально не выбраны, изолированы и сосредоточены для вас.

После продолжительной паузы Авардан спросил сдавленным голосом:

— Земляне это сделали? — Он перестал думать о ненормальности Шекта и готов был поверить ему.

— Да. Сначала из абсолютно невинных побуждений. Наши биологи, конечно, были заинтересованы в особенностях земной жизни и недавно получили вирус обычной горячки.

— Что такое обычная горячка?

— Слабая эпидемическая земная болезнь. Она всегда у нас существовала. Большинство землян перенесли ее в детстве, и симптомы ее известны. Болезнь длится четыре-шесть дней, после чего человек приобретает иммунитет. И я, и Пола перенесли ее. Время от времени встречается более сильная форма этой болезни, вызванная несколько отличным вирусом, называемая радиационной горячкой.

— Я о ней слышал, — сказал Авардан.

— В самом деле? Ее название происходит из-за ошибочного мнения, что заболевание вызывается облучением в радиоактивных зонах. Действительно, после облучения часты заболевания, потому что в этих зонах вирус наиболее способен мутировать в опасные формы. Однако причина болезни — вирус, а не радиация. После заражения симптомы болезни появляются через два часа. Губы поражаются настолько сильно, что человек почти не может разговаривать, смерть может наступить в течение нескольких дней.

Но главное то, что земляне адаптировались к обычной горячке, а чужаки — нет. Иногда ею заболевает кто-нибудь из имперского гарнизона, и в этом случае он реагирует точно так же, как землянин на радиационную горячку. Обычно он умирает в течение двенадцати часов. Затем его сжигают. Это делают земляне, поскольку солдаты гарнизона рискуют смертельно заболеть при приближении к нему.

Как я сказал, вирус был получен десять лет назад. Это нуклеопротеин, как и большинство выделяемых вирусов, содержащий необычайно высокий процент радиоактивных углерода, фосфора и серы. Говоря «необычайно высокий», я подразумеваю, что пятьдесят процентов его углерода, серы и фосфора — радиоактивны. Предполагаю, что воздействие на организм, в котором он находится, обусловлено не столько отравляющим действием вируса, сколько его радиоактивностью. Естественно, выглядит логичным, что земляне, адаптировавшиеся к гамма-радиации, переносят болезнь легко. Как вы знаете, изотопы нельзя разделить. Только полученный нами вирус может это сделать. Но затем исследования стали вестись в другом направлении.

Я буду краток, доктор Авардан, но думаю, вам все будет понятно. Эксперименты могли проводиться на животных с других планет, но не на самих чужаках. Чужаков на земле слишком мало, чтобы исчезновение кого-нибудь из них осталось незамеченным. Итак, группа бактериологов была послана на Синапсайфер и вернулась с многократно улучшенной способностью к мышлению. Именно они создали новую математическую модель химии протеинов, которая позволила искусственно создать вирус, способный поражать только живущих на других планетах Галактики, — чужаков.

Авардан вдруг почувствовал страшную усталость. Он ощутил капли пота, выступившего на лице.

— Так вы хотите сказать, — с трудом выговорил он, — что Земля намеревается распространить этот вирус по Галактике и затеять гигантскую бактериологическую войну…

— В которой никто не сможет одержать победы. Как только начнется эпидемия, миллионы будут умирать ежедневно, и ничто не сможет остановить этого. Грузовые корабли будут переносить инфекцию, и болезнь каждый раз будет вспыхивать в новом месте. И никто не сможет связать

этого с Землей. Со временем станет сомнительно и наше выживание, поскольку опустошение зайдет так далеко, чужаки будут в таком отчаянии, что перестанут считаться с чем-либо.

— И все умрут? — Авардан все еще не верил, не мог представить того, о чем говорил Шект.

— Возможно, что нет. Исследования производились в обоих направлениях. У нас есть и противоядие, которое можно будет использовать в случае немедленной капитуляции. Возможно, люди выживут в каких-нибудь отдаленных концах Галактики, не исключено существование у кого-нибудь врожденного иммунитета.

Авардан больше не мог сомневаться в правдивости услышанного. Голос Шекта звучал слабо и устало:

— В этом виновата не Земля. Кучка лидеров, отвечая на давление, отделившее их от остальной Галактики, с сумасшедшей силой ненавидя тех, кто это давление на них оказывает, желая любой ценой отомстить… И все же я прежде всего — человек, а уж потом — землянин.

Должны ли триллионы умирать из-за миллионов? Должна ли цивилизация Галактики быть уничтоженной ради мести, пусть даже вполне оправданной, одной планеты? И станем ли мы

лучше жить после этого? Могущество Галактики останется сосредоточенным на планетах, обладающих ресурсами, которых у нас нет. Поколение землян может править Трантором, но их потомки, став транторианами, в свою очередь, будут свысока смотреть на оставшихся на Земле. И кроме того, будет ли лучше от этого человечеству, если тиранию Галактики сменит тирания Земли? Нет… нет… должен существовать путь для всех людей, путь к свободе и справедливости.

Он закрыл лицо руками, медленно покачивая головой из стороны в сторону.

Слушавший в оцепенении Авардан пробормотал:

— В том, что вы сделали, нет предательства. Я немедленно направляюсь в Гималаи. Наместник мне поверит. Он должен поверить.

В это время раздались быстрые шаги, и в открывшейся двери показалось испуганное лицо Полы.

— Отец… Сюда идут какие-то люди.

Лицо Шекта потемнело.

— Быстро выходите через гараж, доктор. Возьмите Полу и не беспокойтесь обо мне. Я их задержу.

Однако у входа их уже поджидал человек в

зеленой накидке. Чуть улыбаясь, он небрежно держал в руках нейроплеть. Было слышно, как забарабанили в дверь главного входа.

— Кто вы такой? — неуверенно спросил Авардан, обращаясь к человеку в зеленом. Он заслонил собой Полу.

— Я? — хрипло проговорил человек. — Я всего лишь ничтожный секретарь его светлости, премьер-министра. — Он сделал шаг вперед. — Я уже почти отчаялся вас дождаться. Хм, и девчонка. Зря, зря…

— Я гражданин Империи, — спокойно сказал Авардан, — и не признаю за вами права задерживать меня, а также врываться в дом без официального ордера.

— Я, — секретарь слегка постучал по своей груди свободной рукой, — представляю все права и власть на этой планете, а скоро и во всей Галактике. Все вы в наших руках, даже Шварц.

— Шварц? — воскликнула Пола.

— Вы удивлены? Я сейчас отведу вас к нему.

Последним, что помнил Авардан, была его злобная улыбка и вспышка нейрохлыста. Чувствуя оглушающую боль, он провалился в пустоту.

Глава 16
Реши, на чьей ты стороне!

Некоторое время Шварц беспокойно лежал на твердой скамье в одной из подземных комнат «Зала исправления» Чики.

Зал, как обычно его называли, представлял собой символ власти премьер-министра и его окружения.

За прошедшие века немало землян в его стенах ждали суда за совершенные ими противозаконные деяния: нежелание работать, стремление жить сверх положенного времени и т. п.

Иногда, когда в суде рассматривались совершенно нелепые преступления, вмешивался Наместник — и наказание могло быть отменено.

Обычно, когда Совет требовал смерти, Наместнику приходилось соглашаться. В конце концов, в жертву приносился всего лишь землянин…

Вполне естественно, что обо всем этом Джозеф Шварц не знал ничего. Его поле зрения ограничивалось небольшой комнатой, стены которой освещал тусклый свет. В комнате находились две жесткие скамейки и стол. Ниша в стене служила

ванной и санузлом. Окон, через которые можно было видеть небо, не было, приток воздуха через вентиляционное отверстие был едва ощутим.

Шварц взъерошил волосы и неуклюже сел. Его попытка сбежать в никуда (потому что где на Земле он мог чувствовать себя в безопасности?) закончилась неудачно.

Для развлечения у него оставался только мысленный контакт.

Но хорошо это было или плохо?

Пока он жил на ферме, Шварц ощущал эту способность как странный, беспокоящий дар природы, которого он раньше не знал, о возможностях которого не думал. Теперь у него было время все обдумать.

Двадцать четыре часа в сутки размышлять над своим положением. От этого можно было сойти с ума. Он мог ощущать проходящих мимо тюремщиков. Шварц осторожно заглянул в их умы. Они распались, как скорлупа расколотого ореха, из которого обильным дождем полились их знания и чувства.

Он узнал много о Земле и Империи, больше, чем мог бы узнать за два месяца пребывания на ферме.

Конечно, он узнал и то, что приговорен к смер-

ти!

Это могло наступить сегодня, могло завтра. Но он должен умереть! Неожиданно он смирился и воспринял известие почти благодарно.

Дверь открылась, и Шварц, охваченный страхом, вскочил на ноги. Можно было всем своим сознанием смириться со смертью, но тело оставалось диким животным, не желающим ничего слушать. Это смерть!

Нет, это была не смерть. Появившийся мысленный контакт не говорил о смерти. Вошел часовой, держа в руках наготове металлический прут. Шварц знал, что это такое.

— Пошли со мной, — резко проговорил он.

Шварц последовал за охранником.

Комната, в которую его привели, была очень большой. В ней находились двое мужчин и девушка, похожие на трупы, лежащие на высоких плитах. И все же это были не трупы, доказательством чему служили три активных мозга.

Парализованы! Но они ему знакомы!.. Почему они так знакомы?

Он остановился, чтобы рассмотреть их, но рука охранника прикоснулась к его плечу.

— Проходи.

Здесь же была четвертая плита, пустая. В уме

стражника не было смерти, и Шварц взгромоздился на нее. Он знал, что последует.

Стальной стержень охранника коснулся каждой из его конечностей. Они окаменели и, казалось, исчезли, осталась чувствительной одна голова, парящая в пустоте.

Он повернул ее.

— Пола, — воскликнул он, — ведь вы — Пола, не правда ли? Девушка, которая…

Она кивнула. Он не узнал ее мысленный контакт. Два месяца назад он еще не чувствовал этого. В то время его развитие достигло только стадии чувствительности к «атмосфере». Он ясно помнил это.

Из их сознания он мог узнать дальнейшие подробности. Человек рядом с девушкой был доктором Шектом, другой мужчина — доктор Бел Авардан. Он мог узнать их имена, почувствовать их отчаяние, ощутить страх в сознании девушки.

На мгновение ему стало жаль их, но затем он вспомнил, кем они были. И сердце его сжалось от негодования.

«Пусть умирают!»

Трое пленников уже почти час находились здесь. В комнате, где они оказались, могло поме-

ститься не менее сотни человек. Они чувствовали себя потерянными и одинокими в пустоте. Говорить было нечего. Горло Авардана пересохло, и он бессильно ворочал головой из стороны в сторону. Это была единственная его часть, которая могла двигаться.

Глаза Шекта были закрыты, губы бледны и сухи.

— Шект. Слушайте, Шект! — слабо прошептал Авардан.

— Что?.. Что? — такой же слабый шепот.

— Что вы делаете? Спите? Думайте, думайте!

— Зачем? О чем думать?

— Кто такой Джозеф Шварц?

— Ты не помнишь, Бел? — прозвучал тонкий и усталый голос Полы. — Тогда, в магазине, мы встретились впервые.

После яростной борьбы с собой Авардану удалось поднять голову на два мучительных дюйма. Теперь ему стала видна часть лица Полы.

— Пола! Пола! — Если бы он мог приблизиться к ней, так, как он мог это делать в течение двух месяцев, когда не воспользовался такой возможностью. Она смотрела на него, улыбаясь так слабо, что эта улыбка могла бы принадлежать статуе.

— Мы еще победим, — проговорил он. — Вот

увидишь.

Но она покачала головой, насколько позволяла больно сжатая шея.

— Шект, — вновь заговорил Авардан, — слушайте. Как вы встретились с этим Шварцем? Он был вашим пациентом?

— Синапсайфер. Он пришел как доброволец.

— И был подвергнут обработке?

— Да.

Авардан обдумал услышанное.

— Что побудило его прийти к вам?

— Не знаю.

— Но тогда… Может, он работает на Империю?

(Шварц отлично понимал его мысли и внутренне усмехался, но молчал и решил в дальнейшем не говорить ничего.)

Шект покачал головой:

— Работает на Империю? Вы так думаете, потому что это сказал секретарь. Чушь. Да и какое значение это имеет? Он так же беспомощен, как и мы… Слушайте, Авардан, если мы придумаем какую-нибудь убедительную историю, они подождут. Мы могли бы…

Археолог глухо рассмеялся.

— Могли бы остаться в живых? В то время, когда Галактика будет мертва и цивилизация разруше-

на? Жить? С тем же успехом я могу умереть.

— Я думаю о Поле, — пробормотал Шект.

— Я тоже, — сказал Авардан. — Спросим ее… Пола, мы сдадимся или попытаемся выжить?

Голос Полы был тверд.

— Я выбрала, на чьей я стороне. Я не хочу умирать, но, если моя сторона обречена на смерть, я погибну вместе с ней.

Авардан почувствовал торжество. Когда он заберет ее на Сириус, они будут называть ее землянкой, но она — равная им, и он с огромным удовольствием выбьет зубы любому…

И тут он вспомнил, что вряд ли заберет ее на Сириус, как и кого-либо другого. Да и сам он вряд ли увидит Сириус.

И затем, отбросив мысли об этом, он прокричал:

— Эй, вы! Как вас там! Шварц!

Шварц на мгновение поднял голову и взглянул на обращающегося к нему человека.

Он не сказал ничего.

— Кто вы такой? — продолжал Авардан. — Как вы оказались замешанным во все это? Ваша роль?

При этом вопросе вся несправедливость происшедшего вновь всплыла в сознании Шварца. Вся

безобидность его прошлого, весь ужас настоящего ожили в нем, и он в ярости ответил:

— Я? Я — честный человек, упорно трудившийся всю жизнь. Я не приносил вреда никому, никого не беспокоил, заботился о своей семье. — И затем совершенно неожиданно: — Нет, не в Чику! — яростно закричал Шварц. — Я попал в этот сумасшедший мир… Ох, какое мне дело, верите вы или нет? Мой мир в прошлом. Там была земля и еда, и два миллиарда людей, и это был мой единственный мир.

Авардан молчал, пораженный этой словесной атакой. Он повернулся к Шекту…

— Вы его понимаете?

— А вы знаете, — проговорил Шект, — ведь он имеет аппендикс — трех с половиной дюймов длины. Помнишь, Пола? И зуб мудрости. И волосы на лице.

— Да! Да! — вызывающе прокричал Шварц. — И я хотел бы иметь хвост, чтобы показать его вам. Я из прошлого. Я прошел сквозь время. Только я не знаю, как и почему. А теперь оставьте меня в покое.

Неожиданно он добавил:

— Они скоро придут за нами. Это ожидание предназначено лишь для того, чтобы сломать

нас.

— Откуда вы знаете? — поспешно спросил Авардан. — Кто вам сказал?

Шварц молчал.

— Коренастый курносый человек — это секретарь?

Шварц не мог узнать внешне человека, с которым контактировал только мысленно. На мгновение он вспомнил контакт сильного, обладающего совестью человека, который, кажется, был секретарем.

— Балкис? — с любопытством спросил он.

— Что? — переспросил Авардан, но Шект прервал его:

— Так зовут секретаря.

— Ох… Что он сказал?

— Он не сказал ничего, — ответил Шварц. — Я знаю. Это смерть для всех нас, и спасения нет.

Авардан понизил голос.

— Вам не кажется, что он сумасшедший?

— Не знаю… Его череп. Он имеет примитивную форму, очень примитивную.

Авардан был поражен.

— Вы хотите сказать… Нет, это невозможно.

— И я всегда думал так же. — На мгновение голос Шекта стал слабой имитацией нормаль-

ного тона, как будто наличие научной загадки заставило его забыть о положении, в котором он находился. — Была рассчитана энергия, необходимая для перемещения вдоль временной оси, и был получен результат, превышающий бесконечность, так что идея всегда выглядела невозможной. Но некоторые говорили о вероятности «временных ошибок», знаете, аналогичных геологическим ошибкам. Например, на глазах исчезали космические корабли. Из древности широко известен случай с Гора Деваллоу, который однажды вошел в свой дом и больше оттуда не вышел, но внутри его тоже не было. В галактографических справочниках последнего столетия была зафиксирована планета, которую посетили три экспедиции и привезли новое ее описание. Затем эта планета исчезла. Кроме того, в ядерной физике существуют определенные открытия, которые опровергают закон сохранения массы, энергии. Это пытаются объяснить переходом некоторой массы вдоль временной оси. Например, урановые ядра в смеси с медью и барием в определенной пропорции при облучении гамма-лучами создают резонансную систему…

— Отец, — проговорила Пола, — хватит! Это бесполезно…

Однако Авардан вмешался голосом, не допускающим возражения:

— Подождите. Дайте мне подумать. Кто может проверить это лучше, чем я? Разрешите мне задать несколько вопросов… Слушайте, Шварц.

Шварц снова поднял на него глаза.

— Ваш мир был единственный в Галактике?

Шварц кивнул и глухо ответил:

— Да.

— Но это вы так считаете. Я хочу сказать, что у вас не было межзвездных путешествий и проверить вы не могли. Могли существовать и другие населенные планеты.

— Этого я не могу знать.

— Да, конечно. Жаль. А как насчет атомной энергии?

— У нас были атомные бомбы. Урановые… и плутониевые… Я думаю, что именно это сделало планету радиоактивной. Должно быть, была еще одна война… Атомные бомбы. — И Шварц мысленно вновь вернулся в Чикаго, в свой старый мир. Ему стало жаль, но не себя, а тот прекрасный мир…

Тем временем Авардан, немного подумав, сказал:

— Хорошо. У вас, конечно, был язык.

— На Земле? Множество языков.

— А ваш?

— Английский.

— Хорошо, скажите что-нибудь на нем.

Уже больше двух месяцев Шварц ничего не говорил по-английски. Он медленно произнес:

— Я хочу вернуться домой, к своему народу.

Авардан обратился к Шекту:

— На этом языке он говорил, когда пришел к вам?

— Трудно сказать, — озадаченно ответил тот. — Странные звуки тогда, и странные звуки сейчас. Как я могу их сравнивать?

— Хорошо, оставим это… Как будет «мать» на вашем языке, Шварц?

Шварц ответил.

— Угу. А отец, один, два, три… дом… человек… и так далее. — Когда Авардан наконец остановился, чтобы перевести дыхание, на лице его было выражение изумления.

— Шект, — сказал он, — или этот человек тот, за кого он себя выдает, или я — жертва самого дикого бреда, который только можно вообразить. Он говорит на языке, практически эквивалентном надписям, найденным в раскопках пятидесятитысячелетней давности, обнаруженных на

Сириусе, Арктуре, альфе Центавра и многих других планетах. Он говорит на нем. Язык был расшифрован лишь недавно, и в Галактике найдется не более дюжины человек, кроме меня, способных понять его.

— Вы в этом уверены?

— Уверен ли я? Конечно, уверен. Я — археолог. Знать подобные вещи входит в мою профессию.

На мгновение Шварц почувствовал, что броня его безразличия дала трещину. Впервые он почувствовал возвращение утраченной им индивидуальности. Секрет раскрылся, он был человеком из прошлого, и они поверили в это. Это доказывало, что он в своем уме, уничтожало его гнетущее сомнение, и он обрадовался этому.

— Он был необходим мне, — вновь заговорил Авардан, сгорая в святом огне своей профессии. — Шект, вы не представляете, что это значит для археологии. Шект, это — человек из прошлого. Слушайте, мы можем заключить сделку. Ведь это же доказательство, которое ищет Земля. Они могут его получить. Они могут…

— Я знаю, о чем вы думаете, — иронически прервал его Шварц. — Вы думаете, что благодаря мне Земля может доказать, что она — источник цивилизации и что они все будут благодарны за

это. Я говорю вам — нет! Я думал об этом, и я бы променял на это всю жизнь. Но они не поверят ни мне, ни вам.

— Существуют неопровержимые доказательства.

— Они не будут слушать. И знаете почему? Потому что у них есть определенные устоявшиеся идеи относительно прошлого. Любые перемены, даже основанные на правде, будут святотатством в их глазах. Они хотят сохранить свои традиции.

— Я думаю, он прав, Бел, — заметила Пола.

Авардан сжал губы.

— Мы можем попытаться.

— И потерпим неудачу, — продолжал настаивать Шварц.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю. — В его словах было столько убеждения, что Авардан умолк.

В усталых глазах Шекта вдруг появился интерес:

— Вы чувствовали какие-нибудь неприятные эффекты после Синапсайфера?

Шварц не знал этого слова, но понял его значение. Они оперировали, оперировали его мозг. Сколько нового он узнал!

— Нет, — ответил он.

— Но я вижу, вы быстро выучили наш язык. Вы говорите очень хорошо. Это вас не удивляет?

— У меня всегда была отличная память, — холодно проговорил Шварц.

— И вы чувствуете себя таким же, как до операции?

— Именно.

Шект жестко сказал:

— Зачем вы скрываете? Я уверен, что вы знаете, о чем я думаю.

Шварц коротко рассмеялся.

— Что я могу читать мысли? Хорошо, и что дальше?

Но Шект не ответил. Он повернул к Авардану свое бледное беспомощное лицо.

— Он читает мысли, Авардан. Чего бы я мог с ним добиться! И быть здесь… Беспомощным…

— Что?! — с силой выдохнул Авардан.

Даже лицо Полы выражало теперь заинтересованность.

— Вы действительно это можете? — обратилась она к Шварцу.

Он кивнул ей. Она заботилась о нем когда-то, а теперь вот ее ждет смерть. Но ведь она была предателем!

Шект произнес:

— Авардан, вы помните бактериолога, о котором я вам рассказывал, того, который умер после обработки Синапсайфером? Одним из первых симптомов его помешательства было утверждение, что он может читать мысли. И он действительно мог. Я обнаружил это незадолго до его смерти и держал в секрете. Я не рассказывал никому, что это возможно, Авардан, но это возможно. Видите ли, с понижением сопротивления мозговых клеток мозг может обретать возможность улавливать магнитные поля, создаваемые микротоками мыслей других людей, и трансформировать их внутри себя. Здесь тот же принцип, что и у обычного записывающего устройства. Это — телепатия.

Шварц продолжал упорно и враждебно молчать, когда Авардан повернулся к нему.

— Но если это так, Шект, может, мы постараемся его использовать? — Ум археолога напряженно работал, обдумывая невозможное. — Может быть, нам удастся выбраться отсюда. Должен быть способ.

Но Шварц холодно воспринимал трепетание мысленных контактов, которое так ясно ощущал.

— Вы имеете в виду чтение их мыслей, — прого-

ворил он. — Чем это может помочь? Я способен и на большее. Например, как вам понравится это?

Авардан почувствовал легкий толчок и вскрикнул от неожиданной боли.

— Это сделал я, — сказал Шварц. — Хотите еще?

— Вы можете проделать это с охранниками? — выговорил Авардан. — С секретарем? Как вы дали им привести себя сюда? Великая Галактика! Шект, у нас не будет никаких проблем. Теперь слушайте, Шварц…

— Нет, — сказал Шварц, — вы слушайте. Зачем мне убегать отсюда? Куда я попаду? По-прежнему в этот мертвый мир. Я хочу вернуться домой и не могу это сделать. И я хочу умереть.

— Но это вопрос жизни всей Галактики, Шварц. Вы не можете думать о себе.

— Не могу? А почему бы и нет? Какое мне дело до вашей Галактики? Пусть проваливается ко всем чертям! Я знаю, что намеревается сделать Земля, и рад этому. Недавно эта леди сказала, что решила, на чьей она стороне. Что ж, это решил и я, и моя сторона — Земля!

— Что?

— Почему бы и нет? Я — землянин.

Глава 17
Измени решение!

А потом опять был очередной допрос…

Прошел час с того времени, как Авардан, очнувшись, почувствовал, что лежит беспомощный, как мясная туша в ожидании разделки. И ничего не произошло. Ничего, кроме этой горячечной бесполезной болтовни в невыносимом ожидании.

Ослабевший, Авардан боялся, что у него не хватит сил сопротивляться следователю. Он сказал:

— Я думаю, за нами следят. Мы должны поменьше говорить.

— Нет, — послышался ровный голос Шварца. — Никто нас не подслушивает.

Археолог готов был автоматически отреагировать своим «откуда вы знаете», но промолчал. Он остро позавидовал, что не у него такая сила! А у человека из прошлого, который называет себя землянином и хочет умереть, есть такая сила!

В поле его зрения попадал лишь кусок потолка. Повернувшись, он мог видеть неправильный профиль Шекта, с другой стороны — голую сте-

ну. Подняв голову, он смотрел на бледное лицо Полы.

Иногда его жгла мысль, что с ним, гражданином Империи, Галактики, так несправедливо обошлись земляне, и он позволил им это сделать.

Но и она исчезла.

— Бел? — Слово прозвучало неожиданно приятно для него, прервав мысли о смерти.

— Да, Пола?

— Я думаю, они не будут тянуть особенно долго.

— Может быть, дорогая… Как жаль. Ведь мы потеряли два месяца.

— Это моя вина, — прошептала она. — Моя вина. Но у нас есть, по крайней мере, эти последние минуты. Мы должны их использовать.

Авардан не смог ответить. Мысли вихрем проносились в его голове. Было ли это лишь плодом его воображения или он действительно чувствовал твердый пластик, на котором лежало его безжизненное тело? Как долго длится паралич?

Необходимо убедить Шварца помочь. Он попробовал проконтролировать свои мысли, заранее зная, что это невозможно.

— Шварц, — позвал он…

Шварц лежал такой же беспомощный, как и

остальные, но его мучения были гораздо глубже. В нем одном была сконцентрирована боль его спутников.

В самом себе он еще мог поддерживать это сжимающее душу стремление к смерти, к ее бесконечному спокойствию и умиротворенности, побеждать последние капли любви к жизни, которая так недавно, всего два дня назад, заставила его бежать с фермы. Но окруженный другими? С гнетущим страхом смерти, как саван нависшим над Шектом, с досадой и непреодолимым желанием действия в энергичном уме Авардана, с глубоким и отчаянным разочарованием девушки?

Он должен закрыть свое сознание от страданий других! У него есть своя жизнь и своя смерть. Какое ему до них дело?

И тут Авардан позвал его. Шварц уже знал зачем. Они хотят, чтобы он их спас. Почему он должен это делать? Почему?

— Шварц, — вкрадчиво повторил Авардан, — вы могли бы стать героем. Вам не из-за чего умирать здесь, не из-за этих же людей, которые схватили вас.

Но Шварц лихорадочно перебирал в памяти воспоминания своей юности, стараясь заполнить

ими колеблющийся ум. Странная смесь событий из прошлого и настоящего вызывала у него раздражение. Он сказал сдержанно:

— Да, я могу стать героем и… предателем. Эти люди хотят убить меня. Вы называете их людьми, но это произносит ваш язык, мысленно же вы их называете чем-то, чего я понять не могу, но это нечто отвратительное. И только потому, что они земляне.

— Это ложь, — горячо возразил Авардан.

— Это не ложь, — последовал такой же горячий ответ, — и все знают это. Они хотят убить меня, да, но только потому, что считают меня одним из людей вашего сорта, людей, которые обрекли целую планету на беспросветное существование, на унижение несносным высокомерием. Так защищайтесь сами от этих «ничтожеств и паразитов», которым неожиданно удалось создать угрозу для своих богоподобных повелителей. И не просите помощи у одного из них.

— Вы говорите, как Зелот, — пораженно произнес Авардан. — Почему? Вам причиняли страдания? Вы говорите, что жили на большой и независимой планете. Вы были землянином, когда Земля была единственной носительницей жизни. Вы — один из нас, один из правителей.

Зачем же отождествлять себя с отчаявшимся меньшинством? Это не та планета, которую вы помните. Моя планета гораздо больше напоминает старую Землю, чем этот умирающий мир.

Шварц рассмеялся.

— Я — один из правителей, говорите? Что же, не будем спорить об этом. Это бессмысленно. Поговорим вместо этого о вас. Вы — прекрасный образец того, что присылает нам Галактика. Вы снисходительны и поразительно добросердечны. Вы восхищаетесь собой, потому что обращаетесь с доктором Шектом как с равным. Но подсознательно, я с трудом различаю это, вы чувствуете себя неловко в его обществе. Вам не нравится, как он говорит и как он выглядит. Вообще, он не нравится вам. Вам не нравится то, что он предает Землю… Да, недавно вы целовали девушку с Земли и теперь смотрите на это как на слабость. Вы стыдитесь этого…

— Клянусь звездами, нет… Пола, — отчаянно воскликнул Авардан, — не верь ему. Не слушай его.

— Не отрицай этого, — мягко проговорила Пола. — Он смотрит под поверхность того, что осталось в тебе еще с детства, Бел. Он увидел бы то же самое и у меня. Он увидел бы подобное,

загляни он в свое сознание.

Шварц почувствовал, что краснеет.

Голос Полы остался таким же ровным, когда она обратилась непосредственно к нему:

— Шварц, раз вы можете читать мысли, загляните в мои. Скажите, замышляла ли я предательство. Узнайте мысли моего отца. Скажите, разве не правда то, что он легко мог бы избежать Шестидесяти, согласись он сотрудничать с сумасшедшими, замыслившими уничтожить Галактику. Чего он достиг своим предательством?.. И посмотрите еще, желает ли кто-либо из нас вреда Земле или землянам. Вы сказали, что чувствовали ум Балкиса. Я не знаю, насколько вам удалось его рассмотреть. Но когда он вернется, тогда будет слишком поздно — узнайте его мысли. Поймите, что он — сумасшедший… А потом — умрите!

Шварц молчал.

— Хорошо, Шварц, — поспешно вмешался Авардан, — загляните теперь в мое сознание, как хотите глубоко. Я родился на Беронне, в секторе Сириуса. Я прожил жизнь в атмосфере антиземных настроений и, конечно, ничего не могу поделать со своим подсознанием. Но загляните в сознание и скажите, разве не поборол я эти пред-

рассудки в зрелые годы? Не в других, что было бы легко, а в себе, прилагая к этому все усилия.

Шварц, вы же не знаете нашей истории! Вы не знаете о тысячах, десятках тысяч лет, в течение которых человек расселялся по Галактике, о войнах и страданиях людей. Вы не знаете о первых веках Империи, с их сменяющими друг друга беспорядками, деспотизмом и хаосом. Ведь всего двести лет, как Галактическое правительство обрело действительную власть. Под его управлением все планеты получили культурную автономию, право самим решать свои дела, участвовать в общем управлении.

Никогда в истории человечество не было так свободно от войн и нищеты, как сейчас, никогда экономика не управлялась так разумно, никогда перспективы на будущее не были столь яркими. И вы согласитесь разрушить это и начать все сначала? И ради чего? Ради деспотизма, несущего лишь подозрительность и ненависть.

Обида Земли справедлива, и когда-нибудь с этим будет покончено, если Галактика выживет. Но то, что намереваются сделать они, — не решение. Вы знаете, что они хотят сделать?

Если бы Авардан обладал способностями, появившимися у Шварца, он отчетливо почув-

ствовал бы борьбу в его сознании. Тем не менее он инстинктивно понял, что пришло время сделать передышку.

Шварц был тронут. Все эти планеты обречь на смерть… На мучения и гибель от ужасной болезни… Наконец, был ли он землянином? Просто землянином? В молодости он покинул Европу и отправился в Америку, но не остался ли он тем же человеком, несмотря на это? И если после него люди покинули больную и израненную Землю и отправились в заоблачные миры, стали ли они в меньшей степени землянами? И принадлежала ли им вся Галактика? Разве не были они все потомками его и братьями?

— Хорошо, — с трудом выговорил он. — Я с вами. Чем я могу помочь?

— Как далеко может проникнуть ваше сознание? — нетерпеливо спросил Авардан, как будто боясь, что этот человек передумает вновь.

— Не знаю. За дверью кто-то есть. Наверное, охрана, я думаю, что смогу достичь даже улицы, но чем дальше, тем менее отчетливым становится контакт.

— Естественно, — сказал Авардан. — А что с секретарем? Можете вы его найти?

— Не знаю, — пробормотал Шварц.

Пауза… Минуты тянулись невыносимо.

— Ваши мысли мне мешают, — проговорил Шварц. — Не смотрите на меня. Думайте о чем-то другом.

Они попытались. Еще одна пауза. Потом:

— Нет, я не могу, я не могу.

— Я могу двигаться чуть-чуть, — с робостью воскликнул Авардан. — Великая Галактика, я могу пошевелить ногой… Ох! — Каждое движение было таким неуклюжим.

— Как сильно вы можете травмировать человека, Шварц? — спросил он. — Я имею в виду, можете ли вы проделать это сильнее, чем только что со мной?

— Я убил человека.

— Убили? Как вы это сделали?

— Не знаю. Это получилось само собой. Это… Это… — Шварц выглядел комически в своей попытке выразить невыразимое.

— Хорошо, а можете вы справиться сразу больше чем с одним противником?

— Я не пробовал, но думаю, что нет. Я не могу читать мысли двух людей одновременно.

— Он не может убить секретаря, Бел, — вмешалась Пола. — Ничего не получится.

— Почему?

— Как мы выберемся отсюда? Даже если мы застанем секретаря одного и убьем его, сотни людей будут ждать нас снаружи. Ты об этом подумал?

Однако ее прервал хриплый голос Шварца.

— Я нашел его.

— Кого? — воскликнули все трое. Даже Шект напряженно вглядывался в него.

— Секретаря. Кажется, это его мысленный контакт.

— Держите его. — Авардану удалось повернуться на бок за время своих попыток убедить Шварца, и сейчас он рухнул с плиты, ударился о пол и тщетно пытался подняться, опираясь на свои полупарализованные ноги.

— Выжмите его, Шварц. Выдавите столько информации, сколько возможно.

Шварц напрягся до головокружения. Он сжимал и отпускал щупальца своего мозга, вслепую, неуклюже, как младенец, вытягивающий неуверенные руки за предметом, которого не может достать. Пока наконец он не достал то, что смог найти, и теперь смотрел… смотрел…

С трудом, напрягшись, он произнес:

— Триумф! Он уверен в успехе… Что-то насчет космических ракет. Он отправил их… Нет, не отправил. Он собирается их отправить.

— Это автоматически управляемые снаряды, несущие вирус, — простонал Шект. — Они направлены на разные планеты.

— Но где они хранятся, Шварц? — настаивал Авардан. — Ищите, ищите…

— Здание… Я не все понимаю… Пять концов — звезда — название — Слу — кажется…

— Это оно, — вновь вмешался Шект. — Клянусь всеми звездами, это оно. Храм в Сенлу. Он со всех сторон окружен радиоактивными ловушками. Никто, кроме Старейших, не может туда войти. Это возле пересечения двух больших рек, Шварц?

— Не могу… Да-да-да.

— Когда, Шварц, когда? Когда они будут отправлены?

— Я не мог разобрать день, но скоро, скоро. Его ум переполнен этим… Очень скоро. — Он, казалось, изнемогал от усилия.

Авардан наконец с трудом, пошатываясь, оперся на руки и колени.

— Он идет сюда?

— Да. Он возле двери.

Дверь открылась.

Голос Балкиса был исполнен холодного торжества:

— Доктор Авардан! Не лучше ли вам вернуться на свое место?

Авардан взглянул на него, полностью сознавая нелепость своего положения, однако ответить было нечего, и он молчал. Он медленно опустился на пол и остался в этом положении, тяжело дыша. Ах, как ему хотелось броситься на Балкиса и выхватить оружие у противника…

Со светящегося мягким светом флексипластового пояса секретаря, слегка покачиваясь, свисала не нейроплеть. Это был настоящий бластер крупного калибра, способный мгновенно разнести человека на атомы.

Секретарь разглядывал лежащую перед ним четверку со злобным удовлетворением. Он делал вид, что не обращает внимания на девушку, но с остальными было все ясно. Здесь был предатель — землянин, агент Империи и таинственное существо, за которым они следили два месяца. Были ли у них сообщники?

Конечно, существовал еще Энус и Империя. В лице этих шпионов и предателей были отсечены их руки, но где-то еще оставался действующий мозг, который мог выслать новые руки.

Секретарь стоял в непринужденной позе, скрестив руки на груди, презрительно игнорируя

возможность нападения на него. Голос его был спокоен и мягок.

— Необходимо внести в наши отношения ясность. Земля находится в состоянии войны с Галактикой, пока еще не объявленной, но тем не менее войны. Вы — наши узники, и с вами будут обращаться соответственно сложившейся ситуации. Принятая кара для шпионов и предателей — смерть…

— Только в случае официально объявленной войны, — яростно прервал его Авардан.

— Официальной войны? — переспросил секретарь с почти нескрываемой насмешкой. — Что такое официальная война? Земля всегда находилась в состоянии войны с Галактикой, независимо от того, объявили мы об этом или нет.

— Не спорь с ним, — проговорила Пола, обращаясь к Авардану. — Пусть скажет то, что хочет, и покончим с этим.

Авардан улыбнулся ей. Это была странная судорожная улыбка, потому что в то же время он, совершив неимоверное усилие, поднялся на ноги и остался стоять, тяжело дыша.

Балкис тихо засмеялся. Он не спеша приблизился к археологу, так же не спеша положил ему руку на грудь и толкнул.

С безвольно повисшими, неслушающимися руками, с застывшими мышцами туловища, которые не могли поддерживать равновесие тела, Авардан не устоял на ногах.

Пола, затаив дыхание и борясь с собственным неподчиняющимся телом, начала медленно спускаться со скамьи.

Балкис отбросил ее к Авардану.

— Влюбленные, — презрительно проговорил он. — Вот он, твой сильный чужак. Беги к нему! Что же ты медлишь? Обними своего героя и забудь в его объятиях, что на нем кровь и пот миллионов замученных землян. И вот он лежит здесь, доблестный и смелый, повергнутый на Землю легким прикосновением рук землянина.

Пола поднялась на колени рядом с лежащим Аварданом, ощупывая его голову, боясь увидеть кровь или что-либо более ужасное. Глаза Авардана медленно открылись, а губы прошептали:

— Все в порядке.

— Он трус! — сказала Пола. — Он сражается с парализованным человеком и хвастается победой. Поверь, таких землян немного.

— Я знаю, иначе ты не была бы землянкой.

Секретарь стоял не шевелясь.

— Как я уже сказал, вы обречены, но тем не

менее ваша жизнь может быть выкуплена. Вас интересует цена?

— Будь вы на нашем месте, вас бы это интересовало. Это я знаю, — вызывающе бросила Пола.

— Тсс, Пола, — Авардан все еще не восстановил дыхания. — Что вы предлагаете?

— О, — произнес Балкис, — вы желаете себя продать? Так, как это бы сделал на вашем месте я? Я — ничтожный землянин?

— Вам виднее, кто вы такой, — парировал Авардан.

— Что касается остального, я не продаю себя, я покупаю ее.

— Я отказываюсь быть проданной, — заявила Пола.

— Как трогательно, — раздраженно сказал секретарь. — Он снизошел до наших женщин, наших скво, и все еще играет в жертвенность.

— Что вы предлагаете? — повторил свой вопрос Авардан.

— Следующее. Вам стало известно что-то о наших планах. Откуда это узнал доктор Шект, догадаться нетрудно, но как это дошло до Империи — непонятно. Поэтому мы хотели бы узнать, что известно Империи. Не то, что узнали вы, Авардан, а то, что знает Империя.

— Я — археолог, а не шпион, — отрезал Авардан. — Я понятия не имею, что известно Империи, но надеюсь, что немало.

— Так я и думал. Что же, вы сможете переменить свое мнение. Это касается всех вас.

Все это время Шварц молчал, не открывая глаз.

Секретарь подождал, после чего с некоторой злостью произнес:

— Тогда я скажу, что будет наградой вашей несговорчивости. Это будет не просто смерть, потому что я абсолютно уверен, что все вы готовы к этому неприятному и неизбежному варианту. Вас, доктор Шект, и вашу дочь при сложившихся обстоятельствах наиболее подходящим решением будет отослать на Синапсайфер. Вы меня понимаете, доктор Шект?

В глазах физика застыл смертельный ужас.

— Да, вижу, что понимаете, — продолжал Балкис. — Конечно, с помощью Синапсайфера можно повредить мозговую ткань настолько, что человек превратится в полного дебила. Это весьма отвратительное зрелище: человека нужно кормить, чтобы он не умер от голода, мыть, чтобы он не покрылся слоем грязи, держать взаперти, чтобы не пугать окружающих. Это может стать хорошим уроком для других. Что касается

вас, — и секретарь повернулся к Авардану, — вы с вашим другом Шварцем — граждане Империи, и поэтому подходите для интересного эксперимента. Нам еще не довелось испытать созданный нами вирус на вас, подонках из Галактики. Будет интересно убедиться в правильности наших расчетов. Знаете, такая небольшая доза, что смерть придет не сразу. Болезнь будет съедать вас в течение недели, если мы правильно рассчитаем дозу. Это будет очень больно.

Он сделал паузу и посмотрел на них.

— Все это, — проговорил он, — альтернатива нескольких нужных слов, сказанных сейчас. Что известно Империи? Действуют ли сейчас другие агенты? Каковы их планы, если такие есть, принятия контрмер?

— Как мы можем быть уверены, что вы не убьете нас, даже если узнаете все, что хотите? — пробормотал Шект.

— Даю слово, что в случае отказа вы умрете страшной смертью. Так что придется пользоваться предлагаемой возможностью. Что скажете?

— У нас есть время?

— А разве я не давал вам времени? Три минуты прошли с того момента, как я вошел, а я все еще вас слушаю… Так вам есть что сказать? Что, нече-

го? Вы должны понять, что время невозможно растягивать до бесконечности. Авардан, вы все еще напрягаете мускулы. Вы, наверное, думаете, что сможете приблизиться ко мне, прежде чем я возьму в руки бластер. Ну, и что бы это вам дало? За дверями сотни людей, а мои планы будут реализованы и без моего участия. Даже назначенное мною наказание не минует вас. Или вы, Шварц. Вы убили нашего человека. Это сделали вы, не так ли? Может быть, вы думаете, что удастся убить и меня?

Шварц впервые посмотрел на Балкиса и холодно сказал:

— Я мог бы, но этого не сделаю.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Ничуть. Это очень жестоко с моей стороны. Вы сами сказали, что есть вещи хуже, чем простая смерть.

Авардану пришла в голову мысль, что Шварц что-то задумал.

Глава 18
Дуэль

Шварц испытывал странное, лихорадочное возбуждение; все, задуманное им, казалось так

просто. Частью сознания он держал ситуацию под контролем. Другая часть не могла в это поверить. Он был позже других введен в состояние паралича. Даже Шект уже сидел, в то время как он мог лишь слегка поднять руку.

И, пристально глядя в исполненный враждебности ум секретаря, бесконечно грязный и бесконечно злобный, Шварц начал дуэль.

— Первоначально я был на вашей стороне, — сказал он, — несмотря на то, что вы намеревались меня убить. Мне казалось, что я понимаю ваши чувства и намерения... Но сознания этих трех людей относительно чисты, в то время как ваше — вне всяких сомнений. Вы сражаетесь даже не ради землян, а ради собственной власти. Я вижу, что вы мечтаете не о свободной, а о вновь порабощенной Земле. Я вижу не уничтожение власти Империи, а замену ее личной диктатурой.

— И все это вы видите? — произнес Балкис. — Что ж, вы можете видеть все, что вам угодно. В конце концов, мне не настолько нужна эта информация, чтобы терпеть вашу наглость. Вы своего дождались. Удивительно, что может сделать давление даже с теми, кто клянется, что большая скорость невозможна. Вы не заметили этого, мой драматический чтец мыслей?

— Нет, — ответил Шварц. — Я не искал и поэтому не заметил этого… Но я не могу узнать это сейчас. Два дня… Меньше… Посмотрим… Вторник… Шесть часов утра… Время Чики.

Бластер наконец оказался в руке секретаря. Он быстро подскочил к беспомощно лежавшему Шварцу.

— Откуда вы это знаете?

Шварц замер, вытягивая и сжимая свои мысленные щупальца. Физически это отразилось лишь в напрягшихся мышцах лица и морщинах на лбу, но все это не имело никакого значения, просто второстепенные эффекты значительного усилия. То, что охватило и сжало мысленный контакт противника, находилось глубоко в его сознании.

Авардан с интересом наблюдал разыгравшуюся сцену.

— Я держу его… — задыхаясь, прошептал Шварц. — Заберите у него оружие. Я не могу удержать… — Шепот перешел в хрип и замер.

И тут Авардан понял. Шатаясь, он поднялся на четвереньки. Затем медленно, с невероятным напряжением заставил себя принять устойчивое положение, выпрямиться. Пола неудачно попыталась подняться вслед за ним. Шект спустился с

плиты и стал на колени. Шварц лежал неподвижно, с напряженным лицом.

Секретарь, казалось, словно был поражен взглядом медузы Горгоны. На его гладком, лишенном морщин лбу медленно выступил пот, а лицо было бесстрастно. Только правая рука, державшая бластер, проявляла признаки жизни. Присмотревшись, можно было заметить ее слабую дрожь, странное, колеблющееся давление на спусковую кнопку: легкое, недостаточное, чтобы причинить вред, но повторяющееся, повторяющееся.

— Держите его, — со злорадным наслаждением выговорил Авардан. Он пытался подняться. — Дайте мне до него добраться.

Его ноги дрожали. Ему казалось, что он как в кошмаре пробирается сквозь патоку, плывет в смоле, заставляя работать неслушающиеся мускулы, так медленно, так медленно…

Он еще не понимал разыгравшегося перед ним отчаянного противоборства.

У секретаря была лишь одна цель — приложить ничтожное усилие и нажать пальцем на кнопку бластера, чтобы привести его в действие.

Шварц всеми своими силами старался не допустить этого. Но среди всей массы ощущений мысленного контакта противника он не мог по-

нять, какая именно зона мозга непосредственно связана с этим пальцем. Поэтому его усилия были направлены на создание полного оцепенения…

Мысленный контакт секретаря яростно сопротивлялся чужой воле. Шварцу противостоял сообразительный и бесстрашный ум. На мгновение он замирал, ожидая, а затем предпринимал новую отчаянную попытку…

Шварцу казалось, что он сжимает борющегося, яростно вырывающегося противника, которого должен удержать любой ценой.

Но ничего этого не было заметно. Только нервное подергивание скулы Шварца, его дрожь, закушенные до крови губы и эти едва заметные движения пальца Балкиса…

Авардан остановился, чтобы передохнуть. Его вытянутый палец уже коснулся накидки секретаря, когда он почувствовал, что больше двигаться не может. Пораженные болью легкие не могли обеспечить воздухом омертвевшие конечности. На глазах от усилия выступили слезы, сознание был затуманено болью.

— Еще немного, Шварц, — задыхаясь, выговорил он. — Держите его, держите…

Медленно, очень медленно Шварц покачал головой.

— Я не могу, я не могу…

И действительно, весь мир ускользал от него, все перемешивалось, становилось тусклым и расплывчатым. Щупальца его сознания становились жесткими и непослушными.

Палец секретаря еще раз нажал на спуск и не отошел назад. Он надавливал все сильнее.

Шварц почувствовал, как расширяются, выходят из орбит его глаза, как бешено колотится сердце. Он ощущал растущее торжество в глазах противника…

И тут Авардан рванулся вперед. Его непослушное тело с вытянутыми руками рухнуло на Балкиса.

Скованный чужой волей, секретарь упал вместе с ним. Бластер отлетел в сторону, со стуком упал на пол.

Почти в то же мгновение ум Балкиса обрел свободу. Шварц, чувствуя полнейшее смятение в сознании, отступил.

Балкис пытался выбраться из-под Авардана, придавившего его мертвым грузом. Коленом он резко толкнул противника в пах, вкладывая в удар всю свою ненависть, кулаком ударил Авардана в челюсть. Приподнявшись, он оттолкнул его.

Тяжело дыша, секретарь вскочил на ноги и замер вновь. На него в упор смотрел Шект. Его трясущаяся правая рука, поддерживаемая левой, сжимала бластер, направленный на секретаря.

— Вы, кучка глупцов, — со злостью крикнул секретарь, — чего вы добиваетесь? Стоит мне только позвать…

— И вы тотчас же умрете, — тихо сказал Шект.

— Убив меня, вы ничего не достигнете, — жестко проговорил Балкис, — и вы знаете это. Вы не спасете Империю, из-за которой предали нас, вы не спасете даже себя. Отдайте мне оружие, и вы будете свободны.

Он протянул руку, но Шект лишь невесело рассмеялся.

— Я не настолько глуп, чтобы поверить в это.

— Может быть, но вы полупарализованы. — И секретарь сделал резкое движение вправо. Это у него получилось гораздо быстрее, чем слабая рука физика смогла повернуть бластер.

И теперь ум Балкиса был полностью сосредоточен на том, чтобы ускользнуть от бластера. Тем временем Шварц сконцентрировал свои силы для последнего удара, после которого секретарь, споткнувшись, рухнул на землю.

Авардан с трудом поднялся на ноги.

— Шварц, вы можете двигаться? — спросил он.

— Немного, — послышался усталый ответ.

Шварц соскользнул со своего ложа.

— Кто-нибудь приближается сюда?

— Я не чувствую никого.

Авардан склонился над распростертым Балкисом и грубо перевернул его на спину. Он попытался нащупать пульс, после чего положил руку на грудь лежащего.

— Сердце, по крайней мере, стучит… Вы обладаете страшной силой, Шварц. Почему вы не сделали этого раньше?

— Я пытался дольше удержать его в состоянии оцепенения. Я надеялся, что мы сможем заставить его вывести нас отсюда, используя его при этом как прикрытие.

— Мы можем и сейчас это сделать, — неожиданно оживившись, проговорил Шект. — Отсюда всего полмили до имперского гарнизона. Добравшись туда, мы будем в безопасности и сможем связаться с Энусом.

— Как мы туда доберемся, если за дверями сотни вооруженных людей, не говоря уже о дальнейшем пути… А как мы будем передвигаться с этим зеленым манекеном? — Авардан невесело улыбнулся.

— И, кроме того, — мрачно добавил Шварц, — я не могу удерживать его долго. Вы же видели…

— Это с непривычки, — серьезно сказал Шект. — Теперь слушайте, Шварц. Я немного представляю то, как вы действуете. Ваше сознание превращается в приемную установку электромагнитного поля чужого ума. Я думаю, что вы можете создавать и свое поле. Вы меня понимаете?

Шварц болезненно скривился, чувствуя себя неуверенно.

— Поймите меня, — настаивал Шект. — Вы должны сосредоточиться на том, что вы от него хотите. Прежде всего мы вернем ему бластер.

— Что?! — почти одновременно прозвучали три изумленных голоса.

Шект заговорил громче.

— Он должен вывести нас отсюда. Другого выхода у нас нет, не так ли? И как лучше устранить всяческие подозрения, чем позволив ему нести оружие?

— Но я же говорю, что не могу удержать его. — Шварц сгибал и разгибал руки, пытаясь восстановить подвижность тела. — Что мне ваши теории, доктор Шект! Вы просто не представляете, что это такое.

— Я вас понимаю, но мы должны использовать

эту возможность. Попытайтесь еще раз, Шварц. Заставьте его пошевелить рукой, когда он придет в себя.

Секретарь застонал, и Шварц почувствовал возвращающийся мысленный контакт. Молча, испытывая чуть ли не страх, он дал ему набрать силу и затем мысленно стал подчинять своей воле.

У секретаря поднялась рука. Зловеще улыбаясь, землянин из прошлого поднял глаза, но взгляды всех были сосредоточены только на лежащем с приподнятой головой Балкисе, на его глазах, в которые возвращалось сознание, а рука совершала странные и нелепые движения.

Шварц принялся за дело.

Секретарь неуклюже, чуть не потеряв равновесие, поднялся. И затем, скованный чужой волей, начал неестественно танцевать.

В танце не было ни ритма, ни красоты, и на всех он произвел жуткое впечатление.

Шект осторожно приблизился к роботоподобному секретарю и не без колебания протянул руку, в которой рукояткой вперед лежал бластер.

— Помогите ему взять оружие, Шварц, — проговорил физик.

Рука Балкиса неуклюже вытянулась вперед и

неуверенно взяла оружие. На мгновение в его глазах появился и тут же погас торжествующий блеск. Очень медленно бластер занял свое место на поясе, и рука отошла в сторону.

Язвительная улыбка озарила лицо Шварца.

— Он почти в моих руках!

— Отлично. Вы можете его удержать? — спросил Шект.

— Он дьявольски сопротивляется. Однако удерживать его мне легче, чем в прошлый раз.

— Это потому, что вы знаете, что делаете, — сказал Шект не совсем уверенно. — Теперь действуйте.

— Вы можете заставить его говорить? — вмешался Авардан.

Последовала пауза, затем секретарь издал тихое протяжное рычание. Еще одна пауза, и вновь рычание.

— Это все, — с сожалением произнес Шварц.

— Но почему ему это не удается? — обеспокоенно спросила Пола.

Шект пожал плечами.

— Тут действуют сложные и чувствительные мышцы. Это не то, что воздействие на грубые мускулы конечностей. Ничего, Шварц. Мы обойдемся и без этого.

Следующие два часа этой странной одиссеи каждый из них пережил по-своему.

Шект, например, обрел необычную твердость. Все его внутренние переживания заслонил страх за Шварца. Его глаза следили лишь за его нахмуренным, искаженным усилием лицом. Других он почти не замечал.

Охранники, стоящие за дверью, резко вытянулись, увидев секретаря, зеленая накидка которого символизировала высокое положение и власть. Секретарь неуверенно ответил на приветствие и в компании Шекта, Шварца, Авардана и Полы проследовал дальше.

Лишь когда они миновали большой зал, Авардан осознал все безумие происходящего и то, что все они были на грани смерти… И вдруг — это внезапное, чудесное спасение…

Он взглянул с нежностью на Полу и понял, что более желанного существа он еще не встречал.

Впоследствии он помнил только о ней. Лишь о ней…

Шварц изнемогал. Извивающаяся дорога, начинающаяся у боковых дверей, через которые они вышли, была пуста, и он был невыразимо рад этому.

Только Шварц полностью осознавал, что ждет

их в случае неудачи. В подчиненном ему сознании противника он чувствовал невыносимое унижение, всепоглощающую ненависть, готовность на все. Ему пришлось искать в этом сознании местоположение правительственной наземной машины, путь к ней… И в поисках этого он также ощутил решимость секретаря отомстить немедленно, если возникнет возможность спастись.

Когда они приблизились к автомобилю, Шварц с трудом заговорил. Он не смел расслабиться достаточно, чтобы быть способным на нормальную речь.

— Не могу… вести машину… заставить… его… управлять сложно… не могу…

Шект мягко пробормотал что-то успокаивающее. Он не смел прикоснуться к нему, не смел говорить, как обычно, не смел даже на секунду отвлечь внимание Шварца.

— Только посадите его на заднее сиденье, Шварц, — прошептал он. — Я буду управлять. Я умею. Держите его, я заберу бластер.

У секретаря была специальная модель наземного автомобиля. А раз специальная, значит, отличная от других. Она привлекала внимание. Ее включенные фары напоминали изумрудные

вспышки пульсирующего света. Люди останавливались, глядя ей вслед, а автомобили поспешно уступали дорогу.

Если бы эта примечательная машина мчалась не так быстро, случайный прохожий мог бы заметить бледного напуганного секретаря на заднем сиденье. И это, быть может, показалось бы ему подозрительным.

Солдат преградил им дорогу, закрыв блестящие хромированные ворота, ошеломляющее величие которых было присуще всем строениям Империи и создавало резкий контраст с приземистой и неуклюжей архитектурой Земли. Громадное силовое ружье стража было угрожающе поднято, машина остановилась.

Авардан выглянул:

— Я — гражданин Империи, солдат. Я хочу говорить с вашим офицером.

— Мне необходимо видеть ваши документы, сэр.

— Их у меня забрали. Я — Бел Авардан с Бернонна. Это сектор Сириуса. Мое дело касается Наместника, и я спешу.

Солдат поднес ко рту руку и тихо сказал что-то в микрофон, спрятанный на запястье. Некоторое время он ждал ответа, после чего опустил ружье и

отошел в сторону. Ворота медленно открылись.

Глава 19
У роковой черты

В полдень находящийся в Вашене премьер-министр попытался по персональному каналу связаться со своим секретарем, но того не смогли нигде найти. Премьер-министр был раздражен, младшие чиновники Зала исправлений находились в смятении.

Охранники на все вопросы с уверенностью заявили, что секретарь вместе с пленными вышел в десять тридцать утра… Нет, он не оставил никаких указаний. Они не знают, куда он направлялся, конечно же, не их дело спрашивать об этом. Общее беспокойство и неуверенность усилились.

В два часа дня пришло первое сообщение, что машину секретаря видели утром, никто не заметил, был ли в ней секретарь, некоторым показалось, что он управлял машиной, но в этом никто не был уверен.

В два тридцать было точно установлено, что автомобиль въехал в расположение гарнизона Империи.

Около трех было окончательно решено связаться с гарнизоном. На вызов ответил лейтенант.

Они узнали, что пока невозможно дать информацию по интересующему вопросу. Однако офицеры его высочества Императора проследят за соблюдением законности. Затем было высказано требование, чтобы известие об отсутствии члена Совета Старейших не получало широкой огласки без дальнейших консультаций.

Но этого было достаточно, чтобы вызвать эффект, прямо противоположный желаемому.

Вовлеченные в заговор люди решили, что секретарь — в руках противника (за сорок восемь часов до начала действия!), а это означает либо раскрытие заговора, либо предательство Балкиса.

Население Чики заволновалось…

И решение было принято…

Профессиональные ораторы вышли на улицы. Тайные склады с боеприпасами были открыты, и оружие появилось в руках людей. Потоки людей направились к гарнизону, куда вскоре было отправлено новое послание, на этот раз через специального посла.

Тем временем в гарнизоне тоже было неспокойно. Все началось с того, что встретивший

машину молодой офицер протянул руку за бластером секретаря.

— Я заберу это, — коротко сказал он.

— Отдайте ему, Шварц, — проговорил Шект.

Когда бластер был унесен, Шварц со вздохом облегчения отпустил Балкиса.

Авардан был готов к попытке секретаря освободиться. Когда Балкис, как разжатая сильная пружина, рванулся из машины, археолог навалился на него, ожесточенно работая кулаками.

Офицер резко дал команду, и к ним бросились солдаты. Авардана грубо оттащили в сторону, секретарь остался безмолвно лежать на сиденье. Из угла рта у него сочилась кровь. Разбитая щека Авардана тоже кровоточила.

Археолог поправил волосы, после чего твердо произнес:

— Я обвиняю этого человека в заговоре с целью свержения правительства Империи. Я должен немедленно поговорить со старшим офицером.

— Я доложу ему, — вежливо сказал офицер. — Предлагаю всем вам следовать за мной.

И на несколько часов все замерло. Шекта, Полу, Авардана и Шварца поместили в отдельную и довольно чистую комнату. Впервые за двенадцать часов они смогли поесть.

И все же комнату охраняли, и с течением времени Авардан начал терять терпение и воскликнул:

— Мы же просто сменили тюрьму!

Серая армейская жизнь текла своим чередом. О них, казалось, забыли. Шварц уснул, да и у Авардана глаза слипались. Шект время от времени тряс головой, чтобы не уснуть.

— Осталось всего девять часов.

— Я знаю, но нужно ждать.

— Кто из вас утверждает, что он — гражданин Империи? — послышался иронический голос.

Авардан вскочил на ноги:

— Я…

И голос его замер, когда он узнал говорившего. Лейтенант жестко усмехнулся. Его левая рука все еще была несколько скована. И напоминала Авардану об их последней встрече.

— Бел, этот офицер… тогда в магазине… — слабо прошептала Пола.

— Тот, которому он сломал руку, — резко добавил офицер. — Меня зовут Клавдий, да, я действительно тот самый человек. Итак, вы с Сириуса, не так ли? И все же вы связались с этими… До чего может опуститься человек! И девчонка по-прежнему с вами. — Он сделал паузу и затем

медленно и отчетливо произнес: — Земная скво!

Авардан с трудом сдержался. Только не сейчас… не сейчас…

— Я могу видеть полковника, лейтенант? — спросил он, заставляя себя говорить спокойно.

— Боюсь, что полковника сейчас здесь нет.

— Вы хотите сказать, что его нет в городе?

— Я этого не говорил. Его можно найти, если дело достаточно серьезно.

— Могу я видеть дежурного офицера?

— В данный момент это — я.

— Тогда позовите полковника.

Лейтенант медленно покачал головой.

— Я не уверен в том, что это необходимо.

Авардан нетерпеливо закричал.

— Ради Галактики, прекратите эту игру! Это вопрос жизни и смерти.

— В самом деле? — Лейтенант Клавдий с деланым аристократизмом покачал маленькой элегантной тростью. — Вы могли бы попросить приема и у меня.

— Хорошо. Я жду.

— Я сказал — вы могли бы попросить.

— Вы можете принять меня, лейтенант?

Однако лейтенант был мрачен.

— Я сказал — попросить, смиренно.

Авардан побледнел и сделал шаг назад. Пола взяла его за рукав.

— Пожалуйста, Бел. Ты не должен его злить.

— Бел Авардан смиренно просит приема у дежурного офицера, — хрипло прорычал археолог.

— Я подумаю, — сказал лейтенант Клавдий.

Он приблизился к Авардану и резко ударил его по раненой щеке.

Авардан, сцепив зубы, еле подавил восклицание.

— Однажды вы обиделись на это, — произнес лейтенант. — А на этот раз?

Авардан молчал.

— Вас примут, — сказал лейтенант.

Авардан шел в окружении четырех солдат. Лейтенант возглавлял шествие.

Шект и Пола остались одни со спящим Шварцем.

— Я не слышу его больше, а ты? — спросил Шект.

Пола покачала головой.

— Я тоже. Ты думаешь, он может сделать что-нибудь с Белом?

— Что ты, — мягко проговорил физик. — Ты забываешь, что он не такой, как мы. Он — гражданин Империи, и с ним не могут расправиться

так просто… Ты любишь его?

— Очень. Хотя это глупо, я знаю.

— Конечно, — Шект горько усмехнулся. — Он — честный человек. С этим я согласен. Но что он может сделать? Остаться с нами в этом мире? Взять тебя с собой? Представить землянку своим друзьям? Семье?

Пола заплакала.

— Я знаю. У нас нет никакого будущего.

Шект вновь поднялся на ноги, как будто последняя фраза напомнила ему об их положении.

— Я его опять не слышу, — повторил он.

Он говорил о секретаре, помещенном в соседнюю комнату, откуда постоянно доносились его шаги. Но теперь все стихло.

Сейчас секретарь казался им средоточием всех враждебных сил, несущих смерть и разрушение мирам Галактики. Шект прикоснулся к Шварцу.

— Проснитесь, — сказал он.

Шварц приподнялся.

— Что такое? — Он почти не отдохнул, и усталость вновь со всей силой навалилась на него.

— Вы можете сказать, где сейчас Балкис? — нетерпеливо спросил Шект.

— Ох… Да. — Шварц сконцентрировался и протянул щупальца своего сознания в поисках

знакомого ему ума.

Он нашел его, но в контакт пока не вступал — это было неприятно.

— Он на другом этаже, — прошептал Шварц. — Он с кем-то говорит.

— С кем?

— Я не соприкоснулся еще с сознанием этого человеа. Подождите… Дайте послушать. Может быть, секретарь… Да, он называет его полковником.

Шект с Полой быстро переглянулись.

— Но ведь это похоже на предательство? — пробормотала Пола.

— Не знаю, — горько проговорил Шект. — Я готов поверить чему угодно.

Лейтенант Клавдий улыбался. Он сидел за столом с бластером в руках. Четверо солдат стояли за ним.

— Я не люблю и никогда не любил землян, — сказал он. — Это — отбросы Галактики. Они заразны, суеверны, ленивы. Это — вырожденцы. Но, клянусь звездами, большинство из них знает свое место. Я даже могу их как-то понять. Они такими родились, и это не их вина. Конечно, я не позволил бы им то, что позволяет Император, — я имею в виду их проклятые обычаи и

традиции, — будь я на месте Императора… Но ничего. Когда-нибудь мы научим…

— Послушайте, — взорвался Авардан. — Я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать…

— Слушать будете вы, потому что я не закончил. Я как раз собирался сказать, что не понимаю логики любителей землян. Когда человек ползает вместе с ними в грязи, бегает за их женщинами, я теряю всякое уважение к нему. Он еще хуже их…

— Хватит! — яростно закричал Авардан. — Вы знаете, что существует заговор против Империи? Вы знаете всю серьезность положения? Каждая минута промедления подвергает опасности квадриллионы людей в Галактике.

— Не знаю, не знаю, доктор Авардан. Вы ведь доктор, не правда ли? Нельзя забывать ваш титул. Видите ли, у меня своя теория. Вы — один из них. Возможно, вы и родились на Сириусе, но у вас — черное сердце землянина, и вы используете свое гражданство в их интересах. Вы похитили этого земного правителя, этого Старейшего. (Само по себе, кстати говоря, это довольно неплохо.) Но земляне уже ищут его. Они отправили нам послание.

— Отправили? Уже? Тогда о чем мы говорим. Я должен видеть полковника, если…

— Вы ожидали беспорядка, восстания? Возможно, вы планировали даже, что это вызовет столкновение с гарнизоном?

— Вы в своем уме? Зачем это?

— Что же, вы не будете возражать, если мы отпустим Старейшего?

— Вы этого не сделаете. — Авардан поднялся, и на мгновение показалось, что он готов броситься на офицера.

Рука лейтенанта сжала бластер.

— Не сделаем? Теперь слушайте. Я немного заинтересован в этом деле. Я дал тебе пощечину, унизил тебя на глазах твоих друзей-землян. Я заставил тебя сидеть и слушать, какое ты ничтожество. И теперь я с удовольствием подожду предлога, чтобы сделать с твоей рукой то же, что ты сделал с моей. Ну, сделай только шаг.

Авардан замер.

Клавдий засмеялся и отложил бластер в сторону.

— К сожалению, я должен сохранить тебя для полковника. Он примет тебя в пять часов.

— Вы это знали, знали все время, — хрипло произнес Авардан.

— Конечно.

— Если потерянное нами время, лейтенант,

означает, что ничего уже нельзя сделать, тогда никто из нас долго не проживет. — Он говорил леденящим, устрашающим тоном. — Но вы умрете первым, потому что я отдам этому последние свои минуты.

— Я буду ждать тебя, любитель землян. В любое время.

Вся жизнь полковника прошла в гарнизоне. У него не было особых возможностей добиться той славы, о которой мечтает каждый офицер. Полковник не очень к ней и стремился. В течение своей долгой военной службы он побывал во всех уголках Галактики, и гарнизон Земли не представлялся ему чем-то необычным. Он желал лишь мирной, спокойной службы и ради этого готов был на что угодно.

Вошедший Авардан заметил, что полковник выглядит очень устало. С отсутствующим видом он пощелкивал суставами пальцев, затем официально посмотрел на вошедшего.

— Очень неприятная история… все это… — проговорил он, — очень. Я припоминаю вас, молодой человек. Вы — Бел Авардан с Сириуса, и по вашей вине у нас уже возникли затруднения. Вы что, не можете не попадать в неприятные истории?

— Это касается не только меня, полковник, но

и всей Галактики.

— Да, я знаю, — нетерпеливо сказал полковник. — Или, по крайней мере, знаю то, что вы утверждаете это. Я слышал, у вас больше нет документов.

— Их у меня забрали, но меня знают в Гималаях. Сам Наместник знает меня, и я надеюсь, он не допустит, чтобы случилось нечто непоправимое.

— Посмотрим. А пока я бы хотел выслушать вашу версию происшедшего.

— Мне стало известно о заговоре небольшой группы землян с целью насильственного свержения правительства Империи.

— Вы заходите слишком далеко, молодой человек, делая подобное, ничем не обоснованное заявление. Земляне могут устроить беспорядки, напасть на гарнизон, нанести нам значительный ущерб, — готов я признать, — но не уничтожить силы Империи на планете, не говоря уже о свержении правительства Империи. И все же я готов выслушать подробности этого… за… заговора.

— К сожалению, дело настолько серьезно, что я считаю необходимым рассказать об этом самому Наместнику, лично. С вашего позволения, я требую немедленно связаться с ним.

— Ухм… Давайте не будем действовать поспеш-

но. Знаете ли вы, что привезенный вами человек — секретарь премьер-министра Земли, один из наиболее важных Старейших?

— Прекрасно знаю.

— И тем не менее утверждаете, что он — Глава упомянутого заговора?

— Так оно и есть.

— Ваши доказательства?

— Я уверен, вы поймете меня, если я скажу, что не могу обсуждать этот вопрос ни с кем, кроме Наместника.

Полковник нахмурился и стал разглядывать свои ногти.

— Вы сомневаетесь в моей компетентности?

— Ничуть. Думаю, что только Наместник обладает достаточной властью для принятия необходимых мер.

— О каких мерах вы говорите?

— Необходимо полностью уничтожить определенное здание на Земле не позже, чем через двенадцать часов, иначе под угрозой гибели окажутся почти все жители Галактики.

— Какое здание? — устало спросил полковник.

Авардан не ответил.

— Могу я просить предоставить мне связь с Наместником?

Наступила томительная пауза. Наконец полковник сухо проговорил:

— Вы понимаете, что, похитив землянина, поставили себя в положение человека, дело которого может рассматривать земной суд? Обычно правительство защищает своих граждан и настаивает на передаче дела в Галактический суд. Однако равновесие здесь очень шатко, а я имею прямые указания по возможности избегать конфликтов. Поэтому, если вы не будете отвечать на мои вопросы, я буду вынужден передать вас и ваших друзей местной полиции.

— Но это будет смертный приговор. Для вас тоже!.. Полковник, я — гражданин Империи, и я требую встречи с Наместником.

Сигнал зуммера на столе заставил его остановиться. Полковник повернулся, нажал кнопку.

— Да?

— Сэр, — раздался отчетливый голос, — толпа людей окружила форт. По-видимому, они вооружены.

— Столкновения были?

— Нет, сэр.

На лице полковника не было заметно никаких чувств. Это, по крайней мере, было его профессией.

— Привести в готовность артиллерию и авиацию, всех людей на боевые позиции. Огонь открывать только при крайней необходимости. Ясно?

— Да, сэр. Землянин с флагом посла просит принять его.

— Пришлите его сюда. И приведите еще раз секретаря премьер-министра.

Закончив разговор, полковник холодно посмотрел на археолога.

— Надеюсь, вы понимаете, к чему привели ваши действия?

— Я требую разрешить мне присутствовать при вашей встрече с ними, — закричал Авардан, от гнева почти утратив контроль над собой, — и кроме того, я требую объяснить, почему, в то время как я находился под стражей, вы вели переговоры с этим изменником. Я знаю, что вы говорили с ним раньше, чем со мной.

— Вы меня в чем-то обвиняете? — угрожающим голосом произнес полковник. — Если да, то выражайтесь яснее.

— Я не обвиняю вас ни в чем. Однако я напоминаю, что вам придется впоследствии ответить за свои действия, и вы можете снискать известность человека, своим упрямством уничтожившего

свой народ.

— Хватит! Во всяком случае, перед вами я ни в чем отчитываться не обязан. С этого момента все будет идти как я пожелаю. Вы поняли?

Глава 20
Роковая черта

Секретарь прошел в открытую солдатом дверь. На его темных выпуклых губах застыла холодная улыбка. Он кивнул полковнику, игнорируя присутствие Авардана.

— Сэр, — обратился полковник к землянину, — я сообщил премьер-министру о причинах вашего пребывания здесь. Конечно же, ваше заключение здесь — абсолютно… за… необычайный случай, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы как можно скорее увидеть вас на свободе. Однако здесь находится господин, который, как вам, вероятно, известно, выдвигает против вас очень серьезное обвинение, которое мы должны проверить…

— Я вас понимаю, полковник, — спокойно сказал секретарь. — Однако, как я вам уже объяснил, этот человек пробыл на Земле всего около двух месяцев, насколько мне известно, так что он не имеет ни малейшего понятия о наших делах. До-

вольно неубедительная основа для какого-либо обвинения.

— Я — археолог по профессии, — яростно возразил Авардан, — и занимаюсь изучением Земли и ее обычаев. Я немало знаю о ваших делах. Кроме того, обвинение выдвигаю не я.

Секретарь ни разу не взглянул на археолога. Он обращался исключительно к полковнику.

— Один из наших местных ученых вовлечен в это дело. С приближением шестидесяти лет он начал страдать манией преследования. Кроме того, есть еще один человек, неизвестно откуда взявшийся и страдающий вдобавок умственным заболеванием. Никто из этой тройки не может представить доказательства…

Авардан вскочил:

— Я требую, чтобы меня выслушал…

— Сядьте, — холодно сказал полковник. — Вы отказались обсудить дело со мной. Пусть будет по-вашему. Позовите человека с флагом посла.

Это был еще один член Совета Старейших. Лишь слегка вздрогнувшие веки выразили его чувства при виде секретаря. Полковник поднялся с кресла и произнес:

— Вы говорите от имени собравшихся у форта людей?

— Да.

— Я полагаю, это мятежное и незаконное собрание выдвигает требование освободить находящегося здесь вашего соотечественника?

— Да. Он должен быть немедленно освобожден.

— Согласен! Тем не менее, исходя из законности, порядка и уважения к представителям его величества Императора на этой планете, этот вопрос не может обсуждаться в то время, как ваши люди с оружием выступают против нас.

— Полковник прав, брат Кори, — вежливо проговорил секретарь. — Пожалуйста, успокойте людей. Я здесь в полной безопасности. Опасность не угрожает никому. Вы меня понимаете? Никому. Передайте это Старейшим.

— Хорошо, Брат. Я рад, что ты в безопасности.

Он вышел.

— Я прослежу, чтобы вы здесь оставались в полной безопасности, пока положение в городе нормализуется, — сказал полковник.

— Благодарю вас за помощь.

Авардан снова встал.

— Я протестую. Вы собираетесь освободить этого будущего убийцу, который собирается убить все человечество, и в то же время не даете мне

встретиться с Наместником, хотя я требую лишь того, что гарантирует мои права гражданина Империи. — И в приступе отчаяния он добавил: — Неужели вы проявите больше внимания к земной собаке, чем ко мне?

Голос секретаря заглушил его последнюю вспышку гнева.

— Полковник, я готов остаться здесь до прибытия Наместника, если этот человек требует того. Измена — серьезное обвинение, и это подозрение, пусть даже ни на чем не основанное, может оказаться достаточным, чтобы сделать меня бесполезным для моего народа. Я буду рад возможности доказать Наместнику свою преданность Империи.

— Я восхищен вашими чувствами, — натянуто произнес полковник, — и честно признаю, что на вашем месте я вел бы себя совсем иначе. Ваш народ может гордиться вами. Я попытаюсь связаться с Наместником.

Авардан не сказал больше ни слова и был отведен в свою камеру.

Долгое время он сидел неподвижно, не глядя ни на кого.

— Ну и что? — наконец спросил Шект.

Авардан покачал головой.

— Я все погубил.

— Что вы сделали?

— Вышел из себя, кричал, оскорблял полковника, ничего не добился. Я не дипломат, Шект.

Неожиданно он почувствовал необходимость оправдаться.

— Что я мог сделать? — воскликнул он. — Балкис уже говорил с полковником, поэтому я не мог ему доверять. Что, если ему предложили спасти свою жизнь? Что, если он с самого начала участвовал в заговоре? Я знаю, это — дикая мысль, но я не мог рисковать. Все было слишком подозрительно. Я требовал встречи с Энусом.

Физик вскочил на ноги.

— Значит, Энус будет здесь?

— Я думаю, да. Но только по личной просьбе Балкиса, и этого я понять не могу.

— По личной просьбе? Значит, Шварц прав.

— Да? Что же он говорит?

Шварц уселся на своей кровати, пожал плечами в ответ на вопросительные взгляды и беспомощно развел руками:

— Я уловил мысленный контакт секретаря, когда его вели мимо нашей комнаты. Он долго разговаривал с этим офицером, которого вы упоминали.

— Я знаю.

— Однако в сознании офицера нет предательства.

— Что же, — пробормотал Авардан, — значит, я ошибался. А как насчет Балкиса?

— В его сознании нет беспокойства или страха, только ненависть. И сейчас она в основном направлена на нас, схвативших и привезших его сюда. Мы больно ранили его самолюбие, и он хочет нам отомстить. Причем от него можно ожидать самого худшего.

— Вы хотите сказать, что он рискнет всеми своими планами только для того, чтобы уничтожить нас? Это сумасшествие.

— Я знаю, — уверенно сказал Шварц. — Он — сумасшедший.

— И он думает, что ему это удастся?

— Именно.

— Тогда нам необходимы вы, Шварц, ваш ум. Слушайте…

Однако Шект покачал головой.

— Нет, Авардан, это у нас не получится. Я разбудил Шварца, когда вы ушли, и мы все обсудили. Его психические силы, о которых он сам имеет лишь туманное представление, явно не контролируются им в достаточной степени. Он может

оглушить, парализовать или даже убить человека. Он может контролировать большие мышцы тела человека даже против его воли, но не более. Вспомните, секретаря он не смог заставить говорить, и не мог также координировать его движения достаточно четко, чтобы заставить управлять автомобилем, контролировать равновесие при ходьбе тоже было трудно. Поэтому ясно, что мы не сможем управлять Энусом, не сможем заставить его издать приказ. Как видите, я подумал об этом… — Шект покачал головой и умолк.

Авардан взглянул на часы. Была уже почти полночь, оставалось так мало времени! На какое-то время он заснул, затем свет разбудил его. Он оглянулся ошеломленно и беспомощно. Сейчас здесь собрались все, даже Наместник прибыл наконец. Пола сидела рядом с ним, вложив ему в ладонь свои маленькие и теплые руки. Выражение страха и усталости на ее лице сильнее, чем что-либо другое, настраивало его против Галактики.

Может быть, все они заслужили смерть, глупые, глупые…

Шекта и Шварца он почти не замечал. Они сидели слева от него. И здесь же был Балкис, проклятый Балкис со своими выпуклыми губами,

синяком, расплывшимся по одной щеке.

Лицом к ним стоял Энус, хмурый, нерешительный, почти нелепый в своей тяжелой бесформенной, пропитанной свинцом одежде.

И он тоже был глупцом. Авардан его тоже ненавидел.

Мотивы, заставившие Энуса прибыть в Чику, были туманными, но тем не менее убедительными. «Собственно, — говорил он себе, — все ограничивается этим достойным сожаления похищением одного из типов в зеленых накидках. Обвинения выглядят дико, полковник мог бы с этим справиться сам».

Но здесь был Шект… Он был замешан в этом… И не как обвиняемый, а как обвинитель. Это казалось странным.

Наместник вполне осознавал, что непродуманное решение вызовет недовольство землян, может быть, восстание. А это ослабит его положение и помешает продвижению по службе. Что касается длинной речи, произнесенной Аварданом о вирусе и распространяющейся по Галактике эпидемии, то мог ли он относиться к этому серьезно?

А если он начнет действовать, как это будет выглядеть в глазах вышестоящих властей?

И все же как не верить Авардану, известному археологу?

Энус, обдумывая решение, обратился к секретарю:

— Конечно, вам есть что сказать по этому вопросу?

— Удивительно мало, — проговорил секретарь доверительным тоном. — Я хотел бы узнать, какие есть доказательства для обвинения?

— Ваше превосходительство, — с трудом сдерживая эмоции, сказал Авардан, — я уже говорил вам, что вчера этот человек полностью подтвердил все, что я сказал.

— Возможно, — заметил секретарь, — ваше превосходительство, вы предпочитаете поверить в это, но это лишь еще одно ничем не подтвержденное заявление. Пока же единственным фактом остается то, что я был насильственно схвачен, а не они, что моя, а не их жизнь подвергалась опасности. А теперь я бы хотел, чтобы мой обвинитель объяснил, как он узнал все это за два месяца пребывания на планете, в то время как вы, Наместник, за годы службы здесь не обнаружили ничего уличающего.

— В том, что говорит Брат, есть смысл, — с трудом признал Энус.

— Откуда вы это узнали?

— До признания обвиняемого я узнал об этом от доктора Шекта, — сухо ответил Авардан.

— Так ли это, доктор Шект? — Наместник посмотрел на физика.

— Да, ваше превосходительство.

— Откуда это стало известно вам?

— Доктор Авардан все рассказал, и был совершенно точен, говоря о том, как был использован Синапсайфер, и о предсмертных словах бактериолога Смитко. Этот Смитко участвовал в заговоре. Его слова записаны, и эта запись может быть предоставлена.

— Но, доктор Шект, заявление умирающего человека, находящегося в бреду, если верить словам доктора Авардана, не имеет особой достоверности. У вас есть что-либо еще?

Авардан прервал его, ударив кулаком по креслу и закричав:

— Разве это заседание суда? Что, кто-нибудь нарушил правила дорожного движения? У нас нет времени на раздумье над доказательствами или сравнение их с помощью микрометра. Я говорю вам, у нас есть время до шести утра, то есть пять с половиной часов, чтобы отвести эту смертельную опасность… Вы и раньше знали доктора Шекта,

ваше превосходительство. Обманывал ли он вас?

— Никто не обвиняет доктора Шекта в преднамеренной лжи, — быстро вмешался Балкис. — Просто он стареет и в последнее время сильно обеспокоен приближением своей шестидесятой годовщины. Боюсь, что сочетание возраста и страха обусловило некоторую умственную несбалансированность, достаточно часто встречающуюся здесь, на Земле. Посмотрите на него. Выглядит ли он вполне нормально?

Конечно же, физик выглядел сникшим и беспокойным, потрясенный тем, что ему пришлось пережить, и тем, что еще предстояло.

И все же Шект заставил себя говорить спокойно:

— Я мог бы сказать, что последние два месяца я находился под постоянным контролем Старейших, что все мои письма подвергались цензуре. Но ясно, что подобные жалобы могут быть отнесены на счет моей «ненормальности». Однако здесь присутствует Джозеф Шварц, человек, который добровольцем пришел на Синапсайфер в тот день, когда вы посетили меня в институте.

— Я помню. — Энус почувствовал облегчение, что разговор отклонился в сторону. — Это тот человек?

— Да.

— Он выглядит не хуже, чем до эксперимента!

— Гораздо лучше. Обработка Синапсайфером была исключительно удачной, потому что он с самого начала обладал отличной памятью, чего я прежде не знал. Сейчас его ум стал чувствительным к мыслям других людей…

Энус подался вперед и пораженно воскликнул:

— Что? Вы утверждаете, что он читает мысли?

— Это можно продемонстрировать, ваше превосходительство. Но я думаю, Брат подтвердит сказанное.

Секретарь бросил на Шварца быстрый, полный ненависти взгляд и проговорил с едва заметной дрожью в голосе:

— Это правда, ваше превосходительство. Этот человек обладает определенными гипнотическими способностями, хотя является ли это следствием обработки на Синапсайфере, я не знаю. Могу добавить, что о самой обработке нет никаких записей, что, согласитесь, весьма подозрительно.

— Записи не проводились, — спокойно сказал Шект, — в соответствии с указаниями премьер-министра.

Но секретарь лишь пожал плечами в ответ.

— Оставим эти бессмысленные споры, — безапелляционно сказал Энус. — Какое отношение к делу имеют способности этого Шварца, какими бы они ни были?

— Шект хочет сказать, — вмешался секретарь, — что Шварц может прочитать мои мысли.

— Это правда? Ну и что он думает? — спросил Наместник, обращаясь к Шварцу.

— Он думает, — ответил Шварц, — что никаких шансов убедить вас в своей правоте у нас нет.

— Совершенно верно, — усмехнулся секретарь, — хотя этот вывод едва ли требует особых способностей.

— И кроме того, — продолжал Шварц, — что вы несчастный глупец, боящийся действовать, желающий только покоя, надеющийся своей справедливостью и беспристрастностью покорить землян. Поэтому вы представляетесь ему еще большим глупцом.

Секретарь покраснел.

— Я отрицаю все это. Это явная попытка заслужить ваше расположение, ваше превосходительство.

— Это не так легко сделать, — сказал Энус и добавил, обращаясь к Шварцу: — А что думаю я?

— То, что если я и вижу, что происходит в голове

человека, то мне совсем не обязательно говорить об этом правду, — ответил Шварц.

Брови Наместника удивленно поднялись.

— Вы правы, совершенно правы. Вы подтверждаете правоту утверждений доктора Авардана и Шекта?

— Каждое слово!

— Вот как! И все же пока не будет найден второй такой, как вы, причем не заинтересованный в деле, ваши доказательства не могут иметь юридической силы, даже если мы будем полностью убеждены, что вы — телепат.

— Но это не юридический вопрос, — воскликнул Авардан, — это вопрос безопасности Галактики.

— Ваше превосходительство, — воскликнул секретарь, — я требую, чтобы этого Шварца удалили из комнаты.

— Почему?

— Этот человек, кроме чтения мыслей, обладает некоторыми особыми свойствами. Я был схвачен, потому что был парализован. Я боюсь, что сейчас он может предпринять что-нибудь подобное против меня или даже против вас.

Авардан встал, желая что-то сказать, но секретарь не дал ему заговорить.

— Нельзя быть уверенным ни в чем сказан-

ном, пока присутствует человек, который может незаметно влиять на суждения с помощью упомянутых способностей.

Энус быстро принял решение. Он отдал приказ, и Джозеф Шварц, не проявляя сопротивления, без малейших следов беспокойства на своем лунообразном лице, был уведен прочь.

Для Авардана это был последний удар.

Секретарь встал и на мгновение замер, этакая низкая зловещая фигура в зеленом, сильная в своей уверенности.

Он начал официальным тоном:

— Ваше превосходительство, вся убежденность и заявления доктора Авардана основаны на свидетельстве доктора Шекта. В свою очередь, уверенность доктора Шекта основывается на бреде умирающего человека. И все это, ваше превосходительство, все это почему-то не проявлялось, пока Джозеф Шварц не был подвергнут обработке на Синапсайфере.

Кто же такой Джозеф Шварц? Пока он не появился на сцене, доктор Шект был нормальным, спокойным человеком. Вы сами, ваше превосходительство, говорили с ним непосредственно перед тем, как появился Шварц. Было ли в нем что-либо необычное? Сообщал он вам о заговоре

против Империи? Был ли он хотя бы обеспокоен? Сейчас он говорит, что фальсифицировал результаты работы на Синапсайфере по приказу премьер-министра. Говорил ли он об этом тогда? Или только сейчас, после того, как появился Шварц? И опять-таки, кто такой Джозеф Шварц? Он говорил на неземном языке, когда был приведен впервые. Это нам удалось узнать позже, когда мы начали сомневаться в душевном равновесии доктора Шекта. Его привел фермер, абсолютно ничего о нем не знавший. И с тех пор нам так и не удалось ничего о нем узнать.

Однако этот человек обладает необычными способностями. Он может оглушить человека на расстоянии сотни ярдов простой мыслью и убить при более близком контакте. Я сам был им парализован; он манипулировал моими руками и ногами, а при желании мог бы манипулировать и умом.

И я убежден, что Шварц манипулировал умами этих людей. Они утверждают, что я держал их в заточении, угрожал смертью, что я сознался в предательстве… Однако задайте им один вопрос, ваше превосходительство. Не были ли они постоянно подвержены влиянию Шварца, этого человека, способного контролировать их умы?

Разве не может Шварц оказаться предателем? Если нет, то кто он такой, этот Шварц?

Секретарь сел с выражением торжества на лице.

Авардан чувствовал себя так, как будто его мозг поместили в циклотрон и он вращается там с увеличивающейся скоростью.

Что он мог ответить? Что Шварц из прошлого? Какие у него доказательства? То, что этот человек говорил на древнем языке? Но только он, Авардан, может подтвердить это. Да, его умом могли манипулировать. В конце концов, кто может быть уверен, что это не так? Кто такой Шварц? Что так убедило его в реальности этого плана покорения Галактики?

Он задумался вновь. Откуда эта убежденность в реальности заговора? Он был археологом и привык ставить все под сомнение, но сейчас… Результат ли это слов одного человека? Одного поцелуя? Или все-таки Джозеф Шварц?

Он не может думать. Не может!

— Итак? — В голосе Энуса слышалось нетерпение. — Вы что-нибудь хотите сказать, доктор Шект? Или вы, доктор Авардан?

Тишину неожиданно прервал пронзительный голос Полы:

— Зачем вы спрашиваете? Неужели не ясно, что все это ложь? Ох, всех нас ждет смерть, и мне все равно, но мы могли бы остановить это, могли бы… А мы вместо этого просто сидим здесь и… и… разговариваем… — Она расплакалась.

— Итак, разговор закончился истерикой, — сказал секретарь. — Ваше превосходительство, я предлагаю следующее. Мои обвинители утверждают, что вирус и все остальные плоды их воображения должны быть пущены в действие в определенное время, кажется, в шесть часов утра. Я готов неделю находиться в вашей власти. Если то, о чем они говорят, — правда, известие об эпидемии в Галактике придет на Землю в течение нескольких дней. Если подобное случится, то Земля все еще под контролем сил Империи…

— Земля — действительно прекрасная плата за всю Галактику, — пробормотал бледный Шект.

— Я ценю свою жизнь и жизни моих соотечественников. Мы — заложники, подтверждающие свою невиновность, и я готов сейчас же сообщить Совету Старейших, что по собственной воле останусь здесь на неделю, чтобы предотвратить возможные беспорядки.

Он скрестил руки на груди.

Энус с беспокойством поднял глаза.

— Я не вижу вины этого человека…

Авардан больше не мог этого терпеть. Он вскочил и со зловеще-спокойным выражением лица рванулся к Наместнику. О чем он думал, осталось неизвестным. Впоследствии он и сам не мог этого вспомнить. Да это и не имело никакого значения. У Энуса была нейроплеть, и он ею, конечно же, воспользовался.

В третий раз со времени пребывания на Земле все в Авардане взорвалось вспышкой боли, закружилось и исчезло.

Пока он был без сознания, время неумолимо двигалось вперед…

Глава 21
За роковой чертой

И вот наступило шесть часов.

Стрелки часов двинулись дальше, пройдя роковую черту.

Забрезжил свет…

Перед глазами Авардана мелькали туманные тени, исчезающие и появляющиеся, а затем приобретающие очертания.

Лицо… Глаза, глядевшие прямо в глаза…

— Пола! — Все вокруг стало ясным и отчетли-

вым. — Который час?

Он сильно в порыве чувства сжал ее руку.

— Начало восьмого, — прошептала она. — За чертой.

Он нетерпеливо оглянулся вокруг и приподнялся, не обращая внимания на жгучую боль в суставах.

Шект, сидевший на стуле, коротко и печально кивнул.

— Все кончено, Авардан.

— Значит, Энус…

— Энус, — сказал Шект, — не воспользовался случаем. Странно ли это? — Он рассмеялся сухим отрывистым смехом. — Трое, без чьей-либо помощи, узнают о гигантском заговоре против человечества, самостоятельно захватывают его организатора и отдают его в руки правосудия. Как в сказке, не правда ли? Три всепобеждающих героя предотвращают несчастье в последнюю минуту. Все, как у нас, с той лишь разницей, что никто не поверил в это. Забавно…

Авардан в смятении отвернулся. Глаза Полы, как две черные Вселенные, были полны слез. На мгновение он каким-то образом растворился в них, они стали настоящей Вселенной, сияющей множеством звезд. И к этим звездам стреми-

тельно направлялись маленькие блестящие цилиндры, поглощая в гиперпространстве световые года по точно просчитанным траекториям. Скоро, может быть, они приблизятся, войдут в атмосферу, рассыплются невидимым дождем вируса…

Да, все кончено.

Теперь ничего нельзя сделать.

— Где Шварц? — слабо спросил он.

Пола лишь покачала головой.

— Они так и не привели его назад.

Дверь открылась, и Авардан, не смирившись с мыслью о смерти, поднял глаза с проблеском надежды.

Но это был Энус, и Авардан отвернулся с жестким выражением лица.

Энус вошел, на минуту остановив взгляд на отце и дочери. Они ничего не значили для него, но каким бы коротким и жестоким ни было их будущее, то, что ожидало Наместника, было еще короче и ужасней.

Энус тронул Авардана за плечо.

— Доктор Авардан?

— Ваше превосходительство? — ответил Авардан, горько и не особенно удачно подражая интонациям обращения к Наместнику.

— Шесть часов прошло. — Энус не спал этой ночью. Его официальное признание невиновности Балкиса не давало ему уверенности в психической нормальности обвинявших секретаря.

— Да, — сказал Авардан, — прошло шесть часов, а звезды по-прежнему сияют.

— Вы все еще считаете, что были правы?

— Ваше превосходительство, — проговорил Авардан, — через несколько часов умрут первые жертвы. Их не заметят. Люди умирают каждый день. Через неделю за ними последуют тысячи тысяч. Процент выздоровления будет близок к нулю. Известные средства окажутся бесполезными. Некоторые планеты запросят помощи в борьбе с эпидемией. Через две недели к ним присоединятся десятки планет, и в ближайших секторах будет объявлен карантин. Через месяц Галактика станет скопищем людей, терзаемых болезнями. Через два месяца нетронутыми останутся около двух десятков планет. Через шесть месяцев Галактика будет мертва… И что будете делать вы, когда придут эти первые сообщения?

Разрешите мне предсказать и это. Вы отправите рапорты, что источником эпидемии могла быть Земля. Это не спасет никого. Вы объявите войну Старейшим Земли. Это не спасет никого…

Вы сотрете землян с лица этой планеты. Это не спасет никого… Или же вы станете действовать как посредник между вашим другом Балкисом и Галактическим советом или его оставшимися преемниками? Вам может достаться честь продать искалеченные остатки Империи Балкису в обмен на противоядие, необходимое всем зараженным планетам.

Энус неуверенно улыбнулся.

— Мне кажется нелепым ваш драматизм.

— О да. Я — мертвый человек, и вы — труп. Но мы будем чертовски спокойны и выдержанны, не правда ли?

— Если вы намекаете на использование нейрохлыста…

— Ничего подобного, — иронически проговорил Авардан. — Я привык к нему. Я просто не замечаю его теперь.

— Тогда я изложу все настолько последовательно, насколько смогу. Это скверная история. Было бы трудно составить впоследствии обоснованный отчет, так же, как трудно действовать сейчас без веских доказательств. Ваш голос — единственный, имеющий вес, поскольку остальные обвинители — земляне. Предположим, вы подпишете заявление, что обвинение было выдвинуто

в то время, как вы… Что же, мы придумаем выражение, которое будет объяснять ваши фантазии.

— Это будет нетрудно. Скажем, я был не в своем уме, пьян, одурманен наркотиками, загипнотизирован. Подойдет любое.

— Образумьтесь. Послушайте, уверяю вас, вы были намеренно вовлечены в это. — Он перешел на напряженный шепот: — Вы с Сириуса. Как вы могли влюбиться в землянку?

— Что?

— Не кричите. Сможете ли вы дома добиться гражданства для нее? Об этом вы думали? — Он кивнул головой в сторону Полы.

Мгновение Авардан удивленно смотрел на него. Затем он ловко схватил за горло высшего представителя имперской власти на Земле. Энус отчаянно пытался разжать его руки.

— Вот как? — проговорил Авардан. — Вы имеете в виду мисс Шект? Если да, то я хотел бы услышать уважительное обращение. А, убирайтесь… Все равно вы мертвы.

— Доктор Авардан, — задыхаясь, выговорил Энус, — считайте, что вы арес…

Дверь открылась вновь, и в комнату вошел полковник.

— Ваше превосходительство, земляне верну-

лись.

— Что? Разве Балкис не говорил с властями? Он должен был предупредить, что останется здесь на неделю.

— Он по-прежнему находится здесь, как и эти люди. Мы готовы открыть огонь, я советую это сделать как военный.

— Подождите, пока я переговорю с Балкисом. Пришлите его сюда. — Он повернулся. — Доктор Авардан, с вами я разберусь позже.

Балкис вошел улыбаясь. Он официально кивнул Энусу, ответившему ему искренним приветствием.

— Слушайте, — отрывисто проговорил Наместник, — мне сообщили, что ваши люди собираются вблизи форта. Это противоречит нашему договору… Мы не хотим кровопролития, но и наше терпение имеет границы. Вы можете заставить их разойтись мирно?

— Если пожелаю, ваше превосходительство.

— Если пожелаете? Вам лучше пожелать. И немедленно.

— Ничего подобного, ваше превосходительство! — Секретарь рассмеялся и резко поднял руку. — Теперь я здесь командир. Ты не слишком рад этому и за это умрешь! Или будешь жить

рабом, если пожелаешь, но запомни, это будет нелегкая жизнь.

Неожиданность пылкого заявления не произвела видимого эффекта на Энуса. Даже сейчас, получив тягчайший за свою жизнь удар, он сохранил спокойствие дипломата Империи, лишь в глазах появилось беспокойство.

— Значит, я потерял так много, проявив терпение? История с вирусом была правдой? — В его голосе слышалось почти отвлеченное удивление. — Но Земля, вы сами — все вы — мои заложники.

— Ничего подобного, — мгновенно ответил ему секретарь с торжеством. — Это вы и ваши люди — мои заложники. Вирус, распространяющийся сейчас по Вселенной, не миновал и Землю. Достаточное количество уже распылено вблизи каждого гарнизона на планете, включая Гималаи. У нас, землян, выработан иммунитет, но как чувствуете себя вы, Наместник? Слабость? Сухость в горле? Ваша голова горит? Если нет, то это наступит скоро. И только от нас вы сможете получить лекарство.

Долгое время Энус молчал. Его тонкое лицо неожиданно стало надменным.

Затем он повернулся к Авардану и с холодной

вежливостью произнес:

— Доктор Авардан, выяснилось, что я должен просить прощения за то, что сомневался в ваших словах. Доктор Шект, мисс Шект, примите мои извинения.

Авардан усмехнулся.

— Благодарю вас, это огромное облегчение для всех нас.

— Я достоин вашего сарказма, — сказал Наместник. — Я возвращаюсь в Гималаи, чтобы умереть вместе с семьей. Конечно же, не может быть и речи о каком-то соглашении с этим… человеком. Я уверен, солдаты Империи перед смертью выполнят свой долг, и немногие земляне останутся в живых, чтобы присутствовать при нашей смерти… Прощайте.

— Подождите. Подождите. Не уходите.

Очень медленно Энус оглянулся на звук голоса.

В дверях стоял Джозеф Шварц.

Секретарь сжался и быстро отступил назад, с неожиданным беспокойством вглядываясь в человека из прошлого.

— Нет, — прохрипел он, — вам не удастся узнать от меня состав лекарства. Лишь несколько человек знают его, а еще несколько знают, как его применять. Все они находятся в безопасности,

вне вашей досягаемости, и будут там, пока вирус не сделает свою работу.

— Они вне досягаемости сейчас, — согласился Шварц, — но вряд ли останутся там на время, достаточное, чтобы вирус начал действовать. Видите ли, вируса больше не существует.

Все молчали, не понимая его слов. Мысль, пришедшая в голову Авардану, заставила его вздрогнуть. Был ли он специально замешан во все это? Была ли это одна гигантская мистификация, в которую секретарь был вовлечен так же, как и он? Если да, то зачем?

Его раздумья прервал Энус.

— Быстрее. Говорите, что вы имеете в виду.

— Все очень просто, — сказал Шварц. — Прошлой ночью я понял, что ничего не сделаю, сидя здесь и слушая разговоры. Поэтому я долгое время осторожно воздействовал на сознание секретаря… И, наконец, он попросил, чтобы меня удалили из комнаты. Это было именно то, чего я хотел, все остальное было просто.

Я оглушил своего охранника и отправился искать взлетную полосу. Самолеты с полным снаряжением были готовы к взлету. Экипажи ждали на своих местах. Я выбрал один из них, и мы вылетели к Сенлу.

Секретарь, казалось, хотел что-то сказать, но только беспомощно открывал и закрывал рот, затем с трудом произнес:

— Но вы не могли никого заставить управлять самолетом, Шварц. Все, что вам удавалось, это приказать человеку идти.

— Да, когда это было против его воли. Но мне было известно, что люди с Сириуса ненавидят землян. Поэтому я искал летчика, который бы родился в секторе Сириуса, и нашел лейтенанта Клавдия.

— Лейтенанта Клавдия? — воскликнул Авардан.

— Да… О, вы знаете его? Да, я вижу это совершенно отчетливо в вашем сознании.

— Еще бы… Продолжайте, Шварц.

— Этот офицер ненавидел землян с такой силой, что мне трудно было его понять, даже проникнув в его сознание. Он хотел их уничтожить. Его сдерживала лишь дисциплина. Это был совершенно отличный случай. Всего лишь маленькое внушение, небольшой толчок, и дисциплина потеряла для него значение. Незаметно я забрался вместе с ним в его самолет.

— Как вы нашли Сенлу? — прошептал Шект.

— В мое время, — ответил Шварц, — существо-

вал город Сент-Луис. Он находился у пересечения двух больших рек… Я мысленно приказал лететь туда. И мы нашли Сенлу. Была ночь, но в море радиоактивности виднелся темный островок, а доктор Шект говорил, что храм представляет собой изолированный от всего оазис нормальной почвы. Мы сбросили осветительные ракеты (после моего мысленного приказа), и я увидел пятиконечное здание, информацию о котором я уловил в сознании секретаря… Сейчас там нет ничего, кроме ямы в сотню футов глубиной. Это произошло в три часа утра. Как видите, вирус отправлен не был.

Из горла секретаря вырвалось яростное звериное рычание. Он сделал попытку броситься на Шварца, но затем, согнувшись, вдруг рухнул на землю.

— Я не прикасался к нему, — тихо сказал Шварц. И, глядя на распростертое на полу тело, добавил: — Я вернулся до шести часов. Балкис должен был все рассказать. Я знал это из его сознания, но он не раскрылся. И вот он сделал то единственное, что я не заставлял его делать…

Глава 22
Лучшее ждет впереди

Прошло тридцать дней с того времени, как Джозеф Шварц вылетел из аэропорта в ночь, на которую было назначено уничтожение Галактики, слыша позади бешеный вой сирен и передаваемые приказы немедленно вернуться.

Он не вернулся, пока не уничтожил храм в Сенлу.

Героизм был признан официально. В его кармане лежала лента ордена «Солнца и звездолета» первой степени. Во всей Галактике лишь еще два подобных ордена были вручены людям при жизни.

Это уже кое-что для бывшего портного.

Конечно, никто, за исключением самых посвященных, не знал, что он сделал, но это не имело значения. Когда-нибудь в книгах по истории это отразят как яркое и незабываемое событие прошлого.

Тихой ночью он шел по направлению к дому доктора Шекта. Город был спокоен, так же спокоен, как звездный блеск над ним. В отдаленных

местах Земли еще орудовали банды зелотов, но их лидеры были мертвы или схвачены.

Первые гигантские караваны с нормальной почвой уже находились на пути. Энус вновь предложил переселить землян на другую планету, но предложение не было принято. Земляне не желали этого. Они хотели сами переделать свою планету, воссоздать дом предков, родину человечества. Они хотели своими руками заменить зараженную почву здоровой, увидеть живую зелень там, где все было мертво.

Предстояла гигантская работа, на нее могли уйти века, ну и что? Галактика пришлет машины, корабли Галактики доставят пищу. Галактика даст почву. Это — крупица того, чем могла помочь Земле Галактика с ее мощными ресурсами.

И благодаря этой помощи земляне вновь станут равными всем людям на других планетах. И вновь обретут былое достоинство. Но это все впереди…

От этих мыслей сердце Шварца радостно стучало. Он подошел к дому Шекта. На следующей неделе ему с Аварданом предстояло лететь к великим центральным мирам Галактики. Кто еще из его поколения когда-либо покидал Землю?

И на мгновение он вспомнил старую Землю,

его Землю, давно мертвую.

А для него прошло лишь три с половиной месяца…

Он остановился, готовый нажать звонок, когда его мозг уловил разговор за дверью. Как отчетливо он ощущал сейчас мысли других людей!

Это был, конечно, Авардан, его сознание было наполнено чувствами и говорило больше, чем сказанные им слова:

— Пола, я ждал и думал, думал и ждал. Я больше не могу. Ты едешь со мной.

И Пола, сознание которой было тоже переполнено чувствами, отвечала с явным колебанием:

— Я не могу, Бел. Это абсолютно невозможно. Мое происхождение и воспитание… Я буду чувствовать себя глупо на этих больших планетах. И, кроме того, я всего лишь зем…

— Не говори этого. Ты — моя жена, и все. Если кого-то интересует, кто ты и откуда, ты родилась на Земле, и ты — гражданка Империи. Если нужны дальнейшие подробности, ты — моя жена.

— Хорошо, а что будет после того, как ты посетишь свое археологическое общество на Транторе?

— Потом? Что ж, сначала мы посетим все наиболее значительные планеты Галактики, даже

если придется заказывать специальный корабль. Ты увидишь всю Галактику, это будет лучшим подарком к нашей свадьбе, который только могут обеспечить правительственные деньги.

— И затем…

— И затем мы вернемся на Землю и будем трудиться над ее преобразованием.

— Но почему ты собираешься заниматься этим?

— Потому что я люблю тебя, и это то, чего хочешь ты, и потому, что я — патриот Земли, ведь мне выдали документы почетного гражданина.

— Хорошо…

И на этом разговор прекратился.

Но мысленные контакты, конечно, не исчезли, и Шварц с радостью и некоторым смущением отошел от двери. Он может подождать. Впереди еще столько времени.

Он ждал на улице под сияющими холодными звездами, в которых угадывались целые миры Галактики.

Для себя, и для новой Земли, и для всех этих миллионов планет он вновь тихо повторял эти древние стихи:

Со мною к старости иди!

Все лучшее ждет впереди,

Жизни конец, если ты упустил начало...